Новое
слово
1896 №4.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 4

ров. 50

ЯНВАРЬ

1896.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА
3111

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Печатающіяся вторымъ изданіемъ ноябрьская и декабрьская книжки „Н. Сл.“ за 1895 годъ будутъ разосланы новымъ подписчикамъ тотчасъ же по отпечатаніи ихъ.

1896 г.—Январь № 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

1. ВОЛЧЬЯ СЫТЬ. Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы VII—XI). **В. Немировича-Данченко.** . . . . 1— 48
2. ОДНОСТОРОННЯЯ ТЕОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ. **В. Яроцкаго** . . . . . 49— 84
3. ФИЛАТКА. (Картинки минувшаго). **В. Савихина.** . . — . . 85—107
4. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . 108—133
5. ПАДЕНІЕ БИРОНА. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). **А. Брикнера** . . . . . 134—152
6. ОБМАНУТЫЯ НАДЕЖДЫ. (Повѣсть) **Р.** . . . . . 153—183
7. ИДЕАЛИЗМЪ И МАТЕРЬЯЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРІИ. **С. Ан—скаго.** 183—197
8. ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ. (М. Конопницкой), стихотв. **А. Колтоновскаго.** . . . . . 197—201
9. РИМЪ. Романъ Эмиля Золя . . . . . 202—232
10. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. (Глава XIII—XVII). *Продолженіе.* Романъ **Эллы Хепвортъ Диксонъ.** Пер. съ англ. **В. Мосоловой.** . . . . . 73—104

11. ПРАЗДНИКИ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ У ВОТЯКОВЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ. (Изъ записной книжки земскаго врача). **Н. Тезякова.** . . . . . 1— 10
12. БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). *(Окончаніе).* **Н. Энгельгардта** . . . . . 11—30
13. БЕГИНЫ И БЕГАРДЫ. (The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson). **Евг. Тарле** . . 31—65

19432
1922.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 4

ЯНВАРЬ

1896.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та
3111
им. А. И. ГЕРЦЕНА

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Печатающіяся вторымъ изданіемъ ноябрьская и декабрьская книжки „Н. Сл.“ за 1895 годъ будутъ разосланы новымъ подписчикамъ тотчасъ же по отпечатаніи ихъ.

1896 г.—Январь № 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

1. ВОЛЧЬЯ СЫТЬ. Романъ-хроника въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы VII—XI). **В. Немировича-Данченко**. . . . . 1— 48
2. ОДНОСТОРОННЯЯ ТЕОРІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ. **В. Яроцкаго** . . . . . 49— 84
3. ФИЛАТКА. (Картинки минувшаго). **В. Савихина**. . . . . 85—107
4. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . 108—133
5. ПАДЕНІЕ БИРОНА. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). **А. Брикнера** . . . . . 134—152
6. ОБМАНУТЫЯ НАДЕЖДЫ. (Повѣсть) **Р.** . . . . . 153—182
7. ИДЕАЛИЗМЪ И МАТЕРЬЯЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРІИ. **С. Ан—скаго**. 183—197
8. ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ. (М. Конопницкой), стихотв. **А. Колтоновскаго**. . . . . 197—201
9. РИМЪ. Романъ Эмиля Золя . . . . . 202—232
10. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. (Глава XIII—XVII). *Продолженіе.* Романъ **Эллы Хепвортъ Диксонъ**. Пер. съ англ. **В. Мосоловой**. . . . . 73—104

---

11. ПРАЗДНИКИ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ У ВОТЯКОВЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ. (Изъ записной книжки земскаго врача). **Н. Тезякова**. . . . . 1— 10
12. БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). *(Окончаніе).* **Н. Энгельгардта** . . . . . 11—30
13. БЕГИНЫ И БЕГАРДЫ. (The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson). **Евг. Тарле** . . 31—50

14. ПАВЕЛЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ЗАСОДИМСКІЙ. Собраніе сочиненій П. Засодимскаго (Вологдина) съ портретомъ и предисловіемъ автора, въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. А. Скабичевскаго . . . . . 51—73

15. **НОВЫЯ КНИГИ**: Евг. Максимовъ. Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Спб., 1895 г.—Сергѣй Сперанскій. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Москва, 1895 г.—А. А. Бернацкій. Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губерніи, организованныя при содѣйствіи банка пермскаго земства. Спб. 1895 г.—Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. V. М. 1895 г., С. С. Розенбергъ. Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. Спб. 1896.—Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. 6-е дополненное изданіе. Москва. 1896 г.—Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Французская литература, изданіе Павленкова. «Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. 1895 г.—Н. Телешовъ. На тройкахъ. Очерки и разсказы. Москва. 1895 г.—Всеволодъ Чешихинъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера.—А. Кругловъ: «Не герои» и «На чужомъ полѣ».—Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Спб. 1895 г. Т. I,—Рудольфъ Іерингъ. Борьба за право. Переводъ О. А. Верта. Спб. 1895 г. . . . . 74— 92

16. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Старый и новый годъ въ политическомъ мірѣ. . . . . 93—106

II. Интересы дня. Успѣхи женскаго движенія въ 1895 г.—Современная женщина во Франціи и Румыніи.—Курьезный вопросъ, кто лучшая жена: француженка, англичанка, нѣмка или скандинавки?—Положеніе русскихъ, турецкихъ и германскихъ женщинъ.—Новая женщина въ Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. . . . . 106—116

III Между журналами и газетами. В. Т. . . . . 116—123

17. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Земство и города. Я. Абрамова . . . . . 124—136

II. Нѣкоторые результаты питейной монополіи. Вл. Бирюковича . . . . . 136—145

III. Исполненіе росписи въ 1894 году. А. Котельникова . . . . . 145—154

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. I. Съ сѣвернаго Кавказа. Я. Абрамова. II. Изъ Грайворона, Курской губ. А. П—ва. III. Изъ Вологодской губ. (Страничка изъ земской жизни). А. Ш. IV. Изъ Царицына. . . . . 154—176

IV. ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. С. К. . . . . 176—198

18. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1896 г. А. К. . . . . 196—198

19. ОБО ВСЕМЪ. Баранчука . . . . . 199—206

20. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. Ж. Жюссерана] . . . . . 33— 48

21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За редактора А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

При помощи Божіей, вознамѣрились Мы, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ Нашихъ, возложить на Себя Корону и воспріять, по установленному чину, Святое Муропомазаніе, пріобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Коронованія, раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 1-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія-же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

ВОЛЧЬЯ СЫТЬ.

РОМАНЪ-ХРОНИКА.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VII.

На другой день Анны Степановны и Ѳедосьи Васильевны уже не было въ городѣ.

Онѣ простились со мною наканунѣ, и Козельская при этомъ взяла съ меня слово посѣтить ее какъ можно скорѣе. Мнѣ тоже нечего было здѣсь дѣлать. Съ Безмѣновымъ я не поладилъ. Онъ, очевидно, принималъ меня за человѣка, котораго легко обойти, и потому за максаповское имѣніе не давалъ и трети того, чего оно стоило, да и эту бездѣлицу просилъ разсрочить на пять лѣтъ. Генералъ Узорный уѣхалъ въ тотъ же день, когда я съ нимъ познакомился. Самый городъ я исходилъ и вдоль, и поперекъ, встрѣтилъ опять длиннаго мѣщанина, поинтересовавшагося: „какъ вамъ показался нашъ Акулъ Матвѣевичъ?“ А на мой отвѣтъ, что показался скверно, вздохнулъ и заключилъ: „истинно, какъ древлій василискъ. Только что обличье человѣчье на себѣ имѣетъ, а стерва, я вамъ скажу, препорядочная“, но, увидѣвъ вдали этого василиска, живо сорвалъ шапку и отвѣсилъ тому самый почтительный поклонъ. „Нельзя-съ.. Аки левъ искій кого поглотити. Что ему стоитъ!“ объяснилъ онъ. Въ садъ я спускался, но днемъ онъ не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, какъ въ ту чудную ночь. Слишкомъ уже было тихо въ немъ и пустынно. Никто не гулялъ—здѣшніе „гостюда“ привыкли у себя жить за угломъ, никуда не показываясь. Желтые присы и блѣдныя розы одни наполняли его своимъ

«новое слово», № 4, о. г. 1896.

ароматомъ. Недвижно въ свѣтѣ и зноѣ раскидывались вершины деревьевъ, ворошилась въ нихъ всякая мелкая птица, въ тѣни звенѣли комары, заслоняя застоявшійся воздухъ своими сквозными облачками,—и только. Даже цвѣтовъ некому было рвать. Они сами осыпались кругомъ. Только выходя отсюда, я наткнулся на батюшку. Я поклонился ему. „Безлюдно у васъ!“—заговорилъ я.—Точно что народъ смирный. Въ такомъ даже саду не гуляютъ...—Потому, господинъ пріѣзжій, у каждаго здѣсь, у себя, благораствореніе. Домики-то съ собственными вертоградами. Незачѣмъ подъ чужія кущи ходить. Свои смоковницы обрѣтаются!—„Да вотъ вы же пришли?“ — Я по спеціальному предмету, лѣкарственныхъ травъ искать. Нуда въ костяхъ и свербленіе...“

Покоя, котораго нѣсколько дней назадъ я такъ искалъ, было здѣсь въ волю, но я не зналъ уже, куда мнѣ отъ него дѣваться. Даже съ Герасимомъ вступалъ въ разговоры, но и тотъ былъ когда-то половымъ въ Москвѣ и потому на все здѣсь смотрѣлъ свысока. „Одно невѣжество черное, помилуйте...“ Меня потянуло прочь отсюда. Я поѣхалъ въ максановское имѣніе и оттуда рѣшилъ навѣстить Анну Степановну. Лошадей я нанялъ у старообрядца, который и самъ собрался со мною. Въ степи было жарко, но съ запада нѣтъ-нѣтъ, да и струилась нѣжная прохлада. Оттуда на темную синеву неба, строгаго и знойнаго, тянулись облачка, таявшія и сгоравшія ярко и ослѣпительно подъ безпощаднымъ солнцемъ. Въ сухой травѣ, которая, подуй посильнѣй вѣтеръ, вся разомъ разсыплется пылью, звенѣли и стрекотали кузнечики, надъ нею медленно и низко, сѣрыя и серебристыя, носились сквозныя „коромысла“, такія же сухія, какъ и трава подъ ними, кое-гдѣ выскакивали и при видѣ моего экипажа замирали на заднихъ лапкахъ суслики. Высоко, высоко надъ степью ныряли въ небесахъ большія хищныя птицы и порою на тонкія телеграфныя проволоки садились пестро и красиво расписанныя ракши. Райская—издали, а подойдя, носъ зажмешь, такой отъ декоративной летуньи запахъ. Тѣмъ и спасаются отъ орловъ и кречетовъ. Неподвижностью и тайною вѣяла степь. Отъ ея безмолвной печали все падало внутри, ни въ душѣ, ни въ сердцѣ не просыпались желанія и мечты. Никуда не тянуло, ничего не хотѣлось. Казалось, что и въ головѣ звенятъ сухо и скучно тѣ же куз-

нечики. Дорога ложилась не прямо, а то сворачивала вправо, то влѣво, капризно и глупо. По такой цѣлинѣ ее бы можно было линейкой проложить, а она точно змѣя завивалась...

— Отчего прямо не ѣхать?

— Така путина.

— Зачѣмъ ее такъ проложили?

— Кто-жъ ё знаетъ... Да и не прокладалъ никто... Волы прошли, а за волами и кони бѣгутъ. А волы николи тебѣ прямо не возьмутъ. Мотаетъ башкой — да и норовитъ стороною...

— И жилья никакого?

— Кому жить. Припекъ... Вотъ тамъ въ балкѣ будетъ строеніе.

— Постоялый дворъ?

— Нѣтъ, такъ... Старушки наши спасаются... Какъ бы монастырь...

— Можно заѣхать къ нимъ отдохнуть?..

— Странныхъ принимаютъ... Тамъ и лошадей покормимъ...

Я не безъ нѣкотораго интереса ожидалъ встрѣчи со „старушками“. До сихъ поръ этихъ добровольныхъ иноки древляго благочестія я зналъ только по разсказамъ да по очеркамъ нѣкоторыхъ писателей, имѣвшихъ возможность изучить ихъ хотя и съ оффиціальной стороны. Такъ что, когда дорога круто сбѣжала въ самое логово тѣнистой и прохладной балки, и мой экипажъ, подскакивая и кряхтя на ней, каждую минуту готовъ былъ сорваться внизъ, я зорко смотрѣлъ впередъ, не увижу-ли, наконецъ, тихой и мирной пристани, про которую мой возница выразился кратко: истинная благодать.

— Ты проклятаго зелья не палишь?

— Что такое?—не понялъ я.

— Цыгарками не балуешься?

— Терпѣть даже не могу.

— Вотъ, дай тебѣ Богъ здоровья! это хорошо... И старушекъ нашихъ, значитъ, не обидишь. Онѣ страсть этого не любятъ. Потому, самъ знаешь, наѣдутъ это, бываетъ, чиновники и сейчасъ давай подъ образами палить чертову травку. Имъ смѣхъ, а старушкамъ огорченіе. Святые лики-то жупеломъ этимъ поганить — хорошо?.. Ему самому, господину съ кокардой, цѣна грошъ, да и то ломаный, а онъ надъ живой душой изгиляется. Да еще какъ!

А прежде и того хуже случалось. Колокольчикъ, бывало, еще вонъ гдѣ звенитъ, а старушки ужъ въ подвалы прячутся отъ разоренія Мамаева. Налетитъ Иродъ, да пьяный, и сейчасъ давай половицы подымать, а самъ бранится, самъ плюется, ногами что твой конь топочетъ и кулачищами прямо къ образу и подобію Божьему лѣзетъ... Вытащитъ за хвосты старушекъ, и начинается тутъ свѣтопреставленіе. Самъ оретъ, онѣ плачутъ—содомъ и гоморра! И кандалами, и Сибирью пужаетъ. У васъ, говоритъ, бѣглые—подайте мнѣ ихъ. Да откуда тебѣ взять ихъ, коли всѣ вышли. Я у васъ, у подлянокъ, камня на камнѣ не оставлю... Не приведи Богъ. Безъ войны, другъ милый, войну видѣли...

— А теперь не пужаютъ?

— Полегчало. Потому у насъ тихо. Ну, страхъ-то чувствуемъ—не ровенъ часъ. Тоже и Богу молиться съ оглядкою надо. Старыя книги у насъ прежде были да образа—ихъ сожгли. Лѣтъ тридцать тому — самъ видѣлъ, какъ горѣли ясно да чисто угодники... Дымокъ-то прямо къ небу... Нонѣ полегчало: становой заѣдетъ благообразно, чаю напьется, даже о духовномъ бесѣдуетъ. Батюшка изъ города когда. Ласковый. „Вы, говоритъ, невѣжды, а я вами не гнушаюсь, хотя по сану моему могъ бы вамъ большія непріятности содѣлать“. Матушка съ нимъ — потому у старушекъ ужъ очень ягоды для варенья хороши, нигдѣ такихъ нѣтъ...

Вдали сквозь тополи мелькнулъ какой-то домикъ, другой.

Тамъ, должно быть, услышали насъ—на крыльцо выбѣжала молодая, румяная дѣвка и опрометью кинулась въ другой домъ. Оттуда, минуту спустя, вышла маленькая фигура вся въ черномъ и направилась къ намъ навстрѣчу.

— Мать... не бось... По своему дѣлу господинъ ѣздитъ.

Та вскинула на меня слезившіеся глаза, сплошь терявшіеся въ тысячахъ морщинокъ.

— Здравствуйте.

— Богъ милости прислалъ... Здѣсь только покормимъ и дальше.

— Куда везешь-то, Савелій?

— Въ Максановское.

— Самоваръ прикажете?

— Пожалуйста.

— Они табаку не палятъ...—предупредилъ Савелій.

— Феська... Ступай вздуй... Чай свой и сахаръ? А то и у насъ есть. У Безмѣнова въ лавкѣ беремъ хорошій, для господъ. Сами-то не потребляемъ. Хотя и нѣтъ грѣха, а все сумлительно. Откуда еще возятъ его, чай. Боязно, опоганишься...

— Устинья здѣсь?

— Что ей... Нонѣ у насъ бѣда, Савелій.

— Ну?

— Закладаться надо... Денегъ нѣтъ, а на садъ да на огороды понадобились. Столько нужи всякой.

— Какъ же вы?

— Куда же, окромѣ Безмѣнова... Одинъ у насъ...

— Глазъ-то у ево—съ запаломъ!..

— Сами знаемъ, какой онъ человѣкъ. Первымъ дѣломъ по формѣ все. Пріѣзжалъ—осматривалъ строеніе наше. Землю вы, говоритъ, старушки, мнѣ продайте совсѣмъ, а за постой я съ васъ мало буду брать. А самому такъ и меледнтся, какъ бы у насъ на рѣчкѣ въ два постава меленку вывесть.

— Ловкій... На сто саженъ скрозь землю видитъ.

— Завтра будемъ совсѣмъ закладаться, въ городу. Страшно, а какъ онъ обидитъ насъ, старушекъ?

— Будь спокойна—онъ обидитъ.

— Не пожалѣетъ?

— Онъ-то... Скорѣе нечистый пожалѣетъ. Змій пронзительный. Теперь у него во всѣ мѣста лапа запущена. Всѣ подъ нимъ ходимъ. Вотъ у меня заведеніе, пять телѣгъ да три тройки, и то онъ обзавидовалъ. Опослѣ пожара съ добродѣтелью своей накинулся. Я, говоритъ, тебѣ помогу. Ну и помогъ. Теперь каждый день ему цѣлковый подай. Полтину за процентъ, а полтину въ капиталъ. Вотъ и живи... И меня съ семьей онъ съѣстъ. Банка у насъ. Сунулся я, было, въ банку, а въ банкѣ опять же онъ сидитъ. Я къ Шлюхину. Такъ и такъ, говорю, былъ у Безмѣнова, а теперь къ тебѣ...

— Шлюхинъ добрѣе.

— Какже!.. „Нешто я, вишь ты, смѣю противъ Безмѣнова идти? Да онъ изъ-за тебя и меня не помилуетъ. Мы и живемъ, покель Вакула Матвѣевичъ терпитъ... Нѣтъ, ужъ, говоритъ другъ, иди къ нему. Пущай онъ съ тебя свою пользу

сниметъ, а мнѣ ему поперекъ дороги соваться нельзя, потому онъ человѣкъ могущественный"...

Въ горницѣ у „старушекъ" была такая чистота, къ какой меня вообще не пріучила русская дѣйствительность: полы вымыты, на столахъ вязаныя салфетки безъ пятенъ, на окнахъ цвѣты, а подъ потолкомъ сухіе пучки мяты и полыни и еще какія-то другія мнѣ неизвѣстныя лѣкарственныя травы. Ни таракановъ, ни прусаковъ, зато даже и днемъ нѣсколько тяжелую тишину этого дома наполняло унылое пѣніе сверчковъ. Въ переднемъ углу стоялъ простенькій кіотъ съ образами, къ крайнему моему удивленію, новаго письма въ фольговыхъ окладахъ. Передъ сумрачными ликами иконъ горѣли лампады. Молодая краснолицая дѣвушка съ большими на выкатѣ сѣрыми глазами низко поклонилась и опустила длинныя рѣсницы. Сидѣвшая около кіота другая „старуха" тоже поднялась.

— Ты бы, мать, вела туда... Въ тотъ домъ,—тихо проговорила она.—Тамъ паратнѣе...—объяснила намъ она.

— Нѣтъ, что-жъ, Устинья... Они табачкомъ не занимаются. Святаго мѣста не испоганятъ.

— А ну... Благослови, Господи, ежели такъ.

Тутъ даже мухъ не было. Я въ ожиданіи самовара сѣлъ. Савелій мялся у дверей.

— Ты же чего не садишься?—обернулся я къ нему.

— А нешь можно?

— Почему нельзя?

— А ты не засудишь? Потому неровенъ часъ, спаси, Господи! На какого господина—наступишь. Мы тоже видали примѣры.

— Садись, садись. Чаю напьемся.

— Чаемъ я балуюсь... Грѣхъ—малый... Не слѣдовало бы, ну, да Господь нашу слабость проститъ. Такъ вы, мать, сказываете, что таперича никакъ вамъ отъ Вакула Матвѣевича не уйтить?

Устинья, сидѣвшая въ углу, даже руками всплеснула.

— Камо иду... Камо бѣгу!..

— Точно что... Покажетъ онъ вамъ себя. Человѣкъ дошлый. Къ ему только попади подъ начало—у него всякая вина будетъ виновата.

— Богу молились—не помиловалъ... Испытуетъ...

— Да, съ Безмѣновымъ точно что претерпите... Что же онъ, собака, сладко пѣлъ поди?..

— Чего, чего ужъ... Сиренъ!..

— Во, во! Жмурится только, точно котъ на солнце.

— Я, говоритъ, пріючу вашу старость.

— Ёнъ пріючитъ... Это вѣрно.

— А самъ все глазами бѣгаетъ... Обошелъ деревцо всякое... Загодя ужъ распоряжается.

— Да, можетъ, выплатите.

— Не знаемъ... Вотъ Феську пошлемъ въ Москву къ благодѣтелямъ, можетъ и вызволятъ.

И опять тишина, истовая, молитвенная. Даже самоваръ запѣлъ здѣсь и зашипѣлъ съ медлительною важностью, недопускавшею никакого легкомыслія. Къ чаю подали хорошаго масла и отличныхъ сливокъ, и Феська изъ другого дома принесла еще горячую коврigу прекрасно выпеченнаго хлѣба.

— Съ Богомъ... кушайте во славу...

— А вамъ чаю... Устинья?.. какъ васъ по батюшкѣ?

— Филипповна. А только мы чаю не вкушаемъ. Осуждать не осуждаемъ, но сами воздерживаемся. Богъ съ нимъ, съ чаемъ. Сказываютъ его на вельбудѣ изъ китайскаго царства везутъ нечистые эфіопы. И покланяются они златымъ тельцамъ, а Бога отвращаются, и служатъ имъ демоны лютые въ капищахъ...

Слѣповатенькая старушка ужъ къ намъ подсѣла, выпѣвая удивительныя свѣдѣнія о ходѣ чайныхъ каравановъ, какъ Феська опять встревоженно вбѣжала въ горницу.

— Спаси, Господи... Колокольцы, матушка.

Устинья встревожилась...

— Кому бы?.. Приготовь, дѣвушка, въ той избѣ... Поди, табашники да сквернословы изъ города.

— Каково это старушкамъ!—качалъ головой Савелій.— Благолѣпіе у нихъ, тишина, точно въ раю — и вдругъ наѣдутъ пьяныя морды, громогласіе пойдетъ... Несыть всякая...

Но отъ „пьяныхъ мордъ и несыти“ на сей разъ этотъ своеобразный скитъ былъ избавленъ судьбою. Колокольчики слышались громче и громче. Чей-то тарантасъ тихо подкатился къ крыльцу, и Феська, вскочивъ на одно мгновеніе къ

намъ, кинула: Акула Матвѣичъ, и опять швыркомъ исчезла въ дверяхъ.

— Вотъ и я!.. почтенныя старушенціи...

Безмѣновъ сразу не узналъ меня. Закрестился на образа, увидѣлъ самоваръ и улыбнулся.

— Дозвольте къ вашему чаю съ своей мадерой... А, это вы?

И онъ ребромъ протянулъ мнѣ громадную и корявую лапу.

— Слышалъ я, въ максановскую вотчину изволите?

— Да... Самъ увижу, чего она стоитъ.

— Ужъ тамъ что увидите, а только безъ меня ее никто у васъ не купитъ...

И Безмѣновъ откровенно засмѣялся, съузивъ свои косые калмыцкіе глаза.

— Отчего?

— Посмотрѣлъ бы я, кто бы посмѣлъ. Мы здѣсь всѣ хорошо живемъ, рука за руку. Я вамъ, а вы мнѣ. Кто теперь сидитъ на максановской землѣ?—Безмѣновъ. Ну, значитъ, Безмѣнову и владѣть оною.

— Въ Петербургѣ продамъ.

— Ну, это какъ... Слухи-то отсюда собирать станутъ. Положимъ, въ Питерѣ деньги слѣпыя, глупыя деньги... А ужъ безъ меня не обойдетесь.

— Самъ куплю!—на удачу сказалъ я.

У Безмѣнова даже скулы вздрогнули.

— Развѣ что сами.—Онъ зорко всматривался въ меня, видимо прикидывая, хватитъ ли у меня пороху на такое дѣло.—Развѣ что сами. Только вамъ, какъ благородному человѣку, не зачѣмъ съ землей мараться. Земля—дѣло черное, а вы столичный господинъ.

— Нѣтъ, отчего-же? Мы и съ Максановыми такъ рѣшили—коли здѣсь мало дадутъ, я самъ возьму у нихъ.

— Да за что давать-то. За раззоръ?.. Удитите сами... Опять и то? люди вы умные, а здѣсь придется вамъ съ дураками жить, и притомъ неблагополучно у насъ. Народъ воръ, разбойникъ народъ. Поджигатель, душегубъ...

Савелій лукаво мигнулъ мнѣ.

— И начальство подозрительное.

— Что же ему подозрѣвать?

— Какъ хотите. Статочное-ли дѣло: извѣстный госпо-

динъ, и вдругъ на землю садится! Бывали у насъ примѣры и нехорошо кончалось.

— Ну, я этого не боюсь.

Онъ опрокидывалъ въ себя чашку за чашкой горячій чай. Точно у него зѣвъ и горло были вылужены — не обжигался. Пилъ мадеру, которая мнѣ казалась настоенною на какомъ-то звѣробоѣ, крѣпкую, захватывавшую дыханіе. Когда я выразилъ изумленіе, гдѣ дѣлаютъ такую, Безмѣновъ серьезно пояснилъ: это у меня старшій сынокъ иностранныя вины производитъ.. Для кишки полезно-съ! Глотая чай, онъ кидалъ пристальный взглядъ на старушекъ, причемъ тѣ каждый разъ вздрагивали и смотрѣли на него, какъ очарованные кролики на удава.

— Надумались, старушенціи?

Одна колыхнулась, хотѣла было что-то сказать, но только ротъ открыла.

— А вы бы поскорѣе, пока я доберъ. По крайности безъ меня никто васъ здѣсь оправдать не можетъ. Вотъ ты мать къ Шлюхину ходила—ну, что-жъ онъ тебѣ сказалъ? Тѣмъ-же трактомъ да назадъ...

Кончивъ чай, онъ перекрестился.

— Дозвольте еще мнѣ посмотрѣть.

Въ горницѣ отъ самовара стало нѣсколько душно—я вышелъ вмѣстѣ съ Безмѣновымъ.

— Ужъ давно я цѣлюсь на это мѣстечко... Старухи глупыя, развѣ онѣ понимаютъ, сколько съ него снять можно? При деньгахъ ежели. Тутъ вотъ меленка...

Рѣчушка здѣсь бѣжала быстро по наклонному дну, влага играла шаловливыми струйками.

— Меленка... А на меленку вѣдь и всю тысячу надо.. Потомъ — вотъ гдѣ мы съ вами чай пили—ежели кабакъ устроить—разлюбезное дѣло!..

— Кто же у васъ водку тутъ пить будетъ?

— Въ прохладѣ. Всякому лестно, помилуйте.

— Да народу нѣтъ.

— Здѣсь-то?.. Нынче да-съ. А весной да осенью страсть: кипитъ степь. И за три мѣсяца, если заведеніе хорошее и цѣловальникъ съ башкой, оно оправдать себя можетъ. Дурацкое дѣло не хитрое... А вы съ умомъ!—повторялъ онъ любимую поговорку. — Съ умомъ, говорю. Вся

окрýга привернтся потому, Господи, слава Тебѣ! Гдѣ же и пить? Зелень тутъ, воздухъ легкій, птичка поетъ, цвѣточки, рѣчка веселая. Одно слово — рай! Для кабака уготовано — по окрýгѣ другого такого угла не сыщешь. Тамъ трактиръ съ распивочной продажей... Органъ можно дешевый изъ городу, потому что ежели къ такому раю да „подъ вечеръ осени ненастной“ пустить, такъ у меня всѣ мужичишки вотъ какъ обопьются. А тамъ кабакъ простой для самой чернеди. На разные вкусы. Я вамъ скажу-съ, на хозяйскій глазъ, золотое дно здѣсь!.. Подъ деревьями скамеекъ поставить на пять цѣлковыхъ,—изъ города господа станутъ пріѣзжать, благородныя вина пить. А хотите къ такому зрѣлищу да арфистокъ припустить, такъ у меня и чиновники обалдѣютъ въ лучшемъ видѣ...

Очевидно Акула Матвѣевичъ пришелъ въ такой восторгъ, что ужъ не могъ скрыть отъ меня своихъ вожделѣній относительно быстрѣйшаго уловленія человѣковъ.

— А если старушки вамъ отдадутъ долгъ?

— Ну, гдѣ это бываетъ? У насъ на окрýгѣ, будемъ прямо говорить, завязилъ ты хвостъ, и петля тебѣ. Никакъ ты отъ меня не выкрутишься. Первая причина — уйтить тебѣ некуда. Всѣ способы у меня предусмотрѣны. Потому я, какъ полководецъ. Вдарился ты вправо—у меня капканъ, влѣво на тебя силокъ поставленъ, впередъ—а тамъ такая тебя западня ждетъ, суньси, сейчасъ дубиной по лбу, назадъ прямо надо сказать—кончина праведная. Ну, вертись на мѣстѣ и жди отъ меня распоряженія, куда я тебя опредѣлю. Тутъ вѣдь главное—душу знать... Ты придумываешь—а я ужъ вижу и препону ставлю... Вверхъ ежели — и вверху для тебя сѣтка найдется да еще какая! Воронамъ скрозь нее не пролетѣть, нежели человѣку ходъ она дастъ.

Меня удивила его откровенность, но потомъ, встрѣчая такихъ же, я привыкъ къ ней. Люди совсѣмъ обезстыженные. Наготы каинской не прячутъ. Стоитъ ли съ вами врать еще да притворяться! Каковъ я есмь, такого и получай! А коли воняетъ отъ меня—носъ зажми, я не обижусь, потому что мнѣ на тебя плевать. Захочу я и тебя уловлю, и ты у меня волчкомъ завертишься. Коли есть у меня деньги, такъ я завсегда правъ, что же мнѣ передъ тобою хвостъ павлиномъ

распускать. И вниманія не возьму. Это твое дѣло стараться понравиться мнѣ, а не мое.

Въ цѣльномъ по своему типѣ Безмѣнова мнѣ одно являлось непонятнымъ. Было противорѣчіе, котораго я никакъ себѣ объяснить не могъ. Этотъ каменный человѣкъ, замѣшанный на дрожжахъ исключительно одной наживы и только наживы, акула хватавшая повсюду и лакомые и нелакомые куски и недавившаяся ими, вдругъ ощутила въ себѣ великодушный порывъ и на моихъ глазахъ отдала Аннѣ Степановнѣ пять тысячъ на школу, самое назначеніе которой едва ли было ясно Вуколу Матвѣевичу. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него, рѣшая эту задачу и, признаюсь, никакъ совладать съ нею не могъ. Нужно было прикинуться, чтобы выудить у него признаніе, въ силу чего онъ взялъ да и выбросилъ такую прорву денегъ.

— Умпая вы голова, Вуколъ Матвѣевичъ! А и за вами есть глупости, да какія!

— Примѣрно?—даже остановился онъ, видимо не ожидая такого оборота.

— Да вѣдь на моихъ глазахъ вы Аннѣ Степановнѣ, Богъ вѣсть на что, пять тысячъ швырнули...

— Ха!.. Это точно... Сынъ у меня чуть не померъ, какъ узналъ. Вы, говоритъ, папенька все равно что псу подъ хвостъ деньги-то. Видишь ты—Анна Степановна такой человѣкъ... Съ ней по-другому надо По-особому. У меня на нее своя мѣрка положена. Тоже супротивъ такой бабы съ простой дубиной не пойдешь. Скрозливая дама. Ты только еще намѣтилъ, а она ужъ и развязала петлю и надъ тобой же смѣется... Не пять тысячъ, а будемъ такъ говорить, двадцать пять, и то я ей зажмурясь дамъ, изъ полы въ полу. Первое—глупаго дѣла она не задумаетъ... А второе—Богъ вѣсть, какъ потомъ-то обернется. У насъ свои разсчеты. Мы эти-то пять тысячъ еще въ расходъ не вывели. Случаемъ можетъ онѣ ко мнѣ назадъ прилетятъ, точно журавли весной, да еще съ приплодомъ. Умна она точно, а все же баба...

Я даже вздрогнулъ.

Въ тонѣ Безмѣнова вдругъ сказался какой-то холодный разсчетъ, и въ эту минуту мнѣ вдругъ стало страшно за Козельскую.

— Не знаешь впередъ, откуда коку съ сокой выдавишь...

Не зѣвай главное. Дурацкое дѣло не хитрое, а ты съ умомъ!..

Потомъ, точно опомнившись, онъ зажмурился и сопя поясннлъ.

— Опять же и о душѣ надо подумать. Не все же подъ себя, да подъ себя. Наши родители на колокола жертвовали, краснымъ околышамъ здря барашковъ въ бумажкахъ совали, ну, а мы на школу. Самое теперича модное дѣло... Тамъ будетъ видно!.. А баба она... Ежели бы по нашему вдовству Господь такую послалъ—умирать не надо. Стѣна каменная!.. На всякаго человѣка своя дубина есть. На кого стоеросовая, ну а на другого... а впрочемъ это вамъ Савелій закладаетъ лошадей.

— Да!..

— Можетъ, и я въ Максаново загляну... Мы тоже умственныхъ людей любимъ... Счастливаго пути. Вамъ пора, чтобы засвѣтло. Савелій, ты барина, смотри, летомъ! Самъ знаешь, какія дороги дальше. Ночью пропадешь на ней. Чортъ ѣздилъ да и тотъ рога сломалъ...

Я расплатился со „старушками“.

Савелій моталъ головою.

— Что ты?

— Такъ... Плететъ Акула Матвѣичъ паутинку... Плететъ! Всѣ у него въ кулакѣ мы зажаты... Только пискни, онъ сейчасъ изъ тебя сокъ пуститъ!.. Должно быть, до самой до смерти подъ нимъ ходить. Тамъ лучше будетъ... А ему-то на томъ свѣтѣ не то, чтобы... А только я такъ думаю,—и Савелій засмѣялся,—онъ-то, купецъ Безмѣновъ, и тамъ обернется... Склизкій. Никакъ за него не ухватишься!

VIII.

Еще часа два мы ѣхали по хорошей дорогѣ, но потомъ она точно разомъ оборвалась. Трудно передать, какая каторга ждала меня отсюда. Экипажъ то становился на одно колесо, то на другое, падалъ впередъ, откидывался назадъ, каждую минуту я ждалъ, что онъ разлетится на куски. Мостовая, которою въ качествѣ головы Акула Матвѣевичъ облагодѣтельствовалъ свой родной городъ, была паркетомъ въ сравненіи съ этимъ ужасомъ. Савелій благоразумно сошелъ

съ облучка и направился рядомъ съ конями, пѣшкомъ. Я, было, подождалъ еще—ужъ очень усталъ за эту дорогу, но потомъ какая-то сила снизу приняла мою голову за молотокъ и начала ею разбивать кибитку, а потомъ подхватила меня и давай растирать мною сидѣнье. Пришлось и мнѣ выйти. Кони едва вывозили таратайку, гремѣвшую, стучавшую, взвизгивавшую и стонавшую на каждомъ шагу.

— Савелій, что это такое?

— Максановскія земли пошли...

— Да вѣдь Безмѣновъ по контракту обязанъ поддерживать дороги?

— А вотъ скоро увидите, какъ онъ твою контракту соблюдаетъ... Онъ те исправитъ—не обрадуешься!

И дѣйствительно—дальше пошло еще хуже.

Акула Матвѣевичъ придумалъ своеобразный способъ постройки дорогъ. Онъ свезъ на нихъ жердей, оставшихся за ненадобностью послѣ срубленнаго лѣса, навалилъ ихъ въ безпорядкѣ, поперекъ на „шоссе“ и сверху присыпалъ землей. Послѣ перваго же дождя земля расползлась киселемъ, оставивъ что-то невообразимое.

— Сколько тутъ коней покалѣчено—страсть!

Направо я встрѣтилъ мужиковъ, они ѣхали долиною. Смотрѣли они такими несчастными и захудалыми, что мнѣ вчужѣ страшно стало. Я еще не видѣлъ подобныхъ оборванцевъ! Испитыя безнадежныя лица у однихъ, злыя, раздраженныя у другихъ... Избы!.. Но какія же эти были избы. Онѣ напоминали лохмотья, въ какія были одѣты крестьяне. Сквозь расшатавшіяся бревна можно видѣть разоренное нутро ужаснаго жилья... Крыши содраны кое-гдѣ. Не только нищета, но отчаяніе, безнадежность были вездѣ и на всемъ.

— Да какъ же они зимою, Савелій?

— Обкладаются навозомъ... Степлѣетъ—навозъ въ избу сочится—дѣтишки мрутъ!..

Вотъ оно—безмѣновское хозяйство!

Я вспомнилъ Максановыхъ въ Петербургѣ прошлою осенью. Какіе, повидимому, добрые, хорошіе люди, какъ они прекрасно разсуждаютъ о меньшемъ братѣ, о народѣ, а что они сдѣлали сами, пустивъ сюда на свои земли такого паука, какъ Акула Матвѣевичъ? Въ моихъ ушахъ точно въ явь зазвучали чудесныя рѣчи объ общемъ благѣ, о

свободѣ, любви, добрѣ и правдѣ. Посмотрѣли бы эти краснобаи, какую свободу, добро и правду развелъ у нихъ Безмѣновъ. Не подлость-ли, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть въ Петербургѣ, когда твои обязанности здѣсь, внутри Россіи, въ захолустьяхъ, забытыхъ Богомъ и людьми, въ глуши, гдѣ волчьей жадности кулака никто не поставитъ никакой преноны? Нѣтъ у тебя силы и умѣнья—откажись отъ земли, отдай ее и уйди, а не покрывай своимъ добродушіемъ, прекрасными намѣреніями и громкими словами всей этой мерзости запустѣнія. Піявка, паукъ, злодѣй... Да кто же даетъ силу и просторъ ему, какъ не высокообразованные, почтенные люди, удалившіеся изъ страшнаго царства человѣческихъ страданій, подобно Пилату благородно умывшіе руки. У нихъ, видите-ли, потребности высшаго порядка, а обязанностей—никакихъ? Не думаю, чтобы Безмѣновъ забралъ бы такую силу и воспиталъ бы въ себѣ непомѣрную жадность, еслибы Максановы сидѣли по мѣстамъ и ограничивали Акулу Матвѣевича во всѣхъ его вожделѣніяхъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все здѣсь было хуже и хуже. Истинное мамаево разореніе. Вырубленныя рощи, оголѣвшая, вся въ плѣшинахъ и какихъ-то мокрыхъ лишаяхъ земля, точно всю ее захватило экземой; скотъ тощій, будто онъ поднялся изъ могилы... Не коровы, а призраки, не кони, а скелеты. Захирѣлое покорное, раздавленное... Я какъ-то разомъ понялъ, что тутъ уже поздно спасти что-нибудь. Все кругомъ приговорено къ смерти, и нѣтъ силы, которая могла бы отмѣнить такой приговоръ. Мякинныя бабы худыя и сизыя, съ распухшими животами, вырождающіяся, сѣрыя дѣти безъ смѣха и, какъ мнѣ казалось, безъ голоса... Вѣдь существуетъ же тутъ гдѣ-то, рядомъ, Анна Степановна. Одна въ полѣ воинномъ! А еслибы такихъ было много?..

— Да какъ же жить тутъ?—невольно восклицалъ я, все далѣе и далѣе погружаясь въ это безнадежное царство отчаянія.

— Живутъ... а больше помираютъ! Бѣгутъ тоже отсюда. Да куда уйдешь-то, на кажный кусокъ хлѣба по десяти ртовъ вотъ какъ разинуто!

Самое Максаново, очевидно, было когда-то выстроено на широкую ногу. Улица его протянулась на версту, должно быть и избы были славныя, прочныя, просторныя, нѣкоторыя въ два этажа выведены, но во что это обратилось теперь!

Каждая зіяла открытыми ранами. Содраны крыши, только ребра ихъ уцѣлѣли—какъ у палаго изглоданнаго волками коня; заборы сняты—сожгли ли ихъ въ печахъ, или продали? Дворы откровенно показывали каждому всю свою нищету. Рѣдко, рѣдко телѣга торчала,—чаще ничего не было тутъ. Все съѣдено, пропито, продано за недоимку. При въѣздѣ на пустомъ мѣстѣ стоялъ кабакъ, при выѣздѣ красовался другой, и оба принадлежали Безмѣнову. Пьяный мужикъ попался на улицѣ, но и тотъ какъ-то нелѣпо тыкался во всѣ стороны, поматывая головою. Ослизлыя бабы смятенно совались у крыльца, но и имъ было нечего дѣлать, не къ чему рукъ приложить. Вся жизнь этого угла казалась какою-то непонятною загадкой. У второго кабака при выѣздѣ галдѣла толпа народа. Мой Савелій поглядѣлъ и плюнулъ.

— Волостной судъ!

— Ну?

— Сами видите—старички... Либо имъ водку ставь, а то отпорятъ. Одна у нихъ у подлецовъ политика.

— Только пьетъ народъ?

— Какъ гдѣ! Хорошо живутъ—не пьютъ, съ хорошаго житья въ кабакъ не пойдешь. Ну, а гдѣ мужикъ въ раззоръ попалъ, тамъ точно... Потому нельзя не пить. Тверезаго-то въ петлю потянетъ, либо въ омутъ. Ну, а пьяному что! Море по колѣно.

— Неужели это ихъ одинъ Безмѣновъ такъ?

— А то кому же еще? И всѣ такъ будемъ! Кои еще дёржутся и то на послѣдяхъ. За Безмѣновымъ-то Акула Матвѣевичемъ сыновья идутъ. А при нихъ не приведи Богъ, какая держава будетъ. Этотъ кровь пьетъ, а тѣ прямо норовятъ зубами за горло. Отцу все одно, а тѣ музыку любятъ.

— Какую музыку?

— А чтобы мужику больно было, чтобы мужикъ плакалъ... Первые они охотники.

— Да развѣ мужикъ плачетъ?

— А то нѣтъ!.. Какъ еще... Иной разъ подъ Безмѣновскими окнами стоятъ ходоки—и такъ-те ревутъ, словно бабы. Милости просятъ... Смотрѣть страшно. Самъ не знаешь, куда отъ нихъ удариться.

— Ну, и что же?

— Старикъ терпѣть этого не любитъ. Сейчасъ либо на-

супится, либо заднимъ ходомъ вонъ изъ дому. А дѣтямъ первое удовольствіе.

— Что вы разсказываете!

— Вотъ те Христосъ! Выдутъ это сыновья-то на балконъ, сядутъ и слушаютъ. Иной разъ баба самоваръ имъ туда подастъ. Еще смѣются. Вотъ-де какъ мы мужицкую шкуру ловко тронули, до самаго нутра прошло!

— И не боятся?

— Чего-жъ имъ бояться? Бога?.. Такъ вѣдь Богъ-то долготерпѣливъ. Богъ все ждетъ, авось они очухаются. У него расправа-то не на этомъ свѣтѣ. А до того-то на поповъ шибко надѣются. Отмолятъ попы!

— А начальство?

— Какое? Все у него въ кулакѣ зажато. У насъ здѣсь начальство малое. Само только Акулъ Матвѣевичемъ и дышитъ. Дастъ онъ имъ вздохнуть—слава те, Господи, а не дастъ—живьемъ помирай. Что они противъ него могутъ? Тоже и они вѣдь пироги любятъ. Шабаршево сколько противъ него держалось! Хорошее село. Верстовъ семь отсюда будетъ. А ты теперь на него посмотри. Бѣжитъ народъ! Словно отъ язвы. Ловко онъ прибралъ къ рукамъ его. Купилъ землю кругомъ, лѣсъ, луга,—ну, шабаршевцамъ и вздохнуть нельзя. Либо колѣй, либо бѣги... Горе одно... И чѣмъ далѣй, тѣмъ хуже.

— И не боится ничего?

— Онъ-то?.. Его всѣ боятся... А ему, что!

— Да вѣдь озлобятся, спалить могутъ!

— Пали, сдѣлай одолженіе! Ему въ удовольствіе, потому у него каждое колышко застраховано. Онъ еще и съ этого свою выгоду сниметъ. Да и народъ духомъ упалъ. Потерялся мужикъ, точно рыба на берегу зѣваетъ да томится. Кокни ее въ голову—благодѣтелемъ будешь. Одно слово, господинъ, кругомъ вода. Вотъ дѣла-то какія у насъ!..

— Гдѣ же максановскіе сады? Вѣдь мы выѣхали изъ села?

— Сады?— Савелій засмѣялся.— Это кто тебѣ про сады-то мололъ?

— Сами хозяева.

— Эвона. Ихъ уже лѣтъ восемь какъ и званія нѣтъ!

— Что съ ними случилось?

— Гляди вонъ—усадьба. Окрýгъ, словно зеленое облако, стояла чаща... несосвѣтимая. Краса богоданная была. Что тутъ фрухту́да цвѣту—Господи, помилуй. Издали ѣдешь—всего тебя какъ и оболокаетъ. Не въ рай-ли попалъ, думаешь. Ну, такъ вотъ тебѣ—все это чудо явленное мошенникъ Безмѣновъ топоромъ свелъ. Деревья были здѣсь сотни лѣтъ холенныя. За другими какъ за младенцами, господа ходили. Ранжереи эти, ягодники—ничего не осталось, ни синь пороха́! Точно паломъ прошло... Вотъ онъ каковъ, нашъ Акула Матвѣевичъ.

У меня сердце сжалось.

Я вспомнилъ разсказы въ Петербургѣ объ этихъ садахъ. Издали еще они манили въ свои заповѣдныя чащи, въ дрему и прохладу ароматныхъ аллей, на версты раскинувшихся вокругъ барскаго дома. Зеленыя поляны съ могучими купами деревьевъ, чистые пруды, гдѣ кишмя кишѣла всякая рыба...

— А пруды?

— Кои гніютъ, а кои онъ спустилъ подъ огороды. Капусту развелъ тамъ... Да вотъ самъ повидаешь..

Домъ издали казался большимъ и красивымъ, но чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ изъяны его выступали рѣзче и уродливѣе. Колонны, на которыхъ покоились балконы, потрескались, облупились, двѣ или три рухнули, и крыша криво повисла, того и гляди раздавитъ неосторожнаго. Окна зіяли безъ стеколъ. Заплатанная кровля была безобразна, трава росла на крыльцѣ, двери за нимъ настежъ...

— Да тутъ и остановиться негдѣ.

— Нѣтъ... Кажись, осталось двѣ горницы, для самого Безмѣнова, когда наѣзжаетъ... Эй... Э-охъ!!—заоралъ Савелій въ пространство,—хрещеные...

Точно вымерло все...

Изъ комнатъ донесся гулъ; я сообразилъ, что это эхо отъ Савельева крика. Пустынныя въ сумракѣ онѣ хмурились за окнами. Даже собака не отозвалась—видимое дѣло здѣсь нечего было сторожить. Ямщикъ слѣзъ и вошелъ въ дверь. Я ждалъ съ четверть часа. Какая-то птица влетѣла въ зало и вылетѣла съ другой стороны... Вѣтеръ протянулся съ села сюда, застоналъ въ домѣ, засвисталъ въ его трубахъ и заснулъ опять. Наконецъ, вдали показался Савелій съ длин-

нымъ и худымъ парнемъ, на лицѣ котораго я прочелъ откровенное изумленіе.

— Сказываютъ тебѣ, отъ хозяевъ баринъ пріѣхалъ.

— Отъ какихъ хозяевъ?

— Отъ господъ Максановыхъ. Проснись, халда...

— Мнѣ просыпаться нечего,— дерзко отвѣчалъ онъ.— Я хозяина своего знаю, Вукола Матвѣевича.

— Безмѣновъ только арендуетъ,—хотѣлъ-было я напомнить ему.

— Это до насъ не касающе... А только безъ него чужихъ пускать не велѣно. Этакъ всякій шататься начнетъ.

Савелій обернулся, разводя руками.

— Ты читать умѣешь?..

— Пошто?

— У меня есть письмо отъ г. Максанова.

— Хоша-бы...

— Что хоша-бы...

— Что же письмо! Почемъ я знаю—можетъ, вы его сами написали?

Я началъ выходить изъ себя.

— Не наше дѣло... Мало-ли кто съ воли пріѣдетъ... Каки-таки письма...

Савелій подошелъ ко мнѣ.

— Никакъ иначе, что Безмѣновъ писалъ ему: не пущать.

— Урядникъ здѣсь?

— Должно быть...

— Съѣзди за нимъ, Савелій...

— Что-жъ что урядникъ, — разсуждалъ сторожъ. — И урядникъ супротивъ Вукола Матвѣевича не пойдетъ, потому отъ него и уряднику свое положеніе. Сказано не пущать невѣдомыхъ людей! Еще есть-ли у тебя паспортъ?.. Какой ты такой человѣкъ?.. Ишь тоже распорядитель. Много вашего брата...

Но тутъ ужъ моего терпѣнія не хватило.

— Молчи!

Парень оторопѣлъ...

— Я что-жъ... Мое дѣло...

— Бери чемоданъ. Сейчасъ же... Покажи мнѣ, гдѣ тутъ есть уцѣлѣвшія комнаты. Савелій, напой и накорми лошадей.

Я здѣсь не останусь. Тутъ все обворовано. Поѣдемъ къ становому, пусть онъ произведетъ опись всему. Кто грабилъ—ты или Безмѣновъ—все равно.

— Мы этому не причинны... Мое дѣло наемное...

— Показывай домъ...

— Да что его показывать? Не на запорѣ.

— Какъ не на запорѣ?

— Да что запирать-то?.. Запирать нечего...

Въ самомъ дѣлѣ, не только нечего да и нечѣмъ. Изъ дверей всѣ замки вынуты. Остались только гнѣзда, гдѣ прежде были винты. Парень на мой вопросъ пояснилъ, что какъ Вуколъ Матвѣевичъ сталъ „въ городу“ домъ строить, такъ всѣ замки поснималъ... „Такъ оно дешевше, нежели покупать“... Туда же пошли лампы, мебель... Изъ большой залы вывернутъ паркетъ. Старые ковры, картины, бронза украсили стѣны Безмѣновскаго дворца, даже багеты содралъ со стѣнъ. Въ гостиной на мѣстѣ большого камина зіяла какая-то громадная рана.

— Неужели и каминъ увезъ?

— Отчего не увезти—увезъ. Своя рука владыка.

— А библіотека тутъ была?

— Какая?

— Книги...

— Книги?.. Точно что... Онѣ въ подвалъ свалены...

— Покажи мнѣ.

Право, все окружающее казалось мнѣ дикимъ сномъ. До тѣхъ поръ я никогда до такой степени ясно не могъ себѣ представить, что значитъ торжествующее чумазое невѣжество. Теперь оно было передъ мною въявѣ, ничѣмъ не прикрытое, откровенное... Полы стонали подъ нашими ногами. Если могли быть дома, посѣщаемые привидѣніями, то теперь такой именно я обходилъ. Въ его ужасномъ запустѣніи чудилось что-то не отъ міра сего, зловѣщее, враждебное. Посреди срубленныхъ садовъ и оголенныхъ полей—домъ этотъ гнилъ, какъ трупъ, выброшенный на пустырь!.. Когда парень открылъ передо мною дверь подвала, меня отбросилъ въ сторону страшный запахъ оттуда. Чего-чего тутъ не было! Видимое дѣло, среди истлѣвавшихъ грудъ драгоцѣнныхъ старинныхъ книгъ, сваленныхъ, какъ сваливаютъ мусоръ—безпорядочно и безмысленно, плодились цѣлыя стаи мышей.

Дождь затекалъ въ окна, и теперь еще тамъ, гдѣ не гнили книги, можно было различить какую-то топкую, вонючую грязь... Въ кучахъ книгъ торчали рамы.

— А это что?

— Картины... которыя нестоющія.

У меня дыханіе захватило.

— Какъ нестоющія?

— Потому Вуколъ Матвѣевичъ, какія картины поновѣе, попестрѣй, тѣ къ себѣ перевезъ, а старыя сюда приказалъ свалить. Потому, говоритъ, рамки-то и на растопку не годятся.

Это картины первоклассныхъ мастеровъ. Я вспомнилъ, какъ гордились ими Максановы! Сколько разъ они говорили мнѣ о сокровищахъ, хранящихся въ ихъ домѣ! Я хотѣлъ было вытащить ближайшую, но парень меня остановилъ.

— Никакъ нельзя туда.

— Почему?

— Не дойтить... Страховато... Тутъ гнуса этого-самаго тысячи...

— Какого гнуса?

— Мышовъ, крысъ. Живьемъ съѣдятъ... Да и грязи по поясъ...

Мнѣ плакать хотѣлось при видѣ этого разоренія.

— И никакихъ книгъ не осталось наверху?

— Никакихъ. Потому Вуколъ Матвѣевичъ настрого приказали—все это дермо вали сюда.

— Ну, а тутъ были картоны съ рукописями? Понимаешь—листы, отъ руки писанные.

Максановы хвалились своимъ замѣчательнымъ собраніемъ автографовъ, дневниковъ, писемъ.

— Все въ кучѣ-съ... Да теперь, я думаю, ни одного листика цѣлаго не осталось...

Я похолодѣлъ, поднимаясь наверхъ.

Вотъ эта „буржуазія“ разуваевскаго типа, идущая на смѣну вчерашнимъ богамъ! И боги хороши! Не страшно-ли за все, чему привыкли вѣрить и молиться цѣлыя поколѣнія, ради чего жили они, надъ чѣмъ они плакали и смѣялись! Страницы, вызывавшія восторженныя слезы, величайшія созданія генія, вѣхи длинной исторіи человѣческаго ума, трофеи его безкровныхъ побѣдъ,—что съ ними?.. Сегодня Безмѣновы

еще не почуяли всю свою силу—завтра они сознаютъ ее. Что можетъ спасти тогда и науку, и искусство? Какъ понимаетъ этотъ толстошкурый, ощетинившійся и глупый дикарь правду, добро, свободу и красоту?.. Проходя по двору, я наткнулся на какой-то кусокъ бѣлаго мрамора, торчавшаго въ пыли.

— Это что?

— Да у господъ тутъ безстыжая баба въ голомъ видѣ стояла-съ.

Чудная копія Венеры Капитолійской, привезенная изъ Рима.

— Ну?

— Вуколъ Матвѣевичъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, а потомъ приказалъ при себѣ разбить топоромъ и выбросить. Отъ грѣха, говоритъ, подальше...

Въ судьбѣ этой четвертованной богини мнѣ невольно чудилась будущность всего, что когда-то было и дорого, и свято...

Больше мнѣ ужъ ни на что не хотѣлось смотрѣть.

IX.

— Наконецъ-то!.. А я васъ заждалась!

Должно быть, Анна Степановна у себя услышала колокольцы моей тройки и вышла на крыльцо встрѣчать меня, вся свѣжая, бодрая и сильная, именно такая, какою я и ожидалъ ее увидѣть.

— Гдѣ это вы пропадали?

— Какъ Чичиковъ ѣздилъ по гостямъ.

Она мнѣ протянула обѣ руки, и послѣ всѣхъ недавнихъ впечатлѣній такъ пріятно было видѣть эту женщину, жившую и работавшую неустанно не для себя одной.

— Ну, и что-жъ?.. Чѣмъ васъ утѣшило наше захолустье?

— Почти ничѣмъ!

— Хотите чаю до обѣда?

— Не откажусь...

Наконецъ-то, я попалъ къ людямъ! Козельская и сама жила, и другимъ давала жить. Это сейчасъ же чувствовалось. Я не говорю объ обездоленныхъ Безмѣновымъ максановскихъ земляхъ. Такого ада я больше не встрѣчалъ, но и у остальныхъ было нерадостно. Вездѣ нужда, съуженная до послѣд-

ней степени жизнь, лишенія, грязь, отсутствіе необходимыхъ для образованнаго человѣка предметовъ. Ни книги, ни журнала, ни малѣйшаго вниманія къ умственнымъ и нравственнымъ вопросамъ. У одного хозяина изъ университетскихъ даже газеты не было—вмѣсто нея почему-то женскія выкройки изъ „Нивы“ валялись; всюду—заплесневѣлыя чернильницы, низменныя потребности и первобытная грубость ихъ удовлетворенія. „Надо говорить правду, свиньями живемъ!“ сознался бывшій юристъ московской alma mater. „Въ безсонную ночь—чешешься-чешешься, вспомнишь молодость—такъ жутко и страшно станетъ, что на каждый крюкъ съ аппетитомъ смотришь. Къ чему учился? зачѣмъ работалъ? Вѣдь никому отъ меня добра, и прежде всего себѣ самому“. Уголки были небогатые, разумѣется. Неурожаи, недоимки, отсутствіе рынка для сбыта, сосѣдство Безмѣнова и его алчной стаи подрывало всѣ усилія, и только въѣхавъ въ предѣлы, за которыми сказывалось такъ или иначе вліяніе Анны Степановны, я немного отдохнулъ душою. Нужда не такъ сквозила въ прорѣхахъ народнаго хозяйства. Разумѣется, не рай былъ кругомъ, но и не адъ все-таки. Мужикъ смотрѣлъ спокойно, въ немъ сказывалось больше достоинства. Баба была не гнилая, запуганная, сизая, а крикливая, суетливая, потная, какъ и слѣдуетъ ей быть въ деревнѣ на работѣ. Изба похожа на настоящую избу, изъ хорошаго лѣса строена, и крыша на ней цѣла, и дворъ не разхлестанъ. Скотъ—не изъ картона вырѣзанный. Коня незачѣмъ подпирать съ обѣихъ сторонъ—самъ на ногахъ держится. Корова важная, и вымя у нея грузное—значитъ, и дѣти съ голода не мрутъ. И вдругъ—совсѣмъ небывалое явленіе: у Безмѣнова—„гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ“, а тутъ, напротивъ, вмѣсто кабака наткнулся я и глазамъ не повѣрилъ: „чайное заведеніе Анны Козельской“. Посмотрѣлъ и думаю: „реклама“, для отвода глазъ... Вошелъ—нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, настоящій мужикъ и на трехъ собственноручныхъ китахъ блюдце держитъ. Видимо распарило ему красную рожу, и шума нѣтъ. Все чинно, „благородно“, какъ выразился мѣстный урядникъ. Исправно кругомъ. Смотрю дальше—несгораемыя избы. Это уже изобрѣтеніе самой Козельской. Выведены изъ соломы, пропитанной глиной. Обложи кругомъ сухими дровами и зажги—не тронется такое жилье, цѣло будетъ. И

тепло въ немъ—хорошо „жаръ держитъ“! И чисто, хотя мужика, первѣйшаго русскаго консерватора, все на старую деревянную стройку позываетъ... Даже жалуется своеобразно. Говоришь ему: отлично у васъ, грязи нѣтъ, воздухъ легкій, свѣтло... „Что ужъ,—шипитъ старикъ изъ передняго угла,—что ужъ. Княжецкія палаты — и тараканъ не живетъ... Не любитъ ихъ тараканъ!“ Вотъ поди и разсуждай, о чемъ человѣкъ жалѣетъ—о тараканѣ! И тутъ были бѣдняки, да еще какіе, но вѣдь идиллій только у поэтовъ найдешь, а въ дѣйствительности ихъ нѣтъ. А вотъ, что хорошо было, такъ хорошо; кулаку здѣсь не удалось пустить корни. Которые мужики побогаче и рады бы забрать сосѣда въ ежевыя рукавицы, согнуть его въ бараній рогъ да заставить на себя кишки выматывать — не тутъ-то было. Случись у сосѣда нужда—онъ не къ мужику пойдетъ, а къ Аннѣ Степановнѣ: та поможетъ, и поможетъ не глупо, а по-божески. „Она и себя не забудетъ, тоже даромъ не дастъ, и тебя въ раззоръ не пуститъ. По-доброму! И ей ладно, и намъ не горько!“ Земля здѣсь обработана совсѣмъ иначе, чѣмъ у Безмѣнова и ему подобныхъ. Тамъ видѣнъ каторжный трудъ изъ-подъ неволи, а тутъ на себя люди старались. Новь поднята—точно бархатъ лежитъ, комья размельчены, землю между пальцевъ растирай. Нивы густыя, пышныя и въ нихъ не видать чорныхъ шишечекъ дикаго чесноку и всякой иной сорной дряни, отъ которой хлѣбъ хоть выкидывай вонъ, ничего онъ не стоитъ... Когда я сказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ Аннѣ Степановнѣ—у нея даже голубымъ огонькомъ глаза засвѣтились.

— Вотъ видите... значитъ, и я не даромъ жила. Кой-чѣмъ и меня помянутъ.

Ей была пріятна похвала. Я замѣтилъ, что она не разъ даже наводила на это разговоръ.

— Трудно было вамъ пріучать народъ къ чаю?

— Нисколько... Они привыкли. Вы думаете, серьезный мужикъ на настоящемъ дѣлѣ—пьетъ? Я вамъ вотъ что скажу: еслибы кто-нибудь нарисовалъ карту сравнительнаго пьянства въ Россіи, то наиболѣе сгущенныя краски ея пришлись бы на самыя бѣдныя мѣста. Не потому, что тамъ народъ пропился, а потому, что пьютъ тамъ, гдѣ жить нельзя. Отъ нищеты, отъ безработицы, отъ безнадежности, отъ обиды—вотъ отъ чего пьютъ.

— А на сходкахъ, старики?

— Положимъ, на сходахъ и у меня бываетъ, но это такъ, праздникъ! Душу отвести хотятъ... Вѣдь и вы сойдетесь съ пріятелями—бутылку, другую краснаго вина выпьете, шампанскаго... Положимъ, и я его люблю, только не сухое,—засмѣялась она.—Ну, а мужикъ не по нашему созданъ, что-ли? Въ этомъ зла еще нѣтъ. Вотъ, если онъ за водку себя самого продаетъ, и старики въ этомъ заводчики—дурно. Такъ это у Безмѣнова только и найдете. Не иначе!.. Вы мнѣ про максановскія земли разсказываете. А я вамъ скажу, что тутъ Безмѣновъ, пожалуй, и не виноватъ. Нельзя же требовать отъ человѣка, который въ конюшнѣ выросъ, чтобы отъ него розами пахло! Такъ и онъ. Еслибы ваши прекрасные люди, высокообразованные гг. Максановы жили здѣсь, была бы на него, на Вукола Матвѣевича, узда. А теперь онъ—владыка. Ни ему указу, ни ему удержу. Косн все кругомъ подъ ноги. Пей чужую кровь!.. Съ максановскихъ-то дѣлъ онъ и въ ходъ пошелъ. Такъ что ваши родственники первыми преступниками являются здѣсь. Это легкое дѣло сидѣть въ Петербургѣ да за границей и хорошія слова говорить, знамена выкидывать, чужимъ бѣдамъ издали сострадать. А вотъ сюда милости просимъ, на самое дѣло.

— Ну, а васъ, вы думаете, Безмѣновъ не съѣстъ?..

— Меня?.. Зубы сломаетъ!

— Дай Богъ!

— Что это вы такимъ тономъ говорите?

— Мнѣ кажется, что у него и на васъ ротъ разинутъ.

— Пусть попробуетъ. А отчего вамъ кажется?

Я ей передалъ разговоръ съ нимъ у „старушекъ“.

Она нахмурилась.

— Ишь песъ!.. Это онъ не въ первый разъ. Да, вѣдь, такъ бахвалится. Пусть его!

— То-то я и боюсь, какъ бы эти пять тысячъ не обошлись вамъ слишкомъ дорого.

Она расхохоталась.

— А вѣдь вы правы. Онъ далъ и опомнился. Прислалъ мнѣ письмо. Проситъ ему за это землю отдать, на которой будетъ стоять *его* школа. Онъ ужъ ее загодя своей считаетъ.

— Что же вы?

— Да вѣдь клочекъ. Пускай... Своего дѣла не испортитъ.

— Смотрите!

— Не бойтесь. Такимъ путемъ я его еще не разъ заставлю на школу раскошелиться. Онъ мнѣ ее и выстроитъ.

— Охъ, пустили вы его ноготкомъ зацѣпиться.

— Ничего. Онъ очень нуженъ. Между нами—у него вездѣ заручки. Сильно можетъ напакостить, если захочетъ. Вы знаете, вѣдь, мы всѣ только терпимы. Насъ могутъ прихлопнуть каждую минуту, ну, а Вуколъ Матвѣевичъ Безмѣновъ — считается однимъ изъ самыхъ надежныхъ столповъ.

— Хорошъ надежный!

У Анны Степановны на всемъ лежала печать дѣловитости и вкуса. Ея письменный столъ былъ убранъ по-мужски. Даже вмѣсто прессъ-папье на счетахъ и скучныхъ, пестрѣвшихъ цифрами бумагахъ лежали обрубки рельсъ, узлы толстаго желѣзнаго каната, образцы какихъ-то породъ, сглаженныхъ съ одной стороны. Тутъ были календари, справочныя книги, словари; висѣли на стѣнѣ таблицы, стояли шкапы съ папками. За то въ слѣдующей комнатѣ начиналось царство красивой и умной женщины. Мягкая мебель, обитая атласомъ, недурныя картины, купленныя въ Петербургѣ и Москвѣ на выставкахъ, и, что̀ меня душевно порадовало, не тѣ, которыя были расхвалены присяжными оцѣнщиками искусства—газетными рецензентами. Рояль съ нотами, лежавшими около на этажеркѣ. Одна тетрадь ихъ была развернута; очевидно Козельская только-что разбирала ее. Я подошелъ и узналъ симфонію Чайковскаго. На столахъ—альбомы, изящныя изданія, много книгъ, ничего общаго неимѣвшихъ съ тѣми, которыя я видѣлъ въ кабинетѣ. Тутъ жилось хорошо и со вкусомъ. Даже чѣмъ-то эпикурейскимъ было пропитано все кругомъ. Я замѣтилъ это хозяйкѣ, она разсмѣялась.

— Что хотите! Старое сказывается. Здѣсь я отдыхаю, а тамъ работаю...

— Что бы вамъ сказали строгіе пуристы труда?

— Правду говоря, меня вообще мало интересуетъ, что и гдѣ болтаютъ про меня. А въ то же время не кажется-ли вамъ, что, отогрѣвшись здѣсь, невольно дѣлаешься добрѣе. Не такъ сурово относишься къ другимъ. И имъ отъ этого легче...

— Вашимъ вообще недурно живется.

— Ну, это какъ понимать?.. Тоже разносоловъ у насъ нѣтъ. Теперь, напримѣръ, грибы поднялись—всѣ на грибахъ

сидятъ. А мясо да кашу только тотъ, кто у меня работаетъ, получаетъ! Нѣтъ, нѣтъ, мало, еще очень мало сдѣлано. Все-таки между тѣмъ, что у меня,—повела она глазами на свою гостиную,—и этими голыми избами—бездна.

— А вы думаете возможно ее наполнить?

— Теперь нѣтъ... Да вѣдь тутъ личная воля моя или ваша—ничто. Круглый нуль. Вотъ когда они сами пожелаютъ этого добиться, да силу для этого почувствуютъ. У меня тогда поубавится—за то имъ легче будетъ. А пока...

— Анна Степановна...—доложила горничная.

— Что тебѣ?

— Сторожъ пришелъ... Коней крестьянскихъ загнали.

— Опять съ полей?

— Да-съ.

— Пусть поставитъ ихъ въ конюшню. Да накормитъ. Это постоянная исторія! У Безмѣнова нарочно и огородокъ никакихъ нигдѣ. Луга съ полями перепутаны. Ему „потрава“ даетъ большой доходъ.

— А у васъ?..

— Вотъ завтра заставлю хозяевъ постоять часа два у крыльца. А потомъ отдамъ. Что-жъ имъ дѣлать? Пастухи вѣдь—малыши, а лошадь глупа,—ей не внушишь понятій о собственности. Да и убытка-то самая малость,—у меня сторожа отличные. А съ сосѣдями лучше всего въ добрыхъ отношеніяхъ жить. Я тутъ одна вѣдь, и попхнему „баба“. Разумѣется, еслибы, какъ въ прошломъ году, у меня табунъ цѣлое поле испортилъ—ну, тогда дѣло другое. Я ихъ заставила отработать, да и своихъ сторожей наказала. А большею частью—лучше добромъ да согласомъ. Народъ совѣстливый. Если его не ожесточишь, онъ самъ вину чувствуетъ. Вотъ еще гость!..

Я ничего не слышалъ; по привычкѣ къ тишинѣ деревенскихъ комнатъ у Козельской развился слухъ. Черезъ минуту и я различилъ звонъ колокольчиковъ, а еще немного спустя увидѣлъ, какъ къ крыльцу подкатила коляска съ Ѳедосьей Васильевной...

— Ну, и жара!—вся расплылась та...

— Повѣсить бы тебя въ сушильню.

— Я и то уже думала!—смѣялась толстуха.

— Кто у тебя?—спросила она, снимая легкую шелковую накидку отъ пыли.

Анна Степановна назвала меня.

— Я думала, Иванъ Федоровичъ...

И я разслушалъ отголосокъ разочарованія въ этихъ словахъ.

— Вѣрно, и онъ пріѣдетъ!

— Вотъ я ему надеру уши,—зачѣмъ опаздываетъ.

— А твой мужъ?

— На работѣ. Онъ едва-ли будетъ. Да вѣдь съ нимъ скучно... Никуда онъ въ обществѣ негожъ... Здравствуйте!

Я поклонился.

— Вѣдь вотъ ничего не дѣлала, а устала!.. Сейчасъ пойду къ Аннѣ въ спальню и лягу.

— Погонять бы тебя каждый день на кордѣ по часу. Живо бы свою лѣнь сбросила.

— Ты думаешь, это отъ лѣни?

— А то какъ?

— Отъ тѣла скорѣе...

Я тоже отправился къ себѣ. Мнѣ нужно было кое-что записать, кое-кому отправить письма, кое съ чѣмъ разобраться. Моя комната выходила въ тѣнь и прохладу большого и краснваго сада. Словно завороженныя стояли раскидистыя деревья, въ просвѣтахъ ихъ вершинъ голубѣли чистыя небеса и чернѣли неуклюжія шапки вороньихъ гнѣздъ. Тѣни ложились широко и художественно, какъ складки на платьѣ старыхъ статуй, и трава подъ ними дремала, храня въ зеленой гущѣ свѣжесть и прохладу утра, давно ужъ на открытыхъ мѣстахъ разгоряченнаго безпощаднымъ солнцемъ. Какая-то птичка жалобно-жалобно посвистывала вверху, точно пѣняла на великую, сдѣланную ей, несправедливость. Откуда-то гудѣло—въ родѣ большого махового колеса, и на этомъ однообразномъ фонѣ забравшаяся на вѣтку цикада выдѣлывала скрипучія и все-таки пріятныя фіоритуры. Дѣйствительно, послѣ максановской мерзости запустѣнія здѣсь рай...

— Еремка!—оралъ издали дѣтскій обиженный голосъ.

— Чи-иво?

— Ты что, шельма, барскую ягоду жрешь?..

— А тебѣ жалко?

— Вотъ погоди... Надерутъ вихры-то!.. Постой у меня!

— Ладно, ты пымай сначала...

— Кашу ѣсть придешь, клятой!..

Опять все тихо, только гудитъ колесо и роятся гдѣ-то

пчелы... Даже цикада смолкла... Чу, сухія вѣтки хрустятъ... А просвѣты неба все синѣе и синѣе, и бережнѣе, какъ великое счастье, хранитъ трава свою свѣжесть и прохладу... Тише и тише жалуется птичка... Смолкла и она, и все будто притаилось передъ невѣдомымъ, гдѣ-то въ недосягаемой вышинѣ свершающимся необъятнымъ таинствомъ. Я придвинулъ кресло къ окну и замеръ въ немъ. Такъ было хорошо — ни о чемъ не думать, не заботиться, не печалиться. Жить со всѣми кругомъ одними растительными процессами, точно и черезъ твое тѣло проходятъ, какъ сквозь эти деревья, творческіе соки матери земли.

X.

Вечеръ тонулъ въ червонномъ золотѣ заката. Передъ нѣгою ночи, которая уже поднимала на востокѣ свое, смежившее вѣки лицо, небо поблѣднѣло точно отъ устали или отъ страсти. Голубые тоны сбѣгали прочь отъ заливавшихъ его розовыхъ волнъ. Черныя на огнистомъ заревѣ стояли зубчатыя вершины деревьевъ, и между ними уже просыпались сквозные, сумеречные призраки, такіе легкіе, что подъ ними даже не гнулись тонкіе кончики травы и ласковыя головки безчисленныхъ цвѣтовъ. Я люблю вечеръ въ саду и въ полѣ, но не въ комнатахъ. Наше тоскливое сумерничаніе безъ свѣта, въ склепахъ, гдѣ лица кажутся только-что сбросившими саваны, не по душѣ мнѣ. Анна Степановна прислала сказать, что *они* всѣ въ саду. „Кто они?“ — спросилъ я дѣвушку, передавшую мнѣ это. — Гости... У насъ, баринъ, живутъ весело! — „Еще бы невесело“, пришло мнѣ въ голову. Еще бы невесело, когда у нея щеки налились кровью и глаза горѣли такою жизнью, что невольно прощалось и ея слишкомъ уже круглое лицо, и нелѣпый носъ пуговкою съ откровенными, какъ у бульдога, ноздрями. Еще бы невесело! Я вышелъ изъ комнаты. Прохлада уже плыла, смѣшиваясь съ запахомъ цвѣтовъ между деревьями, и, казалось, тысячами пальчиковъ болѣе нѣжныхъ, чѣмъ лепестки мака, дотрогивалась до меня. Во всемъ мерещилось что-то не только живое, но и одушевленное. Чувствовали эти трепетавшіе отъ сладостнаго восторга листы, понимали красоту и блескъ вечера цвѣты, голубыми, желтыми и красными огоньками го-

рѣвшіе кругомъ. Особенно васильки—они теплились синимъ полымемъ, точно каждую секунду собиравшимся потухнуть. Побѣлѣвшія уже небеса полны такой страшной тайны, что въ ихъ священную глубину боязно смотрѣть...

Я скоро различилъ смѣхъ, угадалъ голоса Ѳедосьи Васильевны и Анны Степановны и вмѣстѣ съ ними чей-то красивый баритонъ. Я направился туда, но когда я добрался до бесѣдки, гдѣ они сидѣли, ихъ уже не было, а разговоръ слышался въ сторонѣ, въ широкой аллеѣ, уходившей къ рѣкѣ. Подъ этою аллеею густился мракъ и холодокъ. Я остался въ бесѣдкѣ. Тутъ было хорошо, и меня никуда не тянуло. Отсюда видно, какъ таинственныя руки ночи одну за другою зажигаютъ звѣзды въ вышинѣ, какъ бѣлые хлопья тумана въ травѣ сползаются, сливаются, растутъ и, свиваясь, медленно несутся куда-то... Вотъ моя хозяйка идетъ назадъ... Нѣтъ, не она—должно быть, Ѳедосья Васильевна, потому что подъ ея ногами громко хруститъ песокъ и еще громче съ сухимъ трескомъ ломаются сучья, упавшіе съ деревьевъ. Грузная дама, толстопятая, хотя и съ маленькими ножками. Она тяжело отдувалась... Ее позвали издали..

— Чего вамъ?—кричала она.

— Куда ты?

— Я домой... На минуту. Скажу твоей Глашѣ, чтобы самоваръ ставила...

— Приходи опять!..

— Какъ же, приду!—тихо, сама для себя проговорила она.—Очень мнѣ нужно мѣшать вамъ—слѣпа я, что-ли?

И она съ перевалочкой, по-утиному направилась туда, гдѣ желтыми и тусклыми глазами оконъ въ ночную темень смотрѣлъ уже неразличимый домъ. Я хотѣлъ ее окликнуть, да лѣнь было, и притомъ Славкина меня нисколько не занимала. Размазня изъ институтокъ—такихъ тысячи. Черезъ нѣсколько минутъ за нею явилась сюда Анна Степановна. Она шла подъ руку, съ кѣмъ—я не могъ расмотрѣть. Я поднялся, чтобы выйти на встрѣчу имъ, какъ вдругъ до меня донеслось полностью.

— Однако, еще недѣлю назадъ ты любила меня!

Показаться мнѣ теперь было бы величайшею нескромностью. Я думалъ, что они минуютъ бесѣдку, а они какъ разъ сѣли около.

— Мало-ли что... Недѣлю назадъ — срокъ большой.

Голосъ Анны Степановны звучалъ непріятно и рѣзко. Точно сухія вѣтви у нея хрустѣли въ горлѣ. Кашлянуть, что-ли? А чего же до сихъ поръ молчалъ?

— Большой? Для тебя?—съ укоромъ спросилъ ее красивый баритонъ.

— Хотя бы!.. Что я тебѣ отчетомъ обязана? Хотѣла—любила...

— Да что же случилось...

— Ничего. Дунуло вѣтромъ и унесло...

— Ужъ не этотъ-ли пріѣзжій... Писатель вѣдь тоже... Чортъ его...

Она расхохоталась.

— Онъ тутъ непричемъ.

— Послушай, Аня... Ты мучишь меня, притворяешься...

— Вотъ тебѣ крестъ, какъ говоритъ моя Глаша, взаправду.

— Да за что же?..

— Глупо... За что я тебя любила—сама не знаю, зачѣмъ разлюбила... Я не ожидала отъ тебя. Вѣдь тебѣ хорошо было со мною, весело... да?.. Ну, чего же тебѣ больше? Я дала тебѣ нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ, и самой мнѣ не дурно было... И довольно...

— Для тебя любовь—одно развлеченіе.

— А то дѣло?

— Сердца ни на грошъ... Вся ты таблица умноженія!

— Иванъ Федоровичъ...

— Что Иванъ Федоровичъ?.. Я не знаю, чего я тутъ сижу. Плюнуть мнѣ...

— Браво... Прикидывался рыцаремъ!..

— Съ тобой не стоитъ. Я не вѣрилъ тому, что говорили...

— Что именно?

— А то...

— Ну, вотъ что, другъ мой... Я въ васъ всмотрѣлась за это время. И ничего въ вашей душѣ неяснаго для меня не осталось. На первыхъ порахъ я думала: настоящаго человѣка нашла. Успокоиться на васъ хотѣла. Женой бы не сдѣлалась—въ кабалу никогда и ни къ кому не пойду, и пророку Исаію такой радости не доставлю... А такъ по волѣ вольной... Вы,

Иванъ Федоровичъ, орломъ мнѣ казались. Думала, никакой на васъ силы нѣтъ. Вы помните, какъ вы разговаривали—крыломъ по небу— вонъ какъ. Духъ у меня захватывало. Я, какъ глупая мереть, и пошла на наживку. И что-жъ? Мой-то орелъ—мокрою курицей оказался. Живьемъ въ руки Безмѣнову дается и сладко кудахтаетъ даже... Все это въ васъ призрачное было. Какъ у актера—король, полководецъ, а смоетъ румяна да домой придетъ, его кухарка бьетъ полѣномъ. Слякоть вы всѣ, вотъ что... Душа у васъ малая, и какъ посмотришь кругомъ, такъ этотъ же Иродъ Безмѣновъ—богатырь рядомъ... И вотъ что, Иванъ Федоровичъ: дорогъ на свѣтѣ много. Я по одной, вы по другой. Ни зла, ни горечи у меня противъ васъ—я ошиблась, и только. Да и не знаю—любила-ли васъ... Такъ... Здорова я уже слишкомъ. Какъ это батюшка мнѣ говорилъ: „дано человѣку тѣлесное озлобленіе, дабы онъ его поборалъ“. А я вотъ поборать и не думаю...

— Дрянная вы, Анна Степановна.

— Иванъ Федоровичъ!..

— Простите... — опомнился онъ. — Послушайте, это въ васъ минутное... Завтра же вы позовете меня.

— Нѣтъ... Never more!.. Мнѣ противно... Поймите. Теперь, когда я вспоминаю ваши ласки, меня, какъ бересту на огнѣ, такъ и поводитъ... Точно я по горло...

— Ой... Анна Степановна...

Точно хлыстомъ ударилъ меня этотъ крикъ вдали—отчаянный, громкій, полный невыразимаго ужаса.

— Что тамъ?—Козельская вскочила.—Всѣ бѣгите!

— Ой, Господи!.. Бѣгите, бѣгите...

— Это Ѳедосья Васильевна... Что съ вами?..

— Бѣшеная!.. бѣшеная...

Издали Славкина неслась сюда какъ сумасшедшая. Даже странно было, что эта разбухшая баба нашла силы для такой быстроты...

— Собака... Собака!..

— Бѣшеная собака...

Слышался гулъ голосовъ. Мимо бесѣдки стрѣлой промчалась Глаша, и за нею, какъ вспугнутый перепелъ, швыркомъ ударился въ аллею поваръ весь въ бѣломъ...

— Ѳедосья...

— Бѣгите, бѣгите!..

Иванъ Федоровичъ бросилъ Анну Степановну въ бесѣдку, а самъ какъ вкопанный остановился передъ входомъ. Я въ попыхахъ разсмотрѣлъ его. Кудластый, сильный, нахмуренный. Еще бы не нахмуриться послѣ этакой встрепки!.. Славкина тоже вбѣжала въ бесѣдку и прижалась въ уголъ ея—тяжело дыша... Я выскочилъ. Что-то круглое, большое, какъ казалось въ темнотѣ, точно припадающее къ землѣ неслось сюда... Черное. Толстыя раскидистыя лапы, мотающаяся во всѣ стороны башка, тоже черная, и съ нея изъ пасти самой будто бѣлая борода—слюна... „Иванъ Федоровичъ, бѣгите!“—кто-то взвизгнулъ позади. Неужели это Анна Степановна?.. Онъ даже не оглянулся. Выждалъ громаднаго и лохматаго пса... Тотъ—удивительно, какъ все это я разсмотрѣлъ въ сумракѣ! должно быть, чувство опасности изощрлетъ и зрѣніе—тяжело вскинулъ на него мутный взглядъ, мотнулся въ сторону, не залаялъ, а какъ-то странно захрипѣлъ и, оскаливъ большую, заполненную слюною пасть, кинулся на человѣка. Я поспѣшилъ на помощь, но на моихъ глазахъ случилось чудо. Иванъ Федоровичъ и песъ свалялись въ одну неразличимую на мгновеніе массу. Потомъ Иванъ Федоровичъ вдругъ оказался надъ бѣшеною собакой, и когда я подбѣжалъ, онъ упирался колѣномъ ей въ шею и крѣпко держалъ ея башку за уши мордою въ землю. Могучее животное дѣлало страшныя усилія выбиться изъ этихъ стальныхъ рукъ, приподнималось, задомъ хотѣло сбросить съ себя тяжесть своего побѣдителя, рычало, царапало когтями землю, клубило на нее отравленную пѣну, взматывало башку вверхъ, и каждый разъ я видѣлъ ея острые зубы и чувствовалъ отвратительное горячее дыханіе, съ шумомъ вырывавшееся изъ кровавой пасти...

— Бѣгите за револьверомъ...—хрипло крикнулъ мнѣ Иванъ Федоровичъ...

— Гдѣ онъ?

— Не знаю...

— Здѣсь, здѣсь револьверъ...—И какой-то парень подбѣжалъ съ чѣмъ-то чернымъ въ рукахъ...

— Стрѣляй ему—прямо въ пасть...

Но парень растерялся, и дуло револьвера у него такъ заходило въ рукахъ, что я съ минуту думалъ: онъ попадетъ или въ меня, или въ Ивана Федоровича.

— Давай мнѣ!—крикнулъ я.

Но тотъ, отъ страха, самъ не понимая, что дѣлаетъ, оттолкнулъ меня и продолжалъ махать оружіемъ.

— Скорѣй, болванъ, я теряю послѣднія силы!

Вдругъ между нами послышался шорохъ, я не успѣлъ еще опомниться, какъ Анна Степановна сильнымъ толчкомъ отбросила парня въ сторону, отняла у него револьверъ, подошла...

— Куда бить?

— Въ глазъ, если можете!

Она спокойно наклонилась... Собака уже подбрасывала Ивана Федоровича.

Право, въ такую минуту, этотъ рѣшительный, смѣлый человѣкъ и Козельская стоили другъ друга.

Раздался трескъ, оглушившій насъ. Огнемъ метнуло въ землю. Какъ мнѣ казалось, во всѣ стороны брызнуло что-то... И Иванъ Федоровичъ, разминая руки, поднялся.

— Готово!—тихо проговорилъ онъ.

Собака судорожно махала передними лапами; изъ пасти теперь вмѣстѣ со слюною била кровь.

— Давайте револьверъ! Чего она мучается попустому.

Онъ наклонился, наставилъ дуло въ ухо и выстрѣлилъ...

Песъ вытянулся... Иванъ Федоровичъ нѣсколько мгновеній посмотрѣлъ на него и съ отвращеніемъ бросилъ оружіе въ кусты.

— Прикажите подать мнѣ вымыться!—грубо и рѣзко проговорилъ онъ.

— Сейчасъ...—Я даже не узналъ голоса Анны Степановны—такъ онъ прозвучалъ мягко и ласково.

Позади кто-то плакалъ. Я вошелъ въ бесѣдку — Ѳедосья Васильевна была въ истерикѣ.

А издали, отъ дому бѣжала сюда толпа народа...

Я тоже пошелъ къ себѣ.

Въ комнатахъ съ запертыми окнами было душно. Я потушилъ свѣчу и отворилъ ихъ. Теперь тьма и прохлада широко плыли ко мнѣ. Тѣни ночи слились давно, и сквозь вершины деревьевъ робко-робко мигали блѣдныя, печальныя звѣзды... Въ листьяхъ застрекотало, зашуршало въ травѣ... Донесся скрипъ коростеля. Природа просыпалась и начинала свою тихую музыку... Прошло такъ полчаса, какъ вдругъ въ сторонѣ по-

слышались голоса. Я сейчасъ узналъ ихъ. Мнѣ сегодня странно везло—весь романъ Анны Степановны и Ивана Федоровича, страница за страницей, развертывался передо мною. Довольно трудно было бы оторваться отъ этого интереснаго чтенія.

— Она тебя нигдѣ не укусила?..—спрашивала Козельская.

— Нѣтъ...

— Я чуть не умерла за тебя!

Я различилъ въ ея голосѣ виноватое, просящее...

— Совершенно напрасно.

— Какъ напрасно? Послушай, я была дурно настроена... Не придавай значенія этой выходкѣ.

— Ну-съ?

— Я люблю тебя... И никогда еще такъ не любила.

— Довольно, Анна Степановна. Мнѣ это надоѣло!..

— Неужели ты золъ и мстителенъ?

— Нѣтъ... А съ меня тоже сошло послѣ давишняго урока, какъ съ гуся вода...

— Иванъ Федоровичъ!

— Я не по васъ. Вамъ—орлы нужны. Поищите кругомъ... Я не люблю и... и не хочу васъ, Анна Степановна...

Она молчала...

— Теперь моя очередь!.. Поиграли и будетъ... Не вѣчно же лимонадъ разводить.

Издали послышался тихій шорохъ колесъ по мягкой землѣ и топотъ коней.

— Эта ваша коляска, Иванъ Федоровичъ?

— Да-съ.

— Вы уѣзжаете?..вы никогда, никогда не пріѣдете больше?..

— Never more!..—повторилъ онъ ея слова,—Никогда, Анна Степановна. Желаю вамъ веселиться!—И онъ, было, пошелъ.

— Богъ вамъ судья... Печально сорвалось у нея.

Онъ остановился. Но недавняя обида была еще слишкомъ жива.

— Прощайте, Анна Степановна... Не поминайте лихомъ... На свѣтѣ много дорогъ. Я пойду по одной, а вы—по другой, авось, мы никогда не встрѣтимся.

Опять шорохъ колесъ и топотъ коней. Онъ вѣрно уѣхалъ. Анна Степановна медленно двигалась подъ моимъ окномъ и не замѣтила меня. Мнѣ она показалась мертвенно-блѣдной... Она на минуту остановилась, задумалась. Потомъ отмахну-

лась головой отъ какой-то назойливой мысли и быстро прошла къ себѣ.

— Какъ это глупо!—хотѣлъ я крикнуть имъ обоимъ.

Мнѣ было ясно, что она больше чѣмъ когда-нибудь любитъ его. А онъ, разумѣется, и не переставалъ любить. Онъ ей мстилъ. И, надо сказать правду, мстилъ недостойно для такого смѣлаго и сильнаго человѣка, какимъ онъ показался мнѣ.

Какъ это глупо! На свѣтѣ такъ мало, такъ страшно мало счастья, и оба чураются его и уходятъ въ разныя стороны, на разныя дороги. Былъ у обоихъ клочекъ, освѣщенный солнцемъ, а они прочь, въ холодъ и мракъ одиночества. И вѣдь страдаютъ, и у той, и у другого сердца сочатся кровью, а рука не протягивается къ рукѣ и губы къ губамъ. Глупые, смѣшные, жалкіе люди! Право, мы не стоимъ и той убогой ласки, которую даритъ намъ скупая и жестокая мачиха-жизнь. Мучаемся, бьемся, тоскуемъ, а прояснѣетъ небо—вдругъ выдумываемъ себѣ новыя муки и сами создаемъ фантомы ненависти, злобы...

— Что же вы не идете чай пить?—постучалась мнѣ въ дверь Ѳедосья Васильевна.

Я вышелъ.

— Вы знаете, какое у насъ было несчастіе?.. Или, лучше, могло бы быть.

— Какъ же: бѣшеная собака! Я видѣлъ самъ.

— Ахъ да... Я такъ растерялась, что не помню ничего.

— А Иванъ Федоровичъ?

— Должно быть, усталъ—уѣхалъ къ себѣ.

Дѣйствительно, случилось несчастіе, только не то, о которомъ она говорила.

Анна Степановна, вся блѣдная, сидѣла въ углу дивана, кутаясь въ оренбургскій платокъ и все-таки вздрагивая. Она смотрѣла на меня и слушала, что я ей говорилъ, но я былъ убѣжденъ, что она не меня видѣла и не мои слова ей звучали въ эти минуты.

— Never more!—вдругъ вырвалось у ней.

— Что вы сказали?..

— Нѣтъ... Это я такъ...

*

XI.

Ночью я, не зажигая огня, долго смотрѣлъ въ садъ, и во тьмѣ его аллей мнѣ чудилась Анна Степановна. Должно быть, ей не спалось, и она блуждала въ бѣломъ пеньюарѣ, дѣлавшемъ ее похожею на привидѣніе. По крайней мѣрѣ, когда она показалась мнѣ въ первый разъ, я отъ неожиданности вздрогнулъ, хотя хрустѣніе сучковъ подъ ея ногами обнаруживало ея несомнѣнную принадлежность землѣ. Я даже окликнулъ ее, но она или не разслышала, вся погруженная въ свою печаль, или притворилась неразслышавшею. Потомъ я закрылъ окно и заснулъ. Подъ утро мнѣ привидѣлся глупѣйшій сонъ: бѣшеная собака кидалась на меня, и, уже въ виду ея горячей, смрадно дышавшей пасти, я узналъ въ ея башкѣ скуластое и ускоглазое мурло Акулы Матвѣевича... „Спасите!“— оралъ я, и Анна Степановна мнѣ отвѣчала „Never more!“... Кажется, Безмѣновъ уже укусилъ меня, тогда я проснулся. Садъ былъ весь залитъ солнечнымъ свѣтомъ. Свѣжій и росистый, онъ, какъ невѣста, стоялъ среди утренней прохлады и гремѣлъ голосами безчисленныхъ птицъ. Ворковали горлицы, грустно посвистывали иволги, щебетали неугомонныя ласточки, задорные щеглы поднимали гомонъ и драку. Я всталъ, когда за дверью послышался говоръ. Тамъ былъ дѣловой кабинетъ Козельской. „Ну, ей, бѣдной, не до отчетовъ сегодня!“—подумалъ я, и ошибся. У нея сердце не мѣшало работѣ. Я вышелъ въ гостиную и оттуда прислушался. Правду сказать, мнѣ еще разъ привелось удивляться... Анна Степановна — съ этимъ надо было согласиться — дѣйствительно, являлась геніемъ хозяйственнаго распорядка. Одинъ за другимъ мѣнялись передъ нею деревенскіе министры — и она у каждаго разомъ добивалась сути. Мнѣ было пріятно узнать, что не объ одной себѣ она заботится.

— Отчего это на рабочихъ тратится мяса меньше?

— И тѣмъ довольны, Анна Степановна... Не къ разносоламъ у себя привыкли.

— Я разъ навсегда тебѣ сказала...

— Да я для себя развѣ?

— А объ моихъ выгодахъ не безпокойся! Моя выгода, чтобы у меня люди были сыты и сильны...

— Опять же мяса не достать...

— Пошли въ „Твердохлѣбово“ заказъ; тамъ, я знаю, Спиридоновъ на этой недѣлѣ бьетъ скотину.

— Въ экую жару; пока сюда привезешь — испортится.

— Говядина на ногахъ придетъ, а зарѣзать и у насъ съумѣютъ.

Этотъ смѣнился другимъ.

— Сколько вчера загнано на потравѣ коней?

— Восемь.

— Пока не принесутъ по полтинѣ за голову, не отдавай.

— Прежде, Анна Степановна, даромъ...

— Ну, а теперь нѣтъ... Со всѣхъ буду штрафъ брать... Не на себя—на школу. Я здѣсь у себя задумала строить ее...

— Мужики жалуются... Сказываютъ, не ихъ вина.

— А чья? Ты провѣрялъ?

— Сторожа не доглядѣли.

— Значитъ, съ нихъ, а мужикамъ отдать коней.

Затѣмъ слѣдовали отчеты съ массами цифръ. У меня голова лопнула бы отъ нихъ—Анна Степановна вся уходила въ это дѣло, какъ рыба въ воду. Являлись торговцы. Одинъ скупалъ яйца, другой пухъ и перо, третій шерсть. Съ каждымъ она пила чай, торговалась такъ, что тѣ уходили вспаренные, вытирая потъ съ мокрыхъ лицъ. Одинъ обернулся къ ней:

— Однако!.. Ну, и торгуешься ты, дай тебѣ Богъ здоровья!

— Съ вами иначе нельзя.

— Точно что... Коммерція примѣрку любитъ, а только ты и насъ замаяла... Одры мы одрами! Ужъ на что я мастеръ, а супротивъ тебя не выстоять. То-ли дѣло съ генераломъ. Съ нимъ чудесно. Выйдетъ—„здравствуй, борода“.—Ну ему сейчасъ почтеніе: „здоровья желаемъ, ваше превосходительство“.—„Скажи, ты вѣдь мужикъ?“—„Точно такъ, исполконъ вѣку мужики-съ“.—„Сиволапый?“—„Какъ вамъ будетъ угодно“.—„Лаптемъ щи хлебаете?“—„Когда ложки нѣтъ, и лаптемъ можно“.—„А ты плутъ? А... архаровецъ?“—Ну, извѣстно ему подражаешь, и онъ неглежа уступаетъ тебѣ товаръ за что хочешь. Быдто младенецъ. А съ тобой нѣтъ. Съ тобой—сторожишь, какъ пѣтухъ!.. Какъ бы не попасть! Ну, да не жалко. Тебѣ деньги надобно на дѣло...

И обѣ стороны расходились, взаимно довольныя одна другою.

Являлись мужики—просили кто денегъ, кто зерна, кто крупы. Анна Степановна—никому отказу.

— Да ты запиши... Забудешь!—смѣялись тѣ.

— Ваше дѣло—не забывать. Не я у васъ беру, а вы у меня.

Одного только прочь погнала.

— Который разъ не отдаешь?..

— Христосъ!..

— Ты Бога не призывай. Не ври. На прошлой недѣлѣ все, что у тебя было, безмѣновскимъ мартышкамъ продалъ...

— Нужда.

— Врешь, врешь. Все пропилъ въ Твердохлѣбовѣ. Я вѣдь знаю...

— Благодѣтельница... Дѣти не ѣмши сидятъ.

— Пусть приходятъ въ кухню... Ихъ накормятъ... И жену посылай.

— А мнѣ милости не будетъ?..

— Нѣтъ!..

— Что-жъ... Пропадать крещеной душѣ?

— Пропадать—не надо... Иди, заработай... У меня вонъ дорогу поправляютъ—и тебя возьмутъ...

— Что-жъ дорогу-то... Дорога дѣло трудное... Пекло вѣдь—измаешься.

— Ступай, ступай... И безъ тебя много заботы.

— Да вѣдь мы твои... Кому, кромѣ тебя, объ насъ думать?

Но этого выводили, и на смѣну ему приходили другіе...

Цѣлое утро у Анны Степановны было занято такимъ образомъ. За хозяйствомъ приходила очередь больныхъ. Къ ней собирались отовсюду недугующіе, и она, очевидно, не забыла стараго дѣла. Мнѣ тутъ понравилась и Ѳедосья Васильевна. Она безъ малѣйшаго отвращенія и ложнаго стыда дѣлала самыя непріятныя перевязки по указанію Козельской, выдавала лѣкарства и учила, какъ ихъ принимать, хотя и при этомъ случались недоразумѣнія...

— Ѳедосовъ ты опять?

— Снадобьица, потому...

— Да вѣдь я тебѣ его вчера выдала.

— А я ужъ его, благословясь, выпилъ.

— Какъ выпилъ?—И Ѳедосья Васильевна даже попятилась отъ него.

— А такъ—Господи помилуй—и проглонулъ...

— Да вѣдь я тебѣ іоду... мазать дала.

— Что мазать... Мажутъ, барыня, колеса... А я душа! Обижать тожъ не слѣдъ. Другимъ внутрь даешь, а мнѣ мазать... Въ нутро-то ходчей будетъ. Къ печенкѣ ближе. Я такъ полагалъ, ужъ если мазать хорошо, то внутрѣ живымъ манеромъ сдѣйствуетъ.

— И ты ничего не чувствовалъ?

— Какъ не чувствовалъ,—самодовольно пояснялъ мужикъ: ловко оно меня пробрало. Жалился, жалился животъ, гвоздился, гвоздился — ну, и полегчало... Ночью-жъ, я думалъ, помру. Ну, только нѣтъ. Не одолѣла она меня!.. Выстоялъ...

Приходили и бабы съ жалобами на мужей: „чижолая я, а онъ бьется“... Или: „усовѣсти ты, мать, моего злодѣя, авчирась — юпку у меня сволокъ и кирсетку къ оглашенной нашей, къ солдаткѣ. Ее моимъ добромъ пожаловалъ! Я его давай урекать: за что ты ей, сволочи? а онъ мнѣ—брысь, говоритъ, язва ты сибирская. А что кирсетку твою дѣйствительно... за вѣрную службу наградилъ Настасью. Пущай старается. Вотъ онъ какой андилъ у меня“. Два мужика съ какимъ-то запутаннымъ хозяйскимъ споромъ пришли.

— Да это не моя забота!—отказывалась Анна Степановна.

— Какъ не твоя?

— Такъ. На то мировые.

— Ну, еще... по судамъ ходить... Не крестьянское дѣло; а ты вотъ что: разрѣши насъ, какъ положишь, такъ и будетъ.

— Намедни Хрисанфъ то же говорилъ, а потомъ къ судьѣ побѣжалъ.

— Ну, что Хрисанфъ... Фальшивый человѣкъ и больше ничего! А мы тебѣ на церкву перекрестимся!..

И она серьезно судила ихъ, пока не привела обѣ стороны къ соглашенію.

Она даже развеселилась и вчерашнее горе нѣсколько забыла. Только когда Ѳедосья Васильевна напомнила ей:— А что, Иванъ Федоровичъ будетъ сегодня обѣдать? — Козельская поблѣднѣла, не отвѣтила ни слова и потомъ нѣсколько минутъ супилась и хмурилась, пока въ себя

не пришла. Очевидно, для того, чтобы забыться, она старалась утомиться сегодня. Обошла кухни для рабочихъ, во всѣ котлы заглянула, какой-то стряпухѣ задала такого трезвона, что та за животъ даже схватилась... „Оборвалась у меня жила съ эстой страсти!—жаловалась она потомъ.—Какъ она крикнула—у меня и оборвалось... Потому я дама сырая, мягкая. Въ городу у поповъ нѣжности этой обучена!..“ Потомъ въ поля поѣхала и оттуда вернулась вся разгоряченная, солнцемъ пригрѣтая...

— Я Ермилова выгнала,—объявила она Славкиной.

— За что?

— Эдакій воръ... Кашу рабочимъ безъ масла даетъ. Къ бабамъ присталъ. Вмѣсто дѣла, у него смѣшки... Самъ опухъ отъ чая, отяжелѣлъ, какъ каплунъ... Пускай идетъ на всѣ четыре стороны. А мнѣ это надоѣло... Комья недостаточно разбиты... Ну, да и я отвела душу...

— Вы не скучаете у меня?—обратилась она немного спустя.

— Нѣтъ... Почему вы это?

— Такъ, мнѣ показалось... Вы еще моего маленькаго конскаго завода не видѣли... Вы лошадей любите?..

— Да.

— Ну, такъ я вамъ покажу одну... У меня выросла здѣсь...

Она перемѣнила шляпку на другую съ болѣе широкими полями, защищавшими ей лицо отъ прямыхъ ужъ и, надо сказать правду, жестокихъ лучей солнца. „Я терпѣть не могу зонтиковъ. Ходить мѣшаютъ и точно безъ руки съ ними!“—объяснила она. Мы пошли къ заводу садомъ. Утренній птичій гомонъ утихъ. Жара и ихъ сморила. Однѣ бабочки искрились въ воздухѣ, да цвѣты все напонли кругомъ тяжелымъ въ эту пору дня ароматомъ. Садъ выходилъ къ рѣкѣ. Здѣсь была устроена маленькая пристань, у которой на водѣ замерла небольшая лодка. Анна Степановна сама сѣла за весла и сильными ударами ихъ, вся перегибаясь впередъ и откидываясь назадъ, живо погнала ее впередъ. Тихо струилась рѣка подъ килемъ... Руль чуть скрипѣлъ въ моихъ рукахъ, и я невольно любовался красивыми и выпуклыми формами этого тѣла, то приближавшагося ко мнѣ, то удалявшагося. И невольно самъ про себя я повторялъ:

— Дуракъ, дуракъ Иванъ Федоровичъ...

Она, должно быть, догадалась. И вдругъ, когда я не ожидалъ этого, спросила меня:

— Послушайте... Вы вчера сидѣли въ бесѣдкѣ?

— Когда?

— Когда у насъ съ Иконниковымъ было объясненіе...

— Да!

— Значитъ, вы все слышали?..

Я постѣснился ей отвѣтить.

— Чего вы церемонитесь?.. Вѣдь я же спрашиваю прямо... Я увидѣла васъ тотчасъ же послѣ собаки этой... Вы вышли оттуда.

— Я хотѣлъ дать вамъ знать кашлемъ, движеніемъ, да было уже поздно.

— И потомъ?.. Я въ волненіи слишкомъ громко говорила въ саду. А у васъ окна были отворены.

— Да... И потомъ.

— Вы меня строго не судите... Видите, какая я... Сильная и здоровая... Нельзя же всю себя работѣ... да и этимъ не измаешь... Впрочемъ, не думайте, что я оправдываюсь... Я вѣдь сама себѣ владыка, что хочу, то и дѣлаю. Никому отчетомъ не обязана! И лицемѣрить не желаю—скучно и глупо!

— Я васъ ни на одну минуту и не обвинялъ. Это такъ естественно... Разъ вы любите...

— Какая любовь!—Съ досады она такъ дернула весломъ, что меня обдало брызгами.—Какая любовь! Развѣ это любовь?.. Больно и обидно, что меня, какъ конторщика, прогнали...

— Позвольте... Разъ вы ужъ сами заговорили, значитъ, и мнѣ право даете коснуться этого. Вѣдь вы же его сами первая въ отставку...

— То я... А то онъ... Я женщина—надо это помнить.

Я засмѣялся.

— Чему вы?

— Я думалъ, вы совсѣмъ на мужской ладъ. Равенство полное, а въ этомъ случаѣ не лучше другого требуете рыцарства съ нашей стороны...

— По-вашему, это противорѣчіе?

— Да.

— Ну, и пусть противорѣчіе... Мнѣ все равно, а только онъ поступилъ, какъ подлецъ!

Дошло до крѣпкихъ словъ, думаю... Я промолчалъ. Зеленые берега быстро бѣжали мимо. Сколько цвѣтовъ высыпало на нихъ!.. Кое-гдѣ золотыми большими пятнами горѣли скаты отъ куослѣпа и ромашки. Направо, въ заводьѣ недвижно острыми, зелеными иглами стоялъ камышъ, и внизу въ нѣгѣ и дремѣ лежали на водѣ баловницы—рѣчныя лиліи.

— Разумѣется, какъ подлецъ!—упрямо повторила она.

— Вамъ лучше знать...

— Онъ меня въ чемъ увѣрялъ прежде?.. „Я буду вашей собакой, прогоните меня—подожму хвостъ, уйду, позовете—вернусь“...

Меня покоробило отъ этой откровенности. Это ее, думалъ я, изуродовала уѣздная среда и свобода отъ всякой зависимости...

— Вотъ и вернулся!

И изъ ея глазъ нежданно-негаданно посыпались слезы...

— Анна Степановна... Голубушка.

— Оставьте... Это сейчасъ... сейчасъ пройдетъ. Глупость одна. Вотъ и кончено!..

У нея даже глаза не покраснѣли.

— Я вѣдь не плачу... Вы меня простите, что я угостила васъ такою сценой. Про себя думаете: дуритъ баба... А я вѣдь вовсе ужъ не такая плохая. Удержу только на меня нѣтъ. Какъ-то я встрѣтилось съ Вуколомъ Матвѣевичемъ... Вы знаете—вѣдь этотъ Безмѣновъ сватался за меня. Я ему и сказала: вамъ со мною не совладать.—„Почему такому, спрашиваетъ, что у васъ сердце бодрое? Такъ и на это возжа есть... Раза два поучу, возжей-то—всю глупость съ васъ какъ рукой сниметъ. Сами мнѣ за науку потомъ въ ноги поклонитесь“. А Богъ его знаетъ. Можетъ быть, и дѣйствительно на меня возжа требуется?. Вамъ со стороны виднѣе.

— Я думаю, Безмѣновъ и теперь еще не оставилъ видовъ на васъ.

Она засмѣялась.

— Что же... Это хорошо.

— Почему?

— Такъ. Я еще не разъ съ него на мою школу сорву.

— Смотрите, не попадитесь!

— На такую птицу, какъ я, еще и клѣтки не придумано. А Безмѣновскіе силки—я шутя разорву. Они не страшны.

И не изъ такихъ цѣла уходила, развѣ только нѣсколько перышекъ оставляла... въ знакъ памяти. Правьте вонъ къ той пристани...

Тутъ берегъ сталъ положе и скоро совсѣмъ припалъ къ водѣ, такъ что трава точно прямо изъ нея росла. Нѣсколько досокъ и шалашъ около.

— Степанида!—крикнула Козельская.

— Я-о!

Толстая и веселая старуха выскочила и подхватила лодку.

— Погоди, надорвешься.

— Ну-те! Чего еще. У меня снасть крѣпкая,—смѣялась Степанида...—Сколько мой покойничекъ изъ меня веревокъ вилъ-вилъ. А все я цѣла осталась. Все цѣла! Што мнѣ? Анамедни пьянаго Мазилу сама въ избу стащила, да и постегала. Пущай помнитъ.

— Чѣмъ же ты его?

— А крапивой, значитъ... Для страху... Проспался—пришелъ сюда. Однако, говоритъ, старуха здорово ты меня расказнила. До спхъ поръ нудитъ!..

Мы выскочили изъ лодки.

— Къ лошадкамъ, Анна Степановна?..

— Да, именно...

— Ну вотъ. То-то я думаю, что это тебя три дня нѣтъ? Коньки-то стосковались, поди. Все ты имъ своя, не чужая. Они вѣдь это чувствуютъ... какъ еще. У коня ума много. Онъ только-что не говоритъ... Коня обидѣть—страховито. Помрешь—сейчасъ онъ на тебя Богу будетъ жалиться... Я, скажетъ, для нея вѣрою-правдою работалъ, а ласки не видѣлъ—окромѣ, какъ полѣномъ въ брюхо!..

Баба оказалась говорливая, и пока мы шли къ заводу, она все время болтала безъ умолку, точно ей за это деньги платили.

— А это кто же будетъ?—уставилась она на меня. —Питерскій?.. Строжить пріѣхалъ?..

— Почему это строжить?

Я невольно засмѣялся.

— Извѣстно, зачѣмъ изъ Питера господа ѣздіютъ... Пужать! Для страху, значитъ. А ты, что же, большое начальство?.. Или такъ... малое?

И узнавъ, что я вовсе не начальство, она успокоилась.

— Такъ-то лучше, нежели народъ ворошить... Чего еще наѣдутъ — разшерстятъ, душу-то бознать въ кое мѣсто угонятъ, а толку съ маково зерно... Одинъ тутъ былъ, — вотъ барыня Анна Степановна помнитъ,—ужъ онъ кидался-кидался... Прости, Господи... Хвостъ на отлетѣ, клыки впередъ и давай на хрещеныхъ-то... Я думала, ушлютъ насъ всѣхъ куда... Ну, а уѣхалъ отъ насъ—пустое мѣсто осталось... Только и было... Вы, говоритъ, дураки, сѣять хлѣбъ не умѣете... А самъ овса отъ ячменя разобрать не можетъ. Я, кричитъ, такую линію подведу, чтобы васъ всѣхъ по моему планту работать заставили... Ехидный старичекъ! По всей Россіи моя планта пойдетъ... Ишь ты, какой побѣдитель! На нашей землѣ, для нашихъ животовъ да по его планту... Хорошо это?..

Конскій заводъ стоялъ посреди обнесенныхъ загородями заливныхъ луговъ. Тутъ все было сочно и свѣжо. Трава казалась изумрудною подъ этимъ солнцемъ. Не налюбуешся ею! Густымъ ковромъ лежала она подъ ногами, совсѣмъ непохожая на степь, оставленную позади. Анна Степановна скоро, впрочемъ, объяснила мнѣ. Воды рѣченки отводятся сюда и заливаютъ временами чудесную нѣизь, а трава вся сѣянная и ходятъ за ней, по словамъ Степаниды, „какъ за малымъ ребенкомъ“. Издали еще я любовался конями, пастшимися здѣсь. Очевидно, и они были для сторожей и работниковъ „малыми дѣтьми“. Въ холѣ и чистотѣ держаны. Шерсть такъ и горѣла подъ лучами—особенно одна лошадка золотистой масти. Вся нервная, поводя тонкую кожу и ставя уши впередъ, она красивой, точно играющей рысцой издали уже бѣжала къ Аннѣ Степановнѣ, откидывая хвостъ по вѣтру и оглашая эти луга веселымъ и задорнымъ ржаніемъ...

— „Султанъ“! „Султанъ“!—кричала ему Козельская.

Онъ и ноги вскидывалъ, будто щеголяя ими. Точно приглашалъ: полюбуйтесь-ко, какъ это у меня хорошо выходитъ. Набѣжалъ, ткнулся горячей мордой въ руку Аннѣ Степановнѣ и давай заигрывать съ нею.

— Веселая животная!.. Одобряли его конюха. Конёкъ справедливый.

— Добро чувствуетъ! Видитъ, что нѣтъ ему препону. Вольная душа...

А вольная душа уже мягкими и тоже золотистыми гу-

бами обшаривалъ барыню, пока та со смѣхомъ не вынула ему сахару.

— Награду свою получаетъ... Гостинецъ за хорошее поведеніе...

— Хорошее поведеніе! А ты вчера опять былъ пьянъ, Петръ?..

— Точно такъ-съ... Виноватъ.

— Ну, смотри, только потому и не гоню, что ты пьяный сюда не пришелъ, а въ экономіи выспался...

— Двистительно... Я пьяный уменъ.

— А то лошадь покалѣчишь у меня!.. Только помни: еще разъ напьешься — самъ уходи на всѣ четыре стороны. Ты знаешь, мое слово твердо...

— Я за ваше здоровье... Потому какъ вы... Пожалуйте ручку.

— Пошелъ, дуракъ... Какъ вамъ нравится „Султанъ“?— обратилась она ко мнѣ.

— Прелестный конекъ.

— У меня былъ хрущовскій жеребецъ одинъ... Я его случила съ кабардинкой... Оттого и масть такая вышла!..

Я невольно попятился. Что-то не приходилось до сихъ отъ дамъ такія слова слушать. „Султанъ“ какъ нарочно въ это время, раскинувъ хвостъ, понесся куда-то съ тою молодою рѣзвостью, которая такъ красива въ поляхъ, на просторѣ. Грива его вся золотымъ руномъ на отлетѣ, тонкія ноги быстро мѣрили землю, нервныя ноздри раздувались. Воображеніе невольно дорисовывало огненныя крылья фебовыхъ коней...

— Все зависитъ отъ производителей... Анна Степановна очевидно не замѣтила моего смущенія.—Ихъ нужно выбирать съ толкомъ...

Она вѣрно замѣтила мои широко и изумленно открытые глаза и вдругъ покраснѣла.

— Ахъ... Я все забываю, что вы не хозяинъ. У насъ здѣсь это такое и простое, и увлекательное дѣло на заводахъ, что мы давно перестали церемониться. А васъ я, видимое дѣло, удивила. Ну, да такъ и надо. Вѣдь я все сама. Ни на кого положиться нельзя. Или откажись, или иди на все... Мнѣ вотъ за „Султана“ двѣ тысячи давали... Ну, да я еще сама его выѣзжу хорошенько. Если погостите у меня,—я вамъ покажу, какъ ихъ надо учить подъ сѣдло... Не правда-ли,

красавецъ? Вы на то взгляните—ни одной отмѣтинки. Весь—цѣльный, точно его изъ золота отлили.

Далеко, у самой ограды, послышалось его звонкое ржаніе. Высокая и статная лошадь подняла голову, втянула въ себя съ силою воздухъ и поставила уши впередъ.

— Это „Бетти“... Мать его... Вотъ это тоже ея жеребенокъ—только куда ему до „Султана“...

— Кобылка, надо прямо сказать, натуральная! Одобряли ее... Хоть во дворецъ—и тамъ себя покажетъ.

Тонкій конекъ на несоразмѣрно длинныхъ ногахъ съ лохматою головою и еще плохо обросшимъ хвостомъ жался къ ней—„мазался“, какъ выражаются здѣсь.

— Это совсѣмъ мужикъ.

— Не извольте сумлѣваться, хорошій рысачекъ будетъ,—обиженно вмѣшался конюхъ за своего любимца.

— Можетъ быть! Только куда же ему до „Султана“.

— Будьте спокойны. Постоитъ за себя. Это еще какъ—кто кого... А вы на его бабки извольте посмотрѣть. Этой бабкѣ износу нѣтъ... Теперича, если его да выдержать какъ слѣдуетъ, такъ онъ на любой скачкѣ всѣхъ одолѣетъ. Выровняется, красавица будетъ! Это тоже понимать надо.

— А масть?..

— Что-жъ масть?

— Да вѣдь онъ бурый...

— Что-жъ что... Пущай бурый!.. Вы на ноздрю ему поглядите: огонь, не ноздря... Копыто—тонкое, не обросло еще. Ишь онъ какъ ухо дѣржитъ. Со встрѣтомъ. И по спинѣ у него ремешокъ—сильная значитъ...

— Ну, куда ему, оборванцу... лохмотнику, до „Султана“,—вступился конюхъ, ходившій за этимъ.

— А ты, пьяная твоя морда, чего суешься? Видишь, я съ барыней говорю.

— Ишь ты... Тверезая рвань!.. Вотъ я скажу Аннѣ Степановнѣ, зачѣмъ ты-то въ Твердохлѣбово бѣгаешь...

— А ты кому овесъ надысь сволокъ, воровская твоя душа?..

— Я—овесъ?—заломилъ шапку на ухо, державшій ее до сихъ поръ въ рукахъ конюхъ.—Я—овесъ?

— Ты, ты!

— Говори сейчасъ, клятущій языкъ!.. Ну-ко, выкладывай,

что знаешь!.. Я господскій овесъ вотъ какъ берегу. Зерно каждое, какъ зеницу. Ты меня, песъ, озолоти, такъ я и то тебѣ горсточки не дамъ. Меня на всю округу знаютъ. Я у генерала Узорнаго въ кучерахъ служилъ, такъ у меня кони толстые-претолстые бѣгали, что твои купчихи... Попадья и та на нихъ зарилась... На хлѣбахъ на бѣлыхъ возросла, растопырило ее такъ, что и ходить иначе не могла, какъ корякой,— а и ту превзошли. Я казенный интерецъ соблюдаю. Кабы не Анна Степановна здѣсь, показалъ бы я тебѣ цыганскаго пота.

— Ты показалъ?

— Я... Не такихъ учили... Мы всю жизнь по хорошимъ господамъ... Я конюхъ знаменитый. Съ моихъ коней патреты писали, чуха ржаная!..

— Однако, они при васъ не стѣсняются...—замѣтилъ я Аннѣ Степановнѣ.

Она расхохоталась.

— Ужъ очень это у нихъ образно. Останавливать жаль. Сергѣй...—крикнула она.—Посмотри, чтобы они не передрались. За порядокъ ты въ отвѣтѣ.

— Что я съ этими жеребцами подѣлаю!.. Самый душевредный народецъ...

— Твой надзоръ... Ты старшій...

— У насъ, барыня, все одно изъ-за коней, что въ деревнѣ изъ за дѣвки. Каждый парень за свою глаза выцарапаетъ брату родному.

„Султанъ“ подбѣжалъ къ „Бетти“; та вытянула длинную шею и стала его обнюхивать... „Султанъ“ похрапывалъ и билъ копытомъ въ землю, высоко выбрасывая комья... „Бетти“ зубами запискала у него въ гривѣ и потомъ положила свою умную голову съ великолѣпными глазами ему на шею. „Султанъ“ стоялъ спокойно до тѣхъ поръ, пока „мазавшійся“ жеребенокъ не втерся между ними. Онъ ткнулъ въ бокъ мягкими губами мать, хлестнулъ еще не обросшимъ хвостомъ „Султана“ и вскинулъ заднія копыта.

— Ну, ты... Солдатъ!..—отогналъ его конюхъ.—Гляди у меня, злыдень! Балуй!..

Мы посмотрѣли остальныхъ коней. Ихъ было здѣсь довольно много, но все рабочіе. Они держались въ сторонкѣ отъ аристократіи конскаго двора—„Султана“ и „Бетти“,

словно признавали ихъ превосходство и свое ничтожество. Меня поразило, что у такой хозяйки, какъ Анна Степановна, не было крупныхъ и сильныхъ лошадей, но она мнѣ тотчасъ же объяснила, что по мѣстному обиходу такихъ заводить не стоитъ. Онѣ много ѣдятъ и требуютъ дорогого ухода.

— А нашу работу здѣсь и такія отлично сладятъ.

У загороди неподвижно лежалъ, глядя на насъ своими продольными зрачками, громадный и спокойный козелъ. Очевидно, все представляющееся ему кругомъ онъ считалъ ниже своего достоинства, и только, когда лохматая и большая собака подходила къ нему, онъ едва-едва удостоивалъ наклонить ей навстрѣчу лобъ, вооруженный крѣпкими рогами. Ты смотри-де—не очень по своей хамской привычкѣ забывайся, а то я тебя такъ обработаю!... И собака хорошо понимала это. Поджимая хвостъ, она отходила прочь и, ложась въ траву, хамкала только на летавшихъ у ея морды мухъ. Солнце начинало печь во всю, и кони мало-по-малу уходили подъ старыя березы, удержавшіяся въ одномъ изъ уголковъ этого загона. Тамъ стояла тѣнь и не такъ кусались оводы. Мы отправились отсюда назадъ по той же дорогѣ къ рѣкѣ. Она теперь вся млѣла подъ зноемъ, и струйки ея слѣпили глаза отраженнымъ блескомъ. Камышъ у береговъ тянулся какъ очарованный, только изрѣдка онъ вздрагивалъ—и мы догадывались, что подъ водою его шевелила рѣзво набѣжавшая рыбка.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Односторонняя теорія экономическаго развитія [1]).

Вопросъ объ условіяхъ и направленіи экономическаго развитія каждой страны или народа есть прежде всего фактическій и какъ таковой подлежитъ изученію и разрѣшенію. Въ такомъ смыслѣ онъ издавна уже и разрабатывается у насъ, какъ въ литературѣ единичными силами, такъ и различными общественными учрежденіями. Изъ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены работы нашихъ земско-статистическихъ учрежденій, направленныя, главнымъ образомъ, на изученіе сельскаго хозяйства и въ особенности крестьянскаго. Это работы, произведенныя не только весьма тщательно и основательно, но и вполнѣ объективно, т.-е. безъ всякаго предвзятаго взгляда на сущность изучаемыхъ явленій. Весьма вѣроятно, однако, что у многихъ изъ земскихъ статистиковъ были и есть свои твердо сложившіяся убѣжденія относительно преимуществъ тѣхъ или другихъ формъ и условій веденія хозяйства. Но вліяніе этихъ взглядовъ и убѣжденій ни мало не отразилось на качествѣ ихъ изслѣдованій, которыя являются, поэтому, образцомъ строго научнаго статистическаго метода наблюденія, по существу своему обязательно объективнаго. Высшей наградой для этихъ дѣятелей является, однако, не одно сознаніе исполненнаго нравственнаго долга, не одно только удовлетвореніе научной любознательности, но и увѣренность въ томъ, что познаніе экономическихъ условій есть первое и самое могучее средство или почва для осуществленія различныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе благосостоянія страны и народа. Въ силу начала раздѣленія труда, одни изслѣдуютъ извѣстныя явленія, другіе на основаніи этихъ изслѣдованій осу-

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Спб. университетѣ 13 декабря 1895 г. (подъ заглавіемъ: «Двѣ стороны въ процессѣ развитія экономическихъ явленій»).

ществляютъ различныя практическія мѣропріятія, будучи такъ или иначе убѣждены въ ихъ цѣлесообразности. И самое лучшее, конечно, когда эти двѣ работы идутъ рука объ руку, взаимно дополняя и поддерживая другъ друга. Ни одно культурное человѣческое общество не обходилось и не можетъ обходиться безъ его изученія и безъ той или иной практической политики. Послѣдняя можетъ быть разумна и цѣлесообразна, можетъ быть ошибочна и вредна, но она всегда себя въ чемъ-нибудь да проявляетъ и будетъ проявлять, пока люди будутъ обладать тѣмъ, что называется сознаніемъ. Сознаніе присуще какъ отдѣльнымъ человѣческимъ особямъ, такъ и цѣлымъ ихъ группамъ и, наконецъ, что бываетъ рѣже въ вполнѣ однородномъ видѣ, цѣлому обществу или народу. Къ области сознанія относятся и представленія объ извѣстныхъ цѣляхъ и интересахъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и разныхъ ихъ группъ. И потому оно (сознаніе) играетъ большую или меньшую роль, въ качествѣ творческаго фактора въ общественномъ развитіи...

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что эти столь простыя мысли могутъ нуждаться въ ихъ изложеніи или даже въ ихъ подтвержденіи и доказательствахъ. А между тѣмъ, есть основанія считать и такую задачу не совсѣмъ излишней, въ виду проявленія чисто отрицательныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ среди нѣкоторой части нашего образованнаго общества. Ни для кого вѣдь не тайна, что теперь въ модѣ теорія или формула не только экономическаго, но и всего общественнаго развитія, которая, претендуя на высшую степень ея объективности, старается изложить дѣло это такъ, что сознательное коллективное творчество, руководимое представленіями о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ общественныхъ учрежденій, или совсѣмъ непричемъ въ процессѣ развитія, или играетъ сравнительно самую ничтожную роль. Процессъ развитія подчиненъ-де своимъ непреложнымъ законамъ, онъ закономѣренъ и потому можетъ подлежать изученію только съ точки зрѣнія причинности явленій, но никакъ не ихъ цѣлесообразности. Воля человѣческая и сознаніе безсильны измѣнять что-либо въ теченіи этого процесса. Развивающіяся явленія не подлежатъ даже со стороны науки критикѣ или оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, желательности и т. п.

Вотъ такое-то направленіе мысли мы и считаемъ не только возможнымъ, но даже и необходимымъ провѣрить, и для этой цѣли предлагаемъ нижеслѣдующій *методологическій* этюдъ.

Насъ могутъ тутъ же остановить и сказать, что въ этомъ обнаруживается противорѣчіе самымъ первымъ строкамъ этой

статьи, ибо тамъ было сказано, что вопросъ общественнаго развитія есть прежде всего фактическій и т. д. А теперь обнаруживается намѣреніе трактовать о методологіи, что даже еще дальше отстоитъ отъ дѣйствительности, чѣмъ теорія развитія, та или другая—все равно. Но это противорѣчіе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что никакой общей теоріи развитія, ни новой, ни старой, здѣсь не будетъ предложено, а будетъ только сдѣлана попытка указать на неправильность въ чисто методологическомъ отношеніи этой теоріи, которая теперь претендуетъ на господство, въ качествѣ единой правильной, истинной и т. п. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на той сторонѣ этого ученія, которая сводится къ отрицанію возможности противопоставлять предполагаемой непреложности *общихъ* законовъ развитія попытки борьбы съ ними, если по критической оцѣнкѣ этихъ явленій они окажутся противорѣчащими нашимъ представленіямъ о ихъ цѣлесообразности. Въ частности, въ примѣненіи къ Россіи, теорія эта пытается доказать неизбѣжность для насъ переживать всѣ прелести капиталистической ступени общественнаго развитія, и, что особенно важно, не только въ области промышленности обрабатывающей, но и въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ послѣднемъ, будто бы, должна произойти капитализація промысла и неизбѣжно связанныя съ нею уничтоженіе поземельной общины и обезземеленіе значительной массы нашего крестьянства.

Чтобы опровергнуть эту одностороннюю теорію развитія, предварительно надо будетъ доказать одновременное существованіе двухъ типовъ или путей въ развитіи экономическихъ явленій, сперва разсматриваемыхъ каждое въ отдѣльности, а потомъ въ ихъ совокупности, въ смыслѣ общаго процесса ихъ развитія. Одинъ изъ этихъ путей есть проявленіе чисто индивидуальныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, дѣйствующихъ хотя и сознательно, но обособленно другъ отъ друга, т.-е. безо всякаго сознательнаго общаго или коллективнаго плана. Другой — это сознательное въ коллективномъ смыслѣ творчество разныхъ человѣческихъ группъ и общеній. Явленія каждой изъ этихъ двухъ категорій, будучи признаны одновременно существующими, требуютъ совершенно различнаго къ себѣ отношенія, хотя бы со стороны чисто научнаго ихъ изслѣдованія. И въ результатѣ, какъ конечный методологическій выводъ, должно будетъ получиться то, что наука, изучающая хозяйственныя явленія, именно въ виду двойственнаго ихъ характера, должна включать въ себѣ элементы историческій и оцѣнки или искусства, т.-е. прямыя указанія на практическія мѣропріятія, имѣющія цѣлью лучше обезпечивать человѣческое благосостояніе.

*

I.

Существованіе двухъ типовъ экономическихъ явленій не есть что-либо, свойственное имъ однимъ; напротивъ, тѣ же двойственныя черты можно замѣтить и въ явленіяхъ, относящихся къ другимъ областямъ общественной жизни. А потому для начала мы и приведемъ примѣры болѣе общаго характера. Такъ, разсмотримъ сперва возникновеніе различныхъ *путей сообщенія*, начавъ съ самой обыкновенной пѣшеходной тропинки, пролегающей черезъ поле, и кончая желѣзнодорожнымъ или вообще рельсовымъ путемъ. Сравнивая между собою возникновеніе того и другого пути, мы сразу можемъ признать, что никакого общаго сознательнаго плана не было у лицъ, пользующихся простой тропинкой: она просто была протоптана отдѣльными лицами, дѣлавшими это ради сокращенія пути. При этомъ первое, второе, третье и т. д. лица старались идти по прямой линіи, какъ кратчайшей; но, такъ какъ это едва-ли всѣмъ одинаково удавалось, то и линія эта не могла выйти совершенно прямой. Пока трава не была притоптана на столько значительно, чтобы это было замѣтно для глаза, прохожіе удалялись болѣе или менѣе въ стороны; но когда прошло уже довольно значительное число лицъ, то послѣдующіе уже старались идти по проторенному пути, и въ концѣ-концовъ тропинка рѣзко опредѣлилась.

Такое явленіе носитъ на себѣ отпечатокъ своего несомнѣнно общественнаго происхожденія, хотя бы въ силу одного того обстоятельства, что потребовалось для этого участіе непремѣнно многихъ лицъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, повидимому, совершенно произвольно и независимо отъ другихъ, но въ результатѣ явилось хоть маленькое, но все-таки нѣкоторое общее дѣло или явленіе.

При полномъ отсутствіи всякаго взаимнаго соглашенія—относительно проложенія пути, какъ цѣли,—произошло это потому только, что въ данномъ случаѣ совпадали одинаковые интересы многихъ лицъ, заключавшіеся просто въ сбереженіи времени и силъ.

Совсѣмъ другое дѣло — проложеніе желѣзнодорожнаго пути или хотя бы большой шоссейной дороги. Здѣсь заранѣе составляется планъ—въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, происходятъ болѣе или менѣе продолжительныя разсужденія о преимуществахъ того или другого направленія; затѣмъ производятся продолжительныя работы и только послѣ всего этого путь оказывается готовымъ. Тутъ во всемъ видна сознательная творческая работа коллективной воли и сознанія множества лицъ, между тѣмъ

какъ въ первомъ случаѣ явленіе оказалось продуктомъ хотя тоже коллективнаго творчества, но сознательнаго только по отношенію къ отдѣльнымъ его участникамъ, а не ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и одновременно взятымъ. Эти явленія потому-то и могутъ быть названы продуктами безсознательнаго (нерефлектированнаго) коллективнаго творчества, а другія—сознательнаго.

Распространяя подобные примѣры на области другихъ общественныхъ явленій, мы можемъ указать на происхожденіе естественнымъ порядкомъ *языка*, *нравовъ*, *обычаевъ*, *правового порядка* и т. д. По отношенію къ большинству изъ этихъ явленій можно сказать, что они обнаруживаютъ одинаковую послѣдовательность въ своемъ развитіи: являясь первоначально продуктомъ вышеуказаннаго безсознательнаго коллективнаго творчества, многія изъ нихъ на глазахъ исторіи переходятъ въ другую категорію. Но въ однихъ явленіяхъ этотъ процессъ совершается быстрѣе, въ другихъ медленнѣе, а въ нѣкоторыхъ онъ, можетъ быть, и никогда не совершится. Послѣднее болѣе всего относится къ *языку*, не смотря на недавнія попытки созданія всемірнаго языка, въ родѣ воляпюка, эсперанто и т. п. Но за то въ области *правового* творчества вполнѣ возможно констатировать фактъ расширенія сознательнаго участія коллективныхъ общественныхъ силъ, хотя тутъ, съ другой стороны, иногда замѣчается какъ бы и нѣкоторый обратный процессъ, выражающійся въ слѣдующемъ: иногда первоначальный законодатель самъ по себѣ ясно сознавалъ цѣль какого-нибудь издаваемаго имъ узаконенія, прикрываясь даже умышленно совершенно иными мотивами, а масса принимавшаго эти законы населенія соглашалась подчиняться имъ именно по этимъ инымъ мотивамъ. Таково, напримѣръ, свѣтское законодательство Моисея, касавшееся соблюденія годовъ субботнихъ (черезъ 7 лѣтъ), юбилейныхъ (черезъ 50 лѣтъ) и многіе другіе законы, очевидно, не божественнаго происхожденія, какъ отвергаемые теперь христіанскою церковью. Сюда же относятся и всѣ древнія языческія жертвоприношенія; приношенія эти дѣлались народомъ въ твердомъ убѣжденіи, что это пріятно для ихъ божествъ, а правящіе классы—жрецы—пользовались ими, въ концѣ-концовъ, какъ простыми налогами въ свою пользу; и такъ же объясняются вообще многоразличныя прежнія, въ сущности правовыя установленія, только облеченныя въ форму религіозныхъ, ради наилучшаго въ то время обезпеченія ихъ исполненія.

Сложившіяся такимъ путемъ или посредствомъ обычно-правового творчества нормы человѣческихъ отношеній, благодаря долговременному соблюденію ихъ, въ концѣ-концовъ объективируются, т.-е. отвердѣваютъ на столько, что онѣ уже представляются лю-

дямъ въ видѣ чистыхъ правовыхъ явленій. Смысломъ существованія ихъ является тогда какъ бы право само по себѣ, въ видѣ чего-то самоцѣльнаго или сливающагося съ понятіями правды и справедливости. Между тѣмъ, проходятъ долгіе періоды и то, что́ прежде соотвѣтствовало цѣлямъ и интересамъ общежитія, оказывается уже съ ними въ противорѣчіи, почему требуется измѣненіе прежнихъ правовыхъ установленій, сообразно новымъ измѣнившимся условіямъ общественной жизни. Отчасти эти измѣненія достигаются въ формѣ дополненій, возникающихъ путемъ обычно-правового творчества, относящагося къ типу безсознательно-коллективнаго; отчасти же приходится уже пускать въ ходъ силу сознательнаго правового творчества, т.-е. устанавливать, въ виду новыхъ цѣлей и интересовъ, новыя правовыя нормы, институты и т. д., т.-е. такъ или иначе измѣнять прежній правовой строй. Иногда въ этомъ на столько оказываются заинтересованными народныя массы, что онѣ сами требуютъ измѣненій; иногда же эти требованія предупреждаются со стороны правительства, своевременнымъ проведеніемъ необходимыхъ реформъ сверху.

Несомнѣнно, что проведеніе рѣзкой разграничительной черты между указанными двумя источниками или двумя видами происхожденія общественныхъ явленій не всегда возможно, такъ какъ переходъ изъ одного типа въ другой совершается иногда исподволь или при совмѣстномъ участіи обоихъ указанныхъ факторовъ. Но, тѣмъ не менѣе, необходимо признать существованіе этихъ двухъ факторовъ или условій происхожденія общественныхъ явленій, потому что каждый изъ нихъ типиченъ и потому можетъ и долженъ быть противополагаемъ одинъ другому. Мы приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ изъ области экономической и затѣмъ постараемся сдѣлать изъ всего этого болѣе или менѣе общій выводъ о методѣ изслѣдованія развитія общественныхъ явленій вообще и экономическихъ въ частности.

Наиболѣе рельефный примѣръ въ области народнаго хозяйства представляютъ собою *деньги*, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и современной формы ихъ выраженія. Общій для всѣхъ временъ и народовъ смыслъ и назначеніе денегъ заключаются въ томъ, что онѣ служатъ орудіемъ обмѣна и платежа, (орудіемъ же сбереженія или накопленія деньги начинаютъ служить лишь значительно позже). Теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что появленіе въ обращеніи денегъ не было и не могло быть результатомъ искусственнаго плана какого-нибудь правителя или законодателя. Деньги должны были появиться въ результатѣ раздѣленія труда и занятій, но уже послѣ того, какъ практи-

ковался въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода натуральный обмѣнъ. Чисто мѣстныя условія или характеръ производительности тѣхъ или другихъ странъ и народовъ должны были выдвинуть значеніе какого-нибудь одного наиболѣе ходкаго товара въ роли и значеніи денегъ. Ими долженъ былъ сдѣлаться такой предметъ, который каждый продавецъ охотно бралъ въ обмѣнъ за свой продуктъ, будучи увѣренъ въ томъ, что на этотъ товаръ онъ всегда найдетъ охотника, кому бы его сбыть въ свою очередь. И вотъ, въ зависимости отъ этихъ временныхъ и мѣстныхъ условій, деньгами являются: скотъ (или его части, напр., шкуры), соль, слоновые клыки, различные плоды, чай (какъ напримѣръ и донынѣ кирпичный въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ азіатскими инородцами), золотой песокъ и т. п.

Никто никому не могъ бы навязать въ роли денегъ товара, не обезпеченнаго благопріятными условіями его сбыта, и потому только сами по себѣ естественныя свойства благородныхъ металловъ сдѣлали ихъ всемірнымъ орудіемъ обращенія; (свойства эти заключаются въ томъ, что благородные металлы не портятся отъ времени и, заключая въ небольшомъ объемѣ большую цѣнность, легко дробимы и удобосохраняемы). Но, разъ явившись въ роли денегъ, золото и серебро начинаютъ быстро переживать вышеуказанный процессъ развитія, какъ типъ общественныхъ явленій. Пріобрѣтя форму *монеты*, деньги издавна обращаютъ на себя вниманіе правителей, изъ чеканки ихъ дѣлающихъ свою привилегію (регалію). И тогда наступаетъ другой фазисъ — выпускъ (чеканка) денегъ становится однимъ изъ актовъ планомѣрной правительственной дѣятельности, иногда даже преступающей границы своего естественнаго правомочія. Такъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ нерѣдко практиковалась умышленная порча и фальсификація монетъ правительствомъ, за что непочтительные потомки надѣляли своихъ королей прозвищами «фальшивыхъ монетчиковъ». Въ концѣ - концовъ этому произволу самою жизнью или естественно-экономическими условіями кладется предѣлъ, такъ какъ испорченная монета все болѣе и болѣе теряетъ въ своей цѣнности, такъ что становится уже очевидной и для правителей невыгодность ея фальсификаціи. Явленіе это (деньги) изъ области чрезмѣрнаго произвола вводится снова въ свои естественныя рамки; но внѣшняя сторона дѣла все-таки существенно измѣняется, такъ какъ оно (выпускъ монеты) все-таки остается сосредоточеннымъ въ рукахъ правительства. Послѣднее регулируетъ теперь монетное дѣло согласно указаніямъ экономической науки, развившейся прежде всего изъ критики различныхъ монетныхъ системъ и изученія значенія

денегъ, (напримѣръ, чисто научный споръ о преимуществахъ золотой, серебряной или двойственной монетной системы).

Аналогичное явленіе обнаруживается въ исторіи развитія бумажныхъ денегъ—этихъ условныхъ денежныхъ знаковъ или ихъ суррогатовъ. И тутъ, какъ только была открыта возможность созданія этихъ, такъ сказать, искусственныхъ денегъ (въ противоположность естественнымъ металлическимъ), нѣкоторыя правительства вначалѣ впадали въ ту же крайность, что и по отношенію къ звонкой монетѣ, но затѣмъ сами должны были сознать, что произвольности выпуска бумажныхъ денегъ долженъ быть поставленъ извѣстный предѣлъ.

Точно также можно указать на то великое *начало раздѣленія труда и занятій* (спеціализація промысловъ), которое несомнѣнно исподволь и само по себѣ должно было возникнуть и играть свою роль въ исторіи развитія хозяйства; но въ отдѣльныхъ случаяхъ и оно даетъ возможность прослѣдить надъ нимъ ту же двойственность въ его происхожденіи. Начало это развивается естественнымъ, медленнымъ путемъ, когда оно обусловливается постепеннымъ приростомъ населенія и особенно сгущеніемъ его въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Цѣлесообразность раздѣленія труда обусловливается именно этою густотою населенія и живымъ, вызываемымъ этимъ, въ свою очередь, обмѣномъ продуктовъ и размѣрами сбыта. Въ старинныхъ, медленно развивающихся поселеніяхъ лишь исподволь развивается эта спеціализація промысловъ и торговли; но въ молодыхъ странахъ, какъ, напр., въ Сѣв. Амер. Соедин. Штатахъ, цѣлыя поселенія иногда сразу и по заранѣе составленному плану возникаютъ изъ извѣстнаго числа лицъ, предварительно распредѣлившихъ между собою различныя хозяйственныя роли. Да и вообще, если старинные *города* возникали и развивались безъ всякаго предварительнаго плана, а больше въ силу различныхъ случайныхъ условій, то теперь въ той же Сѣв. Америкѣ мы можемъ наблюдать возникновеніе цѣлыхъ громадныхъ городовъ, въ которыхъ, задолго до постройки домовъ, уже вполнѣ распланированы были улицы, площади и т. д.

Далѣе, въ смыслѣ общаго правила, теперь самодѣйствующимъ регуляторомъ размѣровъ производства и торговли является *спросъ и предложеніе*, въ качествѣ явленія, неотражающаго на себѣ сознательнаго общаго плана со стороны массы населенія, а съ другой стороны мы видимъ все болѣе и болѣе развивающіяся со стороны торговцевъ и производителей попытки *сознательнаго* пользованія рынкомъ, т.-е. условіями сбыта. Въ торговлѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, это выражается въ повсемѣстномъ учрежденіи и развитіи товарныхъ биржъ, какъ мѣстъ сосредоточенія

свѣдѣній о цѣнахъ, а стало быть и потребностяхъ въ тѣхъ или другихъ товарахъ въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны и даже на всемірномъ рынкѣ. Со своей стороны, производители товаровъ стремятся все болѣе и болѣе захватить въ свои руки цѣны товаровъ путемъ искусственнаго регулированія размѣровъ производства, устраняя свободную, ничѣмъ несдерживаемую взаимную конкурренцію (синдикаты). Въ этомъ своемъ стремленіи производители впадаютъ даже нерѣдко въ такую же крайность, какъ средневѣковые цехи, ставившіе въ концѣ своего развитія слишкомъ узкія препоны размѣрамъ производства и улучшеніямъ техники. Какъ съ тѣми, такъ и съ другими формами чрезмѣрнаго произвола приходилось и приходится бороться опять-таки при посредствѣ различныхъ болѣе или менѣе сознательныхъ мѣръ борьбы.

Въ смыслѣ еще болѣе разительнаго примѣра сознательнаго воздѣйствія на сферу промышленности и торговли можно указать на развитіе различныхъ мѣръ по урегулированію *международныхъ* торговыхъ сношеній. Въ этомъ отношеніи принципіально уже можетъ считаться вполнѣ отвергнутымъ прежнее убѣжденіе въ полной ненадобности этихъ мѣръ. Вопросъ же или сомнѣнія возникаютъ только о томъ, какъ и чему слѣдуетъ покровительствовать, при помощи тѣхъ или другихъ таможенныхъ тарифовъ или торговыхъ договоровъ, и т. п.

Укажемъ хотя бы вкратцѣ еще на слѣдующіе два примѣра: спеціально порядокъ «*установленія цѣнъ на товары и величины процента на капиталъ*».

Теперь, по общему правилу, *цѣны на товары* устанавливаются свободнымъ соглашеніемъ продавцовъ и покупателей, подчиняясь общимъ законамъ стоимости производства и подъ вліяніемъ колебаній, производимыхъ на рынкѣ спросомъ и предложеніемъ. Но въ исторіи мы встрѣчаемъ указанія на то, что иногда цѣны устанавливались болѣе или менѣе искусственно высшею правительственною или мѣстною властью. Да и теперь нерѣдки случаи установленія предѣльныхъ цѣнъ (таксъ и тарифовъ) по отношенію къ товарамъ или услугамъ. Это даже считается необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда продавцы находятся въ особенно благопріятныхъ или исключительныхъ условіяхъ, по сравненію съ покупателями. Таково, напримѣръ, положеніе содержателей буфетовъ на пароходахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п., потому что тутъ они являются монополистами. Вообще, искусственное нормированіе цѣнъ является весьма цѣлесообразнымъ средствомъ для борьбы съ разными злоупотребленіями торговцевъ, а потому теперь ни въ теоріи, ни на практикѣ не счи-

тается уже возможнымъ полагаться въ этомъ дѣлѣ на исключительно свободныя условія хозяйственной дѣятельности или на самому себѣ предоставленный рыночный оборотъ. На мѣсто самодѣйствующаго регулятора—спроса и предложенія—выступаетъ, какъ уже выше было указано, самостоятельный и сознательный хозяйственный планъ. (Это, напримѣръ, особенно замѣтно въ заботахъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ виду различныхъ случайностей, связанныхъ съ урожаемъ).

Точно также и по отношенію къ *проценту на капиталъ*. Въ исторіи мы встрѣчаемъ попеременно борьбу двухъ теченій: то дѣло это предоставляется вполнѣ свободному соглашенію сторонъ, то, наоборотъ, правительство считаетъ своею обязанностью устанавливать максимальные предѣлы роста. До послѣдняго времени, казалось, вполнѣ прочно установилось убѣжденіе, что всѣ подобныя правительственныя мѣры не только не достигаютъ своей цѣли, но даже приводятъ иногда къ противоположнымъ результатамъ. Но теперь замѣчается опять какъ бы обратное теченіе, выражающееся въ томъ, что снова искусственно устанавливаются предѣльные размѣры процента, взимаемаго по ссудамъ, подъ угрозою наказанія за ростовщичество. Правда, теперь эти ограниченія не имѣютъ характера общихъ, какъ прежде, мѣръ, а направлены они только именно на особыя сдѣлки, считаемыя *ростовщическими*, потому что въ нихъ находятся признаки злоупотребленія со стороны кредиторовъ бѣдственнымъ или стѣсненнымъ положеніемъ заемщиковъ. Въ чисто коммерческихъ или промышленныхъ отношеніяхъ, т.-е. когда обѣ стороны предполагаются болѣе или менѣе равными по своей силѣ, вмѣшательство это считается по-прежнему излишнимъ. Въ дѣйствительности мѣры эти могутъ быть пока еще не совершенными и не приводить къ желаемымъ результатамъ; но все-таки въ намѣреніи и попыткахъ вести борьбу съ лихвой мы видимъ несомнѣнный признакъ того, что и въ этомъ отношеніи утратилась вѣра въ безусловное преимущество господства quasi-естественныхъ экономическихъ законовъ, согласно которымъ высота процента можетъ и должна обусловливаться, главнымъ образомъ, только количествомъ капиталовъ въ той или другой странѣ.

Суммируя общія черты всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, мы вотъ въ концѣ-концовъ и получаемъ выводъ, въ видѣ необходимости признанія двухъ типовъ общественныхъ явленій—однихъ, какъ продуктовъ безсознательнаго коллективнаго творчества, и другихъ, какъ продуктовъ извѣстнаго болѣе или менѣе сознательно проводимаго плана дѣйствія.

Еслибы всѣ общественныя явленія, или хотя бы только эко-

номическія, могли быть отнесены лишь къ первой изъ этихъ двухъ категорій, то тѣмъ самымъ разрѣшался бы и вопросъ о методѣ ихъ изслѣдованія въ пользу его единства. Мы могли бы и должны бы были тогда примѣнять при изученіи этихъ явленій методъ изслѣдованія ихъ, сводимый къ точкѣ зрѣнія ихъ *причинности*, а не *цѣли*, ставимой въ иныхъ случаяхъ болѣе или менѣе сознательно руководящими общественными или государственными сферами или отдѣльными группами гражданъ.

Но еслибы даже было признано правильнымъ и возможнымъ изучать эти явленія исключительно съ точки зрѣнія причинности, то все-таки этимъ не вполнѣ еще рѣшался бы вопросъ о единствѣ метода ихъ изслѣдованія. Такъ, въ примѣненіи къ экономическимъ изслѣдованіямъ, долгое время считался,—а нѣкоторыми экономистами и до сихъ поръ считается,—единственно пригоднымъ методомъ — *дедуктивный* [1]). Въ основу примѣненія дедукціи кладется положеніе такого рода, что причиной, производящей всѣ экономическія явленія, является эгоизмъ личности или ея хозяйственный интересъ. На этой догмѣ эгоизма или господства индивидуальныхъ матерьяльныхъ интересовъ строится все зданіе экономической науки, причемъ, сознательно или безсозна-

---

[1]) Такъ смотритъ на дѣло проф. *А. Исаевъ*: «Начала Политич. Экономіи», 1-е изд. 1894 и 2-е—1895 г., хотя во второмъ изданіи этотъ абсолютный приговоръ нѣсколько уже смягчается. О методологическихъ недостаткахъ этого курса см. нашу статью въ журналѣ «Русское Богатство», февраль 1894 г. Въ еще большей степени страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ авторъ одного изъ наиболѣе выдающихся сочиненій по методологіи полит. экономіи, проф. *К. Менгеръ*. Въ своемъ изслѣдованіи о методахъ соціальныхъ наукъ и полит. экономіи въ особенности (есть русскій переводъ А. Гурьева) Менгеръ, ясно разграничившій вышеуказанные два типа общественныхъ явленій и у котораго мы заимствовали нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ, въ концѣ-концовъ приходитъ къ тому выводу, что полит. экономія, какъ чистая теоретическая наука, должна примѣнять методъ абстрактный, называемый имъ точнымъ, которымъ и считается дедуктивный методъ. Посему наука эта и должна имѣть своимъ предметомъ изученіе *только* явленій первой категоріи, т.-е. продуктовъ несознательнаго творчества. Явленія же второй категоріи могутъ быть изучаемы и объясняемы при помощи реалистическо-эмпирическаго метода, именуемаго также историческимъ, но считаемаго непригоднымъ для полит. экономіи, какъ теоріи народнаго хозяйства. Осуществленіе на дѣлѣ такого плана и метода изслѣдованія во всей его послѣдовательности привело бы къ тому, что деньги, напримѣръ, подлежали бы изученію только въ своей первоначальной формѣ. Но лишь только онѣ становятся монетами, чеканимыми по извѣстному плану правительствомъ, то онѣ, относясь уже ко второму типу явленій, подлежали бы изученію другимъ методомъ, а потому и другой наукой. Будучи вѣренъ этимъ теоретическимъ своимъ взглядамъ, Менгеръ до сихъ поръ не могъ составить полнаго курса полит. экономіи, а ограничился въ сущности однимъ только введеніемъ. (Grundsätze d. Volkswirthschafslehre).

тельно, отвергаются другіе движущіе стимулы или организующія начала народнаго хозяйства, какъ прямое обезпеченіе общественныхъ интересовъ и мотивы нравственные. Такой способъ построенія науки оказался весьма пригоднымъ для того, чтобы создать то, что мы должны теперь считать лишь главнымъ основаніемъ или остовомъ чистой теоретической экономіи. Въ такой формѣ развивавшаяся наука оказалась, однако, слишкомъ отвлеченной, не говоря уже объ односторонпемъ или слишкомъ узкомъ освѣщеніи сущности изучаемыхъ явленій. Немудрено поэтому, что, при господствѣ въ ней такого метода и построенія, научныя изслѣдованія этой области общественныхъ явленій не могли дать достаточнаго матерьяла для развитія чисто научной любознательности. Кромѣ того, съ этимъ была неизбѣжно связана самая постановка вопросовъ или задачи науки исключительно на почву изученія того, *что есть* и *что какъ и почему происходитъ* въ сферѣ хозяйства, съ полнымъ исключеніемъ или рѣзкимъ отдѣленіемъ отъ науки вопросовъ о томъ, *что должно быть* для лучшаго обезпеченія человѣческаго благосостоянія. Устраненіе послѣдней постановки вопроса находило себѣ основаніе еще въ томъ, тоже дедуктивно полученномъ выводѣ, что разъ будетъ предоставлена полная свобода въ хозяйственной дѣятельности, то люди, преслѣдуя только свои индивидуальные интересы, тѣмъ самымъ и всему обществу обезпечатъ наибольшее благосостояніе. Ложность такого вывода заключается въ томъ, что общество не есть лишь простая ариѳметическая сумма индивидуальныхъ интересовъ, и всѣ они не только не совпадаютъ другъ съ другомъ и съ интересами цѣлаго общежитія, но часто на столько противоположны, что вызываютъ необходимость ихъ болѣе или менѣе искусственнаго регулированія и разграниченія. Условія этой борьбы за существованіе для отдѣльныхъ лицъ и группъ на столько теперь признаются неодинаковыми, что все болѣе и болѣе развивается сознаніе необходимости выступать на защиту интересовъ разныхъ слабѣйшихъ группъ, далеко не могущихъ свободными индивидуальными усиліями составляющихъ ихъ единицъ наилучше обезпечить свое благосостояніе. Рѣзкій примѣръ такого воздѣйствія со стороны общества на условія и формы этой борьбы интересовъ представляетъ собою быстро въ послѣднее время развивающееся регулированіе различныхъ сторонъ рабочаго вопроса. Источника такихъ мѣръ, очевидно, никакъ уже нельзя видѣть въ проявленіи интересовъ господствующаго класса капиталистовъ, а въ чемъ-то совершенно иномъ, имъ противоположномъ, именно въ признаніи правительствомъ необходимымъ ограждать справедливые интересы рабочихъ, въ

виду опасностей, угрожающихъ обществу, если значительная часть его населенія находится въ слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни и труда.

Абстрактно-дедуктивный методъ въ смыслѣ исключительнаго, или хотя бы только преобладающаго, помимо указанныхъ уже причинъ, оказался непригоднымъ еще вотъ почему:

Если могло установиться воззрѣніе на экономическія явленія, какъ на подчиненныя извѣстной строгой закономѣрности, то это значитъ, что было обращено главное вниманіе лишь на наиболѣе общія стороны этихъ явленій, устраняя случайныя и индивидуальныя особенности. Другими словами, предметомъ изученія оказались явленія однородныя въ общей ихъ массѣ и какъ таковыя подлежащія наблюденію. А въ то же время мы знаемъ, что изученіе массовыхъ явленій, съ точки зрѣнія ихъ причинности и закономѣрности, всего лучше достигается при помощи метода *статистическаго*. Статистическій же методъ неоспоримо есть типичнѣйшій представитель примѣненія *индукціи* и обратной дедукціи къ изслѣдованію общественныхъ явленій, а въ то же время онъ безусловно отрицаетъ всякія апріорныя (дедуктивныя) построенія и ихъ основы. Политической экономіи нельзя, однако, обойтись безъ помощи статистики, если только не допускать, чтобы эта наука, затрогивающая столь жизненныя и реальныя явленія, превратилась въ рядъ логическихъ абстракцій или совершенно отвлеченныхъ отъ нуждъ дѣйствительной жизни выводовъ, положеній, опредѣленій и т. п. Съ такимъ узкимъ пониманіемъ задачи политической экономіи нельзя, конечно, мириться, тѣмъ болѣе, что, по своей сущности, явленія экономическія суть явленія, несомнѣнно не только измѣняющіяся по мѣрѣ развитія формъ хозяйства, но еще и измѣняющіяся, какъ мы выше старались доказать, въ значительной степени подъ вліяніемъ элементовъ не только причинности, но и цѣлесообразности. Это послѣднее и относится ко второй категоріи типовъ экономическихъ явленій, какъ продуктовъ сознательнаго воздѣйствія коллективныхъ общественныхъ силъ на явленія и организацію человѣческаго хозяйства. А потому явленія эти и должны быть изучаемы съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, а не съ одной первой.

Конечно, на все это найдутся охотники возражать такимъ образомъ, что-де и то, что мы считаемъ продуктами сознательнаго творчества, есть, въ сущности, тоже продуктъ воздѣйствія на коллективную волю и сознаніе всего общества или нѣкоторыхъ его группъ различныхъ внѣшнихъ факторовъ, подобно тому, какъ факторы эти подчиняютъ себѣ волю и сознаніе отдѣльныхъ лицъ, выражающіяся въ явленіяхъ первой категоріи. Въ послѣднее

время попытки подобнаго рода объясненія процесса развитія опять начинаютъ воскресать и увлекать адептовъ такою простотой, или, какъ нѣкоторые выражаются, даже «красотой» формулы общественнаго развитія. По внутреннему своему содержанію эта новѣйшая «монистическая» теорія есть теорія матерьялистическая въ томъ смыслѣ, что въ основу всѣхъ общественныхъ явленій она кладетъ эгоистическое стремленіе человѣка по удовлетворенію его преимущественно матерьяльныхъ потребностей. А это вѣдь въ то же время является въ глазахъ представителей этой теоріи, равно какъ и нѣкоторыхъ экономистовъ, исключительнымъ содержаніемъ хозяйственной стороны жизни общества. Въ еще болѣе внѣшнихъ своихъ выраженіяхъ теорія эта сводится къ тому, что весь строй общества, не только экономическій, но и политическій и правовой въ широкомъ смыслѣ слова—все это считается *продуктомъ только тѣхъ или иныхъ формъ производства, сбыта и обмѣна* цѣнностей. Посему наблюденный въ нѣсколькихъ странахъ процессъ хозяйственнаго развитіи долженъ, будто бы, неизбѣжно вполнѣ аналогично повторяться въ другихъ, почему-либо позднѣе выступившихъ на этотъ общій путь развитія, и вызывать далѣе такія же измѣненія въ остальныхъ сторонахъ жизни общества.

Нѣтъ надобности оспаривать того, что экономическія условія и отношенія играютъ выдающуюся роль въ жизни современнаго общества. Но если это такъ теперь, то, съ другой стороны, нельзя согласиться, что такъ оно было всегда въ исторіи. Капиталъ, какъ именно *историческая* категорія, въ видѣ *безличной* экономической силы, могъ занять свое современное господствующее положеніе только по достиженіи болѣе или менѣе полнаго равенства политическихъ и гражданскихъ правъ гражданъ или при условіи внѣшней формальной ихъ свободы. Прежде же самостоятельной причиной или источникомъ господства, съ одной стороны, и зависимости, съ другой, были именно эти неравныя политическія и правовыя условія, выражавшіяся въ кастовомъ или сословномъ строѣ общества, въ юридико-экономическихъ институтахъ рабства, крѣпостного права и т. п. Положеніе людей въ обществѣ предопредѣлялось заранѣе условіями ихъ происхожденія изъ того или другого класса или сословія. Посему никакія индивидуальныя усилія не могли измѣнить къ лучшему положеніе лицъ низшихъ классовъ общества, какъ, напримѣръ, рабовъ или крѣпостныхъ, за самыми рѣдкими исключеніями. Съ другой стороны, разъ установившись, эти прежнія общественныя отношенія на столько сами по себѣ обезпечивали господствовавшимъ классамъ матерьяльное довольство, безъ всякихъ особыхъ индивидуальныхъ усилій съ ихъ

стороны, что постоянная забота объ экономическихъ нуждахъ и интересахъ не играла въ ихъ жизни той выдающейся роли, какъ теперь, когда дѣйствительно матерьяльно-экономическіе интересы составляютъ главнѣйшее содержаніе борьбы за существованіе. Оттого-то въ древней Греціи и въ Римѣ и могло считаться совершенно неподобающимъ для полноправнаго гражданина занятіе его хозяйствомъ.

Съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ усиленія значенія денежнаго и вообще болѣе подвижнаго капитала, заботы объ обезпеченіи лучшаго матерьяльнаго благосостоянія перестаютъ считаться унизительными для высшихъ классовъ. Развитіе представительныхъ формъ правленія вноситъ эту борьбу уже экономическихъ, а не сословныхъ интересовъ въ политику; но такъ какъ интересы разныхъ экономическихъ группъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ противоположны другъ другу, то на долю политики уже выпадаетъ задача приводить ихъ къ тому или другому соглашенію, взаимнымъ уступкамъ и т. д. Вслѣдствіе этого внутренняя политика, въ тѣсномъ смыслѣ слова, является все болѣе и болѣе орудіемъ сознательнаго коллективнаго творчества, какъ средство установленія господства или же равновѣсія различныхъ общественныхъ силъ.

Но этого не хотятъ понять тѣ, которые желаютъ во всемъ видѣть проявленіе однѣхъ экономическихъ силъ и интересовъ и имъ однимъ считаютъ подчиненными всѣ условія общественнаго развитія. (Такъ, напримѣръ, отрицается, что войны могли когда-нибудь вестись по какимъ-либо инымъ мотивамъ, кромѣ экономическихъ, что, разумѣется, просто уже вздоръ).

II.

Слѣпая вѣра въ такую всеобщую формулу развитія, которая выражается въ торжествѣ совершенно неподдающихся человѣческому воздѣйствію законовъ, приводитъ послѣдователей къ своего рода горделивому помѣшательству, выражающемуся въ претензіи на полный ихъ *объективизмъ*. Сущность послѣдняго заключается въ томъ, что въ число задачъ по изученію общественныхъ явленій отнюдь не должна входить ихъ *оцѣнка*. Отсюда же получается и прямой конечный выводъ, что нечего и задаваться какими-либо сознательными цѣлями и планами борьбы, хотя бы этотъ закономѣрный и неумолимый процессъ развитія причинялъ собою горе и страданія всему обществу или нѣкоторымъ частямъ его. Со всѣми различными бѣдствіями, настоящими или только еще предстоящими на послѣдующихъ ступеняхъ, надо попросту мириться,

какъ съ неизбѣжнымъ и неустранимымъ зломъ. Утѣшаться же слѣдуетъ тѣмъ, что въ концѣ-концовъ всѣ бѣдствія сами собой исчезнутъ, ибо развитіе въ послѣднемъ своемъ фазисѣ выразится въ полномъ усовершенствованіи строя общества на совершенно новыхъ началахъ хозяйства.

Такой объективизмъ, значитъ, въ сущности есть замаскированный оптимизмъ, и потому его нельзя смѣшивать съ объективизмомъ и оптимизмомъ первоначальныхъ экономистовъ школы Ад. Смита, которыхъ нерѣдко называютъ экономистами буржуазными. Общее между тѣми и другими то, что всѣ они одинаково вѣрятъ въ господство *естественно-экономическихъ* законовъ, дѣлающихъ излишнимъ или безцѣльнымъ сознательное, напримѣръ, государственное вмѣшательство въ сферу народнаго хозяйства съ цѣлью сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ характерѣ экономическихъ отношеній разныхъ общественныхъ классовъ, ради измѣненія направленія и строя промышленности. Различіе же заключается, во-первыхъ, въ томъ, что эти прежніе экономисты смотрѣли на самый процессъ хозяйственнаго развитія, какъ на уже совершившійся и законченный; установившійся же современный (капиталистическій) строй хозяйства они признавали за наиболѣе или даже абсолютно совершенный. Ну, съ этимъ послѣднимъ, конечно, не согласны современные объективисты, такъ какъ у нихъ все-таки есть идеалы, но только иные, и есть даже увѣренность, что идеалы ихъ будутъ достигнуты—хотя бы только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Современный хозяйственный строй или система, значитъ, представляется имъ несовершенной, и если они съ нею, тѣмъ не менѣе, мирятся, то, какъ уже сказано, только какъ съ необходимой переходной ступенью или средствомъ достиженія лучшаго будущаго. Въ частности можно указать еще на одну схожую черту въ воззрѣніяхъ на хозяйственныя явленія у классическихъ экономистовъ и современныхъ объективистовъ—это одинаковое перенесеніе центра тяжести всѣхъ вопросовъ на процессъ производства и отодвиганіе на второй планъ вопроса о распредѣленіи дохода. И это потому, что элементъ оцѣнки экономическихъ явленій, конечно, играетъ и долженъ играть гораздо большую роль въ этомъ второмъ процессѣ. Включеніе же элемента оцѣнки можетъ угрожать или противорѣчить объективизму, какъ основанію ихъ міросозерцанія.

Съ другой стороны, это объективизмъ только «мнимый», потому что какой же это объективизмъ, когда, характеризуя эту теорію, никакъ нельзя избѣжать опредѣленій, въ родѣ стремленій къ «лучшему» или «болѣе совершенному» строю будущаго, и т. п. Вѣдь это такъ или иначе приходится назвать и считать *оцѣнкою*

современнаго строя, хотя бы и отрицательною. Дальнѣйшій споръ можетъ заключаться только въ томъ, что если въ современной системѣ заключаются какіе-либо недостатки,—по оцѣнкѣ ихъ съ точки зрѣнія настоящаго или будущаго, все равно,—то спрашивается: можно-ли и должно-ли научнымъ изслѣдователямъ и практическимъ дѣятелямъ стремиться—первымъ къ указанію средствъ для ихъ устраненія, а вторымъ—къ осуществленію этихъ рекомендуемыхъ наукою мѣръ?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, даваемый сторонниками такого объективизма, хотя съ внѣшней стороны логически и вытекаетъ изъ него, но, разумѣется, не можетъ быть признанъ по существу правильнымъ. Для поясненія этого необходимо обратиться къ конкретному примѣру, рисующему эту теорію наиболѣе характерно и который самъ по себѣ затрогиваетъ уже болѣе общій вопросъ о закономѣрности развитія хозяйства вообще и въ частности о необходимости переживанія Россіей въ полной мѣрѣ ступени капиталистической.

Способъ доказательства этого положенія сводится къ слѣдующему: наблюденія надъ развитіемъ обрабатывающей промышленности обнаруживаютъ, что крупныя капиталистическія формы предпріятій одерживаютъ побѣду надъ мелкими, и далѣе, крупныя еще болѣе увеличиваютъ свои размѣры, сокращаясь въ своей численности. При этомъ бывшіе мелкіе самостоятельные ремесленники, если не сами непосредственно, то въ лицѣ своего потомства, переходятъ въ разрядъ наемныхъ рабочихъ. Такой процессъ дѣйствительно подтверждается путемъ наблюденія надъ развитіемъ обрабатывающей промышленности въ большинствѣ культурныхъ государствъ. Признавая такой исходъ обязательнымъ и однороднымъ для всѣхъ странъ вообще—какъ общую формулу развитія—сторонники ея считаютъ необходимымъ и даже желательнымъ, чтобы въ странахъ со сравнительно болѣе отсталой промышленностью процессъ этотъ тоже совершился и даже какъ можно быстрѣе, разъ что онъ, все равно, неизбѣженъ и представляетъ собою необходимое преддверіе къ дальнѣйшему лучшему будущему.

Въ Россіи сохраняется до сихъ поръ весьма распространенная форма мелкой кустарной промышленности, занимающая около 8 милліоновъ тружениковъ, въ то время, какъ въ промышленности крупной, построенной на капиталистическихъ основахъ, занято менѣе $1^1/_2$ милл. рабочихъ. Слѣдуетъ-ли отсюда, что наши кустари обречены на болѣе или менѣе быстрое превращеніе въ наемныхъ рабочихъ, и потому не только безсильны всѣ мѣры, направленныя къ развитію или хотя бы только поддержанію ку-

старныхъ промысловъ, но даже эти мѣры, будто бы, нежелательны, потому что онѣ могутъ лишь замедлять этотъ неумолимый законъ развитія? Съ точки зрѣнія разсматриваемой формулы, слѣдуетъ на все это отвѣтить утвердительно и потому предоставить кустарей ихъ судьбѣ.

Какъ образецъ дедукціи, выводъ этотъ вполнѣ правиленъ; дѣлающія же его лица будутъ даже, пожалуй, отрицать, что это дедукція, утверждая, что выводъ этотъ есть эмпирически открываемый законъ развитія, выводъ индуктивный, какъ построенный на наблюденіи массы фактовъ или явленій и т. п.

Что наблюденіе тутъ въ основѣ было—это несомнѣнно; но оно было одностороннимъ, потому что ему подвергался процессъ развитія лишь западно-европейскихъ странъ, гдѣ было одно, общее почти для всѣхъ ихъ, какъ бы извнѣ привходящее, условіе, содѣйствовавшее такому процессу развитія или, по крайней мѣрѣ, ускоренію его темпа. Это условіе заключалось въ предшествовавшемъ этому процессу развитія *обезземеленіи* массъ крестьянскаго населенія, породившемъ очень быстро классъ свободныхъ лицъ, устремившихся въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ область обрабатывающей промышленности (капиталистической).

У насъ же освобожденіе крестьянъ сопровождалось не обезземеленіемъ ихъ, а, наоборотъ, надѣленіемъ ихъ землею, особенно прочно за ними закрѣпленною тамъ, гдѣ она представляетъ собою коллективную ихъ собственность—поземельную общину. Вотъ уже одного—отрицательнаго—условія для тождества въ условіяхъ развитія какъ будто и нѣтъ. А въ качествѣ положительнаго условіе это даетъ возможность нашимъ кустарямъ держаться гораздо дольше въ качествѣ самостоятельныхъ производителей, потому что промыслами этими, въ большинствѣ случаевъ, занимаются какъ *побочными* лица, не прервавшія связи со своей землею, въ свободное отъ лѣтнихъ сельскихъ работъ время. При такомъ условіи кустари оказываются въ состояніи выдерживать конкурренцію съ крупными капиталистическими производствами гораздо лучше, чѣмъ мелкіе производители безземельные, какъ одиночки, такъ и еще болѣе, чѣмъ тѣ изъ нихъ, которые пользуются наемными рабочими.

Иностранные же представители такъ назыв. домашней промышленности (Hausindustrie) представляютъ собою низшую ступень чисто капиталистическаго хозяйства, потому что они работаютъ надъ чужимъ матерьяломъ, нерѣдко даже чужими инструментами и прямо получаютъ заработную плату отъ предпринимателей, дающихъ имъ эту работу. Очевидно, роль послѣднихъ существенно отличается отъ роли нашихъ скупщиковъ кустарныхъ

издѣлій, хотя и послѣдніе вообще могутъ держать кустарей въ извѣстнаго рода тискахъ, но, во всякомъ случаѣ, не въ условіяхъ найма. Тутъ только *сбытъ*, но не производство имѣетъ капиталистическій оттѣнокъ. Въ общей же массѣ кустари суть самостоятельные хозяева, въ качествѣ крестьянъ-собственниковъ и предпринимателей, несущихъ сами рискъ.

Когда теорія встрѣчается съ такимъ возраженіемъ (какъ вліяніе факта обезземеленія или сохраненія земли), то, ради ея логической послѣдовательности, приходится идти еще далѣе, что и дѣлается ея сторонниками, говорящими, что-де и самое сохраненіе у насъ земли за крестьянами тоже противорѣчитъ формулѣ, ибо и земля, какъ одинъ изъ условныхъ видовъ капитала,—въ смыслѣ орудія производства,—должна тоже перейти въ руки класса лицъ, противополагаемыхъ рабочимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Другими словами, и въ самомъ земледѣліи долженъ совершиться тотъ же процессъ капитализаціи промысла, подъ угрозой отсталости сельскохозяйственной техники или меньшей производительности, если хозяйства не будутъ вести капиталистическимъ способомъ. Отсюда, конечно, одинъ шагъ до признанія неизбѣжности, а потому, будто бы, и необходимости обезземеленія нашего крестьянства, превращенія его въ классъ наемныхъ батраковъ и т. д. И передъ этимъ шагомъ не останавливается формула единства законовъ развитія [1]) во славу этого единства: fiat principium pereat mundus! Но міръ нашъ, конечно, отъ этого не погибнулъ бы, а только для него наступило бы очень тяжелое и, можетъ быть, продолжительное переходное время, уже давно и долго переживаемое нашими западными сосѣдями, пока не наступитъ новая хозяйственная эра.

И такъ, въ жертву принципу, съ одной стороны, и будущихъ отдаленныхъ поколѣній, съ другой стороны, приносятся интересы настоящихъ и ближайшихъ поколѣній, лишь бы только это лучшее будущее наступило, примѣрно, не черезъ 200 или 300 лѣтъ, а черезъ 100 или 200. Примиреніе и успокоеніе находится въ объективизмѣ, который въ данномъ случаѣ, по какому-то недоразумѣнію, противопоставляется *субъективизму* или *идеализму* противниковъ. Между тѣмъ здѣсь объективизмъ можетъ и долженъ пониматься вовсе не въ смыслѣ безпристрастности или даже безсердечія его приверженцевъ, а скорѣе лишь въ смыслѣ *вѣры*

[1]) Одинъ изъ приверженцевъ этой формулы или теоріи,—агрономъ, смотрящій на этотъ вопросъ, конечно, преимущественно съ точки зрѣнія своей технической спеціальности,—выражаетъ эту мысль очень деликатно: часть крестьянъ—около 20% населенія, т.:е. 20 милл. лицъ,—должны быть «освобождены» отъ земли.

въ непреложность законовъ развитія, противъ которыхъ признаются безсильными попытки сознательнаго воздѣйствія на формы, условія и организацію хозяйства. Все дѣло сводится, значитъ, къ тому же, что̀ служитъ главной темой нашего методологическаго изслѣдованія—къ признанію одного, а не двухъ типовъ экономическихъ явленій, именно къ признанію всѣхъ явленій продуктами лишь безсознательнаго коллективнаго творчества.

Чѣмъ же слѣдуетъ объяснить эту своеобразную слѣпоту въ видѣ упорнаго отрицанія этой двойственности типовъ общественныхъ явленій? Намъ кажется, что основная ошибка кроется какъ въ самомъ методѣ, такъ и въ характерѣ наблюденія и изслѣдованія явленій, что мы постараемся еще болѣе доказать на частностяхъ этого примѣра, т.-е. коснувшись его второй части—признанія необходимости и неизбѣжности обезземеленія крестьянства.

Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ такъ разрѣшается примѣненіемъ неправильнаго метода изслѣдованія, въ основѣ своей имѣющаго апріорный отправной пунктъ, въ силу чрезмѣрнаго обобщенія и не при помощи наблюденія надъ фактами дѣйствительности, а просто *по аналогіи*, которая въ данномъ случаѣ не можетъ быть признана научной. Апріорность отправного пункта заключается въ недоказанномъ положеніи, что въ основѣ всего общественнаго развитія лежатъ *одни экономическіе* факторы, въ частности формы производства и сбыта (это признакъ дедуктивизма). А далѣе путь доказательства этого положенія сводится къ слѣдующему: капитализмъ *восторжествовалъ* въ промышленности обрабатывающей,—*значитъ*, то же самое *должно* произойти и въ земледѣліи; или: законы развитія обрабатывающей промышленности оказываются *одинаковыми* въ большинствѣ западноевропейскихъ странъ,—значитъ *то же самое должно* быть и относительно земледѣлія. Если еще относительно перваго изъ этихъ «*должно*» возможны споры или сомнѣнія, то относительно второго они недопустимы, потому въ первомъ положеніи говорится о томъ, что еще имѣетъ у насъ произойти, а во второмъ мы имѣемъ дѣло лишь съ простыми фактами, которые говорятъ намъ вовсе не объ однообразіи во всѣхъ отношеніяхъ не только у насъ, но и въ Зап. Европѣ. Достаточно только обратить вниманіе на дѣйствительно болѣе или менѣе однородный строй западно-европейской обрабатывающей промышленности, установившійся какъ результатъ ея развитія, съ одной стороны, и на чрезвычайное разнообразіе типовъ земельнаго устройства въ тѣхъ же странахъ, съ другой стороны. Мы увидимъ тутъ и цѣлые вѣка просуществовавшее и понынѣ сохранившееся крупное землевладѣніе въ Ан-

гліи, и возникшее лишь съ конца прошлаго столѣтія, послѣ крупныхъ политическихъ событій, типичное мелкое землевладѣніе во Франціи, и, наконецъ, одновременное существованіе трехъ типовъ землевладѣнія—крупнаго, средняго и мелкаго въ Германіи, источники которыхъ въ однихъ случаяхъ болѣе, а въ другихъ менѣе отдалены. Вотъ нѣсколько реальныхъ числовыхъ примѣровъ, доказывающихъ это громадное различіе въ формахъ и размѣрахъ землевладѣнія:

Въ Англіи 96,8% населенія совершенно непричастны къ землевладѣнію (если не считать участковъ земли въ городахъ, отдѣльныхъ виллъ, садовъ при нихъ, земель подъ фабриками и вообще промышленными заведеніями—всего около 2% пространства земли). Остальные 3,2% населенія,—считая въ ихъ числѣ около 140½ тыс. настоящихъ собственниковъ и прибавляя къ нимъ въ среднемъ по 3 члена семьи—владѣютъ остальными 98% земельныхъ угодій, и изъ этихъ 3,2% населенія ничтожной группѣ въ 0,2% (около 54 тыс. собственниковъ) принадлежитъ болѣе 58% этого пространства. Въ Шотландіи и Ирландіи около 90% всего числа земельныхъ собственниковъ владѣютъ ничтожной частью земельныхъ угодій, именно около 7% въ первой и около ⅕ части во второй. Все же остальное пространство земли: 7 милл. гектаровъ изъ 7½ въ Шотландіи находится въ рукахъ ничтожной по количеству группы лендлордовъ, составляющей около ¼% всего населенія, а въ Ирландіи 6,24 милл. гект. изъ 8 принадлежитъ тоже незначительной группѣ крупныхъ землевладѣльцевъ въ 0,4% всего населенія. Но и эти среднія цифры еще не достаточно рельефно выражаютъ характеръ крупнаго землевладѣнія; такъ, напр., въ Шотландіи 26 собственникамъ принадлежитъ около 31% всей площади земли, а въ Ирландіи крупнѣйшимъ собственникамъ принадлежитъ болѣе ¾ всего пространства.[1])

Эти крупные англійскіе землевладѣльцы являютъ собой любопытный примѣръ, опровергающій догму о ненасытности эгоизма личности, какъ основы всей хозяйственной дѣятельности: доходы ихъ такъ велики, что у вышеупомянутыхъ 0,2% всего населенія, владѣющихъ 58% всей земли, доходъ въ *среднемъ* болѣе 55 тыс. рублей; посему они являются настолько пресыщенными этимъ доходомъ, что не отдаютъ даже всѣхъ своихъ удобныхъ земель подъ обработку. Въ результатѣ же, благодаря этому, изъ всего пространства удобной земли подъ обработкой находится лишь около 64%, а остальное пропадаетъ даромъ [1]).

[1]) Земли эти всегда, т.-е. издавна составляли собственность лендлордовъ, но ими только на извѣстныхъ условіяхъ пользовались крестьяне, будучи прикрѣпленными къ землѣ и потому не субъектами правъ на землю. Потому-то, когда

Во Франціи ровно почти половина (49%) всего населенія принадлежитъ къ числу земельныхъ собственниковъ (съ членами ихъ семей), при чемъ самымъ мелкимъ собственникамъ принадлежитъ около 1/4 всего земельнаго пространства, около 1/3 его—среднимъ и менѣе 1/3—крупнымъ.

Указанное различіе въ характерѣ распредѣленія земельной собственности хотя и допускаетъ иногда болѣе или менѣе одинаковые способы обработки земли, напримѣръ, сдачу большихъ земельныхъ владѣній по мелкимъ частямъ въ аренду, но это различіе оказываетъ чрезвычайно сильное вліяніе на характеръ распредѣленія доходовъ. А это, конечно, фактъ, далеко не безразличный даже въ чисто экономическомъ смыслѣ, потому что отъ видовъ и размѣровъ доходовъ разныхъ общественныхъ классовъ зависитъ, въ свою очередь, и направленіе производства. Игнорировать значеніе этихъ различій въ формахъ землевладѣнія могутъ только лица, игнорирующія самостоятельное значеніе распредѣленія доходовъ.

Спрашивается, какъ же это нивеллирующій все подъ одно законъ капиталистическаго развитія допустилъ такое многообразіе въ условіяхъ земледѣлія и землевладѣнія? А вѣдь это многообразіе есть прежде всего наличный и историческій фактъ, существованія котораго отрицать никакъ нельзя, а потому-то тутъ и нечего говорить о томъ, что *должно* бы было быть, по теоріи, когда реальные факты во времени и пространствѣ тутъ налицо.

Единственнымъ отвѣтомъ или объясненіемъ здѣсь можетъ быть только то, что причина этого несходства заключается въ *многообразіи* факторовъ общественнаго развитія, въ данномъ случаѣ—разныхъ другихъ соціальныхъ условій и силъ, кромѣ однихъ чисто экономическихъ. Эти другіе факторы суть политическіе, правовые, бытовые и т. д., которые всѣ подъ одну эту формулу не подходятъ и ихъ-то самостоятельное вліяніе здѣсь воочію и обнаруживается. Отсюда вытекаетъ первое нравоученіе, что процессъ хотя бы даже одного экономическаго развитія не допускаетъ единственнаго себѣ объясненія въ самомъ себѣ, а нуждается въ изслѣдованіи воздѣйствія на него факторовъ дру-

---

оказалось болѣе выгоднымъ превращать часть пахотныхъ земель въ пастбища ради разведенія овецъ, т.-е. полученія шерсти, то это и могло дѣлаться потому, что земли эти никогда не были въ настоящемъ смыслѣ крестьянскою *собственностью*. Экономическія условія давали поэтому только иное направленіе характеру эксплоатаціи земли лендлордами; возможность же такихъ измѣненій обусловливалась самостоятельнымъ юридическимъ факторомъ — издавна укрѣпившимся правомъ собственности.

гого общественнаго порядка, которые изучаются другими методами и науками, частью независимо другъ отъ друга, частью же—что въ данномъ случаѣ особенно важно и цѣнно,—въ ихъ взаимодѣйствіи другъ на друга. Изученіе этого сложнаго взаимодѣйствія различныхъ факторовъ общественнаго развитія и устройства составляетъ содержаніе еще далеко не сложившейся науки—соціологіи. Но, можетъ быть, потому, что эта наука слишкомъ злоупотребляетъ терпѣніемъ общества и ученыхъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ рѣшаютъ, что никакой соціологіи даже и вовсе не нужно, ибо она съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена политической экономіей. Послѣдняя занимается-де изученіемъ такого общественнаго фактора, который объясняетъ не только сущность явленій экономическихъ, но и всѣхъ общественныхъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ съ точки зрѣнія ихъ статики, такъ и динамики, т.-е. въ состояніи покоя или равновѣсія и движенія или развитія. Отсюда и вытекаетъ разсматриваемая монистическая матерьялистическая теорія, не отводящая сколько-нибудь серьезной роли не только для личности, въ смыслѣ вліянія ея на историческія событія, но даже и для коллективнаго сознательнаго творчества извѣстныхъ человѣческихъ группъ въ дѣлѣ борьбы съ этимъ неумолимымъ закономъ развитія...

Но, спѣшимъ оговориться, это положеніе или приговоръ не абсолютны. Все это только «до поры до времени» — пока не наступитъ лучшее будущее, когда все перемѣнится, и человѣчеству будетъ предоставленъ самый полный и широкій просторъ для сознательнаго творчества. Въ виду возможности сомнѣнія, что представители разсматриваемой формулы развитія допускаютъ такой скачекъ или переломъ, пусть лучше это пророчество будетъ выражено собственными словами виднѣйшаго представителя этого міросозерцанія, недавно умершаго Фр. Энгельса. Вотъ, что говоритъ онъ объ этомъ: «Когда общество овладѣетъ орудіями производства, то будетъ устранено товарное производство и вмѣстѣ съ тѣмъ господство продукта надъ производителемъ. Анархія внутри общественнаго производства будетъ замѣнена *планомѣрной сознательной* организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе (интересы) прекратится... Условія существованія человѣка только съ этого момента изъ животныхъ сдѣлаются истинно человѣческими. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала надъ людьми, становится теперь подъ господство и контроль людей, только теперь дѣлающихся настоящими господами природы... Законы ихъ собственной общественной дѣятельности, бывшіе до сихъ поръ чуждыми для людей и господствующими надъ ними зако-

нами природы,—эти законы теперь съ полнымъ ихъ знаніемъ будутъ прилагаться людьми и подпадать подъ ихъ господство... Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, теперь подчинятся контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ дѣлать свою исторію; только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей мѣрѣ приводить къ желаемымъ людьми послѣдствіямъ. Это *прыжокъ* человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» [1]). Другими словами это можно выразить такъ: цѣлыя тысячелѣтія человѣческое общество было жалкою игрушкою въ рукахъ исторіи и непреложныхъ законовъ развитія, швырявшихъ человѣчество въ разныя стороны. Стоитъ, однако, только измѣниться условіямъ производства, какъ все совершенно измѣнится: закономѣрность и причинность, какъ основанія общественнаго бытія и развитія, уступятъ свое мѣсто и значеніе сознательному творчеству. Но, что-нибудь изъ двухъ: или эти законы и причины вовсе не непреложны, разъ что они могутъ впослѣдствіи измѣниться, или же они дѣйствительно непреложны, и тогда нечего намъ надѣяться, что мы, люди, сдѣлаемся когда нибудь сознательными творцами исторіи и условій нашей общественной жизни и дѣятельности.

Мы нарочно, однако, подчеркнули въ послѣдней фразѣ вышеприведенной цитаты слово: «*прыжокъ*», чтобы указать на то, что и самъ представитель этой теоріи такъ именно смотритъ на это будущее, какъ на рѣзкое противоположеніе настоящему. Очевидно, что тутъ различіе предполагается не относительнымъ, а абсолютнымъ; дѣло, значитъ, не въ большей лишь степени сознательнаго участія людей въ устройствѣ общества и хозяйства, а въ томъ, что теперь люди *ничего* сами создать или передѣлать не могутъ, а потомъ *все*, т.-е. они будутъ въ состояніи вліять на исторію, а стало быть и на ходъ развитія, и т. д... Мы же стоимъ на болѣе относительной точкѣ зрѣнія и потому, допуская, что при предполагаемомъ будущемъ идеальномъ устройствѣ дѣйствительно откроется больше простора для планомѣрнаго сознательнаго регулированія хозяйства и пр., думаемъ, однако, что и въ настоящее время можетъ, равно какъ и прежде могло тоже играть иногда болѣе, иногда менѣе значительную роль такъ-называемое *сознательное* творчество. И далѣе,—что для насъ особенно важно,—что это можетъ происходить не только въ интересахъ наибо-

[1]) Fr. Engels. Dührings Umvälzung der Wissenschaft, 3-е изд. 1894 г, стр. 305—306.

лѣе сильной экономической стороны, а и въ интересахъ слабѣйшей, на защиту которой выступаютъ лица, группы ихъ или учрежденія, *сами непосредственно* въ этой борьбѣ экономическихъ интересовъ незаинтересованные. Таковы, напримѣръ, вышеуказанныя мѣры защиты интересовъ рабочихъ противъ экономически болѣе сильныхъ фабрикантовъ [1]), или-же мѣры борьбы съ ростовщиче-

---

[1]) Для поясненія этой мысли приведемъ слѣдующій фактическій примѣръ. Если въ исторіи развитія фабричнаго законодательства и играли болѣе или менѣе значительную роль англійскіе рабочіе союзы, какъ объединенныя единствомъ экономическихъ интересовъ группы—рабочихъ, то этого нельзя сказать про другія страны. Такъ, въ Германіи роль рабочихъ союзовъ въ этомъ дѣлѣ не только ничтожна, но даже была и прямо противоположна. Большинство современныхъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ возникло подъ вліяніемъ лицъ, принадлежащихъ къ составу ультра-либеральныхъ парламентскихъ партій—прежнихъ прогрессистовъ въ особенности, нынѣ свободомыслящихъ, которые по своимъ экономическимъ взглядамъ принадлежатъ къ числу противниковъ государственнаго вмѣшательства въ сферу экономическихъ отношеній, или чистыхъ манчестерцевъ (М. Гиршъ, Дункеръ и др.). Это лица, вотировавшія противъ фабричнаго законодательства не только въ его частностяхъ, но и по существу, т.-е. по его идеѣ. И они же пользовались этими рабочими союзами для своихъ экономическихъ и политическихъ цѣлей. Такъ, во время разработки вопроса о страхованіи рабочихъ, прѣдставителей рабочихъ союзовъ заставляли вотировать противъ обязательности страхованія, хотя бы даже на счетъ фабрикантовъ, какъ это осуществлено въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Руководители этихъ союзовъ убѣждали рабочихъ, что послѣдніе на почвѣ борьбы чисто экономической, т.-е. при помощи рабочихъ союзовъ, могутъ лучше отстаивать свои интересы, чѣмъ при помощи государственнаго вмѣшательства. (Относящіеся сюда факты и доказательства приведены въ моихъ книгахъ: «Экономическая отвѣтственность предпринимателей», 1887; см. особенно стран. 338—340, и въ «Страхованіи рабочихъ», 1895 г., см. стр. 599, 652 и др.), гдѣ указано (въ первой) на отношеніе вождей рабочихъ союзовъ къ фабричному законодательству, а во второй—къ страхованію рабочихъ. Англійскіе рабочіе союзы,—которыхъ нельзя смѣшивать съ чартистскимъ движеніемъ,—тоже держались до послѣдняго времени очень далеко отъ политики въ парламентскомъ смыслѣ, и потому имѣли тамъ очень мало представителей, а главнѣйшее свое вниманіе обращали на чисто экономическую борьбу съ отдѣльными фабрикантами по поводу сроковъ и вообще лучшихъ условій работъ въ каждомъ отдѣльномъ промыслѣ или даже предпріятіи. Потому-то въ Англіи нѣтъ не только и рѣчи о всеобщемъ и обязательномъ страхованіи рабочихъ, но и существуетъ самый неблагопріятный для рабочихъ законъ объ отвѣтственности за несчастные случаи и вообще нѣтъ многаго того, что сдѣлано въ Германіи въ пользу рабочихъ. Въ этой же послѣдней странѣ нѣкоторое вліяніе на развитіе рабочаго законодательства оказала политическая партія (соціалъ-демократы), которая не представляетъ тѣхъ характерно-объединенныхъ, чисто экономическихъ групповыхъ интересовъ, какъ рабочіе союзы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Правительство Германіи открыто признавало изданіе мѣръ къ улучшенію положенія рабочихъ необходимымъ для предупрежденія опасностей, отъ соціалъ-демократіи идущихъ. Между тѣмъ, согласно разсматриваемой формулы раз-

ствомъ, выражающіяся какъ въ преслѣдованіи и наказаніи этого дѣянія, такъ и могущія развиться еще въ то, что дѣломъ этимъ—выдачей ссудъ нуждающимся—будутъ заниматься органы самоуправленія, считая это своею *нравственною* и *общественною* обязанностью, или, наконецъ, можетъ за это дѣло взяться и само государство. Нельзя не указать также на осуществившійся у насъ фактъ — устройство крестьянскаго земельнаго банка, ставящаго цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, и въ особенности на новѣйшія намѣренія еще болѣе расширить его операціи правомъ скупки частно-владѣльческихъ земель для послѣдующей перепродажи ихъ крестьянамъ, какъ классу лицъ, своими собственными руками обработывающихъ землю. Но вѣдь ростовщики (обыкновенные и земельные), какъ одинъ изъ видовъ капиталистовъ, экономически сильнѣе эксплоатируемыхъ ими бѣдняковъ, а однако издаются-же *противъ* первыхъ законы и принимаются мѣры противодѣйствія этому злу со стороны общественныхъ группъ, въ сознательной планомѣрной дѣятельности которыхъ никакъ ужъ нельзя видѣть выраженія господства интереса экономически сильнѣйшаго класса или группы. Другими словами, это можетъ доказывать, что одной силѣ—экономической—противопоставляется другая, основы которой лежатъ не въ проявленіи господства и преобладаніи грубыхъ матерьяльныхъ или экономическихъ интересовъ, а въ чемъ-то иномъ, относящемся къ явленіямъ высшаго порядка... Возвращаясь къ затронутому нами главному примѣру—исторической, будто бы, необходимости обезземеленія и нашего крестьянства, потому что должно-де и въ земледѣліи воцариться полное господство капитализма,—мы можемъ теперь подкрѣпить все уже изложенное нами раньше еще нѣкоторыми новыми соображеніями.

Во-первыхъ, если опытъ другихъ странъ доказалъ, что обезземеленіе дурно отзывается на положеніи крестьянъ, то съ этимъ зломъ не только можно, но и должно бороться, потому что вовсе не доказано исторически, что капитализмъ равняетъ подъ одно земледѣліе и землевладѣніе такъ же быстро и успѣшно, какъ это дѣлаетъ онъ болѣе или менѣе одинаково въ промышленности. Оставаясь даже на почвѣ чисто экономической, возможно доказать, что здѣсь крупнымъ капиталамъ вовсе не такъ легко восторжествовать надъ мелкими или даже надъ однимъ свободнымъ трудомъ, какъ въ промышленности обрабатывающей.

витія, тѣсное единство экономическихъ интересовъ есть единственный залогъ силы и успѣха; политическому же фактору отводится второстепенная роль.

Доказывается же это вотъ чѣмъ: главнымъ образомъ успѣхъ капитала обусловливается возможностью ускорять время его оборота и примѣнять сложныя и потому дорого стоющія техническія усовершенствованія. Въ земледѣліи же скорость хозяйственнаго оборота обусловлена не волей или умѣньемъ людей, а *стихійными* факторами, рѣдко допускающими болѣе одного оборота въ годъ и сводящими къ значительно меньшему значенію вліяніе машинъ и другихъ техническихъ условій. Въ этомъ кроется, во-первыхъ, объясненіе сравнительной отсталости промышленности сельскохозяйственной отъ обрабатывающей или болѣе медленный темпъ развитія первой въ сравненіи со второй. А, во-вторыхъ, этимъ же и объясняется возможность болѣе или менѣе устойчивой борьбы земледѣлія съ капитализмомъ. Переживаемый въ послѣднее время тяжелый сельскохозяйственный кризисъ съ неодинаковою силою обрушивается на хозяйства частновладѣльческія и крестьянскія, такъ какъ послѣднія, будучи менѣе вовлечены въ міровой хлѣботорговый оборотъ, переносятъ кризисъ легче, чѣмъ первыя. Да и въ сферѣ частновладѣльческихъ хозяйствъ побѣждаютъ не тѣ, въ которыхъ интенсивность земледѣлія выше, т.-е. не тѣ, въ которыхъ капиталъ играетъ большую роль. Побѣдителями, какъ извѣстно, являются заокеанскіе конкурренты (Австралія, Аргентина и т. п.), представители хотя и болѣе или менѣе крупныхъ, но въ то же время болѣе экстенсивныхъ формъ хозяйства, въ сравненіи съ западно-европейскими. Очевидно, стало быть, что здѣсь одно обладаніе бо́льшими капиталами не есть еще гарантія успѣха. Бо́льшая интенсивность сельскаго хозяйства къ тому же обусловливается болѣе высокими цѣнами его продуктовъ и, главное, ихъ устойчивостью, что принудило Германію даже прибѣгнуть къ искусственному поддержанію цѣнъ хлѣба высокими покровительственными пошлинами. А мы, только-что переживъ бѣдствіе въ видѣ неурожая, какъ недостатка и дороговизны хлѣба, теперь жалуемся на его избытки и потому низкія цѣны. Но меньше прочихъ, а иногда и вовсе не жалуются на это наши крестьяне, потому что далеко не весь хлѣбъ производится ими для цѣлей сбыта, какъ это дѣлаютъ частные крупные и средніе землевладѣльцы. Борьба съ тѣмъ и другимъ видомъ изъ этихъ бѣдствій, по болѣе или менѣе общему теперь сознанію, можетъ быть ведена не столько при помощи увеличенія интенсивности культуры хлѣба, сколько посредствомъ планомѣрной, сознательной организаціи хлѣбной промышленности и обезпеченія народнаго продовольствія, въ формѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, выдачи во́время (осенью) ссудъ подъ хлѣбъ и т. д. А это вѣдь уже опять не факторы безсознательнаго коллективнаго творчества. И откладывать эти задачи отнюдь не приходится въ ожи-

даніи наступленія такой новой эры, когда *все* хозяйство приметъ форму планомѣрной организаціи. Къ участію въ рѣшеніи этихъ ближайшихъ задачъ могутъ и должны быть привлекаемы такія общественныя сялы, какъ органы самоуправленія, отнюдь по существу своему или по назначенію не призванныя проявлять въ своей дѣятельности одни индивидуальные или коллективные, въ смыслѣ классовыхъ или групповыхъ, матерьялистическіе стимулы и интересы. Участіе ихъ въ рѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ, подобно тому, какъ и роль государственной власти, проявляется, кромѣ указаннаго примѣра, и во многихъ другихъ вопросахъ; при чемъ организующимъ началомъ здѣсь отнюдь не является стремленіе къ выгодѣ или барышу, а прямое оказаніе обществу различныхъ услугъ. Нельзя же, напримѣръ, чрезвычайно цѣнныя статистическія изслѣдованія преимущественно крестьянскихъ хозяйствъ ставить на счетъ проявленію эгоистическихъ интересовъ господствующихъ классовъ землевладѣльцевъ, преобладающихъ въ составѣ земскихъ собраній. Это, конечно, не матерьяльное творчество, не производство товаровъ, но, во всякомъ случаѣ, такая услуга, которая имѣетъ прямое отношеніе къ обезпеченію чисто матерьяльныхъ нуждъ народа. Къ этому многое еще можно бы добавить, напримѣръ, большія матерьяльныя затраты, произведенныя земствами на устройство школъ для народа, санитарныя цѣли и т. д., и т. д. И такъ, многое, хотя, къ сожалѣнію, все еще недостаточное, дѣлается, не дожидаясь наступленія совершенно иной новой эры и безъ непремѣннаго переживанія въ полной мѣрѣ, будто бы, неизбѣжной ступени капитализма; (вотъ, напримѣръ, также въ такомъ крупномъ дѣлѣ, какъ желѣзнодорожное, гдѣ частью выкупаются линіи, построенныя ради извлеченія выгодъ частными лицами и обществами, частью же прямо строются и эксплоатируются новыя дороги непосредственно государствомъ и не для извлеченія дохода, а для удешевленія проѣзда и провоза).

Возвращаясь же снова и въ послѣдній разъ къ нашему главному примѣру—процессу капиталистическаго развитія въ сельскомъ хозяйствѣ вообще и въ Россіи въ частности, мы закончимъ здѣсь общей ссылкой на эти приведенные другіе примѣры и добавимъ только, что разъ представителями «единой» формулы развитія допускается аналогія, какъ научный методъ, то ради послѣдовательности ее слѣдуетъ допустить и здѣсь, а тогда вотъ что получится.

Если наступленіе новой эры въ исторіи вообще и въ хозяйствѣ въ частности (или въ ея основѣ) возможно только въ будущемъ, то почему же могутъ планомѣрно, въ интересахъ всего

цѣлаго, а не на почвѣ интереса частныхъ лицъ, вестись уже и теперь такія крупныя хозяйства, какъ желѣзнодорожныя, почтовыя, телеграфныя и т. п., не переживая непремѣнно полнаго фазиса развитія капитализма? И почему наше общинное землевладѣніе, выражающее уже собою идею обобществленія одного изъ видовъ капитала (правда, условнаго)—земли, должно непремѣнно прежде распасться съ тѣмъ, чтобы потомъ снова возродиться? Въ данномъ очеркѣ мы слишкомъ удалились бы отъ своей основной темы (методологической), еслибы стали «по существу» развивать эту мысль о необходимости сознательно поддерживать и развивать общинное землевладѣніе, а не разрушать его, доказывая это положеніе конкретными преимуществами общины, въ сравненіи съ частнымъ владѣльческимъ хозяйствомъ. Но одного доказательства мы не считаемъ себя въ правѣ не привести. Оно, правда, не совсѣмъ методологическое, но имѣетъ особую цѣну потому, что это мысли, высказанныя однимъ изъ главныхъ научныхъ родоначальниковъ разсматриваемой теоріи—самимъ Карломъ Марксомъ, и мысли эти пропечатаны издателемъ его посмертнаго труда (III-го тома «Капитала») Энгельсомъ. Такъ вотъ эти мысли и слова: «Мораль исторіи, которую можно, кромѣ того, извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія (т.-е. непосредственно), заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или—раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ его техническому развитію), и требуетъ или рукъ самостоятельно работающихъ мелкихъ земледѣльцевъ (der Hand der selbst arbeitenden Kleinbauern) или контроля ассоціированныхъ производителей». (Kapital. III томъ, 1 часть, стр. 98).

Здѣсь, очевидно, подъ капиталистической системой подразумѣвается капиталистическая земельная собственность, предполагающая свободное пріобрѣтеніе и отчужденіе земель, какъ это видно будетъ вполнѣ ясно изъ дальнѣйшей цитаты того же автора. То же, что говорится въ скобкахъ, т.-е. на второмъ планѣ, о капиталистической системѣ можетъ быть относимо только къ капиталу въ чисто техническомъ смыслѣ, въ смыслѣ орудій и разныхъ земельныхъ улучшеній, Наконецъ, здѣсь говорится о представителяхъ мелкой крестьянской собственности, какъ лицахъ, работающихъ только своими, а не чужими (наемными) руками, и о крестьянахъ общинникахъ; гдѣ же тутъ капиталистическая система въ смыслѣ противоположенія труда и капитала?

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, среди прочихъ объясненій и доказательствъ этого же положенія, даетъ слѣдующее:

«*Затрата денежнаго капитала* на покупку земли не есть затрата земледѣльческаго капитала. Она есть даже уменьшеніе того капитала, которымъ мелкіе крестьяне могли бы пользоваться непосредственно въ сферѣ производства. Эта затрата соотвѣтственно уменьшаетъ объемъ средствъ производства (т.-е. капитала въ техническомъ смыслѣ) и съуживаетъ поэтому экономическое основаніе для воспроизведенія (того же капитала). Она (эта затрата) подводитъ крестьянина подъ гнетъ ростовщика (кулака), такъ какъ въ этой сферѣ рѣже встрѣчается настоящій кредитъ. Это есть препятствіе для земледѣлія даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о покупкѣ большихъ имѣній. Она противорѣчитъ въ дѣйствительности капиталистическому способу производства, для котораго безразлично (тяжело задолжаніе), все равно—унаслѣдовано или куплено имѣніе» (тамъ же, т. III, ч. 2, стр. 344—345; находящіяся въ этой послѣдней цитатѣ въ скобкахъ слова вставлены нами для большаго поясненія смысла). Вкратцѣ выраженная суть этихъ положеній сводится къ тому, что деньги (капиталъ), теперь расходуемыя на покупку земли, пропадаютъ для земледѣлія, въ смыслѣ возможности улучшенія его техники, потому что продавшій землю и получившій за нея деньги, такъ сказать, вынимаетъ ихъ изъ земли и даетъ имъ какое-нибудь иное назначеніе, а купившій землю лишается возможности вложить эти деньги туда—въ землю, въ техническомъ смыслѣ, т.-е. въ видѣ непосредственной затраты капитала на производство или улучшеніе техники.

Такимъ образомъ масса капиталовъ (денежныхъ) отвлекается отъ прямыхъ производительныхъ цѣлей и условій ихъ примѣненія, потому что приходится тратить ихъ на покупку земли, чего не бываетъ, когда земля, какъ, напримѣръ, у насъ въ общинѣ, не отчуждается и не пріобрѣтается, по крайней мѣрѣ, по общему смыслу этого учрежденія.

Къ указаннымъ особенностямъ земледѣлія, сравнительно съ обрабатывающею промышленностью, необходимо добавить еще слѣдующую: затрата капитала на покупку земли дѣлается (въ европейскихъ странахъ) постепенно все болѣе и болѣе непроизводительною, по крайней мѣрѣ, въ наблюдаемый современный періодъ, и вотъ почему: вслѣдствіе прироста населенія цѣна земли возрастаетъ, между тѣмъ какъ доходность ея падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Потому затрачиваемые на покупку земли капиталы приносятъ уменьшающійся доходъ. Къ тому же сама по себѣ земля не есть капиталъ, въ чисто экономическомъ смыслѣ, такъ какъ земля есть готовая полезность—даръ природы, а не продуктъ предшествующаго труда. Въ обрабаты-

вающей же промышленности денежный капиталъ превращается въ настоящій капиталъ (продуктъ предшествующаго труда) въ видѣ орудій производства (машины, фабричныя зданія и т. п.). При этомъ замѣчается обратное вышеуказанному явленіе, а именно: первоначальныя затраты на новыя фабричныя и т. п. сооруженія обыкновенно больше послѣдующихъ, потому что первыя новыя машины стоятъ, обыкновенно, дороже такихъ же послѣдующихъ. И потому первые устроители фабрикъ иногда разоряются, вслѣдствіе того, что затраты ихъ не вполнѣ окупаются; послѣдующіе же фабриканты, пріобрѣтающіе машины дешевле или скупающіе фабрики отъ первыхъ разорившихся ихъ владѣльцевъ, получая тотъ же (абсолютно) доходъ, но на меньшій капиталъ, благоденствуютъ. На эту особенность капиталовъ въ земледѣліи и промышленности тоже настойчиво указываетъ К. Марксъ въ своемъ III томѣ, какъ на причину различія въ развитіи каждой изъ этихъ отраслей промышленности.

Все это становится особенно яснымъ, если принять во вниманіе, что М. говоритъ о непримѣнимости капиталистической системы къ земледѣлію, даже на той переходной ступени, т.-е. теперь, когда онъ признаетъ неизбѣжность капитализма въ промышленности обрабатывающей.

Изъ этого примѣра, равно какъ и изъ двухъ вышеприведенныхъ цитатъ, явствуетъ съ полною очевидностью, что тѣ, которые, не дождавшись изданія этого третьяго тома, произнесли свой абсолютный приговоръ надъ будущностью нашего русскаго экономическаго развитія и въ частности рѣшили пожертвовать нашей земельной общиной для вящшаго торжества капитализма, попросту согрѣшили противъ творца формулы, которую самъ онъ вовсе и не думалъ такъ чрезмѣрно обобщать или придавать ей столь отвлеченный отъ мѣста и времени смыслъ [1]).

На этомъ мы и закончимъ наши разсужденія по поводу взятыхъ примѣровъ, дѣлая слѣдующее общее заключеніе по поводу методологіи, а въ связи съ этимъ и задачи политической экономіи.

Наука эта, внѣ всякой связи съ другими общественными дис-

---

[1]) Эта-то мысль объ опасности чрезмѣрныхъ обобщеній и выражена особенно рельефно въ извѣстномъ письмѣ К. Маркса («Юрид. Вѣстн,», октябрь 1886 г., стр. 273, самыя послѣднія его слова), гдѣ говорится, что: «Изучая каждую изъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ, но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ passe par tout историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-исторической (supra historique)».

циплинами, не можетъ быть построена на почвѣ проявленія въ области хозяйства однихъ безсознательно творческихъ началъ, какъ продукта однихъ эгоистическихъ или матерьялистическихъ стремленій, а тѣмъ болѣе этотъ односторонній взглядъ на сущность экономическихъ явленій не можетъ быть положенъ въ основу объясненія общественной жизни и ея развитія въ широкомъ смыслѣ. Для правильнаго пониманія общественныхъ явленій, или хотя бы только экономическихъ, необходимо искать объясненія ихъ съ точки зрѣнія такихъ руководящихъ и организующихъ началъ, которыя выражаютъ собою и теперь уже, а не только въ будущемъ, наличность сознательнаго планомѣрнаго творчества со стороны общественныхъ группъ или даже нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. При этомъ такая сознательная дѣятельность отнюдь не можетъ быть объясняема только съ точки зрѣнія порождающихъ ее своекорыстныхъ интересовъ этихъ дѣятелей и потому должна быть сводима не только къ точкѣ зрѣнія причинности, но и цѣлесообразности, какъ самостоятельнаго, а не подчиненнаго фактора общественнаго развитія.

А если это положеніе будетъ признано правильнымъ, т. е. признано будетъ самостоятельное значеніе такого фактора, какъ прямое стремленіе къ обезпеченію общественныхъ, въ широкомъ смыслѣ, цѣлей и интересовъ, то очевидно и задача науки должна будетъ заключаться не только въ постиженіи истины, но и въ изученіи и изысканіи средствъ для лучшаго обезпеченія народнаго благосостоянія. Другими словами, съ чистой наукой въ неразрывной связи будетъ находиться то, что иными экономистами рѣзко изъ нея выдѣляется подъ названіемъ экономической политики, какъ своего рода искусства. Затѣмъ, присущая экономическимъ явленіямъ ихъ измѣнчивость—элементы развитія—лишаетъ возможности столь же рѣзко выдѣлять изъ чистой науки историческую основу явленій, потому что изученіе закономѣрности развитія хозяйства, какъ съ точки зрѣнія причинности, такъ и цѣлесообразности, есть прямая задача и содержаніе той же науки, а не обособленной отъ нея части. На дѣлѣ, въ сущности, въ лучшихъ современныхъ общихъ курсахъ политической экономіи всѣ эти три задачи или предмета ея никогда рѣзко и не отдѣляются другъ отъ друга, такъ что разграниченіе ихъ между собою выдерживается развѣ только въ какомъ-нибудь предисловіи или методологической главѣ, да еще въ отсутствіи связнаго историческаго очерка хозяйственнаго развитія. Сосредоточеніе исключительнаго или преимущественнаго вниманія на однихъ явленіяхъ современной дѣйствительности было въ своемъ родѣ послѣдовательно и возможно только для такихъ экономи-

стовъ, для которыхъ развитіе хозяйства представлялось уже вполнѣ законченнымъ или, во всякомъ случаѣ, достигшимъ наилучшаго возможнаго на землѣ идеала. Но такихъ экономистовъ теперь уже даже и трудно найти.

Несомнѣнно, что защищаемые здѣсь болѣе сложные методъ, задачи и содержаніе политической экономіи представляютъ собою гораздо больше трудностей при исполненіи и налагаютъ на изслѣдователей обязанность гораздо большей осторожности въ выводахъ. Преодолѣніе этихъ трудностей не есть, однако, дѣло невозможное, и это задача, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе благодарная, чѣмъ облеченіе себя въ тогу научнаго объективизма, граничащаго съ проповѣдью пассивнаго отношенія къ дѣйствительнымъ явленіямъ общественной жизни. Да и объективизмъ-то этотъ вѣдь, какъ мы старались доказать, мнимый, какъ основанный на самообманѣ, потому что отрѣшиться вполнѣ отъ точки зрѣнія *оцѣнки* общественныхъ и экономическихъ явленій никому, въ сущности, еще не удавалось, да и не можетъ удасться. Самая элементарная постановка экономическихъ вопросовъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ требованіе отвѣта о томъ, при какихъ условіяхъ и организаціи хозяйства люди могутъ лучше удовлетворять свои потребности; значитъ, тутъ немыслимо устраненіе оцѣнки изучаемыхъ явленій, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на наше благополучіе, или съ точки зрѣнія большей или меньшей цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ формъ и условій хозяйственной дѣятельности. И такая постановка вопросовъ, въ связи съ соотвѣтственными пріемами ихъ разрѣшенія, въ настоящее время не есть достояніе только одной науки о народномъ хозяйствѣ. Напротивъ того, мы можемъ констатировать, что это явленіе становится свойственнымъ всѣмъ общественнымъ наукамъ вообще, такъ какъ такое же движеніе обнаруживается и въ другой, наиболѣе широкой ихъ области—правовѣдѣніи, гдѣ на замѣну отвлеченной догматики все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ мѣсто и признаніе болѣе глубокая философская постановка вопросовъ на почву цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ гражданско-правовыхъ, публично-правовыхъ и т. п. нормъ, институтовъ, учрежденій и т. д.

А все это, вмѣстѣ взятое, говоритъ прежде всего и больше всего за необходимость расширенія умственнаго нашего кругозора, при помощи возможно болѣе широкаго и многосторонняго изученія общественныхъ наукъ, ради спасенія себя отъ односторонностей увлеченій разными упрощенными формулами развитія.

Признаніе существованія *двухъ* разсмотрѣнныхъ типовъ общественныхъ явленій можетъ само по себѣ вызывать особый вопросъ о томъ—какого рода и сколько личностей могутъ созна-

тельно творить извѣстныя явленія? Но этотъ спорный и сложный вопросъ мы не беремся разрѣшать, а только укажемъ на наше личное отношеніе къ нему.

Возможно и должно допустить, что всякая очень крупная историческая личность есть продуктъ своего времени, мѣста и вообще данныхъ историческихъ условій; она отражаетъ въ себѣ назрѣвающія новыя цѣли и интересы коллективнаго сознанія цѣлаго общества или нѣкоторыхъ его группъ. Однако, случайныя индивидуальныя свойства этой личности, степень ея энергіи и т. п. могутъ оказывать огромное вліяніе на ходъ историческихъ событій. Личность эта можетъ и сама по себѣ ошибаться или же олицетворять въ себѣ своекорыстные интересы лишь нѣкоторыхъ общественныхъ группъ. Тогда она принесетъ обществу не пользу, а вредъ. Но можетъ быть и бываетъ и наоборотъ, и тогда такая личность стяжаетъ себѣ добрую славу въ исторіи. Вообще же, чѣмъ сложнѣе строеніе обществъ, тѣмъ менѣе одна личность можетъ вліять на ходъ историческаго развитія, будучи въ состояніи лишь временно его ускорять или тормозить. Гораздо большую роль призвано теперь играть сознательное коллективное творчество большей и меньшей массы лицъ сразу, выражаясь въ тѣхъ или другихъ видахъ правосознанія и въ тѣхъ или другихъ представленіяхъ о формахъ и условіяхъ общественнаго и въ частности экономическаго устройства.

Среди этихъ, такъ сказать, коллективныхъ личностей есть, съ одной стороны, движимыя чисто индивидуальными своекорыстными стремленіями. Онѣ-то, взятыя каждая въ отдѣльности, и порождаютъ продукты безсознательнаго творчества въ сферѣ экономическихъ и другихъ общественныхъ явленій. Но онѣ могутъ дѣйствовать и сознательно въ коллективномъ, групповомъ смыслѣ, выражая тогда торжество сильныхъ экономическихъ группъ. Ихъ особенная сила заключается въ томъ, что онѣ легко прощаютъ другъ другу личные недостатки, различія во взглядахъ на разные общественные вопросы, будучи объединены одною цѣлью, однимъ духомъ—наживы. Въ такихъ-то лицахъ и ихъ группахъ желаютъ нѣкоторые видѣть истинныхъ двигателей прогресса, понимая его прежде всего въ смыслѣ матерьяльно-экономическомъ, какъ развитіе техники, способовъ и размѣровъ производства, откуда уже когда-то впослѣдствіи вытекутъ измѣненія и въ другихъ сторонахъ жизни общества... («признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму»). Никакихъ болѣе возвышенныхъ цѣлей и интересовъ отъ нихъ не требуется, потому что они-де своими трудами удобряютъ родную ниву, и плоды

этого удобренія пожнутъ послѣдующія, болѣе или менѣе отдаленныя поколѣнія.

Другія же лица и группы, ставящія себѣ прямою цѣлью служеніе благу общества или народа, руководимыя болѣе возвышенными цѣлями и интересами, какъ, напримѣръ, интеллигенція, какъ группа, несвязанная въ одно цѣлое классовыми или групповыми матерьяльно-экономическими интересами, изображается тогда въ видѣ quantité négligeable, т.-е. горсти, безсильной создать что-нибудь дѣйствительно полезное для страны. Самое большое, что отъ такихъ группъ требуется, если онѣ могутъ такъ или иначе вліять на судьбы историческаго развитія, стоя, напримѣръ, сколько-нибудь близко къ дѣламъ внутренняго управленія или вообще къ нуждамъ практической жизни,—это, чтобы онѣ не мѣшали историческому процессу или, что теперь, будто бы, почти то же самое, капиталистическому развитію... Въ такихъ идеяхъ въ прошломъ было воспитано, особенно въ Западной Европѣ, не одно поколѣніе, и въ результатѣ этого получилось назрѣваніе многихъ соціальныхъ вопросовъ, которые не ждутъ, однако, своего разрѣшенія только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, т.-е. когда въ исторіи развитія произойдетъ вышеупомянутый прыжокъ изъ царства необходимости или причинности въ царство свободы и цѣлесообразности...

Въ исторіи каждаго народа всегда было и будетъ много благодарныхъ задачъ и случаевъ для принесенія умственныхъ силъ, знанія и любви къ народу на его пользу. И потому важно только убѣдиться въ томъ, что *есть* возможность *сознательно* приносить эту пользу, не предаваясь исключительно своимъ индивидуальнымъ интересамъ. Признаніемъ этой *возможности*, хотя бы не всегда переходящей въ дѣйствительность, приводящей иногда даже къ ошибкамъ или заблужденіямъ, открывается для интеллигентныхъ силъ всякаго народа цѣлое поле дѣйствія, для того, чтобы онѣ могли приносить свои силы на благо своей страны и народа, отдавая ему то, что отъ него получаютъ въ матерьяльномъ отношеніи. Отвергнувъ это положеніе, интеллигенція сама признала бы себя не только въ количественномъ отношеніи за quantité négligeable, но и въ качественномъ оказалась бы de qualité méprisable...

А кромѣ того въ жизни каждаго народа бываютъ и такіе моменты, когда свершаются крупныя реформы и дѣлаются значительные шаги впередъ, благодаря только особому подъему духовныхъ его силъ. Въ примѣненіи къ нашей странѣ пусть будетъ мысль эта выражена словами писателя, глубоко изучившаго и горячо любившаго нашу страну и притомъ никакъ ужъ не опти-

миста: «Какъ бы ни были малы общественные результаты, которыхъ мы достигли, но всѣ они созданы только необыкновенною энергіей и громадною затратой силъ,—да не простыхъ силъ, а восторженно приподнятыхъ сосредоточеннымъ чувствомъ любви и какимъ-то неудержимымъ желаніемъ отдать всю эту накопившуюся любовь для блага и пользы народа и Россіи». (Н. В. Шелгуновъ, «Очерки русской жизни», изд. 1895 г. стр. 332).

В. Яроцкій.

ФИЛАТКА.

(КАРТИНКИ МИНУВШАГО).

I.

Первое время.

Солгалъ бы я, еслибы сказалъ, что помню хоть чуть-чуть, какъ родился я на свѣтъ Божій. Да бабушка моя—Авдотья Петровна Зубчикова—сказывала мнѣ, что родился я хорошо: пошла мамушка скотинѣ корму давать, а я взялъ да на дворѣ и родился... И принесли меня въ избу въ родѣ гостя. А было то, какъ разъ вечеромъ—въ ту пору, когда великій постъ на двѣ половинки ломается. Ребята деревенскіе всегда подкарауливаютъ эту ломку: сидятъ, не спятъ до полуночи, до перваго пѣтушинаго окрика, а тутъ и заслышится ребятамъ, какъ постъ заскрипитъ, затрещитъ, охнетъ! и на двѣ половинки разломится — одна останется къ масляной, другая къ святой недѣлѣ потянется. И не диво было слушать ребятамъ: не только молока въ тѣ поры, а и ерша, и масла постнаго въ иныхъ семьяхъ не давали за весь постъ ребятамъ, а ѣшь, что старые люди ѣдятъ: безгрѣшное—грибы моченые, горохъ, толокно, рѣдьку съ квасомъ, капусту... Вотъ съ какого вечера славнаго пошелъ я дальше!.. да еще дальше!.. А гдѣ оборвется?—лишь Господу вѣдомо.

— Бывало, сидишь ты, дите, на полу, на одѣяльцѣ тканомъ,—разсказывала мнѣ послѣ бабушка:—а я дѣлаю что-нибудь, и дѣдъ Герасимъ дѣлаетъ что-нибудь... Сидишь ты, сидишь, да поклонишься — кокъ! лбомъ въ крѣпкія половицы, и заплачешь горько... А только, и тогда ты былъ боецъ, одно слово!.. И много я стерпѣла изъ-за тебя отъ дѣда Герасима.

И примется старушка разсказывать всякое разное изъ того перваго времени, а я слушаю радостно рѣчи хорошія; объ одномъ лишь жалѣю крѣпко, что не послушалъ, какъ постъ на двѣ половины ломается,—кряхтитъ, стонетъ...

И самъ я пробовалъ уходить думой въ тѣ времена потайныя, о которыхъ не я самъ, а бабушка моя знала больше, мнѣ же про меня сказывала. Да и самому мнѣ памятны кое-какіе обрывки того бывалаго, будто сны веселые, осколчатые.

Вотъ—сажаютъ меня на шестокъ, на самое любимое мое мѣсто близь печки: огни желтые въ печкѣ колышутся, дымъ полосой идетъ къ потолку; пищатъ полѣнца, пострѣливаютъ угольками на всѣ печныя стороны; близъ полѣнцевъ черный горшокъ стоитъ, и словно живое въ горшкѣ: ключемъ бьетъ, пѣтушпными гребешками выкидываетъ, а къ краю пѣна горой. Супецъ варится въ горшкѣ, а близъ него картошки положены запекаться. Вотъ я поѣмъ картошки сладкой!..

Сгорѣли дрова, каленымъ, знойнымъ угольемъ по поду печки разсыпались, синіе, алые огоньки по нимъ бѣгаютъ. Тянется бабушка съ ухватомъ въ печку, ухватываетъ горшокъ, отодвигаетъ отъ жара прочь. Картошки поспѣли; самого меня ссаживаютъ на лавку съ шестка, даютъ въ обѣ руки по мягкой картошкѣ,—то-то хорошо-то!..

А на лавкѣ сидитъ дѣдка сивый, любуется на меня, говоритъ мнѣ: „А дай-ко, Филатушка, и мнѣ картошку! И мнѣ захотѣлось картошки поѣсть, чтобы засластить въ сердцѣ“...

— Да-а... Жалко!..

— Ну, коли жалко, тогда ужъ ладно... Тогда я и такъ посижу до обѣда.

А вотъ и того яснѣе припоминается:

На лавкѣ спжу, гляжу сквозь окно, — по улицѣ человѣчки ходятъ, ребята бѣгаютъ, кричатъ что-то; и солнце въ небѣ, а небо синее-синее... Противъ окна, черезъ улицу, стоитъ часовня съ крестомъ на горбикѣ, въ часовнѣ большенная полка образами заставлена, скамейка стоитъ,—это ужъ я давно подглядѣлъ въ дверную щелочку... За часовней нашъ огородъ: огурцы посажены въ огородѣ, лукъ, картофель, капуста, рѣпка, часть конопелью засѣяна, а кру-

гомъ—будто койма зеленая—обросло хмелемъ вьючимъ, любилъ холить вьючій хмель дѣдъ Герасимъ. А на самой серединѣ растетъ красуется большая вѣтвистая яблоня; и не столько листу на ней зеленаго, какъ цвѣта бѣлаго, бѣлорозоваго!..

А кругомъ идутъ постройки сосѣднія: живетъ баба Васиха, живетъ Егоръ глухой съ ребятами, да съ матерью—бабой Шоврой, дѣдъ Ермошка съ невѣсткой да съ тремя внучками; Микифоръ соцкій съ дѣдомъ Антипомъ да съ теткой Дарьей. Вонъ въ низинѣ Сенька Горячевъ,—ребятъ у него цѣлый кустъ, и въ нашу избу забѣгаютъ ребята Семеновы, и я забѣгаю къ нимъ. Вонъ Захаръ грамотникъ съ сестрой своей Акулиной, да съ зятемъ Яковомъ. А вотъ—наискось отъ часовни—дѣдъ Назаръ съ бабой Назархой: двѣ избы семейныя, сѣни глухія, березы растутъ подъ окнами, а всего живутъ двое. Сынъ Василій не ужился со стариками, ушелъ въ чемъ былъ съ женою на край деревни, тамъ выстроился.

А кругомъ построекъ деревенскихъ все оцѣплено огородами; въ даль поле зеленое, кусты зеленые, крохотная рѣка извивается, озеро Мочильское, какъ осколокъ стекла большого, блеститъ въ непролазной трясинѣ. А дальше, опять выше земля подымается, горы идутъ, около нихъ деревеньки разныя: Полянки, Зарѣчье, Большой дворъ, Ярунъ, село Хтины. А на самомъ тычкѣ, у хтинской мызы,—стоитъ высокая мельница, день и ночь движется она, машетъ крыльями, будто летѣть куда собирается, да не можетъ подняться отъ груза великаго... „Волей“ я маленькій звалъ эту мельницу: часто слышалось мнѣ это слово въ избѣ, и хоть не понималъ я его, да по веселымъ лицамъ моей родни: дѣда, бабушки, тетушки, мамки,—догадывался, что то слово большое, хорошее, живое что-то есть въ этомъ словѣ!..

И правда, вотъ мѣсто, которое, какъ живое, до сей поры отчетливо представляется мнѣ, слова помнятся. Стоитъ сивый дѣдка Герасимъ на серединѣ избы,—рубаха бѣлая, порточки синіе полосатые, на ногахъ лапти липовые новые, у лаптей ремни черные, праздничные... И то на насъ, на родню свою, глядитъ бодро, то на образъ святой.

— Слава тебѣ, Царь небесный! — говорилъ дѣдушка:—слава тебѣ, Никола угодникъ Божій... И не ждалъ, и не думалъ

я... И дѣды наши не ждали. А вотъ она, святая, сизымъ орломъ налетѣла къ намъ, вешнимъ солнышкомъ насъ обогрѣла... И теперь часомъ не вѣритъ душа, что воля... А, бабы,—воля!.. Слава тебѣ, Царь небесный, вовѣки.—И старый дѣдка крестится на образа, а по щекамъ морщинистымъ, по сивой бородѣ слезы катятся, а въ глазахъ слезъ не видно, такіе они веселые—вотъ-вотъ засмѣются!.. Крестится бабушка, крестится мамушка, тетка, и я крещусь, на нихъ глядя...

И какъ соберутся опять въ избѣ всей родней,—опять про волю заведетъ дѣдка, опять Богу молятся, — просятъ у Бога, у Николы угодника, чтобы здоровья имъ дали, райскихъ милостей. И куда ни прибѣжишь на деревню, про волю говорятъ всѣ люди,—будто волна какая накатилась на деревню Орѣхову!

И вотъ, большая хтинская мельница приглянулась мнѣ сродной волѣ, — ребячьей душѣ слово не было такъ понятно... На широкомъ просторѣ, на юру всей округи стоитъ высокая мельница, весело вертитъ крыльями рѣшетчатыми, словно машетъ не зря: къ себѣ поднимаетъ... „Бѣги, Филатка, ближе сюда! Вишь, я какая стою на раздольѣ: только птицы Божьи залетаютъ ко мнѣ на вершину, только вѣтеръ гуляетъ кругомъ, а сверху — солнце... Подбѣгай—полетимъ къ солнцу оба!..“

И долго сижу у окна, любуюсь на живую крылатую волю, повернусь въ радостяхъ бабкѣ сказать, да и бултыхъ съ лавки!.. Всѣ живые въ избѣ кинутся въ мою сторону, улещать станутъ, что и они, бывало, съ лавокъ валялися... Да что мнѣ до нихъ, коли самому мнѣ больно!.. Плачу горько. А дѣдъ Герасимъ изъ силъ выбивается: кажетъ на корявыхъ перстахъ малаго зайчика, сѣраго гуся выгибаетъ рукой, вертитъ ими передъ моими глазами; бабушка сулитъ большенную ложку сметаны, печеное яйцо, гладитъ меня рукой по затылку, дуетъ изъ всей души на зашибину, совѣтуетъ мнѣ плевать на то мѣсто, гдѣ зашибся я. Я плевалъ на мѣсто, и боль сразу у меня проходила!

Да хорошо, коли въ такія минуты въ духѣ бывалъ дѣдъ Герасимъ, а то—выноси изъ избы святыхъ вонъ, бѣги безъ оглядки всѣ бабы живыя. Такія слова станетъ приговаривать дѣдушка, что и молодому боязно. Кулакомъ замахаетъ,

ногой въ половицѣ затопаетъ, такъ что все по полу скачетъ—пляшетъ.

— По крышамъ всѣхъ раскидаю, коли за дитей нѣтъ приклядки! — кричалъ дѣдушка. И самъ одинъ начиналъ улещать меня, казать перстами глухаря-тетерева. Радость меня забирала, что такой силой подымается за меня на бабъ дѣдъ Герасимъ.

И когда все давно пройдетъ, и у меня наладится похорошему, а дѣдко все еще сидитъ на лавкѣ, грозу кажетъ бабушкѣ, мамушкѣ, тетушкѣ,—не говоритъ съ ними ни добра, ни худа, лишь угрюмо выглядитъ изъ подъ огромныхъ сѣдыхъ бровей куда-то въ поле, да сопитъ въ широкій горбатый носъ. Въ такіе часы всѣ „бабы“ ходили по струнѣ мимо дѣда, чтобы и вѣтромъ ихнимъ на него не повѣяло. Бѣдовый былъ дѣдъ,—и, коли не время, не любилъ шутить шутокъ! Только одинъ я вольно чувствовалъ себя съ грознымъ дѣдомъ, подходилъ близко, заглядывалъ смѣло въ глаза его, трогалъ за руки, за колѣни.

— Дѣдушка, а давай понграемъ?

Дѣдъ просвѣтлялся, поднималъ меня руками на воздухъ, колебалъ въ воздухѣ и приговаривалъ:

— Ну, давай... Ну, давай, коли такъ, понграемъ! У-лю-лю! У-лю-лю... По рогожѣ, по кулю...

— Ты спой про лису, дѣдушка!

— Ну, и про лису можно...

Изъ зеленаго лѣса
Вышла бурая лиса:
Хвостомъ машетъ,
Ногой пляшетъ,
Ухомъ пѣсенку ведетъ!
У-лю-лю!.. У-лю-лю!
По рогожѣ, по кулю...

— На коня захотѣлось, дѣдушка!

— И на коня можно. Работнички мы съ тобой оба—вольные... Хорошенько садись. Молодецъ—сѣлъ... Но—поѣхали!..

И дѣдъ, перекинувъ ногу на-ногу, усадивъ меня близъ ступни, удерживая за рученки, принимался качать ногой, самъ приговаривалъ: „но, но, гнѣдой! Не верти хвостомъ, бѣги—не оглядывайся!..“ И мы, можетъ статься, такимъ манеромъ верстъ десять ѣхали съ дѣдушкой.

А бабушка глядитъ отъ печки, и страхи у ней пропли передъ дѣдомъ: руками разводитъ, сама ногой топаетъ, хвалитъ меня, хвалитъ дѣда:

— Ай да наши! Вотъ такъ наши! Ишь, какъ хорошо ѣдутъ!..—И обоимъ намъ съ дѣдомъ любо.

Пріѣдемъ на то же мѣсто,—дѣдъ пуститъ на земь меня, а я и руками махаю, и другія штуки кажу отъ нутряного веселья.

— Ай боецъ! Ай боецъ!—говоритъ бабушка:—весь ты, кажись, уродился въ дѣда Герасима!

Дѣдъ сидитъ на лавкѣ, усами сивыми шевелитъ, перстами щелкаетъ. А я дугой вкругъ него, коромысломъ около: радуется душа, что уродился я въ дѣда Герасима! Только усовъ нѣту этакихъ, бороды нѣту этакой, и носъ у меня куда меньше!..

Крѣпко любилъ меня дѣдъ, пожалуй, больше, чѣмъ любили вмѣстѣ—тетушка да бабушка съ мамушкой. Всегда дѣдъ выстругивалъ мнѣ игрушки фигурныя: то мельницу крылатую смастеритъ, то зыбку выстругаетъ изъ полѣна, тесакъ, али еще какую диву затѣйную, и, усмѣхаясь, поднесетъ мнѣ издѣліе.

— На-ко, скажетъ, Филатка, подарокъ тебѣ: это окунь! Только играй да не ѣшь, оставь къ ужину.—А у самого усмѣшка по лицу и шире того.

Да не уступала и бабка сивому дѣду Герасиму, изо всей могуты хлопотала, чтобы уважить мнѣ по-любезному! И игрушки бабушкины, пожалуй, не хуже были, особливо когда она пекла хлѣбъ въ печи. Тутъ бабка всегда успѣвала сладить мнѣ какой-нибудь выворотень али загибанецъ причудливый: то пирожекъ размудритъ—въ серединѣ картофель толченая, масляная, и лучку подсыпано; то раздѣлаетъ птицу-жаворонка: на мѣсто глазъ уткнетъ ему двѣ горошины, хвостъ вылѣпитъ изъ тѣста дудкой, посадитъ жаворонка за заслонку, накажетъ мнѣ:

— Карауль, Филатка, а то на улицу вылетитъ твоя птица!

Уставлю глаза на заслонку, расправлю руки крестомъ, жду-караулю: вотъ-вотъ выпорхнетъ изъ жаркой печки жаворонокъ, мотнетъ хвостомъ, свистнетъ и полетитъ черезъ дымовое окно на улицу, на березы, что растутъ подъ окнами

у дѣда Назара. А у самого слюнки текутъ на жаворонка,—коли не улетитъ никуда—отъѣмъ и хвостъ ему, и голову, и два глаза!

То, глядишь, вынимаетъ бабка изъ печки колобокъ круглый, а сверху еще колобокъ—поменьше,—дастъ отмякнуть и остыть подъ ручникомъ колобку. Разломишь погодя, а въ серединѣ рѣпка устроена!

Съ дѣдовыми подарками я подходилъ къ мамкѣ, къ теткѣ, къ бабушкѣ, хвалился ими:

— Поглядите: игрушка у меня какая? Мельница! Дѣдушка сладилъ мнѣ...

— Вотъ хорошая мельница!—говорила бабка:—теперь мы и муку будемъ молоть на мельницѣ у Филатки, жита засыплемъ мѣру... Полно намъ въ подпольѣ на жерновахъ руками молоть, на крыльяхъ замелемъ!

— Давай, бабушка, жита мнѣ... овса дай,—сейчасъ я молоть тебѣ буду!—На радостяхъ я забывалъ, что у мельницы и жерны не вдѣланы, и другіе уставы не установлены, крылья одни!

Надоѣстъ мельница, окуня возьму въ руки, тесакъ изъ лучины,—кольну тесакомъ кота въ бокъ, курицу подъ крыло; бѣгутъ они отъ меня, куда кто можетъ! А я ужъ и совсѣмъ гляжу на все посолдатски.

— Всѣхъ заколю!—грожусь я, замахиваясь тесакомъ и приговаривая крѣпкое слово, по-дѣдовски.—И кота, и корову, и бабку свою, и мамку!

— Махай шибче,—задоритъ дѣдко,—воякa будешь! только не бранись худо... Грѣхъ!

А я ужъ и дѣда не слушаю, и его наровлю кольнуть подъ микитки, и бабку норовлю поддѣть на тесакъ до смерти...

— Кинь, своевольникъ, игру дурацкую!—крикнетъ бабка:—отдай шпагу мнѣ... глаза выколешь. И только посмѣй еще подѣдовски молвить слово одно: вихоръ надеру и языкъ твой выдерну вонъ изъ горла!

Сижу безъ тесака на лавкѣ, молчу. А то, чего добраго, и впрямь бабка вихоръ надеретъ и языкъ выдернетъ вонъ изъ горла! А чѣмъ поговорить тогда?..

Дѣдъ открываетъ табакерку берестовую, насыпаетъ табачку на ноготь большого перста, подноситъ къ горбатому носу—фыкъ!—и не осталось ничего на ногтѣ. Подошелъ я къ дѣду, гляжу... И мнѣ нюхнуть хочется.

— А дай-кось, дѣдушка, и я разокъ фыкну?

Дѣдъ молча насыпаетъ мнѣ на ноготь еще табачку, подноситъ мнѣ къ носу—фыкъ!.. И стою я противъ дѣда, выпучивъ удивленные глаза, а въ носу будто крапива жгучая зародилася, изъ глаза слезу выворачиваетъ... Чихъ! Чихъ!..

— Ой, бабушка, смерть подошла!.. Ой, ѣстъ больно...

— Такъ и надо, поганецъ, такъ и надо!..—кричитъ бабка, бѣдѣ моей радуясь:—мало тебѣ, остолопу. Еще, дѣдъ, поднеси ему,—пущай ему еще покусаетъ!.. Бросокъ на все, храбёръ шибко!—А дѣдъ смѣется:

— Наука,—говоритъ,—пущай знаетъ... Пущай чихаетъ! Теперь Филатка человѣкъ совсѣмъ вольный, нельзя ему дать запрету!.. Хе-хе-хе...

И вотъ такъ-то—на волѣ—вышелъ я изъ избы на задворки, прошелъ черезъ огородъ къ гумнамъ, а тутъ и поле. Тутъ и застрялъ я между житами на гороховой полосѣ. И хорошо мнѣ, ничего никогда такого не бывало со мной: солнышко грѣетъ съ неба; жито, какъ живое, колышется отъ теплаго вѣтра, глядятся на меня изъ жита цвѣточки синіе, бѣлые, желтенькіе; птички летаютъ надъ головой; шмель гудитъ около... сѣлъ на гороховый цвѣтъ, страшное жигало изъ носа выпустилъ,—ходитъ поверхъ цвѣтка — ожигаетъ его жигаломъ. Присѣлъ я ниже... страшно мнѣ: а ну-ко-ся и меня этакъ ожигать станетъ? Да загудѣлъ шмель и улетѣлъ въ жито. Похрабрѣе мнѣ стало; срываю стручки гороховые, ѣмъ горошекъ... И ужъ не помню, какъ пошло дальше... А когда я опомнился: солнышко ниже ушло, жито стояло тихо. Птица большая пролетѣла надъ головой моей съ шумомъ.

— Вѣрно гусь это?—думалъ я:—тотъ самый, котораго кажетъ мнѣ дѣдушка. Эхъ, изловить бы за хвостъ хорошо... Сейчасъ бы бабушка усадила его въ печь за заслонку!..—Другая птица летитъ—ворона—поетъ громко: кра! кра! кра!.. Вотъ-бы хорошо и ворону изловить за ногу! Вотъ бы хорошо!.. Сейчасъ бы бабушка штей наварила съ вороной...—Да какъ сказалъ я про бабку, сейчасъ и опомнился, что не въ избѣ живу... А гдѣ я, откудова я—самъ не знаю... Подымаю голову выше, на пёрстки становлюсь, оглядываюсь кругомъ, да ничего изъ жита не видно: жито—куда ни глянь—во всѣ стороны! И никакого голоса не слыхать; а сверху небо... Заплакать бы горько, да плакать боюсь—шмель услышитъ!..

И не помню какъ,—съ умысломъ-ли я шелъ по житу на камень, али самъ камень попался навстрѣчу мнѣ: хорошій такой камень, высокій! При встрѣчѣ съ камнемъ мнѣ опять стало весело: постоять наверху хорошо! Я полѣзъ неторопливо на камень; лѣзъ-лѣзъ—взобрался! Эко, съ камня глядѣть хорошо—все видно! Солнышко, будто колесо красное, стоитъ за мельницей, надъ темнымъ лѣсомъ, и словно ѣдетъ... И глазамъ не больно глядѣть на солнце, и видно, какъ горятъ въ немъ полѣнцы; а надъ солнцемъ—полосой—туча розовая. Деревни чужія такъ хорошо стоятъ на пригоркахъ, и мельница не машетъ крыльями, отдыхаетъ. По низинамъ дымъ стелется, туманъ предвечерній, — словно Господь Богъ трубку раскуриваетъ.

— Фи-и-латушка-а!..

Я повернулся въ другую отъ солнца сторону, — гляжу: деревня наша стоитъ на вышкѣ,—раскинулась по косогору она, и вся краснымъ подернута... И стоитъ за деревней, на изгороди, дѣдъ Герасимъ, оглядываетъ полевыя дали, меня ищетъ.

— О-о!..—откликнулся я, и опять вспомнивъ, что не около избы я, зарадовался, что опять я на свѣтѣ стану жить вмѣстѣ съ дѣдушкой...—Э, э, дѣдушка!

— Стой на камнѣ! Стой, Филатка, на камнѣ, а то опять затеряешься!.. И дѣдъ сошелъ съ изгороди, зашагалъ въ мою сторону.

— Ахъ шальной внукъ!—говорилъ дѣдушка, шагая по межѣ къ камню:—какъ тебя нелегкая занесла въ это мѣсто?

— Гляди-кось, дѣдушка,—стручки у меня... И—сталъ я казать дѣду зажатые въ кулакѣ стручья гороха: — гляди, и за пазухой есть! И шмеля я, дѣдушка, поглядѣлъ хорошо, и гуся я поглядѣлъ въ небѣ: вотъ какой!..

— Вотъ я тебѣ, дураку, задамъ гуся! Испужалъ ты меня до смерти. Сто годовъ безъ мала живу я, да чуды такой не видывалъ, страху не набирался этакого... Всю деревню изъза тебя исполохали, въ колодцахъ багромъ искали! Да и здѣсь пропасть тебѣ можно: тутъ и волки бѣгаютъ, и другіе разные звѣри...

— А какіе, дѣдушка, волки?

— А вотъ—такіе... Слопаютъ тебя, дурачка, безъ остатка! А патретъ ихній:—хвостъ вотъ этакой! зубы этакіе... глаза

вѳ какіе, а уши — вѳ! — И дѣдушка казалъ мнѣ руками и перстами волка, словами досказывалъ, что прожора — волкъ рѣдкостная: онъ и бабу свою, и дѣда своего прожрать можетъ... Набѣжитъ потихоньку издалека, отъ синяго лѣса, цапъ зубами Божьяго человѣка, — и ужъ того человѣка не будетъ на бѣломъ свѣтѣ! Всѣ ребята и мужики останутся на землѣ, а онъ будетъ жить въ волчьемъ брюхѣ!

У меня душа замирать стала... А дѣдушка, самъ взобравшись на камень и оглядывая кругомъ вечернюю землю, говорилъ про страсти, указывая рукою на гумно:

— Вотъ и рижники живутъ въ ригахъ... Тоже, братъ, и они служаки—бѣдовые! Выскочитъ изъ риги лохматый этакой, ушастый, въ шерсти весь, хвостъ—веревкой, лапы собачьи, на рога поддѣнетъ! и сейчасъ рижники во всѣхъ ригахъ живутъ за печами, и всякаго ротозѣя подкарауливаютъ... А поумнѣе кто,—тѣхъ боятся.

— А кому они служатъ, дѣдушка?

— Землѣ служатъ... Чтобы было человѣку страшнѣе!

— А ну-ка, сейчасъ, волкъ али рижникъ объявятся, и закусаютъ, забодаютъ насъ съ дѣдушкомъ?.. — прошло въ моей головѣ. Стручки вывалились изъ кулачка, я заплакалъ.

— Не робѣй, Филатка!—говорилъ дѣдъ:—полѣзай съ камня... садись ко мнѣ на закорки,—теперь я съ тобой. Это ты одинъ бойся, не ходи одинъ за деревню...

Взобравшись на спину къ дѣду, мнѣ совсѣмъ стало весело. Мы пошли по межѣ къ деревнѣ.

— Теперь я, дѣдушка, не пойду за деревню, а то волки меня закусаютъ!

— Да ужъ, братъ, только пройдись еще разъ,—закусаютъ! Сиди хорошенько. Сейчасъ покажемъ бабѣ тебя. И у бабы твоей душа изболѣлась... А я ей въ ухо стрѣльнулъ, чтобы понимала она всѣ порядки, чтобы глядѣла...

— Э, живъ—слава Богу,—говорили бабы, встрѣчая насъ съ дѣдомъ на орѣховской улицѣ.—Дѣдъ, гдѣ нашелъ внука свово?

— На камнѣ стоялъ... На гороховой полосѣ былъ. Гороха, глупому, захотѣлось!..

— Нѣ, дѣдъ... Коли такое дѣло, то не дуракъ ёнъ!.. Это и умный не всякій придумаетъ: въ горохи ходить,—

коли запретъ сдѣланъ до самаго Спаса?.. Да и горохъ-отъ посѣянъ у Фоки; а вашъ—вона гдѣ! Судить его надо...

— Въ года не вошелъ!—говорилъ дѣдъ:—закона про него не написано...

— Ишь, захребетникъ, впрегъ дѣда-то!—говорили другія бабы:—гдѣ бы старичка посадить на закорки, а ёнъ самъ залѣзъ: неси, дѣдъ, покряхтывай!..

— Кормильца несу!

— Да какой онъ кормилецъ тебѣ, дѣдъ Герасимъ,—тебѣ сто годовъ есть!

— А что-жъ, матушка, можетъ я и еще немало поживу на землѣ... Все отъ Бога.

— Ахъ, пучеглазецъ,—кричала бабка, завидѣвъ меня отъ крылечка:—крапивой тебя, остолопа, надо... Гдѣ былъ, негожій?

— Ну-ну!—говорилъ дѣдъ, ссаживая меня на завалину.—Радуйся теперь... вотъ онъ!

Ребята собрались,—всѣ глядятъ на меня, какъ на чудо... И ребята искали меня, да не нашли нигдѣ. А вотъ—я! Всѣ про меня разговаривали.

Да, все наладилось хорошо. А черезъ часокъ малый, забывъ и волка, и рижника, сидѣлъ я на дворныхъ сѣнцахъ съ позолоченной деревянной чашкой въ рукѣ, поджидалъ молочка теплаго. Бабушка корову доитъ на дворѣ, говоритъ коровѣ: „Стой, умная, не брыкайся! Вишь и Филатка потерящій смирно сидитъ, молочка ему захотѣлось“...

И жду я, прислушиваюсь чутко къ особливому шуму, съ какимъ добывается молочко изъ коровушки:—„стрекъ, стрекъ! стрекъ, стрекъ!“ И котъ сидитъ рядомъ со мной, онъ тоже долю свою поджидаетъ, и ему въ черепокъ теплаго молочка подливаютъ.

И лишь выдоила бабка все молоко изъ коровушки,—стала подыматься на сѣнцы съ подойникомъ, а мы съ котомъ на дорогѣ у ней: я подставляю золоченую чашку, котъ трется головой о подолъ бабкинъ, хвостъ кверху, самъ упрашиваетъ: мя-у! мя-у!.. И коту наливаетъ бабушка въ глиняный черепокъ самаго теплаго...

Пьемъ молочко съ котомъ, оба радостные; понимаемъ тоже, что лучше нашего житья, пожалуй, нѣту на всей

деревнѣ Орѣховой! А бабка разливаетъ остатки молока въ крынки муравленыя.

Дѣдъ за столомъ сидитъ, нарѣзаетъ хлѣбъ для ужина, мамушка собираетъ на столъ чашки, ложки.

А какъ поужинаемъ — спать ляжемъ. Дружокъ—котъ придетъ въ гости ко мнѣ: котъ къ самой стѣнкѣ, я въ серединкѣ, а съ краю мамушка. Да не шибко мамушка кота любила, называла его—блохастымъ... А какія у кота блохи? Развѣ, подъ нижней тявкой маленько ихъ проживаетъ!.. И я, тихонько отъ мамушки, пущу кота къ стѣнѣ, да и онъ понимаетъ: такъ проберется тихо ко мнѣ, что хоть карауль—не замѣтишь! Невесело ему спать безъ меня, и мнѣ тоже. Грусть въ одиночку насъ разбираетъ. Заберется котъ подъ одѣяло, уляжется, заурчитъ громко: „у-ру, у-ру-ру! у-ру, у-ру-ру!..“

Заслышитъ мамушка пѣсни веселыя.—А, скажетъ: ты ужъ опять забрался къ намъ на постелю... Сама — хвать рукой дружка моего за загривокъ,—шворкъ на полъ! Я молчу...

А потомъ я сталъ помудрѣе: какъ заурчитъ котъ пѣсню подъ одѣяломъ, я, сейчасъ, тукъ его кулакомъ въ голову! и котъ стихнетъ... запоетъ опять, я опять—тукъ! И лежимъ тихо оба. Настанетъ день, котъ и я—въ стороны. Я къ ребятамъ уйду, а онъ мышей догонять.

А то ребята набѣгутъ къ намъ въ избу: которые у порога стоятъ, которые на приступокъ усядутся; и я сяжу, на ребятъ поглядываю. Любо мнѣ, что скопилось въ избѣ народа хорошаго.

— Ну, что пришли?—спрашиваетъ у ребятъ дѣдушка.

— А такъ, дѣдъ Герасимъ... Идти больше некуда намъ, да и на тебя посмотрѣть захотѣли!

— Ну, поглядите. А вотъ у меня и Филатка есть. Еще подростетъ онъ маленько и съ конемъ въ ночь поѣдетъ. Вы его не обижайте тамъ въ полѣ ночью...

— Не обидимъ, дѣдко,—мы смирные. Съ Филаткой мы играть будемъ: ему балясу дадимъ, да себѣ возьмемъ по балясинѣ, и пойдетъ у насъ дѣло!.. Вотъ, юдинскіе ребята,—тѣ любятъ драться... Да пущай-ко у насъ силы подкопится,—мы тоже накостыляемъ юдинскимъ здорово. Вотъ, баютъ, хорошо черной рѣдьки поѣсть, чтобы кулаки были крѣпче, да черной рѣдьки нѣту...

— А вотъ, дѣдъ Герасимъ,—заговорилъ Яшка:—тоже и изъ ружья палить хорошо! Настоящаго ружья у насъ нѣту, а плюнешь на камень, потомъ уголекъ каленый на это мѣсто, да сверху-то—рразъ! другимъ камнемъ... Такъ пальнетъ хорошо, что и изъ пушки хуже... А то, дѣдъ, вотъ еще хорошо: головней кидать въ небо! Шибанешь этакъ головней въ небо, а искорки такъ и посыпются въ стороны, а головня все выше, выше... Не худо тоже съ лѣшимъ аукаться... Живетъ онъ въ болотѣ за мокрой нивой, и какъ вечеромъ крикнешь ему: лѣшій!—онъ тебѣ сейчасъ на отместку: самъ лѣшій!.. Да еще прибавитъ разъ семь: лѣшій, лѣшій! И что ни крикни ему, онъ сейчасъ тебя передразнитъ. А днемъ кричи—нѣту.

— Это гуля...

— Нѣтъ, дѣдко, не спорь: лѣшій! Ужъ мы, братъ, знаемъ. Еще вчера мы дразнили его изъ-за камня...

— Дѣдъ Герасимъ,—заговорилъ Тимошка:—а вотъ Ѳедькѣ-Язю вчера Митькина собака по губѣ лизнула... Ты не слыхалъ про это?

— Отъ тебя впервой слышу...

— Э!.. Вишь-ли какъ было дѣло: развѣсплъ Ѳедька-то губы, а собака подбѣжала, да и—лизь его по губѣ!.. Хе-хе-хе!

— Не лги, косопятый!—заспорилъ Ѳедька:—губы у меня не висѣли... А собака такъ подбѣжала и лизнула вдоль носа... Тьфу—поганы!..—И Ѳедька сталъ брезгливо утирать рукавомъ рубахи губы и вдоль носа.—Это у твоей матери висятъ губы!—сказалъ онъ Тимошкѣ:—и уши у твоей бабки растопыркой стоятъ,—вотъ этакіе!

— Врешь!.. У моей бабушки уши хорошія... А у твоего отца—и носъ крючкомъ, и одинъ глазъ поменьше!..

— А вашъ-то дядя колесо укралъ.

— Гдѣ—колесо?..

— А вотъ ищи гдѣ... А колеса нѣту!

Ѳедька и Тимошка пошли по избѣ въ поволочку...

— Гдѣ—колесо?..—кричалъ Тимошка.

— А вотъ ищи—гдѣ...—говорилъ Ѳедька:—а колеса нѣту... А колесо было...

— Вонъ! Вонъ уходите!—закричалъ дѣдко.—Нельзя въ избѣ драться,—въ избѣ образа есть. Да и носъ крючкомъ не худо совсѣмъ... И у меня носъ крючкомъ, да не худо... Вонъ всѣ!..

Ребята побѣжали на улицу. Побѣжалъ и я за ребятами. Да какъ ни бѣгаешь, какъ ни колесишь улицей, на задворьяхъ и по загуменью, а ввечеру опять съ бабушкой, съ дѣдушкомъ, съ мамкой да съ тетушкой, и котъ вмѣстѣ съ нами.

Да не было у меня съ теткой и съ матушкой дружбы большой, къ старымъ людямъ льнулъ я... А онѣ, молодыя, свои дѣла дѣлали... И сказки хорошей отъ нихъ не послушаешь, и подарка хорошаго сдѣлать онѣ не умѣютъ.

Тетка ужъ вдовица была. Проживъ замужемъ года три, схоронивъ и мужа, и дѣвочку маленькую, она опять вернулась къ дѣдушкѣ. Да ужъ, стало быть, не было ей въ домѣ у насъ житья вѣковѣчнаго. Смекалъ я, хоть и невеличекъ былъ разумомъ, что матушка иной разъ косо поглядываетъ на тетку, будто тѣсно въ избѣ матушкѣ, коли тетка въ избѣ... Да споровъ не было. Хозяинъ былъ дѣдушка: ни пикнешь у него, ни цыкнешь! А коли не было въ избѣ дѣда да матушки, бабушка говорила теткѣ:

— Дите сердешно, ужъ, стало быть, гнѣзда вѣрнаго тебѣ здѣся нѣту! Ужъ, стало быть, достанется тебѣ летѣть въ края чужіе... Изъ невеликихъ грѣховъ, дитятко, израстаютъ грѣхи большіе. Пока живъ дѣдъ, по тѣ поры и закрѣпы держутся, а тамъ—Богъ вѣсть... Да и одна ты, пужаться тебѣ одной въ жизни некого. Найдешь ты на свѣтѣ свою долю хорошую,—только умъ береги, да помни Мать Богородицу...

За то, чѣмъ больше мы переживали дней вмѣстѣ съ дѣдушкой, дружба наша все крѣпла, и все мы межъ собой понимали. Одно выходило у насъ не совсѣмъ ладно: мои ноги стали словно березовыя, устали имъ нигдѣ нѣту, а у дѣда—словно мочальныя... Я кверху тянусь, сиваго дѣда книзу осаживаетъ! И я радовался, что мой верхъ беретъ...

— Ну, братъ Филатка,—говорилъ дѣдъ:—мнѣ надо начинать съ дубинкой ходить... А никогда не ходилъ я съ дубинкой!

— А что, дѣдушко?

— А чтобы примѣрно шибче!.. чтобы не отстать отъ народа...

— Дѣдушка, а давай на перегонки бѣжать: кто не добѣжитъ первый—тому бычка въ лобъ?

— Давай, братъ, давай!.. Еще съ дубинкой пойду я не

завтра... Только становись рядомъ, чтобы обману не было. Валяй первый!.. Разъ, два, три!

Я, что птица, понесся вдоль улицы, щепа летитъ изъ подъ пятокъ... Оглядываюсь на дѣда, а дѣдъ еще и съ завала не поднялся, еще только сидитъ, опершись въ колѣни руками старыми...

— Ты, дѣдушка, чего отстаешь? ха-ха-ха!..

— А вотъ, сейчасъ, погоди... Я, братъ, коли захочу, догоню живо, у меня ноги долги... Валяй еще вдоль деревни!

Только покатываюсь отъ смѣха,—вижу, что совсѣмъ я надъ дѣдушкой забралъ силу. И дѣдъ смѣется: видитъ, что у меня яру больше!..

— Ну Филатка,—говорилъ дѣдушка:—твой верхъ! Ты—прытчѣе! Еще я только хотѣлъ разъ скокнуть, а ты ужъ—вона куда забрался!..

— А я и вотъ какъ умѣю, дѣдушка: на головѣ постоять! Хошь поглядѣть разокъ?.

— Да ужъ погляжу... Кажи хорошенько!

Близь ногъ дѣдовыхъ упираюсь головой въ землю, изловчаюсь стать ногами подъ облаки... И такъ, и этакъ нажиливаюсь—не выходитъ... Хватаюсь ладонями за траву, выпрямляюсь, уравниваюсь... Вышло!.. Стою: голова въ землю воткнута, ноги въ небо, руками за песокъ держусь... Крикнуть, похвалиться хочу передъ дѣдомъ, да нельзя—свалишься...

— Ай, Филатка!—говорилъ дѣдушка:—вотъ это совсѣмъ получше... Этакъ, пожалуй, и мнѣ не вздернуться кверху.—Эй, баба Дунька,—гляди, что Филатка кажетъ... Хе-хе!.. Эй баба!..

Лицо бабушки выставилось изъ окна.

— Шею свихнешь, поганецъ!—кричала бабка:—кинь озорство... Встань по-человѣчьи на обѣ ноги!

— Пущай его!—говорилъ дѣдъ:—онъ ловкость свою намъ кажетъ. Ай, Филатка!

— А давай, дѣдушка, на дубинкѣ со мной тягаться?—говорилъ я дѣду, припоминая, какъ мужики, въ пивной праздникъ, на ухватѣ тягались въ нашей избѣ, силу пробовали. Сѣлъ тогда на полъ дьячокъ Григорьичъ—и ни одного мужика не осталося, всѣхъ онъ потянулъ на ухватѣ.—Чуялъ я въ разгорѣвшейся моей серединѣ, что теперь мнѣ и дѣдъ—не дѣдъ, да и самъ я—не я совсѣмъ, а въ родѣ Григорьича.—

Упремся мы съ дѣдомъ ногами въ ноги, возьмемся за палку правильно, и сейчасъ я—махъ дѣда Герасима, и полетитъ дѣдъ, изъ гнѣздовища вывороченный, вверхъ пятками!..

— За это, братъ, не имайся!—сказалъ дѣдушка:—на дубинкѣ со мной прогадаешь. Еще не весь твой верхъ, еще я рѣдкаго мужика не вздѣну, коли до того дойдетъ дѣло... Нѣтъ, братъ, еще не все мое запропало!

И часто мы такъ бывали съ дѣдушкомъ подъ окнами избы, на завалинѣ, какъ только пригрѣетъ солнце, да праздникъ, али у дѣдушки дѣла нѣтъ,—мы и вмѣстѣ. А кругомъ соберутся ребятки орѣховскіе, дѣвчонки сосуновъ принесутъ... Изъ окна глядитъ баба Васиха, дѣдъ Назаръ глядитъ съ крылечка, Микифоръ соцкій выглянетъ изъ огорода, заслыша шумъ ребятни. Экое раздолье у нашей избы подъ окошками!

А то: соберется дѣдушка на дѣло въ поле,—побѣгу и я во слѣдъ дѣду. Обернется старый, спроситъ:

— А ты, Филатка, зачѣмъ привязался?

— Съ тобой захотѣлось, дѣдушка. Я люблю поле.

— Ну, валяй, коли такъ. Да, гляди, ногу не зашиби объ каменья.

Дѣдушка шагаетъ по полевой дорожкѣ, несетъ на плечѣ еловые колья для изгороди. Я, то впереди него, то позади него мыкаюсь, съ высвистомъ, съ гиканьемъ бѣгу стороной дороги, поперекъ дороги, кидаю въ воронъ, въ сорокъ комьями.

Придемъ на мѣсто. Возьмется дѣдъ за работу: колья въ землю вколачиваетъ, перевязываетъ ихъ прутьями, жерди укладываетъ. А я лежу умаянный на травѣ, словно быкъ али заяцъ,—на солнце поглядываю, а солнце на насъ глядитъ. Теплый вѣтеръ обдуваетъ меня, жаворонки, взбираясь къ небу, поютъ для насъ съ дѣдушкой,—любо имъ, что и мы пришли въ поле! Дроздъ трещитъ за ручьемъ въ перелѣскѣ,—не то насъ веселитъ, не то самъ себя...

Поднимаюсь съ травки, бѣгаю вокругъ мимо дѣдушки: земляничку ищу, шмелево гнѣздо ищу. Ужъ совсѣмъ я сталъ помудрѣе: ужъ и шмелей мнѣ не страшно, и волка я поглядѣлъ издали; а три медвѣдя были у насъ въ деревнѣ: лохматые, головастые, на желѣзныхъ цѣпяхъ, желѣзныя кольца въ ноздри продернуты, и всякія штуки казали народу на улицѣ.

Управился дѣдъ,—опять зашагали мы къ деревнѣ Орѣховой. Стоитъ деревня Орѣхова на горѣ, глядится на насъ окошками; изба наша на самой серединѣ стоитъ; крестъ святой на часовнѣ виднѣется. Гдѣ-то вопятъ ребята.

А кругомъ насъ съ дѣдомъ—ходитъ вѣтеръ, свиститъ, поютъ птицы Божьи, солнце свѣтитъ, облака плывутъ бѣлыми клочьями, а кругомъ—синь дальняго залѣсья: какъ кольцо на всѣ стороны залегло оно, весь бѣлый свѣтъ опоясало... И стоитъ близь залѣсья „воля“—мельница, торопливо машетъ широкими крыльями, словно манитъ къ себѣ насъ съ дѣдушкой: „Эй, двое!.. подходите ближе сюда,—полетимъ трое—вонъ туда—за сѣдыя горы!..“

— Дѣдушка, а за горами что?

— А тамъ тоже деревни разныя: Болото, Заводъ, Заозерье.

— Вотъ бы поглядѣть хорошо!

— Тамъ—Брюхановщина... А наша сторона—Милославщина. У насъ лучше!

— А все бы съ горы лучше, дѣдушка?

— Да, и съ горы не худо. Вотъ, погоди, выростешь большой и пойдешь тогда въ гору.

— Дѣдушка, а хорошо въ полѣ!—и цвѣточки растутъ, и кусты; птица всякая распѣваетъ. Вольно!..

Любилъ я побѣгать въ полѣ. Бѣгая по улицѣ, я видѣлъ избы, амбары, гумны сосѣдніе,—наперечетъ зналъ, чьи они; свои хоромы вѣдалъ до бревнышка; да не шло отъ этого запросовъ въ голову: не шевелилась дума... А въ поле выбѣжишь, взберешься на камень,—ширина-то какая!.. Поднимешь глаза въ небо, а тамъ либо синь чистая, а на ней солнышко, али ползетъ туча сѣрая—надвинется густымъ мѣстомъ—брызнетъ теплымъ дождемъ; снимешь съ головы шапку, рукой по маковкѣ хлопаешь, чтобы больше вымочило, чтобы съ мужичка скорѣй вырости. А въ головѣ дума: какъ туча вверху безъ подпорокъ держится, безъ колесъ ѣдетъ, наземь не валится?.. Отчего сверху вода проливается, коли нѣтъ тамъ ни рѣки, ни озера? Загремитъ громъ: закрестишься и глядишь упорно въ высь облачную — не покажется-ли въ которой сторонѣ Илія пророкъ на телѣгѣ? И думается въ ту же пору: святыхъ, пожалуй, сколько насѣло на облакѣ—

катаются... Эхъ, хорошо бы прокатиться на облачкѣ. И глядишь-глядишь въ гущу облачную: и глазъ не оторвать прочь— все живое тамъ, все движется, ходуномъ идетъ, и вдругъ кинетъ Господь пламенной молніей, мелькнетъ она слѣпящими кривулями на сѣрыхъ облакахъ,—и въ тотъ же часъ Илія святой на тучахъ загромыхаетъ-покатится!

Уйдетъ туча. Опять заблещетъ знойное солнышко: хорошо послѣ дождя въ чистомъ полѣ! И свѣтлѣе, и зеленѣе. И опять глядишь на всѣ стороны, особливо туда, куда скроются густыя бурливыя тучи, раздумываешь, да ничего изъ думъ не выходитъ!

Запримѣтишь гдѣ-нибудь у гумна дѣда Герасима, бѣжишь къ нему.

— Дѣдушка, а отчего дождь летитъ?

— Отъ Бога.

— А солнце свѣтитъ?

— И солнце тоже отъ Бога. Кабы солнца не было на землѣ, такъ намъ бы и жить нельзя. Озябли бы мы и замерзли... Для человѣка оно... и Бога славитъ.

— А откуда, дѣдушка, взялась деревня Орѣхово?

— Мужики выстроили. Да ты чего мокрый весь?

— А я, дѣдушка, на дождѣ постоялъ, чтобы поскорѣе съ мужичка вырости!

— Ай, Филатка!.. Надо, братъ, коли такъ, сказать тебѣ про деревню... Было, примѣрно, вотъ этакое гладкое мѣсто, али лѣсъ былъ... Одинъ мужикъ взялъ да и построилъ на гладкомъ мѣстѣ избу себѣ, а въ лѣсъ пошелъ за дровами, расчистилъ тамъ новину, посѣялъ ржи куль. Къ этому мужику другой присосѣдился, третій, и стали они сосѣди. А только, я думаю, строились они толокой, скопомъ: одному не подъ силу!.. А вотъ теперь и деревня! И тѣхъ мужиковъ давно нѣту, и построекъ тѣхъ нѣту: и люди, и постройки— все заново... Эхъ, Филатка, сколько я народу знавалъ, и никого-то ихъ нѣту!.. А это теперь все другіе!.. Эхъ ты, голова въ шапкѣ! все тебѣ знать надо... Коли сто годовъ проживешь, узнаешь и съ дѣдово, а дѣдъ и по сію пору только полосу свою знаетъ, да—что на свѣтѣ всяко случается, да скоро—и Герасима здѣсь не будетъ!.. А ты, соколикъ, будешь жить здѣсь: и гумно твое будетъ, и амбары, сарай, вся одворица. И можетъ, не съ мое ты услышишь, не съ мое

увидишь!.. Твой дѣдъ былъ не самъ хозяинъ себѣ... Теперь прошло это. Свѣтятся впереди дни Христовы: Христосъ идетъ милосердый,—и куда вамъ будетъ легче жить супротивъ прежняго—окаяннаго... Вольные мы съ тобой люди, Филатка,—молись Богу за это. Всѣ дороги намъ не закрыты!.. Вотъ, только мнѣ ужъ и идти некогда. А ты бѣги къ бабѣ своей, пущай она рубаху тебѣ одѣнетъ сухую. Да скажи ей: дѣдко обѣдать хочетъ!

А то возьметъ дѣдушка съ гвоздя желѣзный ключъ въ локотокъ длины, въ хлѣбный амбаръ пойдетъ. Бѣгу слѣдомъ за дѣдушкой. Въ амбарѣ все наше самое хорошее сберегается, и духъ тамъ особенный, отдаетъ всякими зернами... Въ сусѣкахъ ржи, жита, овса насыпано; въ кадочкахъ льняное сѣмя, конопляное, горохъ, хмель. Связка лаптей виситъ у стропилы, говядинка вяленая, стриженая овечья шерсть въ сѣткѣ; на помостѣ—дуга росписная, въ холстъ завернутая; хомутъ новый, шлея съ наборомъ, два колеса, серпы, косы, лопата, топоръ запасной. Армякъ праздничный дѣдушкинъ виситъ на гвоздѣ, шляпа шириной въ два локтя... и все завернуто бережно, всякое на своемъ мѣстѣ. Въ этотъ амбаръ не ходили безъ дѣдушки,—любилъ онъ самъ ходить, среди богачества своего трудового отдыхалъ сердцемъ. И я всегда примѣчалъ, что дѣдушка, войдя въ середину, поводилъ горбатымъ носомъ своимъ, набирался духа амбарнаго рѣдкостнаго, глядѣлъ вокругъ глазами веселыми... Точь-въ-точь, какъ я на высокомъ камнѣ, среди чистаго поля! Дѣду тутъ радостно, мнѣ—тамъ, гдѣ зеленая ширина залегла на всѣ стороны, нивѣсть откудова бѣжитъ вѣтеръ, летаютъ голосистыя пташки, а сверху голубымъ пологомъ все задернуто, горячимъ солнцемъ все залито!

Виднѣется изъ-подъ холстины дуги край, золотой, съ цвѣтами лазоревыми, и по цвѣтамъ алый звѣрь бѣжитъ: хвостъ кольцомъ, ротъ разинутъ, глазъ черный, шерсть на головѣ, словно грива...

— А дай-ко, дѣдушка, я на дугу погляжу хорошенько!

И я норовилъ взобраться по сусѣку на помостъ, къ дугѣ золотой, чтобы оглядѣть ее всю до другого края, за оба края подержаться рукой...

— Не лазь! не лазь!—говорилъ дѣдъ:—убьешься. Когда женить тебя станемъ, тогда развернемъ дугу всю... При этой

дугѣ и дѣда твоего, и отца твоего поженили; человѣкъ сто поженили. Какъ свадьба хорошая, сейчасъ дугу у меня и попросятъ... Она изъ округи—первая. Навѣки дуга эта, коли все по-хорошему. На-ко горошку тебѣ, да и бѣги вонъ! Сейчасъ я запру амбарецъ.

Захвативъ горошку въ подолъ рубахи, я усаживался на бугрѣ, близь часовни, кричалъ громкимъ голосомъ—сзывая ребятъ Сенькиныхъ, Тереховыхъ:—Эй, братцы, во у меня горохъ е!..—Набѣгали ребята, въ кружокъ садились, и когда горошка ужъ не было, вынимали изъ-подъ часовни рюхи, палки, въ городки заигрывали.

Жизнь моя все шире развертывалась, въ глубину уходила, выше шла!.. Росла головушка на плечахъ, ни о чемъ тоскливомъ не думая, не понимая тоски. Босикомъ, безъ шапки, безъ пояса выскочишь изъ избы, носишься съ пріятелями по закоулкамъ орѣховскимъ, по загуменью. Нѣтъ отдыха, да и усталость не чуется, а что больше колесишь, пуще къ загулу манитъ. Запримѣтитъ бабка съ крыльца:

— Эй,—кричитъ,—Филатка, подбѣги-ка ко мнѣ, я опоясшу тебя... Грѣхъ безъ пояса!

— Да я, бабушка, подпояшусь лыкомъ ужо!..

А самъ боюсь близко подойти къ бабкѣ: попадешь въ лапы къ ней—въ избу засадитъ, ноги мои жалѣючи!.. А что ноги жалѣть? Надо еще побѣгать, поваляться на травкѣ, въ лѣсъ зайти: поглядѣть дрозденятъ въ гнѣздѣ; а коли змѣй попадется — разможжить ему голову: „не искушай, мошенникъ, Адама—Еву, не вводи въ грѣхи праведныхъ!“

Выберемся къ часовнѣ, на середину Орѣховой... Вой-гулъ несется отъ насъ: всякій въ разныя игры наигрываетъ,—кто дудитъ, кто свиститъ, кто мяучитъ!.. Ефимъ Тереховъ побычьи мычитъ, Гаранька Горячевъ клокчетъ по-курячьи...

— Упаси-оборони, Господи, отъ этакого житья меня, грѣшницу!—говоритъ съ крылечка, косясь на ребятъ, охотница до тишины мирной, старая баба Васиха.—Не ребятъ нынче молодицы рожаютъ, — разбойниковъ! Толи дѣло рожали въ прежнія времена... Да въ старинные годы и старосты были сердитѣе. А нынче Гаврила-староста— только прибаутки разсказываетъ!..

А Гаврила-добрякъ какъ разъ идетъ самъ къ часовнѣ: высокій, въ синемъ балахонѣ, борода во всю грудь...

— Валяй, ребята, повеселѣе!—говоритъ онъ: — чтобы было чѣмъ житье вспомянуть на старости!.. Только ужъ вы того... Отъ святой часовни подалѣ. Валяй въ полѣ!..

Слушаемъ старосту, всей силой бѣжимъ къ околицѣ, а съ нами вмѣстѣ и гулъ, и топъ! Старые люди выглядаютъ изъ оконъ, качаютъ головами задумчиво...

— Чего ты, Дунька, не караулишь внука свово?—говорила старая Васиха, шагая черезъ порогъ въ избу къ намъ.— Жалиться я пришла на ево. Житья нѣту! Какъ ни погляжу я— гдѣ всѣ сорванцы въ скопищѣ, и твой тута! Гдѣ всѣ мошенники—и ёнъ въ серединѣ!.. Хорошо это? Я всѣ дни примѣчаю его вмѣстѣ съ Тереховыми разбойниками, да съ Сенькиными супостатами... А? Вчера у меня чуть стекла не выбили рюхой, чуть саму меня не убили... Такъ рюхой тяпнули, что вся изба моя задрожала, а въ стеклѣ зазвенѣло.

— Бабка Васиха!.. я тутъ не стоялъ и близко...—говорилъ я:—это Яшка Тереховъ полѣномъ кинулъ. Онъ въ ворону хотѣлъ, да соскочило къ тебѣ по наличнику!..

Слышу голоса на улицѣ... Ускакиваю за дверь не слышно. А ужъ голоса къ Лому ушли, къ лучшему деревенскому лугу, гдѣ трава въ поясъ растетъ, цвѣты безъ счета... Вотъ онъ— Ломъ! Широкой котловиной раскинулся на всѣ стороны, весь пестрѣетъ цвѣтами хорошими, зеленѣетъ весь!.. Съ одной стороны деревня Орѣхово, — жалится въ деревнѣ баба Васиха бабкѣ моей, что и я скоро разбойникомъ сдѣлаюсь, супостатомъ прослыву на всю округу... По другую сторону Лома залегли окоты высокіе: по окотамъ рожь сизая,—волны по сизой ржи бѣгутъ въ перегонку; а на самой вышинѣ окотъ лежитъ камень сѣрый; что изба попова, красуется онъ на самомъ хорошемъ мѣстѣ, и видна съ того камня вся долгота земная, вся вышь поднебесная!..

Остановились всѣ близь ключа свѣтлаго, глядимъ, какъ закипаетъ холодная вода снизу и крохотнымъ ручейкомъ уходитъ въ ложбину зеленую. И опять съ шумомъ уходимъ далѣ... Цвѣты, трава—все кланяется намъ до самой земли, какъ гостямъ свадебнымъ. Словно у Господа на постелькѣ, валяемся на цвѣтахъ желтыхъ, на травѣ мягкой.

Идетъ по тропинкѣ баба зарѣцкая.

— Эй, тетка!—кричимъ бабѣ:—гляди, какъ мы знаемъ!..

И начинаемъ казать бабѣ зарѣцкой дивы орѣховскія: кто борется, кто на головѣ стоитъ, кто по-медвѣжьи бѣгаетъ; Яшка по-дроздовски трещитъ, я—журавлемъ пою...

— Ай, ребятки!..—хвалитъ насъ баба:—ловко!..—Сама въ низину спускается, пропадаетъ во ржи... Да и мы забыли про бабу; свои дѣла приспѣли на очередь...

— Гляди, братцы, цвѣтъ какой!—кричитъ Тимошка. Бѣжимъ на крикъ, поглядѣть цвѣтка: хорошій цвѣтъ, большой, перья кругомъ голубыя, середина бѣлая, какъ сметана.

— Срывай!..—кричимъ всѣ.

— Нѣтъ, братцы... Порастетъ пущай!—говоритъ Фока.—Такъ глядѣть можно. Къ нему Божья пчела прилетитъ, наберетъ меда. Ему тоже пожить охота, охота глядѣть на солнце...

— Эй, братцы, еще такой!..

— Вотъ—еще... И что дальше въ широкій, зеленый Ломъ, цвѣта голубого рѣдкостнаго растетъ гуще. По пучку нарвали цвѣтовъ. Шмелей ищемъ...

— Эй!..—слышится голосъ откуда-то:—вы здѣсь чего? Оглядываемся кругомъ—ни человѣка, ни голоса. Только рожь на высокихъ окатахъ колышится, да камень глядится съ верху, да стаи ласточекъ ныряютъ со свистомъ въ голубомъ небѣ.

— Гляди, братцы, метелекъ какой пестрый!..

— Ребя... лови метеля!.. Гляди—крылья у него, какъ у попа риза... Лови!.. Имай... Яшка, бѣги сюда поскорѣе: у тебя шапка е!.. Накрывай шапкой его...

— Кто разрѣшилъ по травѣ ходить!..—слышимъ сердитый голосъ... Глядь—Гаврила староста глядитъ на насъ изо ржи... На судъ стянетъ, кто ему въ руки поймается.

— Бѣги, братцы!..—кричимъ въ одинъ голосъ и, перегоняя другъ друга, бѣжимъ мелкой розсыпью во всѣ стороны...

— Не уйдете отъ меня! — кричитъ староста: — я всѣхъ оглядѣлъ,—всѣхъ на сходку ужо!

— Братцы!..—кричу я пріятелямъ, не поспѣвая за ними на короткихъ ногахъ:—подождите... А самому кажется, что вотъ-вотъ тянется позади рука старосты, чтобы сгресть за вихры меня.—Господи, помоги убѣжать отъ Гаврилы!..

Ввечеру хороводъ дѣвичій. Увиваемся около; заводимъ игры веселѣй дѣвичьихъ.

— Уйдите прочь, окаянные!—кричатъ дѣвки.—Аль мѣста другого нѣтъ на деревнѣ?

— Домой подите, робята, ужинать!—кричатъ бабки, матери... Аль за́ день не угомонило васъ?..

— Мы не хотимъ ужинать...

Тутъ ужъ бабки и матери идутъ облавой на насъ: у которой сковородникъ въ рукѣ, у которой вожжи, полѣно... Дѣвки начинаютъ помогать имъ, ловятъ насъ, стукаютъ по затылку... Обрадовались, что ихнее взяло выше.

Утирая кулаками слезы, взбираешься на крылечко свое... Сердитая бабка рядомъ идетъ, за рубаху цѣпкой рукой крѣпко держитъ.

— Окаянный!—бранится бабка:—дома жить тебѣ тошно... Бродяга!.. Все бы тебѣ въ лѣсу да въ болотѣ... То-то—выростешь, хлѣбъ отъ тебя будетъ! Отъ тебя съ котомкой пройдешь по деревнѣ... Всѣ хорошіе люди спятъ, а на бродягу и спанья нѣту. Вотъ, погоди, заставлю я тебя жить въ избѣ, привяжу къ печкѣ за ногу... Садись къ столу, блудило лѣсной,—ѣшь!..

Ѣмъ—сижу... Дѣдушка на лавкѣ лежитъ, спитъ крѣпко. Мамушка въ пологу спитъ въ сѣняхъ. А съ улицы гулъ пѣсенъ доносится... Экое житье горькое... Эхъ, кабы бабки на свѣтѣ не было,—до зари бы прогулялъ я по улицѣ!

Этимъ лѣтомъ мы жили въ деревнѣ безъ тетушки,—она жила въ Питерѣ у господъ. А батюшка мой, тотъ съизмальства жилъ въ Питерѣ. Бѣдность большая была въ прежніе годы у дѣдушки: семья большая—дѣтки бабушкины; хлѣбъ родился худо, земля пехорошая на Орѣховой, да еще гоняли на барскую. Настоящій мой дѣдъ—Савелій Герасимычъ—тоже жилъ въ Питерѣ, тамъ и умеръ,—когда еще батюшка мой былъ совсѣмъ маленькій. Вся обуза опять легла на дѣда Герасима. И стало вѣдомо мнѣ, что дѣдъ Герасимъ не настоящій мнѣ дѣдушка, а и больше того — прадѣдъ мнѣ... Сошлись мы съ нимъ въ деревнѣ Орѣховой, какъ обручъ концами сходится,—середина—кругъ, а кругомъ бочка обтянута...

В. Савихинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(ихъ переписка [1]).

1836 г. 4-е декабря, 11 ч. вечера.

Теперь ты грустишь, что за 1.000 верстъ отъ меня, пріѣдешь—будешь грустить, что за 1.000 шаговъ; будемъ вмѣстѣ — опять можетъ будетъ твоя грусть у тебя, первое, что въ разлукѣ съ Огаревымъ... о, Александръ! Такъ-ли должны мы переносить несчастія? И какъ смѣть надѣяться получить вѣнецъ, когда не хотимъ взять креста? Не крестъ — вѣнецъ! Я не стала бъ роптать, когда бы ты былъ твердъ, но грусть твоя отнимаетъ все у меня. Нѣтъ! не должно изнемогать, одна бы понесла я крестъ, но могу-ли одна нести награду? Неси, неси его со мною, братъ мой, одинъ трудъ намъ и страданье, одна награда и блаженство. Какой путь, какъ мы истерзаны, измучены и какъ тяжелъ крестъ—но несемъ его, несемъ! Ѣдемъ далѣе—ужъ видѣнъ берегъ родной, святой берегъ... удвоимъ силы... и что ждетъ насъ тамъ, ангелъ мой... какъ назвать это, какъ выразить?.. но ты знаешь. Ахъ и неужели при этой мысли ты можешь оставаться грустнымъ и мрачнымъ.

Неужели при ней не распадутся своды души твоей—оковы

---

[1]) Помѣщаемая на страницахъ нашего журнала переписка Александра Ивановича Герцена съ его невѣстою, Натальей Александровною Захарьиной, представляетъ собою продолженіе той самой переписки, которая печаталась въ «Русской Мысли», съ первой книжки 1893 года по восьмую 1894 года. Для читателей, незнакомыхъ съ началомъ ея, считаемъ необходимымъ пояснить, что она охватываетъ три года, съ 16 апрѣля 1835 года по 6 мая 1838 года, т.-е. съ отъѣзда Герцена изъ Москвы до самой свадьбы молодыхъ людей во Владимірѣ. А. И. Герценъ и Н. А. Захарьины были, какъ извѣстно, незаконныя дѣти двухъ родныхъ братьевъ, Александра и Ивана Яковлевыхъ. Между тѣмъ, какъ А. И. Герценъ, по окончаніи университета, въ 1834 г., былъ сосланъ, 15 апрѣля 1835 г., въ Пермь, а оттуда въ маѣ того же года переведенъ въ Вятку, кузина—невѣста его проживала со смерти отца въ Москвѣ у своей тетки, княгини Хованской, взявшей ее на воспитаніе. Она не была нарѣченной невѣстой Герцена; родственники ничего не знали о ихъ союзѣ и вся переписка велась тайно. Ему было тогда двадцать три года, ей—семнадцать.

тоски? Быть не можетъ. Ты на меня посмотри, Александръ,—ни облачка во взорѣ, ни одной струи на душѣ—такъ тиха и покойна она. Ты отчаяваешься, что не будешь имѣть моего портрета. Неправда, онъ будетъ у тебя, непремѣнно, да только ты ужасно нетерпѣливъ; если-бъ отъ меня зависѣло, тогда-бъ—ты *рекъ и бысть*; но ты не забывай, что кромѣ души все рѣшительно, что касается до меня, зависитъ отъ людей. А тебѣ сердиться на нихъ, досадовать—стыдно. Вотъ потерпи немного, пріѣдетъ Эмилія [1]), выпроситъ у К. *для себя* списать портретъ и пошлетъ тебѣ; это возможно и сбыточно какъ нельзя больше. Ну, теперь повеселѣли ты, душа моя? Ради Бога, ангелъ мой, успокойся, еще будетъ намъ радостей много, много... да я не знаю, какъ бы ни грустно мнѣ было—только стоитъ вообразить, какъ увижу тебя—кончено! Готова на всѣ истязанія и пытки. А ужъ мнѣ-ли бы не грустить! Ни слова ужъ о томъ, что розно съ тобою; дальше: рѣдкія могутъ равнодушно смотрѣть на мою жизнь, а я средь вьюги и снѣговъ цвѣту свѣжѣе тѣхъ, которые и въ оранжереяхъ, и въ богатыхъ вазахъ выписныхъ; по мнѣ ходятъ, топчутъ меня, а я бодрѣе и цѣлѣе тѣхъ, за которыми такъ ухаживаютъ, поливаютъ, ставятъ въ тѣнь и на солнце, выправляютъ каждую вѣтку, каждый листокъ. Едва отъ земли меня было видно, а ужъ люди сроднили меня съ горемъ, дали извѣдать и зной, и стужу, и я окрѣпла: не страшны бури мнѣ, не пугаютъ меня черныя тучи. И что за жизнь веду я теперь, и гдѣ ты, ты жизнь моя, гдѣ ты? О, какъ бы не плакать мнѣ, какъ бы не умереть? Но можно-ли, когда ты любишь меня? И говорить-ли мнѣ тебѣ еще о моемъ счастьѣ, сколько ни скажу и что ни скажу—все будетъ мало предъ тѣмъ, что въ душѣ! Да и на что говорить, и какъ мнѣ смѣть говорить тебѣ о себѣ, не твое-ли я созданье? Не лучше-ли меня ты знаешь мою душу?

И такъ, дай мнѣ твою руку, поцѣлуй меня, посмотри такъ, какъ смотрѣлъ 9 апрѣля, вспомнимъ этотъ день, оглянемся за два года, и тамъ у насъ съ тобою много, много... (врядъ у кого за 20 лѣтъ можетъ быть столько), потомъ о будущемъ...—и прочь тоска, прочь грусть. Не мѣсто вамъ въ сердцѣ моего Александра, какъ темному пятну на солнцѣ! Повеселѣе-ли ты, ангелъ мой? хоть немножко? хоть крошечку? Милый, милый, неоцѣненный другъ, душа, жизнь моя! Свѣтъ души и жизни моей! Не меркни, не убивай души, не отравляй моего счастья твоею грустью, вѣдь я не прибавляю тягости твоему кресту? Хоть надъ этой строчкой

---

[1]) Эмилія Михайловна Аксбергъ, бывшая гувернантка Натальи Александровны.

улыбнись, и прощай! Давно ужъ ночь. Обнимемся, ангелъ мой, еще, и опять до свободной минуты! Прощай же, я засну пріятно, покойно, не измѣняй и ты!

Стала засыпать, и вдругъ мнѣ представились твои глаза, и такъ живо, такъ живо—у насъ холодно и я озябла, но огонь ихъ согрѣлъ меня. Вотъ, вотъ они прелестныя, дивныя очи твои, какъ смотрятъ они на меня, сколько говорятъ мнѣ... и послѣ этого грустить?..

6-е, воскресенье.

Ты недоволенъ твоими письмами ко мнѣ? Напрасно, другъ мой. Когда бы мои приносили тебѣ хоть половину счастья противъ того, сколько приносятъ твои! Правда, твоя грусть, твои страшныя эти письма убиваютъ меня: прочтя ихъ я страдаю, ибо ты представляешься въ страдальческомъ видѣ, твоя бѣдность, твой взоръ полный тоски, чело твое омраченное роемъ страшныхъ думъ... Можешь вообразить, какъ мертвитъ меня, какъ давитъ сердце желѣзная рука горести,—и истинно тогда я страдаю, вполнѣ страдаю... но Онъ не покидаетъ меня надолго, я прибѣгаю къ молитвѣ, какъ олень усталый съ пылкой жаждой бѣжитъ къ свѣтлому источнику, и снова дышу любовью и тобою и ужъ не страдаю и чувствую, что легче и тебѣ. И тогда ужъ я вижу ясную сторону твоихъ писемъ, купаюсь въ ея свѣтѣ, и рай мнѣ на землѣ! Когда-бъ ты вѣрилъ этому, тогда-бъ не написалъ, что недоволенъ своими письмами, а я, скажи, могу-ли быть довольна своими? Въ нихъ и грусти нѣтъ и мыслей тѣхъ нѣтъ, но развѣ ты менѣе грустишь?.. Тяжело мнѣ, что я не могу облегчить души твоей. И такъ, что же я для тебя?—повторяю опять. Тебѣ мало Наташи, со всею чистою и высокою ея душою, со всею любовью ея—мало, Александръ!

Да, я не должна, не могу разлюбить друзей моихъ, и вѣкъ не перестану любить. Всѣмъ бы пожертвовала имъ, кромѣ тебя, а тебѣ—пожертвовала бы всѣми ими! Нѣтъ, Александръ, когда-бъ я всѣхъ любила, не той любовью, которою люблю тебя,—ты единственный, и любовь къ тебѣ единственная,—а любила бы такъ, какъ люблю однихъ друзей, тогда бы я любила не для себя, а тобою, тогда-бъ увѣрилась я въ своемъ совершенствѣ и знала бы, что люблю тебя—какъ должно тебя любить. Но все еще я далека того, куда стремлюсь. На что мнѣ моихъ друзей, всѣ люди должны быть мнѣ друзьями, зачѣмъ это отдѣльное «мое»? Одинъ ты мой, тобой должна я всѣхъ равно любить, но я еще мало люблю тебя!..

Не хочется писать, чего не могу выразить—все не такъ, еслибъ я смотрѣла на тебя и говорила бы, и ты слушалъ бы меня, это совсѣмъ другое! Но еще это будетъ, будетъ, будетъ!

9-е, среда.

Опять къ твоей грусти! Я не могу выносить, чтобы ты былъ побѣжденъ чѣмъ-нибудь, ты, могущій самъ побѣждать многое. Не стѣсняй, не умаляй такъ необъятной души твоей—чтобъ находить утѣшеніе только во мнѣ, есть утѣшитель болій меня—Духъ Святой,—уготовай въ душѣ храмъ Ему, и онъ сойдетъ въ нее и будетъ обитать въ ней, и тогда не коснется ея ни самая жестокая, ни самая ужасная горесть. И зачѣмъ, ангелъ мой, выбирать мѣсто и ждать время? Онъ лишь ждетъ такого воззванья, ты въ забвеніи меня найдешь усладу, возстани, воззри, воскликни изъ глубины души... и тебѣ не нужно будетъ ждать такъ долго, такъ издалека слово утѣшительное; о, повѣрь мнѣ, послушай меня, если любишь. Еще слово, другъ, затвори сердце твое ко всему, открой его одной любви.

Скоро пріѣдетъ Emilie, скоро портретъ мой у тебя будетъ. Часто думаю я о твоихъ вятскихъ друзьяхъ, всѣхъ люблю, всѣхъ ихъ благодарю душою,—но съ *22 октября* чаще всѣхъ и болѣе всѣхъ—думаю и вспоминаю о Витбергѣ.

Не могу я равнодушно вздумать, что Эмилія покинетъ насъ, но не смѣю воротить ее съ пути, на который зоветъ ее Богъ, желала бы сильно, чтобъ она хотя разъ взглянула на насъ *тогда*, *тогда*—послѣ уже—сама бы я надѣла на нее ризу странницы и дала бы въ руки посохъ.—Александръ, и ея судьба мнѣ кажется прелестна! Еслибъ люди не изгнали ея изъ среды своей—нашлали бы она въ ней столько, сколько найдетъ теперь? «Марія же благую часть избра, яже не отнимется отъ нея». Я желаю пламенно, чтобъ и Саша Б. не выходила *замужъ*. Эмилія несетъ Ему сердце избитое, истерзанное, Саша—пусть возвратитъ Ему такое, какое далъ Онъ ей.—Ахъ, у меня есть прелестная мысль, святая и сбыточная, Александръ, при свиданьи я тебѣ ее открою, но можетъ ты ужъ угадалъ! Ахъ, еслибъ, еслибъ сбылось это!

Вотъ Полинѣ [1]) кольцо (не знаю пошлютъ-ли его): мои волосы, моя работа—вотъ и все! Но пусть это будетъ малѣйшимъ доказательствомъ моей къ ней дружбы и благодарности; можетъ никогда во всю жизнь мы здѣсь не встрѣтимся—такъ пусть оно будетъ ей напоминать ту, которая, не видавши ея, любила, какъ друга и сестру. Мнѣ жаль ее будетъ, какъ ты уѣдешь изъ Вятки, или у нея тамъ другъ кромѣ тебя? Привези ее съ собой.—Эрнъ и Скворцовъ также безъ тебя осиротѣютъ, да я думаю вся Вятка.

Прощай, или уже не перестать-ли намъ говорить это груст-

---

[1]) Подъ Полиною подразумѣвается Вятская знакомая Герцена, бывшая съ нимъ въ большой дружбѣ и неравнодушная къ нему.

ное слово *прощай*, оно раздираетъ душу, и ты пишешь въ послѣднемъ письмѣ *опять прощай!* и такъ до свиданья! Теперь буду твой браслетъ плесть. Спѣшу, не думай, чтобъ серьезныя или интересныя занятія меня отвлекали, нѣтъ: для угощенія 4 особъ, которыхъ ты называешь сволочью—что я такъ тороплюсь и перестаю говорить съ тобою..... Боже мой, Боже!... Ну, ангелъ, опять было хотѣла сказать прощай, нѣтъ, вѣдь мы увидимся скоро, скоро, душа моя.

Разскажу тебѣ глупость, можетъ разсмѣешься. На дняхъ приходила таинственная какая-то особа къ Макаш. *), которая не сказала своего имени никому, кто у нея ни спрашивалъ; послѣ я узнала, что она приходила сватать меня! Какая гадость! да вотъ что забавно: теперь они ужасно досадуютъ, если имъ покажется, что я похудѣла или поблѣднѣла, заставляютъ какъ можно больше ѣсть и тому подобное, вотъ новое еще гоненіе и угнетеніе! иныхъ наказываютъ голодомъ, это все сноснѣе. Но отвернемся отъ нихъ, поглядимъ другъ на друга и до свиданья, ангелъ мой!

5-е декабря 1836. Вятка.

Еще годъ кончается, еще рубцы опыта, рубцы воспоминаній, рубцы думъ, еще неисполнимыя надежды, еще вздохъ и улыбка надъ ошибочными мечтами, надъ призраками, созданными фантазіей и убитыми міромъ реальнымъ. И во всемъ этомъ году одна отрада изгнаннику, одно вознагражденіе, одно блаженство—любовь. И она болѣе нежели замѣна, болѣе нежели врачеваніе, она ведетъ на небо,—зачѣмъ и говорить, что̀ она. И съ другой стороны, черная сторона, царство мрака и низости опять то же—толпа, люди. О Боже! сжалься надъ этой массой, надъ этой канавой нечистоты, гнусности и пороковъ. Твоя жизнь тебя отстранила отъ людей, слава Богу, зачѣмъ тебѣ ихъ знать, самое *знаніе* тяжело, какъ угрызеніе совѣсти, для тебя я представитель человѣка, съ любовью необъятной, я защищу тебя отъ людей, мною знай ихъ, а не своимъ опытомъ. Но я узнаю ихъ, эти 3 бурные года мнѣ раскрыли многое, я замѣшался въ толпу и, какъ лазутчикъ, высмотрѣлъ ея тайны, ибо она не боялась скрывать ихъ отъ меня, думая, что я принадлежу къ ней. Не хочу я упрека въ несправедливости: и тутъ я встрѣтилъ людей съ душою, но ихъ голосъ молчалъ, гибнулъ, они боялись показать чувство. Я магнетизмомъ, симпатіей заставлялъ ихъ сбросить на минуту

---

[1]) Марья Степановна Макашева, компаньонка княгини Хованской, вдова звенигородскаго чиновника, любимица княгини, ворочавшая по своему произволу всѣмъ домомъ.

маску, одушевиться изящнымъ. А толпа хохочетъ, она не знаетъ изящнаго и мараетъ, какъ уголь, все святое.

Попроси, чтобъ тебѣ достали 16 № Телескопа, прочти тамъ повѣсть *Красная Роза*, ты найдешь въ Біанкѣ знакомое, родное твоей душѣ. Да читала-ли ты Шиллерову Дѣву Орлеанскую перев. Жуковскаго? Прочти непремѣнно, и тамъ все твое, высокое, небесное.

Давно не присылали твоихъ писемъ. Досадно. Благодарю за приписку въ папенькиномъ письмѣ. Да 23-го ноября именно въ то-же время я думалъ о тебѣ, мой милый ангелъ.—Между именами бывшихъ у насъ ты написала только Наташа; въ самомъ дѣлѣ, на что тебѣ было писать болѣе, тебя я узналъ бы по одной буквѣ, по одной черточкѣ. И на что тебѣ было писать болѣе имени, фамилію припишу я и я же заставлю уважать ее. У насъ съ тобою нѣтъ прошедшаго, нами должно начаться новое существованіе—на насъ не падаетъ пятна прошлыхъ поколѣній, мы чисты и сами дадимъ значеніе себѣ.—Прощай, ты получишь на-дняхъ маленькую статейку, воспоминаніе о Перми, напиши свое мнѣніе. Цѣлую тебя много, много.

Теперь я лежалъ на диванѣ долго и перечитывалъ твои письма, съ нѣкотораго времени я чаще прежняго ихъ читаю и всегда, когда окончу чтеніе, душа чище, взоръ чище, и я готовъ броситься на колѣни и молиться Тому, Который далъ мнѣ ангела. Перечитавъ письма отъ 1835, я съ трепетомъ, съ благоговѣніемъ взялся за 1836, какъ жрецы храма іудейскаго брались за священныя книги откровенія. Въ тѣхъ письмахъ любовь—покрыта завѣсою, *она тайна*, съ началомъ новаго года эта тайна объясняется. *2 января 1836* ты первый разъ замѣнила слово дружба любовью, въ первый разъ, какъ бы борясь съ моею пламенностью, увлеклась и вмѣстѣ сказала и себѣ, и мнѣ: «Я люблю Александра». О какъ полны воспоминаній яркихъ протекшіе годы, мы не тщетно жили, мы все извѣдали, пора отдыха пришла, чтобъ запастись новыми силами, пора склонить мою измученную голову на твою измученную грудь, пора моему взору исчезнуть въ твоемъ взорѣ, пора прильнуть устами страдальца къ устамъ ангела и пора ангелу сместь пятна и пыль съ души его.

Завтра именины Огарева. Ахъ, какъ мы съ нимъ разрознены. Что-то онъ—хоть бы одно свиданье, хоть бы одно письмо въ 3 мѣсяца. И сколько мнѣ ему сказать надобно — я пересоздался съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались... а когда увидимся?

При этомъ письмѣ приложилъ я прелестные стихи Гюго, чрезвычайно хорошіе—надѣюсь по моей рекомендаціи и вамъ, милостивая государыня, понравятся.

9-е декабря.

Вчера вечеромъ получилъ твои письма отъ 7 до 25 ноября. Сначала принесли только одно письмо отъ папеньки, а я ждалъ непремѣнно отъ тебя. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я былъ болѣе нежели раздосадованъ, и тѣмъ съ большимъ восторгомъ минутъ черезъ пять получилъ твой пакетъ.—Отвѣчать сегодня не буду, а со слѣдующей почтой; нѣкоторыя мѣста твоего письма обдали меня холодомъ и негодованіемъ, но твоя любовь все загладила, я не могу сердиться на тебя. Ты не хочешь понять то, что я писалъ въ моихъ прошлыхъ письмахъ. Тутъ нѣтъ ни униженія, ни гордости. Въ моей душѣ есть элементы высокіе, святые, исполненные поэзіи и съ тѣмъ вмѣстѣ страсти низкія и я скорѣе согласенъ имѣть ихъ, нежели быть однимъ изъ рядовыхъ людей. Ты смотришь безпрерывно на одну хорошую сторону ея, я не отрицаю ея, но знай же и дурную. Ежели-бъ тебѣ сказали, что *кто-то* обманулъ женщину, увлекъ ее, лишилъ спокойствія, несчастную сдѣлалъ еще несчастнѣе—что сказала бы ты... узнавши, что этотъ *кто-то* я? Ты изыскиваешь средства оправдывать меня, лучше бы было, ежели бы ты осыпала меня упреками. Но нѣкоторыя выраженія твоего письма даже жестоки—этого я не заслужилъ; для чего ты говоришь теперь, что исчезнешь для моей пользы и пр., когда знаешь, что я не могу жить безъ твоей любви? Буду писать пространно обо всемъ. Теперь скажу только, что страннаго находишь ты въ томъ, что я образовалъ твою душу, а теперь ты ведешь меня,—эта мысль такъ проста, такъ ясна... Какъ будто ученики всегда ниже учителя. Рафаэля училъ же живописи кто-нибудь... И съ чего ты взяла, что я холоденъ къ Огареву? Прощай, будь весела, будь спокойна, я не такъ мраченъ, я опять весь святъ твоей любовью. Прощай, цѣлую тебя, цѣлую твой локонъ. Слышала-ли ты, что Легенда попала въ чужія и пречужія руки.

Твой Александръ.

1836 г. декабря 10-е.—Вятка.

Я тебѣ обѣщалъ отвѣтъ, и вотъ начало его. Нѣтъ, ты не хотѣла вникнуть въ глубокое страданье моей души, я писалъ въ минуты грусти и униженія—но голосъ былъ вѣренъ, я не лгалъ на себя. Я понимаю свою силу, свои достоинства и понимаю, что съ ними я *могъ бы*, я *долженъ бы былъ* быть гораздо выше; но еще къ собственной силѣ прибавилась сила небесная, опора священная—твоя любовь.—И я палъ. Коль же ничтожна моя твердость. Что правда, я тотчасъ образумился—но *не я*, а любовь твоя сдѣлала это, клянусь тебѣ,—а ты говоришь, что свела меня на землю и

Богъ знаетъ что за выраженья въ твоемъ послѣднемъ письмѣ—ты не жалѣя меня писала ихъ. Но я не сержусь, вотъ тебѣ рука моя, и это заслуженное наказаніе, всѣми этими ударами я искупаю себя... Я требую справедливости, Наташа, справедливости и болѣе ничего. Я тебѣ говорю проникнутый любовью и восторгомъ—ты высока, ты ангелъ—я готовъ запечатлѣть эти слова кровью и душой и вѣчностью. Ты отвергаешь ихъ и отчасти изъ самолюбія (прости мнѣ) подчиняешь себя мнѣ, для того, чтобъ придать еще болѣе своему избранному, и требуешь, чтобъ я согласился, чтобъ я ни слова противъ этого. Я тебѣ говорю: вотъ моя душа, сломанная и запятнанная—но она сильна любовью къ тебѣ, вотъ преступленіе, которое оставило на ней слѣдъ, а ты отвѣчаешь: все это вздоръ, я не хочу чтобъ на твоей душѣ были пятна и слѣдственно отбрось угрызенія совѣсти и считай себя за серафима. Разсуди, гдѣ тутъ справедливость. Твоя гордость не хочетъ согласиться, что на мнѣ могутъ быть пятна, ибо согласиться съ этимъ—согласиться со своей ошибкой; чтобъ доказать тебѣ это, я сошлюсь на то мѣсто твоего письма, гдѣ ты меня увѣряешь, что поступокъ съ М. потому не преступленіе, что можетъ Провидѣніе нарочно такъ устроило. На это отвѣтъ скоръ. Можетъ; но вспомни Евангеліе, тамъ сказано: по писанію пророковъ Сыну Человѣческому *назначено* быть преданну; «но горе тому, кто его предастъ, лучше-бъ не родиться ему».—Гдѣ въ моихъ письмахъ ты находишь униженіе? Я тебѣ говорю: веди меня и повторяю еще сто разъ веди—не къ славѣ, не къ дѣятельности, не къ поприщу, туда пайду я самъ дорогу, ежели она только проложена для меня, нѣтъ, дѣло о небѣ, дѣло о той святой обители чистыхъ душъ, куда я самъ не попаду безъ тебя, на которую я даже не обращалъ вниманія прежде любви къ тебѣ. Съ 13-ти лѣтъ, говоришь ты, велъ я тебя въ обѣтованную землю,—но знаешь-ли, что Моисей, который велъ израильтянъ, умеръ въ пустынѣ, ибо былъ недостоинъ войти туда, однако велъ,—и такъ тотъ, кто ведетъ, не всегда выше того, котораго ведетъ. Наконецъ, ты говоришь: «можетъ причиною всему этому я». Да, безъ всякаго сомнѣнія ты: не будь тебя, никогда свѣтлыя, высокія мысли нравственности не посѣтили бы моей души. Чего же ты испугалась этого? Я тебѣ писалъ—самолюбіе и гордость вотъ были основы моей жизни до любви, а отъ этихъ мертвыхъ земныхъ началъ мудрено было дойти до идеи нравственной. Ты, ты ангелъ причиною тому, что я не могу выносить пятна на душѣ.—Благодарю за совѣтъ обдумать, не *показалось*-ли мнѣ, что ты мой идеалъ, не ошибся-ли я въ тебѣ—и на это посвятить хоть годъ. Благодарю! Но воспользоваться совѣтомъ

не могу. Идея любви есть идея жизни во мнѣ; совершено, возвратиться я не могу, я твой—не могу, даже лишеніе жизни, не знаю, представило-ли бы возможность идти назадъ и холодно разобрать, ты-ли идеалъ мой или мнѣ *показалось*. Ежели-бъ я могъ до того холодно любить, чтобъ дѣлать цѣлый годъ счеты о достоинствахъ твоихъ, ты не была-бъ мой идеалъ, тогда я былъ бы ничтожный человѣкъ и никогда не могъ бы ни подняться до тебя, ни быть любимымъ тобою. И я говорилъ тебѣ много разъ, что ты меня идеализируешь, но никогда не говорилъ «иди назадъ, оставь меня». Я не могъ этого сказать—ибо знаю, что ты не можешь уже воротиться. Я тебѣ говорилъ: вотъ душа моя, въ ней море огня, въ ней море энергіи, любви и поэзіи для тебя—но есть въ ней и пропасти, есть въ ней черное, знай это впередъ и не удивись, что увидишь эти привидѣнія послѣ. Наташа! Наташа! Горе было бы тому, кто осмѣлился бы мою любовь назвать *показавшеюся мечтою*, горе ему, одной тебѣ прощаю я все, даже это... И желанье смерти явилось у тебя вслѣдъ за совѣтомъ. Труденъ крестъ, который ты взяла, отдавшись мнѣ, и ты говоришь едва испытавъ его тягость, лучше умереть и бросить, покинуть Александра его участи, его бурнымъ страстямъ и людямъ, и толпѣ. Ну, довольно объ этомъ. Будь увѣрена, ангелъ мой, что ни тѣни неудовольствія, ни тѣни досады не осталось у меня. Ты все-таки останешься моя путеводная звѣзда, моя награда за всѣ страданія, моя святая, мое божество. О Наташа! сколько принесла ты мнѣ съ своей любовью, это видитъ одинъ Богъ.—Правда, разлука разливаетъ что-то мрачное по моей душѣ, я утомленъ—но ты требуешь твердости.—Конечно, сдѣлаю все, но если иногда звукъ грусти и печали вырвется изъ души и невольно дойдетъ до тебя въ письмѣ, вздохни вмѣстѣ и вспомни, что и твой Александръ человѣкъ.

Прощай. Поцѣлуй любви, пламенный, долгій и чистый какъ небо посылаю тебѣ.

11-е декабря.

Ты пишешь, что ты лампадка, зажженная передъ моимъ образомъ. Я всегда дивился глубокой поэзіи твоихъ мыслей—и это такъ же прелестно, какъ солнце и звѣздочка, и еще вѣрнѣе. Икона свята, но она не имѣетъ свѣта. Лампадка для иконы — меньше нежели икона, но она-то освѣщаетъ ее, она-то сноситъ свѣтъ—небесное земному, тѣлесному веществу иконы. Ты поэтъ, ангелъ мой, и любовь научила тебя этимъ пѣснопѣніямъ, исполненнымъ истины и глубины, которыя раздаются на каждой строкѣ твоихъ писемъ. Ты мечтаешь о югѣ—я тебѣ покажу благодатную землю и яхонтовое небо Италіи. Наша жизнь не пойдетъ та-

щиться скучно и вседневно, нѣтъ, я осуществлю жизнь полную, артистическую, жизнь совсѣмъ на другихъ основаніяхъ. Пришлю тебѣ на память итальянскія картинки, можетъ по этой тяжелой почтѣ.

1836 декабря 12-е.

Третьягодня рано разбудила меня головная боль и все утро было тяжело, но княгиня собиралась къ паненькѣ, и я черезъ силы поѣхала. Каждая вещь, которой ты касался—уже не чужая мнѣ, а родная, близкая, и мнѣ кажется, что она понимаетъ меня, чувствуетъ, когда я гляжу на нее полными слезъ глазами, съ полнымъ любви сердцемъ; кажется, сама издаетъ звукъ, говоритъ о тебѣ, сбрасываетъ съ себя покрывало времени и показываетъ все минувшее, которое какъ будто врѣзалось на ней для моего утѣшенія. И потому, хотя и въ нашемъ домѣ много такихъ священныхъ вещей, одушевленныхъ памятью о тебѣ, но у васъ какъ-то болѣе все дышетъ тобою. Это же былъ четвергъ, день почты, да и не знаю, все, все что-то влекло меня туда. При мнѣ принесли отъ тебя письмо паненькѣ, при мнѣ читали, видѣла маменьку, видѣла твою комнату, жду себѣ письма—и чего-жъ мнѣ болѣе желать безъ тебя?—но какъ пріѣхала, бросилась въ постель... впрочемъ, мнѣ это не въ тягость, ибо тутъ я одна, воля думать, воля дышать, тутъ со мной твои письма, портретъ... и я не прочь болѣзней (у себя наверху), онѣ сноснѣе, ищу тѣхъ комнатъ, сноснѣе *ихъ* слезъ! К. и Мак.[1]) хуже болѣзней (не прощай мнѣ этого).—И вотъ я одна въ своей кельѣ,—тишина, осторожный звукъ маятника, въ углу маленькій огонекъ лампады, блѣдный лучъ мѣсяца, чуть-чуть прокравшійся сквозь занавѣсъ; все это давало просторъ моимъ мечтамъ, и среди самыхъ милыхъ воспоминаній о прошломъ, гдѣ у меня все ты, только ты... среди яркихъ, цвѣтистыхъ надеждъ—твое письмо! Другъ мой, и этотъ маленькій листокъ (гдѣ еще двѣ стороны пустыя!) принесъ много облегченія и головѣ моей, и моему сердцу, которое и въ самомъ раю не перестало бы болѣть о тебѣ.—Еще можетъ быть и совсѣмъ бы вылѣчилъ онъ меня, но ты, моя душа, грустенъ!..

И для чего же ты не пишешь подробно о *непріятности*? «но объ этомъ ни маменькѣ, никому не говори». — Да, никто не любитъ такъ, никто и не вынесетъ столько!—Но, другъ, тяжела эта неизвѣстность, въ ней такъ страшно сердцу, такія страшныя картины представляетъ воображеніе... впрочемъ, чтобъ ни было,—я надѣюсь на твою любовь, она не допуститъ тебя предаться горести и потерять вѣру въ *Него*. Богъ силенъ и крѣ-

---

[1]) Т.-е. княгиня Хованская и Макашева.

покъ, Богъ скорый помощникъ призывающимъ Его. Да, и послѣ ночи—день, послѣ зимы—лѣто, послѣ бури—тишина, послѣ муки—вѣнецъ. Отдадимся Ему совершенно во всемъ, во всемъ. Часто, ангелъ мой, дивясь Его Промыслу, дивясь твоей любви—я забываюсь въ счастьѣ, уничтожаюсь... но вдругъ мысль разлуки и всего, что ты переносишь—мгновенно будитъ меня и заставляетъ страдать, и тутъ-то я прошу такъ много... но все это бореніе души съ горемъ, всѣ эти пламенныя желанія, вся потребность непреодолимая тебя видѣть, жить въ тебѣ и тобою, дышать твоимъ дыханіемъ, вся эта буря утихаетъ при воспоминаніи словъ Христа «поколѣ ты хочешь».—И вѣрь, тутъ я достойна тебя болѣе, нежели когда-нибудь, ибо тутъ измученное сердце мое, изстрадавшееся за тебя, и любовь къ тебѣ сливаются въ одно съ любовью Бога и Его волей; тутъ я люблю тебя, Его, мои страданья и твои даже, мой ангелъ, потому что *Онъ такъ хочетъ*.

13-е.

Вчера имѣла я извѣстіе объ Сашѣ Б. [1]). Они будутъ сюда еще послѣ новаго года. Если-бъ кто могъ замѣтить мое волненіе при встрѣчѣ съ братомъ ея—не повѣрилъ бы, что это дружба (разумѣется, кто не понимаетъ этого чунства), и тутъ сколько надобно было переломить себя, ждать, пока кончится разговоръ о погодѣ и урожаѣ, пока настанетъ очередь возвысить свой голосъ. Люди! Какъ во всемъ умѣютъ они вмѣшать долю огорченья, какъ все могутъ отравить однимъ взглядомъ! И сколько потребно терпѣнія на каждомъ шагу! Но я вознаграждена. Саша такъ высока, такъ высока, она бы предъ всѣмъ семействомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ не остановилась назвать меня единственнымъ другомъ, она не побоялась поручить брату своему сказать при всѣхъ, что желаетъ въ Москву только для того, чтобы видѣть меня и не желала бы въ нее, если-бъ не было меня. И какъ удивило это *ихъ*, какъ разинули они ротъ и въ избыткѣ радости, что мной *занамаются благородные, порядочные* люди. Кн. воскликнула: «какъ счастлива Наташа и какъ добра и *снисходительна* ваша сестрица!» Не ошиблись, что я счастлива, и болѣе, въ милліонъ разъ болѣе, нежели *они* могутъ постигнуть, но и я не ошибусь, ежели скажу еще того громче—какъ вы несчастливы и жалки!

О!.. сегодня мнѣ не хорошо; грусть и тоска о тебѣ имѣютъ невыразимую высоту и святость, онѣ, наполняя сердце, возвышаютъ его, очищаютъ, сближаютъ съ Богомъ, святятъ его, дѣлая покорнымъ Его Промыслу; но я кажется писала тебѣ о влія-

[1]) Саша Б.—подруга Натальи Александровны, Александра Александровна Боборыкина.

ніи на меня низкихъ поступковъ людей—въ такомъ-то положеніи я весь день нынѣшній, я какъ въ чаду, какой-то дымъ, мгла обнимаетъ меня кругомъ, такъ тяжело, такъ тяжело... О! скоро-ль же пройдетъ эта ночь? Зачѣмъ солнце мое такъ долго за черной тучей? Когда-жъ взойдетъ оно? Когда настанетъ жизнь свѣта? . Воспоминанія! Что, если-бъ ихъ не было?..

15-е.

Не помню я о томъ, какъ видѣла тебя еще у папеньки, хотя многое того времени врѣзалось въ головѣ у меня и въ сердцѣ, но все рѣшительно, что было послѣ,—съ самаго того дня, какъ я видѣла тебя впервые у княжны Анны Б., все это живо, ярко, ново въ душѣ моей. И съ чѣмъ сравнять тѣ минуты, когда ни говорить не хочется, ни слушать, ни смотрѣть, вдали отъ всего милаго, родного сердцу, предаться волнамъ цѣлаго моря воспоминаній и купаться въ нихъ, и отдыхать на днѣ моря... Помнишь-ли то Свѣтлое Воскресенье (еще въ томъ домѣ), когда ты пріѣхалъ къ намъ съ Огаревымъ и заставлялъ его христосоваться со мною и тѣмъ заставлялъ меня бояться другого Свѣтлаго Воскресенья? Всѣ эти большіе годовые праздники и потомъ визиты къ Татьянѣ Петровнѣ. За что я любила такъ ее и разговаривать съ нею? Чему же дивиться, она любила тебя и говорила мнѣ все о тебѣ. Съ начала знакомства ея съ Пассеками она много мнѣ о нихъ говорила, но я все оставалась къ нимъ равнодушна; когда-жъ узнала твое о нихъ мнѣніе и расположеніе къ нимъ, право, мой ангелъ, думала, что я не буду въ царствѣ небесномъ, ежели не познакомлюсь съ ними, и имѣла ко всему семейству такое уваженіе. Разъ Татьяна Петровна спрашивала меня (шутя), за кого ей лучше выйти за Вадима или за Рагозина; я на это ей сказала: «за того, за кого *велитъ* вамъ идти Александръ Ивановичъ». И съ какимъ удовольствіемъ бывало разспрашивала ее о всѣхъ подробностяхъ жизни вашей въ Васильевскомъ, а ужъ съ 33 года и далѣе — нечего говорить? Приходитъ Рождество, Святки... вспомни, какъ ты упалъ у насъ въ залѣ, потомъ вечеръ у Нагак., луну, «замазанную киселемъ», свой костюмъ и далѣе. гдѣ все это? Куда оно дѣвалось? гдѣ душа и жизнь Александра? Тамъ, тамъ, далеко... онъ и не слышитъ меня, и не видитъ, онъ одинъ, грустный, туманный—а тогда и облачка не было на его челѣ, и облачка?.. Да, а теперь черныя тучи облегаютъ его, но сквозь нихъ горитъ лучъ ясный, свѣтлый, лучъ блаженства, счастья, лучъ Наташи и любви!.. О Александръ!—видѣла тебя во снѣ сегодня и не хотѣлось ужъ и встать и смотрѣть ни на что—всѣ эти дни *они* несноснѣе прежняго, свободы мнѣ ни на минуту, даже послѣ ужина Мак. приходитъ ко мнѣ за ширмы

съ чулкомъ до тѣхъ поръ, пока я лягу и погашу свѣчу... Тысячу разъ принимаюсь писать къ тебѣ и тысячу разъ мнѣ мѣшаютъ, словомъ, безъ позволенья... мнѣ нельзя попросить позволенья! Это смѣхъ. Какъ мы были у папеньки, въ его комнатѣ, я была блѣдна отъ холода, а отъ маменьки пришла съ розовыми щеками и за это мнѣ досталось!.. Право, кажется, съ каждымъ днемъ они усовершенствуются въ страпностяхъ. Теперь ты мнѣ скажешь, можетъ быть, что я только словами проповѣдую терпѣнье—вовсе нѣтъ, мой другъ, все это я пишу тебѣ для смѣха, «мнѣ скучно одной смѣяться, итакъ вмѣстѣ съ тобой», все бы это нужды нѣтъ, еслибы не тратилось на ихъ глупости и капризы столько времени... легко-ли, почти 20 лѣтъ учиться, какъ при нихъ взглянуть, ступить...

18-е декабря.

Молись, молись, Александръ, въ минуты горькія! Ничто не можетъ уврачевать такъ душу, заставить съ твердостію переносить несчастія, любить ихъ, какъ молитва.

Это ужасъ, что со мною было послѣдніе дни; повторяю, болѣзнь самая тяжелая—легче, сноснѣе. И я изнемогла, изстрадалась... разлука съ тобой вдругъ такъ облегла черной тучей мою душу, что мнѣ ни пятнышка свѣта... эта неизвѣстная твоя непріятность, и къ тому-жъ собственныя, здѣшнія непріятности до того измучили меня, что я безъ силъ и безъ движенія едва дышала, и сердце обливалось кровью, глядя на эти кровавыя картины. Даже—мнѣ было время писать къ тебѣ, и я не смѣла взять пера въ руки. Теперь же положеніе наше и обстоятельства все тѣ же, но я не та же! Словъ нѣтъ для того, чтобъ выразить тебѣ дѣйствія молитвы,—молись, и ты поймешь меня. Но, ангелъ мой, не могла бы я молиться, ничто-бъ, ничто-бъ не защитило меня отъ бурь, которыхъ я жертвой—если-бъ не *ты*, не *твоя любовь!* Вотъ все мое упованіе, защита и блаженство! Вчера, стоя передъ *Нимъ* съ сокрушеннымъ сердцемъ, я ждала свыше утѣшенія, и вдругъ мысль любви твоей озарила меня и въ то же время вмѣсто просьбы я принесла Ему благодарность. Можно-ли требовать болѣе??

Вчера узнала я, что Emilie скоро пріѣдетъ, и въ восхищеніи видѣть ее и отъ того, что у тебя скоро будетъ мой портретъ. Маменька и Егоръ Ивановичъ [1]) все въ неудовольствіи на меня, что я не открываю имъ своихъ нуждъ; увѣрь же ихъ хоть ты, что я ихъ имѣю менѣе, нежели кто-нибудь на свѣтѣ, и если есть

---

[1]) Егоръ Ивановичъ Герценъ, родной братъ А. И. Герцена; черезъ него молодые люди и вели свою тайную переписку. Маменькою Наталья Александровна называетъ мать Герцена, Л. И. Гаагъ

нужды, то такія, которыя одинъ Богъ можетъ удовлетворить. Правда, теперь я бѣдна, у меия нѣтъ ничего, потому что тебя нѣтъ, а развѣ тебя мнѣ можетъ замѣнить что-нибудь въ свѣтѣ? Все, что только можно желать и имѣть безъ тебя—твои письма и твой портретъ—я имѣю ихъ. А далѣе—пусть солнце померкнетъ, пусть... пусть адъ вокругъ меня—что же мнѣ-то до того?

Вотъ скоро 25-е число; годъ тому назадъ, въ этотъ день ты впервые призналъ любовь твою и впервые излилъ ее въ письмѣ ко мнѣ, «*но тогда, тогда не будетъ... тогда я склоню голову на грудь твою и повѣрю... полное блаженство*»—но гдѣ же, гдѣ же это *тогда?* [1]).

22-е. Понедѣльникъ.

Бываютъ минуты, въ которыя я теряю надежду видѣть тебя... я захлебнусь скоро горькою волной... плыву чрезъ силы... о! когда-жъ достигну я тебя, пристань моего спасенья? Александръ!

Такъ много сказать тебѣ, ангелъ мой, и ничего не могу!

12-е декабря 1836. Вятка.

Эти грустныя минуты нѣмой боли, которыя ты такъ не любишь въ моихъ письмахъ—онѣ бываютъ у меня приливами. Миновало нѣсколько дней и я успокоиваюсь, могу заниматься, думать, читать; но когда злой демонъ опять начнетъ кричать, я бросаю все и предаюсь мрачной фантазіи; иногда самый ничтожный случай, едва холодное дыханіе людей, малѣйшій упрекъ разрушаютъ твердость, которая, какъ осенній ледъ, можетъ держаться до перваго толчка.

Знаешь ли, чѣмъ я теперь занимаюсь усердно и отъ души. Я досталъ огромное сочиненіе Вибикинга объ архитектурѣ и перебираю эти памятники, отвердившіе жизнь народовъ,—много мыслей родилось, всѣ сообщу тебѣ, когда будемъ вмѣстѣ. Покамѣстъ перечитай съ величайшимъ вниманіемъ въ «Notre Dame de Paris» двѣ главы (кажется, въ третьемъ Т.)—Abbas beati Martini и Cecі tuera cela. Непремѣнно прочти хоть 5 разъ, покуда вполнѣ понятна будетъ эта мысль. Тамъ ты узнаешь, что эти каменныя массы живы, говорятъ, передаютъ тайны. Какъ пламенно жду я времени, когда я тебѣ буду отдавать отчеты въ суммѣ, въ итогѣ всѣхъ этихъ занятій отъ школы до ссылки, всѣхъ страданій, сомнѣній, мыслей, фантазій, опытовъ,—трудно мнѣ было доходить—тебѣ отдамъ я готовое. Ты вполнѣ поймешь меня—это я знаю, отрывки изъ твоихъ писемъ иногда такъ сливаются

---

[1]) Мѣста, обозначенныя точками, представляются пробѣлами, образовавшимися въ письмѣ вслѣдствіе того, что уголъ его былъ оторванъ облаткою, которою оно было запечатано.

съ моими мыслями, что нѣтъ между ними и черты раздѣляющей. Скорѣй, скорѣй приходи эта полная жизнь.

13-е декабря.

Еще о томъ мѣстѣ въ «Notre Dame»; я знаю, что изъ 1.000 женщинъ читавшихъ, 999 пропустили именно эти главы или не обратили никакого вниманія—для того-то ты и должна ихъ прочесть, ибо ты болѣе, выше этихъ женщинъ. Какъ я пріѣду въ Москву, я тотчасъ начну брать всѣ мѣры для нашего соединенія; мы должны быть вмѣстѣ, для того чтобъ развитіе наше было полно.—Хотѣлъ писать много, но Эрнъ пріѣхалъ. Addio!!

15-е декабря.

Ты получишь по этой же почтѣ оффиціальную приписку въ княгининомъ письмѣ, я съ намѣреніемъ назвалъ тебя Наташей въ немъ—желаю знать, какъ это примется ими.

16-е декабря.

Собирался писать сегодня къ Emilie—и опоздалъ. Часто, очень часто думаю я объ ней—иногда мнѣ приходитъ въ голову, что и самый монастырь есть слабость. Пусть она откровенно съ довѣренностью предается Провидѣнію, ежели Сатинъ не былъ назначенъ ей, то развѣ не слѣдуетъ покориться Персту Божію? Трудно, очень трудно, но тѣмъ выше будетъ душа. Ты много разъ писала, что тебя мучитъ, что всѣ одаренные душою высокой, пламенной несчастны. Не ихъ эта земля, они со своей душой гости другого края, имъ незнакомы обычаи и жизнь земли, на ней дóма—толпа, но кто же изъ нихъ согласится промѣнять свои несчастія на безцвѣтное счастіе толпы? Для нихъ есть другой міръ, онъ еще здѣсь начинается, это тотъ міръ, куда летитъ звукъ арфы, подымается обелискъ, а для толпы ничего нѣтъ, кромѣ столовой и спальни.

А горько видѣть эти страданья, сердце обливается кровью и тѣмъ досаднѣе, что толпѣ ихъ не растолкуешь, что она даже не платитъ участіемъ. Сколько слезъ чистыхъ, но жгучихъ льются въ тиши и уничтожаютъ жизнь — коихъ обнаруженіе произвело бы не болѣе какъ смѣхъ. Полина по всѣмъ правамъ занимаетъ мѣсто въ числѣ этихъ существъ, которыя какъ бы ненарочно, или случайно попали совсѣмъ не въ тотъ кругъ, въ которомъ быть должны. Изъ искреннѣйшей, чистой дружбы пріѣхала она сюда съ женою аптекаря и куда же попала, въ Вятку; ты не знаешь, что такое дальняя страна, тамъ всѣ нечистыя, дикія страсти, всѣ образы обольщеній, гнусностей на волѣ, и аптекарь, подлый дуракъ, навѣрное не защититъ ее, ежели обидятъ. Но я не могу разсказать всего, при свиданьѣ и со слезами будешь ты слушать ея мрачную повѣсть. Но никогда не падетъ она, душа у ней вы-

сока и прелестна. *Говорятъ*, будто она очень неравнодушна ко мнѣ—ужасно ежели-бъ это было правда; но тутъ съ моей стороны не было ничего сдѣлано, я не виноватъ, впрочемъ, я не вѣрю, разумѣется ей и не должно быть равнодушной къ одному человѣку, который беретъ такое искреннее участіе въ ней и готовъ многое сдѣлать. Прощай, Витбергъ тебѣ кланяется, я цѣлую, цѣлую. Прощай же ангелъ.

Твой Александръ.

Москва 1836 декабря 22-е.

Утѣшитель мой небесный! Вчера чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ изнуренная страданіями я не могла написать тебѣ болѣе трехъ строкъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ мнѣ тяжело было и глаза открыть, и дышать, и думать—я была уже совсѣмъ иная, была *твоя* Наташа, ибо твои строки меня воскресили, взору дали свѣтъ, душѣ жизнь... И мои слова могли обнять тебя холодомъ, негодованьемъ.

Александръ проститъ *Наташѣ!*

Не помню что писано, я была тогда ужасно взволнована, безъ вѣдома моего, со дна души думы лились на бумагу. Ты взволнованъ, ты истерзанъ—не довольно ли этого, чтобъ убить вполнѣ все?

Что пишешь ты о низкихъ страстяхъ души твоей,—я не могу увѣрить себя, чтобъ на тебѣ была малѣйшая брыжжинка той грязи, которой захлебываются люди, въ которой тонутъ—и скажи, моя-ли это вина? рѣшительно во всемъ я вижу тебя единственнымъ, ты для меня выше всего на свѣтѣ, созданнаго Имъ, святѣе, прекраснѣе, совершеннѣе. Въ тебѣ я дивлюсь Его премудрости, благоговѣю передъ величіемъ Его, поклоняюсь Его благости,—Александръ, тобою познаю я Его. Ангелъ мой, и неба, и вѣчности не искала бы я, когда бы ты не былъ небесенъ и вѣченъ! Твое слово—моя заповѣдь. Вотъ малѣйшій тому опытъ: теперешняго моего положенія вообразить нельзя вполнѣ, иногда нѣсколько дней мнѣ нельзя прочесть твоей строчки,—такой караулъ, такъ слѣдятъ за мной, и со всѣмъ этимъ я не смѣю грустить и тосковать, потому что ты пишешь «не грусти, Наташа, будь весела». Иногда навернутся слезы—какъ, мнѣ прибавлять тягость кресту его?.. и улыбка замѣняетъ слезы и тамъ, гдѣ грудами черныя тучи—свиваются вѣнкомъ свѣтлыя думы. Когда-бъ я не знала твоихъ желаній—не знала-бъ что желать, когда-бъ тебя не знала—не знала-бъ что любить и любви бы не знала и сама бы была ничто. Но теперь многихъ твоихъ желаній я не выполняю, потому что *не могу* выполнить ихъ, то-есть потому, что теперь я невольница, въ цѣпяхъ—но придетъ пора... о! толпы,

толпы поклонятся той, которой дано понять и оцѣнить Александра, небеса позавидуютъ пространству души, обнявшей столько любви. Стихи Гюго получила. Если-бъ меня спросили, нравятся-ли *мнѣ* они, я бы сказала, спросите о томъ Александра. Послѣдняя строка ихъ—ключъ къ воспоминанію о прошломъ, она написана тобою въ письмѣ послѣднемъ, предъ тѣмъ, гдѣ ужъ ясно все. Помню, какъ я прочла ее, замерло сердце—не знаю, читать-ли далѣе... такъ пугала меня огромность моего счастья, необъятная любовь твоя. Но рѣшилась,—и тамъ ты все пишешь о любви, а ни слова о любви ко мнѣ, и я успокоилась, ибо я боялась *дня* и хотѣла долѣе насладиться *разсвѣтомъ*.

Вѣрно ты, другъ мой, не разобралъ, что писала я объ Огарёвѣ. Я говорила съ досадою о холодности отвѣта, произносимаго небрежно и лѣниво тѣми, кого я спрашивала о немъ, а ты говоришь, будто я пишу о твоей къ нему холодности.—Теперь ночь, я еще думаю не гасить огонь и дрожу отъ страха: si madame Макаш. пробудится! Ну, такъ что-жъ? ничего, только за это завтра я должна буду лечь въ потьмахъ! Она говорила мнѣ о томъ, что я отказала Бирюкову, я сдѣлала, будто ничего не знаю, ни слова ей на это (низко, гадко, но какъ же, ступивъ въ грязь, не замарать ноги?), не знаю, отъ кого дошло это. И потомъ все говоритъ мнѣ о тайнахъ, о гибели... и К... давно уже упрекала меня, что я въ угожденіе тебѣ занимаюсь книгами, по твоему приказанію училась нѣмецкому языку и чтобъ все это оставила до тѣхъ поръ, пока выйду за *нѣмца*. Немудрено, если до нихъ и все дойдетъ. Но пусть ихъ! Теперь они спятъ, и чернота ихъ спитъ, отдыхаетъ отъ своихъ подвиговъ, а мы бодрствуемъ, мы и во снѣ живемъ болѣе, нежели они на яву. Но кто же это *мы*? Это—Наташа, любовь, Александръ! Трое составляющіе одно. О, и какъ прелестно, дивно, свято это—я! какъ полно оно! Оно небо, оно... человѣческій языкъ не удостоенъ словомъ, могущимъ вполнѣ выразить, что оно! Долго еще не усну я, сидя на стулѣ у постели, буду мечтать о тебѣ.

23-е.

Письмо твое К. получила сегодня вечеромъ; она слушала его съ большимъ и пребольшимъ удовольствіемъ, а я читала съ содроганіемъ, обманъ, лесть... знаю, что это необходимость и пора привыкнуть, но все-таки каждый разъ пугаюсь, какъ невиданнаго чудовища. Когда-жъ, когда уста наши затворятся для неправды, когда безъ страха ты заговоришь истину?—все это *тогда!* Тогда!!—Ко мнѣ же приписку я читала съ величайшею пріятностью, тутъ маски нѣтъ, а тонкій, прозрачный флеръ, ихъ вина, ежели не видятъ сквозь него. Ты вѣрно думалъ, что, назвавъ

меня въ *томъ* письмѣ *Наташей*, откроешь что-нибудь новое?.. Не только зарѣ, и самому солнцу не улыбнется камень! Я нарочно произносила громко и медленно—Наташа!!!! Ни малѣйшаго вниманія. Повторяю, камень и солнцу не улыбнется, а въ *ихъ* письмѣ *Наташа*—заря и чуть-чуть блѣдная, тонкая; надобно быть солнцу, чтобъ улыбнуться этой зарѣ! Камень все также недвижимъ, также поросъ и мхомъ и травой, также глубоко въ землѣ, также камень!

Жду съ нетерпѣніемъ итальянскія картинки,... только Италіи недоставало въ уголкѣ моемъ! Благодарю тебя, мой ангелъ, за этотъ подарокъ, я какъ ребенокъ восхищаюсь имъ заранѣе и жду не дождусь. Какъ ты утѣшаешь меня! А я для тебя не могу сдѣлать ни на волосъ... если-бъ ты зналъ, какъ больно мнѣ, что я не могу подарить Александра Лаврентьевича. Даже и настолько-то не имѣть власти, возможности—но все жалобы и жалобы—это слабость, вѣдь ужъ сказано разъ—*придетъ пора!*—только я должна тебѣ сказать, что на меня имѣютъ большое подозрѣніе, Мак. часто намекаетъ о тайной перепискѣ, называетъ Е. И. [1]) почтальономъ и тому подобное,—я никогда ей на это ни полслова. Не правда-ли, говорить нечего, да она и не стоитъ этого.

24-е.

Сегодня сочельникъ, суета, усталь, пыль и голодъ—я ни въ чемъ не участница! Я какъ птица съ вершины дерева смотрю равнодушно, какъ у корня его работаетъ груда муравьевъ, *имъ* надо много рукъ и ногъ, нужна земля, сучки, сухой листъ, мнѣ—крылья, небо, солнце. Завтра... завтра... 25-е число! Но что же оно? Оно померанцевое дерево въ цвѣту! Да, это 25-е было бы просто ель, ель, которую ни зной, ни стужа не измѣняетъ, еслибы оно не было осыпано какъ померанцевыми цвѣтами—воспоминаньемъ о тебѣ. Не отъ корня на немъ вѣтви, не отъ вѣтвей почки и цвѣты! Нѣтъ! отъ *цвѣтовъ* почки, отъ почекъ вѣтви и самый корень отъ цвѣтовъ! Довольно-бъ, довольно-бъ бросить одинъ огненный цвѣтокъ померанца на мертвую елку, чтобъ оживотворить ее, сдѣлать изъ нея дерево юга, исполненное музыкой поэзіи,—но тутъ не одинъ цвѣтокъ, цѣлая корзина... Благовѣстъ къ обѣднѣ... прощай, ангелъ мой. Мнѣ завтра будетъ грустно, грустно, и среди-то людей безъ человѣка! Не знаю почему, а завтра я какъ будто имѣю надежду получить отъ тебя письмо... ужели? Боюсь я нынче предугадывать, а какъ бы была весела тогда,... какъ ни прелестно померанцевое дерево, какъ ни разливаетъ оно ароматъ, музыку,—не замѣнитъ оно все—одной

[1]) Подъ Е. И. подразумѣвается, конечно, Егоръ Ивановичъ Герценъ.

строки твоей, одного слова. Тоска моя ужъ начинается, не нахожу мѣста... я чую завтра! Прости, прости меня.

25-е декабря.

О чувствахъ ужъ писать не стану, ты знаешь ихъ и вѣрнѣе меня. Но вотъ тебѣ утро 25-го декабря 1836 г. Едва я открыла глаза, какъ уже на нихъ навернулись слезы. Въ церкви душа не гимнъ пѣла, она стонала. И весь день тянулся передо мной ржавой, желѣзной цѣпью, но Провидѣніе, зная слабость души моей, зная, что я не ты, послало мнѣ бездну утѣшенія. Въ обѣдню въ церковь принесли мнѣ письмо отъ Саши Б. и исполненное все грусти, но оно отъ нея, и потому грусть и утѣшеніе вмѣстѣ. Дома-жъ потянулась, загремѣла эта ржавая цѣпь, всегдашнія праздничные люди... и будто невольно запутавшись въ нее явился и Егоръ Ивановичъ... тутъ я отказываюсь отъ твердости, будто все и самыя стѣны издаютъ грустные звуки, будто и цвѣты померанца и все дерево говоритъ томно и печально— *«нѣтъ его»*... Но вслѣдъ за горькими слезами я плакала отъ радости, съ Е. И. вмѣсто тебя твое письмо!—О, Александръ! О ангелъ мой! Какъ я виновата, какъ виновата предъ тобой! (Но и предъ собою...) Я не смѣла бы просить прощенія... теперь не могу писать, нельзя, только скажу тебѣ мой божественный, единственный, что все это страшное, мрачное оттого явилось въ душѣ моей и излилось къ тебѣ, что ты былъ мраченъ и истерзанъ, потому что я не могу обнять твоего пространства и разсмотрѣть своей малости. Но чую, ты простилъ меня? О, если-бъ я могла упасть на колѣни предъ тобой, несравненный! Мѣшаютъ, зовутъ, прощай!

Вечеръ.

Я изъ самолюбія подчиняюсь тебѣ?... изъ гордости не хочу согласиться, что на тебѣ могутъ быть пятна?.. Самолюбіе... гордость... они—слабость *людей*, недостатокъ ихъ, грѣхъ!.. Но какое же разстояніе отъ людей до твоего идеала?... Тамъ—канава нечистоты (говоришь ты), здѣсь — изрядное свѣтило, мало, цѣлый міръ, и міръ превосходнѣйшій міра видимаго, изящнѣйшій, въ немъ есть и солнца и планеты, — но нѣтъ астрономовъ, кромѣ тебя, могущихъ познать ихъ, опредѣлить ихъ величину, дать имъ свойства... *тотъ* міръ наполняетъ *эѳиръ*, и въ томъ эѳирѣ плаваютъ *тѣла небесныя; этотъ* — наполняетъ *любовь*, плаваетъ *душа небесная, тамъ* все Богъ, *здѣсь*—все Богъ и *ты!*—такъ смотрю я на твой идеалъ, такъ понимаю его, благоговѣю предъ нимъ, гдѣ же въ немъ мѣсто гордости и самолюбію?—Александръ, ты не хочешь повѣрить, что весь этотъ дивный міръ, святой, необъятный въ свѣтѣ и пространствѣ,—весь—преданъ тебѣ, погруженъ

въ тебя, не видитъ себя въ тебѣ, теряется, исчезаетъ... нѣтъ, ты этому не хочешь повѣрить! Я бы дала тебѣ все больше и больше—лучше, лучше—но ты это называешь гордостью, самолюбіемъ... въ *твои* слова я вѣрую, *они заставляютъ* меня вѣрить, что я горда, самолюбива... да, я вѣрю и я же исторгну плевелы, брошенные людьми въ садъ, насажденный для тебя самимъ Богомъ! Вотъ душа моя—смотри, въ ней нѣтъ уже этихъ пороковъ, она одна любовь, любовь къ одному тебѣ, любовь человѣка—ангела къ человѣку—ангелу, здѣсь нѣтъ совершенныхъ ангеловъ,—это *тамъ*, только тамъ мы будемъ одинъ ангелъ.—И такъ, можно-ли считать за ошибку, что я полюбила тебя съ небесностью ангела и съ слабостями человѣка? Мы созданы другъ для друга, и другъ другомъ возвышаемся, совершенствуемся, блаженствуемъ здѣсь и получимъ царство небесное!

Самолюбіе и гордость—наказаніе въ двухъ словахъ за... 2 удара за 200... Богъ и грѣшниковъ милуетъ послѣ... не отвергнешь, если я подойду къ тебѣ и обниму тебя и расцѣлую [1]).

26-е декабря.

Въ твоей любви мнѣ не нужны опыты и доказательства, я ихъ не требовала даже въ дружбѣ; но еслибъ было существо, достойное вѣровать въ нее и невѣрующее,—ему довольно-бъ было прочесть безумное мое письмо и твое отъ 10 декабря.— Ангелъ мой, я ужаснулась, читая въ письмѣ твоемъ то мѣсто, гдѣ ты напоминаешь о *желаніи моемъ умереть*,—клянусь тебѣ, я испугалась себя, не могла остаться одна сама съ собою безъ твоихъ писемъ, безъ портрета.—Умереть!—Нѣтъ. Я не умру, не покину моего Александра людямъ, страстямъ, толпѣ, бѣдствіямъ земнымъ... нѣтъ, не покину! Пусть всѣ эти стрѣлы, не долетя до него, изломятся на груди моей, какъ на скалѣ гранита.—Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, Александръ, забудь ради Бога все это, прости меня, клянусь никогда подобные звуки не выльются изъ души моей, никогда мысль подобная не залетитъ въ душу... брось, сожги этотъ черный листъ и забудь все, что писано въ немъ,—можетъ, это была послѣдняя дань неувѣренности къ себѣ. Теперь я готова всѣмъ говорить, что для меня бы не было ничего, если-бъ не было Александра, но что и для тебя ничего бы не существовало, если-бъ не было меня, кромѣ дружбы, кромѣ О. [2]).

Довольно, прочь всѣ эти увѣренія, сомнѣнія, страхъ... кончено. Ты *все* для меня, я *все* для тебя! Сомнѣваться въ себѣ, значитъ,

---

[1]) Точками обозначены слова, не сохранившіяся вслѣдствіе того, что уголъ письма оторванъ облаткою.

[2]) По всей вѣроятности Огарева.

сомнѣваться въ тебѣ. Да, никто-бъ не могъ понять тебя, столько оцѣнить, дать тебѣ столько—никто... кромѣ меня! Но что еще это теперь? Вотъ минетъ кровавая разлука, и тогда я вполнѣ буду *я*, теперь мнѣ все ставятъ границы.

28-е декабря.

Знаешь-ли, что сейчасъ было со мною? Макашева говоритъ открыто, что я переписываюсь съ тобой, что прощаніе въ Крутицахъ погубило меня и что портретъ также погубилъ, клянется, что скажетъ все К., говоритъ, что слышала отъ тѣхъ людей, которые все знаютъ и смѣются надъ нами; откровенно скажу тебѣ, я боюсь не за себя, что мнѣ *они?* А маменькѣ и Е. И.[1]) можетъ быть непріятность. Не знаю что мнѣ дѣлать? Впрочемъ я Мак. на это ни слова не сказала и все время, пока она стояла передо мною, я будто читала со вниманьемъ; это было сейчасъ, она только улеглась и все еще поетъ, а ужъ 12-тый часъ ночи; можетъ быть я глупо сдѣлала, что не рѣшилась пуститься лгать, что есть силъ, и увѣрить ее, что все это ложь и неправда, но что-жъ мнѣ дѣлать, я не могла. Если еще будетъ это говорить, рѣшусь говорить все противное, потому что ужъ всѣ письма далеко убраны, сыскать она ихъ не можетъ, также и доказать ей нечѣмъ, она же останется въ дурахъ. Впрочемъ, она ужъ обѣщала у меня все обыскать и непремѣнно сказать К.[2]). Я того и жду, что будетъ допросъ, но ты не бойся, надѣйся на мою твердость, въ перепискѣ ни за что не признаюсь, потому что это многихъ погубитъ. Во всемъ этомъ я кладу подозрѣніе на Насокиныхъ, Мак. въ большой съ ними дружбѣ и какъ пришла вчера отъ нихъ, такъ сказала дѣвушкѣ, которая мнѣ служитъ, что ее зашлютъ туда, куда воронъ костей не заноситъ, за то, что она передаетъ письма, хотя та ни въ чемъ не виновата. Но меня здѣсь въ домѣ, ежели кто знаетъ пере(писку), не откроетъ ни за что на свѣтѣ, и я увѣрена, что все это сплетни Насок: онѣ самые низкіе люди обѣ, я безпрерывно вижу это на опытѣ!

И такъ, Ангелъ мой, не безпокойся, умоляю тебя, ежели не будешь получать отъ меня такъ часто писемъ, рѣшительно минуты нѣтъ свободной. Мак. какъ нечистый духъ преслѣдуетъ меня, каждое движенье, взглядъ все замѣчено, переведено К. и въ самомъ скверномъ видѣ. Не знаю даже, будетъ-ли возможность писать... другъ; ангелъ мой, не огорчайся, я тверже перенесу это.—Господи! Ахъ, когда ты пріѣдешь!

---

[1]) Т.-е. Лизѣ Ивановнѣ и Егору Ивановичу.

[2]) Княгинѣ.

На многое не отвѣчала я тебѣ, не знаю, можно ли будетъ завтра взять перо въ руки. Цѣлую тебя, божество мое Александръ, обнимаю, ангелъ мой...

Каково это, гдѣ твои письма?.. Но ужъ пусть же ихъ досыта наругаются надо мной; все, все имъ прощаю, только тяжело мнѣ, тяжело и больно за тебя.—Бѣжала бы я отсюда, не оглянувшись, но *Онъ* посылаетъ крестъ—какъ же не несть его!

Пожалѣй мою Сашу, у нея умерла сестра, которую она любила необыкновенно, теперь она на моихъ рукахъ, несчастная, и она это выноситъ! Только, Боже, пошли силу переносить все!—Ну, другъ мой, ангелъ, можетъ послѣднее письмо и еще долго, долго не получишь ты отъ меня; Мак. говоритъ, какъ увидитъ перо у меня въ рукѣ, приведетъ К., отъ нея не спасешься—такъ не огорчайся же, мой другъ, не грусти, и я буду тверда и весела. Ты пиши, впрочемъ, увидимъ... я кажется теперь одурѣла, не знаю, что сказать... оставила одно твое послѣднее письмо для отрады и утѣшенія... оно хранится подъ грудою нотъ. Прощай, когда же пріѣдешь ты?

23-е декабря 1836.

Наташа, ангелъ, прелестное существо — и такъ ты начала уже страдать отъ меня, я это предвидѣлъ, я это предсказывалъ—но иначе угодно было Провидѣнью, твоя жизнь навсегда влита въ мою жизнь, влекись же бѣшеной фантазіей со мною — куда? все равно, лишь бы со мною. Твои послѣднія письма отъ 9 дек. наполнили меня грустью, даже томностью. Въ нихъ видно глубокое страданье, и я причиной ему, съ моей безумной фантазіей, съ моимъ эгоизмомъ, словомъ, съ моей душою. О, Наташа, Бога ради, не повторяй, что мнѣ мало тебя, Бога ради. Нѣтъ, нѣтъ, твоя любовь, твоя душа показала мнѣ, что и здѣсь на землѣ могутъ осуществляться идеалы поэта. Не повторяй же, Наташа. И ты говоришь обо мнѣ, какъ будто я не понимаю твоей любви. Люблю, люблю тебя всей этой энергіей моего характера и никого бы не могъ такъ любить... только не говори этихъ словъ. Оставь мою грусть, она проходитъ. Что дѣлать, ровнаго, гармоническаго счастья мнѣ не дано, но ты, ты счастлива, какъ ангелъ. О ежели-бъ я могъ, однимъ объятіемъ я высказалъ бы тебѣ все и безграничное блаженство мое, и грусть, все, все—тогда только поймешь ты, что ты мнѣ. Я готовъ плакать теперь, а я твердъ—готовъ цѣловать край твоей одежды, только успокойся, будь весела; я хочу, чтобъ ты лечила мою больную душу, а ты заражаешься ею... Зачѣмъ ты говорила мнѣ о моемъ блаженствѣ, будто я не знаю, что нашелъ я въ этой душѣ прелестной, въ твоей душѣ!

Почему ты такъ грустишь, спрашиваешь ты, да развѣ есть на тебѣ пятна? Развѣ ты не можешь понять, какъ меня долженъ терзать проклятый поступокъ съ М. Ты и я. Опять скажешь, зачѣмъ я тебя высоко поставилъ. Да не я ставилъ—Богъ. Ежели-бъ я такъ ослѣпленъ былъ собою, что не видѣлъ бы на какой *высотѣ* я могъ бы быть и гдѣ теперь. Читала-ли ты у Жуковскаго Абадонну:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Абадонна;
Печальною мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ... онъ вспоминалъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдиила.

Ты, Наташа, мой Абдиилъ — мой ангелъ-хранитель, и тебя-то я мучу; еще зачѣмъ ты безпрестанно хвалишь меня. Знаешь-ли ты, что я ужасно самолюбивъ и гордъ—хвалить меня это дикому звѣрю показывать пурпурную ткань, это напоминать ему цвѣтъ крови...—Ты молишь Бога, чтобъ Онъ далъ мнѣ созданье лучше тебя... Погоди, да возьму-ли я у Него? Отнять тебя матерьяльно здѣсь—это можетъ Провидѣнье, дать другую не въ Его силахъ. Или ты, или мнѣ не нуженъ никто здѣсь и опять ты же—тамъ. Останови свою молитву—ты ею обидишь Провидѣнье. Душно! душно! Оставь, искорени эту несчастную мысль, что мнѣ мало твоей души. Да послѣ этого ты, право, не вполнѣ вѣришь въ мою любовь.—И что-жъ собственно дурного въ моей грусти? въ безумной веселости человѣкъ тратитъ свою душу, въ грусти онъ возвышается, въ грусти поэзія, а въ веселости—смѣхъ. *Ты спрашиваешь*, утѣшилъ-ли меня твой поцѣлуй—твой поцѣлуй—*ты спрашиваешь?* Ха, ха, ха... вотъ забавная мысль пришла въ голову (начинаю быть веселымъ); погоди, дай смыть съ губъ тѣ нечистые поцѣлуи сладострастные, которыми онѣ запятнаны съ самой юности, ты замараешь свои уста. Можетъ странно тебѣ, что я говорю подобныя вещи прямо тебѣ, да, этого не скажетъ влюбленный юноша съ розовыми ланитами, съ розовой душой, съ розовымъ умомъ своей Юліи, Манѣ, Альсинѣ—такой же дѣвѣ. Но я и ты—у насъ другое отношенье, вспомнимъ нашу силу. Моя душа давно потеряла запахъ розы, мои щеки давно блѣдны—съ 14 лѣтъ ломали меня мысль и чувство. И оттого-то моя грусть, что я хотѣлъ бы тебѣ, божественная, принесть себя божественнаго. Ты говоришь, довольно для тебя. Но для меня недовольно то, что я тебѣ даю собою.—Кто будетъ рисовать твой портретъ? Ежели человѣкъ, который не удивляется тебѣ, не любитъ тебя, не можетъ понимать—не надобно. Рафаэль, этотъ Рафаэль, котораго называютъ божественнымъ, осмѣлился Мадоннѣ дать лицо Форнарины—своей любовницы, а Италія молилась, удивлялась. Ну,

вы, господа съ кистью, вотъ вамъ Наташа, это ангелъ, это ужъ не женщина, съ которой стерта божественная печать нечистыми объятіями, нѣтъ, она такова какъ была до рожденья въ раю—да гдѣ этимъ дуракамъ придти въ голову изобразить Богоматерь, какъ она была; имъ довольно представить женщину и ребенка.—Твой портретъ. Что-жъ, скоро-ли я прижму къ сердцу своему хоть портретъ. Я, кажется, понялъ мысль, которую ты называешь святою, несбыточною,—да, понялъ ее. Эта мысль мелькала у меня, все-таки симпатія наша превосходитъ все на свѣтѣ. Я понимаю тебя [1]) — *Ангелу не хочется быть человѣкомъ*, ему низко, тѣсно, удушливо въ этой темницѣ. И чтобъ мнѣ всѣ утѣшенія находить не въ тебѣ одной, ты—моя поэзія, ты именно все, что осталось чистаго и непорочнаго въ душѣ моей.

Получаешь-ли ты аккуратно мои письма, я пишу почти всякую почту, а ты отъ 9 декабря отвѣчаешь на письмо отъ 18 ноября.

Ну, прощай, до будущаго года не пошлю письма. Вѣрь же, что твоя любовь принесла мнѣ болѣе, нежели сколько я надѣялся. Вѣрь, что въ тебѣ нашелъ я все, чего искала душа. Дай Богъ, чтобъ скорѣй ты все увидѣла на опытѣ.

Твой Александръ.

Я продолжаю безпрерывно заниматься архитектурой. Emilie дружескій, сердечный поклонъ... А вѣдь въ монастырѣ будетъ скучно. Ежели Mademoiselle Alexandrine приметъ мой поклонъ, передай и увѣрь, что я совсѣмъ не страшенъ. Некогда!

Addio!

29-е.

Въ залѣ, стоя на колѣняхъ, пишу на стулѣ...

Какъ я удивилась, что ты пишешь мнѣ, чтобъ я прочла въ Notre Dame со вниманіемъ именно тѣ слова, которыя я читала и перечитывала и прежде съ большимъ вниманіемъ. Да, мой ангелъ, пойму я тебя совершенно, съ какою жаждой жду я того времени, когда буду съ тобой... эта пустая и тяжелая жизнь утомила меня, безъ сильнаго восторга не могу представить жизнь съ тобою, но когда-жъ, когда-жъ это будетъ? О! если-бъ знали до дна эту лохань, въ которой я теперь!.. Во всѣхъ углахъ шепчутъ, и все объ насъ, будто все полно подозрѣнья и любопытства. Мак., я увѣрена, разнесетъ это по всѣмъ дворамъ, и вообрази, ежели кто видитъ у меня въ рукахъ хоть простую бумажку, тотчасъ кричатъ, какъ скоро услышатъ шаги Мак., идетъ! идетъ! Это ужасно непріятно. Макаш. сама разсказывала въ дѣвичьей, что слышала это отъ Насакиныхъ, жалкая!

[1]) Однако ты напиши мысль свою, можетъ, я ошибся.

Пропускаю еще милліонъ гнусностей и подлостей, которыя содѣваются кругомъ меня—теперь о томъ, какъ бы избавить маменьку и Е. И. отъ неудовольствія. Ты же, Александръ, милый другъ, будь покоенъ, не бойся за меня, ну вѣдь они не могутъ насъ разлучить, а письма... ахъ, ты и прежде мнѣ писалъ: «Наташа я и жизни не могу вообразить безъ твоихъ писемъ». Ангелъ мой, еще не совсѣмъ испытано наше терпѣнье, и покорность Ему докажемъ? Съ увеличеніемъ несчастій теперешнихъ увеличивается блаженство будущее!

Много, много тебя обнимаю и цѣлую. Витбергу душевное поздравленье со днемъ его рожденья и поклонъ, исполненный почтенья. Прости!

Вся твоя, твоя и твоя!

Москва, 1836, дек. 31.

Еще одинъ часъ, и сумрачный, туманный, черный, кровавый, *тридцать шестой годъ* потонетъ въ вѣчность! *Одинъ часъ его* остался, и о немъ можно говорить все. Онъ былъ тиранъ, тиранъ безжалостный, жестокій, страшный, онъ давилъ меня тяжелой пятой, терзалъ желѣзными своими когтями, приводилъ въ оцѣпенѣніе холодомъ своего дыханья, словомъ мучилъ на смерть... Но я жива! я побѣдила этого гиганта! Остались рубцы, раны... они сотрутся *когда-нибудь*, исчезнетъ слѣдъ тяжкой борьбы, но сила, твердость, высота, купленныя кровью и страданьями, не убудутъ во вѣки вѣковъ! Забудь и ты, ангелъ, прости ему, онъ ужъ не существуетъ, онъ мертвецъ...

Другъ мой, вѣрно ты теперь думаешь обо мнѣ, 12-й часъ, послѣдній часъ, проведемъ вмѣстѣ его. Мнѣ кажется, ужъ я давно не писала тебѣ и теперь рискую много, но пусть ихъ! Я не жертвую ничего спокойствію, мнѣ не нуженъ покой!! Такъ ли отражается лазурь—въ сонной, лѣнивой, полумертвой водѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ пуховыми берегами, какъ въ чистой, яркой и рѣзвой струѣ, которой путь далекъ, которой и преграды нѣтъ?.. Отъ нужды, изъ необходимости пьютъ воду изъ *пруда*, и нехотя смотрится въ ней мѣсяцъ, и вовсе не видно въ ней звѣздочки... стремится всякій къ быстрой *рѣкѣ*, любуются ея величіемъ, *ясными* водами, прислушиваются къ ея говору... она чрезъ страшныя пространства передаетъ вздохъ и слезу, носитъ необъятныя тяжести, работаетъ, трудится, рвется для блага человѣка, а силы ея все болѣе и болѣе... Путь ея шире, далѣе и далѣе, достигаетъ *моря* наконецъ!.. Не хочу, не хочу покоя я! Раздвиньтесь, берега! Исчезни плотина... и я сольюсь съ моремъ, и его волны сольются съ моими струями... пусть пѣна, пусть далеко брызжины... люди жаждутъ, рѣка слезами своими напоитъ

ихъ, мимоходомъ катясь къ моему морю. Три дня я по нѣскольку разъ разсматривала твои картинки и восхищаюсь и мечтаю о той странѣ, о томъ небѣ, о тебѣ, о Немъ! Макашева, кажется, не рѣшается объявить княгинѣ о нашей перепискѣ, боясь получить выговоръ и потерять довѣріе К., но преслѣдованія, вѣроятно, не окончатся до конца моего заключенія! 10 лѣтъ терпѣла я за неизвѣстное благо... не стерплю-ли половину за твою любовь??

Авось либо карандашъ не сотрется, перо скрипитъ, а меня отъ Мак. раздѣляетъ только холстина и 3 шага!

Александръ! Вслушайся, всмотрись... и нѣтъ 1.000 верстъ, и твоя Наташа съ тобой!

ПАДЕНІЕ БИРОНА (1740).

(ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АРХИВОВЪ).

IV.

Рѣшеніе вопроса о регентствѣ.

Послѣ назначенія Іоанна Антоновича наслѣдникомъ вопросъ о регентствѣ представлялъ собою слѣдующіе шансы: можно было назначить регентомъ

или 1) Бирона,

или 2) Антона Ульриха, или Анну Леопольдовну, или обоихъ вмѣстѣ или 3) составить совѣтъ регентства.

О послѣднемъ, какъ мы видѣли выше, мечталъ Остерманнъ съ самаго начала, предлагая, чтобы Анна Леопольдовна состояла во главѣ этого учрежденія [1]). Нолькенъ прямо говоритъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что сперва серьезно думали о назначеніи совѣта регентства, въ которомъ должны были участвовать двѣнадцать лицъ, а именно: Анна Леопольдовна, Биронъ, Мюннихъ, Трубецкой, три кабинетъ-министра (т.-е. Остерманнъ, Черкасскій и Бестужевъ), Ушаковъ, Куракинъ, Головкинъ, Головинъ и Нарышкинъ. Въ этомъ совѣтѣ Анна должна была имѣть два голоса. По другимъ извѣстіямъ, какъ писалъ Нолькенъ же, совѣтъ долженъ былъ состоять изъ шести членовъ т.-е., изъ Анны Леопольдовны, Антона-Ульриха, Мюнниха, Остерманна, Трубецкаго и Головкина. Нолькенъ говоритъ, что эти проекты были оставлены 15-го октября, вечеромъ, въ пользу регентства Бирона [2]).

Насколько въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ интересовались этими вопросами, видно изъ слѣдующихъ замѣчаній въ депешахъ Нолькена, Шетарди и пр. Нолькенъ писалъ 17-го октября, наканунѣ кончины императрицы: «Нѣкоторыя лица стараются

---

[1]) Соловьевъ, XX, 439.

[2]) Донесеніе Нолькена къ королю отъ 19 октября и другое къ предсѣдателю канцеляріи отъ 17 октября. Стокгольмскій архивъ. См. также донесеніе Мардефельда отъ 14—25 октября 1740, въ «Др. и п. Россіи», 1876, II, 129

убѣдить герцога Антона-Ульриха принять православіе, съ цѣлью назначить его регентомъ. Остерманнъ, по своему происхожденію сторонникъ нѣмцевъ, очень охотно доставилъ бы регентство Аннѣ Леопольдовнѣ или, еще лучше, ея супругу, чѣмъ можно бы избѣгнуть женскаго правленія. При регентствѣ Антона-Ульриха Остерманнъ сохранилъ бы легче всего свой авторитетъ. Елизавета Петровна въ отчаяніи, что отъ нея скрываютъ всѣ условія рѣшенія вопроса о регентствѣ. Она тщетно старалась снискать довѣріе императрицы [1]). Въ народѣ, въ особенности же въ благородномъ сословіи сожалѣютъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ» и пр. Въ томъ же самомъ донесеніи, въ которомъ Нолькенъ сообщаетъ о назначеніи «совершенно непонятнымъ образомъ» Бирона регентомъ, сказано: «Только-что меня увѣряютъ, что Антонъ-Ульрихъ и Анна Леопольдовна исключены отъ участія въ дѣлахъ и что опредѣленъ совѣтъ изъ двѣнадцати чисто русскихъ членовъ. Принцъ и принцесса будутъ получать ежегодно по 100.000 рублей и, кромѣ того, столовыя деньги. Русскіе ласкаютъ себя надеждою, что, при малолѣтнемъ государѣ, они избавятся отъ самодержавной власти. Однако, при свойствахъ этого народа, нельзя считать возможнымъ, чтобы совѣтъ, въ которомъ соперничество разныхъ фамилій имѣло бы просторъ, управлялъ государствомъ». «Стараніе Бирона исключить Анну Леопольдовну и Антона-Ульриха отъ участія въ регентствѣ», сказано далѣе въ этомъ донесеніи шведскаго дипломата, «доказываетъ, что онъ не упускаетъ изъ вниманія принцессу Елизавету [2]), которая, впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ будетъ заключена въ монастырь» и пр. [3]).

Довольно любопытенъ слѣдующій разсказъ Мардефельда о событіяхъ наканунѣ кончины императрицы: «Неудивительно, что герцогъ курляндскій имѣлъ успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ; онъ уже заранѣе составилъ себѣ довольно значительную партію, между тѣмъ какъ дворъ брауншвейгскій не употребилъ для этого ни малѣйшаго старанія; послѣдній далъ себя провести и усыпить довольно суетными надеждами, а герцогъ брауншвейгскій, котораго я имѣлъ честь видѣть только одинъ разъ частнымъ образомъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что его супруга будетъ имѣть главное участіе въ правленіи: самое же худшее то, что, не смотря на увѣренія лицъ, близкихъ къ его высочеству, будто между этою

[1]) Къ этому Нолькенъ прибавляетъ: «Елизавета получитъ большую пенсію. Она любитъ покой и увеселенія и не желаетъ заниматься дѣлами».

[2]) Это выраженіе: «förs yn för Elisabette» не совсѣмъ понятно; опасался ли Биронъ правъ принцессы Елизаветы? или заботился-ли онъ о ея интересахъ?

[3]) Стокгольмскій архивъ.

державною четою существуетъ полное согласіе, тѣ, которые знаютъ близко ихъ жизнь, утверждаютъ совершенно противное, и прекрасная, но глупая Менгденъ, къ которой принцесса питаетъ непостижимую слабость, вся предана противной партіи, которая чрезъ ея посредство можетъ подсказывать и внушать ея высочеству все, что ей вздумается» [1]).

Во всякомъ случаѣ еще 14-го (25) октября прусскій посланникъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы Бирона сдѣлался регентомъ. Онъ въ этотъ день писалъ Фридриху II, сообщая о проектѣ составить совѣтъ регентства: «Не смотря на всѣ толки, я все еще сомнѣваюсь, чтобъ герцогъ курляндскій былъ въ числѣ правителей, и остаюсь при томъ мнѣніи, что, еслибъ императрица умерла, то его свѣтлость возвратился бы въ Курляндію». Въ тотъ же день Мардефельдъ писалъ далѣе, выражая надежду на выздоровленіе императрицы: «Принцессѣ Аннѣ сдѣлано нѣсколько намековъ относительно регентства, но вполнѣ обстоятельно еще съ нею не говорили. Если списокъ правителей, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ В—у В—у въ моей реляціи, вѣренъ [2]), то слухи, касающіеся герцога брауншвейгскаго, оказались преждевременными; было бы даже смѣшно требовать отъ него перемѣны религіи, тогда какъ есть и другіе члены правленія, исповѣдующіе одинаковую съ нимъ вѣру». Близорукій Мардефельдъ продолжаетъ: «Герцогъ курляндскій сказалъ принцессѣ Аннѣ, что если императрица скончается, то онъ по истинѣ будетъ чрезвычайно огорченъ, но что ему все-таки останется прекрасное герцогство, дающее ему хорошія средства къ жизни. Если это вѣрно, то мнѣ кажется, что герцогъ поступилъ бы всего благоразумнѣе, удалившись въ свое герцогство и не вмѣшиваясь болѣе въ правленіе и дѣла Россіи. Утверждаютъ, будто онъ помѣстилъ все, что у него есть драгоцѣннаго, въ безопасное мѣсто. Эта предосторожность была, можетъ быть, излишнею, потому что послѣ теперешнихъ распоряженій я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы ему было чего-либо опасаться. Дѣйствительно, въ чемъ можно упрекнуть его? Царствованіе ея величества императрицы было однимъ изъ самыхъ славныхъ, чему немало способствовали его совѣты; и развѣ она не властна наградить его за это такъ щедро, какъ найдетъ это нужнымъ?»

Все это за три дня до кончины Анны Іоанновны и за три недѣли до превращенія Бирона изъ регента въ подсудимаго. Не всѣ раздѣляли мнѣніе о прочности положенія фаворита. Въ томъ

[1]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 284.

[2]) Въ этомъ спискѣ о герцогѣ Антонѣ-Ульрихѣ, какъ членѣ совѣта, не упомянуто.

же донесеніи Мардефельда сказано: «Въ ожиданіи будущихъ перемѣнъ нѣкоторые слуги герцога смутились и попрятали свои пожитки у друзей, за что получили выговоръ отъ своего повелителя; очень можетъ быть, что ихъ неблагоразуміе подало поводъ къ вышеупомянутому слуху».

Мардефельдъ оканчиваетъ свою депешу любопытнымъ извѣстіемъ: «Я узнаю сію минуту, что герцогъ брауншвейгскій, а не герцогъ курляндскій назначенъ членомъ правленія, что кажется болѣе правдоподобнымъ» [1]).

Нолькенъ считалъ положеніе Бирона довольно опаснымъ съ самой минуты серьезнаго заболѣванія императрицы. Шведскій дипломатъ и маркизъ де-ла-Шетарди, которые, какъ извѣстно, годомъ позже, содѣйствовали воцаренію Елизаветы Петровны, уже въ октябрѣ 1740 года разсуждали между собою о шансахъ дочери Петра Великаго, которая могла бы воспользоваться болѣзнью Анны Іоанновны для поддержанія своихъ правъ на престолъ. Была рѣчь и о правахъ Петра Ѳеодоровича. Нолькенъ доносилъ предсѣдателю государственной канцеляріи въ Стокгольмѣ (8 октября), что Остерманнъ намѣренъ вызвать изъ Киля внука Петра Великаго. Шетарди говорилъ Нолькену, что теперь слѣдовало бы Бирону объявить Елизавету Петровну наслѣдницею престола и ей назначить преемникомъ Петра Ѳеодоровича, а затѣмъ онъ, Биронъ, могъ бы выдать свою дочь за наслѣдника. Этимъ, по мнѣнію французскаго дипломата, Биронъ могъ бы оказать существенную услугу Россіи и обезпечить свои собственные интересы. Назначая Іоанна Антоновича наслѣдникомъ престола и въ то же время оскорбляя родителей младенца, Биронъ, по мнѣнію Шетарди, подвергалъ себя страшной опасности и дѣйствовалъ крайне неосторожно. Шетарди прямо предвидѣлъ въ ближайшемъ будущемъ государственный переворотъ [2]). Ходили слухи послѣ паденія Бирона, что даже братья его, Карлъ и Густавъ, не одобряли его проекта во что бы то ни стало сдѣлаться регентомъ; однако, по другимъ извѣстіямъ, Густавъ Биронъ обѣщалъ поддерживать кандидатуру брата войсками, находившимися въ его распоряженіи. Разсказывали далѣе, что фаворитъ искалъ мѣста регента, главнымъ образомъ, съ цѣлью денежныхъ выгодъ. Онъ желалъ нажить себѣ еще бо̀льшее состояніе; съ англійскимъ дипломатомъ Финчемъ онъ въ это время сговорился помѣстить свои громадные капиталы въ англійскихъ банкахъ и пр. [3]).

---

[1]) «Др. и п. Россія», 1876, II, 199.

[2]) Депеша Нолькена отъ 10 октября 1740 г. въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[3]) Депеша Нолькена къ королю отъ 14 ноября въ Стокгольмскомъ архивѣ.

Объ агитаціи Бирона въ послѣдніе дни жизни Анны Іоанновны особенно подробно говорятъ саксонскій дипломатъ Пецольдъ и сынъ фельдмаршала Мюниха. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ агитаторомъ въ пользу Бирона былъ Бестужевъ. Во время слѣдствія, послѣ паденія, Биронъ указывалъ на Бестужева, какъ на главнаго виновника рѣшенія вопроса о регентствѣ въ пользу фаворита [1]). Еще до паденія Бирона Нолькенъ узналъ, что не столько Мюнихъ, сколько Бестужевъ хлопоталъ за Бирона [2]). Бестужевъ уговаривалъ адмирала Головина, князя Куракина, генералъ-прокурора Трубецкаго и генерала Ушакова дѣйствовать въ пользу Бирона и, главнымъ образомъ, убѣждать Остермана не противиться назначенію Бирона регентомъ. Стали дѣйствовать и на принца Гомбургскаго, на графа Головкина, на генерала Чернышева и пр. Были составлены два документа: прошеніе, въ которомъ высшіе сановники обращались къ умирающей императрицѣ о назначеніи Бирона регентомъ, и манифестъ о назначеніи герцога регентомъ. Мюнихъ младшій прямо говоритъ объ агитаціи при собираніи подписей прошенія, замѣчая, что Биронъ «выманилъ желанное привѣтствіе». И по разсказу Пецольда, и по запискамъ Мюниха младшаго, Остерманъ при такихъ обстоятельствахъ не считалъ возможнымъ противодѣйствовать проекту фаворита и даже взялъ на себя редакцію манифеста. По другимъ извѣстіямъ, редакція манифеста принадлежала Бестужеву. Можно думать, что Остерманъ, дѣйствительно въ это время страдавшій подагрою, по возможности, отстранялъ себя отъ прямыхъ дѣйствій въ пользу Бирона. Пецольдъ разсказываетъ, что принцесса Анна Леопольдовна въ эти дни пригласила къ себѣ Мюниха и Остерманна для совѣщанія по вопросу о регентствѣ и что Мюнихъ при этомъ случаѣ высказался прямо въ пользу Бирона, тогда какъ Остерманъ отмалчивался [3]).

Оставалось уговорить умирающую императрицу. Любопытно, что даже близкій родственникъ подруги принцессы Анны Леопольдовны, баронъ Менгденъ, какъ оказалось впослѣдствіи, принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи въ пользу Бирона. Онъ прибѣжалъ къ Бестужеву и откровенно объявилъ: «Если герцогъ регентомъ не будетъ, то мы, нѣмцы, всѣ пропадемъ! а вѣдь герцогу самому о себѣ просить нельзя: такъ нельзя-ли объ этомъ какъ-нибудь стороною просить ея величество?» [4]).

---

[1]) Депеша Нолькена отъ 5 декабря.
[2]) Депеша Нолькена отъ 7 ноября.
[3]) Германъ, IV, 645—646.
[4]) Соловьевъ, XX, 442.

По разсказу Мюнниха-сына, были созваны «40 до 50 знатнѣйшихъ воинскихъ статскихъ и придворныхъ чиновъ, которымъ представя необходимость для государства имѣть регента въ особѣ герцога, понудили согласныхъ на то подписать свои имена» [1]).

Характеръ агитаціи, нерегулярность хода дѣла проглядываетъ, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что собирали голоса или подписи, такъ сказать, исключительно частнымъ образомъ, оставляя совершенно въ сторонѣ государственныя учрежденія. Подписывали знатныя лица не въ качествѣ членовъ сената или синода или генералитета, а лишь для себя и отъ себя, такъ сказать, участвуя въ сходкѣ. Изъ документовъ процесса Бирона и его сторонниковъ видно, что это обстоятельство имѣло значеніе. Соловьевъ разсказываетъ по этимъ архивнымъ даннымъ: «Бестужевъ пишетъ челобитную отъ лица вельможъ, объявившихъ свое согласіе на регентство Бирона; Мюнних первый подписываетъ... Бестужевъ сочиняетъ *позитивную декларацію* и листъ: «яко бы вся нація герцога регентомъ желаетъ».—«Трудное дѣло, думаетъ сочинитель, снабдить декларацію подписями; сенатъ и синодъ ничего не знаютъ; но все равно; тѣ, которые подписали прежнюю челобитную, подпишутъ и декларацію, а на нихъ смотря, и сенатъ и синодъ подписать не отрекутся» [2]).

Очевидно, тутъ намекъ на третій документъ, имѣвшій цѣлью обезпечить регентство Бирона. Объ этомъ эпизодѣ мы узнаемъ подробнѣе черезъ выписки изъ донесеній Пецольда въ сочиненіи профессора Германна.

Императрица Анна Іоанновна, какъ мы увидимъ ниже, медлила подписываніемъ манифеста о назначеніи Бирона регентомъ. Поэтому Бестужевъ вздумалъ сочинить адресъ, въ которомъ высшіе сановники просили Бирона взять на себя званіе регента даже въ томъ случаѣ, еслибы императрица скончалась, не сдѣлавъ распоряженія о регентствѣ. Этотъ адресъ былъ сначала подписанъ Мюнних, Лёвенвольде, Черкасскимъ и пр. Остерманнъ сначала не рѣшался подписать эту бумагу, говоря, что въ качествѣ иностранца онъ не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло, на что Бестужевъ замѣтилъ, что Биронъ, занимая мѣсто вице-канцлера, можетъ считаться достаточно русскимъ. Тогда Остерманнъ прикидывался больнымъ, говоря, что страдаетъ параличемъ руки и, благодаря этому, подписать не можетъ. Наконецъ, однако, онъ подписалъ бумагу. Его примѣру слѣдовалъ Бревернъ. Члены сената и синода подписали безъ прекословія.

---

[1]) Записки Мюнниха-сына, стр. 171

[2]) Соловьевъ, XX, 442.

Затѣмъ призвали чиновниковъ другихъ ранговъ [1]) и читали имъ адресъ, при чемъ Мюнних давалъ нужныя объясненія. Такимъ образомъ, наконецъ, какъ разсказываетъ Пецольдъ не безъ иронiи, «подписали 197 лицъ съ удивительнымъ единодушiемъ и по совершенно свободной волѣ» [2]). Къ этому разсказу Пецольдъ прибавляетъ, что Бестужевъ не считалъ нужнымъ предложить Аннѣ Леопольдовнѣ, Антону-Ульриху и родственникамъ Бирона подписать адресъ. Въ то же время фельдмаршалъ Мюнних старался утѣшать герцога курляндскаго въ его унынiи, убѣждая его всячески и ласками не покидать своихъ сторонниковъ [3]).

Понятно, о единодушiи и о свободной волѣ не было и рѣчи. Давленiе, произведенное Бестужевымъ, не давало простора какой бы то ни было самостоятельности дѣйствiй сановниковъ. Всѣ они, за исключенiемъ весьма лишь немногихъ, подписали декларацiю нехотя, опасаясь мести Бирона. Нѣкоторые, въ томъ числѣ фельдмаршалъ Мюнних, вѣроятно, участвовали въ этой манифестацiи въ надеждѣ на какую-либо перемѣну въ ближайшемъ будущемъ, посредствомъ которой можно будетъ избавиться отъ деспотическаго временщика.

Опредѣлить образъ дѣйствiй важнѣйшихъ лицъ въ эти дни трудно въ виду двухъ переворотовъ, случившихся въ ноябрѣ 1740 и годомъ позже. По поводу слѣдствiй, въ первое время регентства Анны Леопольдовны, надъ Биромъ и его сообщниками и затѣмъ, въ первое время царствованiя Елизаветы Петровны, надъ противниками Бирона, обвиненные старались оправдываться предъ лицами, стоявшими во главѣ государства. Вотъ почему нужно съ крайнею осторожностью относиться къ разсказамъ Мюниха и Бирона объ этихъ событiяхъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Бюшингъ читалъ въ рукописи записку, составленную фельдмаршаломъ Мюнихомъ объ этихъ событiяхъ. Когда и гдѣ была она написана, мы не знаемъ. Однако, тутъ сказано, что Остерманнъ и Черкасскiй были виновниками назначенiя Бирона регентомъ, такъ какъ они желали упрочить свое положенiе [4]). Оба они, сказано далѣе въ этой запискѣ, были безусловно подчинены Бирону и всячески угождали ему [5]). Во-первыхъ, послѣднее можно было сказать и о Мюнихѣ, а во-вторыхъ, нельзя не

---

[1]) «Hierauf liess man alle nach dem Rangreglement zur zweiten, dritten und vierten Klasse gehörenden Beamten ins das Cabinet kommen» и пр.

[2]) «Mit einer bewunderungswürdigen Einigkeit und völlig freiem Willen».

[3]) Германнъ, IV, стр. 646—647.

[4]) «um noch mehr ihr Glück zu machen».

[5]) Бюшингъ, Magazin für die neue Historie und Geographie, I, стр. 27.

удивляться тому, что фельдмаршалъ не упоминаетъ о Бестужевѣ, главномъ режиссерѣ комедіи, которую сыграли въ пользу Бирона и которой авторомъ былъ самъ фаворитъ. Очевидно, Мюнних составилъ свою записку въ то время, когда Бестужевъ при Елизаветѣ Петровнѣ былъ въ силѣ и обвинять его было опасно. За то, въ запискахъ сына фельдмаршала, упомянуто о важной роли Бестужева въ драмѣ, происходившей въ октябрѣ 1740 года, при чемъ, однако, нужно замѣтить, что на этихъ мемуарахъ младшаго Мюниха показано число: «Вологда 1758-го года», т.-е. время, соотвѣтствующее паденію Бестужева при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Бирон, какъ было сказано, составилъ подробный разсказъ о событіяхъ въ послѣдніе дни жизни Анны Іоанновны. Эта записка редактирована имъ въ Ярославлѣ, послѣ пріѣзда туда изъ Сибири, въ первой половинѣ 1742-го года [1]). Тутъ на каждомъ шагу встрѣчаются натяжки. Авторъ старается выставить свой образъ дѣйствій въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; судя по этой запискѣ, Бирон былъ чуждъ всякому честолюбію и болѣе всего желалъ оставаться въ Россіи частнымъ человѣкомъ. Особенно воспроизведеніе бесѣдъ, будто происходившихъ между Бироном и Анною Іоанновною по вопросу о регентствѣ, возбуждаетъ сомнѣнія. Бирон старается очевидно свалить всю вину на императрицу Анну и доказать Елизаветѣ Петровнѣ, что онъ имѣлъ въ виду ея интересы и нисколько не думалъ о себѣ. Провѣрить разсказъ Бирона, опровергнуть слова, яко бы произнесенныя умирающею императрицею, было невозможно.

Елизавета Петровна, въ свою очередь, считала Мюниха главнымъ виновникомъ назначенія Бирона регентомъ и утверждала, что онъ и Менгденъ болѣе всѣхъ убѣждали Бирона взять въ свои руки бразды правленія [2]), тогда какъ Мюних, сосланный въ Сибирь, оправдывался давленіемъ, произведеннымъ на него Черкасскимъ, Трубецкимъ и пр.

---

[1]) Она была напечатана въ соч. Гавена (Peter von Haven), «Efterrättinngar om des ryske Rige» (т. II) и въ 1757 г. въ «Reflexions sur divers sujets par E. C. D. S. à Mons...» подъ заглавіемъ «Motifs de la disgrace d'Ernest, Duc de Biron», а затѣмъ въ IX-мъ томѣ сборника Бюшинга.

[2]) См. сборникъ Бюшинга I, 26. Въ IX-мъ томѣ этого же сборника рядомъ съ запискою Бирона «Motifs de la disgrace» напечатана (стр. 399—418) «Antwort auf vorhergehende Schrift des Herzogs von Curland, von einem der nächsten Verwandten des Feldmarschalls Grafen von Münnich». Этотъ разсказъ, какъ уже выше было сказано, ничто иное, какъ выдержка изъ записокъ сына Мюниха, изданныхъ въ 1817-мъ году въ русскомъ переводѣ. Нельзя не желать появленія въ свѣтъ нѣмецкаго подлинника этихъ записокъ. Это изданіе готовится лучшимъ знатокомъ исторіи Мюниха, Арндтомъ Юргенсономъ.

V.

Отношеніе Анны Іоанновны къ вопросу о регентствѣ.

Когда въ 1727-мъ году, весною, приходилось рѣшить вопросъ о судьбѣ Россіи въ случаѣ кончины императрицы Екатерины, послѣдняя вполнѣ находилась въ рукахъ Меншикова. Княземъ былъ составленъ проектъ о престолонаслѣдіи въ пользу Петра II; онъ же мечталъ о бракѣ между послѣднимъ и своею дочерью. Рѣшеніе этихъ вопросовъ зависѣло не столько отъ императрицы, сколько отъ временщика. Дѣйствія князя прикрывались мнимымъ или фактическимъ согласіемъ Екатерины, воля которой въ сущности не имѣла значенія.

Положеніе дѣлъ въ октябрѣ 1740-го года походило на кризисъ въ апрѣлѣ и маѣ 1727 года. Совершенно такъ же, какъ Меншиковъ устранилъ отъ всѣхъ правъ дочерей Екатерины и зятя ея, герцога гольштинскаго, Бирономъ старался устранить отъ участія въ дѣлахъ ближайшихъ родственниковъ императрицы Анны, ея племянницу и герцога Антона-Ульриха. Вопросъ о томъ, не желала-ли Екатерина въ послѣдніе дни жизни назначить преемницею одну изъ дочерей, остается открытымъ. То же самое, въ сущности, случилось и съ Анною Іоанновною. Въ точности неизвѣстно, какъ она относилась къ вопросу о регентствѣ. Быть можетъ, распоряженіе ея въ пользу регентства было фиктивнымъ.

Биронъ разсказываетъ въ своей запискѣ «Motifs de la disgrace» и пр., что Анна Іоанновна съ первой минуты опасной болѣзни была занята мыслью объ устройствѣ дѣлъ на случай ея кончины и что она послала графа Левенвольде къ графу Остерманну съ порученіемъ подумать о томъ, какъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи [1]). Затѣмъ, когда министры высказались въ пользу правъ Іоанна Антоновича, Анна будто подробно объясняла, почему она не можетъ довѣрить власть ни Аннѣ Леопольдовнѣ, ни Антону-Ульриху. Далѣе, подписавъ указъ о назначеніи Іоанна Антоновича наслѣдникомъ престола, императрица, по разсказу Бирона, въ бесѣдѣ съ нимъ, сожалѣла о томъ, что она не могла достаточно наградить его за оказанныя ей въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ услуги, что на этотъ счетъ Мюннихъ внушилъ ей нѣкоторую мысль, о которой она

---

[1]) Будто Анна сказала Бирону при этомъ случаѣ: «Combien ma reputation ne souffrira-t-elle point après ma mort d'avoir quitté l'empire dans une si étrange conjoncture?» т.-е. безъ распоряженія (!??).

думала ночью и пр. [1]). Разумѣется, вопросъ касался регентства. Бирономъ разсказываетъ подробно, какъ всѣ упрашивали, умоляли его сдѣлаться регентомъ и какъ Анна тотчасъ же хотѣла подписать манифестъ о назначеніи его. «Я умолялъ императрицу», сказано далѣе въ запискѣ Бирона, «не подписывать манифеста [2]), и она положила бумагу подъ свою подушку. И въ слѣдующіе дни она постоянно желала подписывать, но, не смотря на то, что она настаивала, я ее отклонялъ отъ исполненія этого намѣренія». Это замедленіе заставило сановниковъ, какъ разсказываетъ Бирономъ, назначить его регентомъ, независимо отъ рѣшенія императрицы; объ этомъ проектѣ Бирономъ будто узналъ сравнительно поздно и высказалъ свое удивленіе такому образу дѣйствій; наконецъ, императрица подписала бумагу.

Все это противорѣчитъ разсказамъ другихъ современниковъ. Соловьевъ сообщаетъ очевидно на основаніи архивныхъ данныхъ слѣдующее [3]): «Когда императрицѣ поднесенъ былъ для подписанія манифестъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ и когда всѣ подписавшіе бумагу, кромѣ Бирона, выходили изъ спальни, Мюнихъ остановился и, держась за ручку двери, рѣшился сказать больной: «Милостивая императрица! Мы согласились, чтобы герцогу быть нашимъ регентомъ: мы просимъ о томъ подданнѣйше». Больная ничего не отвѣчала, и когда Мюнихъ вышелъ, спросила у Бирона, что такое говорилъ фельдмаршалъ? Бирономъ не рѣшился повторить словъ Мюниха и отвѣчалъ, что самъ ничего не слыхалъ [4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эпизодъ относится къ первымъ днямъ опасной болѣзни Анны. Легко возможно, что въ это время шансы принцессы Анны Леопольдовны превосходили шансы Бирона. Манштейнъ разсказываетъ, что во все время болѣзни Анны Іоанновны принцессу Анну не оставляли съ нею наединѣ [5]), тогда какъ Бирономъ разсказываетъ, что бывшія у императрицы лица удалялись каждый разъ, какъ скоро являлась къ ней племянница [6]). Прусскій посланникъ Мардефельдъ, узнавшій разныя

---

[1]) Бюшинговъ Сборникъ, IX, 389.

[2]) «Je la suppliai de n'en rien faire, mais que si elle voulait bien récompenser mes petits services, la bonté de s'épargner la peine de la signature me tiendrait lieu de tout dédommagement» (!!?). Тамъ же, 390.

[3]) Очень часто при такихъ изслѣдованіяхъ намъ приходится сожалѣть о неясности ссылокъ Соловьева.

[4]) Соловьевъ, XX, 441—442.

[5]) Манштейнъ, нѣм. изд. (Лейпцигъ, 1771), стр. 357.

[6]) Chaque fois qu'elle entrait dans la chambre, nous en sortions tous par respect. Buschings Magazin, IX, 391.

частности этихъ событій отъ герцога брауншвейгскаго, Антона-Ульриха, доносилъ Фридриху Великому тотчасъ же послѣ кончины Анны Іоанновны (18 (29) октября): «Если бы ея имп. величество умерла 6 (17) октября, на второй день болѣзни, то, безъ всякаго сомнѣнія, принцесса Анна была-бы провозглашена регентшею; но какъ искусство медика позволило надѣяться на выздоровленіе и продолжило жизнь больной еще на нѣсколько дней, то нашли время дать всему другой видъ» [1]).

О личномъ отношеніи императрицы къ племянницѣ сохранились лишь скудныя данныя. Изъ писемъ леди Рондо видно, что Анна Іоанновна любила принцессу и обращалась съ нею съ нѣкоторою нѣжностью. Въ то время, когда императрица заболѣла опасно, и принцесса была нездорова. Анна Іоанновна, какъ разсказываютъ, сильно безпокоилась, считая положеніе принцессы опаснымъ. Узнавъ, однако, что, въ сущности, болѣзнь принцессы не имѣла значенія, императрица разсердилась на нее за то, что понапрасну причинила ей безпокойство. Анна Іоанновна, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, даже была раздражена тѣмъ, что племянница рѣдко приходила къ ней въ это время [2]). По разсказу Бирона, императрица была недовольна тѣмъ, что лица, ее окружавшія, удалялись каждый разъ, когда къ ней приходила племянница, и что она, говоря о принцессѣ, употребляла сильныя выраженія [3]).

О какомъ-либо вліяніи Анны Леопольдовны или Антона-Ульриха на умирающую императрицу не могло быть рѣчи. Гораздо болѣе значилъ Биронъ, но и онъ какъ-то сначала не имѣлъ успѣха по вопросу о регентствѣ. Анна Іоанновна, какъ кажется, не считала своего положенія опаснымъ. Мардефельдъ писалъ, что она даже за 15 минутъ до своей кончины не думала о смерти [4]). Вѣроятно, это обстоятельство заставляло ее откладывать рѣшеніе вопроса о регентствѣ. Ей, вѣроятно, не говорили о близко предстоящей кончинѣ. Вотъ почему въ средѣ сторонниковъ Бирона родилась мысль рѣшить вопросъ о назначеніи Бирона регентомъ помимо Анны Іоанновны.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ редакторомъ проекта манифеста о регентствѣ былъ Бестужевъ [3]), по другимъ—Остерманъ [5]). Какъ

[1]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 382.

[2]) Яковлевъ, «Жизнь правительницы Анны». Спб. 1814, стр. 6—7. Тутъ сказано, что именно по этому поводу принцесса не была назначена преемницею на престолъ (!?).

[3]) «Elle était fâchée de notre retraite, et il lui échappait sur le compte de la Princesse des expressions que je passe sous silence», «Motifs de la disgrace» у Бюшинга, т. IX, стр. 391.

[4]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 284.

[5]) Соловьевъ, XX, 442.

[6]) Донесеніе Нолькена въ Стокгольмскомъ архивѣ отъ 21-го октября.

бы то ни было, когда эта бумага была представлена императрицѣ, она ея не подписала, и документъ пролежалъ такъ нѣсколько дней. По донесеніямъ Нолькена, Анна, наконецъ, подписала манифестъ 15-го октября и велѣла своей каммерфрау Юшковой спрятать бумагу въ шкатулкѣ съ драгоцѣнными вещами [1]). По Соловьеву, Анна подписала 16-го октября, т.-е. за день до кончины [2]). Бирон говоритъ, что при этомъ присутствовали онъ и Остерманнъ и что послѣдній тотчасъ же, у постели умирающей, запечаталъ пакетъ, заключающій документъ [3]). Также Пецольдъ разсказываетъ, что императрица послала за Остерманномъ, желая его присутствія при снабженіи подписью документа [4]).

Частности, сюда относящіяся, не лишены значенія въ виду того обстоятельства, что тотчасъ же послѣ кончины императрицы и объявленія Бирона регентомъ возникли слухи о нѣкоторой неправильности хода дѣла. И въ средѣ русскихъ людей, и между иностранными дипломатами эти слухи произвели нѣкоторое волненіе.

Манштейнъ пишетъ: «Увѣряютъ, что императрица подписала, не зная о содержаніи документа» [5]). Нолькенъ доносилъ тотчасъ же послѣ кончины Анны: «Особенно странно то, что Бирон сдѣлался регентомъ безъ вѣдома императрицы и вопреки ея опредѣленіямъ» [6]). Въ письмѣ Нолькена къ предсѣдателю государственной канцеляріи сказано: «Многіе думаютъ, что въ рѣшеніи о регентствѣ что-то неладно. Точно неизвѣстно, подписала-ли императрица или нѣтъ, или не было-ли сдѣлано ею совершенно противоположнаго распоряженія» [7]). 5-го декабря Нолькенъ писалъ уже послѣ паденія Бирона: «Конституція, въ силу которой Бирон былъ сдѣланъ регентомъ, оказывается подлогомъ [8]). То, что было подписано императрицею 15-го октября, было совсѣмъ другого содержанія, чѣмъ то, что было объявлено 18-го. Анна 15-го октября не была вовсе въ состояніи подписывать бумагу. Рождается вопросъ, не фальшива-ли подпись? Очень многіе убѣждены въ этомъ». Въ донесеніи Нолькена отъ 12-го декабря сказано: «Яковлевъ [9]) утверждаетъ, что между

---

[1]) Донесеніе Нолькена отъ 19-го октября.
[2]) Соловьевъ XX, 442.
[3]) Büsching, IX,391.
[4]) Herrmann, IV, 647.
[5]) Манштейнъ, нѣм. изд., Лейпцигъ, 1774, стр. 357.
[6]) Донесеніе къ королю отъ 17 октября.
[7]) Депеша Нолькена отъ 21 октября.
[8]) Crimen falsi.
[9]) О Яковлевѣ будетъ рѣчь ниже. Онъ былъ арестованъ по приказанію

документомъ отъ 15-го октября, переписаннымъ имъ самимъ, и манифестомъ, публикованнымъ 18-го октября, была разница [1]). Шетарди былъ убѣжденъ, что тутъ происходила продѣлка, и обѣщалъ тому, кто докажетъ это, 200 червонцевъ. Нолькену говорили, что Анна не подписывала бумаги, и что развѣ только существуетъ какой-то лоскутокъ бумаги съ подписью императрицы, который впослѣдствіи былъ редактированъ Остерманномъ. Во всякомъ случаѣ, число, 6-е октября, на манифестѣ считалось фальсификаціею, такъ какъ документъ не могъ быть подписанъ раньше 15-го [2]). Также и австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ считалъ дѣло о регентствѣ Бирона подлогомъ [3]). Мардефельдъ писалъ 21 октября (1 ноября): «Недовѣрчивые сомнѣваются, чтобы императрица подписала распоряженіе, которое теперь всенародно объявлено» [4]). 25 октября (5 ноября) прусскій посланникъ доносилъ: «Кабинетъ-секретарь (Андрей Яковлевъ), очень честный человѣкъ, сейчасъ арестованъ за открытіе, что подпись императрицы подложна» [5]).

Подробности слѣдствій, произведенныхъ надъ Яковлевымъ, а затѣмъ надъ Бирономъ, недостаточно извѣстны для того, чтобы судить о мѣрѣ основательности этихъ слуховъ. Настоящаго подлога, вѣроятно, не было; но, во-первыхъ, вопросъ о вмѣняемости императрицы за день или за два дня до кончины, въ минуту снабженія документа подписью, можетъ считаться открытымъ, во-вторыхъ же, не подлежитъ сомнѣнію, что было неправильно показывать заднимъ числомъ столь важный документъ, подписанный не въ началѣ болѣзни Анны, а развѣ наканунѣ ея кончины. Мардефельдъ писалъ 28 октября (8 ноября): «Я увѣренъ, что указъ, касающійся дѣлъ правленія, не былъ подписанъ императрицею, не смотря на нижеслѣдующее: когда императорскій резидентъ Гогенгольцъ изъ усердія или изъ простого любопытства спросилъ графа Остерманна, въ какой день покойная императрица подписала завѣщаніе? то получилъ въ отвѣтъ, что она сдѣлала это въ тотъ самый день, который объявленъ въ печатномъ указѣ, что онъ тогда же запечаталъ его и положилъ въ бюро въ присутствіи императрицы, такъ какъ въ

Бирона и подвергнутъ пыткѣ за такія рѣчи, а затѣмъ, послѣ паденія Бирона, онъ допрашивалъ павшаго регента въ Шлиссельбургѣ.

[1]) Донесеніе Нолькена отъ 12 декабря.

[2]) Донесеніе Нолькена отъ 24 октября.

[3]) Депеша Шетарди отъ 21 октября въ Сборникѣ Имп. Ист. Общества т. XCII. стр. 13.

[4]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 283.

[5]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 284.

это время еще льстили себя надеждою, что она выздоровѣетъ» [1]). Не даромъ въ статьѣ Бюшинга «О причинахъ перемѣнъ правительствъ въ домѣ Романовыхъ» было обращено вниманіе на то обстоятельство, что на документѣ, обнародованномъ 18-го октября, было показано число 6-го октября [2]). Эта неправильность, фальшивая дата на столь важномъ документѣ, быть можетъ, породила слухъ о подлогѣ.

Впрочемъ, въ Россіи незадолго до этого бывали случаи неправильныхъ дѣйствій выкопоставленныхъ лицъ, съ цѣлью завладѣнія престоломъ. При воцареніи Екатерины I ссылались на желаніе Петра Великаго имѣть супругу преемницею, между тѣмъ какъ никакого распоряженія въ пользу Екатерины не было сдѣлано, и она вступила на престолъ, быть можетъ, прямо вопреки видамъ Петра [3]). Когда умиралъ Петръ II, Долгорукіе серьезно мечтали о сочиненіи духовнаго завѣщанія государя въ пользу невѣсты Петра, княжны Долгорукой, при чемъ братъ ея, Иванъ, изъявилъ готовность поддѣлать подпись. «Я умѣю подъ руку государеву подписываться», говорилъ онъ родственникамъ и доказалъ это, написавъ «Петръ» [4]). Фальсификація не состоялась, но проектъ ея точь-въ-точь походилъ на частности, о которыхъ ходили слухи по поводу кончины Анны Іоанновны. Бывали и въ позднѣйшее время случаи такихъ слуховъ объ искаженіи истины съ цѣлью воцаренія такого лица, котораго не желало имѣть преемникомъ умирающее лицо. Многіе современники въ концѣ XVIII-го вѣка были убѣждены въ томъ, что императрица Екатерина II назначила своимъ преемникомъ не Павла, а Александра, и что сдѣланное ею на этотъ счетъ распоряженіе какъ-то исчезло, быть можетъ, благодаря интригѣ графа Безбородки и пр. [5]).

VI.

Начало регентства Бирона.

Сохранились разсказы о послѣднихъ словахъ, съ которыми, будто, умирающая императрица Анна Іоанновна обратилась къ Бирону. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, она сказала ему: «Не бось» [6]). по дру-

[1]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 285.

[2]) Бюшингъ, I, стр. 26.

[3]) См. нѣкоторыя частности по этому вопросу въ моей статьѣ «Императрица Екатерина I», въ «Вѣстникѣ Европы», январь 1894, стр. 122 и слѣд.

[4]) Соловьевъ, XIX, стр. 235.

[5]) См. мое сочиненіе о Екатеринѣ II, главу «Вопросъ о престолонаслѣдіи», стр. 774 и слѣд.

[6]) Донесеніе Финча въ LXXXV-мъ томѣ Сборника Ист. Общ., депеша отъ 18—29 октября.

*

гимъ: «Бирон, Бирон, ты стремишься къ своей погибели!» [1]) Такіе анекдоты едва-ли заслуживаютъ вниманія.

Какъ бы то ни было, объявленіе о регентствѣ Бирона озадачило многихъ. Весьма любопытны замѣчанія Нолькена въ его донесеніи отъ 18 октября: «У русскихъ,—писалъ шведскій дипломатъ,—многое происходитъ совсѣмъ иначе, какъ у другихъ народовъ. Регентство Бирона должно считаться страннымъ политическимъ явленіемъ. Многіе очень недовольны. Русскіе утверждаютъ, что Бирон употребилъ во зло довѣріе императрицы и заставилъ ее нарушить права ея близкихъ родственниковъ, что онъ измѣнилъ прежнее постановленіе, въ силу котораго долженъ былъ состояться совѣтъ правленія, въ которомъ участвовали бы русскіе. Утверждаютъ, что Россія никогда не находилась въ столь отчаянномъ положеніи, какъ нынѣ. Сторонники принцессы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха находятъ, что герцогъ брауншвейгскій сдѣлалъ ошибку, вступивъ въ бракъ съ Анною Леопольдовною, такъ какъ онъ теперь долженъ будетъ состоять какъ бы первымъ лакеемъ Бирона. Въ качествѣ отца императора онъ имѣетъ большее право, нежели Бирон. Самъ герцогъ курляндскій долженъ былъ бы позаботиться о безопасности своего семейства, предоставивъ регентство герцогу брауншвейгскому и, тѣмъ самымъ, снискавъ дружбу отца императора. Самою сильною должна считаться партія Елизаветы Петровны; у нея гораздо болѣе приверженцевъ, нежели у Анны Леопольдовны. Говорятъ, что ея сторонники рѣшительно отказались подписать документъ, въ которомъ предлагалось назначить Бирона регентомъ. Хотя нынѣ,—продолжаетъ Нолькенъ,—власть регента признана всѣми безъ малѣйшаго шума, все-таки находятъ, что его образъ дѣйствій нисколько не соотвѣтствуетъ его собственнымъ интересамъ. Онъ побуждаемъ исключительно честолюбіемъ и привычкою властвовать. Полагаютъ, что онъ не можетъ вернуться въ Курляндію, потому что тамъ онъ не справился бы съ дворянствомъ, которое его ненавидитъ,» и пр. [2]).

Сообщая Фридриху II объ объявленіи Бирона регентомъ, Мардефельдъ писалъ 21 октября (1 ноября): «Правда, что никто изъ иностранныхъ министровъ за два дня до кончины императрицы не ждалъ подобной развязки, такъ какъ его свѣтлость лютеранинъ и вассалъ Польши. Тѣмъ не менѣе, всѣ дали ему и супругѣ его титулъ *Hoheit* и вообще оказываютъ ему еще большее почтеніе, чѣмъ при жизни императрицы». Въ другой депешѣ Мардефельда сказано: «Для того, чтобы сдѣлаться регентомъ, гер-

[1]) Яковлевъ. «Жизнь правительницы Анны», стр. 10.
[2]) Стокгольмскій архивъ.

цогъ курляндскій не только воспользовался своимъ неожиданнымъ (sic!) вліяніемъ на покойную императрицу, но и фельдмаршаломъ Мюнихомъ, Бестужевымъ съ его единомышленниками и даже семействомъ Трубецкихъ, чрезъ посредство которыхъ онъ привлекъ на свою сторону принца гомбургскаго, пользующагося любовью гвардейскихъ полковъ. Вотъ смѣлое предпріятіе, равняющееся поступку Кули-хана [1]): 17 лѣтъ деспотизма, девятинедѣльный ребенокъ, который можетъ умереть кстати, чтобы уступить престолъ регенту, болѣе способному къ управленію государствомъ, чѣмъ всякій другой, такъ какъ онъ уже съ давнихъ поръ предписывалъ законы русскому народу, привыкшему повиноваться его приказаніямъ, регенту, который можетъ поставить себѣ въ заслугу обѣщанія пріобрѣсти Курляндію для Россіи. Эта внѣшняя сторона, конечно, прекрасна; но, съ другой стороны, если принять въ соображеніе, что онъ оскорбилъ всю императорскую фамилію, а особенно принца брауншвейгскаго, которому позволилъ видѣться съ ея величествомъ императрицею только одинъ разъ во время болѣзни, что народъ не терпитъ его, что тѣ, которые, повидимому, дѣйствуютъ въ его интересахъ и которые способствовали его настоящему возвышенію, сдѣлали это только ради своихъ личныхъ выгодъ и съ намѣреніемъ ввести республиканское правленіе послѣ того, какъ свергнутъ своего благодѣтеля, средствомъ къ чему послужитъ война со Швеціею, дѣлающаяся почти неизбѣжною послѣ сегодняшней катастрофы,—война, которая причинитъ, вѣроятно, внутреннія смятенія. Можно предположить, что герцогъ курляндскій поднялся на такую высоту только для того, чтобы совершить тѣмъ большее паденіе. Можетъ быть даже, паденіе его ближе, чѣмъ полагаютъ, и мы не увѣрены въ томъ, чтобы въ первые же дни не произошло возмущенія, которое не обойдется безъ кровопролитія. Я замѣтилъ, что всѣ возвращавшіеся изъ дворца шли съ печальными лицами и нѣкоторые покачивали головою. Все совершилось противъ воли графа Остерманна, и въ это правленіе онъ не будетъ имѣть никакого голоса въ совѣтѣ. Впрочемъ, довольно странно, что вассалъ Польши будетъ регентомъ или даже государемъ Россіи».

Таковъ отзывъ прусскаго посланника о положеніи дѣлъ въ минуту перемѣны на престолѣ. Было опасно сообщать такія извѣстія. Мардефельдъ прибавляетъ: «Не смѣя, не смотря на

[1]) Кули-ханъ, бывшій предводитель разбойничьей шайки въ Персіи, сдѣлался замѣчательнымъ полководцемъ, свергнулъ шаха Тамаспа съ престола и былъ виновникомъ воцаренія малолѣтняго сына Тамаспа, Аббаса III. Это случилось въ 1732 г. По смерти Аббаса III, Кули-ханъ (въ 1736 г.) сдѣлался персидскимъ шахомъ подъ именемъ Шахъ-Надира.

шифровку, послать эту реляцію по почтѣ, я поручилъ ее подполковнику Вартенбергу» [1]).

И маркизъ де-ла-Шетарди считалъ положеніе Бирона опаснымъ и его образъ дѣйствій крайне неосторожнымъ и чуть-ли не прямо безумнымъ. Въ депешѣ французскаго дипломата отъ 18-го (29-го) октября сказано: «Русскіе думаютъ, что Биронъ опозорилъ ихъ монархиню въ глазахъ всей Европы и покрылъ ее вѣчнымъ стыдомъ. Они раздражены по поводу несправедливаго обращенія съ принцессою Елизаветою. Если уже вообще стать во главѣ государства иностранцу, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ назначить герцога Антона-Ульриха или герцога гольштинскаго Петра-Ульриха. Униженное положеніе, въ которомъ очутился герцогъ брауншвейгскій, невыносимо для имперскаго резидента и для прусскаго посланника. Биронъ до того привыкъ властвовать, что теперь растерялся и готовъ идти навстрѣчу явной погибели» и пр. [2]).

Такого же мнѣнія придерживался и Нолькенъ. Въ его депешѣ отъ 18-го (29-го) октября сказано: «Мюнних, какъ полагаютъ, дѣйствовалъ съ задней мыслью, желая увлечь Бирона въ слишкомъ опасное предпріятіе. Многіе думаютъ, что Биронъ недолго удержится на своемъ мѣстѣ, въ виду правъ обѣихъ принцессъ (Анны Леопольдовны и Елизаветы); онъ служитъ предметомъ тайной, но всеобщей ненависти всего народа. Къ тому же есть и религіозныя предубѣжденія противъ регента, не исповѣдующаго православія; далѣе, и прусскій и вѣнскій дворы направлены противъ него; наконецъ, жестокость и высокомѣріе Бирона сдѣлаются роковыми для него. Есть, впрочемъ, люди, которые не раздѣляютъ этихъ опасеній, утверждая, что Анна Іоанновна рѣшила вопросъ совершенно законнымъ образомъ, что принцессы не располагаютъ ни денежными средствами, ни политическою партіею, что Остерманъ будетъ поддерживать и эту власть, какъ всякую иную, желая лишь продолжать карьеру, что Мюнних будетъ доволенъ, лишь бы Биронъ уступилъ ему часть авторитета, что вѣнскій и берлинскій кабинеты, какъ видно изъ примѣра карьеры Кромвеля, не рѣшатся дѣйствовать и пр.» [3]).

Понятно, что такія депеши были шифрованы и отправлялись частнымъ образомъ по совсѣмъ надежнымъ «окказіямъ». Иначе писали дипломаты въ донесеніяхъ, которыя могли попасть въ

---

[1]) «Др. и н. Россія», 1876, II, 282—283.

[2]) «Semblable à un homme, qui se noie et qui perdant la tramontane néglige souvent le secours qui le sauverait pour recourir à celui qui fait sa perte». Сб. Ист. Общ., т. LXXXVI, стр. 570.

[3]) Стокгольмскій архивъ.

руки Бирона. Такъ напр. въ такой депешѣ Мардефельда отъ 18-го (29-го) октября же сказано: «Увѣряютъ, будто гвардія умоляла покойную императрицу назначить герцога регентомъ, и его высочество не могъ отказаться отъ этого бремени послѣ настойчивыхъ просьбъ своей благодѣтельницы и войскъ... Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ государствѣ гораздо лучше, чтобы власть сосредоточивалась въ рукахъ одного человѣка, нежели чтобы было правительство, состоящее изъ многихъ членовъ» [1]).

Оффиціальною ложью могло считаться также многое сказанное и въ манифестѣ о назначеніи Бирона регентомъ, и въ рѣчи, произнесенной имъ тотчасъ же послѣ кончины императрицы Анны Іоанновны.

Въ манифестѣ, напечатанномъ 18-го октября, было сказано, между прочимъ: «И яко, съ одной стороны, такое регентское правленіе его любви [2]) герцогу курляндскому натуральнымъ образомъ неинако какъ тягостно и трудно быть можетъ, и онъ сію тягость принять изъ единой къ намъ и государству и подданнымъ нашимъ любви и ревности склонился, тако и съ другой стороны, ежели-бъ такія обстоятельства, како въ разсужденіи собственнаго его любви состоянія, такъ и другихъ въ тягость ему приключающихся околичностей случились, что онъ правленіе регентское необходимо снизложить пожелалъ, то мы на оное снизложеніе ему всемилостивѣйше соизволяемъ, и въ такомъ случаѣ ему, регенту, съ общаго совѣту и согласія кабинета, сената, генералъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета, учредить такое правленіе, которое бы въ пользу нашей имперіи и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ до вышеписанныхъ наслѣдника нашего уреченныхъ лѣтъ продолжиться могло. И учиня такое учрежденіе, можетъ онъ, регентъ, по своему соизволенію, или здѣсь остаться, или въ свое герцогство возвратиться» и пр. [3]).

Иностранные дипломаты сообщили рѣчь, произнесенную Бирономъ при взятіи на себя должности регента. Онъ сказалъ, между прочимъ, что не ради своего удовольствія, но единственно изъ уваженія и повиновенія къ настоятельнымъ убѣжденіямъ и приказаніямъ покойной императрицы, которой онъ такъ многимъ обязанъ, взялъ онъ на себя тяжелое бремя правленія, что онъ будетъ управлять со всевозможнымъ радѣніемъ, чтобы сдѣлать счастливою и цвѣтущею Русскую имперію, а также положеніе

---

[1]) «Др. и н. Россія», 1876, II, стр. 200

[2]) Переводъ нѣмецкаго термина «Seiner Liebden».

[3]) Соловьевъ, XXI, стр. 7—8.

каждаго частнаго лица; что у него не будетъ фаворитовъ, что всѣмъ онъ будетъ оказывать справедливость безъ всякаго интереса, не изъ личныхъ видовъ или особеннаго расположенія и что онъ будетъ считать ихъ своими братьями и любить ихъ, какъ таковыхъ и пр.[1]). При другомъ случаѣ, Бирономъ также говорилъ въ эти дни, что, имѣя доходъ въ размѣрѣ 400.000 рублей, въ качествѣ герцога курляндскаго, онъ могъ бы удалиться спокойно изъ Россіи, но что онъ остался только потому, что знаетъ о любви народа, привязанность котораго доходитъ до того, что онъ преспокойно можетъ ложиться спать среди бурлаковъ [2]).

Впрочемъ, нѣкоторыя мѣры, принятыя Бирономъ въ самое первое время регентства, по отзыву Нолькена и Мардефельда, производили въ самомъ дѣлѣ благопріятное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, прусскій дипломатъ доносилъ: «Его высочество особенно старательно относился къ дѣламъ, чтобы устроить ихъ какъ можно полезнѣе и выгоднѣе для имперіи. Многіе изъ русскихъ, которые прежде нелестно отзывались о распоряженіяхъ императрицы касательно регентства, въ настоящее время стали самыми рьяными приверженцами его и находятъ, что только регентъ способенъ управлять кормиломъ правленія». Въ другой депешѣ Мардефельда сказано: «Всѣ расточаютъ похвалы герцогу-регенту, потому что онъ сильно заботится о благосостояніи имперіи. Онъ трудолюбивъ донельзя, и съ тѣхъ поръ, какъ предсѣдательствуетъ въ кабинетѣ, все изготовляется тамъ съ необычайною скоростью. Онъ подписалъ указъ немедленно набрать рекрутовъ, чтобы пополнить армію» и пр. Въ депешѣ Мардефельда, писанной наканунѣ паденія Бирона, сказано: «Его высочество не только занимается съ кабинетъ-министрами, но и ѣздитъ довольно часто самъ въ сенатъ, что производитъ хорошее дѣйствіе, потому что лѣнивые, воодушевленные его примѣромъ, становятся трудолюбивыми, и въ настоящее время въ недѣлю приготовляютъ больше дѣлъ, чѣмъ прежде въ теченіе года... Говорятъ, будто регентъ рѣшилъ откладывать доходы съ соловаренъ, доходящіе ежегодно до 800.000 рублей и поступавшіе прежде въ личное распоряженіе покойной императрицы, для того, чтобы составить изъ нихъ родъ запаснаго капитала» [3]).

---

[1]) Мардефельдъ въ «Др. и н. Россіи», 1876, II, 285, и Нолькенъ въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[2]) «Er könne sich ruhig unter die Burlaquens schlafen legen». Нолькена депеша отъ 3 (14) ноября 1740 г.

[3]) Депеши Мардефельда отъ 1 (12), 4 (15) и 8 (19) ноября въ «Др. и н. Россіи» 1876, II, 285 и 392.

А. Брикнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБМАНУТЫЯ НАДЕЖДЫ.

I.

Это было лѣтъ двадцать тому назадъ. По галлереѣ большого стариннаго помѣщичьяго дома, увѣшанной пучками сухихъ растеній и уставленной котомками и ящиками съ травами, носилась взадъ и впередъ крошечная худенькая женщина лѣтъ тридцати пяти. Когда тѣнь отъ длиннаго ряда пучковъ падала на ея лицо и скрывала сѣдину, еще въ ранней молодости подернувшую пепломъ богатыя золотистыя косы ея, то ее можно бы было принять за молодую дѣвушку. Линіи правильнаго овала лица были такъ чисты, а рѣзкія черты, проведенныя горемъ около губъ, кидались въ глаза только, когда она выступала изъ затѣненной стороны галлереи на солнечную полосу, ярко прорѣзывавшую тѣнь. Въ большихъ темно-сѣрыхъ глазахъ съ длинными черными загнутыми кверху рѣсницами уцѣлѣло такъ много хорошаго огня молодости, хотя глаза эти не столько плакали, сколько горѣли отъ невыплаканныхъ слезъ. Неправильныя, тонкія и пріятныя черты, съ очень характернымъ абрисомъ губъ, носили выраженіе доброты и чистоты, чего-то одухотвореннаго; въ нихъ, какъ и во взглядѣ, смотрѣвшемъ вдаль, сохранилось что-то дѣвическое. Стройная, сухощавая, съ широкими плечами, державшаяся замѣчательно прямо, съ красивой посадкой головы на круглой шеѣ, неутомимая и подвижная, она, казалось, была, какъ говоритъ народъ, сбита молотками. Маленькими, крѣпкими, загорѣлыми руками она живо снимала и перебирала пучки, отряхивая ихъ надъ разложенными на большомъ досчатомъ столѣ газетными листами, отбрасывала непригодное, упаковывала въ картонные картузы и вѣшала новые пучки изъ травъ, которыми были

полны корзины. Ароматъ сухихъ травъ носился по галлереѣ и слегка дурманилъ голову.

Сегодня пересмотръ и окончательная уборка этихъ медикаментовъ не отличается обычною идеальною аккуратностью, какую Анна Петровна Каринская вносила во всѣ тѣ дѣла, въ которыя вкладывала она частицу души. Да и затѣяно-то это дѣло сегодня только для того, чтобы угомонить назойливо-тревожное чувство неопредѣленнаго не то ожиданія, не то страха передъ неизвѣстнымъ новымъ и тяжелымъ горемъ. Это чувство томило ее глухо съ того самаго дня, когда она проводила Митю, сына единственнаго умершаго брата, въ Петербургъ для поступленія въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи курса реальной гимназіи губернскаго города Роевска.

Какъ ни помяла жизнь Анну Петровну, она имѣла полное право говорить о себѣ, что она „не нервная и суевѣрная баба“. Такой бабой не могла быть дочь Петра Алексѣевича Тарасова, „лучшаго человѣка въ мірѣ, учителя и вождя“—это опредѣленіе было неразрывно связано въ ея душѣ съ именемъ отца. Но сегодня она ловила себя на „нервничаньѣ“. Она спутала ярлыки на картузахъ, пучки плохо связывались, руки опускались, и глаза безцѣльно останавливались на какой-нибудь точкѣ пространства. Сегодня она ждала письма отъ Мити, и письмо это навѣрно принесетъ горе. Анна Петровна крѣпко вѣрила въ свое чутье будущаго—слова *предчувствіе* она не терпѣла—и надо сказать, что въ крупныхъ событіяхъ ея жизни ея не обманывало это чутье, „смѣсь безсознательнаго мышленія, проницательности и горькаго опыта“, какъ она шутливымъ тономъ опредѣляла его въ минуты философствованія съ друзьями.

Въ послѣднюю недѣлю, проведенную Митей дома, она замѣтила въ немъ что-то такое, чему она не находила еще словъ, но отъ чего на сердцѣ ея становилось какъ-то холодно и жутко. Митя началъ задумываться, бродить одинъ по темнымъ аллеямъ сада, и это вовсе не было потребностью отдаться въ уединеніи раздумью о жизни,—нѣтъ! Анна Петровна всѣмъ материнскимъ сердцемъ своимъ чувствовала, что не этотъ признакъ душевнаго роста гналъ ея Митю въ темныя аллеи. Въ такомъ случаѣ не былъ бы Митя столь угрюмъ и раздражителенъ, не избѣгалъ бы ея любяще-вопрошавшаго взгляда.

Размолвкѣ съ Катей, ея воспитанницей, „родной дочерью по душѣ“, нельзя было приписать эту угрюмость: въ послѣднюю недѣлю ихъ дѣтская невысказанная любовь такъ и пробивалась наружу. Нѣтъ, было другое... Оборвались привычныя задушевныя бесѣды, когда они втроемъ фантазировали о будущемъ, строили планы, какъ лучше жить „по-тарасовски“, такъ, какъ завѣщалъ ей ея незабвенный отецъ и учитель. Митя, котораго она такъ любила, какъ любила бы свою единственную дочь, если бы та была жива,—сталъ не тотъ. Душа его закрывалась для нея. Исчезли тѣ свѣтлыя, хорошія минуты, когда имъ втроемъ и безъ словъ жилось такъ отрадно. Надвигалась какая-то туча...

Анна Петровна порывисто встала и, чуть не сбросивъ на землю газетный листъ съ горой сушеныхъ корней, стала смотрѣть вдаль, заслонивъ рукой глаза отъ заходящаго солнца. Какъ долго не ѣдетъ Катя. Не случилось-ли чего? Увлеклась, забыла обѣщаніе не скакать черезъ канавки и изгороди... Неужели еще горе?.. Хорошо, что ловка, сильна и не растеряется въ бѣдѣ эта сорви-голова... Анна Петровна въ десятый разъ посмотрѣла на часы. Поѣздъ приходитъ въ четыре часа, — до станціи двѣнадцать верстъ. Давно должна быть дома. Скоро семь.

Домъ былъ построенъ на высокомъ холмѣ. Съ галлереи открывался видъ на рѣчку, которая крутыми изгибами то пропадала, то сверкала стекломъ между зелеными лугами и прибрежными камышами. На другомъ берегу, вдоль чернѣвшихся только-что вспаханныхъ полей, бѣлѣлась пыльной лентой проселочная дорога. Тамъ, вдали, гдѣ дорога терялась на чертѣ западной полосы неба, озаренной розово-золотымъ огнемъ опускавшагося солнца, показалась темная, движущаяся точка; она росла, быстро неслась впередъ. Вскорѣ можно было разглядѣть на половину розовое, на половину черное пятно. Это Катя на „Воронкѣ“. Анна Петровна сбѣжала по крутому скату холма къ берегу и остановилась ждать у брода. Катя, размахивая письмомъ въ высоко поднятой правой рукѣ, во весь опоръ мчалась по лугу къ рѣчкѣ, минуты черезъ три, разбрызгивая воду, проскакала по броду и очутилась возлѣ Анны Петровны. Передавъ ей толстый конвертъ, она соскочила съ „Воронкà“, который, потянувшись головой къ Аннѣ Петровнѣ, потерся мягкими гу-

бами о плечи ея, ожидая привычной ласки; но, видя, что на него не обращаютъ вниманія, галопомъ помчался къ конюшнѣ.

— Поѣздъ опоздалъ, мама. Ты не очень безпокоилась?— спросила молодая дѣвушка.

Анна Петровна, въ волненіи разрывавшая конвертъ, на мигъ остановилась, любуясь своей Катей.

Да и нельзя было не любоваться ею: ее нельзя было назвать красивой, даже хорошенькой, судя по обычному шаблону красоты, но лицо ея, круглое, румяное, пышащее здоровьемъ, молочно-бѣлое у висковъ и ушей, покрытое розовымъ загаромъ, по своему выраженію было бы однимъ изъ „славныхъ русскихъ лицъ“. Большіе голубые глаза были хороши не столько формой и блескомъ, сколько взглядомъ, въ которомъ сверкала бойкость и живость счастливаго любимаго ребенка, свѣтилась дѣвическая чистота и правдивость. При первомъ взглядѣ на нее такъ и просилось на языкъ восклицаніе: эти глаза не лгутъ! Средняго роста, болѣе близкаго къ высокому, сильно и стройно сложенная, не смотря на остатокъ дѣтской рыхлости прежней толстушки, она только-что переступила черту, отдѣляющую дѣтство отъ дѣвичества. Она стояла возлѣ тетки, не спуская жадно блестѣвшихъ глазъ съ письма.

Анна Петровна сѣла на опрокинутый челнокъ и вся ушла въ письмо. Это было второе письмо съ половины августа, а теперь половина сентября. Первое съ лаконизмомъ телеграммы извѣщало о томъ, что Митя, благополучно прибывъ въ Петербургъ, еще осматривается, и не рѣшилъ, куда поступить. Анна Петровна поняла это такъ, что онъ колеблется между технологическимъ и земледѣльческой академіей. Полученное письмо было длинно, почеркъ крупнѣе обыкновеннаго, разгонистый, отъ волненія пострадала школьническая каллиграфія, выдающая несложившійся еще характеръ. „Милая тетя-мама, хоть я каждый день думалъ о тебѣ, но не писалъ такъ долго, потому что ничего не было рѣшено“...

Первая строка: „хоть каждый день думалъ о тебѣ“, была очевидно прибавлена послѣ, почти подъ самымъ заголовкомъ письма; „видно ради утѣшенія“, мелькнуло въ головѣ Анны Петровны. „И потому нечего было писать, т.-е. рѣшено было давно въ смыслѣ *опредѣленнаго и неизмѣннаго намѣренія*“...

эти три слова были подчеркнуты толстой чертой,—„но не рѣшено въ практическомъ смыслѣ. Было много конкуррентовъ, и я не хотѣлъ напрасно тревожить тебя, не зная, удастся-ли мнѣ получить мѣсто, которое открываетъ мнѣ широкій путь ко всему, чего я желаю, чего, полагаю я, желаемъ и всѣ мы“.

— Что, онъ здоровъ? Что пишетъ? Отчего мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ не писалъ?—не выдержавъ, спрашивала Катя.— Что онъ дѣлаетъ?

Румянецъ то вспыхивалъ полымемъ, то сбѣгалъ съ ея лица. Вся душа ея была во взглядѣ, которымъ она слѣдила за каждой чертой лица Анны Петровны.

— Не знаю. Душу тянетъ предисловіями,—отвѣчала Анна Петровна, не отрываясь отъ письма.

— Мнѣ нѣтъ письма?

Катя сама удивилась тому, какъ ей трудно было выговаривать этотъ простой вопросъ.

Анна Петровна перебрала листки и, подавъ одинъ листокъ Катѣ, снова тревожнымъ, жаднымъ взглядомъ пробѣгала строки.

„Я знаю твои взгляды, милая тетя. Можетъ быть, путь, избранный мною, будетъ тебѣ не по-сердцу. Но выборъ мой не фантазія, не увлеченіе молодости“... Анна Петровна вздрогнула, но тотчасъ успокоилась. „Нѣтъ, *этого* быть не можетъ, не та натура“... Она читала далѣе: „Я сдѣлалъ его послѣ собиранія свѣдѣній у компетентныхъ людей и зрѣлаго критическаго взвѣшиванья pro и contra. Я рѣшился на основаніи неопровержимыхъ фактическихъ данныхъ и тебѣ, милая тетя-мама, нечего тревожиться за меня. Ты не должна, не имѣешь (*права* было зачеркнуто и поставлено: повода) сдѣлать такое заключеніе, будто меня привело на этотъ путь нежеланіе учиться. Признаю, что знаніе есть сила, благотворная сила. Но сколько есть интеллигентной молодежи, не находящей примѣненія своему знанію, добытому дорогою цѣною, тяжелыми лишеніями, разстроеннымъ здоровьемъ—и это по неимѣнію необходимыхъ средствъ. Деньги тоже сила не меньшая, онѣ—рычагъ, на которомъ все вертится въ нашъ вѣкъ. Сколько разъ между тобою и твоими цѣлями стояло безденежье“...

Анна Петровна, скользнувъ глазами, перескочила черезъ

страничку дифирамба силѣ денегъ и другую — діатрибы противъ романическаго пренебреженія къ этой силѣ, и на послѣдней страницѣ, вся замирая, прочла, что ея Митя ѣдетъ въ Ташкентъ приказчикомъ при одномъ богатомъ купцѣ, „геніальномъ спекуляторѣ“, родственникѣ его товарищей по гимназіи Абросимовыхъ, изъ которыхъ средній ѣдетъ тоже. Принципалъ его—честный и надежный человѣкъ, съ крупнымъ капиталомъ и крѣпкимъ кредитомъ,—лучшаго руководителя на новомъ пути нечего и желать. Жалованье хорошее, съ перспективой увеличенія и извѣстный процентъ въ прибыли, размѣры котораго будутъ опредѣлены на мѣстѣ. Въ шесть лѣтъ онъ, Митя, можетъ, разсчитывая очень скромно, нажить тысячъ пятьдесятъ. Тогда онъ вернется: условіе съ принципаломъ на шесть лѣтъ. Въ концѣ было нѣсколько словъ сожалѣнія о томъ горѣ, какое его рѣшеніе принесетъ теткѣ, и сквозила досада отъ сознанія, что планъ его не будетъ одобренъ. Онъ обѣщалъ заѣхать на нѣсколько дней по дорогѣ вслѣдъ за письмомъ, если только тетя обѣщаетъ не колебать его рѣшенія, что было бы безполезно и только сдѣлало бы свиданіе ихъ тяжелымъ. Онъ хочетъ увезти только свѣтлыя воспоминанія о родномъ домѣ и о той, которая была ему матерью.

Руки, державшія письмо, опустились, Анна Петровна поникла головой. Сухой тонъ послѣднихъ строкъ рѣзанулъ ее, но какъ-то слегка; она не остановилась на этомъ, едва-ли замѣтила. Ея Митя, внукъ ея отца, святого учителя, уходитъ въ міръ наживы... Того-ли она ждала, къ этому-ли готовила?.. Эта мысль молотомъ била ей въ голову, давила сердце тисками...

Тихое всхлипыванье заставило ее оглянуться. Катя ничкомъ лежала на землѣ, прижавшись лицомъ къ челноку. Скомканный и изорванный листокъ былъ брошенъ на траву.

— Катя, дѣточка!

Анна Петровна приподняла голову молодой дѣвушки и положила къ себѣ на колѣни. Катя рыдала, какъ рыдаетъ молодость отъ перваго горя, когда кажется, что все кончено и солнце не засвѣтитъ никогда.

— Это ужасно! Мама! Мама, милая, какое несчастье!.. Какъ можетъ онъ бросить все, и для чего? И обманывалъ трусливо, подло!..

Катя вскочила на ноги, слезы высохли, и съ сверкающими глазами она заговорила быстро, горячо.

— Все лѣто надувалъ. То-то пересталъ ходить къ Нѣжинскимъ, готовиться,—тѣ вывели бы на чистоту... Злился, когда я посылала. Эти шушуканья съ Абросимовыми, которыхъ я терпѣть не могу... И вѣчные секреты, когда получалъ отъ нихъ письма... Какъ врагъ таился... И все, все бросаетъ изъ за денегъ... Ренегатъ!

— Онъ пишетъ, что не бросаетъ. Вотъ читай мое письмо.

Катя впилась глазами въ листки и вздохнула легко. Цѣли тѣ же, онъ на нихъ добудетъ средства... Значитъ, онъ не ренегатъ. Она напрасно оскорбила его!.. Когда она кончила, она замѣтила вопросъ во взглядѣ Анны Петровны, ожидавшей, что она покажетъ свое письмо. Но Катя, подобравъ лоскутья Митина письма, сунула его торопливо въ карманъ и, крѣпко обнявъ Анну Петровну, ласково приподняла ее, говоря:

— Мама, мама, не горюй. Я не оставлю тебя никогда.— И повела ее къ дому.

Нѣтъ, этого письма Катя не могла показать мамѣ, до того оно было жестоко. Тонъ свысока, легкое отношеніе къ „бабьимъ слезамъ, непрактичности и идеализму“. Катя должна была увѣдомить его о настроеніи тетки. Тетка-попечительница можетъ и не пустить, тогда не на кого будетъ пенять, если его поставятъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ вынужденъ будетъ воспользоваться своимъ правомъ и выбрать себѣ новаго попечителя. Это не самъ Митя додумался; ему подсказано этимъ бездушнымъ эгоистомъ, Абросимовымъ. Митя заявлялъ о своемъ правѣ располагать собой: черезъ какіе-нибудь пять мѣсяцевъ ему двадцать лѣтъ, не все-ли равно, что двадцать одинъ. Катя должна была увѣдомить его телеграммой. Если тетка заупрямится, онъ уѣдетъ, не простясь; такъ лучше, чѣмъ увозить отравленное воспоминаніе. Если даже тетка не заупрямится, то онъ пріѣдетъ только подъ условіемъ не слышать ни одного упрека. „Тетка“—это новое. Это такъ взорвало Катю, что она скомкала и швырнула письмо.

Послѣ печально тянувшагося вечера, когда убрали со стола нетронутый ужинъ, Катя ушла въ свою комнату. Это былъ свѣтленькій, веселенькій уголокъ, въ цвѣтахъ, съ голу-

быми занавѣсками, недавно отдѣланный къ ея выпуску изъ гимназіи. Заново оштукатуренныя и выбѣленныя стѣны были расписаны Митею по трафарету голубыми гирляндами въ тѣнь. Онъ и тетя привели ее торжественно сюда, когда она пріѣхала домой уже не на каникулы, школьницей, а взрослой дѣвушкой. Рамки для фотографій выпилилъ Митя. Вотъ — фотографіи подругъ, вотъ — писателей, ученыхъ, великихъ людей; онъ разсмѣстилъ „по рангу“, т.-е. смотря по тому мѣсту, какое первыя занимали въ сердцѣ Кати, вторые въ ея восторженномъ поклоненіи. На этомъ стулѣ у письменнаго стола сидѣлъ Митя, отдыхая отъ возни и уборки комнаты. Тогда ливень стучалъ въ стекла, бушевала буря, а въ голубомъ уголкѣ былъ такой миръ, такой свѣтъ. Они говорили о своихъ планахъ. Онъ кончитъ технологическій или земледѣльческую, но узкимъ практиканомъ не будетъ; станетъ читать для самообразованія. Въ технологическій—лучше, потому что тетя черезъ два года пуститъ ее на медицинскіе курсы. Они будутъ вмѣстѣ заниматься, поселятся вмѣстѣ. Свой кружокъ. Доучатся, и сюда, къ тетѣ-мамѣ, на родную сторону, принесутъ свое знаніе... А теперь что?.. Чувство, побуждающее раненаго бередить рану, заставило молодую дѣвушку перечесть письмо. На краю вдоль листка были строки, которыхъ она не дочитала. Если тетя приметъ дурно вѣсть о его рѣшеніи, онъ пробудетъ на станціи полсутки до слѣдующаго поѣзда, ожидая Катю. Ему непремѣнно надо видѣть ее и переговорить съ нею. Сердце молодой дѣвушки забилось сильнѣе отъ смутнаго радостнаго чувства, когда она читала послѣднія строки: „Не горюй о разлукѣ, она можетъ и не состояться. Твой любящій Дмитрій Тарасовъ“. Привычнаго слова „братъ“ не было въ подписи. По ошибкѣ-ли пропущено или намѣренно?.. Стоитъ думать о такомъ вздорѣ, сказала себѣ Катя, и думала, думала, и, не смотря на весь гнѣвъ ея противъ Мити, сердце ея замирало отъ какой-то сладостной неизвѣстности. Но чувство разочарованія въ Митѣ, негодованія на него взяло верхъ. Митя отказался отъ науки! Вмѣсто того, чтобы развиваться, учиться быть гражданиномъ, онъ ѣдетъ къ буржуямъ за деньгами. Неужели стоитъ для пятидесяти тысячъ, хоть вдесятеро бо́льшаго, жертвовать наукой! И это безсердечіе къ мамѣ... И ѣдетъ на шесть лѣтъ раз-

луки!.. Шесть лѣтъ разлуки!.. Она глухо вскрикнула, всплеснула руками и кинулась на постель лицомъ въ подушки. „Не стоитъ плакать о немъ, не стоитъ!“ И она горько плакала, всхлипывая глубоко, какъ будто все существо ея заливалось слезами, и такъ и заснула со слезами на разгорѣвшихся щекахъ, какъ была, одѣтая, такъ и проспала до утра тѣмъ крѣпкимъ сномъ, въ которомъ здоровая молодость забываетъ свои горести.

II.

Анна Петровна не могла заснуть. Накинувъ на плечи вязаный платокъ, она пошла въ садъ и долго ходила по темнымъ заросшимъ травою аллеямъ, изрѣдка тяжело вздыхая, будто хотѣла сбросить налегшую на грудь тяжелую плиту. Голова ея горѣла. Еще горе! Еще обманутая надежда. А давно-ли она радовалась тому, что планы ея удаются. Митя хорошо выдержалъ экзаменъ. Чего стоило отучить его отъ лѣни, вытравить все то, что привила ему безпутная мать,—всю ядовитую грязь, въ которой окунулись пять лѣтъ его дѣтства... Еще сегодня утромъ она думала: Митя кончитъ курсъ, женится на Катѣ... Она вида не подавала, что замѣтила ихъ дѣтскую любовь. Пусть чувство растетъ, созрѣетъ, создастъ молодую, счастливую семью, которая будетъ жить „по-тарасовски“. Еще сегодня утромъ она думала, гоня тяжелыя предчувствія, что ея усилія, ея любовь не пропали даромъ, что ей удалось внушить дѣтямъ то, чѣмъ жилъ ея отецъ.

Она благоговѣла передъ памятью отца. Это было единственное свѣтлое воспоминаніе ея жизни. Отецъ ея былъ изъ числа поколѣнія, отмѣченнаго словами: люди сороковыхъ годовъ. Неглупый, начитанный, искренній идеалистъ, хорошо говорившій въ минуты одушевленія, онъ былъ выдающимся человѣкомъ въ безлюдьѣ глухого угла. Но „вождемъ и святымъ учителемъ“, какимъ его рисовало фанатическое поклоненіе дочери, онъ не былъ; не было въ немъ ни глубокаго, блестящаго ума, ни силы владѣть умами и сердцами другихъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые первыми идутъ за вождемъ и учителемъ. Богатый помѣщикъ, сынъ масона, онъ тратилъ большую часть средствъ на крестьянъ, расширивъ

и улучшивъ устроенныя отцомъ больницу и школу, мастерскія; способнымъ мальчикамъ давалъ средства учиться и, по окончаніи ученья, волю. Два, три зимніе мѣсяца онъ проводилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, чтобы освѣжиться и встряхнуться въ кругу друзей, и возвращался въ Тарасовку съ задерганными нервами, пожелтѣвшимъ и осунувшимся лицомъ. Около него собирался небольшой кружокъ молодежи, жадно ловившей его слова. Читали поэтовъ, историковъ и книги, „чертившія планы иныхъ временъ“. Далеко за полночь шли горячія бесѣды.

Аня, еще крошкой, любила, забившись въ уголъ большого турецкаго дивана и свернувшись калачикомъ за спиной отца, слушать и смотрѣть. Ей надо было быть возлѣ папы, слышать его голосъ. Въ кабинетѣ отца была жизнь, а жизнь всегда влечетъ дѣтей. Эти оживленные голоса были музыкой, радовавшей ее и потомъ убаюкивавшей, и она не чувствовала, какъ ее переносила на кроватку, являвшаяся на зовъ отца, няня. Потомъ она начала кое-что понимать, понимала по-своему. Когда говорилось непонятное ей, она знала, что отецъ говоритъ что-то хорошее. Лицо его разгоралось, глаза свѣтились; она видѣла свѣтившіеся сочувствіемъ глаза слушателей. Дѣти всегда чутко понимаютъ, какъ слушаютъ любимыхъ ими людей, какъ цѣнятъ ихъ. И она гордилась отцомъ. Вмѣстѣ съ нею росли гордость и любовь къ отцу; дѣвочка безсознательно всасывала всѣмъ существомъ потребность жить жизнью отца. Отецъ водилъ ее вездѣ съ собой, на работы въ поля, въ школу, въ мастерскія; когда не было заразы—въ больницу. Ей онъ разсказывалъ объ успѣхахъ въ наукахъ своихъ мальчиковъ-крѣпостныхъ. Онъ говорилъ двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ: „Смотри, Аничка, если я рано умру, ты, когда выростешь, должна смотрѣть за тѣмъ, чтобы все сохранилось, какъ было при мнѣ“.

Мать была безличной женщиной, вялой, тихой, не злой, обожавшей слѣпо мужа, за котораго вышла замужъ противъ воли родовитой семьи. Анна Петровна помнила ее вѣчно ноющею, вѣчно въ слезахъ то отъ писемъ своей бабушки, матери, тетушекъ и кузинъ, заклинавшихъ ее не давать мужу губить семью и себя своими фантазіями и якшаньемъ съ людьми, qui sont mal vus, и пророчившихъ страшныя бѣды; то отъ ожиданія этихъ бѣдъ, терзавшаго ее, чуть мужъ уѣзжалъ изъ

дома; то отъ ревнивыхъ подозрѣній, что мужъ разлюбилъ ее. Это вѣчное нытье и слезы тупой пилой подпиливали жизнерадостность дѣтства Анночки. Ей было жаль матери; она принесла бы крупную дѣтскую жертву для того, чтобы мама была довольна и весела, но ей скучно было съ нею, ей не о чемъ было говорить съ матерью.

Былъ у нея братъ, пятью годами старше ея, Алексѣй, красавецъ, портретъ матери и любимецъ. Крестьяне и дворня говорили о немъ, что онъ „ничего“, и что „не быть ему такимъ, какъ Петръ Алексѣевичъ“. Отецъ говорилъ: „Когда меня не будетъ, его собьютъ съ толку. Анночка не то, она вполнѣ моя дочь... Умри я сейчасъ, не забудетъ моихъ словъ“. О, эта минута, когда она нечаянно услыхала эти слова! Гордая радость этой минуты! Словно всю солнцемъ озарило двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку... И теперь теплый свѣтъ разлился по измученному лицу тридцатипятилѣтней женщины, когда она припомнила эти слова отца... Единственная чистая, неотравленная радость ея прошлаго!..

Анночкѣ минуло тринадцать лѣтъ, когда все рухнуло. Отецъ былъ принужденъ уѣхать въ Петербургъ и черезъ годъ вернулся, постарѣвшій на десять лѣтъ, съ смертельной и мучительной болѣзнью. Агонія тянулась два мѣсяца. Когда наступала передышка отъ страданій, онъ передавалъ дочери свои планы, идеи и цѣли жизни и повторялъ все то же: „Выростешь, смотри, Анночка, чтобы все сохранилось, какъ было“. Взглядомъ, которымъ отдаютъ душу, она обѣщала жить, какъ онъ училъ. Онъ умеръ. Жена не долго пережила его. Передъ смертью она написала своей матери, умоляя ее взять дѣтей и спасти сына отъ несчастной участи мужа.

Анночку увезли съ братомъ въ Москву. Алексѣй скоро освоился съ московской барской жизнью въ домѣ бабушки, княгини Рындиной-Батуриной. Ему было весело съ приставленнымъ къ нему французомъ-гувернеромъ, сопровождавшимъ его на лекціи въ университетъ, съ кутившими кузенами и товарищами. Богатый наслѣдникъ, красавецъ, которымъ всѣ любовались, баловень бабушки, онъ скоро забылъ отца. Сначала онъ негодовалъ, слыша отзывы объ отцѣ, какъ о безумцѣ, погубившемъ себя изъ-за фантазій, потомъ привыкъ, и самъ сталъ такъ смотрѣть на отца. Анночка не забыла ничего. Она смотрѣла на жизнь свою у бабушки, какъ

на искусъ, который надо пройти, и порѣшила уѣхать въ деревню, какъ только ей минетъ семнадцать лѣтъ. Она томилась скукой, задыхалась въ чинной обрядности жизни Рындиныхъ-Батуриныхъ. Всѣ окружавшіе ее казались ей ничтожными и лживыми, всѣ были врагами отца. Дѣвочка сама, какъ врагъ, слѣдила за ними, ловя каждую ложь, каждую мелочную подлость, и образъ отца все свѣтлѣе, выше и чище выросталъ въ ея воспоминаніяхъ. Она жила имъ. Въ прошломъ—свѣтъ, правда, радость, любовь! Эти четыре года—какая-то черная яма, въ которой она задыхалась, закованная! Она жила надеждой уйти. Ея не щадили. Съ какою злою, подлою радостью осмѣивали все святое, чѣмъ жилъ ея отецъ, „жилъ для хамовъ, на нихъ семью промѣнялъ, уморилъ жену“. Бабушка прозвала ее волчихой, тарасовскимъ отродьемъ. Она гордилась этимъ. „Да, волчихой для нихъ!.. Выростетъ тарасовское отродье, покажетъ, что достойно отца“.

По окончаніи курса наукъ и искусствъ для дѣвицъ, ее начали вывозить. Она обдумывала планъ бѣгства—и вышла замужъ едва ей минуло семнадцать лѣтъ. Анатолій Каринскій, дальній родственникъ, кавалеристъ, кружившій головы всѣхъ кузинъ, увлекъ ее, играя на струнѣ благоговѣнія къ памяти ея отца. Опытному ловеласу не трудно было овладѣть юной измученной душой. По его словамъ, онъ всегда втайнѣ былъ ученикомъ ея отца, обстоятельства мѣшали, онъ проклиналъ свою пустую жизнь—стихами изъ Пушкина и Лермонтова. Они уѣдутъ въ деревню, воскресятъ все созданное ея незабвеннымъ отцомъ. Партія была завидная для промотавшагося тридцатипятилѣтняго кутилы, которому приходилось или подцѣпить купчиху съ стотысячнымъ приданымъ, или бѣжать отъ долговъ. Анна Петровна наслѣдовала, кромѣ седьмой доли матери въ Тарасовкѣ, и весь капиталъ ея. Мать, по совѣту княгини Рындиной-Батуриной, уравняла такимъ образомъ доли дочери и сына. Да и четырнадцатая часть Анны Петровны въ Тарасовкѣ тоже представляла недурную цифру. Каринскій разсчелъ все; но и свѣжесть и чистота молодой дѣвушки очаровали его. Онъ нашелъ, что, послѣ „помятыхъ цвѣтовъ съ прянымъ букетомъ, пріятно вдохнуть ароматъ фіалки“.

Бабушка, не смотря на то, что не была особенно разборчива на женихов для непокорной внучки, возстала противъ этого брака. Каринскій былъ ужъ слишкомъ позорной партіей.

Анна Петровна обвѣнчалась тайно. Она любила, вѣрила... О, какъ любила и какъ вѣрила!.. Она нашла родную душу. Отецъ воскресалъ для нея хоть отчасти въ мужѣ. Молодая жажда счастья говорила, брала свое.

И въ первые же дни брака ее возмутила страсть развратника. „Мой чистый цвѣточекъ!“ Ее и теперь всю повело отъ отвращенія, когда въ воспоминаніи мелькнуло его воспаленное лицо, въ ушахъ раздался его восторженно-слащавый голосъ. Тогда она не понимала того, отъ чего теперь ей, тридцатипятилѣтней женщинѣ, краска кидается въ лицо.

Отъ вѣнца въ Тарасовку не поѣхали. На просьбы жены Каринскій отвѣчалъ обѣщаніями; то почему-то затягивалась отставка, то дѣла мѣшали, и успокоивалъ поднимавшіяся въ ней тревожныя сомнѣнія восторженными дионрамбами ея отцу. Страсть его прошла, въ нѣжности почуялась фальшь. Онъ говорилъ, что нельзя ѣхать въ Тарасовку съ пустыми руками, бабушка выдавала только проценты, и настраивалъ молодую женщину требовать капиталъ у бабушки, взять его, вмѣсто нея, въ опекуны. При первыхъ словахъ ея объ опекунствѣ мужа, бабушка, въ родственномъ совѣтѣ, объявила ей то, что скрывала, жалѣя ее: Анатолій былъ игрокъ, мошенникъ; былъ показанъ фальшивый вексель, выкупленный бабушкой и сохраненный, какъ узда. Ударъ былъ тяжелый для семнадцатилѣтней женщины и еще въ первомъ періодѣ беременности. Она не упала духомъ. Она жена, она мать его ребенка, она должна спасти его. Она увезетъ его въ Тарасовку, отъ всѣхъ искушеній Москвы, отъ прежнихъ товарищей. Тамъ друзья отца повліяютъ на него. При первомъ словѣ ея, онъ грубо расхохотался. „Нашла дурака! Чего не пообѣщаешь невѣстѣ, и въ медовый мѣсяцъ женѣ“. Но хохотъ его порвался, и онъ невольно опустилъ глаза передъ ея взглядомъ невыразимаго ужаса, отчаянія, укора... Маска была сорвана, и въ тотъ же вечеръ въ домѣ бушевала оргія. Пѣсни, крики и хохотъ товарищей и цыганокъ потрясали стекла. Анна Петровна, не проронивъ ни слезинки, укладывала вещи съ няней и на разсвѣтѣ уѣхала. Онъ явился въ Тарасовку, грозилъ вернуть ее этапомъ; страсть вспыхнула въ немъ къ женщинѣ, для которой онъ сталъ чужимъ. Няня и старый лакей спасли ее... Прочь эти позорныя воспоминанія, отъ которыхъ и теперь черезъ восемнадцать лѣтъ ее схватило за горло.

Ее спасла гордость. Ни одной слезы прошлому! Она будетъ жить... Неужели вся жизнь ея въ рукахъ мужчины? Но какъ было холодно, пусто. Бывали дни, недѣли невыносимой тоски, тоски по немъ,—умирай онъ на ея глазахъ, она бы пальцемъ не шевельнула,—тоски по былomъ свѣтломъ снѣ, но счастьѣ, рухнувшемъ въ позорномъ обманѣ. Карпинскій уѣхалъ и пропалъ безъ вѣсти, спасаясь отъ уголовщины за новую мошенническую штуку.

Анна Петровна и теперь не знала своего юридическаго положенія, замужняя-ли она или вдова. Не смотря на совѣты бабушки и родни, она не хлопатала о свободѣ для вторичнаго брака. Къ чему? Была обманута, наѣлась грязи на всю жизнь. Нѣтъ, никому никогда не дастъ она права на себя...

Не на радость вернулась она въ Тарасовку. Братъ ея былъ уже три года женатъ. Уѣхавъ на каникулы въ деревню, двадцатилѣтній юноша женился на барышнѣ, гораздо старше себя, изъ тѣхъ, которыя не испортятъ своей карьеры невѣсты и ждутъ только замужества, чтобы развернуть инстинкты Мессалины. У барышни хватило смѣтки не ѣхать въ Москву, гдѣ она, дочь мелкопомѣстнаго полуграмотнаго дворянина, играла бы жалкую роль въ кругу Рындиныхъ-Батуриныхъ. Братъ бросилъ университетъ, но не потарасовски жилъ въ родной усадьбѣ. Въ Тарасовкѣ гибло все, созданное отцомъ и дѣдомъ. Управляющій Зосима—вольноотпущенный, предавшій своего барина, купилъ себѣ по сосѣдству хуторъ, давалъ Алексѣю деньги подъ залогъ Тарасовки. Деньги летѣли на балы и наряды, Тарасовка чахла, хуторъ Зосимы округлялся. Анна Петровна вытребовала у бабушки часть своего капитала, уплатила долги и выгнала Зосиму.

Мелькнула радость — родилась дочка. Отравленная радость! Какъ часто, наклонясь надъ колыбелью, вся трепеща, искала она въ мягкихъ, неопредѣленныхъ чертахъ ребенка сходства съ *тѣмъ*... Катя и Митя, крошечный, заброшенный сынъ брата, книги и записки отца, небольшая школа, которую она устроила на своей половинѣ, вотъ чѣмъ она жила два года. Два года дрожала она надъ Катей, раздувая чуть тлѣвшую искру жизни. Дѣвочка родилась слабенькой, на ней отозвались всѣ муки матери. О, этотъ глухой стукъ мерзлыхъ комьевъ земли о крышу крошечнаго гробика! Какъ у нея хватило силы бросить лопату земли въ открытую мо-

гилку, въ которой хоронила всѣ надежды матери... Она знала, что никогда больше у груди ея не будетъ лежать ребенокъ... Эта сторона жизни убита въ ней. Забывать она не умѣла...

Потомъ черная яма въ памяти... Прошло полгода. Она помнитъ лучъ свѣта, прорѣзавшій черную яму. Въ огородѣ она набрела на корзинку; въ ней крѣпкимъ сномъ спала годовая дѣвочка, завернутая въ грубую холстину. Ни записки, ни крестика. Она схватила ее, прижала къ груди и понесла домой, съ крикомъ: Катя, Катя!

Катя и Митя! Вся потребность личной любви, крайней привязанности сосредоточилась на этихъ двухъ крошкахъ. Свое, родное. Она выростила ихъ Тарасовыми. Но Митю скоро взяли у нея. Жена брата бѣжала съ французомъ, не то пѣвцомъ, не то клоуномъ, и увезла сына. Мужъ уѣхалъ за женой, спасать ее, какъ говорилъ жалкій человѣкъ, въ сущности дѣлиться ею съ любовниками. Это горе какъ-то скользнуло по Аннѣ Петровнѣ. Брата она любила,—больше какъ сына отца, за воспоминанія дѣтства. Въ любви къ отцу тонули другія чувства; такъ блѣднѣютъ звѣзды при лунѣ. Была кровная привычка, была жалость, мучительная, смѣшанная съ невольнымъ презрѣніемъ, которое женщины и не такой сильной и чистой натуры, какъ ея, не могутъ не чувствовать къ мужчинѣ-рабу развратной, красивой самки, исковеркавшему свою жизнь для нея. И надо всѣми этими чувствами стояла недвижно неутолимая горькая скорбь о томъ, что братъ не жилъ завѣтами отца.

Въ Парижѣ исторія обыкновенная. Тарасова, обобранная и брошенная клоуномъ, мѣняла любовниковъ, не оставляя безъ подачекъ и мужа. Алексѣй волочился за ея колесницей, былъ нуженъ для приличій. Когда послѣдняя тысяча была истрачена, осталось одно средство—продажа. Алексѣй не подозрѣвалъ, что жена его на содержаніи у банкира и восходящая звѣзда въ свѣтѣ камелій. Въ пьяной ссорѣ ему бросили въ лицо слово: альфонсъ. Обезумѣвшій, убитый, онъ уѣхалъ въ Тарасовку, забывъ о ребенкѣ, и умеръ на рукахъ сестры, бредя женой. Жена не отдавала сына. Красавецъ-мальчикъ былъ такъ эффектенъ въ бархатѣ и соболяхъ на катаньяхъ въ Булонскомъ лѣсу. Le beau petit bayard russe. Она не могла разстаться съ прелестной игрушкой, иногда просыпался инстинктъ самки къ дѣтенышу, сильнѣе

всего говорило злобное упорство—не отдать, не уступить его презиравшей ее женщинѣ.

Анна Петровна отправилась въ Парижъ и черезъ посольство, благодаря связямъ Рындиныхъ-Батурскихъ и наполеоновской полиціи, вытребовала ребенка. Она, какъ будто это было вчера, помнитъ день, когда привезла Митю и заставила его поцѣловаться съ Катей, говоря: „люби свою сестру“. Онъ исполнилъ приказаніе съ насмѣшливой галантностью и, оглядѣвъ съ головы до ногъ дѣвочку и ея мѣшковатую свѣтло-коричневую блузу, вскричалъ: „Tiens, cette boulotte, ça ma soeur. Diable? comme elle est fagotée“. Потомъ съ двусмысленной улыбкой, не при Аннѣ Петровнѣ, разспрашивалъ у няни, почему Катя ему сестра, когда онъ знаетъ, что дочка тети умерла, и мужъ ея пропалъ. О Господи! Сколькихъ мукъ стоило вытравить въ девятилѣтнемъ ребенкѣ слѣды той грязи, въ которой окунулось его дѣтство; сколькихъ мукъ—слѣдить, замирая отъ страха, за каждой чертой характера, спрашивая себя: неужели порча въѣлась безнадежно? Мальчикъ умѣлъ различать вина, толковать о всякихъ salmis и vol au vent, понималъ смыслъ словъ amant, maîtresse, souteneur, cocu. Онъ съ восхищеніемъ вспоминалъ коляску и пару вороныхъ андалузскихъ, будуаръ maman, ужины. Въ первый же день онъ съ любопытствомъ обошелъ весь домъ и, скорчивъ гримасу, сказалъ: „C'est ça le château de mes ancêtres, dont je suis héritier. Pas chic!.. Pach!“.

Любовь брала свое. Несчастнаго ребенка не любили. Имъ забавлялись, возили въ рестораны, заставляли пѣть гривуазныя пѣсенки; мать въ припадкѣ нѣжности, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго,—„elle avait le vin bon“,—цѣловала его, закармливала лакомствами, задаривала игрушками. Потомъ его забывали, особенно въ послѣдній годъ, когда онъ началъ сильно расти, мѣшать и задѣвать своими ногами въ колескѣ, разспросами и разсказами некстати. По цѣлымъ днямъ онъ дрогнулъ въ крошечномъ кабинетѣ, безъ камина, похожемъ на шкапъ, куда сваливали грязное бѣлье и всякій хламъ и куда запирала его приставленная къ нему бонна, чтобы самой убѣжать на свиданіе съ своимъ гусаромъ. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у окна, завидуя уличнымъ ребятишкамъ, съ которыми его не пускали играть, потому что мать его m-me Véra была princesse de Vannikoff.

Митя скоро привыкъ въ Тарасовкѣ. Онъ былъ способнымъ, понятливымъ ребенкомъ. Анна Петровна припоминала шагъ за шагомъ ростъ его души. Не ея-ли вина, хоть отчасти, въ этомъ рѣшеніи Мити? Она отдала его въ реальную гимназію четырнадцати лѣтъ, тамъ были хорошіе учителя; товарищей Митя выбралъ хорошихъ; она приглашала ихъ на лѣтніе каникулы. Митя начиналъ понимать жизнь. Она помнитъ, какъ онъ, въ день рожденія,—ему минуло шестнадцать лѣтъ,—кинулся къ ней на шею и сказалъ: „Я понимаю, отъ чего ты спасла меня!“ Въ Митѣ проснулось здоровое честолюбіе. Позорная жизнь матери, смерть отца—все это были темныя пятна, надо стереть ихъ своею жизнью. Надо всѣмъ высоко сіяла память дѣда.

Среда взяла свое. Онъ ребенкомъ видѣлъ, какъ тетка, оставя необходимое на воспитаніе его и Кати и на свои несложныя потребности, отдавала все на тарасовское дѣло. Школа была открыта. По праздникамъ, въ Тарасовкѣ, на чтеніяхъ толпились крестьяне, съ которыми она раздѣлилась „по-божески“, за что сосѣди-крѣпостники звали ее сумасшедшей и блаженной. Вѣянія здоровой жизни носились въ воздухѣ. Открылось земство. Анна Петровна черезъ Нѣжинскаго, друга отца, была „гласнымъ“, и вліятельнымъ. Слово ея имѣло вѣсъ. У нея былъ центръ, гдѣ съѣзжалась вся уѣздная „новая Россія“, велись горячія бесѣды объ общественныхъ интересахъ, о положеніи народа, о будущемъ. Это будило душу ребенка, понимавшаго еще немногое; общее одушевленіе отражалось и на немъ. Видя его блестѣвшіе глаза и оживленное лицо, Анна Петровна съ радостной дрожью сердца думала: „онъ внукъ Петра Алексѣевича Тарасова, онъ въ дѣда пошелъ!“ Друзья говорили то же.

Порою тучки проносились надъ радостными надеждами. Иногда въ большихъ, красивыхъ и блестящихъ карихъ глазахъ Мити ей чудились золотистыя искорки глазъ его матери, „холодно и безстыже смотрѣвшихъ на людей и міръ Божій. Она боялась, что послѣднія капли „проклятой крови Вѣры Ванниковой“ не вытравлены“. Порою, въ умномъ ребенкѣ, глотавшемъ ученье, когда стряхивалъ лѣнь, замѣчалась какая-то нравственная тупость. Онъ не понималъ того, что отецъ его, съ плохими способностями и неповоротливымъ умомъ бралъ, въ тѣ же годы сердцемъ. Митя сдавался на

убѣжденія", но зачѣмъ ему надо было объяснять то, чего никогда не приходилось объяснять Катѣ? Та точно чутьемъ понимала, что̀ радуетъ и печалитъ другихъ. Въ Митѣ подросткѣ больше, чѣмъ въ товарищахъ его, замѣчались инстинкты пробуждавшейся чувственности. Она надѣялась, что справится съ этими тучками. Вліяніе товарищей, кружковъ—исправитъ, подниметъ. Вліяніе Кати, первая молодая любовь—застрахуетъ отъ пошлости, вдохновитъ. Дѣти поучатся, посмотрятъ на жизнь, узнаютъ людей, чувство созрѣетъ, создастъ прочную семью. Въ Тарасовкѣ молодая семья, родная... Тарасовка—ячейка, откуда разливается свѣтъ—маленькій.. свѣтикъ, но и онъ нуженъ во мракѣ... И впереди—счастливая старость въ семьѣ дѣтей, старость дѣятельная... Ростить внуковъ по завѣту отца-учителя...

И все рухнуло. Митя погнался за деньгами. Какъ это она проглядѣла вліяніе этихъ Абросимовыхъ? Даже дружбы не подозрѣвала. Абросимовы—такія ничтожества. Нашлась-таки почва для ихъ вліянія... О, ка́къ она была слѣпа!.. И какъ наказана! Митя увѣряетъ, и самъ глубоко убѣжденъ, что хочетъ нажить капиталъ для „тарасовскихъ" цѣлей. Но скажетъ-ли онъ то же самое лѣтъ черезъ шесть?.. Что станется въ тѣ годы, когда она не будетъ стоять надъ душой своего птенца? Заберется червь въ душу. Тамъ, въ Ташкентѣ всякій сбродъ, нажива... рвутъ куски, продаютъ совѣсть... адъ кромѣшный... Митя втянется... Ядъ, которымъ было вспоено его дѣтство, не весь вытравленъ... Остались въ немъ еще капли крови „этой твари"... онѣ найдутъ свою среду... Что, если Митя вернется... не тотъ?.. Анна Петровна схватилась за волосы и застонала.

III.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ Митя, успокоенный телеграммой Кати. Анна Петровна встрѣтила его съ обычной материнской лаской, скрывая горе и тревогу. Катя встрѣтила и съ радостью, и съ гнѣвомъ „измѣнника". Въ голосѣ слышались небывалыя сухія и рѣзкія ноты, но въ глазахъ сіяла радость, а неиспытанное еще чувство смущенія заливало румянцемъ лицо. Митя, собиравшійся, было, обидѣться сухой встрѣчей, самодовольно и насмѣшливо улыбнулся и шепнулъ:

Не ломай камедй. Съ теткой онъ былъ такъ нѣженъ, какъ никогда, казался слегка смущеннымъ; встрѣчая ея долгій, тревожный взглядъ, проникавшій въ его душу, онъ хмурился и съ короткимъ, натянутымъ смѣхомъ заговаривалъ о какихъ-нибудь пустякахъ.

„О, Господи, неужели онъ въ душѣ измѣнился такъ же рѣзко?“—думала Анна Петровна, разглядывая своего птенца, въ наружности котораго произошла дѣйствительно рѣзкая перемѣна. Онъ уѣхалъ школьникомъ небогатой семьи, скромно и прилично экипированнымъ и явился щеголемъ, образчикомъ богатой англоманствующей купеческой молодежи. Вмѣсто фланелевой мѣшковатой блузы, на немъ ловко сидѣлъ клѣтчатый дорожный костюмъ съ множествомъ кармановъ, въ которыхъ онъ путался съ непривычки. Купленные въ дорогомъ магазинѣ чемоданъ, дорожный мѣшокъ и погребецъ блестѣли лакированной кожей, стальными скрѣпами и посеребренными бляхами. Волосы, прежде коротко обстриженные, отросли и вились красиво холенными, раздушенными кудрями. Темный пушокъ на губахъ и подбородкѣ загустѣлъ, и старательный уходъ придалъ ему очень явный намекъ на усики и бородку. Перемѣна въ выраженіи лица была еще рѣзче. Въ немъ появились законченность и опредѣленность человѣка, который неожиданно скоро и твердо сталъ на настоящую дорогу. Во взглядѣ было что-то самодовольно-праздничное, какъ у юнкера, надѣвшаго эполеты; мелькала искорка фатовства, когда онъ говорилъ съ Катей. Блестящій успѣхъ у дамъ круга его принципала вскружилъ ему голову, и чадъ еще не прошелъ. Митя пріосанился и сознавалъ, что онъ хорошъ. И еслибы въ эту минуту Анна Петровна не нашла въ его большихъ, краснаго разрѣза карихъ глазахъ сходства съ „безстыжими глазами той твари“, она также залюбовалась бы своимъ Митей, какъ, не смотря на весь свой гнѣвъ, невольно любовалась Катя. Красивыя, породистыя черты, носъ, тонкій съ легкой горбинкой, красивый абрисъ ярко-пунцовыхъ полныхъ губъ, темныя густыя брови, безукоризненный овалъ лица—во всемъ было столько изящества и молодого обаянія, безъ слащавости и приторности, которыя такъ отталкиваютъ въ красавцахъ мужчинахъ. Онъ пріѣхалъ съ курьерскимъ и, послѣ двухъ ночей въ вагонѣ, смотрѣлъ, какъ будто сейчасъ вышелъ изъ своей комнаты, окончивъ туалетъ.

Все въ немъ и на немъ блестѣло: часы съ толстой золотой цѣпочкой и множествомъ брелоковъ, золотыя запонки чечунчевой рубашки, толстое золотое кольцо, перехватывавшее концы лиловаго фуляра, служившаго галстухомъ, ногти, вылощенные янтарнымъ порошкомъ, такъ что въ нихъ можно было смотрѣться, какъ въ зеркало. Высокая, гибкая и тонкая фигура его дышала энергіей и смѣлостью. Онъ какъ будто выросъ за мѣсяцъ разлуки.

— Тетя-мама, не смотри на меня, какъ курица, высидѣвшая утенка,—съ короткимъ смѣхомъ говорилъ Митя, цѣлуя руки тетки.

Катя вскипѣла.

— Если ты утенокъ, который собирается плыть по большому пруду, такъ ужъ мама не курица. Мама пеликанъ, и пеликанъ, который не объ однихъ своихъ птенцахъ думаетъ.

Онъ вспыхнулъ и глазами напомнилъ ей: а условіе?

— Ты самъ началъ.

— Полноте, дѣти. Часъ только, какъ онъ пріѣхалъ, и ссоритесь,—ласково уняла Анна Петровна.

— Онъ началъ, мама. И зачѣмъ ты сдѣлался такимъ франтомъ? Если будешь такъ мотать деньги, такъ не скоро скопишь капиталъ.

— Женщины ничего не понимаютъ въ дѣлахъ,—отвѣчалъ Митя, улыбкой смягчая рѣзкость словъ.—Я представляю фирму и долженъ импонировать внѣшностью. У насъ въ торговлѣ внѣшность много значитъ,—то же, что обстановка кабинета доктора или адвоката. У кого побѣднѣе, тому предложатъ цѣну, съ какой не подступятся въ богатомъ кабинетѣ.

Онъ говорилъ внушительно, самодовольнымъ тономъ. Тетка и Катя молчали. Онъ вскричалъ съ досадой:

— Бога ради, тетя и Катя, не смотрите на меня съ такими похоронными физіономіями, будто на смерть иду!

— Что за человѣкъ твой принципалъ?—спросила Анна Петровна.

— Это—всѣ говорятъ—геніальная спекуляторская голова,—съ восторгомъ отвѣчалъ Митя.—Еслибы вы слышали, какъ онъ на собраніяхъ компаньоновъ развивалъ свои планы. Что за широкій обхватъ, что за проницательность, практи-

ческая смѣтка! Тамъ, въ Ташкентѣ и за Ташкентомъ,—Калифорнія для человѣка съ его умомъ и знаніемъ дѣла. Тамъ съ нѣсколькими десятками тысячъ можно нажить милліоны... Милліоны—вѣдь это силища, тетя! Только надо умѣть взять.

— Не запачкавшись,—невольно вырвалось у Анны Петровны.

— Тетя!

Онъ вскочилъ, готовый разразиться гнѣвными упреками. Каждая черта лица дрожала обидой и негодованіемъ. Но онъ сдержался, кусалъ до крови губы. Она встала, подошла къ нему сзади и, обхвативъ руками его голову, пригнула къ груди своей и цѣловала его глаза, на которыхъ еще не высохли слезы обиды.

— Тетя,—объяснялъ онъ снисходительнымъ тономъ.— Вы не занимались коммерціей... Тутъ дѣло въ томъ, кто въ непочатый край придетъ первымъ,—только огребай денежки... по праву свободнаго обмѣна... Еслибы вы были тогда въ собраніи компаньоновъ, вы бы этого не сказали... Все законно, все чисто... Кричатъ—концессіи, монополіи... А плата за рискъ?

— Но,—начала Катя.

— Я понимаю, что вамъ обѣимъ больно,—продолжалъ онъ:—но всего шесть лѣтъ. Пять лѣтъ я все равно не жилъ бы дома, видѣлись бы только на каникулахъ... Мнѣ самому грустно, больно... Но развѣ легче станетъ, если это бередить?.. Мы молоды съ Катей, вы не старуха. Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ съ Нѣжинскимъ,—поддразнилъ онъ тетку привычной шуткой.—Шесть лѣтъ скоро пройдутъ. И не увидите, какъ пройдутъ. Я вернусь съ круглой цифрой капитала, вооруженный на борьбу со всѣмъ тѣмъ, что вы ненавидите, и мы не разстанемся.

Онъ цѣловалъ руки тетки и съ улыбкой значительно смотрѣлъ на Катю, которая, какъ ни злилась на себя за „безхарактерность“, вся просіяла улыбкой.

Онъ много говорилъ о будущемъ свиданіи, о томъ, какою онъ черезъ шесть лѣтъ найдетъ Тарасовку. Въ это время можно подготовить ему помощниковъ. Онъ говорилъ о радости возвращенія. Тогда ужъ онъ прирастетъ къ Тарасовкѣ... Но разговоръ не клеился. Настоящая разлука стояла передъ глазами. Ударъ надеждамъ Анны Петровны былъ слишкомъ

свѣжъ. Она походила на человѣка, слетѣвшаго съ высоты, который только-что начинаетъ приходить въ себя, ударившись о землю. Она разспрашивала о подробностяхъ дороги, о томъ, какъ онъ устроится. Эта жизнь дѣльцовъ!.. Она о ней слыхала, читала. Не каторжный трудъ рабочаго,—корпѣнье надъ счетоводствомъ, грызня изъ-за наживы, подвохи, стрижка туземцевъ, культуртрегерство наше, „съ азіатами по-азіатски“. Для отдыха—кутежи, эти праздники въ атмосферѣ наживы. Русскій развратъ съ азіатскимъ!.. И руководитель „геніальная спекуляторская голова!“

— Митя, свыше моихъ силъ спокойно отпускать тебя,—проговорила она звенящимъ голосомъ.—Боюсь, ты тамъ *обвосточишься!*

— Ахъ, тета! Я всегда буду Дмитріемъ Тарасовымъ.

Онъ всталъ и позвалъ Катю въ садъ.

IV.

Молча шли оба по темной заросшей травой липовой аллеѣ. Сквозь порѣдѣвшую, подернутую желтизною и багрецомъ листву падали косые лучи блѣднаго солнца, дрожа свѣтлыми пятнами по потоптанной травѣ, скользя по молодымъ взволнованнымъ лицамъ. Въ прозрачномъ воздухѣ вѣтерокъ тянулъ бодрящею осеннею свѣжестью. Дмитрій нѣсколько разъ пытался заговорить, но слова не шли съ языка. Онъ только не сводилъ влюбленнаго, восторженнаго взгляда съ Кати. Ея лицо, привлекательное лишь свѣжестью молодости, хорошѣло изумительно, и не только отъ близости любимаго человѣка, какъ хорошѣетъ каждая любящая женщина: всѣ лучшія стремленія, всѣ непочатыя силы молодой чистой натуры поднимались въ душѣ рядомъ съ любовью и согрѣвали глубокимъ внутреннимъ свѣтомъ каждую черту ея лица.

Катя шла, опустивъ глаза; сердце замирало такъ жутко и такъ хорошо. Она боролась съ желаніемъ поднять глаза, отвѣтить взглядомъ на взглядъ блестящихъ карихъ глазъ, притягивавшій ее еще впервые сознанной силой. Онъ увидитъ, какъ она любитъ его и сейчасъ въ ея жизни свершится что-то, роковое, безповоротное и свѣтлое-свѣтлое. Но еще сильнѣе говорила въ ея душѣ тревога за него. „Обвосточится“, сказала мама. Тамъ, одинъ. О, какими словами убѣдить его,

доказать ему, что онъ заблуждается, вернуть его къ тому пути, въ которомъ была правда.

— Ты поняла мое письмо?—спросилъ, робѣя, Дмитрій.

Она подняла на него глаза.

— О, какъ могъ ты написать такое жесткое письмо?—тихо съ скорбнымъ упрекомъ сказала она. — Бѣдная мама!

Онъ слегка покраснѣлъ, потупился и потомъ самодовольно улыбнулся, понявъ, что о своей обидѣ она не хочетъ говорить и прячется за маму.

— Ты поняла, что я нарочно не подписалъ: братъ?—спросилъ онъ, помолчавъ, и, остановясь, взялъ ее за руку.

Какъ онъ былъ хорошъ въ эту минуту, наклонясь къ ней, съ улыбкой, озарившей все лицо, и сіявшими глазами. Рука ея задрожала въ его рукѣ, и румянецъ сбѣжалъ съ лица. Вотъ оно, настало мгновеніе, котораго она ждала, звала всѣмъ сердцемъ и боялась. Сердце замирало, а любящій, молящій голосъ раздавался въ ея ушахъ, во всемъ существѣ.

— Катя, я не какъ сестру люблю тебя... Ты моя любовь на всю жизнь!.. Скажи, вѣдь я не ошибся?.. Дорогая моя, любимая...

Губы молодой дѣвушки беззвучно зашевелились, отвѣтилъ взглядъ сіявшихъ сквозь слезы большихъ глазъ, которые говорили, что Дмитрій такъ дорогъ ей, какъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, словъ нѣтъ сказать, какъ дорогъ.

Онъ съ радостнымъ торжествующимъ кликомъ прижалъ ее къ груди и цѣловалъ косы приникшей къ его плечу головки. На всю жизнь осталась обоимъ памятна эта минута невыразимой, чистой радости. Все исчезло для нихъ; казалось, въ цѣломъ мірѣ только они двое и жили, поднятые на лучезарную высоту.

Катя первая очнулась. Она взяла Дмитрія за руку и, тихо потянувъ, сказала:

— Пойдемъ, скажемъ мамѣ.

— Подожди, мнѣ надо прежде поговорить съ тобой.

Онъ смолкъ. То, что онъ рѣшилъ, какъ непреложно вѣрное, когда строилъ свои планы жизни въ Ташкентѣ, вдругъ показалось ему такъ трудно осуществимымъ. Согласится-ли Катя? Эта мысль ударила его обухомъ по темени, и онъ весь какъ-то потускнѣлъ.

— Катя, вѣдь ты любишь меня? — Онъ взялъ ее за обѣ руки и смотрѣлъ въ ея глаза.

— Ну, да? Ну, что?—торопливо спрашивала она, пораженная перемѣной его лица.

— Ты моя невѣста... Ты согласна черезъ годъ обвѣнчаться? Черезъ годъ я все устрою и пріѣду за тобой, или ты съ тетей пріѣдешь ко мнѣ.

Онъ говорилъ положительнымъ тономъ, чуть не повелительно, скрывая тревогу. Рука Кати выскользнула изъ его руки.

— Митя, это невозможно. Какъ же ты не понимаешь?— проговорила она, опомнясь отъ изумленія.

— Почему невозможно? Ахъ да, твоя медицина. И для этого убить лучшіе годы жизни, лишать счастья меня!.. Но вѣдь это факирство какое-то.

— Какъ лишать счастья? Мы любимъ другъ друга. Развѣ это не счастье?—Въ голосѣ ея дрожала невыразимая нѣжность.—О, Дмитрій, милый! Какое дорогое, дорогое счастье. Хоть въ разлукѣ быть заодно, знать, что мы любимъ другъ друга, дѣлиться каждымъ чувствомъ, каждою мыслью. Это большое счастье, Митя!

Лучъ солнца сквозь увядавшую листву упалъ на лицо ея, озаренное молодымъ счастьемъ. Митя любилъ ее, и съ этимъ сознаніемъ легко перенести годы разлуки.

— И если это счастье не такъ полно,—закончила она:— кто виноватъ? Отъ кого рознь?

— Я не такой идеалистъ, какъ ты,—отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой.—Мнѣ надо знать, чувствовать, что ты возлѣ меня, что ты на всю жизнь моя. Пойми, Катя.

Онъ схватилъ ея руки и крѣпко, до боли сжимая ихъ, продолжалъ:

— Ты думаешь, мнѣ легко уѣзжать? Ты и тетя однѣ у меня... Ты... Ты не понимаешь, не жалѣешь. Ты думаешь, мнѣ легко отрываться отъ всего, что я люблю, ѣхать въ дикій край. Если-бъ любила, пожалѣла бы, не пустила бы одного.

Сердце молодой дѣвушки захолонуло отъ жалости и горя. Она передохнула и, совладавъ съ собой, сказала:

— Это твоя воля ѣхать. Будь справедливъ. Ты самъ, если-бъ любилъ побольше, не поѣхалъ бы. Ты самъ насъ бросаешь, огорчаешь. Мама исхудала, посѣдѣла за эти дни...

Ты себя губишь. Ты отказываешься отъ науки ради денегъ. И ты хочешь, чтобы я бросила все... маму, свои цѣли и ѣхала съ тобой... Ты требуешь отъ меня жертвы... Это эгоизмъ. Я хочу учиться, приносить пользу здѣсь... Здѣсь все родное, я выросла здѣсь, работа здѣсь легко будетъ спориться.

— А это не польза, не цѣль,—горячо перебилъ Дмитрій:— быть моею женою, товарищемъ, утѣшеніемъ, радостью? Съ тобою, я чувствую, мои силы удвоятся, съ тобой и дѣло...

— Не настоящее это дѣло, Митя, ты обманываешь себя.

— Толкуй съ женщиной!—вскричалъ онъ, топнувъ ногой.— Кулакомъ, что-ли, хочу я быть, экземпляромъ Кононова? Вы съ теткой сведете меня съ ума своими похоронными физіономіями и причитаньями!

— Да пойми же, Митя,—вскричала Катя съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Развѣ мы можемъ радоваться? Вѣдь это деспотизмъ требовать этого отъ насъ. Условіемъ поставилъ не смѣть сказать слова, а то не пріѣдешь... Это безобразный эгоизмъ, это бездушіе!.. И это мамѣ! Ты только себя бережешь.

Онъ надулся и скорыми крупными шагами пошелъ впередъ по аллеѣ.

Катя почти бѣгомъ догоняла его.

— Самъ подумай, каково намъ! Еслибы ты былъ чужой... вѣдь мы измучились, душой изболѣлись за тебя. Что будетъ съ тобой тамъ?..

И такое глубокое горе, столько тревоги за него звучало въ звенящихъ тонахъ ея голоса, что онъ остановился тронутый.

— Разберемъ спокойно, Катя, откуда все это горе. Тетя обожаетъ память дѣда, кумиръ создала себѣ изъ него и знать не хочетъ, какъ оцѣнили въ наше время Рудиныхъ... Ну, онъ былъ Рудинымъ на подкладкѣ филантропа,—оговорился онъ въ отвѣтъ на движеніе Кати.—Понятно, что для тети нѣсть Бога, кромѣ него, и нѣсть спасенія, кромѣ жизни по его шаблону. Тетя почти старуха, или сама себя такъ поставила. У нея нѣтъ ничего впереди. Она не хочетъ понять, что дѣдъ могъ устраивать свою филантропическую Тарасовку потому, что были крѣпостные. Онъ жилъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, собиралъ свой кружокъ и не отка-

зывалъ себѣ ни въ чемъ,—жилъ на четверть своихъ средствъ, но и этого было за глаза довольно жить въ свое удовольствіе. У меня ничего нѣтъ, кромѣ того, что даетъ тетка. У ней самой немного, Тарасовка еще не очищена отъ залога, къ тому же тетя ужъ слишкомъ аскетически смотритъ на жизнь... Наконецъ, должна же ты понять, что я хочу стоять на своихъ ногахъ, смотрѣть изъ своихъ рукъ. Это законное чувство независимости.

— А развѣ мама не думаетъ о твоей независимости? Развѣ она не обрываетъ себя, чтобы дать намъ средства стать на свои ноги? Неужели ты могъ почувствовать свою зависимость отъ мамы, Митя? Я такой родной матери не видѣла, какъ она!

— Ну, да, по-вашему, по-женски, было бы необходимое... Ты счастлива трехрублевкой на свои удовольствія.

— Нѣжинскіе—студенты...

— То Нѣжинскіе, а то я. Не всѣ на одну колодку.

— Жаль, колодка хорошая. Я очень уважаю Нѣжинскихъ.

— Ну, и уважай сколько душѣ угодно, если ты не можешь понять меня. Я не кабинетный червь, какъ Нѣжинскіе, я не могу корпѣть надъ книгами, мнѣ нужна кипучая практическая жизнь. Тамъ—просторъ для моихъ силъ, въ этомъ непочатомъ краю. Если твои Нѣжинскіе такое совершенство, молись на нихъ и оставь меня.

Нахмурясь, какъ капризный ребенокъ, онъ махнулъ рукой и сердито зашагалъ по аллеѣ.

— Это ты не хочешь понять меня, Митя,—кротко возразила Катя:—дѣло ясно. Въ годы, когда надо учиться, когда каждаго живого человѣка влечетъ наука, ты погнался за деньгами. Ты промѣнялъ наслажденіе съ каждымъ днемъ пріобрѣтать знаніе, уяснять себѣ законы жизни природы, жизни людей... съ каждымъ днемъ видѣть, какъ расширяется твой горизонтъ, узнавать отвѣты на всѣ вопросы—на что ты все это промѣнялъ?.. На корпѣнье надъ конторскими книгами, на соображенія, какъ купить подешевле, продать подороже. Вмѣсто профессора—принципалъ, у котораго ты будешь на побѣгушкахъ. Вмѣсто центра умственной жизни—грубый, невѣжественный Ташкентъ. И на это убить лучшіе годы ради денегъ!

— Деньги для меня не цѣль, а средство, ты это знаешь. Я говорилъ и говорю это тебѣ.

Онъ остановился и, присѣвъ на дерновую скамью, продолжалъ:

— Ну, разсуди хладнокровно, безъ женскаго стрижено—брито. Многое-ли я могу сдѣлать, когда кончу курсъ технологическаго или земледѣльческой, если у меня не будетъ ни гроша. Учить крестьянъ пахать плугами на ихъ кляченкахъ, которыя еле волочатъ соху; заводить многопольное хозяйство на трехъ-четырехъ десятинахъ земли, хоть бы на шести, какъ у нашихъ тарасовцевъ. Да мнѣ мужикъ скажетъ дурака. Къ своей землѣ прилагать знаніе, сама закричишь—узко...

— Давно-ли самъ говорилъ другое? Нѣжинскіе—и отецъ, и сыновья умѣютъ вліять...

— Вдалбливая пять лѣтъ, научили косить анръ на подстилку скоту, чтобы не разбирать крыши въ безкормицу,—и то какой-нибудь десятокъ мужиковъ,—а остальные „отцы и дѣды наши не косили“. Травосѣянію—другой десятокъ научили, изъ котораго половина кулаки.

— И то хорошо, что десятокъ научили; эта горсть научитъ сотни, а сотни...

Онъ расхохотался.

— И пойдетъ въ геометрической прогрессіи... Ну, пусть твои Нѣжинскіе тѣшатся своими крохами. Я не могу довольствоваться такимъ жалкимъ результатомъ. Мои планы крупнѣе. Я вернусь черезъ шесть лѣтъ съ капиталомъ. Половину себѣ, и я хочу жить и имѣю право. На половину покупаю землю, сажаю на нее молодыхъ мужиковъ съ нищенскаго надѣла, или тѣхъ, которые хотятъ выдѣлиться изъ семьи,—сажаю на долгосрочную аренду подъ условіемъ вести раціональное хозяйство. Будетъ агрономъ... Одну треть дохода имъ, вторую на улучшенія, третью на подати и погашеніе. Когда земля будетъ очищена отъ долга, она перейдетъ въ собственность общества... И такъ далѣе.

Онъ одушевился и подробно развивалъ этотъ планъ, мелькнувшій въ его головѣ, когда онъ ѣхалъ въ Тарасовку и думалъ о томъ, что надо отвѣтить чѣмъ-нибудь яснымъ и положительнымъ на всѣ разспросы и причитанья тетки и Кати. Онъ забылъ, что вычиталъ этотъ планъ въ какой-то тенденціозной повѣсти мелкаго журнала и искренно считалъ его своей идеей. Онъ показалъ Катѣ въ записной

книжкѣ страничку, исписанную рядами цифръ,—вычисленія стоимости земли, инвентаря, погашенія. Онъ импровизировалъ картину будущей сельской общины. Онъ привлечетъ свѣжія молодыя силы, онъ всю жизнь положитъ на это дѣло, завѣщаетъ дѣтямъ. Оно не умретъ съ нимъ, но будетъ разростаться, покрывать уѣздъ, губернію и т. д. сѣтью земледѣльческихъ ассоціацій по послѣднему слову агрономіи.

— Ну, что, Катя?—ликующимъ тономъ спросилъ Дмитрій, когда потокъ его импровизаціи изсякъ.—Нѣжинскіе твои могутъ только учить. Я принесу ту животворную силу, безъ которой знаніе безсильно. Моя община будетъ первой клѣточкой, живымъ примѣромъ. Это получше, чѣмъ всю жизнь учить косить аиръ, сѣять клеверъ, или удобрять минеральными порошками. Что ты скажешь?

Катя не возражала ничего. Она была убѣждена. Митя говорилъ съ такимъ страстнымъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ. Она восторженно ловила каждое слово его, и передъ ея засіявшимъ, смотрѣвшимъ вдаль взглядомъ складывался образъ будущей общины, свѣтлыя, чистыя избы, достатокъ, здоровыя, довольныя, осмысленныя лица. Вѣковой мракъ уступилъ свѣту разума; она съ Митей несетъ имъ этотъ свѣтъ. Да, она была эгоисткой, требуя, чтобы онъ шелъ ея путемъ. Взглядъ, смотрѣвшій вдаль, остановился на Митѣ, и въ немъ было столько вѣры, обожанія, гордости.

— И ты все-таки не согласишься быть моей женой черезъ годъ?—спросилъ Дмитрій съ горькимъ упрекомъ.—Ты меня оставишь на чужой сторонѣ одного?..

Сіяющее лицо померкло. Катя очутилась на землѣ. Она поникла головой, и двѣ крупныя слезы медленно покатились по поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Митя, милый, родной, не могу... Прости... Не могу я отказаться отъ своихъ надеждъ, своихъ стремленій. Пойми меня и ты. Ты вернешься, у тебя будетъ дѣло, а я-то чѣмъ буду? Только придаткомъ твоей жизни.. Я не въ силахъ отречься отъ всего... Лучшіе годы въ праздности, на востокѣ... Мнѣ больно, Митя, душа моя рвется, но я не могу, это будетъ противъ совѣсти... И мама скажетъ... Мнѣ только минуло семнадцать... И такой шагъ, на всю жизнь... Это мама говоритъ...

— Развѣ я Каринскій? Развѣ ты мнѣ не вѣришь?—вспылилъ Дмитрій, вскакивая со скамьи.

— О Митя!

Онъ молилъ ее, говорилъ о своей любви, о тоскѣ одиночества и слышалъ въ отвѣтъ измученный шопотъ: „не могу, Митя, милый“.—Онъ осыпалъ ее упреками, въ которыхъ выплились весь гнѣвъ и все горе его. Катя видѣла только горе и, кинувшись къ нему на шею, обѣими руками наклонила его голову и цѣловала лобъ и глаза, какъ, бывало, дѣвочкой утѣшала его въ дѣтскихъ горестяхъ.

— Митя, безцѣнный, ненаглядный мой Митя! Пойми... Если тебѣ дороги твои планы, мнѣ дороги мои. Не требуй отъ меня измѣны... Что я буду, не учившись?.. Митя, не сердись... Но что-то говоритъ во мнѣ, что мой планъ вѣрнѣе твоего... Ты можешь вернуться ни съ чѣмъ, убивши лучшіе годы... Всѣ говорятъ — спекуляція азартная игра. Откажись... Уѣдемъ вмѣстѣ, какъ думали, учиться. Будемъ настоящими людьми, найдемъ товарищей и деньги для твоей общины... И мама будетъ такъ счастлива... Она изстрадалась за тебя... Пойми, я не требую отъ тебя отреченія, измѣны... Только средство твое рисковано... Наши прежніе планы вѣрнѣе... Вмѣстѣ будемъ, Митя... А то шесть лѣтъ... врозь...

Она зарыдала.

Этотъ молящій голосъ, этотъ взглядъ большихъ любящихъ глазъ, въ которыхъ онъ видѣлъ душу, отдавшуюся ему, мучившуюся за него, обаятельная близость любимой дѣвушки поколебали юношу. Мелькнула мысль—могу вернуться безъ гроша или съ жалкими грошами, и для этого бросить все дорогое!.. Богъ знаетъ, что еще придется вынести въ томъ краю... Но это былъ одинъ мигъ колебанія. И, цѣлуя слезы на лицѣ Кати, онъ отвѣчалъ:

— Не могу. Я далъ слово, взялъ жалованье за два мѣсяца впередъ.

— Тетя уплатитъ, она для этого найдетъ деньги. Митя, Митя!

— Не могу. Я не мальчикъ, чтобы мѣнять намѣренія.

Руки, обвивавшія его шею, соскользнули, и Катя, поникнувъ головой, пошла къ дому. Онъ шелъ, держа ея руку и уговаривая не плакать. Онъ рисовалъ картину возвращенія, будущей жизни вмѣстѣ, въ Тарасовкѣ.

Липовая аллея, которая на своемъ вѣку слышала много любовныхъ признаній, видѣла многъ слезъ, поцѣлуевъ, ра-

достныхъ и печальныхъ сценъ и впервые видѣла и слышала такую сцену, кончалась у густой лужайки, по которой мѣстами алѣли темнорозовыми и свѣтломалиновыми пятнами осеннія астры. На одномъ розовомъ кустѣ уцѣлѣло двѣ-три темно-алыя розы. Митя сорвалъ ихъ и воткнулъ въ косы Катѣ. Анна Петровна стояла на ступенькахъ галлереи и смотрѣла на своихъ дѣтей.

— Мы скажемъ тетѣ, что мы женихъ и невѣста, Катя!

Лицо ея радостно вспыхнуло, и оба сіяющіе, рука въ руку поднялись они по ступенькамъ галлереи и объявили Аннѣ Петровнѣ то, что она давно уже знала.

Черезъ недѣлю Дмитрій уѣхалъ, давъ торжественное обѣщаніе вернуться черезъ шесть лѣтъ, все равно, наживетъ-ли онъ капиталъ или нѣтъ. Онъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что наживетъ.

И. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И МАТЕРЬЯЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРІИ.

Въ послѣднее время въ русскомъ образованномъ обществѣ обнаружился большой интересъ къ ученію экономическаго или историческаго матерьялизма. Съ этимъ ученіемъ мы знакомы почти исключительно по нѣмецкимъ источникамъ, а такъ какъ теперешніе нѣмецкіе его представители, вмѣсто того, чтобы развивать дальше и всестороннѣе идеи первыхъ провозвѣстниковъ и основателей этой гипотезы, очень мало разрабатывали вопросъ объ историческомъ процессѣ съ психологической стороны, посвящая главныя силы развитію ученія о первенствующемъ значеніи экономическихъ отношеній, то, благодаря этому, общая концепція разсматриваемаго ученія представляется въ одностороннемъ и незаконченномъ видѣ и вызываетъ цѣлую массу возраженій психологическаго характера, которыя могутъ исчезнуть лишь послѣ того, какъ интересующее насъ ученіе примиритъ противорѣчіе, существующее между идеалистической и матерьялистической сторонами историческаго процесса.

Предлагаемая вниманію читателя лекція профессора философіи, Жореса, посвящена именно тому вопросу, о которомъ мы только-что говорили. Мы думаемъ, поэтому, что она будетъ небезъинтересна для русскаго читателя.

Лекція Жореса, изложенію которой посвящена настоящая статья, служитъ продолженіемъ другого его чтенія, въ которомъ французскіе его слушатели были ознакомлены съ сущностью ученія Маркса объ историческомъ матерьялизмѣ. Открывая эту лекцію, Жоресъ просилъ слушателей не смѣшивать матерьялизмъ въ смыслѣ Маркса съ матерьялизмомъ физіологическимъ. Марксъ не только не утверждалъ, что всѣ явленія мысли и сознанія объясняются простой группировкой матерьяльныхъ молекулъ, но, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, называлъ такое объясненіе метафизическимъ. Равнымъ образомъ экономическій матерьялизмъ имѣетъ мало общаго и съ матерьялизмомъ моральнымъ, учащимъ о подчиненіи всей человѣческой дѣятельности удовлетворенію физическихъ потребностей

и стремленію къ личному благу. Въ своемъ «Капиталѣ» Марксъ, какъ извѣстно, отзывается съ презрѣніемъ о тѣхъ теоретикахъ утилитаризма, которые, подобно Іереміи Бентаму, принимаютъ, что человѣкъ всегда дѣйствуетъ для личнаго интереса и сознательно стремится лишь къ нему одному. Между этими двумя доктринами не только нѣтъ ничего общаго, но онѣ даже противоположны одна другой. Марксъ считаетъ, что сами формы мысли и чувства опредѣляются въ человѣкѣ формами экономическихъ отношеній— и этимъ вводитъ, въ качествѣ фактора, вліяющаго на поведеніе личности, силы соціальныя, коллективныя, историческія, могущество которыхъ превосходитъ силу индивидуальныхъ двигателей.

Сообразно съ господствующей формой экономическаго строя того или другого общества, по ученію Маркса, складываются характеръ, міровоззрѣнія, нравственность и общее направленіе дѣятельности этого послѣдняго. Люди дѣйствуютъ не въ силу отвлеченной идеи справедливости и права, а потому, что соціальная система, установленная у нихъ въ извѣстный моментъ данными отношеніями производства, уступаетъ свое мѣсто другой системѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ происходитъ соотвѣтственное измѣненіе политическихъ, нравственныхъ, эстетическихъ, научныхъ и др. воззрѣній. Такимъ образомъ, интимнымъ двигателемъ исторіи является, по Марксу, система организаціи экономическихъ интересовъ. Это ученіе получило наименованіе «экономическаго матерьялизма», потому что согласно ему человѣкъ не находитъ въ своемъ мозгу готовой идеи справедливости; его идеи образуются путемъ отраженія въ его мозговомъ веществѣ экономическихъ отношеній производства.

Рядомъ съ этой матерьялистической концепціей существуетъ и концепція идеалистическая, которую можно формулировать слѣдующимъ образомъ: съ момента своего образованія человѣчество носитъ въ себѣ неясную идею, какъ бы предчувствіе своей судьбы, ожидающаго его развитія.

Еще до начала исторіи, когда еще не была установлена какая-либо опредѣленная система экономическихъ отношеній, человѣчество уже носило въ себѣ идею справедливости и права и стремилось къ этому идеалу, переходя отъ низшей формы цивилизаціи къ высшей. Это значитъ, что движеніе человѣчества въ томъ или иномъ направленіи происходитъ не вслѣдствіе автоматическаго измѣненія формъ производства, а подъ вліяніемъ ясно или не ясно сознаннаго идеала. Источникъ движенія и дѣйствія кроется только въ идеѣ. Продукты ума не только не являются результатомъ экономическихъ явленій, но, обратно, послѣднія мало-по-

малу выражаютъ и воплощаютъ въ дѣйствительности и въ исторіи идеалы человѣчества.

Такова концепція идеализма въ исторіи, независимо отъ безчисленныхъ формулировокъ этого воззрѣнія, данныхъ различными философскими и религіозными школами. Хотя съ перваго взгляда кажется, что оба формулированныя воззрѣнія исключаютъ другъ друга, но на самомъ дѣлѣ они мало-по-малу сливаются и примиряются въ сознаніи современнаго общества. Вы не найдете такого идеалиста, который бы признавалъ, что осуществленіе высшаго идеала человѣчества возможно безъ предварительнаго измѣненія экономической организаціи общества. Съ другой стороны, вы найдете очень мало такихъ адептовъ экономическаго матерьялизма, которые считали бы излишнимъ обращаться къ идеѣ справедливости и права, которые ограничивались бы предвидѣніемъ будущаго, какъ неизбѣжнаго слѣдствія экономической эволюціи, и не привѣтствовали бы его, какъ что-то высшее, какъ осуществленіе на землѣ справедливости и права.

Есть-ли здѣсь противорѣчіе? Марксъ, строго оберегавшій нѣсколько жесткую цѣльность своей формулы, зло надсмѣхался надъ людьми, которые обращеніемъ къ чистой идеѣ справедливости надѣются увеличить силу экономическаго развитія и соціальнаго движенія и которые, по его выраженію, «стараются набросить на сущность исторіи, на самые факты нѣчто въ родѣ покрова, соткапнаго изъ невещественныхъ питокъ діалектики, вышитаго цвѣтами риторики и орошеннаго сантиментализмомъ».

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, возможно-ли теоретическое и не противорѣчащее доктринѣ примиреніе между матерьялистической и идеалистической концепціями, примиреніе, отчасти уже осуществленное во Франціи инстинктомъ, быть можетъ, слѣпымъ, коллективистическаго сознанія, или же эти два представленія непримиримы. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, приходится-ли дѣлать рѣшительный выборъ между этими двумя воззрѣніями или мы можемъ разсматривать ихъ, какъ двѣ различныя стороны одной истины.

Врядъ-ли возможно рѣшить этотъ частный вопросъ, не связавъ его съ задачей болѣе общей, не выяснивъ, какъ человѣческому уму вообще представляется въ настоящее время общая проблема познанія.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ, начиная съ эпохи возрожденія, главныя усилія человѣческой мысли были направлены къ примиренію несходныхъ или даже противорѣчивыхъ представленій. Въ этомъ заключается характеристическій признакъ всего философскаго и умственнаго движенія.

Предъ эпохой возрожденія стояло, повидимому, неразрѣшимое противорѣчіе между духомъ христіанства и духомъ античнаго міра. Послѣдній выражалъ собою культъ природы, нѣчто болѣе, чѣмъ признаніе — обожаніе ея; тогда какъ духъ христіанства былъ отрицаніемъ, осужденіемъ природы. Такимъ образомъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ, мыслящее общество очутилось лицомъ къ лицу съ духовнымъ наслѣдствомъ, проникнутымъ противорѣчіемъ, съ дуализмомъ, который предстояло привести къ единству. Задача еще болѣе осложнилась, вслѣдствіе развитія научнаго духа и опытныхъ наукъ, такъ какъ строгое, положительное изученіе и объясненіе явленій природы, путемъ примѣненія законовъ механики и математики, лишало ее тѣхъ чертъ красоты, того кажущагося оживленія и кажущейся таинственности, какими природа обладала въ глазахъ представителей античнаго міра.

Такимъ образомъ, предстояло примирить, съ одной стороны, пониманіе природы античнаго міра съ христіанскимъ міросозерцаніемъ, а съ другой—стремленіе къ свободѣ, свойственное человѣческому духу, съ тѣмъ пониманіемъ природы, какое было создано новою наукой, со взглядомъ на нее, какъ на простую связь явленій, обусловленныхъ чисто механической необходимостью.

И вотъ, является Декартъ, начавшій при помощи особеннаго методологическаго пріема съ того, что замкнулся, какъ христіанинъ, во внутреннемъ тайникѣ своего сознанія и устранилъ всю внѣшнюю жизнь и природу, какъ призракъ, подлежащій еще изслѣдованію. Исходя, затѣмъ, изъ мысли, какъ изъ основы познанія, онъ находитъ идею Бога и такимъ образомъ какъ бы реализируетъ то изолированіе сознанія, которое вмѣстѣ съ отверженіемъ природы составляло отличительную черту христіанства. Найдя, такимъ образомъ, первую надежную опору для спекуляціи—вмѣсто того, чтобы разрабатывать вопросы внутренней жизни, какъ это дѣлали христіане, онъ пошелъ по пути вполнѣ, казалось ему, достовѣрнаго познанія природы и задумалъ укрѣпить основаніе положительной, опытной и дедуктивной науки.

У Лейбница мы находимъ ту же попытку примирить человѣка и природу. Всюду, даже въ силахъ чисто матерьяльныхъ, онъ указываетъ нѣчто аналогичное духу; въ законахъ физики и химическихъ комбинаціяхъ онъ находитъ желаніе, чувство красоты, стремленіе къ гармоническимъ отношеніямъ, подлежащимъ точнымъ математическимъ законамъ. Здѣсь—тоже соглашеніе всемірнаго детерминизма съ всемірной свободой. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что въ мірѣ нѣтъ движенія, которое не было бы до безконечности связано съ другими движеніями. Колебаніе, которое, напр., человѣкъ вызываетъ въ воздухѣ звукомъ

своего голоса, есть слѣдствіе безчисленнаго множества предшествовавшихъ колебаній и само будетъ до безконечности повторяться, незамѣтно передаваясь черезъ посредство вызываемыхъ имъ сотрясеній стѣнъ залы внѣшнему воздуху, а затѣмъ, повторяясь въ смутныхъ формахъ, за которыми мы не имѣемъ возможности слѣдить. Нельзя, поэтому, произвести ни малѣйшаго движенія, нельзя перемѣстить песчинки, не измѣнивъ общаго равновѣсія.

Но, въ то время, какъ эта связь движеній, явленій и фактовъ всемірна и безгранична, ни одна сила не дѣйствуетъ по принужденію. Когда одинъ билліардный шаръ, давъ толчекъ другому, приводитъ его въ движеніе, то движеніе это является слѣдствіемъ законовъ эластичности, присущихъ шару въ силу его строенія; движенія, происходящія, повидимому, подъ внѣшнимъ вліяніемъ, въ сущности обусловлены изнутри. Передъ нами одновременно и непрерывная связь, и безусловное самоопредѣленіе.

У Спинозы мы находимъ то же самое соглашеніе между природой и Богомъ, между фактомъ и идеей, между силой и правомъ.

Для Канта, какъ извѣстно, философская задача состояла именно въ томъ, чтобы найти синтезъ противорѣчивыхъ положеній, представляющихся человѣческому уму. Ограничены-ли вселенная и время или безграничны? Ограниченъ-ли рядъ причинъ? Все-ли подчинено всемірной и непреклонной необходимости, или остается какая-нибудь доля для свободы человѣческихъ дѣйствій?

Это все тезы и антитезы, отрицанія и утвержденія, между которыми колеблется человѣческій умъ.

Все усиліе кантовской философіи направлено на разрѣшеніе этихъ противорѣчій, этихъ основныхъ антиномій.

Наконецъ, Гегель такъ формулировалъ итоги этого долгаго труда: истина заключается въ противорѣчіи. Тотъ, кто выставляетъ тезисъ, не противопоставляя ему антитезиса, ошибается, является игрушкой ограниченной обманчивой логики. Въ дѣйствительности, въ реальномъ мірѣ, противоположности такъ же проникаютъ другъ друга, какъ взаимно проникнуты конечное и безконечное. Этотъ подносъ ограниченъ: онъ представляетъ небольшую поверхность, а между тѣмъ въ предѣлахъ этой поверхности можно начертать безконечное число фигуръ. Утверждая поэтому, что квадратъ ограниченъ, вы высказываете лишь часть истины: онъ одновременно и конеченъ, и безконеченъ. Равнымъ образомъ, тотъ ошибается, кто отдѣляетъ область разума отъ области реальнаго и область реальнаго отъ области разума.

Обыкновенно полагаютъ, что разъ вещь существуетъ, она

тѣмъ самымъ отступаетъ отъ идеала, что она не можетъ быть, напримѣръ, безусловной красотой, безусловной истиной; полагаютъ, что идеалъ можетъ сохранить чистоту лишь въ мысли человѣка, а, реализируясь, онъ утрачиваетъ часть своихъ возвышенныхъ чертъ. Это представленіе произвольно и ложно: все, что принадлежитъ разуму, должно неизбѣжно входить въ область жизни. Нѣтъ такого умственнаго представленія, которое не переходило бы въ реальную жизнь, и нѣтъ такой реальности, которую нельзя было бы свести на идею, которую нельзя было бы объяснить умственнымъ процессомъ.

Эта формула синтеза несогласныхъ положеній, соглашенія противорѣчій путемъ отождествленія раціональнаго и идеальнаго имѣла глубокое вліяніе. Мы не говоримъ уже о томъ или другомъ періодѣ исторіи, что онъ былъ періодомъ варварства. Мы говоримъ: все, что есть,—потому лишь, что оно есть,—все, что было,—потому лишь, что оно было,—имѣло разумную причину и коренится въ разумѣ. Но эта разумность неполна.

Я считаю лишнимъ напоминать, что Марксъ былъ ученикомъ Гегеля, и прямо скажу, что онъ далъ замѣчательное примѣненіе только-что указанной формулы синтеза противоположностей, когда констатировалъ существующіе въ настоящее время антагонизмъ классовъ и экономическую войну, противопоставляя классъ капиталистовъ классу пролетаріевъ. Такъ какъ этотъ антагонизмъ порожденъ капиталистическимъ строемъ, въ которомъ царитъ борьба и раздоръ, то именно поэтому онъ подготовляетъ новый строй всеобщаго мира и гармоніи. Все это вполнѣ подходитъ подъ старую формулу Гераклита, охотно цитируемую Марксомъ: «Миръ есть ничто иное, какъ одна изъ формъ, одинъ изъ видовъ войны, а война—одна изъ формъ, одинъ изъ видовъ мира. Ихъ нельзя разсматривать, какъ противоположности: то, что сегодня выступаетъ, какъ борьба, есть начало завтрашняго соглашенія».

Современное понятіе о тождествѣ противоположностей встрѣчается и въ другой замѣчательной концепціи марксизма. До сихъ поръ человѣческимъ развитіемъ управляла безсознательная сила исторіи, до сихъ поръ движеніе человѣчества направлялось не волею людей, а экономическимъ развитіемъ. Людямъ то кажется, что они вызываютъ событія, то, напротивъ, что они находятся въ неподвижномъ прозябаніи; въ дѣйствительности же, экономическія измѣненія, совершаясь помимо ихъ вѣдома, помимо ихъ же вѣдома и вліяютъ на нихъ. Человѣчество походило на спящаго пассажира, котораго несетъ теченіе и который не содѣйствуетъ своему движенію, или, по крайней мѣрѣ, не отдаетъ

себѣ яснаго отчета въ направленіи послѣдняго. Только время отъ времени онъ просыпается и замѣчаетъ, что пейзажъ вокругъ него измѣнился.

Но когда настанетъ моментъ исчезновенія классоваго антагонизма, когда объединенное человѣчество станетъ владѣть орудіями производства, соотвѣтствующими извѣстнымъ и опредѣленнымъ нуждамъ людей, тогда человѣчество пробудится отъ долгаго періода безсознательности, въ которомъ оно, толкаемое слѣпой силой событій, шло уже не мало вѣковъ, и вступитъ въ новую эру, гдѣ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы подчиняться ходу событій, самъ будетъ управлять ими. Наступленіе этой эры полнаго сознанія и свѣта стало возможнымъ, благодаря предшествовавшему періоду безсознательности и мрака.

Еслибъ въ неопредѣленную эпоху начала исторіи люди захотѣли сознательно управлять ходомъ событій, они только противодѣйствовали бы ему и истощили рессурсы своего будущаго. Пожелавъ слишкомъ рано дѣйствовать вполнѣ сознательно, они, тѣмъ самымъ, отняли бы у себя возможность когда-либо жить сознательной жизнью, точно такъ же, какъ это повторяется въ ребенкѣ, призванномъ къ сознательной умственной жизни раньше, чѣмъ въ немъ завершилась безсознательная эволюція органической жизни, раньше первыхъ проявленій нравственной жизни: кого заставляютъ мыслить въ дѣтствѣ, тотъ будетъ лишенъ способности мыслить взрослымъ.

По мнѣнію Маркса, безсознательная жизнь въ прошломъ является необходимымъ условіемъ для подготовки сознательной жизни въ будущемъ. Такимъ образомъ сама исторія беретъ на себя разрѣшеніе существеннаго противорѣчія.

Спрашивается: можно-ли и не должно-ли, не отвергая сущности марксизма, пойти дальше въ примѣненіи синтеза противорѣчій и поискать основного примиренія между экономическимъ матерьялизмомъ и идеализмомъ въ примѣненіи къ историческому процессу?

Примиреніе экономическаго матерьялизма и историческаго идеализма не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ отмежеванія каждому изъ нихъ отдѣльной области, въ смыслѣ указанія, что одна часть историческихъ явленій подчинена экономической необходимости, а другая направляется чистой идеей, въ родѣ идеи человѣчности, справедливости, права. Матерьялистическое воззрѣніе нельзя поставить по одну сторону перегородки, а идеалистическое по другую,—ихъ примиреніе должно заключаться въ слитіи въ одно цѣлое, подобно тому, какъ въ органической жизни человѣка слита механическая дѣятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства.

Нѣтъ ни одного движенія въ человѣческомъ мозгу, которое не соотвѣтствовало бы ясному или смутному состоянію сознанія, и нѣтъ такого состоянія сознанія, которое не соотвѣтствовало бы извѣстному мозговому движенію. Еслибъ возможно было вскрыть мозгъ и прослѣдить безконечно тонкія движенія, которыя тамъ зарождаются, опредѣляются и сцѣпляются другъ съ другомъ, то по этой физіологической подкладкѣ можно было бы прослѣдить всю психологическую дѣятельность нашей мысли, нашихъ понятій, нашихъ волевыхъ процессовъ. И, однако, въ этомъ все-таки кроется противорѣчіе, которое разрѣшается жизнью помимо нашего сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за процессами мышленія, мы должны сказать, что существующая въ данный моментъ въ нашемъ мозгу идея обусловливается предъидущей идеей, съ которой она состоитъ въ логической связи, и что всѣ наши идеи сцѣплены между собой или логическими отношеніями, или отношеніями сходства, противоположности, причинности. Такимъ образомъ, въ основѣ нашего мышленія, повидимому, лежатъ только интеллектуальныя силы, и, кромѣ того, вся дѣятельность нашего сознанія какъ бы опредѣляется идеей будущаго. Если, напримѣръ, въ данную минуту я говорю, то это потому, что въ моей головѣ есть мысль, явившаяся какъ логическое слѣдствіе предъидущей мысли и цѣлаго ряда предшествовавшихъ мыслей, и что, кромѣ того, я имѣю въ виду осуществленіе въ будущемъ извѣстной цѣли. Я потому даю въ настоящую минуту своимъ мыслямъ то или иное направленіе, что хочу представить полное доказательство извѣстной идеи. Такимъ образомъ, моя настоящая мысль единовременно—и обусловлена цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ идей, и какъ бы вызвана идеей будущаго. Но, разсматривая тотъ же процессъ съ физіологической стороны, мы его объясняемъ только какъ движеніе мозгового вещества (соотвѣтствующее данной мысли), обусловленное предшествующимъ движеніемъ. Слѣдовательно, въ насъ происходитъ одновременно и процессъ физіологическій, и процессъ сознанія; наша рѣчь есть и простой механическій актъ, и самоопредѣленіе: въ сцѣпленіи мозговыхъ движеній настоящее опредѣляется только прошедшимъ, тогда какъ въ сцѣпленіи идей и умственныхъ понятій настоящее какъ бы обусловливается будущимъ. Быть можетъ, кто-либо скажетъ, что между отправленіями нашего мозга и сознательнымъ развитіемъ нашихъ идей существуетъ безусловное противорѣчіе. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Обѣ эти точки зрѣнія находятся лишь въ кажущемся противорѣчіи; синтезъ ихъ уже сдѣланъ, примиреніе найдено: нѣтъ ни одной мысли, которая не соотвѣтствовала бы мозго-

вому движенію, какъ нѣтъ ни одного мозгового движенія, которое не соотвѣтствовало бы, по крайней мѣрѣ, зачатку мысли.

То же самое имѣетъ мѣсто и въ исторіи. Подобно тому, какъ всѣ историческія явленія вы можете объяснить простой экономической эволюціей, вы ихъ вправѣ приписать и постоянному безпокойному стремленію человѣчества къ высшей формѣ существованія. Для болѣе точнаго выясненія вопроса, нужно обратиться къ теоретикамъ марксизма за нѣкоторыми разъясненіями.

Марксъ говоритъ: «Человѣческій мозгъ не рождаетъ изъ самого себя идеи права, которая въ подобномъ случаѣ не имѣла бы ни существеннаго значенія, ни реальнаго содержанія. Вся человѣческая жизнь, умственная и нравственная, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ отраженіе экономическихъ явленій въ мозгу человѣка» [1]). Пусть будетъ такъ. Но вѣдь нужно же принять во вниманіе и этотъ самый мозгъ, обладающій нѣкоторыми, присущими ему, свойствами.

Человѣчество есть продуктъ долгой біологической эволюціи, предшествовавшей эволюціи исторической, и когда, въ силу біологическаго развитія, человѣкъ возвысился надъ животнымъ, въ мозгу его оказались въ наличности извѣстныя наклонности и влеченія.

Прежде всего обнаружилась способность того, что можно назвать безкорыстнымъ (désintéressée) чувствованіемъ. По мѣрѣ того, какъ при изученіи мы подымаемся по лѣстницѣ животной жизни, мы замѣчаемъ, какъ мало-по-малу чисто эгоистическія чувства подчиняются эстетическимъ и безкорыстнымъ. У низшихъ животныхъ особенное развитіе получили не зрѣніе и слухъ, а обоняніе, вкусъ и способность хватанія, т.-е. чувства, необходимыя непосредственно и порожденныя чисто-эгоистическими физическими влеченіями. Подымаясь же по зоологической лѣстницѣ, мы наблюдаемъ все большее и большее развитіе чувства зрѣнія и слуха. Правда, зрѣніе животнаго также служитъ ему для преслѣдованія добычи, но, помимо того, при помощи этого чувства, оно получаетъ представленіе и о множествѣ другихъ образовъ, ничего общаго неимѣющихъ съ животнымъ аппетитомъ. Если животное посредствомъ слуха воспринимаетъ звуки, способные навести на слѣдъ добычи или предостеречь отъ опасности, то оно въ то

---

[1]) Авторъ не указываетъ, откуда онъ беретъ эти слова. Напомнимъ, съ своей стороны, основную мысль Маркса: экономическая структура общества образуетъ реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы сознанія. Способъ производства средствъ существованія обусловливаетъ соціальныя и духовныя явленія.

же время воспринимаетъ и множество другихъ звуковъ, гармоничныхъ, не имѣющихъ никакой непосредственной связи ни съ физическимъ аппетитомъ, ни съ его безопасностью. Такимъ образомъ, окружающій міръ, полный образовъ и звуковъ, возвышающихся надъ непосредственной чувствительностью и потребностями животнаго, при помощи зрѣнія и слуха, познается животнымъ не только какъ арена борьбы за существованіе. У животнаго уже пробуждена потребность въ свѣтѣ, въ мелодіи, въ гармоніи; мы видимъ его радость и восторгъ, когда оно получаетъ эти впечатлѣнія. Въ глубинѣ органической, чисто-эгоистической жизни мало-по-малу зарождается безкорыстное эстетическое чувство.

Кромѣ этого первобытнаго предрасположенія, съ которымъ человѣкъ первобытной эпохи вступаетъ на путь длинной экономической эволюціи, онъ обладаетъ способностью, проявляющейся и у животныхъ: улавливать общее въ частномъ, видовой типъ въ особи, отличать родовое сходство въ индивидуальномъ разнобразіи.

Человѣкъ-особь, человѣкъ первобытный видитъ въ другихъ особяхъ, съ которыми его сталкиваютъ законы экономическаго развитія, не только враждебныя или благопріятныя силы, но и силы себѣ подобныя; и въ его воображеніи впервые просыпается инстинктъ симпатіи, который дѣлаетъ его способнымъ, по подмѣченному сходству, отгадывать и переживать чужія радости и страданія. Это чувство симпатіи, постепенно подготовляющее братское примиреніе послѣ долгихъ вѣковъ борьбы, мы находимъ, рядомъ съ грубымъ эгоизмомъ, еще на зарѣ жизни человѣчества.

Наконецъ, еще раньше перваго проявленія мысли, человѣчество уже обладало чувствомъ единства. Первое проявленіе умственной дѣятельности состояло въ приведеніи всѣхъ существъ, всѣхъ формъ, всѣхъ [силъ къ смутно сознаваемому единству, и вотъ почему можно сказать, что человѣкъ есть животное метафизическое, ибо сущность метафизики состоитъ въ исканіи общаго единства, охватывающаго всѣ явленія и законы. Существованіе этого чувства единства доказывается свободнымъ созданіемъ рѣчи съ ея іерархіей словъ, представляющей іерархію охватывающихъ одна другую идей, съ ея категоріями словъ, выражающими категоріи идей.

Словомъ, пусть все дальнѣйшее развитіе человѣчества ограничивается отраженіемъ въ его мозгу экономическихъ явленій; но слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что въ этомъ мозгу уже существуютъ и эстетическое чувство, и чувство симпатіи, и потребность единства, т.-е. тѣ основныя силы, которыя непремѣнно повліяютъ и на экономическую жизнь. Сказаннаго не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ замѣщенія экономическаго фактора умствен-

нымъ. Нужно признать только невозможнымъ, чтобы экономическія явленія, отражаясь въ мозгу человѣка, не возбуждали въ немъ дѣятельности первичныхъ, только-что анализированныхъ двигателей. И вотъ поэтому-то, нельзя согласиться съ Марксомъ, что религіозныя, политическія и нравственныя воззрѣнія служатъ только отраженіемъ экономическихъ явленій. Существо человѣка и экономическая среда такъ тѣсно сливаются въ индивидуумѣ, что нѣтъ никакой возможности отдѣлять жизнь экономическую отъ жизни нравственной. Чтобы подчинить одну изъ нихъ другой, нужно было-бы предварительно разъединить ихъ, а это представляется невозможнымъ. Какъ нельзя разсѣчь человѣка и отдѣлить его органическую жизнь отъ духовной, такъ точно нельзя разсѣчь и историческое человѣчество, чтобы отдѣлить идейную жизнь отъ жизни экономической. Нѣкоторое подтвержденіе этого положенія можно найти въ греческой философіи.

Воззрѣнія грековъ на міровой экономическій порядокъ не были построены путемъ предварительнаго констатированія экономическихъ противорѣчій, изученія государственныхъ законовъ, распрей между богатыми и бѣдными и т. п.; — нѣтъ, въ одно и то же время, въ одной и той же концепціи они соединили явленія экономическія и явленія естественныя. Возьмите Гераклита, Эмпедокла, Анаксимандра: они констатируютъ въ одной и той же формулѣ и связь, и противорѣчіе элементовъ, независимо отъ того, принадлежатъ-ли эти элементы природѣ, какъ, напримѣръ, тепло и холодъ, свѣтъ и тьма, или физіологическому организму, какъ здоровье и болѣзнь, или же относятся къ области умственныхъ представленій, какъ совершенство и несовершенство, равенство и неравенство. Они ставятъ рядомъ противоположности, заимствованныя изъ природы и изъ жизни общества,—и Гераклитъ однимъ и тѣмъ же терминомъ «Космосъ» формулируетъ и міровой порядокъ, какъ слѣдствіе примиренія противоположныхъ элементовъ, и государственный порядокъ, какъ слѣдствіе соглашенія партій. Такимъ образомъ, греческіе мыслители однимъ взглядомъ обнимали и міровой порядокъ, выдѣляющійся изъ хаоса природы, и государственный порядокъ, возникающій изъ соціальнаго хаоса.

Интересующій насъ вопросъ нельзя исчерпать въ немногихъ словахъ. Приходится, поэтому, ограничиться предложеніемъ марксистамъ такого вопроса: каково ихъ мнѣніе относительно направленія движенія человѣчества вообще и экономическаго движенія въ частности?

Еще недостаточно сказать, что одинъ способъ производства смѣняетъ другой, еще недостаточно констатировать, что антро-

пофагія замѣнилась рабствомъ, что на смѣну рабства пришло закрѣпощеніе, что закрѣпощеніе уступило мѣсто наемному труду (salariat), который, въ свою очередь, будетъ замѣненъ коллективизмомъ. Надо еще высказаться и по вопросу о томъ—происходитъ-ли при всемъ этомъ эволюція или прогрессивное развитіе; и, если имѣетъ мѣсто послѣднее, то какова окончательная идея, которою оцѣниваются различныя формы человѣческаго развитія? Если же устранить понятіе о прогрессѣ, какъ слишкомъ метафизическое, то, спрашивается, почему историческое движеніе происходило именно такъ, а не иначе, отъ одной формы къ другой, отъ антропофагіи къ рабству, отъ рабства къ крѣпостному праву, отъ крѣпостнаго права къ наемному труду и затѣмъ къ коллективизму? Въ силу какихъ двигателей человѣческое развитіе, переходя отъ одной формы къ другой, слѣдовало этому, а не иному направленію?

Объяснить это можно очень просто, если дать мѣсто дѣятельности человѣка, какъ *человѣка*, дѣятельности тѣхъ его первоначальныхъ силъ, о которыхъ было говорено выше.

Вслѣдствіе того, что экономическія явленія относятся именно къ людямъ—до тѣхъ поръ, пока въ человѣчествѣ не водворится полная свобода и солидарность,—всякая форма будетъ заключать въ себѣ существенное противорѣчіе.

Спиноза превосходно выяснилъ внутреннее противорѣчіе, лежащее во всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Не становясь на точку зрѣнія отвлеченнаго права, онъ показалъ, что здѣсь существуетъ фактическое противорѣчіе: или эксплуатація нанесетъ притѣсняемымъ столько вреда, что, переставъ бояться послѣдствій протеста, они подымутся противъ нея, или же притѣснители будутъ въ извѣстной мѣрѣ удовлетворять нужды и потребности притѣсняемыхъ, и тогда послѣдніе тѣмъ самымъ будутъ подготовляться къ свободѣ. Такимъ образомъ эксплуатанія должна во всякомъ случаѣ исчезнуть, потому что дѣйствующія здѣсь силы—*живые люди*.

Сказанное имѣетъ примѣненіе ко всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Еще Гегель высказался на этотъ счетъ замѣчательно мѣтко. «Существенное противорѣчіе всякой тиранніи состоитъ въ томъ, что она должна обращаться съ людьми, какъ съ инертными орудіями, между тѣмъ какъ люди—каковы бы они ни были—не могутъ опуститься до состоянія вещественнаго механизма». Это противорѣчіе одновременно и логическое, и фактическое.

Логическое противорѣчіе заключается въ противорѣчіи между представленіемъ о человѣкѣ, какъ о существѣ, одаренномъ чув-

ствительностью, волей и размышленіемъ, и идеей механизма. Фактическое же противорѣчіе выражается въ томъ, что пользованіе живымъ человѣкомъ, какъ мертвымъ орудіемъ, приводитъ въ разстройство ту самую силу, которую хотятъ употребить въ пользу, и въ результатѣ получается нестройное и непрочное соціальное цѣлое. Такъ какъ указанныя противорѣчія одновременно насилуютъ идею человѣка и грѣшатъ противъ механическаго закона, опредѣляющаго правильную утилизацію человѣческой силы, то историческое движеніе представляется одновременно и идеалистическимъ протестомъ сознанія противъ режима, унижающаго человѣческую личность, и автоматической реакціей человѣческихъ силъ противъ непрочнаго и насильственнаго соціальнаго строя. Что представляла изъ себя антропофагія? Она заключала двойное противорѣчіе: нравственное противорѣчіе этого режима состояло въ томъ, что, принуждая человѣка убивать себѣ подобныхъ внѣ момента военнаго возбужденія, людоѣдство насиловало первичный инстинктъ симпатіи, о которомъ было говорено раньше. Въ экономическомъ отношеніи противорѣчіе состояло въ томъ, что людоѣдство обращало человѣка, способнаго къ правильному производительному труду, въ простую добычу, въ кусокъ мяса. Оба эти противорѣчія естественно вызвали къ жизни новый строй—рабскій: порабощеніе человѣка не такъ противно чувству симпатіи и выгоднѣе поработителю, чѣмъ убійство: трудъ раба приноситъ гораздо больше, чѣмъ его тѣло.

Все это вполнѣ примѣнимо и къ рабству, и къ крѣпостному праву, и къ наемному труду. Но если весь ходъ исторической жизни человѣчества слагается изъ существенныхъ противорѣчій между человѣкомъ, какъ таковымъ, и тѣмъ употребленіемъ, какое изъ него дѣлается, то понятно, почему историческое движеніе стремится, какъ къ своему предѣлу, къ такому экономическому строю, при которомъ человѣкъ будетъ утилизироваться только достойнымъ его образомъ. Въ этомъ переходѣ ко все болѣе и болѣе совершеннымъ формамъ какъ бы самопроизвольно осуществляется идея человѣчности. Поэтому, въ исторіи человѣчества мы находимъ не только необходимую эволюцію, но и разумное направленіе и идеальное чувство. Въ продолженіе многихъ вѣковъ человѣчество могло подвигаться къ осуществленію справедливости не иначе, какъ стремясь къ созданію строя, болѣе соотвѣтствующаго человѣческой природѣ, нежели существующій, и подготовляемаго послѣднимъ. Такимъ образомъ, развитіе нравственныхъ понятій дѣйствительно опредѣляется эволюціей экономическихъ формъ, но въ то же время, тѣми же, смѣняющими другъ друга, ступенями развитія сама собой открывается и утверждается

высшая идея человѣчности. И каково бы ни было разнообразіе среды, эпохъ, экономическихъ потребностей и пр.,—до насъ громко доносится и изъ устъ раба, и изъ устъ крѣпостнаго, и изъ устъ пролетарія все одинъ и тотъ же стонъ, одна и та же страстная надежда; — вотъ эти-то стонъ и надежда и есть безсмертный духъ человѣчности, составляющій душу того, что мы называемъ правомъ... Тѣмъ не менѣе, матерьялистическую концепцію не слѣдуетъ противопоставлять идеалистической. Онѣ слиты въ одномъ нераздѣльномъ процессѣ развитія: какъ нельзя освободить человѣка отъ экономическихъ отношеній, такъ нельзя отдѣлить и экономическія отношенія отъ человѣка. Исторія есть одновременно и процессъ, совершающійся по механическому закону, и стремленіе, осуществляемое сообразно закону идеала.

Наконецъ, развѣ вся жизнь не представляетъ намъ того же, что исторія? Природа создавала одну форму послѣ другой, одинъ видъ послѣ другого подъ двоякаго рода вліяніемъ. Здѣсь дѣйствовали среда и непосредственно предшествовавшія біологическія условія, почему все развитіе жизни подлежитъ матерьялистическому объясненію. Но въ то же время можно сказать, что первоначальная сила жизни, концентрированная въ первыхъ живыхъ клѣточкахъ, и общія условія существованія нашей планеты заранѣе опредѣлили главное направленіе и какъ бы планъ развитія этой жизни. Такимъ образомъ, безчисленное множество измѣняющихся организмовъ, подчиняясь опредѣленному закону, въ то же время, въ силу внутренняго стремленія, содѣйствовали осуществленію извѣстнаго плана жизни. Можно, поэтому, утверждать, что развитіе и біологической, и исторической жизни было одновременно и матерьяльное, и идеальное. Это значитъ, что примиреніе обѣихъ сторонъ историческаго процесса можетъ быть возведено къ синтезу болѣе общему, который въ настоящее время можно только указать, но не обосновывать.

Возвращаясь къ экономическому вопросу, можно спросить: развѣ самъ Марксъ не вводитъ въ свою историческую концепцію идеи прогресса, идеала, права? Онъ предвѣщаетъ коллективистическое общество будущаго не только какъ необходимое слѣдствіе капиталистическаго строя; онъ предвидитъ, что въ этомъ обществѣ прекратится, наконецъ, истощающій человѣчество антагонизмъ классовъ, и впервые будетъ осуществлена полная и свободная жизнь; что всѣ трудящіеся будутъ обладать одновременно и тонкой нервной организаціей городского рабочаго, и спокойной силой крестьянина, и что въ обновленномъ мірѣ засіяетъ болѣе благородная и счастливая жизнь.

Не означаетъ-ли это признаніе, что слово «справедливость»

имѣетъ смыслъ даже въ матерьялистической концепціи исторіи? И вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣется-ли основанія для надежды, что предложенное примиреніе идеалистическаго и матерьялистическаго элементовъ исторіи будетъ принято читателемъ, какъ правильное.

С. Ан—скій.

ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ.

(М. Конопницкой).

Вѣтерокъ, въ душистый полдень мая,
Отъ луговъ цвѣтущихъ налетая,
Цѣловалъ ея уста нѣмыя,
Шевелилъ покровы парчевые,
Дикихъ розъ букетъ, вѣнокъ зеленый,
Къ изголовью гроба прислоненный...
У окна онъ развѣвалъ, вздыхая,
Кисеею занавѣсокъ бѣлыхъ;
И съ крыльца взлетала стая
Голубей оспротѣлыхъ.
Ласточка въ окно стрѣлою
Съ пѣсней майскою впорхнула
И надъ мертвой головою
Чернымъ крылышкомъ мелькнула...

* * *

Сверкали весенняго солнца лучи,
Ее обливая сіяньемъ,
И дымное пламя надгробной свѣчи
Дрожало холоднымъ мерцаньемъ.
Никто не молился, никто не рыдалъ
Рыданіемъ вѣчной разлуки;
Никто не прощался, никто не стоналъ,
Ломая въ отчаяньи руки.
Лишь съ образа скорбныя очи Христа
Глядѣли на мертвое тѣло,
И лишь подъ окошкомъ, на вѣткѣ куста,
Малиновка пѣла...

* * *

Звонъ колокольный, звонъ заунывный
Вдругъ загудѣлъ,
Какъ зарыдалъ...
Глухо пронесся голосъ призывный:
Лѣсъ зашумѣлъ,
Лѣсъ застоналъ.
Лѣсомъ дремучимъ звуки гремѣли—
Вѣчная память! сосны шумѣли...

* * *

Поселяне, день встрѣчая,
Шли на сѣнокосъ,
Въ ясномъ воздухѣ сверкая
Сталью острыхъ косъ,
И сошлись къ ея порогу—
На нее взглянуть,
Ей прощанье на дорогу
Дальнюю шепнуть...
Робкій говоръ молодежи
Слышенъ у воротъ;
На землѣ слѣпецъ прохожій
Жалобно поетъ...
. . . . . .
. . . . . .

* * *

О, шумный лѣсъ! о, грустный звонъ!
По комъ твой плачъ? по комъ твой стонъ?
Гдѣ-жъ мать ея, отецъ родной?
Зачѣмъ не плачутъ братъ съ сестрой?
Ей мать родимая—земля,
Что жатвой золотитъ поля;
Родной отецъ ей сельскій людъ,
Кому несла любовь и трудъ;
Родные братья-сестры ей—
Толпа веселая дѣтей,
Которыхъ столько трудныхъ лѣтъ
Она вела изъ тьмы на свѣтъ.

* * *

Какъ юная жница пошла она нивой,
Смѣла и сильна,
И снопъ свой тяжелый весь день терпѣливо
Вязала она.
Никто не сказалъ ей сердечнаго слова,
Никто не помогъ;
Никто не узналъ ея доли суровой
И тайныхъ тревогъ.
И только порою, исполнена муки,
Отдавшись слезамъ,
Она простирала усталыя руки
Къ нѣмымъ небесамъ:
„Ахъ, скоро-ли, солнце, ты встанешь надъ нами?
Какъ глухо, темно!..“
А смерть роковая, какъ тѣнь за плечами,
Стояла давно...

* * *

Она—словно радугой людямъ была,
Ихъ съ небомъ, какъ землю, роднила;
И словомъ горячимъ дремоту села,
Какъ пѣніемъ пташка будила;
Она освѣжала небесной росой
Слезами сожженныя очи,
Сіяла для нихъ путеводной звѣздой
Во мракѣ безрадостной ночи...

* * *

Плотникъ-старикъ ожидаетъ;
Къ грустной онъ службѣ привыкъ,
Всѣхъ на тотъ свѣтъ снаряжаетъ
Вѣкъ свой отжившій старикъ.
Строгость во взорѣ склоненномъ...
Силенъ его молотокъ...
Гвозди вонзаются съ стономъ
Въ грани сосновыхъ досокъ.

* * *

Вотъ ужъ и крышку закрыли,
Молча крестомъ осѣнили,
Чинно, безъ плача свезли...
Дымкою степь серебрилась,
Солнце лучами струилось,
Ждало кладбище вдали...
Только сиротка прощалась
Грустными взорами съ ней,
Только въ саду осыпалась
Роза отъ жгучихъ лучей;
Только ей вслѣдъ щебетали
Ласточки рѣзвой семьей,
Только туманы вставали
Надъ голубою рѣкой...

А. Колтоновскій.

РИМЪ.

Романъ Эмиля Золя.

I.

Поѣздъ сильно запоздалъ между Пизой и Чивита-Векіей, и было уже около девяти часовъ утра, когда аббатъ Пьеръ Фроманъ пріѣхалъ въ Римъ, послѣ утомительнаго двадцати-пяти часового пути. Съ нимъ былъ только маленькій ручной чемоданчикъ; проворно выскочивъ изъ вагона посреди толкотни и суеты, онъ отстранилъ предлагавшихъ свои услуги носильщиковъ и понесъ самъ свой багажъ, торопясь остаться по пріѣздѣ наединѣ съ самимъ собою. Сейчасъ же передъ вокзаломъ, на площади Пяти Сотъ, онъ сѣлъ въ одну изъ открытыхъ колясочекъ, выровнявшихся вдоль тротуара, и, поставивъ рядомъ съ собой чемоданчикъ, крикнулъ извозчику адресъ:

— Улица Джулія, дворецъ Бакканера.

Это было въ понедѣльникъ, 3-го сентября, въ теплое утро съ поразительно яснымъ и свѣтлымъ небомъ. Кучеръ—маленькій, кругленькій человѣчекъ съ блестящими глазами и бѣлыми зубами—усмѣхнулся, по выговору узнавъ въ священникѣ француза. Онъ хлестнулъ свою тощую клячу, и коляска покатилась съ быстротой, свойственной чистенькимъ и веселымъ римскимъ извощичьимъ экипажамъ. Обогнувъ зелень маленькаго сквера и выѣхавъ на площадь Термъ, онъ обернулся, продолжая улыбаться, и указалъ своимъ бичемъ на развалины.

— Бани Діоклетіана,—сказалъ онъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, какъ человѣкъ обязательный и заискивающій у иностранцевъ, чтобы привлечь къ себѣ кліентовъ.

Коляска спустилась крупной рысью по крутому склону Національной улицы, идущей съ возвышенности Виминаль, на которой помѣщается вокзалъ. Съ этой минуты кучеръ оборачивался при каждомъ памятникѣ, указывая на него тѣмъ же жестомъ. Вдоль новой улицы не было ничего, кромѣ новыхъ же зданій. Но движеніе его бича было быстрѣе и голосъ—хотя и съ оттѣнкомъ иронін—возвысился, когда онъ назвалъ находившееся по лѣвой рукѣ громадное, новое зданіе, цѣлый каменный кварталъ, испещренный скульптурными украшеніями, фронтонами и статуями.

— Національный банкъ.

Пьеръ, рѣшившись недѣлю тому назадъ предпринять это путешествіе, проводилъ цѣлые дни, изучая по планамъ и по книгамъ топографію Рима. Онъ могъ и самъ найти дорогу, и поэтому объясненія были излишни. Его сбивали съ толку только нежиданные холмы, спускающіеся въ нѣкоторыхъ кварталахъ террасами. Направо возвышалась густая зелень, за которой тянулось безконечное желтое зданіе—монастырь или казарма.

— Квириналъ, королевскій дворецъ,—объявилъ кучеръ.

Спустились еще ниже, и коляска выѣхала на треугольную площадь. Пьеръ пришелъ въ восторгъ, когда, подпявъ глаза, увидѣлъ на большой высотѣ, надъ высокой каменной стѣной, висячій садъ, посреди котораго поднимался къ ясному небу изящный и мощный профиль столѣтней сосны. Онъ понялъ всю гордость и всю прелесть Рима.

— Вилла Альдобрандини.

Далѣе, внизу, восторгъ его еще болѣе усилило короткое, мимолетное видѣніе. Улица сдѣлала опять крутой поворотъ, и въ самомъ углу, въ концѣ мрачнаго переулка, оказался яркій просвѣтъ. Внизу виднѣлась, точно солнечный колодезь, бѣлая площадь, сіявшая ослѣпительной золотой пылью, и въ утреннемъ сіяніи возвышалась гигантская мраморная колонна; вся золотая съ той стороны, съ которой солнце при восходѣ обливало ее яркими лучами въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Онъ очень удивился, когда кучеръ назвалъ ему эту колонну, потому что онъ не представлялъ ее себѣ въ такой ослѣпительной впадинѣ.

— Траянова колонна.

На концѣ спуска Національная улица дѣлала послѣдній поворотъ. Между тѣмъ, какъ лошадь неслась крупной рысью, продолжали сыпаться новыя имена: дворецъ Колонны, съ садомъ, опоясанный тощими кипарисами; дворецъ Торлоніа, искалѣченный новѣйшими украшеніями, Венеціанскій дворецъ, голый и страшный съ своими зубчатыми стѣнами, съ своей трагической строгостью средневѣкой крѣпости, забытой теперь среди современной буржуазной жизни. Удивленіе Пьера усиливалось при неожиданномъ видѣ всего этого. Но онъ былъ особенно пораженъ, когда кучеръ указалъ ему съ побѣдоноснымъ видомъ своимъ бичемъ на Корсо, длинную, узкую улицу шириной съ парижскую улицу С.-Онорэ, съ бѣлой лѣвой солнечной и мрачной правой тѣневой стороной, въ концѣ которой Народная площадь казалась точно сверкающей звѣздой: неужели это-то и есть сердце города, прославленное гульбище, оживленная артерія, къ которой приливаетъ вся кровь Рима? Коляска свернула уже въ улицу Виктора-Эммануила, служащую продолженіемъ Національной улицы; обѣ прорѣзывали древній городъ изъ конца въ конецъ, отъ вокзала до моста Св. Ангела. Налѣво бѣлѣлся въ утреннемъ свѣтѣ круглый сводъ Гезу. Между церковью и тяжелымъ дворцомъ Альтіери, котораго не рѣшились разрушить, тянулась узкая улица, леденившая входившаго въ нее своей влажной тѣнью. Дальше, на площади, передъ фасадомъ Гезу, снова сіяло жгучее солнце, разстилая свои золотые покровы; вдали же, въ концѣ улицы д'Аракчьели, покрытой глубокой тѣнью, выступали залитыя солнцемъ пальмы.

— Вонъ Капитолій!—заявилъ кучеръ.

Священникъ поспѣшно наклонился. Но онъ не увидѣлъ ничего, кромѣ зеленаго пятна въ глубинѣ мрачнаго корридора. Имъ овладѣлъ какой-то трепетъ при этихъ быстрыхъ переходахъ отъ свѣта къ холодной тѣни. Передъ Венеціанскимъ дворцомъ и передъ Гезу ему казалось, что его леденитъ весь мракъ прошлыхъ дней; а затѣмъ, на каждой площади, и въ широкой улицѣ, онъ словно возвращался къ веселой прелести жизни. Яркіе, желтые лучи солнца, падая съ кровель, рѣзко пронизывали фіолетовыя тѣни. Между фасадами виднѣлись полосы нѣжно-голубого неба. Ему каза-

лось, что воздухъ, вдыхаемый имъ, имѣлъ какой-то особенный запахъ, котораго онъ не могъ еще опредѣлить, вкусъ какого-то плода, усиливавшаго въ немъ возбужденное состояніе, сопровождающее обыкновенно пріѣздъ.

Улица Виктора-Эммануила представляетъ собой, не смотря на всю свою неправильность, все-таки прекрасную новѣйшую улицу. Пьеръ могъ вообразить себя въ любомъ большомъ городѣ съ громадными доходными домами. Но когда онъ поровнялся съ зданіемъ канцлерства, шедёвромъ Браманта, типичнымъ памятникомъ эпохи Римскаго Возрожденія, имъ снова овладѣло изумленіе, и умъ вернулся къ только-что видѣннымъ дворцамъ, къ этой голой, колоссальной и тяжелой архитектурѣ, къ громаднымъ каменнымъ четыреугольникомъ, походившимъ на больницы или тюрьмы. Никогда онъ не могъ представить себѣ римскихъ дворцовъ безъ малѣйшаго изящества, безъ вкуса и внѣшняго великолѣпія. Очевидно, все это прекрасно, онъ пойметъ, наконецъ, и ихъ красоту, но надъ всѣмъ этимъ нужно подумать.

Коляска свернула вдругъ съ людной улицы Виктора-Эммануила и покатилась, пробираясь съ трудомъ, по узкимъ, извилистымъ улицамъ. Здѣсь была тишина, пустыня, старый, уснувшій и холодный городъ послѣ яркаго солнца и шумной толпы новаго города. Онъ вспомнилъ планы, которые изучалъ раньше, и рѣшилъ про себя, что теперь уже недалеко до улицы Джулія. Усилившееся любопытство дошло у него почти до страданія; онъ былъ въ отчаяніи, что увидѣлъ и узналъ такъ мало. Лихорадочное состояніе, овладѣвшее имъ съ минуты отъѣзда, удивленіе, которое онъ испытывалъ, найдя все въ томъ видѣ, какъ ожидалъ, и толчки, данные его воображенію,—все это усиливало его возбужденіе и обостряло непреодолимое желаніе удовлетворить сейчасъ же свое любопытство. Только-что пробило девять часовъ, онъ можетъ располагать цѣлымъ утромъ, прежде чѣмъ явится во дворецъ Бокканера; почему бы ему не велѣть отвезти себя сейчасъ же на классическое мѣсто, на вершину, съ которой видѣнъ весь Римъ, расположенный па семи холмахъ? Эта пришедшая ему въ голову мысль такъ мучила его, что онъ долженъ былъ ей уступить.

Кучеръ пересталъ оборачиваться, и Пьеръ долженъ былъ привстать, чтобы крикнуть ему новый адресъ.

— Къ св. Петру, на Монторіо.

Кучеръ удивился сначала и, казалось, не понялъ. Онъ указалъ бичемъ, что это тамъ, далеко. Но, наконецъ, видя, что священникъ настаиваетъ, онъ снисходительно улыбнулся и кивнулъ дружески головой. Хорошо, хорошо! онъ согласенъ.

И лошадь побѣжала быстрѣе по лабиринту узкихъ улицъ. Проѣхали сначала одну, сдавленную между высокими стѣнами и въ которую свѣтъ проникалъ словно на дно глубокаго рва. Потомъ выѣхали на солнце, переѣхали Тибръ по древнему мосту Сикста IV, направо и налѣво отъ котораго тянулись вновь построенныя набережныя, изуродованныя еще свѣжей штукатуркой недавно оконченныхъ построекъ. Обезображенъ былъ также и Транстеверъ на той сторонѣ; экипажъ поднялся на холмъ Яникулъ по широкой улицѣ, въ которой на большой доскѣ красовалось имя Гарибальди. Кучеръ сдѣлалъ въ послѣдній разъ добродушно-гордый жестъ, назвавъ побѣдоносное имя этой улицы.

— Улица Гарибальди.

Лошадь должна была замедлить шагъ, и Пьеръ, съ ребяческимъ нетерпѣніемъ, оборачивался безпрестанно назадъ, по мѣрѣ того, какъ за нимъ показывался и разстилался городъ. Подъемъ былъ очень длиненъ, появлялись все новые и новые кварталы. Потомъ, подъ вліяніемъ усиливающагося волненія, заставлявшаго все сильнѣе биться сердце, Пьеръ рѣшилъ, что только портитъ удовлетвореніе своего желанія, растрачивая его по мелочамъ. Онъ хотѣлъ увидѣть все сразу, обнять однимъ взглядомъ Римъ, весь святой городъ. И у него достало силы не оборачиваться больше, не смотря на порывы къ этому всего его существа.

Наверху находится широкая терраса. Церковь св. Петра на Монторіо стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ распятъ св. Петръ. Площадь—голая и бурая, выжженная жгучимъ лѣтнимъ солнцемъ. Нѣсколько позади чистыя и шумныя воды Аква Паолы падаютъ изъ монументальнаго фонтана тремя широкими струями въ обширные бассейны, распространяя кругомъ постоянную свѣжесть. Вдоль перилъ опоясывающихъ террасу, на самой вершинѣ Транстевера стоитъ обыкновенно въ традиціонномъ созерцаніи толпа туристовъ, тощихъ англичанъ и плотныхъ нѣмцевъ, съ пу-

теводителями въ рукахъ, въ которые они заглядываютъ по временамъ, отыскивая глазами памятники.

Пьеръ выскочилъ поспѣшно изъ коляски, оставивъ чемоданчикъ на сидѣньѣ и сдѣлавъ знакъ подождать кучеру, который отъѣхалъ къ другимъ извозчикамъ, затѣмъ, чтобы стоически сидѣть на козлахъ, на самомъ солнопекѣ, опустивъ также, какъ и его лошадь голову: оба заранѣе покорялись обычной долгой стоянкѣ.

Пьеръ смотрѣлъ во всѣ глаза, всей своей душой, прислонившись къ периламъ, въ узкой черной сутанѣ и съ голыми, нервно сжатыми руками, горѣвшими отъ лихорадки. Римъ, Римъ! Городъ цезарей, городъ папъ, вѣчный городъ, завоевывавшій два раза свѣтъ, избранный городъ, о которомъ онъ мечталъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ! Вотъ онъ, наконецъ, видитъ его! Грозы предъидущихъ дней нѣсколько ослабили августовскую жару. Роскошное сентябрьское утро было свѣжо подъ безконечнымъ, безоблачнымъ голубымъ сводомъ. Это былъ Римъ, утопающій въ нѣгѣ, Римъ сказочный и точно испаряющійся подъ яркимъ утреннимъ солнцемъ. Легкій, прозрачный туманъ колебался еще надъ кровлями; вся же обширная окрестность и отдаленныя горы тонули въ блѣдно-розовомъ свѣтѣ. Сначала онъ не отличалъ ничего, не хотѣлъ останавливаться ни на какихъ деталяхъ, весь отдался Риму, живому колоссу, лежавшему передъ нимъ на землѣ, образовавшейся изъ праха тысячи поколѣній. Каждое столѣтіе возрождало его славу, точно съ помощью жизненнаго сока безсмертной молодости. Больше всего его поразило и заставляло усиленнѣе биться сердце то, что онъ нашелъ Римъ такимъ, какимъ желалъ увидѣть—утреннимъ, юнымъ, улыбающимся въ надеждѣ новой жизни, въ ясной зарѣ погожаго дня.

Стоя неподвижно передъ величественнымъ горизонтомъ, съ сжатыми и пылающими руками, Пьеръ пережилъ въ нѣсколько минутъ послѣдніе три года своей жизни. О! какой ужасный былъ первый годъ, который онъ провелъ въ своемъ маленькомъ домикѣ въ Нельи, съ запустѣлыми дверьми и окнами, точно раненый звѣрь, переживающій предсмертную агонію! Онъ вернулся изъ Лурда съ умершей душой и сочившимся кровью сердцемъ, не чувствуя въ себѣ ничего,

кромѣ праха. Развалины его вѣры и любви были окружены безмолвіемъ и мракомъ. Прошло много дней, а онъ все не видѣлъ еще проблеска, который освѣтилъ бы мракъ его безпомощнаго состоянія. Онъ жилъ машинально, выжидая, когда у него явится мужество начать снова жить во имя разсудка, заставившаго его пожертвовать всѣмъ. Зачѣмъ онъ не обладаетъ большей силой и упорствомъ, почему онъ не устраиваетъ спокойно свою жизнь, сообразно съ своими новыми убѣжденіями? Если онъ отказывается снять сутану, оставаясь вѣрнымъ своей единственной любви и чувствуя отвращеніе къ клятвопреступленію, почему бы ему не отдаться какой-нибудь доступной для священника наукѣ, астрономіи, напримѣръ, или археологіи? Но что-то плакало внутри его, какая-то безпредѣльная нѣжность, ничѣмъ еще не насыщенная и переходившая въ безконечное отчаяніе, не находя себѣ удовлетворенія. Это было постоянное страданіе, терзавшее его въ уединеніи, незаживавшая рана, нанесенная достоинству возвратившагося разсудка.

Потомъ, въ одинъ осенній вечеръ, въ дождливую и грустную погоду, случай свелъ его нечаянно съ однимъ очень старымъ священникомъ, аббатомъ Розъ, викаріемъ церкви св. Маргариты въ улицѣ С.-Антуанскаго предмѣстья. Онъ пошелъ навѣстить старика аббата въ его сырой квартирѣ нижняго этажа, занимаемаго имъ въ улицѣ Шаронь; три комнатки были обращены въ пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей, подобранныхъ старикомъ на ближайшихъ улицахъ. Съ этой минуты жизнь Пьера измѣнилась, въ ней явилась новая цѣль, и онъ сдѣлался мало-по-малу страстнымъ помощникомъ стараго священника. Отъ Нельи до улицы Шаронь очень далеко. Онъ совершалъ это путешествіе сначала два раза въ недѣлю; потомъ началъ ходить каждый день, уходя изъ дома утромъ и возвращаясь только вечеромъ. Трехъ комнатъ оказалось уже недостаточно, онъ нанялъ верхній этажъ и отдѣлилъ тамъ для себя комнату, въ которой оставался зачастую ночевать. Весь его небольшой доходъ уходилъ на помощь, оказываемую бѣднымъ дѣтямъ. Старикъ священникъ, восхищенный и тронутый до слезъ этой пылкой преданностью, свалившейся ему съ неба, обнималъ Пьера со слезами, называя его чадомъ Божьимъ. Тутъ только

Пьеръ узналъ отвратительную, страшную нищету и прожилъ съ ней два года.

Началось это съ крошечныхъ созданій, подобранныхъ имъ на улицѣ, а потомъ, когда пріютъ сдѣлался уже извѣстенъ въ кварталѣ, сострадательные сосѣди начали приводить къ нимъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, бродившихъ по улицѣ въ то время, когда ихъ отцы и матери работали, пьянствовали или умирали. Часто случалось, что отецъ исчезалъ, мать начинала предаваться проституціи, и, одновременно съ безработицей, въ домѣ поселялись пьянство и развратъ. Дѣти оказывались заброшенными, младшіе голодали и холодали на улицѣ, а старшіе разбѣгались, впадали въ пороки и преступленія. Разъ вечеромъ онъ вытащилъ на улицѣ Шароннъ изъ-подъ колесъ роспусковъ ломового двухъ маленькихъ мальчиковъ, братьевъ, которые не могли сказать ему даже своего адреса, не зная, откуда они забрели. Другой разъ вечеромъ онъ принесъ на рукахъ маленькую дѣвочку, крошечнаго трехлѣтняго херувима, найденнаго въ слезахъ на скамейкѣ и говорившаго, что ее посадила сюда мама. Современемъ онъ неизбѣжно дошелъ отъ этихъ жалкихъ, несчастныхъ, выброшенныхъ изъ гнѣзда птенцовъ до ихъ родителей, долженъ былъ посѣщать вертепы, проникая ежедневно все глубже въ этотъ адъ, со всѣмъ его потрясающимъ ужасомъ. Сердце его обливалось кровью, и онъ совсѣмъ терялъ голову, убѣждаясь въ безсиліи благотворительности.

О! плачевная обитель нищеты, бездонная пропасть человѣческихъ страданій и паденія, какія ужасныя путешествія совершалъ онъ въ нее въ теченіе двухъ лѣтъ и какъ они перевернули все его существо! Въ кварталѣ св. Маргариты, въ самомъ сердцѣ дѣятельнаго и работящаго квартала С.-Антуанскаго предмѣстья, онъ находилъ возмутительнѣйшіе дома, цѣлые кварталы, застроенные безобразными лачугами, безъ свѣта и воздуха, сырыми, какъ погреба, въ которыхъ гнѣздились зараженныя толпы несчастныхъ. На расшатавшихся лѣстницахъ ноги скользили на кучахъ отбросовъ. Въ каждомъ этажѣ повторялась одна и та же нищета, дошедшая до грязи и унизительнаго, безобразнаго полового смѣшенія. Стеколъ въ окнахъ не было, вѣтеръ гулялъ свободно по комнатамъ, дождь проникалъ внутрь цѣлыми по-

токами. Многіе спали на голомъ полу, никогда не раздѣваясь. Въ комнатѣ ни мебели, ни бѣлья, буквально жизнь животнаго, удовлетворяющаго свои потребности и довольствующагося тѣмъ, что пошлетъ инстинктъ и случай. Люди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ представляли собой человѣчество, возвращенное къ животному состоянію неимѣніемъ необходимаго и такой страшной нищетой, что всѣ они готовы были рвать другъ друга зубами за крохи, падающія со стола богачей. Это паденіе человѣческаго существа не имѣло ничего общаго съ состояніемъ свободнаго дикаря, который ходитъ обнаженный, охотится и съѣдаетъ свою пищу въ первобытныхъ лѣсахъ; здѣсь было возвращеніе къ животному состоянію человѣка цивилизованнаго, но зараженнаго всѣми пороками, осквернennаго, обезображеннаго и ослабленнаго, среди роскоши и утонченности столицы міра.

Въ каждой семьѣ Пьеръ находилъ одну и ту же исторію. Сначала была молодость, веселье, и закону труда подчинялись легко. Но потомъ наступала усталость: зачѣмъ вѣчно трудиться, если нельзя разбогатѣть? Мужчина начиналъ выпивать ради удовольствія получить свою долю счастья, женщина пренебрегала хозяйствомъ и пила, оставляя дѣтей на произволъ судьбы. Плачевная среда, невѣжество и скученность дѣлали остальное. Чаще же всего, главной виновницей являлась безработица: она не довольствовалась тѣмъ, что уносила сбереженія, истощала, кромѣ того, мужество и пріучала къ лѣни. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мастерскія пустѣютъ, руки становятся вялы. Въ лихорадочно-дѣятельномъ Парижѣ не находится никакой работы. Мужъ плачетъ, вернувшись вечеромъ домой: онъ предлагалъ вездѣ свои руки, и ему не удалось попасть даже въ метельщики улицъ, потому что это должность завидная и для полученія ея нужна протекція. Не чудовищно-ли, что въ такомъ громадномъ городѣ, гдѣ звенятъ и сверкаютъ милліоны, труженикъ, ищущій работы ради куска хлѣба, не находитъ ея и голодаетъ? Голодаетъ и жена, голодаютъ и дѣти. Тогда наступаетъ мрачная нищета, тупость и, наконецъ, возмущеніе. Всѣ общественныя связи разрываются изъ-за жестокой несправедливости, приговорившей бѣдныя существа къ смерти за ихъ слабость. На какую же кровать или на какія полати упадетъ передъ смертью старикъ-работникъ, истощившій пятидесятилѣтнимъ трудомъ свое тѣло,

если ему не удалось скопить ни гроша? Или, можетъ быть, лучше приканчивать его молоткомъ, какъ искалѣченную скотину, въ тотъ день, когда, не работая, онъ не можетъ и ѣсть? Почти всѣ шли умирать въ больницы, другіе же исчезали забытые и унесенные потокомъ уличной грязи. Одинъ разъ, утромъ, Пьеръ нашелъ, въ отвратительной лачугѣ, одного умершаго отъ голода на гнилой соломѣ, и забытаго въ теченіе цѣлой недѣли, въ продолженіи которой крысы успѣли изгрызть ему все лицо.

Но жалости его не было предѣловъ, особенно въ одинъ зимній вечеръ прошлаго года. Страданія несчастныхъ становятся невыносимы зимой, въ потопленныхъ вертепахъ, въ которыя снѣгъ проникаетъ свободно въ щели. Сена покрыта льдинами, земля замерзаетъ, и всѣ производства находятся поневолѣ въ застоѣ. Въ кварталѣ осужденныхъ на бездѣйствіе тряпичниковъ бѣгаютъ толпы кашляющихъ, голодныхъ, босоногихъ мальчишекъ, уносимыхъ скоротечною чахоткой. Ему попадались семьи, состоявшія изъ матери и пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей, которыя сидѣли, сбившись въ кучу, чтобы согрѣться, и не ѣли въ продолженіе трехъ дней. И вотъ, въ этотъ страшный вечеръ, онъ вошелъ по темному коридору въ ужасную комнату, въ которой только-что задохлась мать съ пятерыми малолѣтними дѣтьми. Эта страшная драма нищеты потрясла на нѣсколько часовъ весь Парижъ. Ни малѣйшаго признака мебели, ни одной тряпки, все было, должно быть, распродано понемножку сосѣднему старьевщику. Ничего, кромѣ жаровни съ дымящимся еще углемъ. Мать упала на почти пустой соломенникъ, давая трехмѣсячному ребенку грудь, на кончикѣ которой застыла капля крови и къ которой были жадно протянуты губки мертваго малютки. Двѣ дѣвочки, прелестныя блондинки трехъ и пяти лѣтъ, спали тутъ же рядомъ вѣчнымъ сномъ, тогда какъ одинъ изъ двухъ старшихъ мальчиковъ уронилъ голову на руки, прижавшись къ стѣнѣ, а другой лежалъ на полу, словно передъ смертью бился и пытался ползти на колѣняхъ, чтобы отворить окно. Сбѣжавшіеся сосѣди разсказывали обычную и страшную исторію: медленное разореніе, отецъ, ненаходившій работы и, быть можетъ, начавшій пить, домохозяинъ, которому надоѣло ждать и грозящій семьѣ выселеніемъ, и мать, которая совсѣмъ потеряла голову и уговорила всѣхъ

дѣтишекъ умереть вмѣстѣ съ ней, въ то время, какъ ушедшій съ утра мужъ гранилъ безъ толку мостовую. Несчастный вернулся домой въ то время, когда явился полицейскій коммиссаръ для составленія протокола; и когда онъ увидѣлъ и понялъ, бѣднякъ рухнулся на землю, какъ оглушенный волъ и завылъ громкимъ, непрерывнымъ стономъ, такимъ, что вся улица была поражена и плакала.

Этотъ ужасающій вопль семьи, приговоренной къ смерти и умирающей отъ голода и нищеты, остался у Пьера въ ушахъ и въ сердцѣ; въ этотъ вечеръ онъ не могъ ни ѣсть, ни спать. Душа его была глубоко возмущена, и на одно мгновенье у него явилось сознаніе безполезности благотворительности. Къ чему дѣлать то, что онъ дѣлаетъ, подбирать на улицѣ дѣтей, помогать родителямъ и длить страданія стариковъ?

Но аббатъ Розъ, услышавъ въ этотъ вечеръ его рыданія, поднялся къ нему въ комнату и отечески пожурилъ его. Это былъ кроткій святой, жившій безконечной надеждой. Отчаяваться, Боже мой! Когда у насъ есть Евангеліе? Да развѣ для спасенія міра недостаточно божественнаго завѣта „любите другъ друга“? Онъ ненавидѣлъ насиліе и говорилъ всегда, что какъ бы ни было велико зло, съ нимъ легко справиться въ тотъ день, когда люди рѣшатся вернуться назадъ къ смиренію, простотѣ и чистотѣ, царившимъ въ то время, когда христіане жили между собой, какъ братья. Какъ прелестно описывалъ онъ евангельское общество, возрожденіе котораго вызывалъ съ спокойной увѣренностью, точно все это должно было осуществиться завтра! Чувствуя потребность избавиться отъ преслѣдовавшаго его кошмара, Пьеръ кончилъ тѣмъ, что улыбнулся и заинтересовался этой прекрасной и утѣшительной сказкой. Они проговорили очень долго и возобновляли и въ слѣдующіе дни тотъ же разговоръ, бывшій такъ по душѣ старику священнику, который входилъ въ новыя подробности и говорилъ о грядущемъ царствѣ любви и справедливости съ трогательнымъ убѣжденіемъ честнаго человѣка, увѣреннаго въ томъ, что не умретъ, не увидѣвъ Бога на землѣ.

Тогда въ Пьерѣ совершилась новая эволюція. Благотворительныя дѣла, которыми онъ занимался въ этомъ бѣдномъ кварталѣ, развили въ немъ до высшей степени чувстви-

тельность: сердце его изнемогало, разбитое видомъ нищеты, которую онъ отчаявался видѣть когда-либо уничтоженной. Онъ сознавалъ, что, при пробужденіи этой чувствительности, разсудокъ его начинаетъ колебаться, и онъ возвращается къ раннему дѣтству, къ вложенной въ него матерью общей потребности любви, мечтаетъ о призрачныхъ облегченіяхъ и ждетъ помощи отъ невѣдомой силы. Наконецъ, страхъ и ненависть къ насилію окончательно толкнули его въ сторону желанія достигнуть спасенія людей любовью. Давно пора предотвратить ужасную, неизбѣжную катастрофу, братоубійственную войну между различными классами. Онъ началъ мечтать о мирной развязкѣ, братскомъ объятіи всѣхъ людей и о возвратѣ къ чистой евангельской нравственности, которую проповѣдывалъ Христосъ. Сначала его мучили сомнѣнія: возможенъ-ли этотъ расцвѣтъ древняго католицизма, можно-ли вернуть ему юность и кротость первобытнаго христіанства? Онъ принялся за изученіе предмета, читалъ, разспрашивалъ и увлекался все больше и больше этимъ крупнымъ вопросомъ, надѣлавшимъ такъ много шума въ послѣдніе годы. Въ своей пылкой любви къ несчастнымъ и обездоленнымъ, подготовленный къ чуду увидѣть братство людей, онъ утрачивалъ мало-по-малу доводы разсудка и старался убѣдить себя, что Христосъ придетъ второй разъ на землю искупить страждущее человѣчество. Все это оформилось, наконецъ, въ его умѣ въ увѣренность, что католицизмъ, очищенный и возвращенный къ своему первобытному состоянію, можетъ быть единственнымъ соглашеніемъ, верховнымъ закономъ, который спасетъ современное общество, предотвративъ угрожающую ему кровавую развязку. Два года тому назадъ, когда онъ уѣхалъ изъ Лурда, возмущенный, съ навсегда умершей вѣрой, но съ душой, терзаемой, тѣмъ не менѣе, вѣчной потребностью человѣчества стремиться къ божественности, у него, изъ самой глубины всего его существа, вырвался громкій крикъ: нужно новую религію! новую религію! Теперь эта новая, или, скорѣе, обновленная и, какъ ему казалось, открытая имъ религія одна могла спасти людей, опираясь на единственную, устоявшую на погахъ нравственную силу, на древнее устройство самаго удивительнаго орудія, изобрѣтеннаго когда-либо для управленія народами.

Во время этого періода складывавшагося въ немъ взгляда, Пьеръ подчинялся, до нѣкоторой степени, двумъ лицамъ, кромѣ аббата Розъ, имѣвшимъ на него сильное вліяніе. Какое-то благотворительное дѣло столкнуло его съ монсеньоромъ Бержеро, епископомъ, только-что возведеннымъ папой въ санъ кардинала, въ награду за его благотворительную дѣятельность, не смотря на глухую оппозицію его окружающихъ, считавшихъ французскаго прелата человѣкомъ свободомыслящимъ, который правилъ своей епархіей скорѣе, какъ отецъ. Пьеръ воспламенился еще сильнѣе прежняго при соприкосновеніи съ этимъ апостоломъ, пастыремъ душъ, однимъ изъ тѣхъ простыхъ и добрыхъ правителей, которыхъ онъ желалъ бы видѣть въ новой общинѣ. Но встрѣчи въ обществахъ католическихъ рабочихъ съ виконтомъ де-ла-Шу имѣли еще большее вліяніе на его апостольскую дѣятельность. Виконтъ, красивый мужчина съ военной выправкой, съ овальнымъ и благороднымъ лицомъ, которое портилъ лишь сломанный, очень маленькій носъ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ агитаторовъ французскаго католическаго соціализма. Онъ владѣлъ обширными имѣньями и большимъ состояніемъ, хотя и разсказывали, что неудачныя земледѣльческія предпріятія унесли половину его состоянія. Онъ основалъ въ своемъ департаментѣ нѣсколько образцовыхъ фермъ, въ которыхъ примѣнилъ свои идеи христіанскаго соціализма, но, повидимому, успѣхъ не поощрялъ его попытокъ. Это принесло только ту пользу, что его выбрали въ депутаты, и онъ, засѣдая въ палатѣ, излагалъ тамъ программу своей партіи въ длинныхъ и блестящихъ рѣчахъ. Впрочемъ, рвеніе его не ослабѣвало, и онъ возилъ въ Римъ паломничества, предсѣдательствовалъ на собраніяхъ, читалъ лекціи и отдавался больше всего народу, такъ какъ, говорилъ онъ въ дружескомъ кружкѣ, только съ его содѣйствіемъ возможно обезпечить торжество церкви. Такимъ-то образомъ, онъ и пріобрѣлъ значительное вліяніе на Пьера, который преклонялся наивно передъ тѣми его качествами, которыхъ былъ лишенъ самъ, передъ его организаторскимъ талантомъ и воинственной, нѣсколько безтолковой силой, посвящаемой всецѣло на возсозданіе во Франціи христіанской общины. Молодой священникъ научился многому, познакомившись съ нимъ, но остался по-прежнему сентиментальнымъ мечтателемъ, презиравшимъ политику: онъ шелъ

прямо къ будущему всемірному благополучію, тогда какъ виконтъ претендовалъ разрушить до конца либеральныя идеи 1789 года, утилизируя для возврата къ прошлому разочарованіе и негодованіе демократіи.

Пьеръ провелъ нѣсколько очаровательныхъ мѣсяцевъ. Никогда еще новопосвященный не отдавался такъ всецѣло счастію другихъ. Онъ обратился самъ въ воплощенную любовь и пылалъ страстью къ своей апостольской дѣятельности. Толпы посѣщаемыхъ имъ бѣдняковъ, отцы, не находившіе работы, матери и дѣти, сидящія безъ хлѣба, лишь подкрѣпляли въ немъ все большую и большую увѣренность, что должна возникнуть новая религія, чтобы прекратить несправедливость; онъ рѣшился помогать всѣми силами вмѣшательству божественности и возрожденію первобытнаго христіанства и способствовать его скорѣйшему наступленію. Его католическая вѣра оставалась мертва, онъ не вѣрилъ въ догматы, таинства и чудеса. Но для него достаточно было надежды, что церковь можетъ еще принести много пользы, если возьметъ въ свои руки неудержимое движеніе современной демократіи, чтобы спасти народы отъ угрожающей имъ соціальной катастрофы. Душа его успокоилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ на себя миссію вложить снова Евангеліе въ сердца голодныхъ и недовольныхъ обитателей предмѣстьевъ. Онъ дѣйствовалъ и сталъ меньше страдать отъ страшной пустоты, которую чувствовалъ, вернувшись изъ Лурда, и такъ какъ онъ пересталъ пытать себя, то и мучительная неизвѣстность уже не терзала его. Онъ продолжалъ по-прежнему служить обѣдню, дѣлая это съ покойнымъ сознаніемъ исполненія долга. Наконецъ, онъ началъ думать даже, что таинство, которое онъ совершаетъ, равно какъ и всѣ догматы, были, въ сущности, только символами, ритуаломъ, необходимымъ для находящагося въ младенчествѣ человѣчества, и что отъ нихъ легко будетъ потомъ отрѣшиться; возвысившіеся, исправившіеся и развившіеся люди будутъ въ состояніи понять свѣтъ чистой истины.

Въ припадкѣ своего усердія приносить пользу, въ страсти проповѣдывать громогласно свои вѣрованія, Пьеръ очутился въ одно прекрасное утро за письменнымъ столомъ пишущимъ книгу. Произошло это совершенно просто и естественно: книга лилась изъ него, какъ призывъ сердца,

безъ всякой мысли о литературѣ. Названіе ея блеснуло разъ ночью, когда ему не спалось, точно молнія во мракѣ: Новый Римъ. Этимъ выражалось все, потому что не вѣчный-ли и святой Римъ долженъ былъ двинуться впередъ для искупленія народовъ? Единственная устоявшая власть находилась тамъ, обновленіе могло зародиться только на той священной землѣ, гдѣ выросъ старый католическій дубъ. Онъ написалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ книгу, къ которой подготовлялся безсознательно цѣлый годъ. Все кипѣло въ немъ, какъ у поэта, ключомъ, ему казалось иногда, что онъ видѣлъ во снѣ страницы, которыя ему диктовалъ откуда-то изъ далека внутренній голосъ. Часто, когда онъ прочитывалъ виконту Филиберу де-ла-Шу, написанныя вчера строки, тотъ горячо одобрялъ ихъ, съ точки зрѣнія пропаганды, говоря, что для того, чтобы увлечь народъ, нужно его тронуть, и что слѣдовало бы также писать благочестивыя, но занимательныя пѣсни, которыя рабочіе могли бы пѣть въ мастерскихъ. Что же касается епископа Бержеро, то онъ, не разбирая книгу съ точки зрѣнія догмата, былъ глубоко тронутъ пылкой любовью къ ближнему, которой была проникнута каждая страница; онъ сдѣлалъ даже неосторожность и написалъ автору одобрительное письмо, разрѣшая напечатать его, какъ предисловіе къ книгѣ. И вотъ это-то произведеніе, изданное въ іюнѣ, конгрегація, занимающаяся классификаціей книгъ, намѣрена была внести въ списокъ запрещенныхъ произведеній. Для защиты его-то и поспѣшилъ въ Римъ молодой священникъ, который былъ хотя и удивленъ, но полонъ энтузіазма и желанія завоевать торжество своей вѣрѣ, рѣшившись ходатайствовать лично передъ святымъ отцомъ, такъ какъ, по мнѣнію Пьера, онъ высказалъ только идеи папы.

Мысленно переживая эти три послѣдніе года, Пьеръ продолжалъ стоять около перилъ, передъ Римомъ, о которомъ онъ такъ много мечталъ и который такъ жаждалъ видѣть. Позади его постоянно подъѣзжали и отъѣзжали экипажи; тощіе англичане и плотные нѣмцы являлись, исчезали, полюбовавшись, въ продолженіе пяти минутъ, какъ назначено въ путеводителѣ, роскошнымъ горизонтомъ. Кучеръ и лошадь ждали терпѣливо, нагнувъ головы, на припекавшемъ солнцѣ. Въ очарованной неподвижности, отдавшись всецѣло

величественному зрѣлищу, Пьеръ казался теперь еще тоньше и стройнѣе въ своей черной сутанѣ. Онъ похудѣлъ послѣ Лурда; лицо его осунулось; высокій, прямой, какъ башня, лобъ, унаслѣдованный имъ отъ отца, сдѣлался какъ будто меньше, тогда какъ нѣсколько большой, добрый ротъ и узкій, чрезвычайно нѣжный подбородокъ выступали и обличали его душу, которая свѣтилась также и въ добромъ пламени его глазъ.

О! какими нѣжными и пламенными взорами онъ смотрѣлъ на Римъ своей книги, на новый Римъ, о которомъ онъ мечталъ! Сначала его поразилъ общій видъ города, окутаннаго легкимъ туманомъ великолѣпнаго утра, но теперь онъ уже разсматривалъ детали и останавливался на памятникахъ. И онъ узналъ ихъ всѣ, съ дѣтской радостью, такъ какъ еще раньше изучалъ ихъ по планамъ и по коллекціямъ фотографій. Тамъ, у ногъ его, у подошвы Яникула, раскинулся Трансте-веръ съ безпорядочно набросанными, старыми красноватыми домами, сожженныя солнцемъ черепицы которыхъ закрываютъ Тибръ. Его нѣсколько удивилъ плоскій видъ города, когда на него смотришь съ высоты этой террасы; небольшія выпуклости знаменитыхъ семи холмовъ казались едва замѣтными волнами, посреди безконечнаго моря домовъ. Направо, выдѣлялся темнофіолетовымъ пятномъ на голубоватыхъ Албанскихъ горахъ Авентинъ, съ его тремя церквами, прятавшимися въ зелени, а вонъ развѣнчанный палатинъ, окруженный, какъ черной бахромой, рядомъ кипарисовъ. Позади прятался Целій, на которомъ виднѣлись только деревья виллы Маттеи, блѣднѣвшей въ золотой солнечной пыли. Вершина Эсквилина выступала прямо передъ нимъ но, очень далеко, въ самомъ концѣ города, узкой колокольней и двумя небольшими куполами св. Маріи Маджіоре; на вершинѣ же Виминаля онъ различалъ только груды залитаго свѣтомъ бѣловатаго камня, прорѣзаннаго узкими, темными полосами—вѣроятно, какія-нибудь новѣйшія постройки, походившія на заброшенныя каменоломни. Долго онъ искалъ и не могъ найти Капитолія. Осмотрѣвшись повнимательнѣе, онъ убѣдился, наконецъ, что передъ церковью св. Маріи Маджіоре возвышается колоколенка Капитолія, четырехугольная башня, такая скромная, что совсѣмъ теряется между окружающими ее кровлями. Затѣмъ, налѣво, шелъ Квиринальъ, выступавшій длин-

нымъ фасадомъ королевскаго дворца, напоминавшимъ больницу или тюрьму, выкрашеннымъ въ ярко-желтый цвѣтъ и правильно прорѣзаннымъ множествомъ оконъ. Но, продолжая оборачиваться, онъ точно застылъ при неожиданномъ видѣніи. За городомъ, надъ деревьями сада Корсини, показался куполъ св. Петра. Онъ точно лежалъ на зелени и на ясно-голубомъ небѣ казался такимъ нѣжно небесно-голубымъ, что сливался съ безконечной лазурью. Каменный фонарь, возвышавшійся надъ нимъ, бѣлый и ослѣпительно яркій, казалось, висѣлъ въ воздухѣ. Пьеръ не могъ достаточно насмотрѣться, и взглядъ его постоянно перебѣгалъ съ одного края горизонта на другой. Онъ остановилъ глаза на изящныхъ очертаніяхъ и гордой прелести, усѣянныхъ городами, Сабинскихъ и Албанскихъ горъ, которые окаймляли небо точно поясомъ. Римскія поля тянулись безконечно, обнаженныя и величественныя, какъ пустыни смерти, сѣро-зеленыя, точно спокойное море; наконецъ, онъ узналъ низкую и круглую башню гробницы Цециліи Метеллы, позади которой вилась узкой бѣлой полоской древняя Аппійская дорога. Луга были усѣяны обломками водопроводовъ, валявшихся въ прахѣ исчезнувшихъ міровъ. Онъ отвелъ отъ нихъ глаза, и передъ нимъ явился новый городъ съ безпорядочно нагроможденными домами и зданіями. Вообще онъ узналъ громадный четыреугольникъ дворца Фарнезе; дальше—низкій, едва замѣтный куполъ, принадлежащій, по всей вѣроятности, Пантеону. Потомъ, онъ увидѣлъ заново выбѣленныя стѣны св. Павла загороднаго, напоминавшія колоссальную житницу, легкія и крошечныя, точно насѣкомыя, статуи, увѣнчивающія св. Іоанна Латеранскаго, и цѣлое море куполовъ Гезу, св. Карла, св. Андрея де-ла-Валле, св. Іоанна Флорентинскаго и множество другихъ зданій, будившихъ воспоминанія, замокъ св. Ангела, съ сверкающей статуей, виллу Медичи, господствовавшую надъ всѣмъ городомъ, террасу Пинчіо, на которой бѣлѣлись между рѣдкими деревьями мраморныя статуи, и вдали тѣнистыя деревья виллы Боргезе, замыкавшія своими зелеными верхушками горизонтъ. Тщетно онъ искалъ Колизея. Легкій сѣверный вѣтерокъ начиналъ уже между тѣмъ разсѣевать утреннія испаренія. Въ туманной дали начинали рѣзко выступать, точно мысы на залитомъ солнцемъ морѣ, цѣлые кварталы. Мѣстами, посреди безпорядочно нагроможденныхъ домовъ, сверкала бѣлая стѣна,

рядъ оконъ отражалъ лучи солнца, и какой-то садъ выступалъ темнымъ пятномъ съ удивительной силой красокъ. Все остальное, путаница улицъ и площадей, безчисленное множество островковъ, разсыпанныхъ во всѣхъ направленіяхъ—все это мѣшалось и исчезало въ яркомъ сіяніи солнца; длинныя, тонкія струйки бѣлаго дыма поднимались съ крышъ и медленно прорѣзывали безконечную чистоту безоблачнаго неба.

Но скоро Пьеръ, движимый какимъ-то тайнымъ инстинктомъ, обратилъ все свое вниманіе на три точки необозримаго горизонта. Его волновала линія тощихъ кипарисовъ, окаймлявшая черной бахромой Палатинскій холмъ. За ними была пустота; дворцы цезарей исчезли, разрушенные и стертые съ лица земли временемъ. Пьеръ вызывалъ эти дворцы, и ему казалось, что они встаютъ передъ нимъ, какъ золотые призраки, смутные и неопредѣленные, въ пурпурѣ роскошнаго утра. Потомъ взглядъ его обратился на соборъ св. Петра; соборъ стоялъ, защищая Ватиканъ, который прилѣпился съ боку колосса. Онъ казался Пьеру побѣдоноснымъ, этотъ обширный и крѣпкій соборъ небесно-голубого цвѣта, царемъ-гигантомъ, царящимъ надъ всѣмъ городомъ, и видимый вѣчно и отовсюду. Наконецъ, онъ перевелъ глаза на Квириналіи, гдѣ королевскій дворецъ показался ему плоской и низенькой казармой, окрашенной въ желтую краску. Вся вѣковая исторія Рима съ его переворотами, съ послѣдовательными возрожденіями, сосредоточилась передъ нимъ въ символическомъ треугольникѣ трехъ вершинъ, смотрѣвшихъ другъ на друга черезъ Тибръ: древній Римъ распустилъ чудовищный цвѣтъ императорскаго могущества и великолѣпія, нагромоздивъ массу дворцовъ и храмовъ; папскій Римъ, побѣдоносный въ средніе вѣка, владыка міра, угналъ христіанство этимъ колоссальнымъ храмомъ со всей силой его обновленной красоты; современный и неизвѣстный ему Римъ, которымъ онъ пренебрегалъ, наводилъ его на мысль своимъ голымъ и холоднымъ королевскимъ дворцомъ, о неудачной и бюрократической попыткѣ изуродовать своеобразный городъ святотатственной новизной, которую слѣдовало бы предоставить мечтѣ будущаго. Ему хотѣлось оттолкнуть отъ себя тяжелое впечатлѣніе непріятнаго настоящаго: онъ не хотѣлъ останавливаться на новомъ кварталѣ, без-

цвѣтномъ городкѣ, вѣроятно, еще не достроенномъ, который виднѣлся отчетливо около собора св. Петра, на берегу рѣки. Новый Римъ, который представлялъ онъ себѣ въ мечтахъ, ему грезился противъ Палатинскаго холма, погребеннаго въ прахѣ вѣковъ, противъ собора св. Петра, тѣнь котораго навѣвала сонъ на Ватиканъ, и противъ возстановленнаго и заново выкрашеннаго Квиринальскаго дворца, мирно правившаго новыми кварталами, которые возникали со всѣхъ сторонъ и уродовали старый городъ, бурыя крыши котораго сверкали въ ясное солнечное утро.

Передъ Пьеромъ запылало снова названіе его книги: *Новый Римъ*, и онъ отдался своей мечтѣ, онъ пережилъ мысленно книгу, какъ пережилъ передъ тѣмъ свою жизнь. Онъ писалъ ее въ восторженномъ настроеніи, пользуясь случайно собраннымъ матерьяломъ, и ему показалось сразу необходимымъ подраздѣлить ее на три части: прошедшее, настоящее и будущее.

Прошедшее заключало въ себѣ исторію первобытнаго христіанства и медленную эволюцію, превратившую это христіанство въ современный католицизмъ. Онъ доказывалъ, что во всякой религіозной эволюціи играетъ важную роль экономическій вопросъ, и что, въ сущности, вѣчное зло, вѣчная борьба происходила всегда лишь между бѣднымъ и богатымъ. У евреевъ непосредственно послѣ кочевой жизни и завоеванія Ханаана начинается борьба сословій, являются богатые и бѣдные, возникаетъ и соціальный вопросъ. До Іисуса Христа пророки были главными трибунами нищеты, и самъ Іисусъ Христосъ является предъявителемъ ея правъ.

Пьеръ дополнилъ первую часть своей книги краткимъ очеркомъ исторіи католицизма до нашихъ временъ. Сначала св. Петръ является въ Римъ по какому-то геніальному наитію и осуществляетъ предсказанія древнихъ оракуловъ, предсказавшихъ вѣчность Капитолія. Потомъ начало возникать изъ первыхъ епископовъ всемогущее папство, непрерывно боровшееся за власть и стремившееся осуществить свою мечту всемірнаго владычества. Въ средніе вѣка оно едва не достигло цѣли и не сдѣлалось владыкой народовъ. Развѣ не было бы справедливо, чтобы папа и царь вселенной властвовалъ надъ душами и тѣлами людей такъ же, какъ самъ Господь Богъ, представителемъ котораго онъ является на

землѣ? Такое безграничное, вполнѣ логичное честолюбіе было осуществлено Августомъ, который былъ императоромъ, первосвященникомъ и владыкой міра; и, возрождаясь постоянно изъ развалинъ Рима, достославный образъ Августа неотступно преслѣдовалъ папъ; въ ихъ жилахъ текла его же кровь. Но послѣ паденія римской имперіи власть раздвоилась, пришлось дѣлиться, уступить свѣтскую власть императору, оставивъ за папою право посвящать его на царство, въ качествѣ намѣстника самого Бога. Народъ принадлежалъ Богу, и папа отдавалъ его императору именемъ Бога и могъ взять его и обратно. Власть его была безгранична, отлученіе отъ церкви было страшнымъ оружіемъ, верховной властью, которая вела папство къ окончательному и безграничному владычеству надъ имперіей. Въ сущности, причиною постоянной борьбы между папой и императоромъ былъ народъ, который они оспаривали другъ у друга, косная масса смиренныхъ и страждущихъ, великій нѣмой, заявлявшій только глухими стонами о своихъ страданіяхъ. Имъ распоряжались, ради его блага, какъ ребенкомъ; но церковь приносила дѣйствительно пользу цивилизаціи, оказала много услугъ человѣчеству и раздавала обильную милостыню. Въ монастыряхъ постоянно возвращались къ мечтѣ о христіанской общинѣ: треть собранныхъ богатствъ принадлежала церкви, треть священникамъ и треть бѣднымъ. Развѣ это не было упрощенной жизнью, сноснымъ существованіемъ для вѣрующихъ, не имѣющихъ земныхъ желаній и ожидающихъ всевозможныхъ благъ на небесахъ? Отдайте намъ весь свѣтъ, мы раздѣлимъ его на три части, и вы увидите, что, при общемъ смиреніи и покорности, наступитъ золотой вѣкъ!

Пьеръ выставилъ затѣмъ папство, окруженное послѣ его средневѣкового могущества величайшими опасностями. Эпоха возрожденія едва не уничтожила его своей роскошью и развратомъ, въ періодъ, когда кипучая жизненная сила вѣчной природы, которую презирали и считали мертвой въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, предъявила свои права. Но еще страшнѣе было пробужденіе народа, великаго народа, языкъ котораго начиналъ, казалось, развязываться. Реформа явилась какъ бы протестомъ разсудка и справедливости, напоминаніемъ забытыхъ евангельскихъ истинъ; для того, чтобы спасти Римъ отъ совершеннаго исчезновенія, понадобилась жестокая

защита инквизиціи, медленный и упорный трудъ совѣта тридцати, который упрочилъ догматъ, укрѣпилъ и обезпечилъ свѣтскую власть. Тогда наступили для папства два столѣтія тихаго и незамѣтнаго существованія, потому что сильныя монархіи, подѣлившія между собой Европу, могли обойтись и безъ него, не дрожали уже передъ грозными отлученіями отъ церкви, которыя перестали ихъ пугать, и признавали папу чѣмъ-то въ родѣ церемоніймейстера, исполняющаго извѣстный ритуалъ. Во владѣніи народомъ произошло нарушеніе равновѣсія: если короли получали народъ по-прежнему отъ Бога, то папа долженъ былъ только вносить разъ навсегда этотъ даръ въ роспись, не имѣя права вмѣшиваться потомъ никоимъ образомъ въ управленіе государствами. Никогда еще Римъ не былъ дальше отъ своей вѣковой мечты—добиться всемірнаго владычества. Когда разразилась французская революція, можно было думать, что провозглашеніе правъ человѣка убьетъ папство, хранителя священныхъ правъ, данныхъ ему Богомъ. Поэтому, какая тревога и какое негодованіе овладѣли Ватиканомъ и какъ онъ отчаянно защищался противъ идеи свободы, противъ этого новаго символа вѣры освободившагося разума и пришедшаго въ сознаніе человѣчества! Это было очевидной развязкой борьбы между императоромъ и папой за народъ: императоръ исчезъ, а народъ, получившій право располагать собой, желалъ избавиться отъ папы; это непредвидѣнное рѣшеніе должно было, казалось, разрушить все древнее зданіе католицизма.

Пьеръ закончилъ первую часть своей книги сопоставленіемъ первобытнаго христіанства съ современнымъ католицизмомъ. Развѣ католическій Римъ, добиваясь денегъ и власти, не возстановлялъ, въ теченіе вѣковъ, то римское общество, которое Христосъ приходилъ разрушить во имя бѣдныхъ и смиренныхъ? Какой грустной проніей представлялось, послѣ тысяча восьмисотъ-лѣтняго евангельскаго ученія, новое паденіе міра, благодаря биржевой игрѣ, подозрительнымъ банкамъ и денежнымъ катастрофамъ при страшной несправедливости нѣкоторыхъ людей, осыпанныхъ богатствами, посреди тысячъ ихъ братьевъ, умиравшихъ отъ голода! Приходилось приниматься за спасеніе бѣдныхъ съ самаго начала. Но Пьеръ, высказывая въ своей книгѣ всѣ эти вещи, до такой степени смягчалъ ихъ чувствомъ человѣколюбія и свѣт-

лыми надеждами, что онѣ теряли свой острый характеръ. Кромѣ того, онъ нигдѣ не касался догмата. Книга его была только апостольскимъ воззваніемъ въ формѣ сентиментальной поэмы, пылающей любовью къ ближнему.

Потомъ начиналась вторая часть его произведенія, *настоящее*, этюдъ о современномъ католическомъ обществѣ. Здѣсь Пьеръ помѣстилъ описаніе городской нищеты, которая заставляла обливаться кровью его сердце, когда приходилось прикасаться къ отравленнымъ язвамъ. Несправедливость не должна быть больше терпима, благотворительность оказывается уже безсильной, страданія такъ ужасны, что всякая надежда умирала въ сердцѣ народа. Вслѣдъ за картиной гнилой цивилизаціи, близкой къ разрушенію, онъ говорилъ о той громадной надеждѣ, которую внесла въ міръ идея о свободѣ. Буржуазія, достигнувъ власти, взялась устроить общее счастье. Но, послѣ вѣкового опыта, свобода не принесла счастья обездоленнымъ. Въ области политики началось разочарованіе. Во всякомъ случаѣ, если третье сословіе считаетъ себя удовлетвореннымъ съ тѣхъ поръ, какъ наступило его царство, четвертое сословіе, труженики, страдаютъ по прежнему и продолжаютъ требовать своей доли. Ихъ объявили свободными, ихъ наградили политической равноправностью, но все это, въ сущности, только призрачные дары, потому что, подъ гнетомъ экономическаго рабства, они пользуются свободой лишь умирать отъ голода. Исчезновеніе въ древнемъ мірѣ рабства, уступившаго мѣсто наемному труду, было обязано, конечно, идеѣ христіанства. Теперь, когда дѣло идетъ о замѣнѣ заработной платы участіемъ рабочаго въ прибыляхъ, почему бы христіанству не попытаться подѣйствовать снова своимъ вліяніемъ? Римъ не можетъ оставаться безучастнымъ, папство должно стать на которую-нибудь сторону между борцами, если не хочетъ быть стерто съ лица земли, какъ орудіе, оказавшееся совершенно безполезнымъ.

Изъ всего этого выходила законность католическаго соціализма. Когда секты борются, рѣшая задачу счастія народа, церковь должна также высказать свое рѣшеніе. Здѣсь-то являлся новый Римъ и расширялась эволюція въ обновленіи безграничной надежды. Очевидно, католическая церковь не имѣетъ ничего въ принципѣ противъ демократіи. Ей достаточно было бы вернуться къ евангельской традиціи и обра-

титься снова въ церковь бѣдныхъ и смиренныхъ, возстановивъ всемірную христіанскую общину. Она сама основана на демократизмѣ и если приняла сторону богатыхъ, когда христіанство обратилось въ католичество, то сдѣлала это, лишь повинуясь необходимости защищать свое существованіе, пожертвовавъ своей прежней чистотой; такъ что если она теперь примкнетъ къ стаду угнетаемыхъ, то лишь приблизится къ Христу, обновится и очистится отъ политическихъ компромиссовъ, которымъ должна была подчиняться. Не отказываясь никогда отъ своей неограниченной власти, церковь умѣла всегда мириться съ обстоятельствами: она сохраняла свою власть, выжидая терпѣливо, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, минуты, когда она сдѣлается снова владыкой міра. Не наступаетъ-ли уже эта минута въ подготовляющемся кризисѣ?

Далѣе слѣдовалъ этюдъ, разбиравшій усилія католической пропаганды во всемъ христіанскомъ мірѣ. Поразительнѣе всего было то, что борьба являлась упорнѣе и побѣдоноснѣе въ странахъ, не завоеванныхъ еще католицизмомъ. Между народомъ, напримѣръ, исповѣдывавшимъ протестантскую религію, католическіе священники боролись на смерть, оспаривая у пасторовъ власть надъ народомъ съ удивительной смѣлостью и чрезвычайно демократичными теоріями. Въ Германіи епископъ Кеттлеръ предложилъ одинъ изъ первыхъ обложить богачей налогами и создалъ сильную агитацію, которую теперь ведетъ все духовенство, съ помощью ассоціацій и многихъ газетъ. Въ Швейцаріи монсеньоръ Мермилло принялъ на себя такъ явно защиту бѣдныхъ, что теперь всѣ епископы почти заодно съ соціалъ-демократами, которыхъ они надѣются обратить въ католицизмъ со временемъ. Въ Англіи кардиналъ Манненгъ одержалъ значительную побѣду, защищалъ рабочихъ во время одной знаменитой стачки и вызвалъ политическое движеніе, ознаменовавшееся очень частыми митингами. Но особенно знаменитая побѣда одержана была въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой демократической средѣ, заставившей такого епископа, какъ Ирландъ, стать во главѣ притязаній рабочихъ: здѣсь видно какъ будто зарожденіе новой церкви, смутной еще, но полной жизненнаго сока, одушевленной безграничной надеждой, точно на зарѣ близкаго обновленія христіанства. Если перейти затѣмъ къ Австріи и Бельгіи, странамъ католическимъ, то въ первой католическій соціализмъ сливается съ антисемитизмомъ, а у второй не имѣетъ никакого опредѣленнаго направленія. Движеніе его останавливается и совершенно исче-

заетъ, какъ только коснешься Испаніи и Италіи, этихъ издревле вѣрующихъ странъ; упорные епископы Испаніи умѣютъ только громить невѣрующихъ, какъ во времена инквизиціи, а Италія, застывшая въ традиціи, не имѣетъ никакой инициативы и вынуждена сохранять около папскаго престола безмолвное поклоненіе.

Во Франціи, между тѣмъ, шла оживленная борьба идей. Борьба направлена была тамъ противъ революціи, и, казалось, достаточно было ввести старинную организацію монархическаго режима для того, чтобы наступилъ золотой вѣкъ. Вопросъ рабочихъ корпорацій сдѣлался во Франціи единственнымъ дѣломъ, какъ бы панацеей всѣхъ бѣдствій рабочихъ. Но мнѣнія далеко не сходились: одни, католики, отвергали вмѣшательство государства, проповѣдывали лишь чисто нравственное вліяніе и требовали свободныхъ корпорацій, тогда какъ другіе, молодые и нетерпѣливые, отстаивали обязательныя корпораціи, съ собственнымъ капиталомъ, признанныя и покровительствуемыя государствомъ. Виконтъ Филиберъ де-ла-Шу велъ особенно дѣятельную борьбу перомъ и на словахъ за эти обязательныя корпораціи; онъ былъ очень огорченъ, что папу не могли еще убѣдить высказать открыто свое мнѣніе и не знали до сихъ поръ, какого рода должны быть эти корпораціи. По его словамъ, отъ этого зависѣла судьба общества, это была мирная развязка соціальнаго вопроса. Въ сущности, хотя виконтъ и не сознавался въ этомъ, онъ былъ на сторонѣ государственнаго соціализма. Не смотря на несогласія, движеніе продолжалось, было сдѣлано нѣсколько довольно неудачныхъ попытокъ, основывали кооперативныя потребительныя общества, общества помѣщеній для рабочихъ, народные банки; словомъ, дѣлали болѣе или менѣе замаскированныя попытки къ возврату къ прежнимъ христіанскимъ общинамъ, въ то время, какъ среди общаго смущенія, душевной тревоги и политическихъ затрудненій, которыя переживала страна, надежды воинственной католической партіи выросли до слѣпой увѣренности вернуться къ всемірному владычеству.

Вторая часть книги заключалась картиной умственнаго и нравственнаго недомоганія, въ которомъ бьется конецъ нашего вѣка. Если масса тружениковъ требуетъ, чтобы ей обезпечили, по крайней мѣрѣ, насущный хлѣбъ, то, повидимому, и привиллегированные люди также недовольны и жалуются на пустоту, въ которую ихъ поставилъ освободившійся разсудокъ и расширенное развитіе. Пьеръ обращаетъ здѣсь вниманіе на знаменитое банкротство раціонализма, позитивизма и

самой науки. Умъ, снѣдаемый потребностью достовѣрности, утомленъ предположеніями и медлительностью науки, признающей лишь доказанныя истины. Людямъ нуженъ синтезъ точный и немедленный, для того, чтобы спать спокойно; разбитые, они падаютъ на колѣни по дорогѣ, растерявшись отъ мысли, что никогда всего не узнаютъ, и предпочитаютъ неизвѣстности. вѣру. И дѣйствительно, наука не удовлетворяетъ ни нашей жажды справедливости, ни спокойной увѣренности въ блаженствѣ загробной жизни. Она только разбираетъ міръ по складамъ и не даетъ никому ничего, кромѣ суроваго солидарнаго долга жить и быть простымъ всемірнымъ факторомъ. Какъ понятно становится возмущеніе души, тоска о христіанскомъ раѣ, населенномъ прекрасными ангелами и наполненномъ свѣтомъ, музыкой и благоуханіемъ! О! цѣловать своихъ покойниковъ, думать, что опять увидишь ихъ, будешь переживать съ ними безконечное блаженство! Имѣть вѣру въ высшее правосудіе, для того, чтобы переносить гнусность земной жизни! Убить такимъ образомъ ужасную мысль нирваны, освободиться отъ страшной мысли объ исчезновеніи своего я, и успокоиться непоколебимой вѣрой, которая откладываетъ на посмертное счастливое разрѣшеніе всѣ проблемы человѣческой судьбы! Это общая мечта всѣхъ народовъ, и народы будутъ долго еще жить этой мечтой. Это-то и объясняетъ, какимъ образомъ, въ концѣ нынѣшняго вѣка, вслѣдствіе умственнаго переутомленія, вслѣдствіе душевнаго смущенія, въ которомъ находится человѣчество, вынашивающее будущій міръ, проснулось встревоженное религіозное чувство, стремящееся къ идеалу и безконечности и требующее нравственнаго закона и увѣренности въ высшей справедливости. Религіи могутъ исчезнуть, но религіозное чувство создастъ новыя, даже при помощи науки. Нужно новую религію! новую религію! и не старый-ли католицизмъ долженъ возродиться на современной почвѣ, гдѣ все, повидимому, способствуетъ этому чуду, не онъ-ли пуститъ зеленыя вѣтви и распустится юнымъ и обильнымъ цвѣтомъ?

Наконецъ, третья часть книги была написана пламеннымъ языкомъ апостола о томъ, что произойдетъ въ будущемъ, когда обновленный католицизмъ принесетъ страждущимъ народамъ миръ, здоровье и золотой вѣкъ первобытнаго христіанства. Онъ началъ съ портрета достославнаго Левъ XIII, идеальнаго папы, предназначеннаго для спасенія народовъ. Онъ вызывалъ и видѣлъ его такимъ, въ своемъ пылкомъ желаніи увидѣть появленіе пастыря, который положитъ конецъ ни-

щетѣ. Это не былъ портретъ съ строгимъ сходствомъ, но необходимый избавитель, непстощимое человѣколюбіе, съ обширнымъ сердцемъ и умомъ, о которыхъ онъ мечталъ. Между тѣмъ, онъ рылся въ документахъ, изучалъ энциклики и построилъ фигуру нынѣшняго папы, основываясь на фактахъ: на религіозномъ воспитаніи послѣдняго, полученномъ въ Римѣ, на короткой нунціатурѣ въ Брюсселѣ и долгомъ епископствѣ въ Перузѣ. При вступленіи Левъ XIII на папскій престолъ при затруднительномъ положеніи, оставленномъ Піемъ IX, выказывается двойственность его натуры: онъ является непоколебимымъ защитникомъ догмата и покладливымъ политикомъ, рѣшившимся довести примиреніе какъ можно дальше. Онъ разрываетъ открыто съ современной философіей, минуя эпоху Возрожденія, возвращается къ среднимъ вѣкамъ и возстановляетъ въ католическихъ школахъ христіанскую философію въ духѣ Ѳомы Аквитинскаго, ангелоподобнаго врача. Оградивъ такимъ образомъ догматъ, онъ старается соблюдать равновѣсіе, входитъ въ сношенія съ государствами и старается извлечь вездѣ, гдѣ можно, пользу. Такъ онъ дѣятельно хлопоталъ о примиреніи папскаго престола съ Германіей, о сближеніи съ Россіей, удовлетворилъ желанія Швейцаріи, добивался дружбы съ Англіей и написалъ письмо китайскому императору, прося его принять подъ свою защиту миссіонеровъ и христіанъ его имперіи. Современемъ онъ обратится къ Франціи, признаетъ законность республики. Съ самаго начала выступаетъ одна мысль, которая превращаетъ его въ одного изъ занимающихся политикой папъ; впрочемъ, вѣковой мыслью всѣхъ папъ была мысль покорить всѣ души и обратить Римъ въ центръ и владыку міра. У него только одно стремленіе, одна цѣль—добиться единства церкви, вернуть къ ней всѣхъ отщепенцевъ и сдѣлать ее непобѣдимой въ готовящейся соціальной борьбѣ. Въ Россіи онъ хлопочетъ о признаніи нравственной власти Ватикана; мечтаетъ обезоружить въ Англіи англиканскую церковь и довести ее до братскаго перемирія; но больше всего онъ хлопочетъ о согласіи съ еретическими церквами на Востокѣ, обращается къ нимъ, какъ къ разлученнымъ сестрамъ, возвращенія которыхъ жаждетъ его отцовское сердце. Какой силой располагалъ бы побѣдоносный Римъ въ тотъ день, когда онъ царилъ бы безусловно надъ христіанствомъ всей земли?

Здѣсь-то выступаетъ соціальная идея Льва XIII. Будучи епископомъ въ Перузѣ, онъ написалъ пастырское посланіе, въ которомъ смутно проглядывалъ гуманистическій соціализмъ.

Не успѣлъ онъ надѣть тіару, какъ взгляды его измѣняются, и онъ громитъ революціонеровъ, наводившихъ тогда ужасъ на Италію. Сейчасъ же, впрочемъ, онъ спохватился, убѣжденный фактами и сообразивъ, какой смертельной опасностью было бы оставить соціализмъ въ рукахъ враговъ католицизма. Онъ выслушиваетъ популярныхъ епископовъ тѣхъ государствъ, гдѣ производится пропаганда, перестаетъ вмѣшиваться въ ирландскій вопросъ, снимаетъ возложенное имъ раньше отлученіе отъ церкви съ рыцарей труда въ Соединенныхъ Штатахъ и отмѣняетъ приказъ вносить въ списокъ запрещенныхъ книгъ рѣзкія произведенія католическихъ соціалистовъ. Такая эволюція въ сторону демократіи проглядываетъ въ его нѣсколькихъ знаменитыхъ энцикликахъ: въ *Immortale Dei* о государственномъ устройствѣ; въ *Libertas* о свободѣ человѣка, въ *Sapientiae* объ обязанностяхъ христіанина-гражданина и въ *Rerum novarum* о положеніи рабочихъ, и особенно эта послѣдняя обновила, казалось, церковь. Папа признаетъ въ ней незаслуженною ничѣмъ нищету тружениковъ, слишкомъ большое число рабочихъ часовъ и слишкомъ ограниченный заработокъ. Каждый человѣкъ, по его мнѣнію, имѣетъ право на жизнь, и договоръ, вымогаемый посредствомъ голода, не можетъ быть названъ справедливымъ. Онъ говоритъ, кромѣ того, что не должно оставлять беззащитнаго работника во власти эксплуатаціи, которая создаетъ богатство немногихъ изъ нищеты бо́льшаго числа людей. Вынужденный касаться только слегка вопросовъ организаціи, онъ ограничивается поощреніемъ кооперативнаго движенія, которое ставитъ подъ покровительство государства. Возстановивъ такимъ образомъ гражданскую власть, онъ ставитъ Бога на Его верховное мѣсто и видитъ спасеніе только въ нравственныхъ мѣрахъ, въ древнемъ уваженіи къ семьѣ и собственности. Но эта священная рука викарія Христа, протянутая публично бѣднымъ и смиреннымъ, не служитъ-ли знакомъ какого-то новаго союза, возвѣщеніемъ новаго царствованія Іисуса на землѣ? Съ этихъ поръ народъ узналъ, что онъ не покинутъ. И какимъ же сіяніемъ былъ окруженъ Левъ XIII, священнослужительскій и епископскій юбилей котораго праздновался всѣмъ христіанскимъ міромъ, при стеченіи громадной толпы, безчисленнаго множества приношеній и любезныхъ писемъ, полученныхъ отъ всѣхъ государей!

Пьеръ перешелъ затѣмъ къ вопросу о свѣтской власти, считая себя въ правѣ говорить о немъ свободно. Онъ зналъ, конечно, что послѣ ссоры съ Италіей папа предъявлялъ и теперь такъ же упорно, какъ съ перваго дня, свои права

на Римъ; но воображалъ, что онъ дѣлаетъ это изъ необходимости, вызванной политическими соображеніями, и прекратитъ это, когда наступитъ время. Онъ былъ убѣжденъ, что если папа не казался еще никогда такимъ великимъ, какъ теперь, то онъ былъ обязанъ этимъ расширенію того чистаго нравственнаго всемогущества, сіяніе котораго окружило его, съ потерею свѣтской власти. Какая длинная исторія ошибокъ и столкновеній въ теченіе пятнадцати столѣтій, за обладаніе маленькимъ Римскимъ государствомъ! Въ четвертомъ вѣкѣ Константинъ оставляетъ Римъ, и на Палатинѣ остаются лишь нѣкоторыя забытыя должностныя лица; папа захватываетъ, натурально, власть, въ свои руки, и жизнь переходитъ на Латеранскій холмъ. Но лишь спустя четыре вѣка, Карлъ Великій признаетъ совершившійся фактъ, вручая папѣ формальнымъ образомъ Церковныя Владѣнія. Съ тѣхъ поръ между духовной и свѣтской властью велась постоянная война, то тайная, то явная, въ крови и пламени. Не безумно-ли было бы мечтать теперь, посреди вооруженной Европы, о папствѣ, царствующемъ на маленькомъ клочкѣ земли, гдѣ оно подвергалось бы постояннымъ притѣсненіямъ и не могло бы существовать безъ поддержки чужестранной арміи? Что постигло бы его, при общей бойнѣ, которой опасаются? И насколько надежнѣе ограждено оно, насколько оно величественнѣе и достойнѣе, въ сторонѣ отъ всѣхъ земныхъ заботъ, царя надъ душами цѣлаго міра! Въ первыя времена церкви, папство, изъ мѣстнаго и чисто римскаго, сдѣлалось мало-по-малу католическимъ и распространилось повсемѣстно, завоевавъ власть надъ всѣмъ христіанствомъ. Въ свою очередь, и священная коллегія, продолжавшая дѣло римскаго сената, обратилась въ международную и сдѣлалась, наконецъ, въ наше время всемірнымъ собраніемъ, въ которомъ засѣдаютъ члены всѣхъ націй. Не очевидно-ли, что папа, поддерживаемый, такимъ образомъ, своими кардиналами, сдѣлался великой и единственной международной властью, которая тѣмъ болѣе могущественна, что она освобождена отъ монархическихъ интересовъ и говоритъ только во имя человѣчества, не дѣлая различія въ націяхъ? Разрѣшеніе задачи, котораго искали такъ долго среди кровопролитныхъ войнъ, состоитъ навѣрно въ томъ, чтобы или отдать папѣ всемірную свѣтскую власть, или оставить ему только духовное царство. Представитель Бога, неограниченный владыка и непогрѣшимый намѣстникъ неба, онъ не можетъ оставаться въ святилищѣ, если, будучи повелителемъ душъ, онъ не будетъ признанъ всѣми народами вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ владыкой тѣла, царемъ царей.

Но какое удивительное явленіе представляетъ собою этотъ новый отпрыскъ папства, выросшаго на почвѣ, посѣянной французской революціей, которая ведетъ его, быть можетъ, къ владычеству, т.-е. къ осуществленію вѣковыхъ стремленій папства. Потому что, если народъ воленъ отдаваться кому хочетъ, почему же ему не отдаться папству? Несостоятельность идеи свободы даетъ право надѣяться на все. На экономической почвѣ либеральная партія, повидимому, побѣждена. Работники, недовольные 89 годомъ, жалуются на свою увеличивающуюся нищету, волнуются и ищутъ съ отчаяніемъ счастья. Съ другой стороны, новый режимъ усилилъ международное могущество церкви, члены-католики занимаютъ значительное количество мѣстъ въ республиканскихъ парламентахъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ. И такъ, всѣ обстоятельства, повидимому, въ пользу возрожденія старѣющаго католицизма, силой новой молодости, даже наука, обвиняемая въ банкротствѣ, смущаетъ умы и открываетъ безграничное поле тайнѣ и невозможному. И вспоминается невольно пророчество, предвѣщавшее папству всемірную власть въ тотъ день, когда оно пойдетъ во главѣ демократіи, присоединивъ еретическія восточныя церкви къ католической, апостольской и римской церкви. Время это настало, потому что папа, отвернувшись отъ богатыхъ и оставляя въ изгнаніи королей, свергнутыхъ съ престола, идетъ, какъ Христосъ, съ тружениками, неимѣющими куска хлѣба, и съ нищими, которые просятъ милостыню на дорогѣ. Еще, быть можетъ, нѣсколько лѣтъ страшной нищеты, тревожнаго смущенія, соціальныхъ опасностей, и народъ, великій нѣмой, которымъ такъ свободно распоряжались до сихъ поръ, заговоритъ и вернется къ своей колыбели, къ объединенной римской церкви, чтобы избѣгнуть грозящаго ему разрушенія человѣческихъ обществъ.

Пьеръ закончилъ свою книгу страстнымъ воззваніемъ къ новому Риму, къ Риму духовному, который будетъ скоро царить надъ примирившимися народами, послѣдніе же будутъ жить въ золотомъ вѣкѣ по-братски. Онъ видѣлъ въ новомъ Римѣ даже конецъ суевѣрія и такъ увлекся, что, не нападая прямо на догматъ, высказалъ мечту о расширеніи религіознаго чувства, объ уничтоженіи всякаго ритуала, и о преслѣдованія единственной цѣли—человѣколюбія; рана его послѣ путешествія въ Лурдъ не зажила еще и онъ уступилъ потребности облегчить свое сердце. Въ тотъ день, когда евангеліе распространится повсемѣстно и будетъ исполняться, страждущіе перестанутъ искать такъ далеко и при такихъ трагическихъ условіяхъ призрачнаго утѣшенія, убѣдившись, что

найдутъ помощь, утѣшеніе и исцѣленіе дома, у себя, въ средѣ своихъ братьевъ. Въ Лурдѣ было несправедливое перемѣщеніе богатства, страшное зрѣлище, заставлявшее усомниться въ Богѣ, постоянная причина распри, которая исчезнетъ въ истинно христіанскомъ будущемъ обществѣ.

Пьеръ почувствовалъ, что глаза его наполняются слезами и, не замѣчая, что онъ приводитъ въ изумленіе тощихъ англичанъ и плотныхъ нѣмцевъ, смѣняющихся на террасѣ, онъ раскинулъ руки и простеръ ихъ къ дѣйствительному Риму, раскинувшемуся у его ногъ и облитому яркими лучами солнца. Отзовется-ли онъ его мечтѣ? Найдетъ-ли онъ у него, какъ думалъ, исцѣленіе нашему нетерпѣнью и нашимъ тревогамъ? Можетъ-ли католицизмъ обновиться, вернуться къ духу первобытнаго христіанства, быть религіей демократіи, вѣрой, которую потрясенный современный міръ, стоящій на краю погибели, ждетъ, чтобы успокоиться и жить? Онъ былъ полонъ великодушной страсти, полонъ вѣры. Ему представился аббатъ Розъ, который плакалъ отъ умиленія, читая его книгу; ему слышались слова виконта Филибера де-ла-Шу, говорившаго, что такая книга стоитъ цѣлой арміи; но больше всего его ободряло одобреніе кардинала Бержеро, этого апостола неистощимаго милосердія и человѣколюбія. Почему же, въ такомъ случаѣ, коммиссія угрожала внести его книгу въ списокъ запрещенныхъ? Въ теченіе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ ему услужливо посовѣтовали пріѣхать въ Римъ, если онъ хочетъ защищаться, онъ переворачивалъ на всѣ лады этотъ вопросъ и никакъ не могъ догадаться, какія страницы имъ не нравились. Всѣ онѣ казались ему проникнутыми чистѣйшимъ духомъ христіанства. Онъ пріѣхалъ въ восторженномъ возбужденіи, полный мужества и горѣлъ нетерпѣньемъ очутиться у ногъ папы, поручить себя его могущественному покровительству, сказавъ ему, что онъ не написалъ ни одной строки, не проникнувшись его духомъ, не желая торжества его политики. Возможно-ли, чтобы осудили книгу, въ которой, какъ онъ искренно думалъ, онъ превозносилъ Льва XIII, помогая его дѣлу объединенія христіанства и достиженію всеобщаго мира.

Пьеръ постоялъ еще съ минуту около перилъ. Пробывъ здѣсь цѣлый часъ, онъ не могъ еще насытить свои взоры величіемъ Рима, которымъ хотѣлъ бы завладѣть сейчасъ же, со всей скрывавшейся въ немъ неизвѣстностью. О! если бы взять его, узнать и услышать сейчасъ же истинный отвѣтъ на то, о чемъ онъ пріѣхалъ его спросить! Это былъ новый опытъ послѣ Лурда, но болѣе важный и рѣшительный, изъ

котораго, какъ онъ чувствовалъ, онъ долженъ выйти или укрѣпленнымъ, или разбитымъ навсегда. Онъ добивался теперь уже не слѣпой, наивной вѣры ребенка, но высшей интеллектуальной вѣры, стоящей выше ритуала и символовъ, трудящейся для возможно большаго счастья человѣчества. Въ вискахъ стучалъ вопросъ: каковъ будетъ отвѣтъ Рима? Солнце пылало сильнѣе, верхніе кварталы выдѣлялись рѣзче на сіяющемъ фонѣ. Холмы вдали начинали золотиться, принимали пурпуровый оттѣнокъ, тогда какъ ближайшіе фасады опредѣлялись яснѣе и сверкали тысячами отчетливо выступавшихъ оконъ. Но утреннія испаренія еще не совсѣмъ исчезли, изъ низкихъ улицъ поднимался легкій туманъ, затопляя верхушки, и поднимался къ пылающему безконечно голубому небу. Онъ думалъ одну минуту, что Палатинскій холмъ скрылся, онъ едва различалъ темную бахрому кипарисовъ: онъ точно исчезъ подъ прахомъ своихъ развалинъ. Скрылся также и Квириналъ, королевскій дворецъ точно отодвинулся въ туманъ и казался такимъ ничтожнымъ съ своимъ плоскимъ и низкимъ фасадомъ, такимъ смутнымъ вдали, что Пьеръ почти не различалъ его, тогда какъ налѣво, надъ деревьями, соборъ св. Петра еще больше выросъ въ яркомъ и прозрачномъ золотѣ солнца, занимая все небо и господствуя надъ цѣлымъ городомъ.

О! Римъ первой встрѣчи, утренній Римъ новыхъ кварталовъ, котораго онъ даже не видѣлъ въ своемъ лихорадочномъ возбужденіи, какой безграничной надеждой одушевлялъ его этотъ Римъ, который онъ нашелъ живымъ, такимъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ въ мечтахъ! И въ то время, когда онъ стоялъ передъ нимъ въ этотъ чудный день въ своей узкой черной сутанѣ, какой крикъ близкаго искупленія поднимался, какъ ему казалось, съ крышъ, какое обѣщаніе всеобщаго мира выходило изъ священной земли, дважды владычицы міра! То былъ третій Римъ, новый Римъ, отеческая любовь котораго лилась черезъ границы на всѣ народы, соединяя и утѣшая ихъ въ одномъ объятіи. Онъ слышалъ и видѣлъ его обновленнымъ, съ дѣтской кротостью подъ чистымъ, безпредѣльнымъ небомъ, точно испаряющимся въ утренней свѣжести и въ страстной нѣжности его мечты?

Пьеръ оторвался, наконецъ, отъ величественнаго зрѣлища. Кучеръ и лошадь оставались, по-прежнему, понуривъ головы, на солнопекѣ. Горячее свѣтило накаляло чемоданчикъ на сидѣньѣ. Пьеръ сѣлъ въ коляску, сказавъ кучеру снова:

— Улица Джуліа, дворецъ Бокканера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

— Да, ничего; могу сказать, что было довольно пріятно. Попались милые спутники, и я не страдалъ морской болѣзнью.

— Я рада, что вы вернулись этимъ путемъ. Вы побывали въ Оттавѣ... и Ніагарѣ...—прибавила Мэри нетвердо, какъ всегда говорятъ о никогда не видѣнныхъ мѣстахъ.

— На что похожъ Ніагарскій водопадъ?

— Ніагара, — сказалъ Хеммингъ съ нѣкоторою торжественностью,—Ніагара нѣсколько похожа на Лондонъ. Великій водопадъ, знаете, не красивъ; не красивъ и Лондонъ; но, подобно Лондону, это единственное въ мірѣ и ужасающее зрѣлище. Грохотъ, громадность, ощущеніе великой силы, вѣчно влекущей впередъ, — все это и тамъ, и здѣсь. Наступитъ день, когда Ніагара высохнетъ, станетъ меньше, сдѣлается ничтожествомъ среди водопадовъ. Наступитъ день, когда и Лондонъ станетъ горстью праха.

— Какая непріятная мысль!—сказала Мэри, смѣясь.—Какія вы всегда придумываете ужасныя вещи!

Затѣмъ, въ дѣтскомъ, откровенномъ порывѣ, она подошла къ дивану, стала на колѣни на полъ и, положивъ руки на его плечи, тихонько потрясла его.

— Отчего вы не пришли вчера?—спросила она шепотомъ.—Ахъ, вы, глупенькій! Вѣрно, съ кѣмъ-нибудь заболтались въ клубѣ?

Но Винцентъ не разслышалъ. Онъ взялъ ее въ объятія и прижалъ къ себѣ блѣдное личико, уже отмѣченное печатью переутомленія, прелестный дѣтскій ротикъ съ изогнутой верхней губой, пушистые бѣлокурые волосы. Настало долгое молчаніе.

Наконецъ, Винцентъ вздохнулъ. Мэри среди сегодняшнихъ волненій почти забыла о вчерашнемъ разочарованіи.

— Мужчины всѣ таковы,—подумала она. — Имъ и въ голову не приходитъ, какъ ужасно ждать, ждать и ждать. Имъ самимъ не приходится,—такъ какъ же имъ знать?

— Милый, развѣ вы не рады, что вернулись?—спросила она, приподнимая голову, такъ что глаза ихъ встрѣтились.

— Разумѣется, разумѣется,—пробормоталъ онъ, обводя комнату неопредѣленнымъ взглядомъ. — Но у меня такъ много хлопотъ.

— И потому,—сказала Мэри, потихоньку освобождаясь отъ его объятій,—потому вы и не пріѣхали вчера?

— Милое мое дитя, у меня была тысяча дѣлъ. Необходимо было повидаться съ министромъ колоній тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ: мнѣ далъ къ нему весьма важное порученіе канадскій генералъ-губернаторъ.

Винцентъ Хеммингъ говорилъ самымъ оффиціальнымъ тономъ, котораго Мэри всегда инстинктивно не терпѣла.

— А! — сказала она, глядя на свой поясъ, гдѣ розы осыпа̀лись вчера одна за одной.—Понимаю.

— А потомъ знакомые—весьма нужные люди, съ которыми я вмѣстѣ ѣхалъ на пароходѣ, настоятельно приглашали меня съ собой въ театръ, и по причинамъ, о которыхъ считаю теперь излишнимъ распространяться, я разсудилъ, что слѣдуетъ поѣхать.

— А весело было? Хороша была пьеса? — сказала дѣвушка холодно.—Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы скучали въ первый же вечеръ по пріѣздѣ домой.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ: она такъ рѣдко впадаетъ въ сарказмъ.

— Что̀ съ вами, дѣточка? Вы кажетесь усталой. Боюсь, эта̀ духота вредна вамъ: надо уѣхать. Мы должны вернуть розы на эти блѣдныя щечки,—сказалъ онъ въ своемъ старомодномъ стилѣ.

— Охъ, мнѣ нельзя уѣхать: у меня много работы. Вы не знаете, сколько я работала! Но я, знаете, не унывала. Это все для васъ, чтобы мы... чтобы намъ...

Она чуть не заплакала, закрывъ лицо безкровными, нервными руками.

— Вы разстроены, переутомлены, — сказалъ Хеммингъ своимъ добрымъ голосомъ, всегда выражавшимъ вдвое больше, чѣмъ онъ хотѣлъ сказать. Онъ несмѣло коснулся ея руки.— Ну, полно, дѣвочка, полно!

— О, это ничего. Я... немного устала... не спала ночь. Пожалуйста, не тревожьтесь обо мнѣ; можетъ быть, это отъ погоды. Видите ли, — прибавила она, — я никогда въ жизни не оставалась въ Лондонѣ на лѣто. Вѣроятно, отъ этого.

— Безъ сомнѣнія, духота можетъ быть одной изъ причинъ вашего нездоровья. Бѣдная маленькая Мэри! Вамъ необходима перемѣна воздуха.

— Да не знаю, куда ѣхать! — сказала Мэри, слегка

пожавъ плечами.—Если поѣхать къ теткѣ Юліи въ Бурнемоутъ, придется спать въ комнатѣ, увѣшанной фотографіями могилъ, и бесѣдовать съ ритуалистическими священниками..

— А лэди Дженъ Айвзъ? Она непремѣнно пригласитъ васъ въ Айвзъ-Кортъ.

— Онѣ въ понедѣльникъ ѣдутъ въ Эсъ, а потомъ у нихъ будетъ полонъ домъ гостей; значитъ, понадобится гораздо больше платьевъ и веселости, чѣмъ у меня найдется. Но мы можемъ уѣзжать вмѣстѣ на цѣлые дни за городъ, не такъли?—сказала она почти просительно, крутя блѣдными пальцами одну изъ пуговицъ его сюртука.—На рѣкѣ,—напримѣръ, въ Горингѣ или Марлэу, Винцентъ, такъ свѣжо, зелено и тихо по буднямъ! Или на Сюррейскихъ Холмахъ, лиловатыхъ отъ вереска,—сосновый лѣсъ, прекрасный, величественный сосновый лѣсъ—помните, какъ тамъ, куда мы ѣздили наканунѣ вашего отъѣзда? Поѣдемъ, да?

— Да-а, конечно, если возможно,—сказалъ Хеммингъ;—но эту недѣлю, а, пожалуй, и слѣдующую, боюсь, у меня будетъ слишкомъ много приглашеній.

Наступило молчаніе, которое Мэри, какъ хозяйка, всячески старалась прервать. До самаго его ухода она ни разу болѣе не взглянула ему въ глаза. Ей чувствовалось, какъ будто онъ ее ударилъ. Въ горлѣ у нея точно стоялъ комокъ; щеки разгорѣлись: теперь онѣ были достаточно румяны, а руки дрожали, когда она разливала чай, поданный служанкой. Но ей надо было „не подавать вида". Женщина, особенно у себя дома, обязана постоянно улыбаться. На этой всеодобряющей женской улыбкѣ покоится все зданіе цивилизаціи. И въ слѣдующіе полчаса, когда Винцентъ Хеммингъ распространялся о необычно благопріятныхъ условіяхъ, какія выпали ему на долю въ Калькуттѣ, Сиднеѣ и Оттавѣ при изученіи различныхъ системъ управленія, примѣняемыхъ въ разныхъ частяхъ Британской имперіи, Мэри была примѣрной хозяйкой.

Вскорѣ затѣмъ онъ ушелъ. Цѣлуя ее въ щеку, онъ говорилъ, что скоро придетъ опять, повезетъ ее и Джимми въ театръ. А затѣмъ его коротко остриженные сѣдоватые волосы, ослѣпительный воротничекъ и хорошо сидящій сюртукъ стали спускаться по грязноватой лѣстницѣ.

И это было все. Свиданье, котораго она жаждала со всей

горячностью открытой, честной и прямой натуры, миновало. Она ушла въ мрачную спаленку и бросилась на узкую постель. Слезъ не было. Она лежала, устремивъ унылый взоръ на изображеніе зимородка съ текстомъ крупными готическими буквами внизу: „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. Она смутно недоумѣвала, какая связь можетъ быть между зимородкомъ и этимъ изреченіемъ. И затѣмъ ей припомнилось, какъ ея тетка Юлія изъ своего добровольнаго заточенія въ островерхой виллѣ въ Бурнемоутѣ разъ написала ей длинное письмо, предрекая, со злобной радостью праведницы, что наступитъ день, когда ея племянницѣ Мэри неизбѣжно понадобятся утѣшенія религіи. Тетка Юлія назвала ее „очерствѣвшею“. Да, это вѣрно опредѣляло состояніе ея души. Она чувствовала, что не только очерствѣла, но даже окаменѣла. Что все это значило? Этотъ человѣкъ, который сейчасъ ушелъ, развѣ не принадлежитъ ей? Всѣ ея мысли естественно устремлялись къ нему; она не могла себѣ представить жизни, не раздѣленной съ нимъ. Она отлично замѣчала его нѣкоторую рисовку, не всегда пріятныя особенности, но дошла уже до той степени чувства, когда все это утратило всякое значеніе въ ея глазахъ. Французскій умъ гласитъ: „C'est le ridicule qui tue“; но этотъ афоризмъ, могущій быть вѣрнымъ въ политикѣ, модѣ, искусствѣ, увы, не примѣняется къ человѣческой любви.

Винцентъ Хеммингъ, выйдя отъ Мэри, нащупалъ въ карманѣ портсигаръ, тщательно выбралъ аппетитную сигару и твердо стиснулъ ее въ зубахъ, остановившись подъ воротами, чтобы зажечь спичку. Имъ владѣли смѣшанныя чувства. Онъ сознавалъ, что было восхитительно вновь свидѣться съ малюткою Мэри. Еслибы онъ только не высказывался такъ необдуманно передъ отъѣздомъ! А чтожъ ему было дѣлать? Дѣвушка дѣйствовала на чувственную сторону его природы. Ея нѣжныя худощавыя плечи, длинная, изящная шея, нѣсколько трагическій изгибъ рта принадлежали къ предпочитаемому имъ типу красоты. Нервная сила, составлявшая ея характерную черту, трогала и волновала его. Какъ и въ тотъ день, когда онъ просилъ ее дождаться его, онъ всегда, что бы она ни предпринимала, относился къ ней съ участіемъ. Онъ восхищался ея мужествомъ, настойчивостью,

упорной рѣшимостью пробиться и тонкимъ чутьемъ ко всему прекрасному.—Такихъ дѣвочекъ по одной на тысячу,—говорилъ онъ себѣ,—и она не способна на непріятныя выходки, если пришлось бы разстаться. Конечно, надо пожелать ей всего лучшаго. Она молода, можетъ сдѣлать другую партію, и дай ей Богъ, чтобы эта партія была самая счастливая.

И по своей скромности м-ръ Хеммингъ позволилъ себѣ остановиться на этой мысли. Онъ представилъ себѣ Мэри во множествѣ брилліантовъ, во главѣ длиннаго обѣденнаго стола, сверкающаго серебромъ и украшеннаго розами. На противуположномъ концѣ стола находится какой-то туманный и неопредѣленный мужъ ея, а онъ, Винцентъ, сидитъ рядомъ съ нею, и она—его маленькая Мэри—смотритъ на него, въ отвѣтъ на его рѣчи, своими полными чувства глазами и лепечетъ милыя сочувственныя фразы своими восхитительно изогнутыми губами.—Кто знаетъ!—пробормоталъ онъ, бросая окурокъ сигары.—Случались и болѣе странныя вещи.

Идя по Риджентъ-Стриту, по дорогѣ въ Метрополь, онъ началъ припоминать весь годъ своихъ странствій. Ему было хорошо съ начала до конца. Рекомендательныя письма—онъ помнилъ, что она вручала ему прекрасныя письма—привели его въ соприкосновеніе со всѣми значительными людьми Индіи и колоніи. Матеріалу для книги набралось вполнѣ достаточно. Правда, тема немножко затаскана, но онъ былъ увѣренъ въ своемъ стилѣ; онъ напишетъ книгу не такъ, какъ шатающіеся по свѣту члены парламента. Да, впрочемъ, ко времени ея выхода онъ и самъ будетъ въ числѣ законодателей Англіи (было характерно для Хемминга, что всякаго парламентскаго статиста онъ мысленно называлъ „законодателемъ“). На это онъ твердо рѣшился. Бракъ можно отложить на годъ или на два, а быть въ парламентѣ для человѣка, желающаго вліять на политику, необходимо. Къ счастью, депутатъ отъ Нортборо былъ серьезно боленъ такою болѣзнью, роковой исходъ которой неизбѣженъ, и началось уже соперничество изъ-за его мѣста. Хеммингъ имѣлъ основаніе предполагать, что его кандидатура будетъ весьма благосклонно принята консерваторами. Не хватало только денегъ.

Тутъ мысли его снова обратились къ прошлому: къ его встрѣчѣ съ новыми знакомыми. Въ первый разъ онъ увидѣлъ

ихъ — г-на, г-жу и миссъ Вайолетъ Хиггинсъ изъ Нортборо, препирающимися съ чернымъ кондукторомъ на поѣздѣ изъ Ніагары въ Нью-Іоркъ. Семейство Хиггинсъ требовало, чтобы окна большого купэ были отворены, а черный кондукторъ настаивалъ на закрытіи всѣхъ отверстій. Въ концѣ концовъ Винцентъ устроилъ компромиссъ, и обливающіеся потомъ мэръ и мэрша изъ Нортборо выразили ему преувеличенную, по его мнѣнію, благодарность. Дочь, молодая дѣвица, съ глазами, какъ бусы, яркимъ цвѣтомъ лица и полнымъ отсутствіемъ подбородка, чрезвычайно интересовалась имъ впродолженіе всего пути. Ему не нравились ни внѣшность ея, ни манеры; все ея платье было ушито золотыми шнурами, и она безо всякой надобности конфузилась, когда къ ней обращались. Впрочемъ, эта первоначальная радость ослабѣла въ теченіе семи дней на пароходѣ: они снова встрѣтились въ Нью-Іоркѣ, среди шума и суеты отъѣзда въ Европу. Отецъ, фабрикантъ и непоколебимѣйшій тори, очень увлекся молодымъ человѣкомъ. Винцентъ помнилъ, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на мэра Нортборо извѣстіемъ, что онъ—„молодой Хеммингъ“, сынъ покойнаго премьера. Какъ тотъ сталъ откровененъ, гуляя съ нимъ въ лѣтнія ночи! Какъ охотно поручали ему родители миссъ Віолету, когда эта молодая особа выражала желаніе пройтись по палубѣ надъ бурнымъ моремъ. Богатство ихъ было значительно, но они имъ не чванились, подобно женамъ и дочерямъ Чикагскихъ виноторговцевъ, осчастливившихъ пароходъ своимъ присутствіемъ. Віолета была единственная дочь Хиггинса, и разъ вечеромъ, когда въ курильной никого не было, кромѣ нѣсколькихъ Сан-Франциканцевъ, игравшихъ въ покеръ и изрыгавшихъ фантастическія ругательства въ дальнемъ углу, среди тучи табачнаго дыма,—Элиджа Хиггинсъ къ слову упомянулъ, что дастъ дочери не малое приданое, если она выберетъ мужа съ его одобренія. Да, старый Хиггинсъ относился по-пріятельски. Онъ предложилъ выступить предсѣдателемъ избирательнаго комитета, если Винцентъ пожелаетъ выступить кандидатомъ отъ Нортборо; толковалъ даже о подпискѣ для покрытія расходовъ по его избранію. Винцентъ въ самомъ дѣлѣ подумывалъ принять его приглашеніе и съѣздить на сѣверъ, взглянуть на своихъ будущихъ избирателей.—Чѣмъ раньше начать, тѣмъ лучше, — говорилъ онъ

себѣ, переходя Трафальгаръ-Сквэръ и направляясь по Нортумберландскому проѣзду къ Метрополю. У миссъ Віолеты болѣла голова въ театрѣ, наканунѣ, и простая вѣжливость требовала справиться о ея здоровьѣ. Ему казалось, что тамъ ждутъ его, да такъ, повидимому, и было. Его не только ждали, но и полагали, что онъ останется обѣдать.

На другой день Мэри получила отъ Винцента записку, что онъ ѣдетъ на сѣверъ по парламентскому дѣлу, но вскорѣ надѣется вернуться. Приписка была характерна для этого человѣка.

„Я радуюсь,—писалъ онъ,—при мысли, что вы продолжаете ваши литературныя и артистическія занятія съ обычными вамъ мужествомъ и энергіей. Только умоляю имѣть въ виду ваше здоровье, какъ нравственное, такъ и физическое. Вы сказали мнѣ, что пишете теперь разсказы,—любовные, я полагаю. Помните, что подобная работа, требующая затраты и воображенія, и чувства, можетъ быть болѣе изнурительною, чѣмъ вы представляете“.

Мѣсяцъ спустя, Винцентъ все еще былъ въ Нортборо, а Мэри, рисунокъ которой снова былъ отвергнутъ академіей, отдавала цѣлые дни своей новой профессіи—журналистикѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Апоѳеозъ Перри Джаксона.

Было ясное октябрьское утро и полуденный свѣтъ отчетливо освѣщалъ картины въ блестящихъ новыхъ рамахъ. Шотландскіе горные потоки, восточные базары, дѣвицы, читающія любовныя письма, рыбаки, чинящіе сѣти—сплошь покрывали стѣны, поднимаясь до карнизовъ или скромно спускаясь до уровня сапогъ посѣтителя. Все было прямолинейно, избито, банально; все явно разсчитывало на буржуазность публики, покупающей картины. Этотъ день былъ посвященъ представителямъ печати, и галлереи „Общества Соединенныхъ Художествъ“ (или „Умопомраченныхъ художниковъ“, какъ общество называлось въ одномъ клубѣ, посвященномъ изящнымъ искусствамъ) были на этотъ разъ полны народа, расхаживавшаго по гладкимъ паркетнымъ поламъ. Въ дальней комнатѣ собралась даже маленькая толпа; но это про-

изошло, повидимому, благодаря тому, что здѣсь, для соблазна суровыхъ журналистовъ, устроенъ былъ буфетъ, на которомъ красовались іоркская ветчина, великолѣпный выборъ пирожныхъ и нѣсколько графиновъ огненнаго „шерри“. За стойкой возсѣдала молодая особа съ лукавымъ видомъ и висячими серьгами. Веселые возгласы и облака табачнаго дыма нерѣдко долетали оттуда въ большую комнату, гдѣ Мэри Эрль дѣлала отмѣтки у себя въ книжкѣ. Шаршавой внѣшности люди, въ широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ и крылаткахъ сомнительной новизны, выходили попарно изъ комнаты съ буфетомъ, зажигали сигары, усаживались посреди зала на красномъ бархатномъ диванѣ подъ листьями гигантской пальмы и, представляя довольно рѣзкій контрастъ съ обстановкой, вели разговоры на свои спеціальныя темы, пока кто-нибудь изъ нихъ, вынувъ часы, не вставалъ и не летѣлъ поспѣшно къ лѣстницѣ. Эта курьезная процедура отчасти удивляла Мэри. Такія сценки были для нея такъ же новы, какъ и ея работа, потому что она только временно замѣнила въ „Кометѣ“ художественнаго рецензента, по случаю болѣзни послѣдняго.

И такъ, она медленно и добросовѣстно обходила комнату, останавливаясь передъ каждой картиной, сколько-нибудь достойной упоминанія, а также передъ тѣми, о которыхъ волей-неволей приходилось упомянуть въ силу редакторскаго желанія. Вонъ желтый и синій „Видъ Рима съ холма Пинчіо“, написанный человѣкомъ, у котораго ея редакторъ постоянно обѣдалъ; а рядомъ—портретъ самого г-на Бозанквета-Барри, написанный дамою, болѣе извѣстною своими прелестями, нежели талантомъ. Конечно, Мэри должна была найти какую-нибудь фразу, чтобы поощрить прекрасную художницу къ дальнѣйшему рисованію редакторскихъ портретовъ. Отмѣтивъ карандашомъ заглавія этихъ художественныхъ произведеній, она умиротворила свою совѣсть нѣсколькими одобрительными замѣчаніями о красивой картинкѣ неизвѣстнаго художника, висѣвшей у самаго пола и представлявшей видъ Странда въ дождливый день. Мэри пришлось стать на колѣни, чтобы разсмотрѣть ее; а когда она поднялась, глаза ея оказались на уровнѣ довольно большого холста, висѣвшаго на почетномъ мѣстѣ. Картина изображала Трафальгаръ-Сквэръ при лунномъ свѣтѣ и молодую жен-

щину сверхчеловѣческой красоты, закутанную въ протертый платокъ и съежившуюся въ тѣни одного изъ львовъ, тогда какъ въ проѣзжающей каретѣ виднѣлся профиль другой дѣвушки, раскрашенной, разряженной и надменной.

— „Двѣ сестры", Перри Джаксона, академика,—прочла Мэри, заглянувъ въ каталогъ.—Я такъ и думала.

— Какъ поживаете, миссъ Эрль?—сказалъ голосъ, котораго она не слышала уже много времени, и, обернувшись, она увидѣла, что авторъ картины снимаетъ передъ нею шляпу и, ярко вспыхнувъ, подходитъ къ ней. Ее удивило и позабавило то обстоятельство, что онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, даже съ розовымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Лохматая голова его была теперь коротко обстрижена; но такъ какъ на лицѣ, по прежнему, не было и слѣда растительности, то онъ, все-таки, имѣлъ видъ выросшаго лондонскаго уличнаго мальчишки.

— Глаза отдыхаютъ при видѣ васъ,—галантно объявилъ Перри.—Вѣдь мы не видались цѣлую вѣчность, съ самой центральной школы!..

— Да,—сказала Мэри,—а вы съ тѣхъ поръ прославились! Что-жъ, позвольте васъ поздравить со званіемъ академика.

— О, это ничего не значитъ, развѣ по отношенію къ фунтамъ, шиллингамъ и пенсамъ,—скромно отвѣтилъ Перри.—Но я, вѣдь, говорилъ вамъ, что достигну этого, не правда-ли? Помните „Пору Розъ"? Вотъ онѣ-то все и сдѣлали, дѣвушки и розы! Ее купилъ Агнью и распродалъ тысячи гравюръ, особенно въ Австраліи. Австралія, знаете, въ родѣ Англіи, только еще хуже. И въ Америкѣ тоже. Говорятъ, въ Америкѣ прилагаютъ снимокъ съ этой картины къ каждому куску скоуреровскаго мыла и къ каждой бутылкѣ паркинсова бальзама.

— Америка — удивительная страна, — сказала Мэри серьезно.

— Вы, конечно,—продолжалъ Перри,—видѣли эту картину въ академіи? Она продана за двѣ тысячи фунтовъ на частной выставкѣ. Публика скорѣе всего зацѣпляется высокой цѣной. Надѣюсь,—прибавилъ онъ съ живостью,—вы посѣтите мою студію. Я теперь въ Кенсингтонѣ, какъ разъ среди всѣхъ академиковъ.

— Непремѣнно приду,—сказала Мэри.

— О! когда?—освѣдомился м-ръ Джаксонъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.—Я—въ старомъ Маддеровомъ домѣ, большомъ, красномъ, съ бѣлыми балконами. Бѣднягѣ пришлось продать его. Не хотѣлъ отстать отъ историческаго жанра, вродѣ „Послѣ Нэсби“, „Карлъ II, скрывающійся въ дубѣ“, а публика не хочетъ ничего подобнаго ни за что на свѣтѣ.

— Подобныя картины были въ модѣ,—возразила Мэри,—когда онъ былъ молодъ. Такое постоянство даже трогательно. Онъ этимъ похожъ на двухъ-трехъ свѣтскихъ дамъ, которыя все еще носятъ буколки и берты пятидесятыхъ годовъ.

— Оно, пожалуй, и трогательно,—сказалъ Перри, глядя на нее не безъ изумленія,—только совсѣмъ не оплачивается. Бѣдняга Маддеръ радъ былъ сбыть этотъ домъ со всею обстановкой, и я купилъ его съ коврами, венеціанскими каминами, коллекціями оружія и всею дребеденью.

— А ваши... ваши родные живутъ съ вами?—спросила Мэри не твердо, вдругъ вспомнивъ о старой парочкѣ въ мебельномъ магазинѣ на Гампстэдъ-Родѣ.

— О, нѣтъ! Они бы, знаете, и не захотѣли. Но мои старички пріѣзжаютъ ко мнѣ и гуляютъ по дому. Ихъ особенно забавляетъ венеціанская гостиная.

— Однако, вамъ не мало хлопотъ съ такимъ большимъ хозяйствомъ?

— Богъ съ вами! — конфиденціально шепнулъ новый академикъ.—Вѣдь это все только для виду! Самъ я живу въ маленькой комнаткѣ сзади. Я съ ума сошелъ бы, еслибы меня заставили ѣсть мою вареную баранину въ громадной, отдѣланной золотомъ и янтаремъ, столовой. О нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! За то публика осаждаетъ безъ конца. Ужъ сколько ко мнѣ являлось самыхъ великосвѣтскихъ франтовъ! Явится и скажетъ:—„Какой *восхитительно* прекрасный домъ, м-ръ Джаксонъ! Что за *изящество* вкуса! *Откуда* у васъ этотъ кабинетъ? Послушайте, если васъ *очень* попросить, не найдется-ли у васъ времени написать мой портретъ?“

— Вижу,—задумчиво проговорила Мэри,—что вы основательно знаете публику.

Громкій взрывъ смѣха раздался изъ задней комнаты.

Одинъ изъ „Соединенныхъ художниковъ“, расхрабрившись отъ нѣсколькихъ рюмокъ сомнительнаго „шерри“, шутливо выпутывалъ серьгу лукавой молодой особы изъ пряди ея волосъ. Журналистка въ ватерпруфѣ и пенснэ поспѣшно и съ презрительнымъ видомъ вышла, а среди общей веселости, послѣдовавшей за этой сценкой, было быстро выпито еще нѣсколько рюмокъ „шерри“ и зажжено множество свѣжихъ сигаръ. Художники и критики обмѣнивались карточками, и въ галлереяхъ водворилась атмосфера чрезвычайной общительности. Старикъ съ сѣдою бородой, сорокъ лѣтъ писавшій внутренность Кельнскаго собора, любовно велъ подъ руку молодого человѣка, поставлявшаго рецензіи для „Мольберта“, въ ту комнату, гдѣ висѣли его собственные послѣдніе вклады въ сокровищницу изящныхъ искусствъ. Небольшая группа рецензентовъ собралась передъ картиною Перри Джаксона. Ясно было, что они смотрѣли на нее, какъ на лучшую вещь выставки. Какое-то неопредѣленное должностное лицо подошло къ Мэри и, наклонившись, конфиденціально прошептало:

— Смѣю посовѣтовать вамъ слегка подкрѣпиться! Пожалуйте въ комнату рядомъ.

— Благодарю васъ,—сказала Мэри самымъ холоднымъ тономъ.—Я ушла изъ дому позавтракавши.

Наступило неловкое молчаніе, которое Перри Джаксонъ поспѣшилъ нарушить.

— А что вы теперь дѣлаете, миссъ Эрль? Я видѣлъ ваши разсказы въ „Иллюстраціи“... только читать-то мнѣ совсѣмъ некогда. Что-жъ, вы теперь „загребаете“ деньги?!

— Мой заработокъ колеблется,—сказала Мэри, улыбаясь не безъ трагизма.—Иногда онъ превышаетъ 36 фунтовъ въ годъ.

— Великій Боже!—воскликнулъ Перри.—Какъ я радъ, что не пишу.

— Да пишутъ, кажется, больше для забавы,—сказала Мэри.—Знаете, я даже думала написать реалистическій романъ?

— О! Когда онъ будетъ напечатанъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Онъ вовсе не будетъ напечатанъ, — отвѣтила дѣвушка.—Это былъ бы отрывокъ настоящей жизни; въ него былъ бы вложенъ опытъ цѣлыхъ двадцати семи лѣтъ.

— Такъ вы не написали его?—спросилъ онъ быстро.

— Нѣтъ. Всѣ издатели сказали, что идея черезчуръ печальна, мрачна и не понравилась бы англійской публикѣ. Но мнѣ поручено написать трехтомный романъ на старый ладъ, съ баломъ въ первомъ томѣ, пикникомъ и разлукой—во второмъ, а въ третьемъ—бѣгствомъ, которому, разумѣется, должна въ послѣднюю минуту воспрепятствовать смерть (въ больницѣ) мужа или жены—забыла ужъ кого именно...

— Полагаю, выйдетъ очень хорошо,—оптимистично сказалъ Перри.

— А я увѣрена, что выйдетъ ужасно,—сказала Мэри,—но не могу отказаться. Вы знаете, на моихъ рукахъ большой мальчикъ въ Винчестерѣ. Братья такъ дорого стоютъ: имъ нужно столько галстуховъ... Да и не все-ли равно, что писать! Все скоро позабудется. У меня были кое-какія мысли на счетъ того, художественности, и такъ далѣе; но вы правду говорите, что *необходимо* принимать въ разсчетъ публику,—прибавила она уныло, пробѣгая взглядомъ стѣны, покрытыя гладенькими видами Рима, Темзы, невозможными рыбачками и медовыми солнечными закатами. Она сама удивлялась, что такъ свободно высказывается передъ человѣкомъ, котораго такъ давно не видала; но подъ нѣсколько непривлекательной внѣшностью м-ра Джаксона скрывалось столько доброты и откровенности, что ему трудно было противостоять. Онъ самъ былъ до такой степени чистосердеченъ, что мало кто могъ не платить ему тѣмъ же.

— Разумѣется, необходимо — отвѣтилъ новый членъ „Общества“, не безъ удовольствія глядя на собственный холстъ, который во всей своей преднамѣренной соблазнительности выдѣлялся среди окружавшихъ его художественныхъ банальностей.

— Какъ бы то ни было,—думала Мэри,—а въ этой картинѣ есть достоинства. Лунный свѣтъ написанъ широко, въ проѣзжающей каретѣ есть настоящее движеніе, и профиль сидящей въ ней дѣвушки, освѣщенный каретными фонарями, искусно выдѣленъ.

— Кстати, — сказала Мэри, закрывая записную книжку, — вы, вѣроятно, слышали кое-что объ „Иллюстраціи“? Тамъ хотятъ помѣстить статью о васъ, вашихъ трудахъ и вашемъ избраніи въ академики и, кажется, написать ее поручатъ мнѣ.

— Мнѣ бы очень этого хотѣлось,—сказалъ Перри, краснѣя.—Вы почти все знаете обо мнѣ, не такъ-ли? А я вамъ покажу картины, которыя теперь у меня есть, и... и...

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Мэри,—я оффиціально посѣщу вашу студію и буду очень взыскательна, такъ что не пытайтесь обезоружить меня пирожнымъ и „шерри".

— У васъ теперь точь-въ-точь такое лицо, какъ въ тотъ день, когда вы только пришли въ школу, со смѣшной складочкой въ углѣ глаза!—воскликнулъ Перри.

— Правда?—разсмѣялась Мэри.—А я совсѣмъ иначе себя чувствую. Мнѣ точно сто лѣтъ,—прибавила она, забирая книжку и зонтикъ.

— Позвольте... Мнѣ хочется проводить васъ домой!—галантно сказалъ Перри, идя за нею по лѣстницѣ.—Гдѣ вы живете?

— Все тамъ же, на Бульстрадъ-Стритѣ, но надѣюсь остаться тамъ недолго. Мнѣ бы хотѣлось занимать маленькій домикъ гдѣ-нибудь въ предмѣстьѣ. Домикъ съ садикомъ,—прибавила она, когда они вышли на улицу, и ея мысли опять вернулись къ Винценту Хеммингу, отъ котораго письма за послѣднее время стали получаться все рѣже и рѣже.

А въ пустыхъ галлереяхъ осенній закатъ ласкалъ золотыми лучами банальные „Римы", „Темзы" и „Корнваллійскія рыбачьи сцены". Журналисты постепенно разошлись. Запахъ табаку испарялся. Даже буфетъ былъ пустъ; въ немъ остался только одинъ немолодой господинъ, который, бесѣдуя съ нимфой, перемывавшей стаканы, тяжело опирался локтями на стойку и глядѣлъ съ застывшей на лицѣ улыбкою на пустые графины.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мэри выходитъ въ дождливый день.

— Чортъ знаетъ, что за дождь, голубушка!—бормоталъ Джимми, небрежно входя въ комнату, гдѣ Мэри писала.—Неужели тебѣ необходимо идти?

— Да, милый. Не мѣшай. Я уйду, какъ только кончу статью о Перри Джаксонѣ,—отвѣтила дѣвушка съ раздраженнымъ взглядомъ человѣка, у котораго прервали нить мыслей, оплачиваемыхъ по три пенса за строчку.

— Но ты, кажется, устала... А кстати, знаетъ-ли Сара, что я шелъ? Или для меня гдѣ-нибудь оставленъ завтракъ?— прибавилъ Джимми съ недавно усвоенной манерой растягивать слова. Онъ вытянулся въ удивительно хорошенькаго и не по лѣтамъ шустраго мальчика. Характерно было то, что онъ обращался съ сестрою не менѣе вѣжливо, чѣмъ съ каждой изъ своихъ многочисленныхъ дамъ сердца. Всѣ единогласно утверждали, что Джимми Эрль восхитительный мальчикъ. Похвальные эпитеты такъ и сыпались при упоминаніи о немъ. Теперь, въ бѣломъ костюмѣ и опираясь о каминъ, онъ представлялъ собою олицетвореніе безпечной и веселой юности.

— Такъ какъ сейчасъ половина двѣнадцатаго,—сказала Мэри, смѣясь, просушивая свою рукопись и вкладывая ее въ конвертъ, — то Сара, пожалуй, начинаетъ подозрѣвать, что ты скоро выглянешь на свѣтъ Божій.

— Милая, ты сердишься на меня?

— Нѣтъ, мальчикъ. Спи сколько спится! Тебѣ, вѣрно, очень рано приходится вставать въ школѣ.

— О, да! Случается!—отвѣтилъ Джимми неопредѣленно.

Но Мэри уже ушла въ спальню, гдѣ быстро подкалывала волосы и надѣвала ватерпруфъ. Проходя по комнатѣ, она мелькомъ увидѣла, что Джимми накладываетъ себѣ третье блюдо варенья. Подъ рукою у него лежала утренняя газета, а на каминѣ даже стояла украдкою купленная коробочка папиросъ.

— Я думаю,—сказала себѣ Мэри, сбѣгая по лѣстницѣ въ своемъ развѣвающемся ватерпруфѣ, — что Джимми весь вѣкъ проживетъ припѣваючи. Ему никогда не придется выходить въ дождливый день.

Въ вагонѣ подземной желѣзной дороги было, по крайней мѣрѣ, сухо, и Мэри могла прислонить спину, утомленную согнутымъ положеніемъ надъ конторкою съ девяти часовъ утра. Она уже давно чувствовала себя очень слабой. Чтобы писать, приходилось страшно напрягаться; случалось цѣлыя утра просиживать передъ листомъ бѣлой бумаги, а сколько-нибудь путныя мысли являлись только ночью, когда ей слѣдовало спать. И послѣ долгихъ часовъ безсонницы, она вставала и шла къ конторкѣ, чувствуя, что всѣ нервы дрожатъ въ ея тѣлѣ. Подъ грохотъ поѣзда, мчавшагося въ Кенсинг-

тонъ, Мэри строго говорила себѣ, что не должна въ настоящую минуту хворать. Ей необходимо удержаться при „Вѣерѣ“; стоитъ пропустить мѣсяцъ и найдется десятокъ женщинъ, готовыхъ отбить у нея работу. Кромѣ того, надо было продолжать трехтомный романъ для „Иллюстраціи“ и дописать, для того же журнала, статью о Перри Джаксонѣ, надъ которой она столько трудилась и для окончанія которой отправлялась теперь къ новому члену „Общества Соединенныхъ Художествъ“. Она улыбалась при мысли, какъ позабавитъ Винцента извѣстіе, что она опять встрѣтилась съ Перри Джаксономъ и пишетъ статью о „Порѣ Розъ“ и прекрасномъ домѣ съ мастерскою, принадлежащемъ теперь художнику. Съ тою отчетливостью духовнаго зрѣнія, которая свидѣтельствуетъ о зрѣлости умственныхъ способностей, Мэри сопоставила ихъ обоихъ: Перри съ его смѣшными манерами, добрымъ сердцемъ, упрямой рѣшимостью выдвинуться и удивительнымъ знаніемъ публики, и Винцента— съ его гладкими, чарующими фразами, пріятной наружностью и колеблющеюся душою.

Лилъ проливной дождь, когда Мэри вышла изъ Кенсингтонской станціи. Тяжелое, красноватое небо висѣло низко, а деревья имѣли странный металлическій оттѣнокъ. Конецъ улицы скрывался въ дождѣ и туманѣ, а залитая водою мостовая, какъ зеркало, отражала всѣ предметы. Когда Мэри позвонила у величественнаго дома м-ра Перри Джаксона, ея ноги были промочены насквозь.

Дверь отперла пожилая особа въ чепцѣ, обильно изукрашенномъ ландышами; темное шерстяное платье и испещренные жилками глаза этой женщины совсѣмъ не гармонировали съ обширными сѣнями въ персидскихъ изразцахъ, мягкихъ, огненнаго цвѣта коврахъ и нѣжныхъ сапфироваго цвѣта вышивкахъ. Джаксонъ былъ дома. Встрѣтившая Мэри женщина съ конфиденціальнымъ, нѣсколько таинственнымъ видомъ прошаркала по тихимъ корридорамъ и, сначала постучавшись, ввела Мэри въ мастерскую.

Предметъ ея статьи работалъ надъ большимъ холстомъ, когда она вошла.

Въ обширной студіи, съ ея перспективой полированныхъ столовъ, золоченымъ потолкомъ и увѣшанными коврами стѣнами, художникъ представлялъ довольно незначительную фигуру, стоя на лѣстницѣ и вытянувшись, чтобы достать деко-

рацію задняго плана. Роскошь и яркость громадной, тихой комнаты выдѣляли блѣдность его лица. Его профиль на фонѣ алькова изъ золотой мозаики напоминалъ уличнаго мальчишку, по ошибкѣ попавшаго въ какой-то восточный дворецъ, воздвигнутый руками фей. Слабый, мутный свѣтъ ненастнаго дня проникалъ сквозь большое сѣверное окно, а дождь однозвучно барабанилъ по стекляннному бельведеру, предназначенному для сценъ подъ открытымъ небомъ. Пальмы и азаліи въ исполинскихъ вазахъ сливались съ зеленью, которая виднѣлась сквозь стеклянныя стѣны бельведера.

Громадный холстъ, надъ которымъ трудился художникъ, изображалъ монастырскій садъ въ сѣрыхъ сумеркахъ лѣтняго вечера. Блѣдныя, задумчивыя лица молодыхъ монахинь, исполненныя неестественной прелести, и оттѣненныя широкими синими головными уборами, наклонялись надъ грядами бѣлыхъ лилій, къ которымъ тамъ и сямъ протягивалась прозрачная рука, желая сорвать безстрастный, бѣлый цвѣтокъ. Эта картина, предназначенная для академической выставки будущаго года, называлась „Часъ Лилій“. Мэри была поражена при видѣ ея. Недавно еще она указала ему на эту тему. Онъ, вѣроятно, взялся за дѣло тогда же, бросивъ все остальное. Картина была ужъ подмалевана.

— О! какъ это мило съ вашей стороны! — вскричалъ Перри, вспыхнувъ пурпуромъ.

Мэри съ неудовольствіемъ замѣтила, что въ послѣднее время онъ краснѣлъ при ея появленіи. Это было смѣшно, потому что частыя свиданія по поводу статьи установили между ними отношенія старой дружбы. Да и онъ продолжалъ быть для нея все тѣмъ же Перри Джаксономъ изъ центральной школы живописи—лохматымъ человѣчкомъ, родители котораго продаютъ дешевую мебель на Гампстедъ-Родѣ.

— Эта статья должна быть въ редакціи не позже, какъ завтра утромъ, — сказала Мэри, опускаясь на ближайшій стулъ и заботливо осматривая свои мокрые сапожки.

— А что за дрянь у нихъ—клише „Поры Розъ“,—сказалъ Перри съ негодованіемъ.—Будь я проклятъ, если разберутъ, что это розы. Скорѣе артишоки... или что угодно.

— Ну, ужъ съ этимъ теперь дѣлать нечего, — упрямо сказала Мэри. — Сегодня мнѣ нужно сдѣлать послѣдніе штрихи въ моей статьѣ, что-нибудь такое, чтобы сдѣлать ее

литературной, съ идеей, понимаете? Напримѣръ, я желаю знать,—продолжала Мэри, оглядываясь съ легкой улыбкой,—есть-ли у васъ миссія?

— Это что такое?—спросилъ Перри, кладя плоскій бликъ на золотые волосы послушницы.

— Я сама,—отвѣтила Мэри разсѣянно,—никогда хорошенько не могла понять. Но теперь предполагается, что большинство людей—писателей, живописцевъ и т. д.—имѣютъ миссію по отношенію къ своимъ современникамъ. И я думаю, что вы, можетъ быть, своимъ искусствомъ проповѣдуете культъ красоты, языческое обожествленіе формы, наслажденія, такъ сказать, физически совершеннаго существованія?

Перри задумчиво свистнулъ.

— Ну,—сказалъ онъ помолчавъ,—я никогда ничего подобнаго не думалъ; но можете написать, что хотите. Мнѣ все равно, что вы про меня скажете.—И затѣмъ прибавилъ съ подкупающимъ чистосердечіемъ:—мнѣ только нужно, чтобы оплачивалось.

— Но, милый м-ръ Джаксонъ, труды ваши очевидно оплачиваются,—замѣтила Мэри, смѣясь.—Вотъ вѣдь вы какъ „устроились“: единолично властвуете въ цѣломъ великолѣпномъ домѣ и мастерской!

— Да, — сказалъ Перри, странно косясь на нее:—именно — единолично. Здѣсь вчера была дама,—продолжалъ онъ съ короткимъ смѣхомъ,—интервьюировавшая меня для одной вечерней газеты; такъ, какъ вы думаете, о чемъ она меня спросила? Женатъ-ли я или не собираюсь-ли жениться!

— А въ самомъ дѣлѣ?—спросила Мэри вѣжливо заинтересованнымъ тономъ; но что-то въ его взглядѣ заставило ее опустить глаза, и она отвернулась, въ замѣшательствѣ предложивъ два-три вопроса о картинахъ у дальней стѣны.

Воцарилось неловкое молчаніе. Снаружи дождь со свистомъ лился на крышу стеклянной студіи, и большія деревья гнулись, промокши и отяжелѣвъ отъ воды. Перри бросилъ на полъ палитру и стоялъ, нервно и взволнованно глядя на Мэри. Мэри начала обходить студію, причемъ вода текла съ ея зонта и оставляла маленькія лужицы на вылощенномъ паркетѣ и восточныхъ коврахъ.

— Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо уйти,—сказала она нервно

и не поднимая глазъ. — Ваша комната слишкомъ роскошна для промокшей журналистки.

Онъ бросился къ ней съ мольбою на лицѣ, которое совсѣмъ побѣлѣло отъ волненія, и много лѣтъ спустя она не могла забыть тяжелой сцены, послѣдовавшей затѣмъ. Она помнила, какъ ее страшно конфузили ея мокрые сапоги и капли воды, стекавшія съ промокшаго ватерпруфа на полъ въ то время, какъ Перри Джаксонъ, который въ минуты сильнѣйшаго возбужденія съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя буквы, предлагалъ ей свое имя и состояніе и безпрепятственное обладаніе венеціанскою гостиною, золотою и янтарною столовою и японскимъ будуаромъ во второмъ этажѣ.

Среди наступившаго молчанія слышенъ былъ лишь дождь, неумолимо свистѣвшій по крышѣ наружной мастерской. Мэри стояла, устремивъ глаза на полированныя доски. Какъ онъ могъ такъ ложно понять ее? Что ей сказать для смягченія отказа? Развѣ онъ не зналъ? Развѣ не понималъ, что это невозможно? Однако, отвѣчать было необходимо. Странная боязнь мѣшала ей назвать Хемминга, и потому она заговорила о неопредѣленныхъ препятствіяхъ, о Джимми, о своей профессіи...

— Вы... вы... любите кого-нибудь другого?—растерянно выговорилъ Перри, когда она уже уходила.

— Да,—сказала она, но не взглянула ему въ глаза; и когда она произнесла это, болѣзненное предчувствіе овладѣло ею.

Перри Джаксонъ молча стиснулъ ея руку. Каждый изъ нихъ чувствовалъ, что разлука и отчужденіе были безвозвратны.

— Такъ вы скажете редактору о клише?—неловко спросилъ Перри, когда она переступила порогъ.

— Да, конечно. Разумѣется, можно поправить, какъ вы говорите. А выясненіе вашего идеала въ искусствѣ придастъ много интереса статьѣ,—сказала она громкимъ, искусственно веселымъ голосомъ.

Они оба уже думали о своихъ работахъ. Онъ проводилъ ее и посмотрѣлъ вслѣдъ тоненькой фигуркѣ въ сѣромъ ватерпруфѣ, исчезавшей среди тумана и дождя.

Ахъ, какъ бы онъ былъ радъ избавить ее отъ изнурительности женскаго труда, отъ лихорадочной тревоги и страшной борьбы за существованіе! Когда онъ возвращался назадъ свѣт-

лыми бѣлыми корридорами по мягкимъ и яркимъ коврамъ и взглядъ его упалъ на массы прозрачныхъ цвѣтовъ внутри, великолѣпіе это жилища впервые поразило его, какъ смѣшная несообразность. Онъ снова пришелъ въ мастерскую и началъ искать у себя въ портфеляхъ набросокъ дѣвичьей головки, нужной ему для новой картины. Стало уже смеркаться, а онъ все работалъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Комедія въ дѣйствительной жизни.

Первый актъ окончился, и занавѣсъ опустили. По всему театру слышался гулъ голосовъ. Мужчины стояли въ партерѣ, обводя залу бинoклями; рецензенты обмѣнивались многозначительными взорами и зловѣщими восклицаніями. Тамъ и сямъ виденъ былъ профиль хорошенькой женщины, вытягивающейся, чтобы видѣли, что она говоритъ съ сидящею черезъ нѣсколько мѣстъ знаменитостью. Зала, если взглянуть сверху, представлялась одною сплошною массою человѣческихъ существъ, причемъ свѣтлыя, блѣдныя платья женщинъ выдѣлялись веселыми пятнами среди черныхъ сюртуковъ, бѣлыхъ пластроновъ и слегка лысыхъ головъ мужчинъ.

Въ модномъ театрѣ шла въ первый разъ новая комедія. Въ отдѣльныхъ ложахъ маленькія матерчатыя двери отворялись безпрестанно, обнажая часть золоченаго корридора. Въ нѣкоторыхъ ложахъ, особенно у лэди Дженъ Айвзъ, дверь хлопала почти съ правильностью машины, пропуская взадъ и впередъ цѣлыя вереницы молодыхъ людей.

— Всѣ мамины „мальчики“ перебываютъ здѣсь въ теченіе вечера!—шепнула Алисона Мэри.—Не знаю, выдержатъ-ли наши мозги.

Впрочемъ, Алисонѣ не пришлось занимать ихъ, такъ какъ, тотчасъ послѣ, паденія занавѣса стулъ позади нея занялъ пришедшій снизу д-ръ Дунлонъ-Стрэнджъ и началъ разсказывать ей о новомъ медицинскомъ открытіи, которымъ она интересовалась.

Въ это время прочіе задніе стулья были заняты г-дами Базанкветъ-Барри и Бьюфортъ-Флоуеромъ.

— Д-ръ Стрэнджъ, вамъ придется лично сопровождать насъ въ Уайтчапельскую больницу,—сказала Алисона, обра-

щая на него свои прекрасные, умные глаза. — Миссъ Эрль должна написать кое-что о больницѣ, и вы можете дать ей необходимыя разъясненія.

— Когда же вы пріѣдете? — спросилъ докторъ съ живостью.

— О! условьтесь ужъ съ Мэри!—сказала Алисона смѣясь.

— Пишущимъ дѣвицамъ всегда такъ нѣкогда, а я въ настоящее время безъ занятій.

— Дорогая лэди Дженъ,—возразилъ м-ръ Флоуеръ, поглаживая туберозы у себя въ петлицѣ,—неужели вы позволите имъ ѣхать въ одну изъ этихъ гадкихъ больницъ? Вѣдь онѣ могутъ тамъ чѣмъ-нибудь заразиться, и, къ тому же, я слышалъ, что тамошніе паціенты выражаются весьма фигурально.

— Я могу позволить или не позволить! — воскликнула лэди Дженъ.—Милый Бьюфи, еслибы у васъ была взрослая дочь, вы бы узнали, что не вы ей, а она вамъ можетъ позволить, что ей угодно. Я такъ молода,—сказала старуха съ жирнымъ смѣхомъ,—что иду наравнѣ съ вѣкомъ. А что касается этой дѣточки Мэри, то я ни въ чемъ не могу отказать ей. Видите-ли: и Алисонѣ, и мнѣ очень хотѣлось выйти замужъ за ея отца. Онъ былъ прелестнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Мэри, въ бѣломъ платьицѣ, сіяла. Утреннія газеты возвѣстили о результатахъ мѣстнаго голосованія, и Винцентъ Хеммингъ имѣлъ большинство въ 47 голосовъ. Дня черезъ два она ждала его въ городѣ,—а можетъ быть, онъ ужъ и теперь тутъ — и у него найдется для нея свободный часокъ. Пожалуй, имъ возможно будетъ опять часто видаться. Теперь она уже привыкла къ нѣкоторой неопредѣленности въ разсчетахъ на будущее. Ей было довольно думать, что онъ счастливъ и успѣваетъ въ дѣлахъ.

— Отчего вы сегодня такая хорошенькая? — шепнулъ Бьюфортъ Мэри, которою, по извращенности своей природы, онъ начиналъ увлекаться именно потому, что она большею частью „рѣзала“ его.

— Я никогда не бываю хорошенькой, — сказала Мэри спокойно.

— Да? Это правда. Я иногда видалъ васъ,—прибавилъ онъ съ привлекательной откровенностью,—положительно безобразною. За то иногда вы бываете очаровательны.

Между тѣмъ, лэди Дженъ, показывая порядочную долю толстаго плеча и мягкой груди въ платьѣ кроваво-краснаго цвѣта, тихонько ударила рѣзнымъ костянымъ вѣеромъ г-на Бозанквета Барри, который наклонился надъ ея стуломъ.

— Разскажите мнѣ, ужасное существо, кто здѣсь есть? Вы знаете, я не вижу. Зачѣмъ же и существуете вы, молодые люди, если не за тѣмъ, чтобы разсказывать намъ новости?

— О, да! Здѣсь всѣ. Множество народа пріѣхало нарочно. Въ театрѣ—весь большой свѣтъ. А какъ вы думаете, кто тамъ, въ нижней литерной ложѣ? Никто другой, какъ лэди Блэзыветъ. C'est crâne, hein? За три дня до появленія на судѣ. Говорятъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ такъ, чтобы слышала одна лэди Дженъ,—говорятъ, что это будетъ cause célèbre. Жалуется, конечно, она,—но ничего не добьется. Въ клубахъ держатъ пари...

— Я вижу, съ ней въ ложѣ старуха, какъ ее, — такая порядочная... — сказала лэди Дженъ, основательно разсматривая будущую героиню бракоразводнаго процесса въ свой черепаховый лорнетъ.— Какъ *умно!* — продолжала она тономъ одобренія: — бѣлая кисея и ни одного брилліанта! Я такъ любила ея бѣдную мать. Она одна изъ первыхъ начала публично курить. Она въ родѣ лэди Нортонъ. Лордъ Хоутонъ говаривалъ, что это — одна изъ тѣхъ свѣтскихъ женщинъ, которыхъ онъ можетъ приглашать на свои литературные завтраки. Ея дочь не унаслѣдовала ея ума.

— Нѣтъ, а то она не впала бы въ роковую ошибку дать себя поймать съ поличнымъ,—пробормоталъ м-ръ Бозанкветъ Барри, и затѣмъ прибавилъ, выставляя въ фатоватой улыбкѣ всѣ свои ослѣпительные зубы:—леди Блэзыветъ—восхитительная женщина, если узнать ее поближе. Увѣряю васъ, она неотразима.

— Я вижу, что всѣ вы, молодежь, совершенно ёrgis,—отвѣтила лэди Дженъ своимъ равнодушнымъ благовоспитаннымъ тономъ.—Вы часто ее видите?

— Предполагается, что ее можно застать дома въ пять часовъ, но очень часто ея не бываетъ.

— Да,—вставилъ м-ръ Флоуеръ своимъ осинымъ голосомъ,—она говоритъ, что очень эффектно иногда отсутствовать. Не коварно-ли это съ ея стороны?

— Милѣйшій Бьюфи, лэди Блэзыветъ достаточно красива, чтобы позволять себѣ такія вещи. А что это за курьезныя личности въ слѣдующей ложѣ?

— Правда, они восхитительны превыше описанія? — воскликнулъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ.

— Это я открылъ ихъ! Въ партерѣ есть одинъ политикъ; онъ знаетъ ихъ. Это—мэръ и мэрша изъ Нортборо со своей наслѣдницей. Они очень богаты.. Фамилія ихъ—Хиггинсы. Развѣ они не милы? Я въ жизни еще не видывалъ провинціальнаго мэра! Неужели онъ весь такъ же красенъ, какъ его лицо? Навѣрно у него подъ платьемъ цѣпь мэра. Посмотрите на платье мэрши, милая лэди Дженъ. Видите: маленькій вырѣзъ у горла, рукава съ локтемъ, и можно поклясться, что сзади высокій воротъ! А дочь! Qu'elle est fagotée, mon Dieu! И бриллианты повсюду, даже тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Право, отдыхаешь, глядя на лэди Блэзыветъ, на которой совсѣмъ почти ничего нѣтъ.

И такъ, вотъ эти Хиггинсы, друзья Винцента, которыхъ онъ подцѣпилъ въ Америкѣ и которые провели его въ парламентъ. Мэри окинула дочь быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ, замѣтила ея ординарное лицо съ глазами въ родѣ бусъ и неспокойнымъ ртомъ, ея черезчуръ вычурное платье и неловкую осанку и, припомнивъ изящные вкусы Хемминга, рѣшила, съ маленькимъ приливомъ женской гордости, что ей нечего бояться дѣвицы Віолеты Хиггинсъ.

— Знаетъ-ли кто-нибудь, въ чемъ заключается эта пьеса?—спросила дѣвушка тономъ облегченія.—Мнѣ она кажется хламомъ.

— О! я *люблю* эти старомодныя пьесы, гдѣ всѣ бѣдные молодые люди становятся баронетами, а женщины выходятъ за предметовъ своей первой любви. Онѣ такъ восхитительно непохожи на дѣйствительность! — пролепеталъ Бьюфортъ.—Въ нихъ положительно чувствуешь *потребность* въ нашъ пессимистическій вѣкъ. Конечно, реализмъ забавляетъ меня, но, въ сущности, не нравится мнѣ.

— Это очень неблагодарно съ вашей стороны,—сказала, вдругъ обернувшись, Алисона.

Д-ръ Дунлонъ Стрэнджъ увидѣлъ лэди Блэзыветъ, и глаза его остались какъ бы прикованными къ ея прелестному лицу.

Алисонѣ это почему-то не понравилось: она не любила лэди Блэзыветъ.

Занавѣсъ поднялся для второго акта и открылъ увитый розами домикъ и солнечные часы. Пьеса шла со своими шаблонными любовными интригами. Двѣ пары влюбленныхъ,—насмѣшливая и сентиментальная, — путешествовали сквозь вертящійся турникетъ, и во время сцены между насмѣшливыми любовниками, въ которой выдающуюся роль играли лейка и искусственная герань, обычные посѣтители театра потихоньку переговаривались. Впрочемъ, среди рядовъ черныхъ фраковъ несомнѣнно оживился интересъ, когда взошедшая луна освѣтила объятія сантиментальныхъ любовниковъ, между тѣмъ какъ за оградой притаилась зловѣщая фигура искательницы приключеній.

Тѣмъ не менѣе, рецензенты стали зѣвать, а въ отдѣльныхъ ложахъ завелись веселые разговоры, особенно въ ложѣ лэди Блэзыветъ, бѣлыя плечи которой поразительно ярко выдѣлялись на фонѣ цѣлой фаланги черныхъ фраковъ.

Дверь ложи Хиггинсовъ отворилась, и моложавая мужская фигура вырѣзалась на блѣдно-золотистомъ фонѣ корридора. Мэри не видала лица, такъ какъ свѣтъ падалъ сзади; но въ слѣдующую минуту вновьприбывшій, пожавъ всѣмъ руки, помѣстился позади молодой дѣвицы, и лицо его освѣтилось огнями рампы. Миссъ Хиггинсъ начала сильно обмахиваться вѣеромъ и завертѣлась на стулѣ. Мэри не спускала глазъ съ вошедшаго. Съ занимаемаго имъ мѣста ему не было ея видно. Это былъ Винцентъ Хеммингъ.

Затѣмъ она отвела глаза — ей словно стало стыдно — и устремила ихъ на сцену. Сентиментальные любовники клялись въ вѣчной вѣрности... Мэри недоумѣвала, кто были манекены: актеры на сценѣ, или всѣ они въ залѣ: она—Мэри, Винцентъ, миссъ Хиггинсъ и Блэзыветы, всѣ влекомые то туда, то сюда своими страстями, честолюбіемъ, прихотями? Винцентъ былъ въ городѣ, а она ничего не знала! Правда, въ послѣднее время онъ писалъ рѣдко; но тогда его, вѣроятно, поглощали выборы. Она и не ждала извѣстія. Только все-таки съ какой стати ему проводить первый же вечеръ въ Лондонѣ съ этими людьми? Должно быть, и ложу-то бралъ онъ; очевидно, онъ пригласилъ ихъ, такъ какъ мэру провинціальнаго города, хотя бы и милліонеру, не очень-то легко достать

билеты на первое представленіе въ модномъ лондонскомъ театрѣ.

Мэри видѣла, что на сценѣ искательница приключеній приближается къ рампѣ, бормоча слова: „Мой мужъ!“ и занавѣсъ опускается послѣ второго акта.

Мэри сидѣла опустивъ глаза. Всѣ ея нервы были напряжены до крайности. Ей стало легче, когда матерчатую дверь отворили и вошли двое мужчинъ. Она откинулась на спинку кресла и стала говорить что̀ попало, только бы не думать. Бьюфортъ опять сидѣлъ позади нея.

— Знаете-ли, что я слышалъ о наслѣдницѣ Хиггинсовъ? — началъ онъ. — Я, видите-ли, принимаю въ нихъ такое участіе потому, что первый открылъ ихъ. Видите вонъ этого господина, что сидитъ сзади нея? Это Хеммингъ, который только-что попалъ въ парламентъ отъ Нортборо. Говорятъ, онъ на ней женится.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала Мэри и удивилась, какъ естественно у нея это вышло. Въ то же время она сказала себѣ, что предвидѣла это еще въ день его возвращенія изъ Америки.

— Да! Развѣ не восхитительно? Что-жъ, послѣ этого можно жениться и на горничной! Но говорятъ, что у него нѣтъ ни гроша, а у нея будетъ 12 тысячъ въ годъ лишь для перваго обзаведенія. А лучше всего то, что бѣдняга и хотѣлъ бы улизнуть, да папаша не пускаетъ: стоитъ надъ нимъ во всѣхъ регаліяхъ и помаваетъ муниципальнымъ жезломъ, объясняя, что и въ парламентъ-то его втолкнулъ, какъ будущаго зятя. Говорятъ, у него страшный ланкаширскій акцентъ! — закончилъ онъ своимъ коварнымъ и торжествующимъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказала Мэри, приподнимая рѣсницы и снова опуская ихъ, съ видомъ утомленія.

Къ счастью, никто въ ложѣ, кромѣ нея, ничего не слышалъ. Лэди Дженъ и Алисона говорили съ вновь пришедшими кавалерами. Она сдѣлала надъ собою усиліе, которое сто̀ило ей полнаго изнеможенія на другой день, и приняла видъ спокойный, невозмутимый, улыбающійся. Что-жъ! Все зданіе цивилизаціи покоится на этой непрестанно выражающей согласіе женской улыбкѣ. Мэри, какъ и другимъ женщинамъ, суждено было познать свою долю подъ любопытными взорами чуж-

дыхъ глазъ... Если бы ей можно было куда-нибудь скрыться, не видѣть возмутительной комедіи, разыгрываемой въ той ложѣ, не глядѣть на желтую рампу, не слѣдить за глупой, пустой, ненатуральной комедіей на сценѣ!.. Но ей нельзя было уйти изъ театра, не возбудивъ вниманія, не вызвавши вопросовъ. Занавѣсъ поднялся для послѣдняго акта.

— Винцентъ женится на миссъ Хиггинсъ,—сказала она себѣ, когда пара насмѣшливыхъ любовниковъ, ссорясь, вошла въ хорошенькую гостиную. Она старалась уяснить себѣ весь объемъ этого новаго бѣдствія, понять его значеніе въ своей жизни, между тѣмъ, какъ на сценѣ молодой комикъ старался укротить гнѣвъ дѣвицы, завязывая ей развязавшійся башмакъ. Винцентъ и миссъ Хиггинсъ... Винцентъ и миссъ Хиггинсъ будутъ жить вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, долгіе-долгіе годы.—„Въ счастьѣ и въ несчастьѣ, въ богатствѣ и въ бѣдности, въ здоровьѣ и въ болѣзни, пока смерть не разлучитъ ихъ“. Сквозь дымку, затмѣвающую зрѣніе въ минуты острыхъ душевныхъ мукъ, Мэри увидѣла, что счастье сентиментальныхъ любовниковъ на сценѣ не будетъ нарушено, потому что искательница приключеній оказывалась, повидимому, двумужницей и раньше была уже замужемъ... Замужемъ! Ахъ, Боже! Вѣдь и эта дѣвушка, тамъ, въ ложѣ, будетъ за Винцентомъ замужемъ...

— Милая, ты ужасно блѣдна!—сказала Алисона, взглянувъ на Мэри: та съ неподвижной, машинальной улыбкой благодарила м-ра Бьюфорта Флоуера, который игриво набрасывалъ ей на плечи боа.— Боюсь, не устала-ли ты? Пьеса ужасно скучна, правда? А въ театрѣ такъ жарко...

— Я здорова,—сказала Мэри героически.—Это ничего.

Знакомые обращались къ ней на лѣстницѣ и въ коридорахъ, и она отвѣчала имъ блѣдными, сжатыми губами. Какая прелестная, хорошенькая пьеска! Настоящая идиллія и такъ освѣжаетъ послѣ всѣхъ этихъ отвратительныхъ толковъ о наслѣдственности и т. п... Положительно отдыхаешь, говорили ей, на такой истинно англійской пьесѣ съ благополучнымъ окончаніемъ.

Въ толкотнѣ у выхода ея возлюбленный чуть не задѣлъ ее локтемъ, не замѣтивъ ея и проходя мимо съ ланкаширской наслѣдницей. Мэри замѣтила на лицѣ дѣвушки торжествующее выраженіе неблаговоспитанной дѣвицы, заполучив-

шей желательнаго жениха. На Винцента Мэри едва рѣшилась взглянуть, хотя все существо ея стремилось къ нему; однако, когда онъ выходилъ съ миссъ Хиггинсъ, которая тяжеловѣсно опиралась на его руку, она замѣтила мелькомъ какое у него было измученное, робкое и недовольное лицо.

— Какъ, онъ несчастливъ?! — подумала она съ болью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Два ультиматума.

Среди профессіональной торжественности консультаціоннаго кабинета широкое и кроткое лицо д-ра Данби глядѣло серьезно. Постукивая стетоскопомъ, которымъ онъ только-что изслѣдовалъ Мэри, онъ взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Дѣло въ томъ, дитя мое, что вамъ надо знать правду. Вамъ не по силамъ трудъ, который вы несете. Надо признать, что вы—далеко не крѣпкаго здоровья. Правда, ничего опаснаго; но чрезвычайная хрупкость организма, — прибавилъ онъ задумчиво, произнося слово хрупкость съ нѣкоторой елейностью, какъ нѣчто составляющее неотъемлемую прелесть молодыхъ женщинъ.—Ни одинъ изъ важныхъ органовъ еще не поврежденъ,—продолжалъ онъ,—но страшное малокровіе. Еслибы мнѣ пришлось характеризовать васъ, я назвалъ бы васъ пучкомъ нервовъ. Вы слишкомъ много живете въ Лондонѣ, и ваша нервная система черезчуръ угнетена. Видите-ли, какіе у васъ несчастные прецеденты... Отецъ вашъ, какъ вы помните, не вынесъ чрезмѣрнаго напряженія, а ваша бѣдная мать умерла совсѣмъ дѣвочкой. Совсѣмъ дѣвочкой!—проговорилъ знаменитый врачъ, качая головой.

— Ну, этого-то ужъ никакъ не можетъ со мной случиться,—сказала Мэри сухо.—Вы знаете, докторъ, что мнѣ почти двадцать восемь лѣтъ.

— Каково! Каково! Никакъ бы не могъ думать, судя по наружности!—И затѣмъ онъ сказалъ съ живостью, вынимая листокъ бумаги, чтобы прописать рецептъ:—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ вы, молодыя дамы, жили здоровой жизнью на свѣжемъ воздухѣ, въ счастливомъ бракѣ и безо всякой нравственной тяготы. Въ нашей хваленой цивилизаціи что-то не-

ладно. Все это неестественно. Не годится, не годится для дѣвушекъ!

Наступило молчаніе. Мэри ничего не говорила, но съ большимъ интересомъ слѣдила за воробьемъ, который несъ въ гнѣздо, на водосточную трубу, корку хлѣба, выброшенную прислугою во дворъ. Съ тѣхъ поръ, какъ получилось отъ Винцента письмо—длинное, характерное письмо, говорящее о новыхъ обязанностяхъ и долгѣ, о самопожертвованіи ради дѣла, которое онъ принимаетъ такъ близко къ сердцу, и о боязни увлечь ее за собою „въ жизнь, полную матеріальныхъ лишеній и съ узкимъ кругозоромъ“, она пришла къ мысли, что слѣдуетъ прекратить борьбу. Ея нервы были совершенно разстроены, но она не бросила работы. Въ работѣ было хоть забвеніе.

— Мышьякъ, желѣзо, стрихнинъ и кое-что для нервовъ,—сказалъ докторъ задумчиво,—а также вино, о которомъ я вамъ говорилъ. Нужна совершенная перемѣна обстановки и мыслей.

— Я попробую лѣкарство и вино,—сказала Мэри, вставая,—а уѣхать изъ Лондона не могу, да и въ будущемъ не вижу возможности. И вѣдь... развѣ это ужъ такъ серьезно, дорогой д-ръ Данби?..—спросила она, въ свою очередь взглянувъ ему прямо въ лицо своими прелестными глазами.

— Милое дитя, — сказалъ онъ добродушно, — безъ здоровья и счастья жизнь не имѣетъ цѣны. Позвольте мнѣ просить васъ отдохнуть, поберечься, подумать о другихъ,—прибавилъ онъ неопредѣленно.

— Не понимаю, о комъ мнѣ думать?—подумала Мэри, выходя изъ его дома.—Не о Джимми-ли, который, вѣроятно, женится до двадцати одного года? Или о теткѣ Юліи въ Бурнемоутѣ, которая полагаетъ, что я передалась сатанѣ, съ тѣхъ поръ, какъ стала журналисткой? Или о Винцентѣ?

Тутъ Мэри насильственно прервала свои мысли. Однако, слова: „жизнь безъ здоровья и счастья“, „чрезвычайная хрупкость“ повторялись въ ея мозгу, покуда она шла по Странду къ вызвавшему ее редактору „Иллюстраціи“.

Эта новая забота тяготѣла на душѣ ея, и поэтому Страндъ показался ей въ этотъ день какъ-то особенно безпріютнымъ. полнымъ дешеваго разврата подъ покровомъ бѣгущихъ по небу облаковъ.

— Особенное приложеніе! „Глобусъ“! „Сентъ-Джемсъ-Гоуета“, „Пель-Мэль“!—крикнулъ ей въ ухо маленькій газетчикъ у Чэрингъ-Кросса. И, поглядѣвъ внизъ, она прочла на плакатахъ вечернихъ газетъ напечатанныя красными и синими буквами и забрызганныя лондонскою грязью слова: „Интересное бракоразводное дѣло. Допросъ истца. Полный отчетъ. Удаленіе дамъ изъ залы суда. Наброски корреспондентовъ“. Скандальный процессъ Блэзиветовъ проникъ, какъ чума, во всѣ уголки Англіи. Подобно испареніямъ какой-нибудь гнили, онъ отравлялъ все. Онъ бросался въ глаза на столбцахъ мелкой печати за завтракомъ; онъ составлялъ единственный предметъ разговора, гдѣ бы ни встрѣтились люди. Съ хриплымъ смѣхомъ и грубыми шутками о немъ толковали въ кабакахъ и на углахъ улицъ, съ тихими, многозначительными улыбками и пожиманіемъ плечъ — въ гостиныхъ. Между тѣмъ, людской потокъ не останавливался. Дроги ломовика громыхали посреди людной улицы, а изъ-за угла выѣзжалъ рядъ полныхъ вагоновъ „конки“, кучера которыхъ обмѣнивались ругательствами и огрызались въ отвѣтъ на насмѣшки уличныхъ зѣвакъ. Передъ станціей на Чэрингъ-Кроссѣ двѣ дѣвушки, въ пестрыхъ накидкахъ, ссорились и жестикулировали, между тѣмъ какъ мужчина въ круглой шляпѣ, только-что вышедшій изъ вагона и, повидимому, составлявшій причину ихъ ссоры, отвернулся отъ обѣихъ, кликнулъ извозчика и уѣхалъ съ видомъ облегченія. Вокругъ спорящихъ на мостовой тотчасъ собралась маленькая толпа зѣвакъ.—Возьми обѣихъ!—сказалъ хриплый голосъ гдѣ-то сзади; и въ самомъ дѣлѣ, по направленію къ группѣ подвигалась каска полицейскаго. Мэри поспѣшила далѣе. Далѣе были бѣдныя кухмистерскія съ кускомъ сырой говядины, кочаномъ цвѣтной капусты и блюдомъ устрицъ на выставкѣ, и узкіе темные проходы—входы въ театры, украшенные пестрыми афишами новѣйшаго трехактнаго фарса. Невыразимо неправильны, слѣпы были рисунки, выставленные для заманиванія зрителей: на нихъ изображены были пожилыя дамы въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ, падающія навзничь въ поясныя ванны, претендующія представлять изъ себя кресла; чудовищныя головы камедіантовъ въ льняныхъ парикахъ и съ кирпичнымъ румянцемъ, показывающія всѣ зубы въ ужасной улыбкѣ; дѣвушки во весь ростъ съ хитрыми улыбками

и непомѣрно развитымъ тѣломъ, а еще далѣе, на дверяхъ концертнаго зала, былъ нарисованъ мужиковатый карликъ, и подпись съ привлекательнымъ оптитизмомъ увѣряла, что онъ „смѣшонъ до слезъ".

— Особенное приложеніе! Особенное приложеніе! Интересное бракоразводное дѣло! Удивительныя показанія свидѣтелей! Вторичный допросъ сэра Гораса Блэзывета!—крикнулъ маленькій продавецъ новостей въ ухо Мэри, когда она ждала на Веллингтоновой улицѣ, чтобы проѣхали экипажи.

Все время, пока она быстро шла въ редакцію, она мучилась новымъ ужасомъ надорваннаго здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвала, что могло означать внезапное приглашеніе къ редактору. Половина рукописи ея романа была уже у него въ рукахъ. Неужели онъ не захочетъ принять его?

Не безъ страха послала Мэри доложить о себѣ своего стараго поклонника, юнаго слугу, котораго застала презрительно просматривающимъ послѣдній нумеръ „Иллюстраціи" и тайкомъ попивающимъ что-то крѣпкое. Своевременно она очутилась въ кабинетѣ редактора. Полгода чтенія корректуры, разговоровъ съ бездарными художниками и всяческихъ заботъ по журнальному дѣлу не смягчили внѣшности редактора „Иллюстраціи".

— Добрый день, миссъ Эрль. Возьмите стулъ. Мнѣ надо потолковать съ вами.

— Не о романѣ-ли?—сказала Мэри.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ меланхолическій господинъ, раздражительно ударяя рукой по грудѣ рукописи, которую Мэри не безъ тревоги признала за свою,—что это вовсе не подходитъ. Вовсе не подходитъ.

— Не подходитъ?..—пролепетала Мэри.—Какъ? Но вѣдь я написала совершенно такъ, какъ вы сказали. Въ первомъ томѣ есть балъ, во второмъ—разлука...

— О! это все прекрасно,— перебилъ редакторъ.—Но, милая барышня,—прибавилъ онъ,—вы изобразили самыя необыкновенныя вещи въ послѣдней главѣ. Помилуйте, молодой человѣкъ ухаживаетъ за женою своего друга! Я не могу печатать у себя ничего подобнаго. Публика этого не потерпитъ. Она требуетъ здоровой умственной пищи.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала Мэри, которая не могла

не вспомнить о тѣхъ столбцахъ весьма неназидательнаго чтенія, которыми блистали утреннія газеты, а также о разносчикахъ, выкликавшихъ самыя свѣжія подробности скандальнаго процесса, продаваемыя „съ пылу, съ жару“, горяченькими на всѣхъ перекресткахъ.—Я думала,—продолжала она спокойно,—что публика терпитъ все... въ печати.

Редакторъ на минуту смутился. Потомъ, слегка нахмурившись, онъ продолжалъ:

— Не въ беллетристикѣ, не въ беллетристикѣ! Мы должны доставлять чтеніе, пригодное для каждаго пастората въ Англіи. Помните, что вы пишете, главнымъ образомъ для здравомыслящихъ англійскихъ семействъ.

— Но вѣдь и обитатели сельскихъ пасторатовъ видятъ иногда жизнь, какъ она есть? Или они ходятъ съ закрытыми глазами?—спокойно отважилась замѣтить Мэри.

— Но мы не можемъ поощрять такихъ вещей,—сказалъ онъ безапелляціонно, всталъ и подошелъ къ телефону.

— Ого! Ричардсъ! Нѣтъ. Да, конечно. Нѣту портрета лэди Блэзыватъ? Что? Испортили? Такъ пошлите за другимъ? А? Да. Смотрите, чтобы былъ похожъ. Всѣхъ участниковъ процесса на этой недѣлѣ. Да чтобы съ ретушью. Что? Да, да! Нѣсколько страницъ рисунковъ.

Редакторъ сѣлъ опять. Глаза ихъ встрѣтились.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ онъ съ нѣсколько глупымъ видомъ, что романы... ну...—романы! Наша публика вовсе и не ожидаетъ, чтобы они соотвѣтствовали жизни. Если вы послѣдуете моему совѣту, миссъ Эрль, и разовьете вашъ талантъ въ должномъ направленіи, то въ состояніи будете достигнуть... приличнаго заработка. Только необходимъ вполнѣ жизнерадостный и бодрый тонъ.

— О, что касается бодрости,—сказала Мэри усталымъ голосомъ,—то я какъ-то никогда ея не чувствую. Ужъ не знаю почему, только я непремѣнно вижу вещи, какъ онѣ есть, и правда кажется мнѣ всего привлекательнѣе.

— А этого-то именно публика и не терпитъ,—повторилъ редакторъ.—Ну, возьмите же эту главу назадъ и просмотрите ее еще разъ. Вѣдь этотъ молодой человѣкъ—не главное лицо въ романѣ? — развѣ не могъ бы онъ быть ея кузеномъ... или братомъ?

— О! чѣмъ угодно!—сказала Мэри и взяла рукопись.—

Только мнѣ нравилась эта глава. Я много надъ нею потрудилась. Она написана на основаніи личныхъ наблюденій.

— Прекрасно. Позвольте вамъ еще сказать, что слишкомъ мало любовныхъ сценъ между героемъ и героиней. Публика любитъ любовныя сцены, да онѣ и хорошо иллюстрируются.

— Больше ничего?—спросила Мэри, стараясь втиснуть въ карманъ свою рукопись.

— Я посовѣтывалъ бы самое благополучное окончаніе. Публика любитъ хорошіе концы. Реалисты стали такъ мрачны. Это все сдѣлали русскіе и французскіе писатели. Въ самомъ дѣлѣ, трудно теперь достать освѣжающую книгу со свадьбою въ концѣ. Примите мой совѣтъ и держитесь хорошенькихъ сюжетовъ. Они наилучше оплачиваются.

— То же думаетъ и Перри Джаксонъ,—сказала себѣ Мэри, выходя изъ редакціи.—А онъ, конечно, понимаетъ—онъ всегда понималъ публику. Банальное, миловидное, незамысловатое — вотъ что должна изображать писательница, если хочетъ имѣть деньги, удержаться на поверхности житейскаго моря и не утонуть. Добрыя слова доктора повторялись въ ея мозгу: „Всѣмъ вамъ, молодымъ дамамъ, надо бы вести здоровую жизнь на открытомъ воздухѣ, въ счастливомъ бракѣ и безо всякой нравственной тяготы“. Затѣмъ, съ упрямымъ мужествомъ она начала размышлять о томъ, какъ быть, чтобы поправиться. Надо ѣсть побольше говядины, купить бургундскаго, больше бывать на воздухѣ; наконецъ мышьякъ и стрихнинъ иногда давали ей на недѣлю или на двѣ новый запасъ жизненной силы. Надо сегодня заказать по этому рецепту, такъ какъ завтра предстоитъ длинный путь въ уйтчапельскую больницу, ради одной сцены въ ея книгѣ. Это будетъ очень, очень утомительно, но она уже уговорилась съ Алисоной и д-ромъ Стрэнджемъ. Очертанія длинной узкой улицы становились смутными въ сумеркахъ. Полные снаружи и внутри вагоны вырѣзались темными массами на розовомъ западномъ небѣ. Видъ толпы измѣнился. Женщинъ почти уже не было, а разносчики газетъ, крича какъ можно громче, совали свой товаръ въ лица адвокатамъ, спѣшившимъ изъ зданій суда. Протекшіе часы, очевидно, усилили интересъ событій.

— Особенное приложеніе! Особенное приложеніе! Лэди Блэзыветъ на судѣ! Возмутительныя подробности! Интерес-

ное бракоразводное дѣло!—вопили мальчишки. Холодныя, безучастныя облака неслись по небу, а люди, пишущіе, покупающіе и продающіе вечернія извѣстія, спѣшили и толкались, локтями прокладывая себѣ путь по Странду.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Нумеръ двадцать седьмой.

Обширное, грязноватаго цвѣта зданіе выглянуло изъ тумана, когда кучеръ доктора сразу осадилъ лошадей у подъѣзда. На темномъ фонѣ каретной обивки видны были тонкія очертанія мужскаго профиля при свѣтѣ стѣнной лампочки. Въ углахъ рта рѣзко обозначались морщины, а взглядъ острыхъ глазъ безъ отдыха скользилъ по страницѣ, которую онъ читалъ. Докторъ Дунлопъ Стрэнджъ сложилъ медицинскую газету, которую пробѣгалъ въ каретѣ. Онъ имѣлъ привычку не оставлять себѣ времени для праздныхъ мыслей, такъ что даже сегодня, разсчитывая увидѣть Алисону и провести ее по больницѣ вмѣстѣ съ Мэри Эрль, онъ обдумывалъ профессіональные вопросы.

Въ большихъ пустынныхъ сѣняхъ, гдѣ мраморная статуя королевы словно будто мерзла среди полумрака, его уже ждали Алисона и Мэри, причемъ у послѣдней была въ рукахъ кожаная записная книжка. Дуплонъ Стрэнджъ посмотрѣлъ на Алисону, подмѣчая быстрымъ профессіональнымъ взглядомъ всѣ мельчайшія черты ея яркой внѣшности. Въ послѣдующіе годы онъ любилъ вспоминать ее такою, какова она была въ эту минуту, стоя у бѣлой мраморной статуи королевы, потому что никогда болѣе она не глядѣла на него такими ясными, сердечными глазами.

Докторъ и Алисона встрѣчались какъ люди, болѣе чѣмъ заинтересованные другъ другомъ. Она знала, что онъ къ ней неравнодушенъ, и почти рѣшила принять его предложеніе, когда оно будетъ сдѣлано. Она говорила себѣ, что жена врача можетъ вести дѣятельную, разумную жизнь, а замужъ выйти когда-нибудь да надо. Роскошь остаться въ старыхъ дѣвахъ можно себѣ позволить, лишь обладая болѣе 5.000 фунтовъ дохода. Только спѣшить было некуда: такъ отвѣчала она друзьямъ, которые приставали къ ней съ вопросами.

Праздники и жертвоприношенія у вотяковъ-язычниковъ.

(Изъ записной книжки земскаго врача).

Мултановское дѣло по обвиненію вотяковъ-христіанъ въ принесеніи языческимъ богамъ своимъ человѣческой жертвы сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всего русскаго общества. Два раза, сначала въ Малмыжѣ, а затѣмъ въ Елабугѣ (1-го октября), отдѣленіемъ сарапульскаго окружнаго суда былъ вынесенъ обвинительный приговоръ мултановскимъ вотякамъ. Не смотря, однако, на двукратное разбирательство дѣла, не смотря на оба обвинительные приговора, дѣло остается все-таки темнымъ. Подъ непосредственнымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ залы суда, извѣстный беллетристъ В. Г. Короленко пишетъ [1]): «Свѣта, какъ можно больше свѣта на это темное дѣло, иначе навсегда надъ нимъ нависнетъ страшное сомнѣніе въ томъ, гдѣ искать истинныхъ жертвъ человѣческаго жертвоприношенія! Манютинъ-ли это, погибшій таинственной и загадочной смертью,—или это сами несчастные мултанцы являются жертвами *слѣдственныхъ порядковъ*, черты которыхъ ясно проступаютъ въ этомъ выдающемся дѣлѣ»... «Если признать,—говоритъ далѣе г. Короленко,—что въ данномъ случаѣ истина является результатомъ судоговоренія, то мы должны признать, что до начала XX столѣтія христіанской эры наше отечество одно только сохранило на европейскомъ континентѣ человѣческое жертвоприношеніе, соединенное съ каннибализмомъ (принятіе внутрь крови жертвы)»... «Я еще весь охваченъ впечатлѣніемъ ужасной, таинственной, неразъясненной драмы,—восклицаетъ онъ,—я привезъ съ собою раздѣляемое, надѣюсь, всѣми присутствовавшими на судѣ интеллигентными зрителями тяжелое чувство, съ какимъ былъ выслушанъ обвинительный приговоръ,—и мнѣ хочется крикнуть: нѣтъ, этого не было! Нѣтъ, наше отечество свободно отъ каннибализма наканунѣ XX вѣка, нѣтъ, рядомъ съ христіанскими храмами не совершаются уже человѣческія жертвоприношенія»...

---

[1]) Къ отчету о мултановскомъ жертвоприношеніи. «Русскія Вѣд.» № 288.

Мы увѣрены, что каждый русскій интеллигентъ горячо желаетъ, чтобы безпристрастное новое разслѣдованіе дѣла и всестороннее затѣмъ изученіе всѣхъ вѣрованій вотяковъ навсегда смыли это темное пятно не только съ вотяковъ, но и со всего русскаго общества. Мы не вѣримъ, что русское вліяніе въ союзѣ съ христіанствомъ, въ теченіе 2—3 вѣковъ, было безсильно въ борьбѣ съ языческими вѣрованіями... Да и вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ до сихъ поръ остается спорнымъ. Вотякамъ молва давно приписываетъ такое тяжкое обвиненіе, но еще *ни разу не было доказано ни одного такого жертвоприношенія*. Намъ пришлось въ теченіе 5-ти лѣтъ присматриваться къ жизни вотяковъ и притомъ *язычниковъ*, знакомиться близко съ жизнью ихъ, ихъ вѣрованіями, быть на самыхъ жертвоприношеніяхъ, и мы не можемъ допустить, чтобы среди этого мирнаго, честнаго народа могли существовать такіе кровожадные инстинкты, при которыхъ только и мыслимы человѣческія жертвоприношенія.

Правда, и намъ приходилось слышать, что черезъ 40—50 лѣтъ у вотяковъ бываютъ массовыя моленья, на которыя собираются всѣ жители нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, на которыхъ приносятся десятки крупныхъ животныхъ въ жертву и на которыхъ, *будто бы, бывали и человѣческія жертвы*. Но ни русскіе, ни башкиры, живущіе съ вотяками-язычниками въ теченіе почти 2-хъ столѣтій, не знаютъ ни одного такого случая...

Мы говоримъ о вотякахъ-язычникахъ, живущихъ въ *Больше-гондырской волости, Осинскаго уѣзда, Пермской губ.*, на границѣ ея съ Бирскимъ уѣздомъ, Уфимской губ. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка часть вотяковъ, подъ напоромъ русскихъ, перешла Каму и укрылась въ лѣсахъ по р. Бую. Въ то время, какъ вотяки, населяющіе Вятскую губернію, давно уже обращены въ христіанство, *эта горсточка вотяковъ остается въ язычествѣ и по настоящее время*. Въ изученіи вѣрованій этихъ вотяковъ и надо искать основаній, которыя дали бы право навсегда избавить и вотяковъ-христіанъ отъ тяжкихъ обвиненій, основанныхъ на смутныхъ сказаніяхъ.

Въ семи деревняхъ Больше-гондырской волости въ 1888 [1]) году считалось 5.600 душъ вотяковъ-язычниковъ и 1.700 душъ, башкиръ-магометанъ. Вотяки занимаются исключительно земледѣліемъ. Честность и трудолюбіе отличаютъ вотяка отъ его сосѣда башкира, всегда лѣниваго и плутоватаго.

Въ настоящей замѣткѣ, не вдаваясь во всестороннюю характеристику жизни вотяковъ Больше-гондырской волости, *остано-*

[1]) Этимъ годомъ заканчиваются наши наблюденія.

вимся только на ихъ вѣрованіяхъ, праздникахъ и жертвоприношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ лишь въ виду наши личныя наблюденія, далеко, конечно, не полныя.

О своихъ *вѣрованіяхъ* вотяки бесѣдуютъ неохотно, что, можетъ быть, объясняется у нихъ и недостаткомъ интереса къ отвлеченнымъ предметамъ. «Такъ старики наши дѣлали», отвѣчаютъ они на всѣ ваши вопросы относительно разъясненія тѣхъ или иныхъ религіозныхъ обрядовъ. Вотяки вѣрятъ въ существованіе верховнаго божества—*Инмара*, творца вселенной. Вмѣстѣ съ своею матерью, «Мумукольницею», Инмаръ живетъ на солнцѣ. Единый лучезарный Инмаръ, сотворивъ землю и разныхъ народовъ, далъ послѣднимъ *разныя вѣры. Каждый*, поэтому, *народъ долженъ беречь свою вѣру, если не желаетъ прогнѣвить всемогущаго Творца.* Инмару вотякъ молится во всякое время, передъ началомъ всякаго дѣла. Ему приносятся общія и частныя, семейныя жертвы. Всякую скотину, которую вотякъ рѣжетъ для пищи, онъ посвящаетъ Инмару. Кромѣ Инмара, вотяки признаютъ существованіе многихъ добрыхъ и злыхъ духовъ. Каждая семья, каждый родъ имѣетъ своихъ покровителей—*воршудовъ*. Вотякъ находится всецѣло во власти безчисленныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ, а отсюда постоянная забота объ ихъ умилостивленіи. Особенно много людямъ дѣлаетъ зла *лу-муртъ*, полевой человѣкъ; всѣ бѣды, болѣзни, неурожаи, падежи скота—все это его дѣло.

Вотяки вѣруютъ въ существованіе загробной жизни, но въ общемъ представленія у нихъ о загробной жизни туманны. «Если человѣкъ на землѣ жилъ худо,—пояснялъ намъ одинъ старецъ,—много творилъ людямъ зла, то душа такого человѣка по смерти попадаетъ въ воду, въ которой и тонетъ. Душа же добраго человѣка проходитъ черезъ огонь (тыламъ) и попадаетъ въ рай, гдѣ ее ожидаетъ счастливая, безконечная жизнь».

Будничная жизнь вотяка-труженика въ продолженіе года часто нарушается праздниками. Многіе вотяцкіе праздники совпадаютъ съ нашими русскими и даже носятъ одинаковыя названія. Начнемъ перечень праздниковъ съ весеннихъ. Бѣлый саванъ земли, такъ долго державшій жизнь природы въ оцѣпенѣніи, подъ вліяніемъ первыхъ весеннихъ лучей солнца, начинаетъ исчезать; съ таяніемъ снѣжнаго покрова появляются проблески оживающей природы. Это-то пробужденіе послѣ зимней спячки природы у вотяковъ отмѣчается первымъ большимъ весеннимъ праздникомъ—*будзиналомъ*, совпадающимъ съ нашею пасхою. Къ будзиналу вотяки готовятся въ теченіе цѣлой недѣли. Въ ночь передъ вербнымъ воскресеньемъ молодежь обоего пола, съ пучками вербы, съ шумомъ и крикомъ «верба кыштыръ»

(верба шумитъ), ходитъ по деревнѣ, изъ дома въ домъ, отовсюду выгоняя шайтана, чтобы онъ не испортилъ праздника. Въ слѣдующій за симъ четверикъ нуналъ (великій четвергъ) происходитъ настоящій обрядъ очищенія, какъ самого вотяка, такъ и его домашнихъ животныхъ. Въ каждомъ дворѣ пучками раскладывается немятая солома и зажигается. Всѣ члены семьи становятся передъ горящею соломою въ рядъ; сначала молятся, а затѣмъ прыгаютъ черезъ горящую солому. Послѣ того черезъ огонь перегоняется и весь скотъ. Вымывшись въ банѣ и одѣвшись въ праздничныя платья—пятнаютъ скотъ. Вечеромъ молодежь въ баняхъ устраиваетъ игры.

Празднованіе самаго будзинала какими-либо религіозными обрядами не сопровождается. Первый день проводится всею семьею вмѣстѣ. Старшій въ семьѣ, держа въ рукахъ хлѣбъ, обращается съ молитвою къ Инмару, послѣ чего начинается общая трапеза и обильное питье кумышки (домашней водки). Въ теченіе слѣдующихъ дней вотяки всею семьею ходятъ по гостямъ, сильно угощаясь кумышкою: пьютъ и женщины, и дѣти. Будзиналъ въ концѣ недѣли заканчивается поминками по умершимъ. Для поминокъ, продолжающихся 3 дня, приготовляются блины, лепешки и т. п., а въ состоятельныхъ семьяхъ рѣжутся овцы, телки и пр. Садясь за столъ, на которомъ передъ хлѣбомъ горитъ восковая свѣча собственнаго издѣлія, старшій въ семьѣ, надѣвъ шапку и взявъ въ руки на полотенцѣ хлѣбъ, громко приглашаетъ умершихъ родственниковъ раздѣлить вмѣстѣ трапезу. Во время обѣда въ отдѣльную миску для присутствующихъ за столомъ умершихъ родственниковъ складывается по кусочку отъ всѣхъ яствъ, и все это потомъ скармливается собакамъ.

Вскорѣ за будзиналомъ наступаютъ и другіе весенніе праздники и богомолья. Время начала посѣва сопровождается праздникомъ *тулымъ-гэры* (вывозомъ сохи). Въ день перваго посѣва, назначаемаго всѣмъ обществомъ, каждая семья, передъ выѣздомъ въ поле, молится дома, чтобы Инмаръ послалъ хорошій урожай. Въ полдень въ праздничныхъ одеждахъ всею деревнею вотяки выѣзжаютъ въ поле. Каждая семья вспахиваетъ нѣсколько саженъ земли, вспаханное мѣсто покрывается бѣлою скатертью, на которую кладутся хлѣбъ, яйца и пр. Старшій изъ семьи, взявъ въ руки хлѣбъ и яйца и обращаясь къ востоку, проситъ Бога объ урожаѣ, чтобы «выросло отъ каждаго зерна 30 соломенокъ, въ 12 колѣнъ каждая, чтобы зерно было полно, какъ яйцо, и цвѣтомъ было какъ серебро». За этою молитвою слѣдуетъ первый посѣвъ; вмѣстѣ съ зерномъ разбрасываются и яйца.

Одно яйцо кладется подъ пластъ земли, другія же потомъ собираются и съѣдаются.

Когда посѣвы яровыхъ закончены, когда съ первыми весенними работами вотяки справились, наступаетъ пора большихъ праздниковъ съ жертвоприношеніями крупныхъ животныхъ. Время такихъ моленій опредѣляется поспѣваніемъ кислицы (oxalis acetosella), что совпадаетъ съ концомъ мая. На праздникъ *буэ-шуръ* или буэ-дюкъ жители нѣсколькихъ деревень собираются для жертвоприношенія при впаденіи рѣчки Барабанъ въ Буй. Здѣсь въ жертву приносится жеребенокъ, кожа и кости котораго бросаются въ воду. Въ молитвахъ, сопровождающихъ жертвоприношеніе, просятъ Бога объ избавленіи отъ холодовъ, чтобы «рѣки не напустили тумановъ, чтобы разливами не затопило скотъ, чтобы ловилась рыба» и пр.

Послѣ буэ-шура, передъ заготовкою вѣниковъ, начинаются моленья и жертвоприношенія въ родовыхъ куалахъ *воршудамъ*. Воршудовъ много, ихъ въ каждой деревнѣ считается по 2—3, смотря по числу отдѣльныхъ родовъ. Всѣ воршуды носятъ женскія названія, какъ-то: чебья, имнезъ, жюкья, зюмня, какся, можга и др. Въ моленьи воршудамъ участвуютъ по преимуществу женщины. Родовое значеніе воршудовъ проявляется въ брачныхъ отношеніяхъ. Вотякъ, принадлежащій къ извѣстному воршуду, напр., къ *имнезъ*, не можетъ жениться на дѣвушкѣ, тоже принадлежащей къ имнезъ. Браки у вотяковъ - язычниковъ допускаются только между лицами, принадлежащими къ разнымъ воршудамъ. Моленья воршудамъ совершаются въ куалахъ, т.-е. деревянныхъ амбарахъ всегда съ дырявою крышей; куала имѣетъ одну небольшую входную дверь; оконъ нѣтъ, пола тоже; посрединѣ куалы виситъ котелъ на деревянномъ крюкѣ; въ котлѣ этомъ варятся жертвенныя приготовленія (мясо, крупа и пр.). Противъ входной двери у стѣны (обращенной къ востоку), имѣется полка, на которой хранятся воршуды.

Въ одной изъ *родовыхъ* куалъ подъ именемъ воршуда на полкѣ лежали два деревянные кругляша, длиною въ $^1/_2$ арш., шириною въ 2—3 вершка, на нихъ небольшая доска, а на ней 2—3 пучка соломы, прикрытые сверху опять доскою. Такихъ воршудовъ на полкѣ бываетъ обыкновенно по два; передъ однимъ молятся мужчины, передъ другимъ женщины. Другихъ какихъ-либо изображеній божества у вотяковъ намъ не приходилось встрѣчать. Рядомъ съ воршудами на полкѣ всегда находится буракъ, въ немъ вещи, необходимыя при жертвоприношеніяхъ. Моленія воршудамъ совершаются до 3-хъ разъ въ годъ: весною, какъ сказано, передъ заготовленіемъ вѣниковъ, затѣмъ осенью, когда начинаетъ «под-

сыхать осока», и третье по первому снѣгу. Воршудамъ приносятся жертвоприношенія и въ другое время, напр., при какихъ-либо семейныхъ несчастіяхъ, но тогда въ этомъ участвуютъ только члены этой семьи. Въ жертву воршудамъ приносятся хлѣбъ, блины, пиво, молоко, крупы и пр.; изъ молока и крупъ варится каша, которую тутъ же и съѣдаютъ молящіеся. Но бываютъ случаи, когда и воршудамъ приносятся въ жертву — гуси, утки и даже крупныя животныя. Для весеннихъ жертвоприношеній воршудамъ въ родовыхъ куалахъ собираются женщины и дѣвушки со свѣжими березовыми вѣтками въ рукахъ. Жрецъ, обыкновенно хозяинъ куалы, сжигаетъ хранившуюся на полкѣ осоку и вѣтку елки и вмѣсто нихъ кладетъ туда березовую вѣтку, которая осенью и зимою замѣняется вновь осокою и елкою. Жрецъ, приносящій жертвоприношенія въ родовыхъ куалахъ, въ другихъ случаяхъ обязанностей священнослужителя не несетъ.

Умилостивляя своихъ добрыхъ духовъ, вотякъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается задобрить жертвами и злыхъ духовъ. Бросая при жертвоприношеніяхъ во время праздника буэ-шуръ въ рѣку кожу, кости и др. остатки отъ жертвеннаго животнаго, вотякъ надѣется этимъ задобрить ву-мурта (водяного человѣка). Въ представленіи вотяка еще болѣе страшенъ лу-муртъ—полевой человѣкъ. Въ священныхъ рощахъ «*лудахъ*» (у черемисъ кереметяхъ) лу-мурту весною, когда озимые хлѣба вырастутъ на 1/4 арш., приносятся въ жертву гуси, утки и иногда крупныя животныя. Вотякъ всякую бѣду не только въ его семьѣ, но и въ обществѣ приписываетъ гнѣву этого страшнаго духа, и потому во всѣхъ такихъ случаяхъ старается его умилостивить жертвами и молитвами.

Такимъ образомъ вся жизнь вотяка-язычника состоитъ изъ сплошныхъ заботъ, чтобы во-время вознести молитвы къ Инмару и добрымъ духамъ, исполнителямъ его воли, во-время умилостивить и злыхъ духовъ, обитающихъ всюду и постоянно вредящихъ вотяку, нагоняющихъ болѣзни на него, скотъ и пр. и вообще причиняющихъ вредъ всему благополучію вотяка.

Задобривъ сначала въ своихъ куалахъ домашнихъ духовъ, принеся жертвы у рѣкъ и въ рощахъ злымъ духамъ, посѣявъ въ промежутки между этими моленіями яровые хлѣба, вспахавъ пары и пр., вотяки начинаютъ свои весенніе праздники большимъ общимъ богомольемъ. Въ заповѣдной рощѣ между деревнями Барабаномъ и Сухой Кыргой населеніе всѣхъ 7-ми деревень собирается на общее моленіе *мер-вёсь*. Въ этой рощѣ молились въ глубокую старину предки, тутъ же молятся и послѣднія поколѣнія. Съ большимъ благоговѣніемъ приближается къ такому свя-

тому мѣсту вѣрующій вотякъ. Во время мер-вось, помимо обычныхъ обрядовъ, перегоняется черезъ костры скотъ. Послѣ мервось праздники продолжаются около 2—3 недѣль. Молодежь, парни и дѣвки, устраиваетъ хороводы на лугахъ, и монотонные, заунывные напѣвы оглашаютъ въ теченіе всего этого времени луга.

За праздниками слѣдуетъ тяжелая рабочая пора: уборка сѣна, хлѣбовъ, посѣвы озими и т. д. Но вотъ миновала страдная пора, собранный хлѣбъ сложенъ въ «клади», озими посѣяны, и вотякъ снова во власти своихъ духовъ, снова начинаются имъ моленья... Сначала слѣдуютъ моленья отдѣльно въ каждой деревнѣ «*курысъ-конъ*», что совпадаетъ съ нашимъ Фроловымъ днемъ, затѣмъ общее моленье около Михайлова дня. На это зимнее моленье *толдъ-вось* въ ту же священную рощу собираются жители нѣсколькихъ деревень... На этомъ послѣднемъ жертвоприношеніи пришлось и намъ присутствовать.

Проѣзжая какъ-то въ началѣ ноября изъ д. Большаго-Гондыря въ Сухую Кыргу мимо священной рощи, въ послѣдней мы замѣтили около 3—4 костровъ группы вотяковъ, одѣтыхъ въ бѣлые зипуны (дукэс'ы), сшитые изъ домашняго сукна. Деревья уже были покрыты снѣгомъ, но еще на нихъ можно было замѣтить массу повѣшенныхъ костей отъ принесенныхъ прежде въ жертву крупныхъ животныхъ. Около каждаго костра суетились группы вотяковъ и замѣтны были животныя—теленокъ, жеребенокъ и гуси. Оказалось, что сегодня канунъ *толдъвось*, на который завтра соберутся тысячи вѣрующихъ вотяковъ. Всѣ животныя бѣлаго цвѣта, крупныя, не старше года. *Болье старыя животныя, говорятъ, неугодны вотяцкимъ божествамъ.* Животныя были подысканы и куплены жрецами (курыскысь), но доставлены къ жертвенному мѣсту запродавшими ихъ хозяевами, которые здѣсь исполняютъ обязанности помощниковъ жрецовъ (парчась) и рѣжутъ животныхъ. Мы застали моментъ, когда животныя приготовлялись къ закланію. Наше вниманіе было сосредоточено на жертвоприношеніи жеребенка. Надѣвъ шапку, жрецъ взялъ въ руки на бѣломъ утиральникѣ лепешки (изъ пшеничной муки) и обратился къ востоку съ молитвами. Громкимъ голосомъ, нараспѣвъ, онъ началъ выкрикивать свои просьбы къ Инмару. Жрецъ просилъ, чтобы Инмаръ принялъ эту жертву, далъ бы хорошій урожай, избавилъ бы отъ всякихъ болѣзней и пр. Послѣднее слово молитвы «омень» подхватывалось всѣми находящимися у костра вотяками, стоявшими на колѣняхъ и безъ шапокъ. Пока жрецъ выкрикивалъ свои воззванія, «порчась» обмывалъ животное и связывалъ. Положивъ затѣмъ

хлѣбъ подъ дерево и закрывъ его тряпкой, жрецъ взялъ въ руку лычко и, положивъ его на ладонь, а на него топоръ, вновь сталъ молиться, прося теперь Инмара не допустить до жертвы шайтана и колдуновъ и не дать имъ осквернить святую жертву. Держа такимъ образомъ топоръ и произнося свои молитвы и заклинанія, жрецъ 3 раза обошелъ вокругъ костра и жертвеннаго животнаго, послѣ чего вмѣстѣ съ лычкомъ топоръ передалъ помощнику. Съ лычка были топоромъ срѣзаны небольшіе кусочки и брошены въ огонь и въ сторону, а затѣмъ лычко положено на землю и перерублено топоромъ. Топоръ такъ и оставался воткнутымъ во все время жертвоприношенія въ землю. Обрядъ этотъ имѣетъ, видимо, существенное значеніе въ ритуалѣ жертвоприношенія, хотя значеніе это для насъ осталось недостаточно яснымъ. Можно думать, что лычко посвящается шайтану, вниманіе котораго отвлекается отъ жертвы тѣмъ, что онъ долженъ отыскать отрѣзанные отъ лычка кусочки...

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ помощникъ зарѣзалъ животное ножемъ, кровь была собрана въ корыто. Жрецъ первыя капли крови собралъ въ ложку и вылилъ на огонь, затѣмъ снова взялъ кровь ложкою и облилъ ближайшія деревья. Пока животное свѣжевалось, жрецъ продолжалъ молиться, а присутствовавшіе вотяки благоговѣйно стояли на колѣняхъ, безъ шапокъ и съ каждымъ «омень» низко кланялись. У другихъ тѣмъ же порядкомъ приготовлялись къ жертвоприношенію другія животныя. Всѣ животныя посвящались различнымъ божествамъ. Такъ жеребенокъ приносился въ жертву Инмару, всѣ молитвы къ нему во время всего обряда жертвоприношенія начинались словами: «осте Инмаре» (Господи, Боже); теленокъ—божеству, живущему на солнцѣ, молитвы начинались: «осте Инмаре шонде мумулы», и гусь—большому ангелу: «осте Инмаре бадзинъ - кылчинъ» (Господи, божій Ангелъ)...

День уже клонился къ вечеру, костры все больше и больше освѣщали рощу, въ котлахъ варилось жертвенное мясо [1])... Между тѣмъ постоянно подходили все новыя и новыя группы вотяковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались груды хлѣба, лепешекъ, масла, крупъ и пр. Каждый вотякъ, приблизившись къ жертвенному мѣсту, обтиралъ снѣгомъ свои руки, затѣмъ доставалъ изъ ко-

[1]) Къ сожалѣнію, въ памятной книжкѣ не записано, сложены-ли были въ котлы голова и внутренности. Память намъ не измѣняетъ: на деревьяхъ вмѣстѣ съ другими костями, мы помнимъ, что висѣли голые черепа, такъ что надо думать, что головы животныхъ не зарываются въ землю, какъ и другія кости.

шеля какую-либо мѣдную монету и полой зипуна подавалъ ее жрецу и становился на колѣни въ ряды молящихся.

На слѣдующій день намъ не пришлось быть на самомъ моленьѣ. Да особеннаго интереса самое моленье не представляетъ, такъ какъ всѣ обряды по жертвоприношенію были исполнены накапунѣ. У костровъ теперь собрались жители нѣсколькихъ деревень, мужчины и женщины въ бѣлыхъ одеждахъ. Когда вся масса молящихся благоговѣйно стоитъ на колѣняхъ, жрецы выкрикиваютъ свои молитвы... Послѣ моленья между молящимися дѣлится жертвенное мясо, хлѣбъ и пр., и все это тутъ же поѣдается. Кости затѣмъ тщательно собираются, перевязываются мочальными веревками и вѣшаются на деревья, на которыхъ висятъ до тѣхъ поръ, пока не сгніютъ веревки. Упавшія на землю кости потомъ сжигаются.

Деньги, собранныя при жертвоприношеніяхъ, идутъ на уплату за жертвенныхъ животныхъ, а оставшіяся излишними раздаются бѣднымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что вотяки заботливо относятся къ своимъ бѣднякамъ, и послѣднимъ здѣсь не приходится терпѣть такой нужды, какъ среди сосѣдей русскихъ и башкиръ. Нищихъ у вотяковъ почти не встрѣчается.

На обращеніе больше-гондырскихъ вотяковъ въ христіанство давно уже обращено вниманіе миссіонерами. Но обращенныхъ въ христіанство вотяковъ здѣсь мало: въ 1888 году такихъ всего здѣсь насчитывалось до 20-ти душъ обоего пола, да и это почти исключительно нищіе. Въ 1873 году въ д. Большомъ-Гондырѣ пермскимъ миссіонерскимъ обществомъ была открыта первая вотяцкая школа грамотности. Другая такая же школа открыта министерствомъ въ 1886 году. Вотяки охотно посылаютъ въ эти школы своихъ дѣтей, что отчасти зависитъ и отъ того, что преподаваніе въ школахъ идетъ на родномъ для вотяковъ языкѣ. Не довольствуясь воздѣйствіемъ на вотяковъ черезъ школы, воздѣйствіемъ, быть можетъ, медленнымъ, но положительнымъ, духовенство и администрація края были сильно озабочены постройкою православной церкви. Вотяки-язычники этому противодѣйствуютъ насколько могутъ. Фактъ печальный, но несомнѣнный, что они охотнѣе переходятъ въ магометанство, чѣмъ въ христіанство. Магометанскіе миссіонеры, въ лицѣ муллъ, хорошо владѣющихъ вотяцкимъ языкомъ (чего нельзя, къ сожалѣнію, сказать про нашихъ миссіонеровъ), находятъ благопріятную почву для своей пропаганды во многихъ *общихъ* бытовыхъ условіяхъ жизни вотяковъ и башкиръ.

Въ магометанство переходятъ болѣе состоятельные и вліятельные вотяки. Перешедшихъ въ магометанство считалось около

360 чел. Съ 1881 года переходъ вотяковъ въ магометанство безусловно воспрещенъ. Но едва-ли можно надѣяться на репрессивныя мѣры въ борьбѣ съ язычествомъ. Тутъ только школы могутъ дать тѣ благіе результаты, которыхъ пока тщетно добивались инымъ путемъ. Поэтому, надо желать, чтобы и мѣстное земство, съ своей стороны, открытіемъ новыхъ школъ, внесло лучъ свѣта въ эту темную массу, находящуюся въ періодѣ языческихъ вѣрованій.

П. Тезяковъ.

Ноябрь 1895 г.

БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ.

(Окончаніе).

IV.

Безпристрастный анализъ *документальной* исторіи батищевскихъ увлеченій «тонконогими», поселковъ, возникшихъ подъ вліяніемъ Александра Николаевича Энгельгардта, показываетъ, что движеніе это имѣло свою причину. Какъ бы то ни было, Батищево приготовило до сотни работниковъ и работницъ, даже болѣе, если считать лицъ, работавшихъ въ трехъ возникшихъ общинахъ. Теперь, наводя справки о бывшихъ «тонконогихъ», о многихъ узнаешь, что они ведутъ хозяйство, и если не проводятъ батищевскихъ идей въ «культурныхъ скитахъ», то являются «культурными одиночками» въ деревнѣ. Зная, какъ мало людей въ деревнѣ, этому нельзя не радоваться. Быть можетъ, со временемъ результаты батищевскихъ «увлеченій» скажутся совершенно неожиданно. Это былъ опытъ, но опытъ широко предпринятый и, по-нашему, *удавшійся*. Въ Батищевѣ работали люди самые разнохарактерные, всѣхъ національностей — русскіе, поляки, грузины, евреи, нѣмцы; изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: петербуржцы, одесситы, сибиряки, кавказцы, малороссы, изъ южныхъ и сѣверныхъ губерній, изъ Бѣлоруссіи; люди всѣхъ сословій и самаго разнообразнаго уровня образованія. Всѣ почти учебныя заведенія дали своихъ представителей въ «тонконогую» семью.

Если *настоящихъ* работниковъ Батищево подготовило не менѣе ста человѣкъ, то въ счетъ не идутъ всѣ проживавшіе недолго, жившіе на деревнѣ и приходившіе учиться хозяйству, всѣ пробывшіе въ Батищевѣ нѣсколькодней и уѣзжавшіе съ живымъ впечатлѣніемъ отъ видѣннаго. Ежегодно сотни писемъ получались въ Батищевѣ. Сосчитать всѣхъ перебывавшихъ у Энгельгардта за 23 года его сельскохозяйственной дѣятельности невозможно. Спросятъ: какой же *положительный* результатъ? А вотъ какой: люди работали и выучивались работать. Въ первый разъ въ Россіи

создалось нѣчто въ родѣ частнаго *учебнаго заведенія*, совершенно особаго типа. Здѣсь на ряду съ курсомъ теоретическихъ знаній (образная, живая, неумолкающая рѣчь Энгельгардта была постоянной лекціей, импровизировавшейся по всякому случаю), на ряду съ упорнымъ трудомъ самообразованія (въ Батищевѣ выписывались газеты, журналы, имѣлась порядочная библіотека) шло преподаваніе курса *мозольнаго* мужицкаго труда, проходился курсъ земледѣльческихъ работъ. Одно время зимою оставшіеся «тонконогіе» постоянно писали рефераты по различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства. Батищево *развивало* и умъ, и мускулы; подготовляло не чиновниковъ, а дѣйствительно *новыхъ людей*, своими руками въ потѣ лица своего зарабатывавшихъ хлѣбъ свой. Эта независимость, которую давало Батищево, обусловливала то вѣяніе свободы, которое охватывало всякаго, пріѣхавшаго сюда...

Батищево погибло, но мнѣ думается, что оно еще воскреснетъ. Изъ Батищева вышло три интересныхъ личности: Зотъ, Викторъ и Иванъ — создатели трехъ интеллигентныхъ деревень. Скажутъ: изъ этихъ деревень ничего не вышло! Нѣтъ, вышло очень много. Хозяйство у всѣхъ трехъ поселковъ шло *блестяще*. Работали *отлично*. И быстрое разложеніе ихъ обусловливается рядомъ причинъ, которыя и не выяснились бы безъ этого *перваго* опыта. Ниже мы ихъ выяснимъ, здѣсь же скажемъ, что, зная причины паденія первыхъ поселковъ, можно при *второмъ* опытѣ остеречься и устранить эти причины, а тогда, быть можетъ, типъ интеллигентной деревни, выработывавшійся въ Батищевѣ одновременно съ типомъ практической школы самообразованія и физическаго труда, окажется и жизнеспособнымъ...

О Зотѣ и Викторѣ мы говорили достаточно подробно въ другомъ мѣстѣ [1]), здѣсь же мы постараемся дать характеристику Ивана, младшаго изъ батищевскихъ дѣятелей. Человѣкъ этотъ въ концѣ-концовъ палъ духомъ, но трудно было и не пасть; мы считаемъ нравственнымъ долгомъ реабилитировать этого человѣка отъ нареканій лицъ, въ сущности чуждыхъ батищевскому духу, носившихся съ чисто буржуазными идеалами сидѣнья «въ кельѣ подъ елью», — нареканій уже проникшихъ въ печать. Мы имѣемъ «документальныя» данныя, и съ почвы этихъ данныхъ не сходимъ.

V.

Окончивъ свой «курсъ самообразованія и мозольнаго труда»

[1]) См. нашу статью «Батищевское дѣло». «Книжки Недѣли» за 1895 г. Мартъ—іюль.

въ Батищевѣ, Иванъ рѣшаетъ отправиться на Украйну, но совершить это путешествіе желаетъ онъ пѣшкомъ изъ Смоленской губерніи, въ качествѣ гуртовщика. Постоянно изъ нашихъ мѣстъ отправляются гурты скота въ степь на Украйну. Скотъ закупается на пути, выпасается въ степи и затѣмъ гонится въ Петербургъ. Надо знать, что такое «сходить на Украину»... но пусть самъ Иванъ объ этомъ разскажетъ.

«Простите, дорогой А. Н.,—пишетъ онъ,—что я не исполнилъ своего обѣщанія, не написалъ вамъ 8 марта. Я, видите-ли, хотѣлъ выбрать времечко и пріѣхать къ вамъ, да не удалось. Поѣздка на Украину все откладывалась вплоть до сегодняшняго дня; причиною тому было частію повсемѣстный недостатокъ корма, такъ что первый гуртъ, который долженъ идти лѣтомъ, трудно было бы прогнать, частію потому, что чрезвычайно трудно нанять сгонщиковъ: *не нанимаются*, говорятъ: «на Украину сходить, такъ половины здоровья не станетъ». И еще не нанимаются потому, что приказчики Г. (кулакъ—помѣщикъ, занимающійся прасольствомъ) на возвратномъ пути *голодкомъ подмариваютъ*». Все это время Иванъ большею частью гонялъ воловъ изъ Д. въ Смоленскъ и находился въ средѣ мелкихъ торговцевъ, прасоловъ, подторговщиковъ и прочаго люда. Какую массу впечатлѣній пришлось вынести. Страшная это сила, темная... Въ Д. Иванъ проработалъ дней 10. Недостатокъ времени не далъ ему хорошо ознакомиться съ хозяйствомъ. Общее впечатлѣніе таково, что хозяйство ведется по-колупаевски, только разница та, что Колупаева обыватели считаютъ за крещенаго человѣка, а про Г. говорятъ: «какъ родился—не крестился, значитъ, все можетъ сдѣлать».

«На Украину выступаемъ сегодня. Отправляется насъ человѣкъ 11; съ нами идутъ двѣ лошади, которыя будутъ везти наши пожитки и приказчика; мы же всѣ идемъ пѣшкомъ до самыхъ Прилукъ. Когда будемъ проходить по шоссе, то по очереди будемъ и ѣхать—человѣка по два. Проходить будемъ ежедневно верстъ по пятидесяти»...

...«По случаю праздника, мы простояли сегодня на постояломъ дворѣ часовъ до одиннадцати, такъ что я имѣю возможность написать вамъ, дорогой А. Н. Вчера вечеромъ мы вступили въ Черниговскую губ., прошли 300 вер.; слѣдовали черезъ города: Мстиславль, Кричевъ и Гомель. Теперь мы находимся въ 56 в. отъ Чернигова въ мѣстечкѣ Яриловичахъ. Идетъ насъ семь человѣкъ и восьмой приказчикъ (трое отказались при самомъ отходѣ). Путешествовать-таки не легко, такъ какъ переходы довольно велики. Доходитъ до 60 в. въ сутки, а харчи больно ужъ плохи (не знаю, какъ будетъ дальше)—ѣдимъ больше вареный

картофель и *лишь изрѣдка* покупаемъ сельдей. Ночуемъ на постоялыхъ дворахъ, а обѣдаемъ и завтракаемъ на полѣ у огонька... О Могилевской губерніи, черезъ которую мы проходили, ничего интереснаго разсказать вамъ не могу. Положительно нѣтъ никакой возможности дѣлать какія-либо наблюденія. Все идемъ и идемъ, къ вечеру же до такой степени устаешь, что вступать въ разговоры на постояломъ дворѣ дѣлаешься уже неспособнымъ. Вся надежда на обратный путь, когда будемъ проходить въ сутки отъ 10 до 15 верстъ. Дневникъ все-таки я веду; каждый день аккуратно записываю всѣ выдающіяся событія... Посылаю первый весенній цвѣтокъ изъ Черниговской губерніи.

... «Не подумайте, А. Н., что я лѣнюсь писать къ вамъ. Право, дорогой мой, много и часто писалъ бы, да времени-то свободнаго и минуточки нѣтъ: весь день въ работѣ, а вечеромъ не могу--глаза болятъ,плохо вижу—сгонщики говорятъ, что это куриная слѣпота и бываетъ вообще у всѣхъ новичковъ. Я думаю, что на развитіе этой болѣзни имѣетъ вліяніе сильнѣйшій степной вѣтеръ и мелкая черноземная пыль, которая цѣлымъ облакомъ стоитъ ночью надъ большою дорогою.

«Теперь я, хотя вкратцѣ, но по порядку, разскажу свое путешествіе. До Пирятина (Полтавской губ.) мы добрались въ одиннадцать дней—прошли всего 560 верстъ. Здѣсь мы застали Г., который пріѣхалъ однимъ днемъ раньше насъ и накупилъ уже 90 штукъ скота. Ярмарка въ Пирятинѣ громадная, скота приводится пропасть, много съѣзжается и купцовъ, которыхъ можно подраздѣлить на три категоріи. Первая—покупаютъ самый лучшій скотъ, крупный исключительно, выпасаютъ его тутъ же на степяхъ, которыя откупаютъ или на время, или берутъ въ аренду съ цѣлыми имѣніями. Торговлю эти купцы ведутъ съ большими городами: Питеромъ, Москвой, Кіевомъ.

«Вторая—покупаютъ скотъ похуже и не однихъ только быковъ, а и коровъ (яловокъ), выпасаютъ тутъ же или гонятъ на сѣверъ. Продаютъ, гдѣ придется. Третья — покупаютъ скотъ всякій, лишь бы дешево; къ этой категоріи купцовъ принадлежитъ и Г.

«На другой день, какъ мы пришли (17 апр.), Г. купилъ еще 106 штукъ, такъ что всего скота составилось 196 штукъ. Весь онъ былъ помѣщенъ въ кошарѣ (огороженное со всѣхъ сторонъ пространство земли съ колодцемъ посрединѣ)...»

18 апрѣля выгнали скотъ на степь за 7 верстъ отъ города и пропасли его семь дней. Скотъ разбитъ былъ на два гурта: въ одномъ быки молодые и старые, въ количествѣ 75 штукъ, а въ другомъ коровы и телки—130 шт. Первый гуртъ гнало 3 сгонщика, а второй четыре. Въ числѣ первыхъ находился и Иванъ.

26 апрѣля вечеромъ пришли въ Прилуки. Г. за это время съѣздилъ на другую ярмарку въ мѣстечко, накупилъ тамъ еще 135 шт. всякаго скота и пригналъ въ Прилуки. 27 апрѣля весь скотъ тронули за городъ. Отойдя верстъ 9, остановились на степи, гдѣ предполагалось простоять дней 10, но потому, что водопой былъ черезчуръ дуренъ и пастбище плохое—вышли раньше, а именно 3 мая. Скотъ разбили на четыре гурта: 1) рабочіе бычки, 2) коровы, 3) телки и 4) молодые быки. Сгонщиковъ всего 15 человѣкъ; при первомъ гуртѣ три, а при остальныхъ по 4 человѣка.

Проходитъ гуртъ отъ 17 до 20 верстъ въ сутки, дѣлая, приблизительно, по ½ версты въ часъ. Гуртъ на ходу пасется по большой дорогѣ, которая шириною здѣсь 30 саженъ. Сгонщикамъ нелегко. Весь день на ногахъ (отъ восхода солнца часовъ до 9 вечера; въ полдень часа два отдыха)—ходятъ, бѣгаютъ кругомъ гуртовъ съ длинными палками, стараются не пустить скотъ въ хлѣбъ или въ чужую степь, куда онъ постоянно старается забѣжать. Сгонщикъ, по крайней мѣрѣ, въ два или три раза больше пройдетъ, чѣмъ скотъ.

Степь, степь безъ конца... Наступаетъ ночь. Гурты ложатся. Но сгонщикамъ нѣтъ покоя. Они по очереди должны караулить. Караулитъ и Иванъ въ свою очередь. Тишина. Всталъ туманъ. Онъ смотритъ на звѣздное небо. Дремотакло нитъ. Встаетъ, похаживаетъ вокругъ гурта... Кормятъ теперь хорошо—даютъ на завтракъ сало, въ обѣдъ крушникъ съ говядиной и пшенную кашу. За ужиномъ то же, что и въ обѣдъ. Хозяинъ понимаетъ, что отъ качества харча зависитъ и его барышъ: плохо будетъ кормить,—плохо будутъ и гнать, плохъ будетъ и скотъ, много его въ дорогѣ подохнетъ и заболѣетъ—мало и барыша. И наоборотъ.

Иванъ ведетъ дневникъ. Не смотря на всѣ трудности пути, онъ все-таки очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Есть какая-то особая прелесть въ «чумакованьѣ». Этотъ костеръ среди простора степей, около дороги, съ котелкомъ, а вокругъ усталые сгонщики, силуэты медлительныхъ быковъ, рисующіеся въ сумеркахъ. Даль безконечная, безграничная... Цивилизація, городъ все такъ далеко, далеко. Возвращаешься къ первобытной жизни пастушескихъ народовъ. Въ молчаніи ночи на безграничномъ степномъ просторѣ охватываетъ трепетомъ величіе звѣзднаго купола. Понимаешь, что пастухи всегда должны быть поэтами въ душѣ. Это общеніе съ кроткими животными, молчаливыми и покорными, какимъ-то миромъ проходитъ по душѣ. Странное состояніе! Но вотъ по дорогѣ на встрѣчу тянутся переселенцы.

Выселяются большею частью изъ Черниговской губ. Ѣдутъ

на Кубань, за Уралъ, въ Ставропольскую губернію. Причина одна: земли мало, земля плоха, не родитъ кормилица. Тѣсно, курицы выпустить некуда. Слышали, что тамъ, далеко, земли много, земля дешева, даромъ землю даютъ, ну и идутъ... Встрѣчаютъ ихъ гуртовщики еще недалеко отъ родины, гдѣ остались родныя могилки. Есть у нихъ еще деньжонки, вырученныя отъ продажи худобишки и дворишекъ. Они полны розовыхъ надеждъ на хорошее будущее и не испытали еще горечи грядущихъ разочарованій. Идутъ веселые, радостные. Даль уходящаго безконечной лентой пути манитъ ихъ сладкой загадкой. Молодежь пѣсни распѣваетъ. Вотъ остановились на привалъ. Засверкали костры. Пляска, игры, гармоники. Но и грустныя картины приходилось встрѣчать Ивану: въ Прилукахъ, напр., видѣлъ онъ на базарной площади стоитъ телѣженка, запряженная до нельзя измученною клячею. Около нея, прислонясь, стоятъ хохолъ съ жинкою, оба въ лохмотьяхъ, лица худыя, истомленныя. На телѣгѣ дѣтишки, трое, умотаны въ какіе-то лоскутья, съежились бѣдныя, трясутся; день-то холодный былъ, дождливый. Одинъ изъ дѣтокъ кашляетъ, боленъ, должно быть, бѣдняжка. Иванъ подошелъ къ нимъ, разспросилъ... Оказывается—переселенцы. Возвращаются они домой. Прожились совсѣмъ и теперь по дорогѣ собираютъ милостыню. На родинѣ же не осталось ничего... Какъ вернутся! Что будутъ дѣлать! Товарищи ихъ разбрелись въ разныя стороны.

Тронулся гуртъ. И опять безконечная дорога и дорожныя встрѣчи... Партіи рабочихъ пробираются на югъ, на заработки; только плохи эти заработки, говорятъ бывалые люди. Многіе христарадничаютъ на обратномъ пути.

Вернулся Иванъ въ іюнѣ и прямо поступилъ въ больницу. Оправдалось предсказаніе бывалыхъ людей: сходи разъ на Украйну, половины здоровья не станетъ. Слегъ Иванъ, не смотря на свое богатырское здоровье и силу. При другихъ обстоятельствахъ буковскій поселокъ, во главѣ котораго сталъ, этотъ плечистый, русый, несловоохотливый, но съ нѣжной душою человѣкъ, нашелъ бы въ немъ твердую опору. Его обвиняютъ въ самолюбіи. Странное обвиненіе! Человѣкъ, который можетъ вести хозяйство, можетъ выносить то, что не подъ силу другимъ, естественно становится во главѣ дѣла. Составъ поселка въ первое время былъ таковъ: «капитанъ» и товарищъ его, нынѣ покойный, «дикій капитанъ», получившій такое прозваніе за крайнюю мрачность характера, но человѣкъ, въ сущности, добрѣйшій, вѣчно занятый біологіей Спенсера и писавшій какое-то ученѣйшее сочиненіе, которое, однако, такъ и погибло. Иванъ—главный заправила. Затѣмъ, къ слѣдующей веснѣ примкнули Вла-

диміръ съ женой и Константинъ. Первый, сынъ богатаго помѣщика, красавецъ-полякъ, женившійся на «тонконожкѣ». Второй—бывшій «лѣсникъ». Затѣмъ нѣкто Филиппъ, нервный юноша, энтузіастъ. Собралось всего 12 человѣкъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Собралась артель отличныхъ работниковъ, на первыхъ порахъ дружная, согласная. Простая цѣль—работать и кормиться трудами рукъ своихъ—объединяла всѣхъ. Относительно этого никто не спорилъ.

Мы уже сказали, что земля, на которой образовалась община, принадлежала двумъ владѣльцамъ. Арендована была на первый годъ пустошь у одного дворянина съ единственной постройкой—избушкой въ родѣ тѣхъ, къ которымъ обыкновенно обращаются въ сказкахъ царевичи, заѣхавъ въ сыръ-дремучъ боръ: Избушка! избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ... Однимъ словомъ, «избушка на курьихъ ножкахъ». Однако по веснѣ же купили хлѣва съ навозомъ у нѣкоего «кадиловозжигателя и клепателя во трезвоны». Скотину изъ сѣней, гдѣ она сперва находилась, перевели въ хлѣва. Кругомъ усадебки возвышались старыя березы—остатокъ отъ бывшей и «сведенной» на дрова рощи. Около разбили огородъ. Земля здѣсь была жирная, унавоженная постоянно останавливавшимися у кабачка лошадьми. Скоро въ огородѣ завелся всякій овощъ: капуста, бураки, огурцы раскидывали свои плети. Мимо проходила дорога въ сосѣднюю деревушку и внизъ подъ гору, въ нешырокую долину, когда-то представлявшую изъ себя озеро. Теперь тамъ сочился ручей, бравшій начало въ болотахъ, и росла густая, отличная трава. За дорогой раскидывалась «попова земля». Тамъ былъ старый барскій домикъ и кое-какія постройки. Эта земля съ постройками скоро была куплена на средства «капитана». Въ домѣ теперь помѣщались женатые, а въ избахъ холостые. Стало, такимъ образомъ, попросторнѣе. Работы было достаточно для всѣхъ 12 «буковцевъ». Кромѣ пяти десятинъ овса и поднятой облоги подъ рожь, прибавилось еще десятинъ 12 пахоты, хотя и спущенной «попомъ», но все же еще не потерявшей всякихъ слѣдовъ культуры и не заросшей кустами. Вышеупомянутый ровъ представлялъ порядочный покосъ—десятинъ пять. Остальныя 13 десятинъ «поповой земли» такая же «пустошь», какъ и «угодья» дворянина. Вся эта земля находилась въ одной межѣ съ Батищевомъ, и А. Н. ежедневно, объѣзжая свое хозяйство, заѣзжалъ и къ «буковцамъ».

Такимъ образомъ, на второй годъ существованія, поселокъ имѣлъ необходимыя постройки, лошадей, коровъ, инвентарь. Земли «дворянской» 83 дес. и «поповской» 30 десятинъ.

На 12 человѣкъ приходилось всего земли по 10 десятинъ удобной и неудобной. Пахоты было не менѣе 20 десятинъ, лугу 5, остальная земля подъ кустами, но на лужайкахъ, въ ровкахъ, на полянкахъ—покосъ, и было гдѣ пастись скотинѣ.

Кромѣ того, смежная съ Батищевомъ пустошь была готова къ пахотѣ, и буковцы заарендовали облогу въ Батищевѣ. Можно смѣло сказать, что поселокъ былъ обставленъ неизмѣримо лучше, чѣмъ уфимскіе поселки. Главное, что подъ бокомъ было Батищево, готовое помогать и деньгами, и натурой, и добрымъ совѣтомъ.

Слѣдующій «организаціонный планъ буковскаго хозяйства», составленный самимъ А. Н., познакомитъ детально съ сельскохозяйственной стороной дѣла. Она была не такъ ужъ печальна. Рабочія руки были. Самоотверженные «капитаны», люди рѣдкаго безкорытія, хотя и болѣе чѣмъ слабые помощники, какъ «рабочая сила», съ радостью отдавали все, что имѣли. Цвѣсть бы да цвѣсть поселку, кабы не раздоры...

Вотъ этотъ «планъ»:

I. Организація личнаго состава.

Совершенно необходимы слѣдующія лица:

a) *Власти* исполнительныя:

1. *Кассиръ*, онъ же конторщикъ, приходорасходчикъ, исключительно ведущій письменную часть. Чѣмъ онъ *объективнѣе*, тѣмъ лучше. Его дѣло: знать каждую минуту состояніе кассы денежной и матерьяльной (амбара). Ежемѣсячная сводка счетовъ.

2. *Хозяйка*, завѣдывающая всѣмъ внутреннимъ хозяйствомъ и пекущаяся о немъ. Заготовка провизіи. Постоянная дума, какъ бы *дешевле* и *лучше* прокормить общину.

3. *Скотоводъ*, спеціально заботящійся о скотѣ. Распредѣленіе кормовъ, подой, убой скота, забота о лошадяхъ.

4. *Хозяинъ работъ*, распоряжающійся работами. Лицо это каждое утро наряжаетъ на работы всѣхъ посельчанъ.

b) Общее *собраніе*. По меньшей мѣрѣ еженедѣльно должны быть общія собранія для общаго обсужденія вопросовъ, вносимыхъ исполнительными властями или заявленныхъ членами. Понятно, что тутъ имѣются въ виду вопросы реальные, хозяйственные, касающіеся поселка. Это семейный совѣтъ, на которомъ кассиръ сообщаетъ о состояніи кассы, скотоводъ о кормахъ, хозяйка о заготовкахъ, распорядитель работъ объ общемъ хозяйственномъ планѣ. Отъ гармонической дѣятельности этихъ четырехъ *властей* зависитъ хозяйство, зависитъ благосостояніе поселка.

II. *Чистка*. 1) Расчистить *на своей землѣ* (купленной у попа)

все, что есть *годной подъ пашню* земли. Что будетъ расчищено, непремѣнно или травить скотомъ во время чистки, или скосить (чтобы отростокъ не пошелъ). Въ томъ и въ другомъ случаѣ всю вычищенную землю вспахать для посѣва по пластамъ или ржи въ 1883 г. или яроваго въ 1884 г. *Ленъ* необходимо сѣять, иначе *дохода будетъ мало денежнаго.* (Этотъ важный вопросъ слѣдуетъ обтолковать).

2) На *моей землѣ* (буковцы заарендовали еще землю у А. Н.) расчистить то, что можно въ нынѣшнемъ же году. Поднять, для засѣва льномъ или овсомъ, именно лядо, пролегающее около дороги къ буковской межѣ. Въ 1883 г. тутъ будетъ яровое по пластамъ. Осенью и зимою 83—84 г. срѣзать на дрова деревья по аллеѣ (остатокъ барскихъ затѣй). Въ 1884 г. мой паръ и посѣвъ ржи.

3) На уш—вской землѣ (арендованной у дворянина): за усадьбой и посѣянной за нею рожью оставить подъ паръ. Здѣсь чистить, корчевать все лѣто, въ каждую свободную минуту. Счищенное сносить въ грудки или небольшія лядечки. Сжечь. Лядечки засѣять въ 1883 г. рожью. Что успѣется—поднять, засѣять рожью.

III. *Покосы.* Скосить всѣ свои покосы. За недостаткомъ денегъ, нанимать покосовъ не придется; да и выгодно-ли это? Если урожай травъ будетъ плохъ, то я буду сдавать покосы не иначе, какъ съ части. Если урожай травъ и клевера будетъ хорошій, то я могу сдавать пустошные покосы подъ Буковомъ на деньги. Оцѣнивать покосъ буду такъ: сдаю съ той же части, какъ и другимъ; за мою часть получаю деньгами по 15 коп. за пудъ.

IV. *Посѣвы.* Въ общей сложности нужно засѣять льномъ не менѣе 3-хъ десятинъ (для денежнаго дохода). Овса желательно бы засѣять 10 десятинъ. Этого только-что хватитъ на 10 лошадей, считая урожай самъ-3. Слѣдовательно по 6 кулей прибыли съ десятины. Все, что пойдетъ подъ рожь и яровое въ 1884 г., на зиму поднять. Поднять на зиму же все, что будетъ расчищено. Осенью свободные люди должны расчищать луга и корчевать все начисто, такъ чтобы всѣ 30 десятинъ купленной земли обратить подъ пахоту. Чистить и драть.

V. *Огороды.* Свой *большой огородъ* засадить картофелемъ, бураками и капустой по новымъ придирамъ и на небольшомъ кускѣ съ удобреніемъ.

Арендованный огородикъ: лукъ, щавель, редисъ, рѣдька, салатъ, огурцы, въ верхней части кое-гдѣ капуста. *Огородикъ* около дома—перекопать кусты, посадить клубнику, на свѣжихъ грядахъ капусту. Вообще обсудить по разсмотрѣнію.

*

VI. *Лошади.* Лошадей держать сколько требуется для полевыхъ работъ. Невыгодно по нашимъ мѣстамъ сдѣлать изъ зимняго извоза спеціальность; тогда на каждую лошадь нужно отъ 6 до 8 кулей овса, слѣдовательно, рублей на 20 — 30. Извозомъ заниматься какъ подсобнымъ промысломъ, тратя не болѣе 4 кулей овса на лошадь. Самое практичное взять заблаговременно подрядъ возки дровъ. При тратѣ 4 кулей овса—слѣд. 12—15 руб. и еще 150 (minimum) пуд. сѣна по 15 к. на 17 р. 50 к., общій расходъ на лошадь составитъ до 30 руб., а больше 30 руб. выработать за зиму нельзя. Людей будетъ въ Буковѣ на зиму болѣе, чѣмъ лошадей. Всѣмъ лишнимъ людямъ взять на себя моихъ лошадей и работать на нихъ конскую работу у меня. Получаютъ харчи и жалованье какъ батраки, когда работаютъ мою работу. Получаютъ по общему разсчету и соображенію, если возятъ дрова и работаютъ чужую работу. Обдумать, обсудить.

VII. Устроить въ Буковѣ нѣчто въ родѣ *постоялаго двора* (изъза навоза) для возчиковъ дровъ, пріѣзжающихъ издалека. Дается помѣщеніе для нихъ и лошадей на ихъ корму и харчахъ. Для этого нужно кругомъ дома устроить дворъ, столбовой на первый разъ (все равно, этотъ дворъ пойдетъ для будущаго хозяйства). Вообще, этотъ вопросъ слѣдуетъ обдумать и слѣдовало бы воспользоваться моимъ осинникомъ (для двора на столбы), рѣзать осинникъ пополамъ и забирать на мху. Подумать, переговорить и обсудить.

VIII. *Скотный дворъ. Рогатый скотъ.* Первое время выращиваніемъ скота *не заниматься.* Когда придетъ на то, чтобы заниматься выращиваніемъ, то выращивать моихъ телятъ. Скотъ держать *молочный* простой (покупать простыхъ мужицкихъ коровокъ) для пользованія молокомъ лѣтомъ (чтобы телились въ мартѣ, апрѣлѣ; быка держать только лѣтомъ съ мая). Всякую немолочную корову сильно откармливать на продажу къ Рождеству (для чего скупать скотъ по осени, но скотъ сформировавшійся, не растущій!). Словомъ — прасольское хозяйство. *Овцы.* Сильно развить овцеводство, имѣя цѣлью пользоваться овцами только для себя: волна, овчины, баранина. Овцы только для себя и никакъ не для продажи. *Свиньи.* Свиней держать только породистыхъ по количеству отбросовъ. Свиноводство будетъ развиваться, по мѣрѣ развитія хозяйства. *Птицы.* Куръ побольше. Если будетъ прудокъ, развести и утокъ. Птичникъ развить, если явится охотникъ или охотница до птицъ.

IX. О маслобойнѣ (конопляной) въ Буковѣ. (По поводу разговора съ Иваномъ объ устройствѣ маслобойни въ Буковѣ къ зимѣ 1883—84 г.) Иванъ думаетъ, что для устройства дѣла достаточно имѣть небольшой капиталъ, рублей до 300.

Въ принципѣ я согласенъ, что буковцамъ слѣдуетъ устроить разныя производства у себя дома для того, чтобы имѣть зимній заработокъ. Между прочимъ, одно изъ первыхъ производствъ есть конопляно-маслобойное, но я полагаю, что едва-ли его можно устроить къ зимѣ. По моему мнѣнію, для этого нужно:

1) Первѣе всего нуженъ *человѣкъ*, который взялъ бы на себя *спеціально* маслобойное дѣло. Онъ долженъ *изучить устройство* простыхъ и улучшенныхъ маслобоенъ спеціально такъ, чтобы маслобойня устроилась подъ его руководствомъ. Онъ долженъ *изучить производство* битья масла, сохраненія масла и пр. Онъ долженъ знать *торговую часть*: покупка конопли, продажа масла и пр. 2) Нужно имѣть *отдѣльный капиталъ* для маслобойнаго дѣла, какъ на устройство самой маслобойни, такъ и для оборота, на покупку на первый разъ, по крайней мѣрѣ, 100 кулей конопли. Полагаю, что для основанія маслобойни нужно имѣть не менѣе 1.500 руб. неприкосновеннаго капитала.

X. *Предполагаемый доходъ* на 1883 годъ, при артели въ 10 человѣкъ:

1) Было бы отлично, еслибы можно было продать ржи на	200 р.
2) Употребить всѣ силы, чтобы выручить на льнѣ. .	300 р.
3) Отлично, если заработать на извозѣ.	300 р.
4) Лишніе люди, если заработаютъ на стороннемъ батрацкомъ (у меня или другихъ) трудѣ . . .	100 р.
5) Оборотъ на скотѣ отлично, если дастъ	100 р.
Итого . . .	1.000 р.

Расходъ на содержаніе общины хорошо, если убрать въ 1.000 руб. [1]).

---

[1]) Въ своей книгѣ «Не по торному пути» г. Мертваго приводитъ цифры расхода на май 1883 г. на 10 человѣкъ.

15 пуд. ржаной муки	15 р. — к.
5 пуд. гречневой крупы	8 » — »
2 пуда гороха	3 » 20 »
1 пудъ 30 ф. сала	14 » 05 »
9½ фунт. масла	2 » 37 »
2 пуда соли	1 » 20 »
1 ф. чаю	2 » — »
1 пудъ сахара	9 » 80 »
15 фунт. махорки	3 » — »
22 листа папирос. бум.	— » 20 »
15 ф. мыла	1 » 95 »
2 ф. свѣчъ	— » 66 »
11 пач. спичекъ	— » 50 »
Разные расходы	2 » 98 »
Итого . .	64 р. 91 к.

При такихъ скромныхъ потребностяхъ, все же расходы на личное содержаніе превышали 800 руб. (стр. 187).

Такимъ образомъ доходъ только покрываетъ личные расходы, а между тѣмъ на расходы хозяйственные требовалось еще не менѣе 1.500 руб. Приходилось увеличивать инвентарь живой и мертвый, расширять хозяйство. Предстояло *занять* эти 1.500 руб.

Организаціонный планъ Александра Николаевича вполнѣ выясняетъ матерьяльное положеніе поселка. Хозяйство разведено уже широко, но является необходимымъ завести *зимній* промыселъ, а Батищево давало знаніе лишь полевыхъ работъ. *Мастерствамъ и промысламъ* оно не обучало. Приходится теперь учиться, когда надо дѣло дѣлать и учиться поздно. А безъ мастерства какъ прожить зимнее время? И крестьяне безъ сторонняго заработка зимою не обходятся. Вотъ, значитъ, первый пробѣлъ. Далѣе планъ требуетъ *хозяйку* и *хозяина*, распорядителя работъ; первой совсѣмъ не было, а второго не хотѣли слушаться; вообще, свободу понимали въ видѣ произвола, а между тѣмъ въ хозяйствѣ требуется строгое подчиненіе одной власти, единому главѣ. Наконецъ, очевидно, *оборотнаго капитала* у поселка не имѣется. А безъ этого какъ вести дѣло. Но все бы ничего. Деньги бы нашлись. Болѣе глубокія причины тайно подтачивали общину и готовили внезапное и плачевное ея разложеніе.

Пока еще онѣ не бросались въ глаза. Въ хозяйственномъ отношеніи второй годъ буковскаго поселка закончился *блестяще*: урожай былъ превосходный, рожь по нови дала великолѣпный урожай, которому могли бы позавидовать приусадебныя десятины въ любомъ хозяйствѣ; яровое уродилось хорошо; ленъ родился высокорослый, цѣнный, отлично вылежался; сѣна было накошено на 7 штукъ скота. Итоги превзошли лучшія надежды. Буково кипѣло жизнью. На томъ мѣстѣ, гдѣ всего два года тому назадъ былъ въ полномъ смыслѣ слова пустырь и дичь, ширилось и строилось сложное хозяйство. Дружная, веселая артель изъ десяти молодцовъ работала съ пѣснями отъ зари до зари. Казалось, мечта А. Н. осуществляется. На сколько вѣрилъ А. Н. въ Буковскій поселокъ въ это время, доказываетъ сохранившійся въ бумагахъ его проектъ поступленія въ общину *внѣшнимъ* членомъ: «1) Пользуюсь правомъ голоса въ общинѣ и имѣю право участвовать во всѣхъ ея собраніяхъ, но участіе въ собраніяхъ для меня необязательно. Всѣ рѣшенія собраній, вошедшія въ законную силу, т.-е. рѣшенныя требуемымъ числомъ голосовъ, точно формулированныя и занесенныя въ журналъ, для меня обязательны. 2) Пока я не живу въ общинѣ и занимаюсь своими дѣлами внѣ общины, всѣ мои внѣшнія дѣйствія контролю общины не подлежатъ. Дѣйствія же мои, какъ члена общины, подлежатъ ея контролю. 3) Такъ какъ я не участвую въ работѣ своимъ личнымъ

трудомъ, то обязанъ вносить въ общину ежегодно опредѣленную сумму. Эту сумму я долженъ вносить въ опредѣленный срокъ и затѣмъ уже могу быть членомъ, *въ качествѣ старика* или *немощнаго для работы члена*. (Могу внести заразъ всю сумму). 4) Какъ только пожелаю, могу поступить во внутренніе члены общины, но долженъ продолжать вносить плату до истеченія срока, когда *записываюсь въ старики*. Затѣмъ община должна меня содержать по смерть. *Вступивъ во внутренніе члены, душою и тѣломъ посвящаю себя общинѣ и никакими внѣшними дѣлами не занимаюсь, никакого имущества внѣ общины не имѣю».*

VI.

Матерьяльно помогая общинѣ, какъ деньгами, такъ и продуктами, А. Н., будучи и *внѣшнимъ членомъ*, вкладывалъ всю душу въ дѣло, входилъ во всѣ интересы общины, болѣлъ объ нихъ, и если не физическій, то умственный трудъ отдавалъ ей безвозмездно. Но онъ не имѣлъ нравственнаго авторитета въ общинѣ. Болѣе того, посѣщенія его бередили самолюбіе буковцевъ, совѣты и указанія стали приниматься, какъ досадное вмѣшательство въ чужія дѣла.

Онъ не могъ взяться самъ за плугъ, онъ не работалъ самъ, онъ оставался по-прежнему *баріномъ*... *Барами* по отношенію къ Букову являлись и «капитаны», проживавшіе въ Петербургѣ. А между тѣмъ, и отъ нихъ, и отъ А. Н. буковцы матерьяльно зависѣли... Успѣхи буковской общины шли объ руку съ ея разложеніемъ. Часъ ея красы былъ часомъ паденія. Именно тогда, когда вѣра въ дѣло и въ успѣхъ ея охватила все Батищево, когда несомнѣннымъ казалось ея процвѣтаніе, именно тутъ-то и совершился печальный крахъ. Матерьяльныя потери были довольно значительны. А. Н. потерялъ 1.000 руб., «капитанъ»—1.200 руб., изъ товарищей одинъ *даромъ* работалъ $2^1/_2$ года, двое по $1^1/_2$ года, одинъ два лѣта и т. д. Но не матерьяльныя потери огорчали товарищей, а ясно выразившаяся недостаточная «зрѣлость» интеллигенціи для общинной, трудовой, братской жизни.

На Ивана, уроженца Смоленской губерніи, отличнаго работника, знакомаго со всѣмъ строемъ мѣстной сельскохозяйственной жизни, человѣка энергичнаго и по тому самому въ высшей степени самолюбиваго, естественно пала практическая организація хозяйственнаго предпріятія. Остальные члены работали, и только. Хозяйство въ цѣломъ ихъ не интересовало. Затѣмъ, поселокъ развивался на средства одного изъ членовъ. Но членъ этотъ активнаго участія въ дѣлѣ принять не могъ и постоянно находился въ отъѣздѣ. Въ концѣ концовъ ясно было,

что лицо, отъ котораго матерьяльно зависѣла вся община, вернется къ прежней интеллигентной жизни. Въ какое же отношеніе станутъ къ нему члены? Будутъ они должниками его или принуждены окажутся предоставить хозяйство его владѣльцу? Затѣмъ, арендована была часть земли на имя Ивана, и на этой землѣ возведены были постройки на средства «капитана». Но «капитанъ», по семейному своему положенію, долженъ отказаться отъ участія въ дѣлѣ. Отказывается капитанъ отъ своей собственности въ пользу общины? Нѣтъ. Не будучи уже фактически членомъ общины, онъ, однако, желаетъ ею управлять, желаетъ въ ней осуществлять свой идеалъ жизни на землѣ, самъ живя въ городѣ. На кого же работаютъ буковцы? Кому пойдутъ ихъ труды? Очевидно, что въ самомъ основаніи дѣла положена фальшь. Иванъ, далѣе, хотѣлъ, чтобы поселокъ развивался въ духѣ *общины*, между тѣмъ, какъ «капитаны» стояли за типъ *артели*. Для Ивана важно было сохранить основаніе жизни «трудами рукъ своихъ», безъ всякой помощи батрака-наймита; но для «капитаньши», по слабости ея здоровья, совершенно не подъ силу оказалась роль хозяйки, поэтому сейчасъ же пришлось нанять «бабу» для печенія хлѣба, а затѣмъ держать постоянную работницу для всѣхъ домашнихъ работъ. Этимъ подрывался въ корень связующій всѣхъ основной принципъ.

Но первое лѣто розни еще не было замѣтно. Все время уходило на работу, и работали дружно.

«Рознь въ поселкѣ, — разсказываетъ А. П. Мертваго (лицо, хотя и не принадлежавшее къ колоніи, но на глазахъ котораго происходила вся траги-комедія),—почувствовалась только съ осени 1882 г., когда «капитаны» поѣхали въ Петербургъ на зиму». «Теперь Иванъ представлялъ большинство и былъ единственнымъ изъ основателей поселка, а потому считалъ себя вправѣ принимать новыхъ членовъ. Зимою поселокъ быстро увеличился, и въ него прибавились новые члены, незнакомые съ «капитанами» и уже за зиму привыкшіе на нихъ смотрѣть, какъ на людей, отъ которыхъ будущность поселка зависитъ матерьяльно. Новая молодежь желала работать и вѣрила въ то, что заработаетъ свое существованіе, но то не принималось въ разсчетъ, что *хозяйство живетъ работою прошлаго года* и что результатами труда трехъ работниковъ надо будетъ содержать 11 человѣкъ.

«Не смотря на малыя потребности, не смотря на то, что костюмъ членовъ состоялъ изъ крестьянскаго платья и, слѣдовательно, былъ не изъ дорогихъ матерьяловъ, не смотря на то, что всѣ курили махорку и почти не пили чаю, расходъ на содержаніе 11 человѣкъ обходился довольно дорого и, конечно, превышалъ

то, что получено было съ 4-хъ десятинъ ржи и десятинъ 8 ярового, которыя должны были удовлетворить бюджету 1883 г. Пока имѣлись деньги, капитанъ ихъ представлялъ на потребности поселка, но, наконецъ, деньги изсякли и насталъ моментъ, когда стало необходимымъ выяснить дальнѣйшую будущность поселенія. Этимъ моментомъ была осень 1883 г. «Очевидно было, что поселокъ съ такимъ количествомъ членовъ не можетъ просуществовать въ теченіе года на работу, сдѣланную при тѣхъ рабочихъ силахъ, которыя имѣлись лѣтомъ 1882 г. Необходимо было или достать средства, или уменьшить составъ поселенія. Рѣшено было занять денегъ на сторонѣ, подъ отвѣтственностью всѣхъ членовъ, на ближайшіе хозяйственные расходы».

Исполненіе этого рѣшенія служило только временной мѣрой для поддержанія поселка. Первоначальной связи между членами уже не имѣлось. Принципъ экономической независимости, на которомъ основывалось поселеніе, уже нѣсколько разъ приходилось нарушить и, не смотря на то, что при уборкѣ хлѣба жали всѣ поголовно, пришлось прибѣгнуть къ труду сосѣднихъ бабъ, а для молотьбы—самой трудной по искусству работы—приходилось нанимать поденщиковъ. Женщинъ-хозяекъ въ поселкѣ не было. Ясно было, что обращеніе къ сторонней помощи станетъ хроническимъ. Связь рушилась, и поселокъ оказался состоящимъ изъ лицъ, имѣющихъ каждый свои взгляды на жизнь и мечтающихъ о своихъ формахъ осуществленія на практикѣ жизни своимъ трудомъ.

Приходилось подвести итоги. Результаты дебатовъ были печальные. Поставили вопросъ: быть-ли поселку общиной или артелью? Холостые стояли за общину, женатые—за артель. Режимъ жизни предлагался столь суровый, что женатые члены общины не могли на это пойти. Жены постоянно были больны, и требовался докторъ. Дѣтей тоже предполагалось завертывать, по меньшей мѣрѣ, въ «валансьенъ»... Дѣло кончилось тѣмъ, что двое семейныхъ: капитанъ и Владиміръ, въ концѣ 1883 года, вышли изъ членовъ. Иванъ de facto становился хозяиномъ всего дѣла. Но рознь отъ этого не уменьшилась. Члены злобились другъ на друга и на Ивана и выражали свой протестъ молчаливымъ уходомъ въ Батищево къ А. Н. или отъѣздомъ въ свои края...

Члены общины выходили одинъ за другимъ, и къ 10 января 1884 г. оставалось двое: Иванъ и Филиппъ; да одинъ изъ вышедшихъ членовъ оставался въ «батракахъ», ожидая свѣтлаго будущаго... Въ началѣ мая вышелъ изъ общины Филиппъ, и остался одинъ Иванъ, какъ Маріи на развалинахъ Карѳагена. Въ сентябрѣ 1884 года пріѣхалъ «капитанъ», и, принявъ хозяй-

ство у Ивана, завелъ батраковъ и повелъ хозяйство обычнымъ путемъ. Иванъ тоже усталъ и разочаровался. Онъ ушелъ, и пучины русскаго моря поглотили его... Общины не стало.

Нижеслѣдующій документъ, писанный рукою А. Н., вполнѣ выясняетъ матерьяльныя основанія, на которыхъ была произведена ликвидація Букова:

«За выбытіемъ въ декабрѣ 1883 года изъ буковскаго товарищества четырехъ членовъ, была произведена общимъ собраніемъ товарищей (28 декабря 1883 г.) оцѣнка остающагося имущества и признано, что это имущество стоило 2.000 р., а такъ какъ всего было затрачено на буковское дѣло денегъ 4.200 рублей, то постановленіемъ товарищей было признано считать 2.200 р. безвозвратно потраченными, прожитыми, и уплата этихъ 2.200 р. была возложена, въ видѣ личнаго долга, на 6-рыхъ товарищей: 2 капитановъ, Ивана, Филиппа, Константина и Александра въ равной суммѣ на каждаго.

«По постановленію товарищей 5 января 1884 г., Иванъ и Филиппъ остались продолжать въ Буковѣ дѣло, согласно программѣ, выработанной Иваномъ и капитаномъ, при чемъ аренда земли переведена на одного Ивана, такъ какъ Филиппъ, по несовершеннолѣтію, не могъ быть внесенъ въ контрактъ. Иванъ и Филиппъ должны были продолжать дѣло, *пока не убѣдятся въ невозможности его вести*, и тогда производятъ ликвидацію, уплачивая 2.000 р. долга, обезпеченнаго принятымъ ими имуществомъ.

«Въ іюнѣ 1884 г. Филиппъ оставилъ дѣло и затѣмъ выбылъ изъ Букова, заявивъ «капитану», что въ случаѣ, еслибы при ликвидаціи, которая необходимо должна быть произведена за выбытіемъ одного изъ 2-хъ товарищей, которымъ было поручено дѣло, оказалось, что буковское имущество не покроетъ долга въ 2.000 руб., то онъ, Филиппъ, уплатитъ причитающуюся на его долю часть недостающаго. 21 сентября 1884 г. произведена окончательная ликвидація дѣла, и все буковское имущество куплено въ частную собственность капитаномъ, при чемъ капитанъ приплатилъ Ивану 570 р., такъ какъ, вслѣдствіе хорошаго урожая сѣна и хлѣба въ 1884 г., ими, капитаномъ и Иваномъ, было признано, что буковское имущество, принятое Иваномъ и Филиппомъ, за лѣто 1884 г. увеличилось на эту сумму. Аренда земли передана капитану».

«Что касается суммы въ 2.200 р., признанной протраченною, прожитою во время веденія дѣла товарищами, и возложенной на 6-хъ членовъ, въ видѣ частнаго долга, то капитанъ и Энгельгардтъ, которыми дана была эта сумма (въ количествѣ 1,200 р. первымъ и 1,000 р. вторымъ) въ долгъ на веденіе дѣла, прини-

мая во вниманіе, что они, капитанъ и Э., были иниціаторами дѣла и что члены товарищества за свою работу, во время пребыванія въ товариществѣ, никакой платы не получили, признали справедливымъ принять этотъ долгъ 2.200 руб. на себя и освободить членовъ товарищества отъ уплаты каждымъ изъ нихъ шестой части долга, о чемъ и увѣдомляютъ товарищей.

«Что касается суммы 500 р., уплаченной Ивану капитаномъ при пріемкѣ буковскаго имущества, то деньги эти капитаномъ выданы Ивану, и симъ увѣдомленіемъ предоставляется товарищамъ на усмотрѣніе, въ чью пользу должны поступить эти деньги.

«Во время существованія товарищества былъ сдѣланъ имъ еще долгъ въ 280 р., подъ личную отвѣтственность 8 человѣкъ, по 35 р. на каждаго человѣка. При пріемѣ Букова Иванъ и Филиппъ приняли на себя гарантію уплаты этихъ 280 р. При ликвидаціи дѣла съ Иваномъ, падающая на Филиппа и Ивана часть этого долга въ 70 р. была вычтена изъ слѣдовавшей приплаты въ 570 р., признанной капитаномъ, и потому капитанъ, при пріемѣ буковскаго имущества, уплатилъ Ивану деньгами лишь 500 р. Гарантія же уплаты остальныхъ 210 р. принята капитаномъ на себя».

VII.

Приводимъ письма А. Н., рисующія послѣдніе дни общины и процессъ ея разложенія:

Батищево 6/v 84.

«Милые, дорогіе капитаны!

«Рожь, посѣянная буковцами на моей землѣ, на пустоши подъ Дѣдовомъ—чудо какъ хороша, верхъ совершенства; по общему отзыву, это лучшая рожь въ округѣ! Я могу вполнѣ торжествовать; мое хозяйственное и человѣческое сердце можетъ только радоваться. Во-1-хъ, это указываетъ вѣрность моихъ хозяйственныхъ соображеній, что наши пустошныя земли представляютъ колоссальныя богатства и при самой экстенсивной обработкѣ даютъ превосходнѣйшіе урожаи и такіе доходы, какихъ не даютъ черноземы. Во-2-хъ, меня радуетъ то, что не случилось какого-нибудь климатическаго неблагопріятства (а такое всегда можетъ быть), вслѣдствіе котораго рожь пропала бы; теперь всѣ могутъ видѣть во очію, что, предлагая буковцамъ сѣять на Дѣдовской пустоши и удобрить подъ рожь (за навозъ заплачено около 50 р., а доходъ будетъ до 400 р.), я не преслѣдовалъ личныхъ цѣлей, хотѣлъ добра буковцамъ, хотѣлъ имъ пользы, хорошо сообразилъ хозяйственныя отношенія. Въ-третьихъ, мнѣ радостно, что буковцы не ошиблись, послушавшись меня.

«Но ужасно прискорбно думать, что все это добро можетъ пойти прахомъ, въ ту прорву, какую представляетъ Буково. Поэтому, вы можете себѣ представить, какъ обрадовался я, получивъ ваше послѣднее письмо, изъ котораго вижу, что вы съ охотой вернулись бы въ Буково. Я думалъ, что васъ привлекаетъ именно Крымъ или что другое, а Буково кажется нестоющимъ вниманія,—думалъ это потому, что вы такъ рѣзко порвали дѣло, не оставили себѣ заручки и уступили такъ легко право на аренду, чѣмъ передали, такъ сказать, въ единыя руки все имущество, по крайней мѣрѣ по закону. Я не хочу этимъ бросать какую-либо тѣнь на Ивана относительно его честности, но всѣ люди смертны: заболѣй, умри Иванъ, мировой судья наложитъ запрещеніе на все буковское имущество, и оно поступитъ наслѣдникамъ Ивана. Ну, да это уже все сдѣлано, и говорить объ этомъ нечего много. Вы пишете, чтобы я переговорилъ съ буковцами, но я считаю это пока невозможнымъ, такъ какъ не знаю вашихъ плановъ относительно Букова, не знаю, на какое вы пойдете соглашеніе... Все это можно рѣшить только въ вашемъ присутствіи. Поэтому самое лучшее мнѣ подождать вашего пріѣзда: обдумайте и рѣшите все; затѣмъ пріѣзжайте сюда и дѣйствуйте, но, пожалуйста, не назначайте себѣ короткаго срока пребыванія здѣсь, не спѣшите, какъ спѣшили покончить въ январѣ. Главное же дѣло обдумайте все обстоятельно... напередъ. Жить, конечно, будете у меня. Помѣщенія довольно. Имѣйте въ виду, что въ послѣдней трети мая я уѣду на геологическую экскурсію въ Рославскій уѣздъ. Хотя, впрочемъ, это не помѣшаетъ мнѣ, когда нужно, тотчасъ же пріѣхать... Теперь о положеніи Букова. Отчетности и вообще письменности никакой. Деньги всѣ у Ивана, который продаетъ, покупаетъ, мѣняетъ, и никто не знаетъ что есть. Хозяйствомъ распоряжается Иванъ, и никто ничего не знаетъ, что и какъ. Филиппъ говорилъ, что Иванъ послѣднее время сталъ съ нимъ совѣтоваться, но или Иванъ неясно все объясняетъ Филиппу, или Филиппъ неясно понимаетъ,—только поминутно встрѣчаются противорѣчія. Денегъ у буковцевъ нѣтъ, хлѣбъ тоже на исходѣ, солому продали не только яровую, *но и ржаную* (200 пуд. по 10 к.), оставшіяся сѣмена клевера продали. Покосы въ кустахъ и въ нижней части рва сдали съ половины, жнитво ржи сдали бабамъ, ленъ сѣютъ съ половины на особыхъ условіяхъ. За всѣ работы предполагаютъ платить натурой изъ будущаго хлѣба. Между тѣмъ, опять все обгораживаютъ около дома тщательно. Для пастьбы лошадей наняли пастушка. Дружбы, даже простой пріязни и довѣрія между членами нѣтъ. Нѣтъ даже равнаго распредѣленія работъ: Константинъ и Филиппъ преимуще-

ственно заняты черной работой, городьбой и пр. По моему мнѣнію, въ Буковѣ происходитъ полное разложеніе, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніяхъ, и я не вижу никакого свѣтлаго луча. Новыхъ лицъ не прибываетъ. Поступилъ, было, одинъ купеческій сынокъ изъ Влад. губ., но пробылъ недолго, перешелъ жить къ Ж—ву и похаживаетъ въ Буково работать—изгороди городить. Отъ скуки же поторговываетъ, продаетъ топоры, пилы, косы, выписанные имъ изъ Москвы (дома онъ торговалъ скобянымъ и прочимъ желѣзнымъ издѣліемъ). Другой поступившій, нѣкто К..., тоже мало подаетъ надежды. Да и вообще, при такомъ отношеніи къ дѣлу .. безъ отчета, безъ взаимной дружбы и пріязни, безъ ясно опредѣленной цѣли, что же можетъ быть? Еще тонконогихъ не поступало.

Изъ мужчинъ никого почти и въ виду нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ никого надежнаго. Женщинъ есть нѣсколько желающихъ поступить, но что женщины! утлые сосуды!..»

А. Э.

Далѣе отъ 18/V 1884 г. читаемъ: «Капитанъ пробылъ у меня всего 3 дня и уѣхалъ въ Крымъ, оставивъ меня своимъ довѣреннымъ по буковскимъ дѣламъ и *уполномочивъ* дѣйствовать, какъ мнѣ заблагоразсудится... Мой совѣтъ капитану повести хозяйство, взявъ за себя постройки, инвентарь и всѣ долги, т.-е. освободивъ другихъ буковцевъ отъ личнаго долга. Понятно, что я о своихъ деньгахъ не забочусь: потеряемъ съ капитаномъ каждый по тысячкѣ, куда ни шло. Ваша съ капитаномъ нерѣшительность, сомнѣніе, боязнь взяться за дѣло и, главное, вести его неуклонно до конца, всегда меня бѣсятъ... Вчера я имѣлъ разговоръ съ Иваномъ и объяснилъ ему, что капитанъ довѣрилъ мнѣ быть его представителемъ въ буковскомъ дѣлѣ и уполномочилъ меня поступать, какъ мнѣ заблагоразсудится по этому дѣлу. На основаніи этой довѣренности я заявилъ: если въ Буковѣ можетъ существовать колонія интеллигентовъ, ведущая свое дѣло на тѣхъ началахъ, какія положены въ основу ея устройства, то пусть она и существуетъ. При этомъ я надѣюсь, что колонія, когда дѣла ея расширятся и она будетъ процвѣтать (а что она при правильномъ, разумномъ хозяйствѣ должна дойти до цвѣтущаго состоянія, въ томъ я увѣренъ), уплатитъ личные долги... Я того мнѣнія, что колонія должна высоко держать свое знамя, понимать свою отвѣтственность передъ обществомъ, понимать свое значеніе и строго держаться своихъ основныхъ принциповъ. Желательно, чтобы колонія вела самую точную отчетность»...

Какъ видимъ, надежда вдохнуть жизнь въ погибавшую общину не покидала А. Н. до конца. Много было причинъ, благодаря

которымъ интеллигентные поселки «отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть». Будь А. Н. молодъ, онъ самъ взялся бы за плугъ; сталъ бы во главѣ общины, и, подъ его непосредственнымъ началомъ, быть можетъ, дѣло бы пошло. Теперь же онъ являлся все же *внѣшнимъ* по отношенію къ общинѣ, и его вмѣшательство, его авторитетъ даже бередилъ самолюбіе нѣкоторыхъ изъ членовъ. Далѣе, всѣ практиканты слишкомъ быстро брались за самостоятельное дѣло, и у нихъ не хватало терпѣнія выдержать себя на работѣ, узнать все, что требуется для поселенца, подобрать такую партію, гдѣ бы были и сапожники, и кузнецы, и плотники и техники. Женщинъ, способныхъ къ общинной жизни, *хозяекъ*, не нашлось Не нашлось и *хозяина*, признаннаго всѣми главы, который бы могъ ставить общее дѣло выше своего «я» и быть не деспотомъ, а хозяиномъ и отцомъ, имѣть нравственную силу на своей сторонѣ. Наконецъ, общинники чувствовали свою матерьяльную зависимость отъ лицъ неработавшихъ, *внѣшнихъ* общинѣ, и тяготились этимъ. Средствъ было слишкомъ мало, и потому сразу же піонерамъ приходилось страшно тяжело. Сходились элементы разнородные, недостаточно согласившіе свои воззрѣнія и идеалы. Мѣшало личное самолюбіе, слабость общественныхъ чувствъ, эгоизмъ и индивидуализмъ, вообще свойственный интеллигенціи. Впадали въ крайность, сразу хотѣли достигнуть слишкомъ многаго—не только жить своимъ трудомъ, но и осуществить христіанскій идеалъ общинной жизни.

Попытка буковцевъ была послѣдней въ этомъ родѣ. Скоро Батищево вступило въ послѣднюю свою фазу, *фосфоритную*. Направленіе, вызванное, съ одной стороны, «Письмами изъ деревни», а съ другой нашими народниками-беллетристами, смѣнилось инымъ движеніемъ, начало котораго лежало въ Ясной Полянѣ. Поселокъ «толстовцевъ» возникъ верстахъ въ 30 отъ Батищева, но... видно, правъ былъ одинъ «настоящій» пахарь-мужикъ, когда говорилъ Глѣбу Ивановичу Успенскому:

«Пахать!—пахать вашему здоровью никакъ невозможно... Силовъ у васъ настоящихъ нѣтъ, и поэтому случаю она, соха-то, можетъ васъ, господинъ, съ одного маху на смерть положить... Соха-то, господинъ, наровить выскочить изъ земли, ей то-же не охота землю-то носомъ рыть, такъ ее безперечь надобно со всей силы пхать въ землю, впирать руками... Ну, а тебѣ этого не осилить! Какъ лошадь дернула, соха подскочила, да прямо тебя въ подбородокъ... Еще слава Богу коли скулу перешибетъ... Это еще надо Бога благодарить, а пожалуй, какъ бы и начисто не вышибло духъ вонъ!.. Нѣтъ! Это не по вашей, господинъ, части дѣло-то!»

Николай Энгельгардтъ.

Бегины и бегарды.

(The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson).

I.

Рѣдкая эпоха представляетъ для изслѣдователя больше живого и глубокаго интереса, чѣмъ то переходное время, которое принято называть концомъ среднихъ вѣковъ и которое обнимаетъ XII-е, XIII-е, XIV-е и отчасти XV-е столѣтія. Смотрѣть-ли на этотъ періодъ, какъ на время ликвидаціи стараго экономическаго строя, или какъ на отправной пунктъ тѣхъ коренныхъ измѣненій въ формахъ гражданскаго и политическаго быта, дальнѣйшая эволюція которыхъ наложила печать на всю послѣдующую историческую жизнь Западной Европы,—все равно, нужно придти къ одному заключенію: въ теченіе XII—XV вѣковъ во всѣхъ общественныхъ союзахъ средневѣкового міра происходитъ медленная, неуклонная и безпрерывная революція, понемногу отодвигающая на задній планъ тѣ бытовыя и государственныя формы, въ которыя вылился средневѣковый строй, или такъ измѣняющая эти формы, что онѣ въ значительной степени утрачиваютъ свой прежній видъ и характеръ. Новые запросы и требованія предъявляются къ жизни, къ царящей дѣйствительности, и дѣйствительность то борется съ ними, то пытается дать какой-нибудь отвѣтъ на нихъ, но нигдѣ не остается вѣрною своему средневѣковому настроенію, нигдѣ уже мы не видимъ ее величавой, неподвижной и спокойной. Единство мысли европейскаго человѣчества исчезаетъ, и исчезаетъ затѣмъ, чтобы уже никогда не появляться. И если въ дѣлѣ отношенія къ различнымъ устоямъ частной и политической жизни мы видимъ, что человѣческая мысль рѣшительно отказывается слѣдовать по своему прежнему пути, если въ бытовыхъ и общественныхъ вопросахъ она перестаетъ течь по общему, проторенному руслу, а разбивается на множество мелкихъ ручейковъ, изъ которыхъ каждый ищетъ своей дороги, то ясно до очевидности, что въ области, гораздо болѣе интимной, болѣе волновавшей умъ и сердце человѣка среднихъ вѣковъ,—въ области

религіозныхъ вѣрованій—этотъ расколъ, замѣнившій прежнее единство мысли, долженъ былъ сказаться сильнѣе и обнаружиться замѣтнѣе. Для того, чтобы правильнѣе взвѣсить и оцѣнить реакцію противъ всемогущей римской теологической доктрины, нужно только уяснить себѣ, какую роль играла эта доктрина въ періодъ, непосредственно предшествовавшій времени реакціи. Распространяться объ этомъ слишкомъ хорошо извѣстномъ предметѣ я считаю лишнимъ; укажу лишь на одну черту, развившуюся подъ вліяніемъ католицизма и бросающуюся въ глаза всякому, кто знакомится съ исторіей европейской мысли въ средніе вѣка,—на необычайное, изъ ряда вонъ выходящее тяготѣніе ума, чувства и воображенія въ сторону представленій о загробномъ мірѣ, на совершенно исключительный интересъ, который обнаруживаетъ въ эти темные годы европейское общество къ всевозможнымъ сагамъ и вымысламъ о судьбѣ человѣка послѣ смерти, о его замогильномъ скитальчествѣ, о ждущихъ его наградахъ и наказаніяхъ. Правда, общій характеръ всѣхъ этихъ представленій обусловливался взглядами господствующей религіи; правда, даже и тутъ уму и воображенію ставился предѣлъ, котораго переходить нельзя было; но граничившій съ мономаніей интересъ къ загробной жизни не былъ дѣломъ рукъ церкви: какъ и всякое слишкомъ сильное чувство, онъ не могъ быть созданъ и поддерживаемъ искусственно. Это направленіе мысли, otherworldliness,—какъ удачно называетъ его одинъ современный англійскій писатель [1]),—представляло собою въ высшей степени важную и любопытную черту общественной патологіи того времени. Рамки для работы воображенія въ области грезъ о загробномъ мірѣ опредѣлялись католическою догмою, и самая работа никогда не стояла въ оппозиціи съ ученіемъ церкви; тутъ фантазія только стремилась до мельчайшихъ деталей освѣтить данныя религіи, касающіяся этого предмета, и ярче изобразить предъ вѣрующими то грозное будущее, къ которому все живущее приближается съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой. Когда наступила реакція противъ католической догмы и церковности, когда скептики поздняго возрожденія начали сводить счеты съ римскими тюремщиками, сторожившими плѣнную человѣческую мысль, и указывать на всю дряхлость и непригодность темницы, въ которой она сидѣла тысячу лѣтъ,—тогда, конечно, не уцѣлѣла и мистика, шедшая рука объ руку съ господствовавшими въ средніе вѣка ученіями. Всѣ воздушные замки, которые она строила такъ долго и съ такимъ изумительнымъ трудо-

[1]) John Owen, см. The skeptics of the Italian Renaissance, 1893.

любіемъ, были забыты; всѣ лукавыя мудрствованія, относившіяся къ жизни въ раю и аду, перестали занимать общество, хотя раньше оно такъ интересовалось ими, какъ интересуются люди разсказами объ извѣстной мѣстности, которую они облюбовали и въ которой собираются провести остатокъ дней своихъ. Но эта перемѣна произошла только лишь въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ. До тѣхъ поръ глухое броженіе, недовольство и неудовлетворенность римскимъ догматомъ и римской моралью обнаруживались несомнѣнно, хотя и не принимали никогда философски-скептическаго характера. Сильное развитіе еретическихъ ученій, ужасныя и въ своемъ родѣ единственныя умственныя эпидеміи, всеобщій страхъ предъ колдовствомъ и нечистой силой, страхъ, внезапно оковывавшій цѣлыя деревни и провинціи,—вотъ тѣ явленія, которыя характеризуютъ XII, XIII и XIV вѣка. Это были все такія знаменія времени, которыя слишкомъ ясно показывали, что полное и нераздѣльное господство римской доктрины отходитъ въ область прошедшаго. Люди метались во всѣ стороны, мучительно недоумѣвая, гдѣ найти имъ замѣну того, что когда-то отвѣчало на всѣ запросы ихъ ума, чувства и совѣсти, не зная, на чемъ остановиться, какъ примирить цѣлую бездну внутреннихъ противорѣчій, возникавшихъ отъ хаотическаго смѣшенія обломковъ прежнихъ самодовлѣющихъ убѣжденій съ безпорядочной грудой новыхъ, жадно отовсюду ловимыхъ и усвоиваемыхъ взглядовъ и понятій. И вотъ, въ это-то время возникаетъ одно движеніе, имѣющее живые и несомнѣнные корни въ средневѣковой мистикѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, носящее совершенно опредѣленный характеръ, свойственный явленіямъ переходнаго времени. Я говорю о бегинахъ и бегардахъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, писалось слишкомъ мало за границей, а еще меньше у насъ. Движенію бегинъ и бегардовъ посвящены первыя главы не такъ давно вышедшей книги Робинзона—The end of the middle ages. Эти главы, кстати сказать, представляютъ изъ собя самую интересную и оригинальную часть всей книги, которая въ остальномъ носитъ характеръ собранія компилятивныхъ набросковъ на всевозможныя историческія темы. Первыя же главы настолько занимательны, какъ по самому сюжету, такъ и по выполненію, что настоящій очеркъ, имѣющій цѣлью познакомить съ ними, можетъ представить, какъ мнѣ кажется, извѣстный интересъ.

II.

Двѣнадцатое столѣтіе наполнено безпрерывными войнами, которыя страшно истребляли мужское населеніе Европы. Особенно

въ этомъ смыслѣ замѣчательны были крестовые походы, куда люди устремлялись сотнями тысячъ и откуда возвращались лишь очень немногіе. Конечно, такое обстоятельство не могло не вліять тягостно на экономическое положеніе цѣлой массы семействъ, безвременно лишившихся своихъ кормильцевъ. По большей части эти семейства оставались совершенно безъ всякихъ средствъ къ существованію и разбредались по разнымъ странамъ свѣта,—кто выпрашивая милостыню, кто посвящая себя грабежамъ на большихъ дорогахъ, кто, наконецъ, нанимаясь на поденную работу. Положеніе женщинъ въ этихъ несчастныхъ семьяхъ было особенно ужасно. Подаяніе являлось единственнымъ источникомъ добыванія пищи для тѣхъ изъ нихъ, которыя не могли или не хотѣли поступить въ притоны общественнаго разврата. На почвѣ такого страшнаго экономическаго кризиса возникаетъ новое движеніе, которое охватываетъ въ короткое время огромную территорію и очень скоро обнаруживаетъ всѣ признаки силы и долговѣчности, свойственные явленіямъ, служащимъ отвѣтомъ на глубокія и реальныя нужды дѣйствительноста.

Въ 1180 году одинъ священникъ города Льежа—Ламбертъ—горячо и убѣдительно доказывалъ съ церковной каѳедры своимъ слушателямъ, что рѣшительно необходимо оказать матерьяльную и нравственную поддержку несчастнымъ вдовамъ и дочерямъ людей, ушедшихъ въ Палестину и отдавшихъ тамъ свою жизнь за общее дѣло всѣхъ христіанъ. Ламбертъ посвятилъ много проповѣдей развитію своихъ мыслей объ этомъ предметѣ—и его старанія увѣнчались успѣхомъ: прихожане, любившіе и уважавшіе своего патера, не скупились на пожертвованія, иногда довольно значительныя. Когда денегъ собралось достаточно, Ламбертъ выстроилъ за городомъ рядъ небольшихъ домиковъ, церковь, госпиталь и поселилъ въ этихъ домикахъ бѣдствовавшихъ женщинъ Льежа. Это общежитіе любопытно своею полною обособленностью и отличіемъ отъ всевозможныхъ религіозныхъ ассоціацій того времени. Поступая туда, женщины не давали никакихъ обѣтовъ, не связывали себя никакими обязательствами: во всякое время онѣ могли выйти оттуда и начать вести тотъ образъ жизни, который придется имъ болѣе по душѣ. По большей части, конечно, контингентъ сестеръ въ этомъ общежитіи пополнялся изъ рядовъ бѣднѣйшаго населенія, но бывали нерѣдко случаи поступленія въ общину и женщинъ высшаго круга и обезпеченнаго состоянія. Часть дня сестры посвящали молитвѣ, а въ остальное время кто занимался пряжей и вязаньемъ, кто уборкой комнатъ, кто работой по домашнему хозяйству. Во всякое время дня женщины свободно выходили въ городъ; вообще, онѣ отнюдь не пре-

рывали общенія съ городскими жителями и весьма часто предлагали безвозмездно свои услуги въ качествѣ сидѣлокъ при больныхъ, умирающихъ, въ качествѣ приходящихъ работницъ и т. д. Новое общежитіе вскорѣ стало очень популярно въ городѣ и далеко за предѣлами его, и уже съ самаго начала XIII вѣка мы встрѣчаемъ безпрестанно то въ той, то въ другой хроникѣ упоминаніе о сестрахъ новаго братства, о «бегинахъ», какъ онѣ тамъ называются. Происхожденіе этого названія довольно темно. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, производящее слово «бегина» отъ bégue—по связи съ памятью основателя общины, священника Ламберта, котораго называли Lambert le Bégue (заика), вслѣдствіе очень замѣтнаго недостатка въ произношеніи. Новое движеніе распространилось съ невѣроятной быстротой въ Нидерландахъ, Франціи и Германіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число сестеръ достигало очень крупной цифры (въ Камбрэ 1.000 чел., въ Кельнѣ 2.000). Весьма понятно, почему такъ быстро распространилось свѣтское общество бегинъ: указанныя выше причины разоренія огромной массы семействъ были въ той или другой степени общи всей Европѣ, всюду ощущалась нужда въ такихъ учрежденіяхъ, которыя давали бы кровъ женщинамъ, нежелавшимъ жить милостыней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боявшимся полнаго отреченія отъ свѣта и суроваго режима тогдашнихъ женскихъ монастырей. Помимо этихъ причинъ, новыя общества привлекали своимъ особеннымъ, оригинальнымъ, полусвѣтскимъ, полумонастырскимъ строемъ жизни много тревожныхъ натуръ, которыя въ бегинизмѣ пытались найти нравственное успокоеніе, потерянное дома, въ привычной жизненной обстановкѣ. Первыя десятилѣтія существованія общества бегины просто поражаютъ своей неутомимой жаждой добрыхъ дѣлъ, своей религіозностью, которою онѣ превосходили монахинь, своею безграничной готовностью пожертвовать собою для Бога-ли, для людей-ли—все равно. Мы видимъ между бегинами начала XIII-го вѣка такой сильный подъемъ духа, такую интенсивность чувства вѣры и братской любви къ людямъ, что поневолѣ вспоминаются первые годы возникновенія одной изъ міровыхъ религій. Кажется, что напряженность коллективной нервной системы европейскаго общества нашла себѣ здѣсь нѣкоторый исходъ и что движеніе бегинъ представляетъ собою одинъ изъ клапановъ, черезъ которые прорывались и безвыходная тоска, и недоумѣніе, и страхъ передъ будущимъ, и совершенно невыносимое для примитивныхъ умовъ чувство раздвоенности, отличавшее людей въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ смыслѣ можно сопоставить, мнѣ кажется, движеніе бегинъ съ появленіемъ конвульсіонеровъ: это феномены

если не одного порядка, то въ значительной степени общаго происхожденія. Очень жаль, что авторъ разбираемой книги прошелъ мимо этой важной стороны дѣла и остановился, главнымъ образомъ, лишь на подробностяхъ факта возникновенія бегинизма.

Лучшее доказательство того, что быстрое распространеніе бегинъ было не случайнымъ явленіемъ, а послѣдствіемъ глубоко лежавшихъ, затаенныхъ нравственныхъ причинъ, мы можемъ найти при ознакомленіи съ обществомъ, возникшимъ, приблизительно, въ то же время и вскорѣ получившимъ названіе братства бегардовъ. Это общество во многомъ аналогично съ ассоціаціей бегинъ; оно не связывало своихъ членовъ ни какимъ уставомъ; пожалуй, оно и обществомъ не можетъ назваться, если понимать подъ этимъ словомъ собраніе лицъ, сплотившихся для какой-нибудь опредѣленной цѣли и добровольно подчинившихся извѣстному кодексу самостоятельно выработанныхъ правилъ. Члены братства набирались большею частью изъ ремесленныхъ классовъ; да и основаніе ему положили нидерландскіе ремесленники—ткачи, жестяники и пр. Послѣ трудового дня эти люди сходились въ какомъ-нибудь мѣстѣ, и тогда начинались безконечныя и жаркія пренія о душѣ, о назначеніи человѣка на землѣ, о судьбѣ его послѣ смерти, о природѣ Бога. Сколько внутренней тревоги сказывалось въ этихъ собесѣдованіяхъ, какъ мучило разговаривавшихъ то и ѣдкой мысли раздраженье, которое собирало ихъ въ кружокъ! Нѣтъ болѣе труднаго и скучнаго дѣла, какъ излагать религіозную и философскую систему бегардовъ, потому что менѣе всего заслуживаетъ названія системы конгломератъ этическихъ, метафизическихъ и богословскихъ взглядовъ, который въ разное время и разными лицами приписывался имъ. Тутъ и неоплатоники, и пантеисты—послѣдователи Плотина и, пожалуй, ученики Ѳомы Аквината встрѣтились бы съ такими мыслями и понятіями, которыя смутно напомнили бы каждому изъ нихъ собственныя убѣжденія, спутанныя и искаженныя. Но для насъ не интересны въ данномъ случаѣ черты мнѣній бегардовъ: достаточно сказать, что, стоя въ общемъ еще на почвѣ царившаго догмата, они все-таки далеко не могли похвалиться предъ римскимъ начальствомъ своимъ правовѣріемъ. Уже попытка самостоятельно мыслить объ извѣстныхъ предметахъ считалась преступленіемъ, уже охота къ теологическимъ спорамъ въ частномъ кругу должна была казаться опасной и пагубной. Не мудрено, что весьма часто впослѣдствіи въ процессахъ еретиковъ обвинители ставятъ въ связь ту или другую ересь съ ученіями бегардовъ; что вскорѣ, какъ увидимъ ниже, они подвергаются ожесточенному преслѣдованію. Но,

повторяю, главный интересъ заключается не въ религіозныхъ взглядахъ бегардовъ, а въ самомъ фактѣ появленія ихъ братства,—и въ этомъ отношеніи бегарды и бегины могутъ быть поставлены рядомъ, какъ показатели нравственнаго и идейнаго движенія своего времени. Стремленіе къ праведной жизни и поиски за отвлеченной истиной—вотъ двѣ центральныя черты, которыя отличаютъ первыхъ бегинъ и бегардовъ; безграничное поле мистики—вотъ почва, на которой выросли всѣ ихъ дальнѣйшія теоретическія построенія; неудовлетворенность ортодоксальными ученіями и гнетущая тоска, проистекающая отсюда,—вотъ ихъ raison d'être.

III.

Число бегинъ и бегардовъ увеличивалось съ каждымъ десятилѣтіемъ, ихъ популярность и значеніе болѣе полувѣка стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, но уже со второй половины XIII столѣтія начинается сначала медленное, а потомъ быстрое паденіе ихъ обществъ. Тутъ мы наталкиваемся на явленіе громаднаго историческаго интереса: я говорю объ учрежденіи францисканскаго и доминиканскаго орденовъ.

Идея, положенная въ основаніе устава этихъ орденовъ, та же, что руководила жизнью бегинскихъ общежитій: «живите въ мірѣ, помогайте больнымъ, слабымъ и голоднымъ, наставляйте на путь истины заблудшихъ, ходите изъ конца земли въ конецъ и поддерживайте пошатнувшуюся вѣру и нравственность». Словомъ, учрежденіе нищенствующихъ орденовъ было формальнымъ освященіемъ и признаніемъ со стороны оффиціальнаго Рима той мысли, которая уже давно носилась въ воздухѣ и нашла себѣ впервые осуществленіе въ льежскомъ убѣжищѣ бегинъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Робинзонъ, францисканцы и доминиканцы обоего пола были тѣми же бегинами и бегардами, только находящимися подъ покровительствомъ церкви. Громадное историческое значеніе имѣютъ эти два ордена потому, что возникновеніе ихъ явилось результатомъ того же порыва альтруистическихъ, выстраданныхъ чувствъ, которому было обязано своимъ процвѣтаніемъ общество бегинъ, той же тоски по недостижимому идеалу, которая такъ характеризуетъ бегардовъ. Настоятельная нравственная потребность нашла себѣ удовлетвореніе въ средѣ самаго общества, иниціатива частныхъ лицъ пошла навстрѣчу вѣяніямъ эпохи раньше, нежели католическая церковь приняла подъ свои крылья всю безчисленную массу людей,—стариковъ и юношей, дѣвушекъ и вдовъ,—которые были больны

болѣзнью вѣка,—раньше, нежели она дала имъ титулъ своихъ служителей. Это было уступкой со стороны Рима, отклоненіемъ отъ средневѣкового аскетическаго начала, безраздѣльно царившаго до тѣхъ поръ. Симеонъ столпникъ—представитель среднихъ вѣковъ par excellence; Францискъ—человѣкъ переходнаго времени.

Истязайте свою плоть, спасайтесь отъ дьявольскихъ искушеній въ пещерахъ и подземельяхъ, все остальное суетно и ничтожно,—завѣщали умирающіе средніе вѣка. Идите въ міръ и помогайте, какъ и кому можете, говорила теперь сама церковь, освящая своимъ авторитетомъ дѣятельность францискацевъ и доминиканцевъ. Какъ же сказалось учрежденіе нищенствующихъ орденовъ на судьбѣ бегинъ и бегардовъ? Робинзонъ совершенно правильно говоритъ, что оно отняло у свѣтскихъ братствъ большую долю ихъ прежняго авторитета; но почему это такъ случилось, читатель изъ разбираемой книги не узнаетъ. Самый фактъ указанъ вѣрно, однако, слѣдовало бы остановиться подольше на причинѣ, сдѣлавшей паденіе бегинизма только вопросомъ времени послѣ утвержденія устава новыхъ орденовъ. А причина эта была очень проста и страшна въ своей простотѣ для бегинъ и бегардовъ: ихъ стали замѣнять оффиціальные ордена, они сдѣлались ненужны, существованіе ихъ потеряло тотъ глубокій внутренній смыслъ, который давалъ имъ жизнь и силу. Я указалъ, какіе нравственные стимулы лежали въ основѣ дѣятельности бегинъ, какія побужденія собирали по вечерамъ бѣдныхъ тружениковъ бегардовъ и заставляли ихъ размышлять и спорить до потери сознанія о такихъ вещахъ, которыя, повидимому, совершенно выходили изъ круга ихъ компетенціи, да и вообще, кажется, изъ области вопросовъ, подлежащихъ человѣческому разрѣшенію. Въ той или другой степени, подъ дѣйствіемъ этихъ стимуловъ, находился всякій, хоть немного чуткій человѣкъ того времени; понятно, какъ могъ онъ относиться къ людямъ, которыхъ угнетало знакомое ему неспокойное состояніе духа и которые цѣною отреченія отъ прежнихъ условій жизни, цѣною самоотверженія пытались найти какой-нибудь исходъ. Сочувствіе, уваженіе, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже благоговѣйное удивленіе опредѣляли отношеніе общества къ бегинамъ и бегардамъ. Но вотъ являются новые нищенствующіе ордена; они дѣйствуютъ такъ же, какъ ихъ свѣтскіе предшественники, но они вдобавокъ еще и монахи; церковь имъ покровительствуетъ; если жизнь ихъ такъ же свята, какъ жизнь бегинъ и бегардовъ, то ихъ особа еще священнѣе... Церковь пошла по пути, уже проторенному общественнымъ движеніемъ, и на ея

новыхъ служителей сразу были перенесены тѣ чувства, которыя общество раньше питало къ людямъ, представлявшимъ собою плоть отъ плоти, кость отъ костей его. Не смотря на глубокую тревогу и неудовлетворенность, тоскующая душа человѣка переходнаго времени никогда не отворачивалась отъ религіи съ ея утвержденными формами и понятіями,—и теперь, когда церковь пошла на встрѣчу его робко высказывавшимся желаніямъ, онъ съ удвоеннымъ чувствомъ любви и благодарности принялъ ея дѣйствія, забывая, что личными его усиліями создано все, о чемъ только теперь позаботилось римское духовенство. Отворачиваясь отъ бегинъ и бегардовъ для того, чтобы всю дань любви и уваженія отдать ихъ младшимъ по возрасту братьямъ нищенствующимъ монахамъ, человѣкъ тринадцатаго столѣтія дѣйствовалъ подъ вліяніемъ слишкомъ хорошо извѣстнаго нравственнаго закона, заставляющаго насъ придавать гораздо большую цѣну хорошему поступку, если онъ сдѣланъ извѣстнымъ или болѣе близкимъ для насъ существомъ, чѣмъ если его совершителями являются люди, къ которымъ мы сравнительно равнодушны.

И такъ, появленіе орденовъ Франциска и Доминика подкосило въ самомъ корнѣ возможность дальнѣйшаго процвѣтанія бегинъ. Но вѣдь ордена были утверждены въ 1216 году, а свѣтскія общежитія продержались еще въ теченіе всего XIII вѣка, да и въ XIV-мъ кое-что, хотя очень глухо, слышно о нихъ. Чѣмъ же это объяснить? Робинзонъ приписываетъ продолжительность агоніи бегинскихъ обществъ тому обстоятельству, что въ ихъ средѣ появилась пророчица Мехтильда Магдебургская. Сдѣлавъ такое предположеніе (вѣрнѣе, категорическое утвержденіе), авторъ сейчасъ же переходитъ къ разсказу о Мехтильдѣ. Если это утвержденіе не помѣщено просто въ видѣ прелюдіи къ слѣдующей главѣ, то положительно трудно понять, зачѣмъ оно высказано. Приписывать Мехтильдѣ роль возстановительницы репутаціи бегинъ нельзя, потому что ихъ репутація еще и не падала въ то время; утверждать, какъ это дѣлаетъ Робинзонъ, что Мехтильда продолжила жизнь бегинской ассоціаціи на лишнихъ тридцать лѣтъ,—еще менѣе позволительно, во-первыхъ, потому, что историческая жизнь бытовыхъ институтовъ регулируется существованіемъ и исчезновеніемъ въ обществѣ потребности въ нихъ и вовсе не зависитъ отъ появленія того или другого dei ex machina, а во-вторыхъ, потому, что всѣ такія точныя на видъ вычисленія производятъ въ области исторической науки непріятное впечатлѣніе чего-то неловкаго, попавшаго совсѣмъ не туда, куда слѣдовало; по большей части они не поддаются ни малѣйшей мотивировкѣ

и носятъ характеръ полнѣйшей произвольности. И такъ какъ Робинзонъ, дѣйствительно, ничѣмъ не мотивируетъ своего положенія, а просто его высказываетъ въ пяти строкахъ, то ничто не мѣшаетъ намъ счесть его за неудачное вступленіе къ главѣ, посвященной Мехтильдѣ, и самимъ обратиться къ характеристикѣ этой замѣчательной личности. Долгое же умираніе бегинизма, кажется, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что онъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ народной жизни и не могъ исчезнуть такъ быстро, какъ исчезаютъ всѣ искусственныя надстройки надъ соціальнымъ зданіемъ.

IV.

Мехтильда (или Матильда) Магдебургская родилась въ 1212 году, въ замкѣ своихъ родителей, по всей вѣроятности, недалеко отъ Магдебурга. Въ семьѣ она была любимымъ ребенкомъ и мирно и счастливо прожила въ родительскомъ домѣ дѣтство и раннюю молодость. Она была знакома съ музыкой и съ стихотвореніями миннезингеровъ. Въ дѣтствѣ ея воображеніе питалось всевозможными сагами и преданіями о святыхъ, чудесахъ, ангелахъ и пр.— вотъ и все, что мы знаемъ объ этомъ первомъ періодѣ жизни Мехтильды и объ ея умственныхъ интересахъ въ дѣтствѣ. На двѣнадцатомъ году жизни съ нею приключился одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые изломали не мало жизней и исковеркали не одну чуткую и даровитую натуру: ей представилось, что ее посѣтилъ Св. Духъ. Трудно докапываться до истинной причины, породившей галлюцинацію: вѣдь мы ничего не знаемъ о физической организаціи Мехтильды, объ ея здоровьѣ въ первые годы жизни. Что же касается до самаго характера галлюцинаціи, то онъ всецѣло опредѣляется какъ временемъ, въ которое жила магдебургская визіонерка, такъ и религіозной восторженностью, составлявшей ея личное достояніе съ малыхъ лѣтъ. Какъ я уже сказалъ, время это отмѣчено сильнымъ подъемомъ религіозныхъ чувствъ, тревожною чуткостью и тяготѣніемъ ко всему, касающемуся неба, и дѣйствительнымъ, непритворнымъ пренебреженіемъ къ мірскимъ дѣламъ. Предразсвѣтныя эпохи часто поражаютъ человѣческія массы страшной расшатанностью нервной системы; крѣпче прижимаются люди къ тому, съ чѣмъ скоро разстанутся, безсознательно обманываютъ себя для того только, чтобы не надо было бороться съ вѣковой инерціей мысли, чтобы вновь обрѣсти какъ-нибудь утраченное спокойствіе въ циклѣ идей, который такъ долго удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ нравственной природы и который все еще властно отстаиваетъ свои

права на безраздѣльное господство. Тринадцатый вѣкъ былъ положительно одною изъ такихъ эпохъ, и жизнь Мехтильды Магдебургской освѣщаетъ его съ этой стороны такъ же удовлетворительно, какъ дѣятельность св. Франциска. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ видѣнія; Мехтильда выросла и стала красивой, привлекательной и цвѣтущей дѣвушкой,—и вотъ на 23 году жизни въ ея душѣ созрѣваетъ желаніе, которое не покидало ее со времени галлюцинаціи,—оставить все и уйти куда глаза глядятъ. Если она въ теченіе одиннадцати лѣтъ боролась со своимъ влеченіемъ, то, главнымъ образомъ, изъ любви къ родителямъ, которыхъ она боялась убить уходомъ изъ дома. Но теперь, наконецъ, она рѣшилась и въ 1235 году тайно бѣжала въ Магдебургъ. Любопытна здѣсь одна черта, которую можно прослѣдить въ біографіи не только Мехтильды, но и другихъ, наиболѣе яркихъ представителей этого вѣка. Мехтильда уходитъ изъ родительскаго дома *безъ всякой опредѣленной цѣли*. Ее влечетъ желаніе испытать всѣ муки, какія только можетъ представить человѣку щедрая на нихъ жизнь; но, кромѣ этого смутнаго, истерическаго желанія, ея будущій путь не освѣщенъ никакой руководящей мыслью. Она вовсе не стремится поступить въ монастырь и спасать тамъ свою душу,—нѣтъ. Если есть на свѣтѣ мѣсто, гдѣ живется еще труднѣе, гдѣ каждая минута приноситъ еще болѣе тяжелыя впечатлѣнія,—она пойдетъ туда. А пока она ушла только затѣмъ, чтобы разстаться съ любящими и любимыми родными и спокойной обстановкой жизни. Это неудержимое стремленіе къ самоистязанію, безцѣльному и безрезультатному, эта анонимная жажда страданій въ высшей степени характеристичны и для Мехтильды, и для ея времени. Не можетъ въ человѣческой душѣ родиться позывъ болѣе неестественный, чѣмъ желаніе мукъ an und für sich, и нельзя найти въ исторіи эпохи, когда бы этотъ позывъ прорывался наружу чаще, чѣмъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. И такъ, Мехтильда бѣжала въ Магдебургъ. Въ первый же вечеръ она очутилась тамъ въ очень печальномъ положеніи: денегъ съ собой она не взяла, а между тѣмъ надо было позаботиться о ночлегѣ. Она переходила отъ одного монастыря къ другому и всюду просила позволить ей переночевать. Магдебургъ въ тѣ времена вмѣщалъ въ себѣ безчисленное множество монастырей, но ни одинъ изъ нихъ не далъ Мехтильдѣ пристанища. Дѣвушка была совершенно одинока въ пустынныхъ улицахъ незнакомаго города. Она сознавала, что положеніе ея—трагическое; но, вѣдь, она затѣмъ и ушла сюда, чтобы ничего не знать, кромѣ страданій и ударовъ судьбы. Она увидѣла, что Провидѣніе съ первыхъ же шаговъ не противится этому намѣре-

нію, и тогда ею овладѣла безумная радость, радость фанатика, который видитъ, что самъ Богъ благопріятствуетъ исполненію ея желаній. Она направилась къ убѣжищу бегинъ, уже нѣсколько лѣтъ существовавшему въ Магдебургѣ, и постучалась тамъ въ дверь одного изъ домиковъ. Бегина, жившая въ этомъ домикѣ, впустила ее—и Мехтильда осталась въ убѣжищѣ. Тутъ начинается трудовая и полная тяжелыхъ испытаній жизнь Мехтильды, какъ члена бегинскаго общества. Къ этому же времени относятся ея первыя литературныя произведенія, вскорѣ сдѣлавшія имя новой бегины извѣстнымъ въ Магдебургѣ и во всей Германіи. Мехтильда писала стихотворенія, посвященныя, по большей части, видѣніямъ, которыя продолжали являться ей. Такъ, извѣстна ея поэма «Видѣніе ада», гдѣ Мехтильда, предвосхищая идею Данте, описываетъ мученія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Но, кромѣ необыкновенной для того времени музыкальности стиха, ничѣмъ особеннымъ эти произведенія не блещутъ... Интересно лишь одно изъ нихъ, которое ясно показываетъ, какъ трудно человѣку исковеркать себя, даже при полномъ желаніи сдѣлать это, и въ какія уродливыя формы облекаются самыя естественныя чувства, если нормальный исходъ для нихъ закрытъ (см. стихотвореніе Ich stürbe gerne von Minnen etc. Robinson, The End, 21. Preger—Geschichte der deutschen Mystic im Mittelalter). Вотъ что еще нужно отмѣтить, какъ черту, которая исключительно свойственна Мехтильдѣ и которой она не раздѣляетъ ни съ кѣмъ изъ своихъ современниковъ: крайняя религіозная экзальтація, сообщающая мистическій колоритъ всей жизни Мехтильды, не мѣшаетъ ей обращать самое пристальное вниманіе на вопіющія безобразія, которыя творило тогда высшее и низшее духовенство. Дѣятельная натура Мехтильды прорывалась здѣсь сквозь всѣ наслоенія, которыя наложило на ея душу это трудное время. Въ этомъ отношеніи можно провести довольно близкую параллель между магдебургской пророчицей и Савонаролой, который также весь свой вѣкъ слышалъ райскія мелодіи и въ то же время не спускалъ глазъ съ плутней и продѣлокъ распутныхъ прелатовъ, монаховъ и папъ своей эпохи. Много и горячо пишетъ Мехтильда о томъ, что духовенство роняетъ себя всевозможными пороками, упорно настаиваетъ на необходимости нравственнаго исправленія, безпрестанно пророчитъ, что скоро Богъ обрушитъ весь свой гнѣвъ на недостойныхъ слугъ своихъ. Когда нѣкоторые обиженные священники рѣшили сжечь непочтительное произведеніе бегины,—послѣдняя начала распространять слухъ, будто бы она слышала голосъ Бога, сказавшаго ей: «Не смущайся, истину никто не можетъ сжечь» («Lieb' meine, betrübe dich nicht zu sehr, die Wahr-

heit mag niemand verbrennen»). Устраняя мистическій элементъ, мы должны замѣтить, что Мехтильда — чуть-ли не первый человѣкъ въ Европѣ, сказавшій эту фразу, которая теперь уже стала трюизмомъ, но заключаетъ, тѣмъ не менѣе, въ себѣ мысль, составляющую одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ работы человѣческаго самосознанія. Робинзонъ прекрасно опредѣляетъ главную цѣль, руководившую Мехтильдою въ ея обличительной дѣятельности: она всѣмъ сердцемъ желала вернуть церковь къ нравамъ и идеаламъ первыхъ вѣковъ христіанства. Съ замѣчательною смѣлостью и непонятной безнаказанностью Мехтильда писала высшимъ іерархамъ и даже самому папѣ Клименту письма, въ которыхъ высказывала свое негодованіе по поводу жизни духовенства, не щадя при этомъ никого изъ виноватыхъ и не жалѣя яркихъ красокъ и безцеремонныхъ эпитетовъ. Авторъ разсматриваемой книги проходитъ мимо этого факта, не пытаясь даже выяснить истинную причину безпримѣрной кротости римскаго начальства по отношенію къ магдебургской грубіянкѣ. Мнѣ кажется, что отчасти эта загадка объясняется громадной популярностью бегины въ Германіи и нежеланіемъ папы вооружать нѣмецкое населеніе, и безъ того враждебно настроенное противъ святого отца послѣ предательской казни Конрадина. Но все же этотъ вопросъ требуетъ внимательнаго изслѣдованія. При Мехтильдѣ имя бегины сдѣлалось такимъ почетнымъ и любимымъ, какимъ оно не было ни до, ни послѣ нея. Магдебургская сестра положила всѣ свои огромныя нравственныя силы на цѣлый рядъ филантропическихъ подвиговъ, на безконечные посты и молитвы, вызывавшіе галлюцинаціи слуха и зрѣнія, и на довольно обширную литературную дѣятельность, посвященную стихотворнымъ разсказамъ объ этихъ галлюцинаціяхъ. Наконецъ, и она устала; тридцать лѣтъ безпрерывнаго, изнурительнаго труда и нервныхъ потрясеній утомили ее, и вотъ, на 53 году жизни она поступаетъ въ гельфтскій монастырь. Глубокій психологическій интересъ представляютъ колебанія Мехтильды предъ поступленіемъ въ монастырь. Странное сочетаніе въ ея характерѣ мистическихъ чертъ съ элементомъ дѣятельной любви проявляется какъ нельзя болѣе ярко въ этой нерѣшительности, въ этомъ нежеланіи оставить людей и уйти на покой. «Что же мнѣ дѣлать тамъ?»—въ тоскѣ спрашивала она, распростершись предъ распятіемъ, въ тяжелыя минуты борьбы, которыя должны были рѣшить судьбу ея остальной жизни. Но изможденное и безвременно одряхлѣвшее тѣло Мехтильды рѣшило вопросъ еще до конца этихъ душевныхъ волненій: старая бегина уже не могла странствовать безъ устали по

городамъ и деревнямъ, не могла голодать по цѣлымъ днямъ и не спать ночей. Физическія силы ея были израсходованы, и спокойствіе стало для нея безусловно необходимымъ. Монастырь являлся единственнымъ убѣжищемъ для больной и дряхлой женщины.

Въ 1265 году Мехтильда была уже въ стѣнахъ гельфтскаго монастыря. Я не буду распространяться объ этомъ монастырѣ, представляющемъ собою очень любопытное явленіе средневѣковой жизни Германіи; замѣчу лишь, что очеркъ, посвященный ему въ книгѣ Робинзона, далеко не отличается исчерпывающей полнотой. Но къ вопросу о бегинахъ и бегардахъ гельфтскій монастырь прикосновененъ развѣ только потому, что тамъ окончила жизнь самая выдающаяся бегина тринадцатаго вѣка—Мехтильда. Слѣдовательно, здѣсь умѣстно будетъ лишь сказать, что этотъ монастырь славился своими святынями (Гертрудой и др.), что народъ относился къ нему съ благоговѣніемъ, что держались слухи о чудесахъ, творящихся за его оградой, о сношеніяхъ, непрекращающихся между самимъ небомъ и святыми отшельницами. Въ монастырѣ Мехтильда продолжала, въ сущности, дѣлать въ малыхъ размѣрахъ то дѣло, которому была отдана вся ея жизнь. Она ежедневно посѣщала монастырскій госпиталь, смотрѣла за чистотой и всячески старалась облегчать больнымъ ихъ страданія и скуку вынужденной праздности. Ее очень любили въ монастырѣ всѣ сестры, такъ же, какъ раньше за нее готовы были душу отдать ея подруги-бегины. Въ 1277 году она умерла черезъ 12 лѣтъ послѣ поступленія въ монастырь. Подробности жизни Мехтильды въ монастырѣ навсегда утеряны для насъ; можно только съ авторомъ разбираемой книги утверждать, что ее занимали тамъ вопросы текущей дѣйствительности больше, нежели это было въ обычаяхъ монастыря Гельфты. Если Мехтильду посѣщали галлюцинаціи, то про обитательницъ этого монастыря я прямо скажу, что онѣ только и жили въ мірѣ призраковъ, созданномъ и населенномъ ихъ больною фантазіей. Въ уединенныхъ кельяхъ Гельфты продѣлывались вещи, до того противуестественныя, до того болѣзненно дѣйствующія даже теперь на человѣка, знакомящагося съ ними, что я считаю лишнимъ затрагивать эту сторону дѣла. Монахини проводили свою жизнь въ трудно вообразимомъ состояніи почти безпрерывнаго экстаза, поддерживавшагося искусственнымъ путемъ. Не проходило ночи безъ того, чтобы большую часть монастырскаго населенія не посѣтили галлюцинаціи, которыя затѣмъ разсказывались днемъ и возбуждали фантазію слушательницъ къ вечеру. Ни въ одномъ монастырѣ не было такой смертности, какъ здѣсь. Гельфтскія

монахини, большею частью молодыя, умирали отъ страшныхъ нервныхъ болѣзней, истерическихъ конвульсій, паралича и т. п. «Терзайте себя всѣми способами», говорила святая Гертруда своимъ несчастнымъ послѣдовательницамъ: «вѣдь, когда вы умрете, у васъ не будетъ уже тѣла, чтобы страдать во славу Господа». Въ этомъ убѣжищѣ религіозной экзальтаціи, переходящей въ повальное помѣшательство, Мехтильда можетъ быть названа еще сравнительно нормальной женщиной: здѣсь она являлась носительницей идеи бегинъ, бегардовъ и нищенствующихъ монаховъ, идеи братской, активной любви; эта идея обходила тогда Европу и одушевляла тысячи и тысячи сердецъ; но въ гельфтскій монастырь, въ главную цитадель заоблачнаго мистицизма, она проникла только съ Мехтильдой и съ нею же тамъ умерла. Со смертью Мехтильды долгая агонія обществъ бегинъ и бегардовъ, начавшаяся еще при ея жизни, вступаетъ въ свой новый и острый фазисъ.

Въ 1274 году папа Григорій X подтвердилъ рѣшеніе латеранскаго собора, которымъ общество бегинъ объявлялось непризнаннымъ церковью, и съ тѣхъ поръ мы часто встрѣчаемся съ извѣстіями о частичныхъ или массовыхъ сожженіяхъ бегардовъ и бегинъ, о процессахъ, возбуждаемыхъ противъ нихъ по обвиненію въ ереси и т. д. Какъ я уже сказалъ, мозаичность и эклектизмъ ихъ ученій давали преслѣдователямъ полную возможность настаивать на существованіи связи между этими непризнанными обществами и положительно всѣми еретическими движеніями, какія только безпокоили римскую іерархію въ концѣ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, тѣ черты мистическаго пантеизма, которыя рѣзче выступали въ хаотическомъ credo свѣтскихъ обществъ, сами по себѣ, служили поводомъ къ начатію ожесточенныхъ преслѣдованій со стороны папской куріи. Въ XIV вѣкѣ бегардовъ смѣшиваютъ весьма часто съ либертинами, братьями свободнаго духа, фратричелліями и пр. Этотъ послѣдній періодъ жизни интересующихъ насъ обществъ отмѣченъ уже признаками внутренняго разложенія въ ихъ средѣ. Молодыя бегины города Майнца какъ-то en masse сошли съ пути добродѣтели, что и вызвало со стороны мѣстнаго архіепископа указъ, запрещающій поступленіе въ общежитіе бегинъ женщинамъ моложе сорока лѣтъ. И такіе случаи стали повторяться чаще и чаще. Понятно, какъ сильно должны были они дискредитировать все общество въ глазахъ населенія, тѣмъ болѣе, что духовенство прилагало всѣ старанія, чтобы всякій скандальный слухъ о преслѣдуемыхъ бегинахъ и бегардахъ получилъ самое широкое распространеніе. Помимо исчезновенія прежняго нравственнаго ригоризма, послѣд-

няя эпоха существованія свѣтскихъ обществъ характеризуется еще необычайнымъ усиліемъ бродяжничества и нищенства между ихъ членами. Бегины и бегарды странствуютъ изъ города въ городъ, просятъ милостыню, причемъ нерѣдко останавливаются на улицѣ или дорогѣ и начинаютъ неистово вопить и выкликать, совершенно основательно полагая, что этимъ способомъ они соберутъ гораздо больше денегъ, нежели только протягиваніемъ руки и бормотаніемъ молитвъ.

Въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка мнѣніе о нихъ уже составлено: для духовенства—они еретики, подлежащіе искорененію, для свѣтскихъ лицъ—юродивые, или притворяющіеся таковыми. Тутъ необходимо оговориться: быть юродивымъ въ средніе вѣка значило имѣть возможность получать въ изобиліи пищу и питье, возбуждать благоговѣніе окружающихъ, обирать богомольныхъ стариковъ и старухъ, словомъ, устроить себѣ не житье, а вѣчную масляницу. Но всѣ эти земныя блага сыпались исключительно на юродивыхъ правовѣрныхъ, а вовсе не на такихъ, которые имѣли несчастіе навлечь на себя несмываемое подозрѣніе въ ереси. А между тѣмъ, бегарды и бегины именно попали въ сомнительное и незавидное положеніе юродивыхъ - еретиковъ. Вотъ что помѣшало имъ затеряться въ безчисленной массѣ юродствующихъ странниковъ, которыми въ то время кишѣли всѣ большія дороги и города Германіи и Фландріи; вотъ что безпрестанно обрушивало на нихъ всѣ кары, какія только находились въ распоряженіи папъ. Въ 1310 году на церковномъ соборѣ о бегардахъ говорилось, какъ о лѣнтяяхъ, бѣгущихъ отъ честнаго труда, какъ о лжетолкователяхъ евангелія, непризнанныхъ церковью; въ слѣдующемъ году папа Климентъ V объявилъ общество бегинъ закрытымъ.

Хотя этотъ приговоръ умѣрялся и смягчался впослѣдствіи, но послѣ 1311 года мы вправѣ говорить о бегинахъ лишь какъ о разсѣянныхъ единицахъ, но не какъ объ ассоціаціи. Множество бегинъ поступило еще до папскаго приговора, а въ особенности послѣ него, въ монахини францисканскаго и доминиканскаго орденовъ. Такъ, всѣ фламандскія общежитія примкнули къ францисканскому ордену, а бегины и бегарды Страсбурга приняли обѣтъ доминиканцевъ. Хроники XIV вѣка переполнены извѣстіями о казняхъ бегардовъ и бегинъ. Имъ оставалось или стараться всячески скрыть свою принадлежность къ обществу, или поступать въ монастырь. Но скрыть свое званіе было немыслимо потому, что всякій нищенствующій странникъ, если онъ не оказывался францисканцемъ, доминиканцемъ или кармелитомъ, тѣмъ самымъ уличался въ принадлежности къ преступ-

ному братству; не мудрено поэтому, что начало XIV вѣка ознаменовано массовыми присоединеніями членовъ обществъ къ орденамъ францисканцевъ и доминиканцевъ, имѣвшимъ такъ много общаго по своей дѣятельности и происхожденію съ общежитіями бегинъ и кружками бегардовъ. И замѣчательное дѣло! Слитіе бегинъ и бегардовъ съ нищенствующими орденами не проходитъ безслѣдно; ортодоксальная догма принимаетъ пантеистическую окраску, и формула «Deus est omnia»—Богъ есть все, входитъ въ католическіе монастыри и внѣдряется тамъ. Представителемъ новыхъ теченій въ церковной жизни, носителемъ туманныхъ пантеистическихъ взглядовъ XIV вѣка является доминиканецъ Экгардтъ. Рамки настоящаго очерка не позволяютъ остановиться подольше на этой замѣчательной личности, которая воплощаетъ въ себѣ по моему все умственное движеніе въ церкви первой половины XIV стотѣтія. Экгардтъ былъ человѣкъ съ смѣлымъ умомъ, съ широкимъ размахомъ мысли и фантазіи, человѣкъ, руководившійся въ своей дѣятельности тѣмъ тревожнымъ исканіемъ истины, которое не давало покою всѣмъ мыслящимъ и глубоко-чувствующимъ людямъ эпохи. Родись Экгардтъ въ другое время, онъ могъ бы стать очень замѣтнымъ двигателемъ общественнаго самосознанія, но тотъ вѣкъ осуждалъ человѣка съ его головою и сердцемъ на безплоднѣйшія умозрѣнія и на увлеченіе одною изъ эксцентрическихъ сектъ. Экгардтъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ общеніи съ бегинскими ассоціаціями Страсбурга, примкнувшими къ доминиканскому ордену. Среди страсбургскихъ сестеръ была одна, которая, кажется, имѣла на Экгардта рѣшительное вліяніе, какъ своими убѣжденіями, такъ, въ особенности, проведеніемъ ихъ въ жизни. Это была сестра Катерина. Въ Мехтильдѣ мы видѣли самое полное олицетвореніе идеи бегинизма: дѣятельная любовь и безпредѣльное мистическое паренiе такъ неразрывно были слиты въ ней, что, дѣйствительно, Мехтильду нужно признать лучшей и наиболѣе яркой представительницей всего движенія. Ее выгнала изъ дому та истерическая потребность страданія, которая въ ея время поселялась во многихъ нервныхъ и впечатлительныхъ натурахъ. Но въ бегинизмѣ магдебургская сестра нашла душевное успокоеніе не потому, чтобы онъ удовлетворилъ этой потребности: очень скоро жажда безцѣльныхъ мукъ стала терять свою интенсивность и, наконецъ, исчезла окончательно, уступивъ мѣсто желанію забыться въ неутомимой филантропической дѣятельности. Мехтильда нашла свою дорогу и отдохнула отъ безплодной погони за призраками, которая терзала ея душу въ ранней молодости. Жизнь Мехтильды отнюдь не была нормальной; но будь она нор-

мальна, Мехтильда не была бы типичной представительницей больного вѣка. Ея громадныя силы ушли на сравнительно маленькое дѣло, но точку приложенія этихъ силъ не легко было и найти въ ту эпоху. Мехтильда—женщина съ бурной волей, съ лихорадочно работающей головой; она переживаетъ всѣ душевныя грозы, достающіяся въ удѣлъ передовымъ людямъ труднаго историческаго момента, и выходитъ изъ нихъ побѣдительницей: ея путь спасенія обрѣтенъ, и она не свернетъ съ него до могилы. Что же касается до сестры Екатерины, то она живетъ и дѣйствуетъ въ періодъ паденія бегинизма; она только случайно сдѣлалась бегиной и стоитъ въ исторіи этого общества совершенно особнякомъ; органически она ничѣмъ не связана съ идеей, легшей въ основаніе движенія. Екатерина такъ рѣзко отличается отъ Мехтильды, что можетъ быть названа прямою противоположностью ей. Екатерина—фанатикъ-аскетъ pur sang, не знающій и не желающій знать никакихъ компромиссовъ въ дѣлѣ умерщвленія плоти. Въ этой безумной войнѣ человѣка со своимъ тѣломъ вы не найдете ни одного перемирія, ничего, кромѣ тупого, безоглядочнаго мучительства. Екатерина не признавала для людей другого достойнаго занятія, кромѣ борьбы съ грѣховными побужденіями, и не находила для этой борьбы лучшаго орудія, чѣмъ физическія страданія.

Но муки добровольнаго голода, удары плети, долгія прогулки въ легкой одеждѣ въ морозныя ночи по улицамъ—уже не удовлетворяли ея. Она отправилась скитаться по бѣлу свѣту въ одномъ платьѣ, безъ гроша денегъ. Что она дѣлала надъ собой въ продолженіе этихъ скитаній—не знаетъ ни одна человѣческая душа; но когда Екатерина вернулась въ Страсбургъ, то ея уже никто не узналъ, и она перестала узнавать даже своихъ несчастныхъ родителей. По цѣлымъ днямъ она лежала на каменномъ полу собора, и только конвульсіи бороздили ея тѣло, только глухое бормотаніе пугало подходившихъ къ ней. Теперь Екатерина достигла всего, что, какъ далекій маякъ, свѣтило ей, когда она только начинала спасать свою душу: она была свободна, ничто не приковывало ее къ постылому міру—въ своемъ воображеніи она слилась съ божествомъ. Какъ-то разъ страшные припадки каталепсіи усилились; вскорѣ она перестала дышать. Всѣ подумали, что женщина умерла и собрались хоронить ее, какъ вдругъ Эккардтъ замѣтилъ, что она еще жива. Онъ подошелъ къ ней. «Теперь ты удовлетворена?» спросилъ ее домиконецъ. «Теперь я удовлетворена», отвѣтила Екатерина. Оказалось, что Эккартъ помѣшалъ ей: она хотѣла быть похороненной заживо. Такова была сестра Екатерина. Ясно, что она всецѣло принадлежитъ среднимъ вѣ-

камъ, и что переходное время развѣ только сказалось на ней въ пантеистическомъ характерѣ ея мистическихъ грезъ. Формула: Богъ есть все—заключаетъ въ себѣ религіозныя убѣжденія Екатерины такъ же, какъ и другихъ пантеистовъ XIV вѣка. Пантеистическая доктрина, столь характеристичная для этой послѣдней эпохи бегинизма, распространилась между образованными клириками черезъ посредство нищенствующихъ орденовъ, Экгардта и другихъ проповѣдниковъ. Бегины и бегарды передали скудное теоретическое наслѣдство своей неумолимой преслѣдовательницѣ—католической церкви, и затѣмъ исчезли, не оставивъ никакого замѣтнаго слѣда. Екатерина—послѣдняя выдающаяся, хотя вовсе не типичная бегина. Дальнѣйшая судьба ихъ уже не представляетъ никакого интереса; въ концѣ первой половины XIV вѣка они извѣстны только, какъ надоѣдливые нищіе, которыхъ ловятъ и сжигаютъ за ихъ безбожную ересь. Но чѣмъ дальше къ концу этого столѣтія, тѣмъ глуше и неопредѣленнѣе дѣлаются извѣстія о бегинахъ и бегардахъ, да и то хроники брзпрестанно называютъ ихъ именемъ то братьевъ свободнаго духа, то впослѣдствіи лол-лордовъ, то другихъ еретиковъ. Въ XV вѣкѣ рѣдко-рѣдко проскользнетъ это забытое названіе и напомнитъ объ отошедшей въ вѣчность пантеистической ереси и ея послѣдователяхъ. Но не въ пантеизмѣ бегинъ и бегардовъ дѣло; повторяю, не онъ интересенъ для историка; важенъ самый фактъ существованія свѣтскихъ обществъ, какъ порожденія своей эпохи. Книга Робинзона тѣмъ и хороша, что лишній разъ говоритъ объ этихъ странныхъ ассоціаціяхъ, забытыхъ, кажется, самою наукою, обязанной все помнить. Кромѣ трудовъ Мосгейма, Шмидта и Прегера, положительно нельзя назвать ни одной работы, которая была бы посвящена бегинамъ и бегардамъ. Даже такая во всѣхъ отношеніяхъ цѣнная монографія, какъ L'eresia nel medio evo, Феличе Токко [1]),—не обмолвилась ни однимъ словомъ объ этомъ замѣчательномъ явленіи средневѣковой жизни. Этюдъ Робинзона чуть-ли не первое изслѣдованіе о бегинизмѣ въ англійской исторической литературѣ. Можно было бы сказать, что онъ написанъ вполнѣ удачно, еслибы не разбросанность въ изложеніи и слишкомъ слабое и неполное освѣщеніе среды, гдѣ дѣйствовали бегины и бегарды, и эпохи, когда они жили. Описывать движеніе бегинъ и бегардовъ, не разсмотрѣвъ подробно окружающихъ историческихъ условій,—трудно и безполезно: оно останется непонятнымъ для современнаго читателя, которому, можетъ быть, нечуждо чувство раздвоенности и неудовлетворенности, волно-

[1]) L'eresia nel medio evo, studi di Felice Tocco. Firenze, 1884.

вавшее первыхъ бегинъ и бегардовъ, но который слишкомъ далекъ и отъ ихъ наивныхъ взглядовъ, и отъ ихъ эксцентрическихъ поступковъ. Но кто внимательно будетъ изучать эпоху конца среднихъ вѣковъ, тотъ навѣрное съ любопытствомъ остановится предъ этимъ оригинальнымъ явленіемъ, тотъ разглядитъ скрытыя пружины, выдвинувшія на поверхность европейской исторической жизни бегинъ и бегардовъ, поймётъ ихъ лихорадочные поиски за истиной, оцѣнитъ ихъ идейныя стремленія, повѣритъ согрѣвавшимъ ихъ альтруистическимъ чувствамъ,—и невольно пожалѣетъ о многочисленныхъ жертвахъ этой давно промчавшейся надъ человѣчествомъ душевной бури.

Евг. Тарле.

Кіевъ, 20 сентября 1895 г.

Павелъ Владиміровичъ Засодимскій

Собраніе сочиненій П. Засодимскаго (Вологдина) съ портретомъ и предисловіемъ автора, въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г.

I.

Не малую путаницу вноситъ въ понятія нашей интеллигенціи, усвоенная въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ, привычка дѣлить людей по рубрикамъ десятилѣтій, на людей сороковыхъ годовъ, пятидесятниковъ, шестидесятниковъ и т. д. Дѣленіе это имѣетъ еще свое основаніе, когда употребляется въ собирательномъ смыслѣ, когда подъ шестидесятниками, семидесятниками или восьмидесятниками подразумѣваются нѣкоторыя отвлеченныя категоріи, преобладающіе въ данное десятилѣтіе типы, сумма тѣхъ индивидуальныхъ особенностей и качествъ, которыя характеризуютъ то или другое время. Но вы рискуете попасть въ просакъ каждый разъ, когда отъ общаго перейдете къ частному, когда будете имѣть дѣло съ какою-либо живою личностью, подвизавшеюся на томъ или другомъ поприщѣ.

Дѣло въ томъ, что людей, живущихъ въ данное время, можно уподобить деревьямъ, растущимъ въ густомъ лѣсу: въ одной и той же чащѣ, сплетаясь вѣтвями, растутъ, рядомъ съ столѣтними великанами, масса подростковъ различныхъ возрастовъ до только вылупившихся изъ-подъ земли малютокъ; одно дерево, сообразно болѣе или менѣе благопріятнымъ условіямъ своего положенія, перерастаетъ другое; старые, дуплистые дубы переживаютъ только-что успѣвшую подняться молодежь; одно дерево только-что начинаетъ цвѣсти и давать плоды, а другое, рядомъ съ нимъ, того же возраста, засыхаетъ, клонитъ голову и кончаетъ свое существованіе.

Не будемъ много распространяться о томъ, что въ данное время дѣйствуютъ и работаютъ не менѣе пяти поколѣній. Такъ, нынѣ не всѣ еще вымерли люди сороковыхъ годовъ, а съ другой стороны восьмидесятники успѣли уже проявить себя полноправными

гражданами. Но и въ рядахъ этихъ дѣйствующихъ поколѣній люди далеко не распредѣляются по возрастамъ съ такою строгостью, съ какою размѣщаются ученики по классамъ. Шелгуновъ, напримѣръ, считается по всей справедливости шестидесятникомъ, а между тѣмъ по возрасту его можно было-бы отнести къ людямъ сороковыхъ годовъ, такъ какъ онъ моложе Тургенева всего на семь лѣтъ, Некрасова—на четыре, Григоровича—на три, Островскаго на два года, за то ровесникъ Дружинина и Плещеева и старше Салтыкова и Л. Толстого.

Д. И. Писаревъ и Н. К. Михайловскій безразлично считаются шестидесятниками. И, казалось бы, по возрасту они подходятъ другъ къ другу, если взять въ соображеніе, что Писаревъ родился въ 1841 году, а Н. К. Михайловскій — въ 1842 году. Между тѣмъ, мы видимъ, что въ ходѣ развитія нашей отечественной литературы Михайловскій является какъ бы преемникомъ Писарева. Ничего не значитъ, что Михайловскій началъ свою литературную дѣятельность около того же времени, какъ и Писаревъ, и въ томъ же «Разсвѣтѣ» Кремпина. Въ теченіе шестидесятыхъ годовъ онъ не пользовался еще ни извѣстностью, ни вліяніемъ. Выступаетъ онъ, такъ сказать, на авансцену лишь съ 1869 года, на другой годъ послѣ смерти Писарева, и литературная дѣятельность его развертывается въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда начинаютъ причислять однихъ дѣятелей къ шестидесятникамъ, другихъ къ семидесятникамъ, то при этомъ, по большей части, совсѣмъ упускаютъ изъ вида вотъ еще какое обстоятельство. Сколько бы поколѣній ни работало одновременно, въ каждое десятилѣтіе мы видимъ два главныхъ слоя людей: одни, старшіе, вполнѣ уже сформировались и дѣйствуютъ; другіе—младшіе, лишь подготовляются къ дѣятельности, учатся и развиваются подъ вліяніемъ старшихъ и подъ всѣми тѣми впечатлѣніями, какія даетъ имъ эпоха. И вотъ мы видимъ, что и тѣ, и другіе безразлично смѣшиваются огуломъ въ общую массу людей такого-то десятилѣтія. Такъ, подъ людьми сороковыхъ годовъ подразумѣваются безразлично и учители, каковы были Станкевичъ, Бѣлинскій, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Конст. Аксаковъ, Герценъ, Грановскій, и ученики ихъ—Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, Плещеевъ, Л. Толстой и пр. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, юное поколѣніе сороковыхъ годовъ значительно отличалось отъ поколѣнія старшаго. Чтобы не входить въ излишнія въ настоящемъ случаѣ подробности, достаточно упомянуть хотя бы то, что въ то время, какъ Бѣлинскій и его сверстники воспитывались на Гегелѣ и нѣмецкихъ романтикахъ (Шиллерѣ, Гёте, Гофманѣ и пр.), младшее поколѣніе развивалось подъ

вліяніемъ, съ одной стороны, Фейербаха, а съ другой—публицистовъ и романтиковъ французскихъ (Прудонъ, Пьеръ-Ле-Ру, В. Гюго, Ж. Зандъ и пр.).

Въ шестидесятые годы мы видимъ, въ свою очередь, два слоя поколѣній: шестидесятниковъ старшихъ и молодыхъ, и здѣсь эти два слоя имѣютъ еще болѣе рѣзкое различіе между собою. Старшіе шестидесятники (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Шелгуновъ, и пр., и пр.) воспитывались въ теченіе пятидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ младшаго поколѣнія сороковыхъ годовъ, и, слѣдовательно, на Фейербахѣ, французскихъ публицистахъ и романтикахъ; у всѣхъ у нихъ въ развитіи мы видимъ два неизбѣжные періода: періодъ религіозной экзальтаціи и затѣмъ быстрый переломъ и переходъ на почву реализма. Всѣ они испытали на себѣ гнетъ реакціи пятидесятыхъ годовъ, обострившей тотъ общій подъемъ духа, который послѣдовалъ послѣ крымской войны, до крайняго энтузіазма, экспансивности, наклонности къ громкимъ манифестаціямъ и бравадамъ. Всѣ они были преисполнены духа протеста, обличенія и отрицанія. Отъ переработки общественныхъ идеаловъ они быстро перешли къ перерѣшенію идеаловъ индивидуально-нравственныхъ и начали производить въ этой области полную ломку, поведшую за собою въ полуобразованномъ, плохо понявшемъ ихъ обществѣ ту распущенность нравовъ, которая характеризуетъ шестидесятые годы и за которую уцѣпились противники ихъ для доказательства несостоятельности всего движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ и писаніяхъ, и дѣйствіяхъ старшихъ людей шестидесятыхъ годовъ мы видимъ нѣкоторую теоретичность и книжность, преобладаніе апріорныхъ выводовъ, основанныхъ не столько на фактахъ живой дѣйствительности, сколько на различнаго рода философскихъ или соціологическихъ данныхъ. И это очень понятно: въ то время не существовало еще никакихъ статистическихъ цифръ, никакихъ свѣдѣній о фактахъ, условіяхъ и особенностяхъ народной жизни въ различныхъ мѣстностяхъ. При всемъ стремленіи осчастливить народъ, имѣли о немъ очень смутныя представленія, и онъ рисовался въ воображеніи большинства интеллигенціи въ видѣ безформенной, отвлеченной категоріи, обездоленной рабочей массы, мало отличающейся по своему умственному развитію отъ вьючнаго скота. Довольно сказать, что критика одного и того же лагеря съ однимъ и тѣмъ же безразличнымъ сочувствіемъ отнеслась и къ такой идеализаціи народа, какую представляютъ разсказы Марка Вовчка, и къ такой его профанаціи, какой преисполнены очерки народнаго быта Николая Успенскаго.

Въ то же самое время, подъ вліяніемъ старшихъ шестидесят-

никовъ и подъ впечатлѣніемъ всѣхъ совершавшихся событій воспитывалось поколѣніе совсѣмъ иного характера. Въ рядахъ этого поколѣнія мы не видимъ уже ни прежнихъ экспансивныхъ энтузіастовъ, увѣренныхъ, что они и въ самомъ дѣлѣ наканунѣ «настоящаго дня», ни рьяныхъ отрицателей и обличителей на основаніи новыхъ теорій трезваго реализма. На мѣсто теорій у нихъ является знаніе, фактъ. Такъ, распространенное во всемъ обществѣ сочувствіе къ народнымъ массамъ у нихъ переходитъ въ стремленіе изучать народъ, сближаться съ нимъ. Этику своей личной жизни и нравственности они выводятъ не изъ какихъ-либо сенсуалистическихъ теорій свободы страстей или утилитарныхъ—личнаго и общественнаго эгоизма, а основываютъ на подражаніи и уподобленіи народу въ трудѣ и нищетѣ. Чтобы не стоять въ рядахъ эксплуатирующихъ, они готовы являются терпѣть какую угодно эксплуатацію. По большей части разночинцы, вышедшіе изъ бѣдныхъ слоевъ общества, люди, съ дѣтства пріученные къ нуждѣ, крайне нетребовательные и неизбалованные жизнью, они не проявляютъ ни малѣйшой тѣни широкихъ аппетитовъ, любостяжанія или сластолюбія. Всѣ они ютятся на чердачкахъ или въ дешевенькихъ меблированныхъ комнаткахъ, зарабатываютъ гроши и едва сводятъ концы съ концами, порой не доѣдая и не допивая. Чуждые фанатическаго аскетизма, въ то же время они представляются безукоризненно чистыми идеалистами въ своей личной нравственности, довольствуюся такими же, какъ и они сами, скромными и нетребовательными подругами жизни, дѣлящими съ ними всѣ скудныя радости и обильное горе ихъ сумрачной жизни.

Вотъ изъ этой-то среды молодыхъ шестидесятниковъ и вышли тѣ радѣтели народнаго горя, беллетристы-народники, которые обнаружили небывалое еще до того времени знаніе какъ деревенской мужицкой, такъ и городской мѣщанской жизни,—каковы Рѣшетниковъ, Левитовъ, Наумовъ, Гл. Успенскій, Н. Златовратскій и пр.

Читатель, можетъ быть, придетъ въ недоумѣненіе, увидя, что большинство упомянутыхъ мною писателей-народниковъ по возрасту своему являются почти ровесниками тѣхъ, которыхъ я причисляю къ старшимъ шестидесятникамъ: всѣ они родились между 1838 и 1845 годами. Но, еще разъ повторяю, я беру въ разсчетъ не столько возрасты, сколько типы, и для меня важнѣе не въ какой годъ человѣкъ родился, а когда совершилось его умственное развитіе, которое у однихъ людей слѣдуетъ раньше, у другихъ позже. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разночинцы, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, по большей части вы-

ходцы изъ провинцій, учившіеся на мѣдныя деньги въ такихъ заведеніяхъ, въ которыя съ трудомъ проникали въ то время лучи просвѣщенія, опоздывали въ своемъ умственномъ развитіи и только-что начинали его въ такое время, когда болѣе скороспѣлые ихъ сверстники кончали не только умственное развитіе, но и литературное поприще, и самую жизнь.

II.

И вотъ намъ кажется, что литературное мѣсто Павла Владиміровича Засодимскаго, которому посвящается настоящая статья, опредѣлится точнѣе и яснѣе, если мы назовемъ его не просто шестидесятникомъ, а именно шестидесятникомъ младшимъ.

По рожденію онъ является въ свою очередь почти сверстникомъ Писарева, такъ какъ родился 1-го ноября 1843 года, т.-е. двумя лишь годами позже его. Но родился онъ въ такой глуши, какъ Великій Устюгъ, Вологодской губерніи. Онъ много читалъ въ дѣтствѣ всякой всячины въ отцовской библіотекѣ, въ десять лѣтъ владѣлъ уже французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ языками, тѣмъ не менѣе, поступилъ въ вологодскую гимназію уже въ 1856 году, какъ разъ въ тотъ самый годъ, когда Писаревъ, напротивъ того, кончилъ уже гимназическій курсъ. Въ 1863-мъ году Писаревъ давно уже успѣлъ выйти изъ университета со степенью кандидата, прославиться настолько, что имя его гремѣло на всѣхъ перекресткахъ,—Засодимскій лишь сошелъ со школьной скамьи, впервые пріѣхалъ въ Петербургъ, поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ, но въ 1865-мъ году (въ тотъ самый годъ, когда Писаревъ отбылъ годы своего заключенія и былъ выпущенъ на свободу) долженъ былъ оставить университетъ, по неимѣнію средствъ продолжать курсъ, началъ снискивать скудное пропитаніе въ качествѣ сначала домашняго, затѣмъ сельскаго учителя и выступилъ на литературное поприще (не считая его первыхъ печатныхъ опытовъ 1867 года) въ качествѣ беллетриста лишь въ 1868 году, когда въ «Дѣлѣ» были напечатаны первые его повѣсти «Грѣшница» и «Волчиха», т.-е. какъ разъ въ годъ смерти Писарева.

Такимъ образомъ, сколько бы П. Вл. Засодимскому ни было лѣтъ, во всякомъ случаѣ въ шестидесятые годы онъ былъ не дѣятелемъ, а ученикомъ, развивался, готовился лишь къ предстоящей дѣятельности и былъ, такимъ образомъ, не производителемъ, а произведеніемъ шестидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что какъ и на всѣхъ птенцахъ шестидесятыхъ годовъ, на П. Вл. Засодимскомъ лежитъ неизгладимая пе-

чать эпохи, но въ то же время и по личной жизни, и по произведеніямъ, онъ ни мало не подходитъ уже къ типу, преобладавшему въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Передъ нами не бурный отрицатель и энтузіастъ скептицизма, не Базаровъ, а одинъ изъ тѣхъ «романтиковъ», которыхъ г. Н. Н. Златовратскій увѣковѣчилъ въ своихъ «Золотыхъ сердцахъ». Изъ шестидесятыхъ годовъ онъ вынесъ безукоризненно-честное отношеніе къ людямъ и дѣлу, евангельскую простоту и нищету и неусыпное трудолюбіе. Раздѣляя со всѣми людьми своего времени высокій взглядъ на художника, какъ на вѣщаго пророка своего отечества, призваніе котораго заключается въ томъ, чтобы (какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ настоящему полному собранію своихъ сочиненій) «забрасывать въ душу читателя добрыя чувства и мысли, любовь къ ближнему, отвращеніе къ злу, къ насилію и состраданіе къ несчастью», въ то же время, въ самомъ исполненіи этого высокаго призванія, онъ стремился руководствоваться не одними внушеніями художественной фантазіи, а основательнымъ изученіемъ жизни и быта обездоленнаго люда во всемъ ихъ разнообразіи.

И дѣйствительно, съ самаго своего появленія на литературномъ поприщѣ въ качествѣ беллетриста, въ первыхъ же своихъ произведеніяхъ «Грѣшницѣ», «Волчихѣ», «Темныхъ силахъ» и т. д., онъ сразу обратилъ на себя вниманіе обширнымъ и глубокимъ знаніемъ и деревенской, и провинціально-мѣщанской жизни,—что составляетъ неотъемлемое качество и всѣхъ послѣдующихъ произведеній П. Вл. Засодимскаго, которыя ставятъ его на одномъ ряду со всѣми сверстниками его беллетристами-народниками, начиная съ Рѣшетникова и Левитова и кончая Гл. Успенскимъ и Златовратскимъ.

Когда у насъ желаютъ опредѣлить значеніе какого-нибудь писателя, то первымъ дѣломъ спрашиваютъ, что новаго внесъ онъ въ литературу сравнительно съ предшественниками и современниками, какое создалъ новое слово, новый типъ, если не новую школу. Но вѣдь не всегда новыя школы создаются однимъ какимъ-нибудь высокимъ талантомъ въ родѣ, напримѣръ, Пушкина, Гоголя, Островскаго и т. п. Очень часто какъ въ русской, такъ и въ иностранныхъ литературахъ новыя слова произносятся хоромъ писателей, въ одно и то же время выступающихъ на литературное поприще, причемъ одинъ произноситъ ихъ громче, другой слабѣе, одинъ проникаетъ въ нихъ глубже, другой поверхностнѣе, но ни про одного нельзя сказать, чтобы ему одному принадлежала привиллегія новаго слова, чтобы онъ первый произнесъ его, а прочіе всѣ за нимъ лишь повторили его. Такимъ хоромъ

представляются беллетристы сороковыхъ годовъ, и вслѣдъ за ними мы имѣемъ другой хоръ беллетристовъ-народниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и П. Вл. Засодимскій. Мы не будемъ спорить, что въ этомъ хорѣ были писатели, проникшіе несравненно глубже другихъ въ народную жизнь, изображавшіе ее и ярче, и художественнѣе, но ни про одного нельзя сказать, чтобы кто-нибудь былъ иниціаторомъ, подхватилъ первый, а за нимъ уже всѣ остальные, въ томъ числѣ и П. Вл. Засодимскій, послѣдовали. Въ то же время у всѣхъ у нихъ мы видимъ одни и тѣ же качества, характеризующія эту школу. Такъ, на первомъ планѣ является полное отсутствіе какихъ бы то ни было художественныхъ прикрасъ; не найдете вы у нихъ никакихъ маломальски заманчивыхъ сюжетовъ, драматическихъ эффектовъ, плѣнительныхъ женскихъ образовъ, ни малѣйшаго умѣнья заинтриговать читателя, заставить его задрожать отъ страха или прослезиться. Передъ вами одни подлинные, голые факты, нанизанные одинъ на другой безъ малѣйшаго затѣйливаго изящества, словно баранки на мочалу. Не даромъ такой записной и тонкій эстетикъ, какъ Тургеневъ, обвинялъ юныхъ беллетристовъ въ отсутствіи выдумки. Еще бы—малѣйшая выдумка изгонялась, какъ своего рода бѣсовское навожденіе, какъ нравственное паденіе. Требованіе говорить одну только вопіющую правду доходило до такого суроваго аскетизма, что не многіе беллетристы этой школы позволяли себѣ снисходить до ландшафтовъ. По крайней мѣрѣ описанія красотъ природы вы встрѣтите лишь у Левитова, Златовратскаго и П. Вл. Засодимскаго, но ни у Рѣшетникова, ни у Гг. Успенскаго, ни у Н. И. Наумова не найдете и тѣни подобной роскоши.

Далѣе затѣмъ, беллетристы-народники раздѣляются на двѣ рѣзкія категоріи. Одни изъ нихъ, при всемъ сочувствіи къ народу, при всемъ участіи къ его стремленіямъ и бѣдствіямъ, изображаютъ деревенскую жизнь во всей ея убогой неприглядности. Мужикъ является въ ихъ произведеніяхъ обыкновенно въ своемъ, такъ сказать, «натуральномъ видѣ». Это—средній, конкретный, сѣрый мужикъ, грязный, вонючій, со всею темнотою своего полуязыческаго міросозерцанія и нелѣпыхъ суевѣрій, со всею грубостью своихъ нравовъ, доходящею порою до звѣрства, со своею зоологическою нравственностью, зависящею отъ «власти земли», мужикъ, готовый подъ гнетомъ обстоятельствъ и украсть, и надуть, и совершить самую унизительную подлость, мужикъ, наконецъ, въ своей хаотической непосредственности способный выродиться или въ черствато жаднаго кулака, или, напротивъ того, въ жалкаго

пропоицу. Въ такомъ видѣ рисуютъ мужика и Рѣшетниковъ, и Гл. Ив. Успенскій, и Н. Ив. Наумовъ, и пр.

Другіе же беллетристы, народники, каковы Левитовъ, Н. Н. Златовратскій и П. Вл. Засодимскій не ограничиваются отрицательными сторонами деревни, однимъ сѣрымъ мужикомъ въ рваномъ армячишкѣ. Они стараются раскрыть въ деревенской жизни свои свѣтлыя стороны, такіе нравственные устои, которые деревенскіе люди соблюдаютъ въ силу не одного только зоологическаго инстинкта, но и сознательно, разумно такіе положительные типы и идеальныя личности, подобныхъ которымъ тщетно вы будете искать въ городскомъ населеніи и въ интеллигентныхъ слояхъ общества.

Такъ, въ своемъ предисловіи, на упреки, которые П. Вл. Засодимскому не разъ приходилось слышать печатно, въ письмахъ и устно, что онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на темныя стороны жизни, онъ отвѣчаетъ:

«Не знаю... едва-ли по всей справедливости можно меня обвинять за то, что впечатлѣнія, получаемыя мною отъ наблюдаемой дѣйствительности, въ громадномъ большинствѣ окрашиваются въ темные тона. Едва-ли справедливо обвиняютъ меня за то, что мои физическія и умственныя очи рѣшительно не видятъ ничего свѣтлаго и радостнаго тамъ, гдѣ его видятъ другіе. Я сознательно не ищу мрачнаго въ жизни; напротивъ, *я бываю очень радъ, когда мнѣ удается отдохнуть душой на какомъ-нибудь, дѣйствительно, свѣтломъ, отрадномъ явленіи*... Но если такія отрадныя явленія рѣдко встрѣчаются въ жизни, я въ этомъ виноватъ не болѣе, чѣмъ вы, мой читатель. Вы желаете, чтобы темныхъ, мрачныхъ явленій не было въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, ихъ было меньше; я отъ всего сердца желаю того же.

«Я не только сознательно не ищу мрачнаго, трагическаго въ жизни, а напротивъ—*бываю безконечно счастливъ, когда мнѣ удается уловить въ темной, злодѣйской душѣ проблескъ доброты—ту искру Божію, что горитъ и въ разбойникѣ, и въ мытарѣ, и въ блудницѣ. Я люблю человѣка, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы ни стоялъ, вверху или въ самомъ низу общественной лѣстницы.* Подъ дикими инстинктами первобытнаго звѣря, сохранившагося въ человѣкѣ, подъ чертами его личности, искаженными страстями, злобой, ненавистью, я вижу въ немъ брата, друга, часто очень несчастнаго брата. Но, каюсь, я по натурѣ чуждъ олимпійской объективности: добро и зло, выражающіяся въ человѣческой дѣятельности, для меня не безразличны. Не могу я спокойно, равнодушно смотрѣть на добрыхъ и злыхъ, хотя разсудокъ мнѣ и говоритъ, что злые также—люди несчастные, нравственно больные...

«Не нахожу нужнымъ скрывать, да и излишне распространяться о томъ, что всѣ мои горячія симпатіи всегда были и остались на сторонѣ бѣдныхъ, обездоленныхъ, на сторонѣ рабочихъ массъ. Ни въ одной строкѣ, написанной мною, читатель не найдетъ ни единаго выраженія, которое противорѣчило бы этой основной идеѣ моей жизни и дѣятельности»...

Такъ опредѣляетъ П. Вл. Засодимскій самъ себя, и опредѣленіе это вполнѣ оправдываетъ всѣми своими произведеніями. Дѣйствительно, мрачными, неприглядными чертами рисуется въ этихъ произведеніяхъ жизнь и крестьянская, и мѣщанская; но авторъ не ограничивается одними этими мрачными чертами, и каждый разъ, когда удается ему встрѣтить хоть одинъ «свѣтлый лучъ» въ изображаемомъ имъ темномъ царствѣ, онъ чувствуетъ себя «безконечно счастливымъ» и спѣшитъ подѣлиться съ читателями своимъ счастіемъ. Такимъ образомъ, въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго вы найдете не мало «свѣтлыхъ лучей», свидѣтельствующихъ о томъ, что какимъ бы непроглядымъ мракомъ ни была исполнена жизнь народная, все-таки въ глубинѣ этого мрака, тамъ и сямъ, сверкаютъ искры Божіи, готовыя при первомъ благопріятномъ случаѣ вспыхнуть радостною зарею...

Я не намѣренъ много распространяться относительно мрачныхъ красокъ народной жизни, въ обиліи встрѣчающихся въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго, не буду останавливаться на бытовыхъ подробностяхъ крестьянской и мѣщанской жизни, съ которыми знакомитъ насъ авторъ. Въ этой области мы не найдемъ ничего такого, чего не было бы и у всѣхъ прочихъ писателей той же школы, начиная съ Рѣшетникова и кончая Златовратскимъ и Гл. Успенскимъ, и обо всемъ этомъ было не мало уже рѣчей въ нашей литературѣ при разборахъ всѣхъ этихъ писателей. Мы обратимъ лучше главное вниманіе именно на «свѣтлые лучи», встрѣчаемые въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго. Не говоря уже о томъ, что этими «свѣтлыми лучами» опредѣляются какъ нельзя болѣе лучше идеалы самого писателя и, слѣдовательно, мы такимъ образомъ проникаемъ въ его святая святыхъ, да и для насъ съ тобою, читатель, это будетъ веселѣе: ужъ и безъ того много мрака въ нашей жизни: отчего же не побаловать себя, не собрать воедино тѣ крупицы добра, свѣта и правды, или хотя бы даже безшабашной удали простого русскаго человѣка, которыя разсѣяны тамъ и сямъ въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго, и этими крупицами не возбудить въ нашей душѣ хоть каплю бодрости и вѣры въ лучшее будущее.

III.

Надо отдать справедливость П. Вл. Засодимскому, положительные типы, какіе выводитъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, являются въ истинномъ значеніи этого слова реальными типами, а не воплощенными идеалами, измышленными праздною фантазіей. Масса наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ изученія крестьянской и мѣщанской жизни, обезопасила его отъ излишней идеализаціи; онъ, въ свою очередь, какъ и всѣ его сверстники, является аскетомъ подлинной, несомнѣнной и точной правды, и вслѣдствіе этого выводимые имъ положительные типы, являются идеальными лишь настолько, насколько люди могутъ быть идеальными въ самой жизни.

Если хотите, слово *идеальные* даже какъ-то и неумѣстно здѣсь, такъ какъ на самомъ дѣлѣ передъ нами въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго не столько идеальные люди, сколько сильные, щедро одаренные природою, а потому и выдающіеся изъ окружающей ихъ посредственности.

Прежде всего нужно замѣтить, что сильные люди являются у П. Вл. Засодимскаго въ двухъ различныхъ категоріяхъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, какія мы видимъ въ произведеніяхъ Левитова или Н. Н. Златовратскаго; къ первой категоріи относятся типы кроткіе, ко второй—хищные. Подобное дѣленіе, какъ читателямъ, конечно, извѣстно, на кроткихъ и хищныхъ впервые въ нашей литературѣ встрѣчается въ критическихъ статьяхъ Ап. Григорьева. Но вліяніе славянофильскихъ идей помѣшало Ап. Григорьеву допустить въ русскомъ народѣ одновременное существованіе обоихъ типовъ. Славянофилы, какъ извѣстно, дѣлили Европу на двѣ половины: хищный Западъ и кроткій Востокъ (Россія и балканскіе славяне). На Западѣ, въ основѣ всего лежитъ насиліе и завоеваніе, на Востокѣ—миръ, любовь и согласіе. Въ силу этой теоріи и Ап. Григорьевъ никакъ не могъ допустить въ русской народной жизни и поэзіи никакихъ хищныхъ элементовъ. Такіе элементы, по его мнѣнію, мыслимы лишь въ оторванномъ отъ народа и объевропеившемся интеллигентномъ меньшинствѣ. Но и здѣсь они являются по бо́льшей части лишь наносными съ Запада сѣменами, неспособными укорениться на русской почвѣ, какимъ является, напримѣръ, байронизмъ въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова.

Но увлекающійся своимъ славянофильствомъ Ап. Григорьевъ упустилъ изъ виду такія несомнѣнно народныя и нимало не наносныя явленія, какъ новгородскіе ушкуйники, понизовая вольница, казачество, а затѣмъ масса всякаго рода бродячихъ эле-

ментовъ въ народѣ, безпокойныхъ людей, бѣгущихъ отъ гнета тяжкой доли и такъ или иначе протестующихъ.

Можно было спорить, сколько угодно, съ Ап. Григорьевымъ на отвлеченной почвѣ, соглашаться или не соглашаться съ нимъ, пока литература имѣла дѣло съ однимъ образованнымъ меньшинствомъ. Но вотъ возникла школа беллетристовъ-народниковъ, и они раскрыли передъ нами рядъ несомнѣнныхъ фактовъ существованія въ народѣ хищныхъ типовъ, вполнѣ самобытныхъ,—истина передъ нами воочію, и всякій споръ долженъ самъ собою прекратиться. Таковы въ «Степныхъ очеркахъ» Левитова Петръ Крутой, сапожникъ Скурлинъ, Петруша-художникъ, Теокритовъ, бабушка Маслиха. Таковъ у Н. Н. Златовратскаго въ «Устояхъ» сынъ Пимана Борисъ. Смѣшно было бы и предполагать, чтобы подобные чисто народные типы были чѣмъ-нибудь наноснымъ, заимствованнымъ изъ гнилого Запада.

Нѣсколько подобнаго рода типовъ встрѣтимъ мы и П. Вл. Засодимскаго. Такова, напримѣръ, прежде всего Волчиха въ повѣсти, носящей это заглавіе. Въ раннемъ дѣтствѣ она осталась сиротою и не помнила ни отца, ни матери. Сиротку пріютилъ какой-то дальній родственникъ по матери, одѣвалъ ее, какъ умѣлъ, кормилъ, чѣмъ могъ и билъ сколько и когда хотѣлъ По четырнадцатому году ее взяла къ себѣ, съ дозволенія старой барыни, тетка, занимавшая въ Знаменской усадьбѣ мѣсто ключницы въ барскомъ домѣ.

Физически развивалась она медленно, такъ что и въ 17 лѣтъ казалась еще дѣвчонкой; но старая барыня, смотря на нее внимательно, съ видомъ знатока изволила разъ замѣтить, что изъ нея выйдетъ красавица. Дуня и сама уже знала, что она хороша; объ этомъ ей говорили на деревнѣ, въ барскомъ домѣ, но всего краснорѣчивѣе докладывали большія барскія зеркала. Умственное же развитіе Дуни далеко опередило физическое: дѣвушка была съизмала принуждена относиться внимательно къ окружающему, быть настороже, быть готовою дать всегда врагу надлежащій отпоръ, и потому рано развила въ себѣ наблюдательность, смышленость и осторожность, доходившую до скрытности. Жалкая жизнь въ деревенской избѣ, затѣмъ переходъ въ иную сферу и жизнь въ другой обстановкѣ, съ другими людьми, послужила ей умственною школой. Много она увидѣла въ Знаменскомъ. Но наибольшее вліяніе оказала на нее сестра хозяйки, извѣстная подъ именемъ «полоумной». Это была старая дѣва, которая никуда не показывалась, часто хворала, носила старомодное, страннаго покроя платье и все сидѣла у себя въ комнатѣ передъ большимъ портретомъ красиваго брюнета. Было время, когда она

не сидѣла въ Знаменекомъ, а жила въ столицѣ, среди блестящей обстановки; въ Знаменскомъ же похоронила себя съ конца декабря 1826 года...

Должно быть, хороши были воспоминанія, вынесенныя ею изъ молодыхъ лѣтъ, если они хватили ей на всю жизнь, и вотъ какое вѣщее завѣщаніе передавала она Дунѣ изъ золотого вѣка своей молодости:

— Живи, Дуня! Не упускай ни одной минуты въ жизни даромъ. Веселись, забавляйся, работай, что хочешь дѣлай, только дѣлай, голубушка, все такъ, какъ тебѣ хочется, а не какъ другимъ надо. Понимаешь?.. Жизни не воротишь: что прожито, то прожито навсегда, на вѣки вѣчные. Каждый часъ, который проведешь не такъ, какъ хочешь,—не твой часъ! Онъ потерянъ... Люби, Дуня, кого хочешь, кто понравится! Люби, какъ можешь, какъ Богъ на душу положитъ! Люби, но не думай—хорошо будетъ!

Глубоко въ сердце дѣвушки запали эти слова «полоумной» старухи, и на двадцатомъ году, вмѣсто того, чтобы идти замужъ за противнаго ей рыжаго приказчика, который сватался къ ней, она слюбилась съ однимъ молодцомъ изъ казенныхъ крестьянъ, разсорилась съ теткой, принуждена была удалиться изъ барскаго дома и «только что до грѣха», какъ говорили въ деревнѣ, успѣла выйти замужъ за своего любовника.

Черезъ годъ уже Дуни нельзя было и узнать. Робкая, часто краснѣвшая дѣвушка-смиренница исчезла; на мѣсто ея явилась смѣлая, страстная женщина. Она, что называется, развернулась, гордо и прямо посмотрѣла на міръ; страсти и желанія, долго придавленныя, громко заговорили въ ней—Авдотья Васильевна загуляла. Мужъ ея, построившій постоялый дворъ и сбиравшійся пожить ладкомъ съ молодой женой, не могъ совладать съ нею и скоро умеръ, а со смертью его послѣдняя тѣнь зависимости исчезла для Авдотьи Васильевны.

Въ околоткѣ ее величали «вѣдьмой кіевской» и «Волчихой» (по имени мужа, который прозывался «Волкомъ»). «Точно что ужъ Волчиха!»—говорили верейкинцы. Помѣщики ее звали «Синею Бородой»: ловко она головы кружила обитателямъ мирныхъ семей. Всѣ несчастные поклонники ругали Волчиху на чемъ свѣтъ стоитъ, а все-таки бѣжали и льнули къ ней.

— Ворожитъ она, бабоньки! Вотъ тѣ истинно ворожитъ!—шепчутъ про Волчиху бабы межъ собой:—Глядико-сь! Сына противу отца возставляетъ, по міру пускаетъ крещеныхъ... И смотритъ-то, такъ ужасъ беретъ! Какъ взглянетъ это своими черными-то глазами, ровно вотъ огнемъ окатитъ...

И пошелъ въ народѣ такой слухъ, что если кто свяжется съ Волчихой,—не бывать добру, не видать тому ни на этомъ свѣтѣ радости, ни на томъ прощенья...

IV.

Сватались къ Волчихѣ, подъѣзжали молодцы и пригожіе, и богатые; одни предлагали ей сердце, другіе и руку,—да Авдотья Васильевна отказывалась отъ ихъ обязательныхъ предложеній, и всѣмъ имъ предпочла Митюху Косматаго, личность въ своемъ родѣ замѣчательную, такого же хищника, какимъ была и она сама.

Двѣнадцати лѣтъ остался Митюха послѣ смерти отца (мать умерла еще ранѣе), выростилъ младшаго брата, поддержалъ хозяйство, женилъ брата, наконецъ, и жилъ съ нимъ нераздѣльно, или, вѣрнѣе сказать, состоялъ при домѣ въ качествѣ батрака, самъ не думая жениться, хотя ему и перевалило уже за тридцать.

Деревня о немъ толковала, что онъ человѣкъ «непокладный, несговорный», т.-е. безпокойный: на сходкахъ онъ часто шелъ противъ міра, противъ мірскихъ приговоровъ, шумѣлъ и оралъ страшно. Не даромъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ не пропускалъ ни одной сходки безъ того, чтобы не потолковать, не погрызться съ кѣмъ-нибудь... Въ первый разъ явился онъ на сходъ, когда ему не было еще 20 лѣтъ; старики хотѣли прогнать его, но онъ, къ общему ихъ удивленію, распуталъ и порѣшилъ чрезвычайно запутанный вопросъ о магазинной повинности, надъ которымъ старики ужъ не одну сходку напрасно ломали голову. Митюха настоялъ на своемъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ толковымъ и энергическимъ членомъ сходки и своего «общества»... Изъ-за подводъ, мостовъ и вѣчной поправки дорогъ Митюха не разъ вступалъ въ диспуты со становымъ и даже съ самимъ исправникомъ и былъ не однажды жестоко наказанъ за свою строптивость, за дерзость и грубіянство, но не унимался и наживалъ себѣ все болѣе враговъ между сельскимъ и городскимъ начальствомъ.

Еще болѣе у него было тайныхъ недруговъ среди однодеревенцевъ. Онъ не давалъ въ обиду ни одного бѣдняка на селѣ, котораго подвергали пристрастіямъ сельскія власти; боролся съ азартомъ съ притѣснителями и съ пѣною у рта вырывалъ побѣду у врага. Искоса смотрѣли на него завистливые крестьяне, а бѣдняки, хотя въ душѣ любили и уважали Косматаго, но выражать свои чувства не смѣли, а нерѣдко шли противъ него же съ большинствомъ, въ ущербъ собственнымъ интересамъ. За

это Митюха ругалъ ихъ въ лицо собаками и дубьемъ, а при случаѣ все-таки стоялъ за нихъ горой и помогалъ, чѣмъ могъ.

Но, не смотря на всѣ услуги, все-таки Митюху считали подколодною змѣей. Даже и благодарность-то къ Митюхѣ какъ-то забывалась. Такъ, не разъ удалось Митюхѣ во время сельскихъ пожаровъ съ опасностью жизни спасти изъ огня то чью-нибудь дорогую вещь, а то и живую душу, но все это забывалось,— не забывалась только дурная слава о немъ, что онъ буянъ, задирало, Косматый...

Общій удѣлъ всѣхъ хищниковъ на Руси—трагическій исходъ, по большей части Владимірка и каторга... Не избѣгли этого исхода и Волчиха со своимъ дружкомъ Косматымъ. Не могли сгубить его враги лютые, а сгубила баба-чаровница. Авдотья Васильевна не могла долго оставаться вѣрна Митюхѣ; она начала привораживать красиваго парня Александра изъ сосѣдняго села, отбила его отъ невѣсты. Узнавши объ этомъ, Митюха не стерпѣлъ измѣны, по своему крутому нраву, и зарѣзалъ своего соперника, а затѣмъ, конечно, и онъ, и его любовница—оба были арестованы и взяты подъ стражу.

Въ романѣ «Хроника села Смурина», въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, въ свою очередь, мы видимъ рѣзко очерченный типъ хищника въ образѣ Аггушки.

Аггушка былъ сирота. Отецъ его, за убійство управляющаго, былъ сосланъ въ каторгу, мать умерла, и его съ сестрой Евгеніей взялъ въ свой домъ дядя Григорій Прокудовъ, черствый и безсердечный кулакъ. Горько пришлось Аггушкѣ подъ кровомъ благодѣтеля: всѣ его били, какъ собаченку, морили голодомъ; тетка разъ нарочно ошпарила его кипяткомъ; дядя каждый день хлесталъ то ремнемъ, то прутомъ, и однажды такъ треснулъ палкой по головѣ, что Аггушка часа три безъ дыханія лежалъ. По деревнѣ, по его рыжимъ волосамъ, звали его «краснымъ чортомъ», а по отцу «убивцемъ». Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, мальчикъ озлился, рано сдѣлался уже звѣремъ и мстилъ всѣмъ окружающимъ, чѣмъ только могъ: то новый теткинъ платокъ въ печи спалитъ, то дядины сапоги въ колодезь отправитъ, то у двоюродной своей сестрички Груни праздничный сарафанъ на мелкіе кусочки ножницами разрѣжетъ. Не случалось на деревнѣ такого баловства, въ которомъ Аггушка не являлся бы главнымъ зачинщикомъ. Онъ у своихъ враговъ давилъ кошекъ, уводилъ собакъ, ломалъ цѣтухамъ ноги, словомъ истреблялъ все и вся. Однажды дядя задралъ его до полусмерти, но Аггушка вырвался, вскочилъ, вцѣпился зубами благодѣтелю въ руку, да такъ и замеръ. Въ другой разъ такъ ударилъ дядю

по лицу палкой, что красный рубецъ навсегда остался у того около лѣваго уха.

«Подросши,—читаемъ мы въ романѣ,—Аггушка очутился дядинымъ батракомъ. Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, Прокудовъ отвелъ племяннику полдесятины никуда негодной земли и пожертвовалъ ему для житья старую свою баню. Аггушка построилъ себѣ самъ черную, крошечную хатку, самъ смастерилъ печь, только неудачно: пошелъ дождь—печь размыло; поправилъ—опять размыло; наконецъ ужъ Аггушка ухитрился, печь хоть и дымила, но стояла крѣпко, не разваливалась. «Кланяться не буду!» рѣшилъ онъ и рѣшенію своему не измѣнялъ. И зажилъ онъ въ хаткѣ со своимъ взъерошеннымъ, грязнымъ Медвѣдкой, работая коекогда на Прокудовыхъ и кое-какъ справлялъ свое крошечное хозяйство. На деревнѣ его звали и «рыжимъ», и попрежнему «краснымъ чортомъ»... Лѣтомъ, а иногда и зимой, въ морозы трескучіе, ходилъ Аггушка безъ шапки и босой. Волосы его были всегда всклокочены... На немъ болталась жалкая, одерганная одеженка, прорванная рубаха, подтянутая веревкой, и грязные, холстинные порты. Видѣли на его ногахъ лапти и никогда не видали сапогъ. Его рваную мѣховую шапку какого-то особаго вида всѣ знали въ околоткѣ.

«Аггушка никого и ничего не любилъ и надо всѣмъ смѣялся; такъ, по крайней мѣрѣ, думали люди. Въ церковь онъ рѣдко заглядывалъ, со смуринцами не водился, сидѣлъ въ своей хаткѣ на бугрѣ, какъ кротъ, бродилъ по лѣсу съ ружьемъ, ловилъ птицъ, сушилъ разныя травы, собиралъ муравьиныя яйца и носилъ все это на продажу въ городъ. Этого было достаточно, чтобы о немъ и объ его хаткѣ пошла въ околоткѣ худая слава. Про него думали, что онъ на все идти готовъ, коли шибко обозлить его.

«— Въ отца пошелъ!—говорили добрые люди:—И глядитъ-то... страсть! Вытаращитъ буркулы, ровно зарѣзать хочетъ... А волосища густыя, ровно лѣсъ, и красные, какъ огонь... Того и гляди—спалитъ!

«И дѣйствительно, его рыжіе волосы и большіе темные глаза пугали на Смуринѣ и стараго, и малаго. Ежели ребята начинали задорить и дразнить Аггушку, когда тому случалось за чѣмъ нибудь проходить по деревнѣ (что, впрочемъ, бывало очень рѣдко), то взрослые унимали ихъ.

«— Не тронь его! Пущай идетъ!—вполголоса уговаривали они ребятъ.

«Аггушка, однако, оказалъ разъ смуринцамъ большую услугу, перебивъ въ одну осень до полудюжины волковъ, начавшихъ опу-

стошать стада. Одна большая волчья шкура и по сію пору лежитъ на полатяхъ въ Аггушкиной хатѣ, какъ побѣдный трофей. Одни его почитали за разбойника, другіе считали полоумнымъ и дурачкомъ, но всѣ его боялись и сторонились отъ него, какъ отъ чумнаго. На сходки онъ не ходилъ, въ общественныхъ дѣлахъ никакого участія не принималъ. И жилъ Аггушка этакъ, словно былъ человѣкъ не отъ міра сего»...

Кончилъ Аггушка, въ свою очередь, такъ, какъ кончаютъ обыкновенно большинство хищниковъ. Въ волю отколотивши своего благодѣтеля и воспитателя Прокудова и потѣшившись надъ нимъ, онъ пустился въ бѣга, пропалъ невѣдомо куда и, конечно, въ концѣ концовъ не избѣгъ Владимірки.

Я полагаю, что этихъ образцовъ достаточно для того, чтобы читатели могли видѣть, какими красками рисуетъ П. Вл. Засодимскій типы самобытно-народныхъ хищниковъ. Всѣ они словно литые въ одной формѣ: въ дѣтствѣ ожесточаетъ ихъ горькое сиротство, отсутствіе любви и ласки, безчеловѣчная жестокость и черствая несправедливость окружающихъ людей, а затѣмъ, одинокіе, нелюдимые, замкнутые въ себя, они являются немилосердыми мстителями за всѣ претерпѣнныя обиды и, тѣшась этою местію, сходятъ со сцены, погибая жертвами людской неправды и своей непокорности...

V.

Но типы хищниковъ въ родѣ вышеприведенныхъ встрѣчаются въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго относительно довольно рѣдко. И къ тому же, только въ одной лишь повѣсти юныхъ лѣтъ «Волчихѣ» они занимаютъ центральное мѣсто главныхъ героевъ. По большей же части имъ отводится второстепенная роль въ произведеніяхъ, какова роль Аггушки въ «Хроникѣ села Смурина». Вообще нужно замѣтить, что преобладаніе хищныхъ или кроткихъ типовъ въ произведеніяхъ писателей вполнѣ зависитъ какъ отъ духа времени, такъ и отъ натуры писателей. Такъ, Байронъ со своими демоническими героями былъ вполнѣ произведеніемъ своего времени, времени возмущенія личности противъ всѣхъ стѣсняющихъ ея свободу обветшалыхъ авторитетовъ и отжившихъ предразсудковъ. Лермонтовъ всѣми своими хищными типами, сверхъ вліянія Байрона, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ и тому крайнему ожесточенію, какое пришлось вынести его страстной натурѣ отъ гнета семейнаго и общественнаго.

Въ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго преобладающимъ является типъ кроткій. Мы не знаемъ, отчего это происходитъ,

отъ характера-ли времени, въ которое сформировался, укрѣпился и развернулся талантъ П. Вл. Засодимскаго (1865—75),—времени относительно болѣе мягкаго и мирнаго, чѣмъ предъидущіе и послѣдующіе годы, отъ преобладанія-ли кроткихъ и гуманныхъ элементовъ въ натурѣ самого автора, но мы видимъ, что во всѣхъ произведеніяхъ П. Вл. Засодимскаго на первомъ планѣ стоятъ типы кроткіе, къ нимъ стремится сердце самого автора, и ихъ считаетъ онъ лучшими людьми, солью земли своей родины.

Да не подумаетъ читатель, чтобы подъ кроткими я подразумѣвалъ людей смиренныхъ, робкихъ, отстраняющихся отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ борьбу со зломъ, за неимѣніемъ волчьихъ зубовъ, для того, чтобы огрызаться, замыкающихся въ узенькую семейную колею и на всѣ призывы отвѣчающихъ: «моя хата съ краю, ничего не знаю».

Ничуть не бывало. Не забудьте, что, имѣя дѣло съ кроткими типами, подобно, какъ и съ хищными, въ обоихъ случаяхъ, мы ведемъ рѣчь о людяхъ сильныхъ, выдающихся, борцахъ въ томъ или другомъ видѣ. Лермонтовъ несомнѣнно принадлежалъ къ хищнымъ типамъ, Бѣлинскій по самой натурѣ своей къ кроткимъ, но изъ этого всего не слѣдуетъ, чтобы Лермонтовъ огрызался и боролся, а Бѣлинскій отстранялся отъ всякой борьбы въ среду благодушныхъ филистеровъ. Напротивъ того, мы видимъ въ Бѣлинскомъ еще болѣе энергическаго и рьянаго борца, чѣмъ въ Лермонтовѣ.

Разница между хищными и кроткими людьми заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что послѣдніе, болѣе спокойные, преисполненные мира и любви, руководятся въ жизни не столько непосредственными взрывами страстей, сколько доводами разсудка. Поэтому они не спѣшатъ мстить обидами за обиды. Ветхозавѣтное «око за око» совершенно чуждо имъ. Подъ гнетомъ обидъ и притѣсненій они не ожесточаются, а лишь впадаютъ въ горькое раздумье, отчего люди такъ злы, отчего на свѣтѣ такъ много вражды и ненависти. Въ результатѣ этого раздумья является у нихъ непоколебимое сознаніе, что притѣснители ихъ не вѣдятъ что творятъ, что зло происходитъ ни отъ чего иного, какъ лишь отъ невѣжества и темноты, и что не мстить слѣдуетъ врагамъ и мучителямъ, а учить и просвѣщать ихъ, такъ какъ стоитъ только внушить людямъ, какъ слѣдуетъ жить по правдѣ Божіей, на землѣ тотчасъ же воцарятся миръ, любовь и правда.

Такимъ образомъ и вырабатываются изъ кроткихъ людей всякаго рода учители и просвѣтители. Если такой человѣкъ обладаетъ обширными способностями и геніальнымъ умомъ, изъ него выходитъ создатель новой религіи, философской системы, идеаловъ

общественной жизни и пр. Въ обыденномъ же уровнѣ жизни, гдѣ-нибудь въ глуши и далеко отъ умственныхъ центровъ, такіе типы являются въ видѣ всякаго рода самоучекъ, Кулибиныхъ, начетчиковъ, мудрецовъ и философовъ своего околотка.

Кроткими типами, принадлежащими разнымъ слоямъ общества, преисполнены произведенія П. Вл. Засодимскаго. Мы обратимъ вниманіе сначала на подобнаго рода типы изъ простонародья, а затѣмъ изъ интеллигентныхъ слоевъ общества.

Такъ, прежде всего остановимся мы на личности портного Ивана Мудраго въ повѣсти «Темныя силы». Повѣсть эта, напечатанная въ 1870 году, представляется первымъ произведеніемъ П. Вл. Засодимскаго, обширнымъ по своимъ размѣрамъ и съ болѣе широкимъ и обильнымъ содержаніемъ. Она соотвѣтствуетъ нравамъ Растеряевой улицы Гл. Ив. Успенскаго. Здѣсь, въ свою очередь, развертывается передъ вами мѣщанская жизнь губернскаго города во всемъ своемъ непроглядномъ мракѣ невѣжества, некультурности и крайней нищеты. Вѣчная обида и прижимка виситъ въ воздухѣ надъ полуобнаженнымъ, испитымъ людомъ, и приводитъ ихъ къ поголовному пьянству и звѣрству надъ всѣми слабосильными, надъ которыми только можно покуражиться. И вотъ среди этого ада кромѣшнаго, словно яркій молнь въ бурной мглѣ возвышается старый портной Иванъ Мудрый.

Къ сожалѣнію, авторъ мало остановился на этомъ любопытномъ типѣ, и онъ передъ нами рисуется какимъ-то блѣднымъ призракомъ въ туманѣ. Мы видимъ передъ собою лишь высокаго, худощаваго, плѣшиваго старика, съ густыми, сѣдыми бакенбардами, съ большими голубыми глазами, мало потусклыми отъ лѣтъ. Взглядъ этихъ добрыхъ, свѣтлыхъ глазъ, то пристальный, серьезный, словно чего-то добивающійся, то кроткій, мило-наивный, приводилъ многихъ въ смущеніе.

Прозвали его «Иваномъ Мудрымъ» за то, что онъ очень много зналъ: Иванъ и геометрію проходилъ самоучкой, и французскому языку учился у одного ссыльнаго француза, и съ исторіей, и съ физикой познакомился, и съ богословіемъ...

— Вѣдь, братецъ ты мой, какъ начнетъ онъ катать изъ разныхъ книгъ, просто уши развѣсишь!—толковали про него, бывало, добрые люди.—Диво, братецъ ты мой! Чего, чего только онъ не знаетъ... Ужъ подлинно, что «мудрый!» волкъ его зарѣжь... И какъ это онъ дошелъ до всего,—по натурѣ значитъ...

Безъ сомнѣнія, все горемычное мѣщанство въ городѣ приходило къ нему за добрымъ совѣтомъ или чтобы подѣлиться съ нимъ горемъ и размыкать его. Такъ, когда столяръ Никита, вѣчно терпѣвшій со своею семьею отчаянную нужду, добылъ,

было, порядочную, доходную церковную работу въ одномъ подгородномъ приходѣ, но хитрый архитекторъ надулъ его, онъ тотчасъ же отправился къ Ивану Мудрому съ жалобой на свою безпомощность.

— Хорошо, что ты, братъ, ко мнѣ пришелъ, а не подралъ въ свой проклятый кабачище!—сказалъ ему разсудительно Иванъ, потирая по обыкновенію лѣвую бакенбарду широкою, морщиноватою ладонью правой руки.—Виномъ-то своимъ горя тебѣ не залить, на минуту развѣ только... А я, Никита, скажу тебѣ словечко хорошее, а ты его и помни, всегда въ умѣ и держи, какъ тошно-то станетъ... Полегчать можетъ... Знаешь-ли, другъ ты мой любезный? Вѣдь, если не мы, такъ другіе до такихъ чудесъ доживутъ, что люди не будутъ обижать другъ друга...

Мудрость, которою Иванъ старался утѣшать своихъ ближнихъ, была,по правдѣ сказать, самаго доморощеннаго характера. Хотя, по словамъ своихъ согражданъ, онъ учился и геометріи, и физикѣ, и исторіи, и богословію, но мудрость свою онъ почерпалъ не столько изъ этихъ наукъ, сколько изъ какой-то старинной, рукописной, не то массонской, не то раскольничьей книги, написанной на церковно-славянскомъ языкѣ и въ толстомъ кожаномъ переплетѣ съ застежками. Книга эта хранилась у него въ большомъ кованомъ сундукѣ, въ деревянной, простой шкатулкѣ и, сверхъ того, еще была завернута въ кусокъ зеленаго полинялаго штофа.

На первомъ заглавномъ листѣ какимъ-то чернымъ составомъ, подобнымъ китайской туши, было немудро нарисовано трехглавое чудовище, въ родѣ змія; аляповатый всадникъ на маленькой, коротконогой лошадкѣ скакалъ передъ зміемъ и поражалъ его ударами своего копья. Красною краскою вокругъ этой загадочной виньетки былъ обведенъ овалъ изъ цвѣточковъ, а внизу стояла красная же, кровавая надпись, загадочная не менѣе самой виньетки, и гласила: «*и пріидетъ и поразитъ*».

Въ книгѣ этой наибольшее утѣшеніе для всѣхъ, прибѣгающихъ къ Ивану Мудрому, заключалось въ пророчествѣ, гласившемъ, что народятся люди сильные и храбрые и возлюбятъ они людей, какъ самихъ себя. И разрушатъ они кумиры нечестивые, истребятъ храмины порочныхъ, а святыню поруганную вознесутъ и людей бѣдныхъ изъ плѣненія лукаваго извлекутъ и миръ дадутъ душамъ ихъ. Змѣище ополчится тогда противъ добрыхъ войною великою, но въ концѣ-концовъ, послѣ страшныхъ смутъ, когда возстанутъ царство на царство, народъ на народъ, отецъ не признаетъ сына, сынъ — отца, братъ — брата, змѣище будетъ свергнуто, затопчутъ служителей его въ прахъ, будетъ едино стадо и единъ пастырь. Солнце возсіяетъ тогда съ небесъ въ

блескѣ новомъ и осушитъ землю, упитанную слезами и кровью. Всѣхъ злыхъ лики омрачатся печалію, а добрыхъ возрадуются и возвеселятся.

Въ лицѣ «Ивана Мудраго» мы видимъ первобытный, архаическій типъ учителя и мудреца своего околотка. Иваны мудрые, съ ихъ старыми, таинственными, рукописными книгами въ кожаныхъ переплетахъ, съ мѣдными застежками и апокалипсическими словесами, обѣщающими трусы, потопы, глады, смуты, войны, словомъ, перспективу всевозможныхъ бѣдствій и въ результатѣ золотой вѣкъ,—въ XVII и XVIII вѣкахъ встрѣчались, безъ сомнѣнія, на каждомъ шагу во всѣхъ русскихъ градахъ и весяхъ; нынѣ же, какъ обломки старины, они сохраняются лишь въ глухихъ захолустьяхъ, отдаленныхъ отъ всѣхъ культурныхъ центровъ.

Этотъ образъ мудраго портного съ старой, таинственной книгой такъ глубоко запечатлѣлся въ воображеніи П. Вл. Засодимскаго, что спустя много лѣтъ, въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ его—«Грѣхъ», напечатанномъ въ 1893 году на страницахъ «Русскаго Богатства», портной вновь воскресъ передъ нами, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Таковъ Прокопій Васильевъ.

Онъ жилъ то въ уѣздномъ городѣ, то шатался по деревнямъ, обшивая крещеный людъ. Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ, зналъ грамоту, любилъ почитать хорошую книжку и былъ склоненъ помечтать, помудрствовать, потолковать о суетѣ мірской, о правдѣ и кривдѣ, о добрѣ и злѣ и тому подобныхъ отвлеченныхъ предметахъ. Отличался онъ отъ Ивана Мудраго тѣмъ, что не прочь былъ выпить, и въ подвыпитіи особенно любилъ поговорить по душѣ. Сидячій трудъ и водка сломили преждевременно его здоровье. Прокопій—по натурѣ человѣкъ добрый, мягкій и ласковый—подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ и болѣзней сталъ рѣзокъ, раздражителенъ и порой бывалъ упрямъ, «какъ чортъ», по словамъ нѣкоторыхъ.

Такимъ образомъ, по своей нравственности и закалу, Прокопій является въ значительной степени и ниже, и жиже Ивана Мудраго, но за то онъ реальнѣе его. Самый характеръ его пропаганды является совсѣмъ инымъ. Иванъ Мудрый прекращенія зла и обиды на землѣ ожидаетъ отъ общихъ условій жизни, въ видѣ наступленія золотого вѣка; Прокопій же стоитъ на индивидуально-нравственной почвѣ, имѣетъ дѣло съ отдѣльнымъ человѣкомъ и ставитъ какъ добро, такъ и зло въ зависимость отъ его доброй или злой воли. Такъ онъ является въ деревню Кукаеву, къ дальнему родственнику, на свадьбу его сына.

Чабанъ былъ зажиточный крестьянинъ, имѣвшій капиталъ

въ 500 руб. ассигнаціями. Разсчетливый, бережливый, онъ былъ жаденъ на работу, готовъ былъ надорваться на ней. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей онъ не могъ простить только лѣность. Это былъ своего рода фанатикъ труда, суровый и непреклонный, готовый не только себя, но и всѣхъ своихъ домочадцевъ заморить работой, лишь бы положить въ карманъ нѣсколько лишнихъ грошей. И вотъ, подпивши на свадьбѣ, Прокопій не замедлилъ напуститься на Чабана съ обычными обличеніями, съ которыми онъ донималъ его при каждой встрѣчѣ.

— Скажи: почто ты убиваешься! А! Мало тебѣ еще достатку Ты бы, кажись, никому вздохнуть не далъ... А это, братъ, грѣхъ— только о житейскомъ думать! Вѣдь нужно и очнуться, на людей поглядѣть, о душѣ помыслить... Вѣдь не для одного же корма ты на свѣтѣ живешь!.. Ну, скажи, другъ: есть-ли у тебя душа или нѣтъ?

Чабанъ огрызался на Прокопія, считалъ его ничего нестоящимъ лодыремъ и велъ свою линію до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ не стряслась страшная бѣда.

Жена его сына, молодуха Аннушка, баба кроткая и смирная, была весьма ретива къ работѣ, за что, съ своей точки зрѣнія на трудъ, Чабанъ очень благоволилъ къ ней до того, что жена и сынъ начали даже подозрѣвать старика въ наклонности къ снохачеству, хотя у старика ничего и въ мысляхъ не было подобнаго.

Однажды, когда онъ отправился съ семьей на дальній сѣнокосъ, имъ пришлось перебираться черезъ быструю Пудегу, на утломъ плотѣ. Плотъ опрокинулся, и всѣ попадали въ воду. И вотъ, въ то мгновеніе, когда утопающіе барахтались въ водѣ, спасаясь кто какъ могъ, Аннушка схватилась за стараго Чабана, который держался уже за веревку. Не соображая, что уже спасся, какъ безумный, не оглядываясь, вырвался онъ изъ рукъ Аннушки и, вырываясь, сильно ударилъ ее ногою въ грудь. Жалобный, тоскливый голосъ ея вдругъ замолкъ. Аннушка уже не показывалась изъ воды. Страшно подѣйствовала на Чабана эта катастрофа, болѣе всего тѣмъ, что въ нѣкоторомъ родѣ онъ былъ виновникомъ смерти Аннушки, такъ какъ она цѣплялась за него, а онъ ее оттолкнулъ. Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ. Весь Божій свѣтъ ему сдѣлался не милъ. Предсмертные вопли Аннушки:—Батя!.. голубчикъ!.. Родной!.. Не отталкивай!.. Не покинь!..— постоянно раздавались въ его ушахъ и всюду преслѣдовали его. Напрасно, для успокоенія совѣсти, обращался онъ къ людскому суду: каялся крестьянскому міру, ходилъ за сто верстъ въ городъ къ исправнику, къ мировому, обращался къ попу. Онъ оказался неподсуднымъ человѣческому суду. Одинъ Прокопій былъ способенъ наставить его на путь истины.

— Если спрашиваешь,—сказалъ онъ старику, раскрывшему передъ нимъ свое горе,—такъ скажу тебѣ, что по моему разумѣнію тебѣ нужно перво-на-перво быть пожалостливѣе, нужно съ людьми помириться! Ты ужъ больно съ другими строгъ, да суровъ... немилостивъ! Помиришься съ людьми, перестанешь возноситься надъ ними—и съ совѣстью заживешь въ ладу. Вотъкакъ я смекаю.

— А нѣшто я былъ врагъ людямъ-то?—съ тайнымъ раздраженьемъ спросилъ Чабанъ.

— Знамо дѣло, недругъ!—отозвался Прокопій,—я вѣдь тебѣ ужъ не разъ говорилъ про то, да ты слушать не хотѣлъ. А я говорилъ, жалѣючи тебя. Вѣдь ты у насъ былъ ровно вотъ снѣговой дѣдушка, бѣлый, чистый, да холодный и высокій такой, клюкой не достать... О себѣ да о своемъ прибылѣ только у тебя было и думушки. Что-жъ? По-твоему, и для покойной невѣстки ты другомъ былъ, когда въ воду ее толкалъ? А по-моему говорю: будь жалостливъ! Ежели тебѣ доведется увидѣть человѣка въ погибели, спасай, не давай ему тонуть... Забудь о себѣ-то, не бойся ногъ промочить.

— Гмъ?—усмѣхнулся старикъ.—И радъ бы спасти теперь кого ни на есть. Да вѣдь у насъ, братъ, на рѣкѣ не каждый день тонутъ!.. А ежели-бы...

— Нѣтъ, Петровичъ! Постой!—перебилъ его Прокопій.—Я совсѣмъ не о томъ... не о рѣкѣ! Въ Пудегѣ у васъ, извѣстно, не каждый день тонутъ, храни Богъ. О другой погибели я говорю. Люди-то вокругъ насъ повсечасно тонутъ. Одинъ тонетъ въ горѣ, другой въ нуждѣ, а иной въ своей же злобѣ захлебывается... Вотъ о комъ я говорю! Этихъ спасай, не отталкивай отъ себя! Разумѣешь, Петровичъ?..

Слова Прокопія глубоко запали въ душу старика; мало-помалу сердце его растаяло, и онъ освободился отъ своего черствaго высокомѣрія. Первымъ дѣломъ онъ простилъ своего зятя, когда тотъ съ отчаянія забрался ночью въ амбаръ тестя и обокралъ его. Затѣмъ, ни одинъ нуждающійся и обращающійся къ нему за помощью односельчанинъ не уходилъ отъ него съ пустыми руками. Никто отъ него уже не слыхалъ прежнихъ рѣзкихъ приговоровъ и осужденій по поводу людской нерадивости и лѣни. Съ семьянами онъ былъ ровенъ и тихъ, ругательныя слова съ языка его не срывались. Онъ былъ серьезенъ, спокоенъ, и улыбка у него сдѣлалась добрая, мягкая. Работалъ онъ нелѣностно, но не такъ, чтобы могъ зарьять на работѣ.

Разговоровъ о Чабанѣ въ Никольщинѣ было не мало. Люди зажиточные и богатые прямо глумились надъ нимъ и говорили, что старикъ изъ ума выжилъ. Но большинство никольщинцевъ,

однако, съ богачами не соглашалось и не считало Чабана за сумасшедшаго.

«Наконецъ-то,—читаемъ въ романѣ,—миръ, давно желанный, снизошелъ въ его смятенную, взволнованную душу: ненарушимое спокойствіе, какая-то праздничная, свѣтлая тишина наполняли его всего и проникали всю его теперешнюю жизнь...

Припомнился ему разсказъ, что̀ читалъ ему Прокопій, разсказъ объ одномъ святомъ человѣкѣ, жившемъ когда-то очень, очень давно. Прокопій читалъ этотъ разсказъ изъ какой-то большой, толстой книги въ черномъ кожаномъ переплетѣ, читалъ не однажды, и Чабанъ иныя мѣста изъ него запомнилъ даже дословно. Этому святому человѣку одинъ разъ въ видѣніи представилось большое, большое поле, все покрытое сухими человѣческими костями. И вдругъ произошелъ надъ землей какой-то шумъ, и всѣ эти желтыя кости, какъ попало разбросанныя, стали сближаться, превращаться въ скелеты, покрылись жилами, плотью и кожей. Но всѣ эти тѣла были еще мертвы и лежали неподвижно. Тогда святой человѣкъ, по велѣнію Божіему, сказалъ: «отъ четырехъ вѣтровъ прійди духъ и дохни на этихъ убитыхъ, и они оживутъ!.». И мертвыя тѣла ожили и возстали. И было ихъ великое множество...

«Прежде» и самъ онъ, и всѣ люди вокругъ него казались Чабану тѣлами бездушными; «теперь» же онъ чувствовалъ, что люди какъ будто ожили, и самъ онъ ожилъ и очутился какъ будто въ иномъ мірѣ...»

Такимъ образомъ и здѣсь не обходится дѣло безъ старой книги въ кожаномъ переплетѣ, но читаются въ ней страницы совсѣмъ иного рода. Вообще сравненіе Ивана Мудраго и Прокопія весьма поучительно. Оно показываетъ намъ, какъ въ теченіе своей жизни писатель подчиняется разнымъ вѣяніямъ, подъ давленіемъ которыхъ ему приходится дѣйствовать. Такъ, мы видимъ, что въ общихъ своихъ убѣжденіяхъ П. Вл. Засодимскій непоколебимо остается тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ; тѣмъ не менѣе, наше время не оставило его безъ своей печати. Подобно Л. Н. Толстому, грядущее царствіе Божіе онъ началъ полагать не въ будущихъ вѣкахъ, въ зависимости отъ переработки общественныхъ отношеній, а въ душѣ каждаго человѣка въ отдѣльности. Въ своемъ романѣ «Грѣхъ», появившемся въ свѣтъ ранѣе «Недѣланія» Л. Н. Толстого, онъ предупредилъ послѣдняго во взглядѣ на тщету труда въ качествѣ единственнаго якоря спасенія человѣчества. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не избѣгъ того вліянія автора «Войны и мира», безъ котораго не обошелся ни одинъ изъ современныхъ беллетристовъ.

А. Скабичевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВЫЯ КНИГИ.

Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. *Евг. Максимовъ.* Спб., 1895 г.

Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. *Сергій Сперанскій.* Москва, 1895 г.

Въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ и правительствѣ выступилъ на сцену вопросъ о лучшей организаціи общественнаго призрѣнія и образована комиссія для пересмотра дѣйствующаго законодательства по этому предмету. Въ связи съ дѣятельностью этой комиссіи находится названная въ заголовкѣ рецензіи работа г. Максимова, первоначально напечатанная въ «Журналѣ Юридическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ». Какъ видно изъ названія этого труда, онъ посвященъ обзору земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. Главное вниманіе обращено въ немъ на расходы общественныхъ учрежденій, при чемъ сравнивается положеніе этого дѣла до введенія земскихъ учрежденій и въ новѣйшее время въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. Не ограничиваясь данными о дѣятельности органовъ самоуправленія, авторъ приводитъ и имѣющіяся свѣдѣнія объ учрежденіяхъ для призрѣнія, содержимыхъ на частныя средства. Главная масса данныхъ имѣетъ статистическій характеръ, при чемъ цифры соединены по предметамъ лишь въ крупные отдѣлы, безъ детальнаго ихъ подраздѣленія. По общему заключенію автора относительно участія органовъ самоуправленія въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, земства не только значительно увеличили расходы на этотъ предметъ сравнительно съ прежнимъ временемъ и сравнительно съ расходами, ассигнуемыми въ неземскихъ губерніяхъ, но и вызвали частную инціативу, возбудили общественную самодѣятельность; а принятіемъ на себя организаціи медицинской части дали возможность этой инціативѣ и самодѣятельности обратить особое вниманіе на нужды призрѣнія. Въ то же время въ земскихъ губерніяхъ замѣчается расширеніе сферы примѣненія призрѣнія и появленіе новыхъ типовъ учрежденій этого рода, а само земство стремится вопросъ о призрѣніи съ сословной почвы, на какой исключительно онъ стоитъ въ неземскихъ губерніяхъ, перенести на почву всесословную и привлечь къ участію въ организаціи этого дѣла, по возможности, всѣ живыя силы мѣстности.

Въ извѣстномъ отношеніи къ тому же вопросу объ общественномъ призрѣніи находится и вторая книга, указанная въ заголовкѣ рецензіи, состав-

ляющая отчетъ г. Сперанскаго по заграничной его командировкѣ Московскимъ университетомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права. Согласно возложенной на него обязанности, г. Сперанскій осмотрѣлъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ въ Западной Европѣ учрежденій безопасности и благоустройства, описаніе которыхъ и составляетъ предметъ названнаго труда. Кромѣ учрежденій собственно для призрѣнія бѣдныхъ и для воспитанія бросаемыхъ матерями дѣтей, въ книгѣ г. Сперанскаго имѣются описанія нѣкоторыхъ учрежденій для посредничества между работодателями, нуждающимися въ рабочихъ, и работниками, не имѣющими занятія; попытокъ организаціи страхованія отъ безработицы въ Швейцаріи; учрежденій швейцарскихъ рабочихъ секретаріатовъ, имѣющихъ цѣлью производство изслѣдованій по рабочему вопросу, доставленіе рабочимъ всякаго рода справокъ, преимущественно по вопросамъ, вытекающимъ изъ соціальнаго законодательства, и примирительное посредничество между хозяевами и рабочими; описаніе попытокъ устройства благообразныхъ жилищъ для рабочихъ (въ томъ числѣ знаменитаго Мюльгаузенскаго рабочаго городка, обратившагося въ городъ обыкновенныхъ квартирохозяевъ, эксплуатирующихъ своихъ жильцовъ). Затѣмъ, въ книжкѣ автора имѣются описанія нѣкоторыхъ музеевъ и выставокъ по промышленной гигіенѣ, описаніе соціальнаго музея (поставившаго задачей сосредоточить свѣдѣнія объ учрежденіяхъ и мѣропріятіяхъ всего міра, имѣющихъ цѣлью поднятіе матерьяльнаго и духовнаго благосостоянія рабочихъ) въ Парижѣ, нѣкоторыхъ обществъ для распространенія образованія, христіанскихъ союзовъ молодежи для нравственнаго ея воспитанія и охраны отъ пагубнаго вліянія и соблазна большого города; института для слѣпыхъ дѣтей въ Ильцихѣ и для исправленія порочныхъ дѣтей въ Мокотовѣ, подъ Варшавой. Для полноты коллекціи, приведены и описанія двухъ тюремъ съ организованными въ нихъ работами—ремесленными и земледѣльческими. Замѣтимъ кстати, что въ тюрьмѣ, въ Брухзалѣ, для самыхъ тяжкихъ преступниковъ и гдѣ введено строгое одиночное заключеніе, всѣ арестанты въ возрастѣ 18—35 л. обязательно посѣщаютъ 6-ти-классную школу; при тюрьмѣ имѣется библіотека. Если къ приведенному перечню учрежденій, описаніе коихъ имѣется въ книгѣ г. Сперанскаго, прибавить, что его данныя всегда новы, а свѣдѣнія о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ появляются въ Россіи впервые, то читатель согласится, что въ фактическомъ отношеніи отчетъ г. Сперанскаго представляется достаточно интереснымъ для того, чтобы его рекомендовать вниманію читателя, не чуждающагося вопросовъ, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь.

А. А. Бернацкій. Кустарно-промышленныя товарищества и артели въ Пермской губерніи, организованныя при содѣйствіи банка пермскаго земства. Спб. 1895 г.

Вопросъ о примѣненіи артельнаго начала въ народныхъ промыслахъ

имѣетъ для Россіи огромное значеніе. Важность этого вопроса явствуетъ изъ того, что обращеніе мелкихъ предпріятій въ *крупныя* капиталистическія—въ тѣхъ промыслахъ, которые въ настоящее время пользуются широкимъ распространеніемъ среди нашего крестьянскаго населенія—вообще идетъ медленно, и что этимъ промысламъ гораздо больше грозитъ мелкій капиталъ, организующій не крупныя, машинныя предпріятія, а небольшія мастерскія съ наемными рабочими, а также капиталъ, закабаляющій мелкаго производителя, какъ капиталъ торговый и ростовщическій. При такихъ условіяхъ,—когда для отстаиванія своего существованія народнымъ промысламъ приходится конкуррировать не съ фабриками, обнимающими сотни и тысячи рабочихъ, а съ мастерскими, рабочій персоналъ коихъ считается много-много десятками, — организація кустарей въ *небольшія* артели является могучимъ орудіемъ въ ихъ борьбѣ за существованіе, обезпечивающимъ ихъ отъ поглощенія капиталистическими предпріятіями, по крайней мѣрѣ на время, пока экономическое развитіе страны не выдвинетъ на сцену вопросъ о борьбѣ мелкихъ общественныхъ (капиталистическихъ и артельныхъ) предпріятій съ крупными, разрѣшеніе какового вопроса составитъ задачу не настоящаго, а будущихъ поколѣній. А если такъ, если вопросъ ближайшаго будущаго нашихъ сельскихъ промысловъ заключается въ организаціи *мелкихъ* производительныхъ, сырьевыхъ, кредитныхъ и другихъ товариществъ и артелей, то для сужденія о томъ, можно-ли надѣяться на болѣе или менѣе быстрое образованіе такихъ артелей—представляется весьма важнымъ разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: на сколько наше населеніе вообще расположено къ совмѣстному веденію промышленныхъ дѣлъ; въ какихъ формахъ и въ какихъ промыслахъ это веденіе вообще получаетъ осуществленіе; въ какихъ промыслахъ и по отношенію къ какимъ предметамъ примѣненіе артельнаго начала встрѣчается рѣдко; отъ какихъ причинъ зависитъ это послѣднее явленіе и что могутъ сдѣлать для его устраненія наша интеллигенція и общественныя учрежденія, вѣдающія хозяйственную жизнь народа?

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ вниманіе и изслѣдователей, и практическихъ дѣятелей очень мало было обращено на бытовыя народныя промышленныя артели, вслѣдствіе чего массѣ общества неизвѣстно, что эти артели считаются у насъ десятками, если не сотнями тысячъ; сами эти артели почти не подвергались сколько-нибудь широкому систематическому изслѣдованію, а практическіе дѣятели весьма мало заботились о томъ, чтобы исходной точкой своихъ мѣропріятій по предмету распространенія артелей взять уже существующія въ народѣ формы артельныхъ организацій, и—вмѣсто того, чтобы примкнуть къ народному артельному движенію, расширить, систематизировать и, такъ сказать, окультурить его,—они заботились о созданіи артелей средй промысловъ и ихъ представителей, гдѣ не было самостоятельныхъ артельныхъ начинаній и гдѣ, поэтому, существуетъ наименѣе благопріятная почва для развитія кооператив-

ныхъ предпріятій. Изъ начинаній культурнаго общества, построенныхъ на противоположномъ этому началѣ (не считая артельныхъ начинаній тверского земства въ концѣ 60 гг.), мы упомянемъ о кассѣ для выдачи ссудъ артелямъ кустарей по лѣсному дѣлу въ царевококшайскомъ земствѣ Казанской губ. Но это предпріятіе имѣло тотъ важный недостатокъ, что дѣятельность земства ограничивалась выдачей ссудъ, а образующіяся артели оставались безъ всякаго надзора и руководства. Совершенно по иному пути въ дѣлѣ помощи кустарнымъ промысламъ вообще и развитію артелей въ частности идетъ кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства, открытый всего 2 года назадъ. Первой заботой этого учрежденія было привлечь, въ качествѣ посредниковъ между банкомъ и кустарями, лицъ мѣстной интеллигенціи, и, на второй годъ своего существованія, онъ уже имѣлъ на мѣстахъ больше ста агентовъ. Нужно полагать, поэтому, что какъ все предпріятіе этого банка, такъ и, въ частности, его дѣятельность по образованію артелей пойдетъ успѣшнѣе, нежели шли другія аналогичныя предпріятія нашего общества.

Поименованная въ заголовкѣ рецензіи брошюра директора этого банка г. Бернацкаго (перепечатка изъ Адресъ-Календаря Перм. г. за 1896 г.) имѣетъ задачей познакомить читателей съ первыми шагами кустарнаго банка по устройству артелей. Артелей и товариществъ къ половинѣ 1895 г. открыто 14: 6 производительныхъ, 3 сырьевыхъ и 5 ссудныхъ. Въ двухъ производительныхъ артеляхъ (въ томъ числѣ одна—чулочныхъ мастерицъ) производство ведется въ общихъ мастерскихъ, въ остальныхъ—на дому, причемъ въ одной изъ нихъ каждый кустарь приготовляетъ дома отдѣльныя части издѣлія (экипажи), которыя потомъ сбираются и продаются за общій счетъ. Образованныя земскимъ банкомъ артели имѣютъ тотъ интересъ, что, кромѣ правилъ ихъ уставовъ, касающихся формальной стороны дѣла, введенныхъ по совѣту банка, «общій укладъ организаціи и частности взаимныхъ отношеній артельщиковъ устанавливались ими вполнѣ самостоятельно и сообразно особенностямъ и роду промысла, мѣстнымъ и бытовымъ условіямъ». Кромѣ формально образованныхъ товариществъ, въ банкѣ кредитуются лица, служащія представителями нѣсколькихъ лицъ, но берущія деньги на свое имя. Къ числу такихъ представителей товариществъ, не имѣющихъ формальнаго договора, принадлежатъ между прочимъ 8 кирпичниковъ д. Фирсовой, Екатеринбургскаго у., интересной въ томъ отношеніи, что промыселъ ведется здѣсь на артельномъ началѣ: печи, сараи, снаряды и инструменты очень часто составляютъ здѣсь общую собственность нѣсколькихъ лицъ, такъ что «почти вся деревня представляетъ одинъ рабочій лагерь артельщиковъ».

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. V. М. 1895 г., с. 262+190. Ц. 2 р. 50 к.

Выставленное въ заголовкѣ изданіе юридическаго общества при

Московскомъ университетѣ выходитъ взамѣнъ журнала «Юридическій Вѣстникъ», переставшаго выпускаться обществомъ послѣ того, какъ оно было лишено права издавать его безъ предварительной цензуры. При юридическомъ обществѣ состоитъ статистическое отдѣленіе, посвящающее свои силы по преимуществу разработкѣ экономическихъ вопросовъ. И такъ какъ это общество въ своихъ работахъ не ограничивается узкими и спеціальными темами, то и «Юридическій Вѣстникъ», и смѣнившій его «Сборникъ Правовѣдѣнія» по содержанію представляютъ интересъ для всякаго образованнаго читателя. Такъ, въ послѣднемъ томѣ этого сборника напечатаны всего двѣ узко-спеціальныя статьи: «Очеркъ права и процесса въ эпоху Русской Правды» г. Бѣляева и замѣтка о полицейскомъ порядкѣ взысканія для казенныхъ управленій г. Джаншіева. Сюда же, быть можетъ, слѣдуетъ отнести и замѣтку г. Озерова о трудахъ американскаго ученаго, Эдвина Селигмана, въ области финансовой науки. Остальныя статьи Сборника представляютъ интересъ для образованнаго читателя вообще и касаются довольно разнообразныхъ предметовъ. Такъ, вы встрѣтите здѣсь статью г. Танцова по обычному праву нашихъ крестьянъ («Попеченіе о неправоспособныхъ крестьянахъ»); статью г. Обнинскаго, посвященную характеристикѣ общаго направленія дѣятельности мировыхъ судей и замѣнившихъ ихъ земскихъ начальниковъ; статьи г. Сторожева о дѣятельности Новикова и о первомъ томѣ книги г. М. Ковалевскаго «Происхожденіе современной демократіи» (прибавимъ кстати, слишкомъ кратко касающуюся затронутыхъ въ ней вопросовъ для того, чтобы служить большей «популяризаціи книги пр. К.», ради каковой цѣли она написана); рѣчь г. Туганъ-Барановскаго на диспутѣ при защитѣ имъ магистерской диссертаціи «Промышленные кризисы въ современной Англіи и ихъ причины» (книга, къ сожалѣнію, не получившая того распространенія, какого она заслуживаетъ) и статью г. П. Водовозова «Экономическія идеи французскихъ католиковъ», очень интересную по новости темы, хотя бы читатель и не соглашался съ оцѣнкой автора новѣйшей эволюціи взглядовъ католическаго духовенства на соціальный вопросъ. Для полноты, въ Сборникѣ недостаетъ статьи по вопросамъ экономическаго быта Россіи. Кромѣ перечисленныхъ статей, въ разсматриваемомъ изданіи помѣщено обозрѣніе русской юридической и экономической литературы, русскаго законодательства въ области права, экономіи и финансовъ; отчеты о засѣданіяхъ юридическаго общества и о диспутахъ въ Московскомъ университетѣ; о конференціи по частному международному праву въ Гагѣ въ 1894 г. и рядъ мелкихъ замѣтокъ по вопросамъ экономическихъ и юридическихъ отношеній преимущественно Россіи.—Изъ сдѣланнаго обзора содержанія разсматриваемаго изданія читатель можетъ составить понятіе о мѣрѣ представляемаго имъ интереса.

Судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. *С. С. Розенберг*, Спб. 1896.

Весьма небольшая по размѣрамъ и довольно скудная по содержанію брошюра г. Розенберга не заслуживала бы вниманія, если бы она не трактовала о такомъ важномъ вопросѣ, какъ судьбы нашей корпоративной присяжной адвокатуры. Впрочемъ, слѣдуетъ предупредить читателя, что въ разсматриваемой брошюрѣ онъ найдетъ весьма мало о судьбахъ адвокатуры; въ книжкѣ имѣется нѣсколько общихъ разсужденій и такъ-называемыхъ историческихъ справокъ объ адвокатурѣ вообще, заимствованныхъ изъ плохихъ учебниковъ судопроизводства; нѣсколько статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень курьезны, какъ, напр., слѣдующая табличка:

	Одною службою по судебному вѣдомству.	Службою и стажемъ въ званіи помощника.	Только стажемъ въ званіи помощника.
1875 — 1880 г.	7	5	5
1880 — 1885 г.	3	1	5
1885 — 1890 г.	2	0	4

Изъ этихъ цифръ лицъ, достигшихъ званія присяжнаго повѣреннаго, авторъ дѣлаетъ смѣлый выводъ, что «приливъ новыхъ членовъ сословія, достигшихъ званія присяжнаго повѣреннаго службою по судебному вѣдомству, уменьшался постоянно; чиновный элементъ, весьма нежелательный въ глазахъ закона для присяжной адвокатуры, сталъ проникать въ сію послѣднюю въ теченіе означеннаго пятнадцатилѣтія все меньше и меньше». Дѣлать какой-либо выводъ изъ девяти цифръ за 15 лѣтъ—пріемъ совершенно новый въ статистикѣ, главное основаніе которой массовое наблюденіе надъ большимъ числомъ случаевъ. О корпоративномъ характерѣ нашей адвокатуры авторъ сообщаетъ весьма мало данныхъ и, главнымъ образомъ, останавливается на вопросѣ о комплектѣ присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ онъ является горячимъ сторонникамъ установленія такого комплекта.

Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. *Гр. Джаншіевъ*, 6-е дополненное изданіе. Москва 1896 г.

Книгу г. Джаншіева постигла замѣчательная судьба: въ теченіе трехъ лѣтъ она выдерживаетъ 6 изданій—фактъ, давно небывалый въ русской книжной торговлѣ и указывающій на выдающійся интересъ книги и на не менѣе большой интересъ нашего общества къ предмету, о которомъ она трактуетъ. И дѣйствительно, та эпоха русской исторіи, которую разсматриваетъ г. Джаншіевъ въ своей книгѣ, навсегда останется однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ моментовъ; эта эпоха подъема народныхъ силъ, проведенія въ практическую жизнь идеаловъ 40-хъ гг. представляетъ со-

бою тотъ поворотный пунктъ въ русской исторіи, съ котораго начинается у насъ новая эра. Между Россіей до 60-хъ гг. и послѣ нихъ весьма мало общаго. Шестидесятые годы положили широкую борозду между этими двумя эпохами и сдѣлали, не смотря на всѣ усилія реакціонеровъ, возвращеніе вспять невозможнымъ.

Новое изданіе книги г. Джаншіева дополнено нѣсколькими очень интересными и горячо написанными статьями и новымъ весьма обширнымъ, талантливо написаннымъ предисловіемъ, основная мысль котораго можетъ быть выражена слѣдующими прекрасными словами г. Ѳеоктистова, взятыми, какъ эпиграфъ къ книгѣ: «Тамъ, гдѣ нѣтъ отвѣственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, безсмысленно говорить о мнимомъ равенствѣ».

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ, *Брандесъ. Французская литература*. Изданіе Павленкова. 2 руб.

Ламенэ въ своемъ знаменитомъ произведеніи: «Les paroles d'un croyant», между прочимъ, писалъ:

«Юный воинъ! куда идешь ты?»

«— Я иду на борьбу за справедливость, за святое дѣло народовъ, за вѣчныя права человѣчества»...

«Да будетъ твое оружіе благословенно, юный воинъ!»

«Юный воинъ, куда идешь ты?»

«— Я иду, чтобы уничтожить преграды, раздѣляющія народы и дѣлающія имъ броситься другъ другу въ объятья, какъ братьямъ, которымъ суждено жить въ любовномъ единеніи другъ съ другомъ».

«Да будетъ благословенно твое оружіе, юный воинъ!»

«Куда идешь ты, юный воинъ?»

«— Я иду, чтобы освободить мысль, слово и совѣсть отъ тиранніи людей».

«Благословенно, семь разъ благословенно да будетъ твое оружіе, юный воинъ!»

Эти безсмертныя слова безсмертнаго писателя невольно пришли намъ на мысль, когда мы читали, вышедшую въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, книгу датскаго критика Георга Брандеса: «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ». И, дѣйствительно, если бы Брандесу стали послѣдовательно предлагать три вопроса Ламенэ, онъ обѣими руками подписался бы подъ всѣми отвѣтами. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любое изъ крупныхъ произведеній знаменитаго критика, любой отдѣлъ этого произведенія, даже любую изъ главъ и страницъ,—и вы увидите, что ихъ авторъ, какъ храбрый, сильный и ловкій воинъ, энергично борется «за справедливость, за святое дѣло народовъ, за вѣчныя права человѣчества». Доказывать эту мысль примѣрами значитъ повторять все то, что писалъ и говорилъ Георгъ Брандесъ за послѣднія три десятилѣтія.

Другая основная черта всѣхъ критическихъ произведеній Брандеса— это идея общности человѣческихъ интересовъ. Эта идея съ особенной

критика въ его знаменитой «характеристикѣ произведеній г-жи Сталь». Разбирая «Коринну», Брандесъ, между прочимъ, пишетъ:

«Когда вспомнишь, какъ могущественъ предразсудокъ, который во всѣхъ странахъ, безъ исключенія, вмѣняетъ человѣчеству въ преступленіе несогласіе съ мыслью, что его родная страна является воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, приписываемыхъ ею самой себѣ—о чемъ столько канонизированныхъ паяцевъ ежедневно твердятъ ейсъ величайшей пользой для себя,—если принять все это въ соображеніе, то сдѣлается понятной смѣлость, обнаруженная госпожей Сталь, начавшей въ такой моментъ борьбу съ національнымъ тщеславіемъ французовъ. Существуетъ одна великая идея, болѣе опасная для деспотической власти, чѣмъ всѣ глубоко вкоренившіеся взгляды и обычаи всякаго общества. Источникъ этой идеи не въ логикѣ. Хотя, казалось бы, что логика, если ее допустить въ хранилище предразсудковъ, которые въ опредѣленную эпоху управляютъ извѣстной страной, должна была бы произвести такое же значительное опустошеніе, какъ быкъ, попавшій въ посудную лавку, —въ дѣйствительности оказывается, что чистая логика совсѣмъ не вліяетъ на большинство людей. Нѣтъ, болѣе всего другого выводитъ изъ спячки и поражаетъ толпу, если человѣкъ въ состояніи сдѣлать относительнымъ то, что ей казалось абсолютнымъ, т.-е. доказать ей, что идеалъ, который она считаетъ общепризнаннымъ, считается таковымъ лишь извѣстной группой единомышленныхъ людей, и что другія націи и племена имѣютъ въ то же время совсѣмъ иное представленіе о должномъ и прекрасномъ; что искусство и поэзія, неправящіяся имъ, считаются превосходными за предѣлами ихъ родины, между тѣмъ какъ ихъ собственныя вещи, провозглашенныя ими первыми въ мірѣ, очень низко цѣнятся ихъ сосѣдями, и что, наконецъ, смѣшно и вредно думать, будто всѣ другіе народы заблуждаются, потому что каждый изъ этихъ народовъ, въ свою очередь, считаетъ безусловно правымъ лишь себя, а всѣхъ остальныхъ—заблуждающимися. Вотъ почему, еслибы я захотѣлъ сжато, въ немногихъ словахъ опредѣлить заслуги г-жи Сталь передъ французскимъ обществомъ, передъ французской и одновременно передъ европейской культурой и литературой, то я выразился бы слѣдующимъ образомъ: она въ двухъ главнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ: «Коринѣ» и «О Германіи» сдѣлала *относительными* гуманныя и литературныя воззрѣнія и міросозерцаніе Франціи, Англіи, Германіи и Италіи».

Едва-ли нужно много распространяться о томъ, что датскій критикъ боролся, не покладая оружія, и продолжаетъ бороться за «освобожденіе мысли, слова и совѣсти отъ тиранніи людей». Выступая въ первый разъ со своими публичными лекціями, онъ энергично заявляетъ:

«Что касается моихъ основныхъ взглядовъ, моихъ руководящихъ принциповъ и идей, то я не считаю нужнымъ просить о снисхожденіи къ нимъ. Я считаю для себя долгомъ и дѣломъ чести относиться съ почтеніемъ къ проповѣдуемымъ мною принципамъ. Я убѣжденъ, что, какъ и всякій другой, имѣю право на свободное изслѣдованіе, и увѣренъ, что, не смотря ни на что, свобода восторжествуетъ».

Въ другой разъ онъ говорилъ:

«Мы желаемъ свободы научнаго изслѣдованія, ничѣмъ не ограничивая его области, чтобы предохранить науку отъ опасности сдѣлаться католической въ католической странѣ и протестантской въ протестантской. Кто желаетъ, чтобы вмѣсто десяти истинъ была одна, независимая отъ различныхъ исповѣданій, тотъ уже сторонникъ свободнаго изслѣдованія».

Само собою разумѣется, что такая независимость въ сужденіяхъ, такая горячая любовь къ свободѣ слова и научнаго изслѣдованія пришлась не по душѣ правовѣрнымъ датчанамъ, особенно quasi - ученымъ лицемѣрамъ и поборникамъ мракобѣсія: всѣ эти элементы соединились въ одно цѣлое и достигли того, что умнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ Даніи былъ оплеванъ, оклеветанъ и подвергнутъ остракизму. Брандесъ за свое «свободомысліе» принужденъ былъ бѣжать въ Германію, но и оттуда онъ долго не переставалъ громить своихъ враговъ, пока послѣдніе не обезсилѣли.

«Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу Общества вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. 1895 г.

Женскія гимназіи даютъ среднее образованіе русской женщинѣ, не разлучая ее съ семьей въ тотъ періодъ жизни, когда у дѣвушки складывается по преимуществу характеръ и привычки. Весьма важно, разумѣется, чтобы дѣвушка, поступивъ въ гимназію, не была принуждена, по недостатку средствъ, оставить ее именно тогда, «когда воспріимчивый умъ ребенка уже созналъ всю прелесть ученія, когда сама же гимназія успѣла пробудить въ дѣвочкѣ новые умственные и нравственные интересы, требующіе дальнѣйшаго развитія и удовлетворенія». Вотъ почему никто не станетъ отрицать настоятельную необходимость поддержки Обществъ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ при гимназіяхъ, особенно расположенныхъ на окраинахъ съ бѣднѣйшею частью городского населенія, какъ, напр., въ Коломнѣ. Въ память тридцатилѣтняго существованія Коломенской гимназіи, «Обществомъ вспомоществованія» изданъ настоящій сборникъ, составленный изъ статей гг. Кота-Мурлыки, В. Микуличъ, М. Меньшикова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Северина, В. Немировича-Данченко, Д. Михайловскаго, К. Фофанова, П. Вейнберга, Викт. Острогорскаго, Д. Кайгородова, О. Петерсонъ, Грумъ-Гржимайло и др. «Звѣздочка» Кота-Мурлыки напоминаетъ собою въ прозѣ стихотвореніе Лермонтова объ «Ангелѣ», который напѣвалъ младенцу о безгрѣшныхъ духахъ, живущихъ исключительно «вѣрой, надеждой и любовью», не смотря на безчеловѣчный обманъ, ожидающій каждаго изъ насъ на землѣ. Такая же поэтическая сказка В. Микуличъ «Дурочка» рисуетъ сначала маленькую дѣвочку, которая «нѣжнѣе и ласковѣе всего была съ тѣми, кто обижалъ ее», а потомъ взрослую дѣвушку, любящую безъ взаимности человѣка, у котораго всѣ предки были изъ хорошей фамиліи, никогда не работали, женились исключительно на богатыхъ дѣвушкахъ и тѣмъ поддерживали честь своего рода. Герой ея былъ такимъ же и, тѣмъ не менѣе, «дурочка» не могла его разлюбить и всю жизнь собирала ему милліоны, благодаря своему выдающемуся музыкальному таланту. Прелестный образъ «дурочки» носитъ на себѣ печать поэтическаго и сатирическаго таланта автора «Зар-

ницъ» и «Мимочки». Въ разсказѣ М. Меньшикова «Несчастный» проводится мысль о томъ, что *самый несчастный* человѣкъ—тотъ, которому ничего не нужно (самоубійца), а между тѣмъ въ помощи нуждается большинство людей—просто несчастныхъ, на каждомъ шагу попадающихся тѣмъ, которые разыскиваютъ съ деньгами «самыхъ несчастныхъ»... Очень недурны вещицы Мамина-Сибиряка («На огонекъ»), Немировича-Данченко («Геркулесовы столбы») и переводныя изъ Ф. Коппе, Лесспнга, Мольера и др. Статья Викт. Острогорскаго: «Тургеневъ—о культурной русской женщинѣ» написана весьма обстоятельно и заканчивается письмомъ умирающаго Ив. Серг. Тургенева къ одной изъ слушательницъ спб. врачебныхъ курсовъ: «Историческія судьбы Россіи налагаютъ на русскую женщину особыя и высокія обязанности, при исполненіи которыхъ она уже заявила столько силы самопожертвованія, столько способности къ честному и стойкому труду, что было бы неразумно, было бы грѣшно—не говорю уже ставить преграды на указанномъ ей свыше пути,—но не способствовать ей всѣми мѣрами къ осуществленію ея призванія». Въ заключеніе къ сборнику «Въ добрый часъ» приложенъ романсъ съ словами тоже В. Острогорскаго: «Черные вороны все-то летаютъ» и музыкой г. Лапченки. Такое разнообразное содержаніе сборника должно бы возбудить интересъ въ читателяхъ, особенно сочувствующихъ его филантропическому предназначенію.

На тройкахъ. Очерки и разсказы. *Н. Телешовъ.* Москва. 1895 г.

Для рецензентовъ сборники неизвѣстныхъ авторовъ—сущее наказаніе. Прочтешь фамилію автора на обложкѣ и, прежде чѣмъ приступить къ чтенію, прибѣгаешь къ памяти за библіографической справкой: не встрѣчался-ли раньше въ какихъ-либо журналахъ съ произведеніями автора? Память услужливо разгребаетъ цѣлую кучу вольно или невольно прочитаннаго матерьяла, перебираетъ тысячи фамилій, но фамиліи «автора» не находитъ... И начинаетъ мерещиться, что сборникъ неизвѣстнаго автора—знакомая апелляція къ публикѣ на редакторовъ, которые не съумѣли «понять и оцѣнить», что авторъ—новая крикливая бездарность, карабкающаяся на вершковый пьедесталъ, чтобы съ высоты своего минутнаго и воображаемаго величія не всему міру, а двумъ-тремъ случайнымъ слушателямъ прокричать: «я тоже писатель» и, прокричавъ, исчезнуть безъ слѣда. Съ предубѣжденіемъ берешь сборникъ разсказовъ въ руки и, пробѣгая оглавленіе, стараешься напередъ угадать, въ которомъ изъ нихъ разсказывается до-нельзя омерзѣвшая исторія о томъ, какъ Ванька Таньку полюбилъ и что изъ сего произошло, гдѣ тутъ «бредъ куриной души», а гдѣ—пытка «психологіей». Но пробѣгаешь пятую, десятую, двадцатую страницу и съ радостью начинаешь замѣчать, что опасенія не оправдываются. Исторія о Ванькѣ съ Танькой разсказана безъ обычныхъ шаблонныхъ пріемовъ («Въ одинъ прекрас-

ный день...»), да и Ванька совсѣмъ не тотъ, что изготовляется на литературныхъ фабрикахъ, а совершенно своеобразный, хотя и не перваго сорта. Малѣйшій проблескъ оригинальности, красивый образъ, мѣткая фраза—и интересъ къ произведеніямъ начинаетъ быстро и замѣтно возрастать. Подобно тому, какъ раньше всюду ожидалъ встрѣтить банальное, скучное, нелѣпое, теперь въ погонѣ за тѣмъ лучшимъ, что можетъ дать авторъ, не хочешь замѣчать нелѣпаго, скучнаго, банальнаго. И если авторъ замѣтно не сорвется гдѣ-нибудь и благополучно доведетъ повѣствованіе до конца, то, закрывая книгу, предаешься розовымъ мечтамъ о новомъ, молодомъ дарованіи и, раздувая хорошія черточки въ достоинства, а недостатки извиняя молодостью, думаешь: «вотъ этотъ начинающій съ задатками! Изъ него что-нибудь да выйдетъ»...

При чтеніи разсказовъ г. Телешова мы послѣдовательно прошли сквозь описанную смѣну чувствъ вплоть до окончательнаго вывода, что онъ человѣкъ, не лишенный дарованія. Мы уклоняемся отъ болѣе категорическаго заявленія и не зачисляемъ преждевременно г. Телешова въ ряды «подающихъ надежды», ибо много званыхъ, но мало избранныхъ. Сколько нѣкогда яркихъ надеждъ радовало довѣрчивыя сердца рецензентовъ, а между тѣмъ—«отъ тѣхъ надеждъ и тѣни не осталось!» Г. Телешовъ не лишенъ наблюдательности, но эта наблюдательность не выходитъ изъ довольно ограниченнаго круга; онъ не лишенъ способности художественно воспроизводить свои наблюденія, но эта способность только изрѣдка вспыхиваетъ ярко, въ большинствѣ же случаевъ размѣнивается на мелкіе, красивые штрихи и фразы. «На тройкахъ»—описаніе путешествія купцовъ на ирбитскую ярмарку—представляетъ мало интереса, такъ какъ недостаточно интересны наблюденія автора сами по себѣ. Красивы только описанія природы, въ которыхъ авторъ прибѣгаетъ къ чеховскому пріему—олицетворенія. У него природа имѣетъ свою жизнь, свою душу... Вотъ почему глава «Мятель»—лучшая глава въ этомъ произведеніи. Изъ остальныхъ разсказовъ, часто недурныхъ по замыслу и проникнутыхъ какой-то тихой, мечтательной грустью, выдѣляются по тонкой обрисовкѣ фигуръ—«Бесѣда» и по цѣльности настроенія—«Съ Богомъ». Въ послѣднемъ разсказѣ очень трогательно описывается смерть старика-переселенца, заболѣвшаго въ дорогѣ и не успѣвшаго дотащить своей телѣжки до обѣтованной земли. Этотъ разсказъ особенно убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Телешовъ человѣкъ, не лишенный дарованія. Превратитъ-ли время и упорная работа надъ самимъ собою дарованіе г. Телешова въ талантъ, или оно завянетъ, не успѣвши расцвѣсть—покажетъ будущее...

Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. *Всеволодъ Чешихинъ.*

Въ этой книгѣ г. Чешихинъ далъ намъ довольно полное детальное разсмотрѣніе переводовъ Жуковскаго изъ Шиллера. Трудъ этотъ недавно увѣнчанъ преміей Императорской Академіи Наукъ, и одно это уже до-

статочно говоритъ въ пользу его обстоятельности. Авторъ, шагъ за шагомъ, съ самаго начала литературной дѣятельности Жуковскаго, слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ его крупнаго дарованія, нашедшаго себѣ наиболѣе типичное выраженіе въ переводахъ. Достоевскій не разъ говорилъ о необыкновенной отзывчивости нашей національности, о способности воплощать въ себѣ съ поразительною силою «геній чужого народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія». Этою-то великою способностью обладалъ и Жуковскій. Не смотря на свою мягкую, мечтательную и созерцательную натуру, склонную къ трогательному мистицизму и отвлеченному романтическому идеалу, въ большинствѣ своихъ переводовъ онъ стоялъ наравнѣ съ подлинникомъ, по силѣ стиха и мощной энергіи, при передачѣ соотвѣтствующихъ мѣстъ оригинала, а иногда тамъ, гдѣ ему не приходилось отрѣшаться отъ своей индивидуальности, онъ нерѣдко и возвышался надъ подлинникомъ. Въ данномъ случаѣ авторъ допускаетъ т. н. «согеніальность» (Kongenialität, по выраженію нѣмцевъ).

Г. Чешихинъ дѣлитъ поэтическую дѣятельность Жуковскаго на три періода. Первый начинается съ 1805 г., когда Жуковскій выступилъ въ свѣтъ съ идилліей «Подражаніе». Уже и въ этомъ періодѣ талантъ Жуковскаго и его индивидуальность выражались очень ярко. Наиболѣе удались ему переводы балладъ «Ивиковы журавли» и «Графъ Габсбургскій». Точность при передачѣ подлинника, изящество и внутренняя сила стиха являются неотъемлемыми достоинствами его переводовъ; за то въ лирическихъ произведеніяхъ Жуковскій, по молодости лѣтъ и по неопытности, не съумѣлъ справиться съ отвлеченно-философскими идеями Шиллера и отрѣшиться отъ субъективности лирика-романтика.

1821 годомъ начинается второй періодъ его дѣятельности. Къ этому году относится самый капитальный трудъ Жуковскаго переводъ «Орлеанской дѣвы». Трудъ этотъ представляетъ полное «художественное воссозданіе пьесы» на русскомъ языкѣ, не смотря на нѣкоторыя погрѣшности, которыя допустилъ Жуковскій, частью въ угоду тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, частью по мягкости своей славянской натуры въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Шиллеръ старался воспроизвести историческій и мѣстный колоритъ пьесы и вслѣдствіе этого являлся иногда безпощаднымъ, суровымъ, но правдивымъ реалистомъ. Въ этомъ періодѣ у Жуковскаго наблюдается глубокая объективность,—свойство зрѣлыхъ уже дарованій.

Послѣ перевода «Орлеанской дѣвы» онъ затихаетъ на нѣсколько лѣтъ и выступаетъ только въ 1828 г. съ балладой «Торжество побѣдителей» (Das Siegesfest).За нею послѣдовали «Поликратовъ перстень», «Жалоба Цереры», «Кубокъ», «Завѣшанная статуя въ Сансѣ», «Перчатка» и «Сраженіе съ змѣемъ» (представляющая скорѣе свободное переложеніе баллады Шиллера, чѣмъ переводъ ея), «Путь къ кузницѣ», «Дѣва съ чужбины» и «Элевзинскій праздникъ».

Въ этомъ періодѣ талантъ знаменитаго переводчика достигаетъ высокаго и полнаго своего развитія, при которомъ гармоническое сліяніе формы съ содержаніемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ что переводы Жуковскаго производятъ впечатлѣніе самостоятельнаго и непосредственнаго творчества.

Для доказательства всѣхъ приведенныхъ выводовъ, г. Чешихинъ подвергъ переводы Жуковскаго очень тщательному детальному разбору и обнаружилъ при этомъ не только основательное знаніе предмета, вкусъ и добросовѣстность, но и поэтическую чуткость.

Въ своемъ предисловіи авторъ справедливо замѣчаетъ, что такое «детальное сравненіе переводовъ съ подлинниками представляетъ не одинъ литературно-научный интересъ». Уклоненіе переводчика въ ту или другую сторону отъ подлинника можетъ служить масштабомъ для опредѣленія поэтической индивидуальности Жуковскаго. Въ виду психологическихъ основъ современной эстетики, это сравненіе представляетъ живой интересъ.

«Не герои». «На чужомъ полѣ». *А. Круглова.*

Есть у насъ писатели, пріобрѣвшіе себѣ нѣкоторую извѣстность не столько качествомъ, сколько количествомъ своихъ произведеній. Къ такимъ именно писателямъ принадлежитъ г. Кругловъ. Цѣлые десятки лѣтъ имя его попадается на глаза читателю,—главнымъ образомъ, читателю иллюстрацій. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, воспоминанія г. А. Круглова такъ и пестрятъ передъ глазами. Чего хочешь, того проснись—товаръ самаго разнообразнаго выбора. Г. Кругловъ берется удовлетворять запросы читателей всѣхъ возрастовъ, начиная съ самаго ранняго дѣтства до глубокой старости включительно. Конечно, надъ произведеніями для послѣдняго возраста нѣтъ соотвѣтствующаго ярлычка, но, тѣмъ не менѣе, предположеніе, что они назначены именно для престарѣлыхъ читателей, невольно приходитъ въ голову при чтеніи ихъ и смотря, какъ г. Кругловъ жуетъ и пережевываетъ общеизвѣстныя мысли.

Въ двухъ лежащихъ передъ нами книжкахъ помѣщено 14 разсказовъ. Авторъ этихъ жиденькихъ книжечекъ очень громко называетъ ихъ—томами: Т. I, «Живыя души». Т. II, «Живыя души». У Гоголя есть «Мертвыя души», у г. Круглова—наоборотъ.

Уже по самымъ заглавіямъ этихъ книжечекъ не трудно догадаться о содержаніи ихъ. Въ первой—«Не герой»—авторъ пытается дать нѣсколько образовъ простыхъ, честныхъ людей, чуждыхъ погони за мишурною славою, тихо творящихъ свои плодотворныя дѣла, короче сказать,—образы *незамѣтныхъ героевъ*, какъ опредѣлилъ ихъ талантливый беллетристъ Вас. Немировичъ-Данченко, давшій нѣсколько, дѣйствительно, живыхъ и яркихъ характеровъ такого рода. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго о герояхъ г. Круглова сказать нельзя: въ произведеніяхъ его вы

видите только одну мертвую, ходячую тенденцію, на которой, какъ на манекенѣ, написано то, что желалъ дать авторъ. Ни психологіи, ни наблюдательности. Объ индивидуальности автора не можетъ быть и рѣчи. Всѣ сюжеты и литературные пріемы его кажутся взятыми на прокатъ. Ни одной смѣлой мысли, ни одного смѣлаго штриха: все шаблонно и сѣро до послѣдней степени! Приходится съ каждой прочтенной страницей его книги все больше и больше досадовать и сожалѣть, что очевидно добрыя и честныя намѣренія выразились въ такой формѣ, что имъ нельзя разсчитывать на успѣхъ у читателей.

Кромѣ этого, форма разсказовъ г. Круглова однообразна до курьеза. Напримѣръ, въ первой книгѣ изъ семи разсказовъ пять оканчиваются самыми неожиданными смертями героевъ. Въ первомъ разсказѣ—«Бездипломный учитель»—учителя этого г. Кругловъ утопилъ. Во второмъ разсказѣ — «Карлъ Ивановичъ» (тоже учитель)— г. Кругловъ Карла Ивановича заморозилъ.

Затѣмъ, давъ отдохнуть огорченному читателю на двухъ маленькихъ разсказикахъ, написанныхъ безъ убійствъ, но одинаково — убійственно, г. Кругловъ во всѣхъ остальныхъ разсказахъ моритъ своихъ героевъ самымъ безпощаднымъ образомъ: одного убиваетъ на войнѣ, а двухъ другихъ (генеральшу Погожеву и ямщика) сводитъ въ могилу самыми таинственными путями. Такимъ образомъ, въ крошечной книжечкѣ авторъ уложилъ пять труповъ. Это ужъ совсѣмъ по-шекспировски и, пожалуй, могло бы повергнуть читателя въ тоску объ умерщвленныхъ «живыхъ душахъ», если бы онѣ, дѣйствительно, показались хоть на мигъ *живыми*.

Разница между Гоголемъ и г. Кругловымъ выходитъ та, что авторъ «Мертвыхъ душъ» оставилъ героевъ живыми, а авторъ «Живыхъ душъ» своихъ героевъ лишилъ живота. Право, въ этомъ есть явное предопредѣленіе, перстъ Божій, такъ-сказать.

Второй томъ «Живыхъ душъ»—«На чужомъ полѣ»—не обличаетъ въ авторѣ такого звѣрскаго отношенія къ дѣтямъ своей фантазіи, но за то и похвальнаго ничего не обличаетъ, кромѣ опять-таки намѣреній. Впрочемъ, если авторъ и не сводитъ въ преждевременную могилу своихъ героевъ, тѣмъ не менѣе, онъ караетъ ихъ за ошибки довольно безпощадно—однихъ за «вольныя идеи» ссылаетъ въ Сибирь, другихъ за тѣ же самыя идеи лишаетъ голоса, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вы не вѣрите, что отъ симпатіи къ «идеямъ» можетъ пропасть голосъ у пѣвицы? Напрасно. Въ первомъ же разсказѣ авторъ даетъ вамъ самый нравоучительный тому примѣръ.

Впрочемъ, парочку труповъ г. Кругловъ уложилъ и тутъ, да третьяго, пожарнаго, заставилъ сброситься въ нетрезвомъ видѣ съ полицейской каланчи. Страшно!

Происхожденіе современной демократіи. *Максимъ Ковалевскій.* Спб. 1895 г. Т. I, с. 658, ц. 2 р. 50 к. Т. II, с. 570, ц. 2 р. 50 к.

«Не новую исторію французской революціи и не оцѣнку ея общихъ

результатовъ содержитъ предлагаемое изслѣдованіе»,—такъ начинаетъ названное въ заголовкѣ рецензіи сочиненіе г. М. Ковалевскій. Автора разсматриваемаго труда интересуетъ не внѣшній ходъ революціоннаго движенія, а само дѣло, выполняемое революціей, и притомъ не все это дѣло, а лишь соціальная и политическая его сторона, на сколько она выразилась въ законодательной дѣятельности учредительнаго собранія (конституанты). Чтобы понять, что побудило автора посвятить свое вниманіе не всему десятилѣтію революціи (до переворота 18 брюмера, вручившаго власть консульству съ Наполеономъ во главѣ) и даже не всему первому ея пятилѣтію, въ теченіе котораго революціонное движеніе, постоянно наростая, достигло кульминаціоннаго пункта, а его начальнымъ $2^1/_2$ годамъ,—времени засѣданія учредительнаго собранія,—нужно принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Направленіе политическаго преобразованія Франціи, въ которомъ повело это дѣло учредительное собраніе, въ дальнѣйшемъ движеніи революціи, не получило практическаго осуществленія; законодательное собраніе (смѣнивши учредительное) не только не поддержало, но разрушило дѣло конституанты. И такъ какъ предпринятое имъ самимъ учрежденіе республики потерпѣло fiasco, и съ окончательнымъ замиреніемъ Европы послѣ революціонныхъ войнъ политическое развитіе Франціи (а затѣмъ и другихъ государствъ Западной Европы) какъ бы возвратилось къ тому направленію, отъ котораго оно уклонилось послѣ 1791 г., то все это уклоненіе, съ извѣстной точки зрѣнія, можно принимать, какъ бы за вставочный эпизодъ въ исторіи органическаго развитія основной политической идеи новѣйшей исторіи, еще не сказавшей послѣдняго слова даже въ концѣ XIX в. Эта идея можетъ быть названа народной или демократической монархіей и заключается въ осуществленіи гражданскаго равенства и народнаго суверенитета при господствующей формѣ монархическаго правленія. Эта идея и получила законодательное выраженіе въ конституціи учредительнаго собранія.

«Въ концѣ XIX в. мы ждемъ еще отвѣта на вопросъ, что было жизненнаго въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, какими подарила Францію революція; въ какой мѣрѣ ошибки «учредителей», ихъ сознательное или безсознательное служеніе частному интересу буржуазіи въ ущербъ общему, и депутатскому самодержавію въ ущербъ королю и народу, отсрочили мирное торжество народной монархіи». Примѣры Англіи, Италіи, Бельгіи (король которой является горячимъ поборникомъ такъ называемаго referendum'а, т.-е. прямаго обращенія къ народу для утвержденія законовъ), Германіи (гдѣ вообще право голосованія введено такимъ ревнителемъ монархическаго принципа, какъ Бисмаркъ), по мнѣнію г. Ковалевскаго, свидѣтельствуютъ о возможности примиренія принциповъ демократизма и монархизма.

«Когда въ одномъ изъ засѣданій конституанты депутатъ Вимпфенъ впервые употребилъ терминъ «народная монархія» — почти на всѣхъ

скамьяхъ послышался протестъ. Чудовищнымъ казалось сочетаніе такихъ будто бы исключающихъ другъ друга понятій, какъ самодержавіе короля и самодержавіе народа... Но прошло сто лѣтъ, и переживаемый нами конецъ вѣка видитъ почти повсемѣстное торжество на Западѣ той самой формы государственнаго устройства, которая, какъ неизвѣстная Аристотелю и Монтескьё, признана была противорѣчащей самой природѣ вещей. Торжествующая демократія не разрываетъ союза съ наслѣдственнымъ представителемъ національнаго единства; съ своей стороны, этотъ послѣдній все болѣе и болѣе отрѣшается отъ характера главы феодальной іерархіи, перваго дворянина своего государства; онъ признаетъ за собой новую миссію верховнаго посредника между классами и защитника интересовъ народныхъ массъ».

Задачей разсматриваемаго сочиненія г. Ковалевскаго и было изученіе процесса развитія народной или демократической доктрины (гражданскаго равенства и народнаго суверенитета), какъ она понималась въ первый періодъ революціи и какъ выразилась въ законодательствѣ конституанты. Изученіе это естественно распадается на три части: происхожденіе доктрины, ея примѣненіе къ законодательству и отношеніе къ работѣ учредительнаго собранія со стороны его современниковъ. Соотвѣтственно этимъ тремъ моментамъ въ развитіи идеи трудъ г. Ковалевскаго распадается на три части, изъ коихъ двѣ первыя вышли въ свѣтъ и составляютъ предметъ настоящей рецензіи. Первый томъ имѣетъ дѣло съ обстоятельствами, предшествовавшими революціи и поведшими къ зарожденію демократической идеи. Идея эта зародилась путемъ критики дореволюціоннаго общественнаго и государственнаго быта; поэтому изученіе происхожденія идеи заключается, съ одной стороны, въ изученіи соціально-политическаго строя Франціи передъ революціей, съ другой—въ отысканіи идейныхъ источниковъ политическихъ и экономическихъ теорій, направлявшихъ критику и ее освѣщавшихъ. Высказанныя теоретиками идеи не сохранили, однако, въ своемъ распространеніи первоначальной чистоты. Ближайшіе ихъ послѣдователи сгладили существующія между ними противорѣчія, приспособили ихъ другъ къ другу и создали систему воззрѣній, дающую отвѣтъ на всѣ важнѣйшіе вопросы времени и потому оказавшую вліяніе на программу тѣхъ реформъ, какихъ желало общество, и которая высказывалась и въ наказахъ избирателей своимъ депутатамъ, и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ, и въ попыткахъ правительственнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ. Всѣ эти проявленія демократической доктрины разсматриваются г. Ковалевскимъ въ первомъ томѣ его труда, распадающемся на нѣсколько главъ, посвященныхъ общественному строю Франціи въ концѣ XVIII в., политическому строю того времени и его общественнымъ и политическимъ доктринамъ. Второй томъ посвященъ учредительной дѣятельности конституанты, причемъ авторъ слѣдитъ за всѣми вліяніями—теоретическаго, фактическаго и традиціоннаго

характера—опредѣлившими направленіе рѣшенія общественныхъ, политическихъ и судебныхъ вопросовъ, даннаго учредительнымъ собраніемъ, и подвергаетъ критикѣ эти рѣшенія. Книга написана прекраснымъ, простымъ языкомъ и, не смотря на обиліе подробностей, читается съ большимъ интересомъ—гораздо бо̀льшимъ, нежели читались многія ея главы, ранѣе помѣщавшіяся въ журналахъ и являвшіяся передъ читателемъ въ видѣ разрозненныхъ отрывковъ. Взаимно дополняя другъ друга и развертывая картину великаго переворота, не только рисуя его, но и, главнымъ образомъ, толкуя и разъясняя, эти, уже извѣстные читателю, отрывки, будучи соединены вмѣстѣ и дополнены новыми главами, какъ бы освобождаются отъ того фактическаго груза, какой былъ виденъ обыкновенному читателю, встрѣчавшему ихъ въ журналахъ, и который, при свѣтѣ общей идеи, получаетъ въ его глазахъ совершенно иной интересъ. Не можемъ только не выразить недоумѣнія по предмету типографскихъ промаховъ въ такомъ вообще хорошемъ, съ внѣшней стороны, изданіи. Такъ, части I и II перваго тома имѣютъ общій счетъ главъ, а части III и IV—особый. Глава I первой части не прерывается параграфами. Глава II, идущая съ 58 стр. также безъ перерывовъ, на 150 стр. вдругъ прерывается цифрой VII, а на стр. 172 цифрой VIII. Глава III на стр. 216 раздѣляется § 2, при отсутствіи § 1. Гл. IV правильно раздѣлена на параграфы, а въ слѣдующей за ней гл. I третьей части имѣются § 2 и 4, но нѣтъ 1-го и 3-го.

Борьба за право. Переводъ О. А. Верта. *Рудольфъ Іерингъ.* Спб. 1895 г., с. 90, ц. 60 к.

Эпиграфомъ къ своему сочиненію Іерингъ взялъ изреченіе: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое»; заканчиваетъ сочиненіе онъ стихомъ поэта: «только тотъ заслуживаетъ свободу и жизнь, кто долженъ ихъ ежедневно завоевывать». Все это, вмѣстѣ съ заголовкомъ разсматриваемаго изданія, достаточно характеризуетъ содержаніе маленькой книжки, принадлежащей перу великаго ученаго. «Безъ борьбы нѣтъ права», говоритъ Іерингъ. Изъ этого видно, что борьба за право въ сочиненіи Іеринга рисуется не какъ періодически повторяющійся эпизодъ, а какъ непрерывно идущій процессъ общественной жизни. И дѣйствительно, главной цѣлью разсматриваемаго нами труда является доказательство мысли о необходимости борьбы не для пріобрѣтенія только новыхъ правъ,—каковому предмету авторъ посвящаетъ всего нѣсколько страницъ,—а для реальнаго осуществленія правъ, уже признанныхъ закономъ; для защиты этихъ правъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны другихъ. Только въ этой постоянной готовности каждаго защищать свое право во всѣхъ случаяхъ его нарушенія, когда можно предполагать наличность злого умысла, заключаются, по мнѣнію Іеринга, настоящія гарантіи господства законности. Даже больше того: «только борецъ за частное право можетъ стать

бордомъ и за государственное и народное право», можетъ дать надлежащій отпоръ и внѣшнему врагу. Ибо «можно-ли ожидать отъ того, кто не въ состояніи понять, что, поступаясь своимъ правомъ, онъ наноситъ въ идеѣ вредъ своей чести; кто привыкъ во всемъ, касающемся права, дѣйствовать исключительно по масштабу матерьяльнаго интереса; можно-ли ожидать, что онъ приложитъ другую мѣрку, когда дѣло коснется права или чести всей націи». И такъ, защита своего права во всѣхъ случаяхъ его нарушенія считается Іерингомъ не только обязанностью личности «въ отношеніи самого себя»; «огражденіе права есть обязанность и по отношенію къ обществу». Съ другой стороны, и «для государства, которое желаетъ быть почитаемымъ извнѣ и твердымъ и непоколебимымъ внутри, нѣтъ болѣе цѣннаго блага, о которомъ оно должно заботиться, какъ національное (т.-е. всего народа) правовое чувство. Эта забота есть одна изъ величайшихъ и важнѣйшихъ задачъ политической педагогики».

Теперь спрашивается: что побуждаетъ человѣка всегда и во всемъ отстаивать отъ посягательствъ предоставленныя ему закономъ права? «Не сознаніе, не образованіе, а только простое чувство боли. Боль есть крикъ нужды, крикъ о помощи, издаваемый угрожаемой природой. Это относится какъ къ физическому, такъ и къ духовному организму. Въ боли и заключается все таинство права. Кто не почувствовалъ на себѣ самомъ или на другомъ этой боли, тотъ не знаетъ, что такое право, хотя бы у него въ головѣ помѣщался весь corpus juris... Поэтому языкъ совершенно вѣрно называетъ психологическій источникъ права—правовымъ чувствомъ.... Но чувствовать боль и не принять къ сердцу лежащаго въ ней предостереженія въ необходимости устраненія опасности, а претерпѣть ее терпѣливо, есть отреченіе отъ правового чувства, быть можетъ, извинительное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но необходимо влекущее, при его продолжительности, печальныя послѣдствія для самого правового чувства, такъ какъ существо его заключается въ дѣйствіи. Гдѣ оно лишено дѣйствія, оно глохнетъ и мало-по-малу совершенно притупляется, такъ что, наконецъ, боль будетъ едва ощутима. Чувствительность, т.-е. способность воспринимать боль отъ правонарушенія, и дѣйствующая сила, т.-е. мужество и рѣшительность въ огражденіи права—суть, по-моему, два важнѣйшіе критерія нормальнаго состоянія правового чувства». Образцомъ человѣка съ развитымъ правовымъ чувствомъ Іерингъ считаетъ англичанина, требующаго возстановленія своего права во всякомъ столкновеніи на континентѣ съ хозяиномъ гостинницы или извозчикомъ, пытающимися надуть его на какой-нибудь франкъ или рубль. Европейцы континента не понимаютъ его и смѣются надъ тѣми хлопотами, какія онъ готовъ взять на себя для возстановленія своего права, «но лучше было бы, если бы они его поняли, ибо... въ гульденѣ, который онъ такъ упорно отстаиваетъ, заключается все политическое развитіе Англіи. У того народа, у котораго обычай требуетъ, чтобы каждый

даже въ ничтожнѣйшихъ мелочахъ ограждалъ свое право, никто не осмѣлится посягнуть на его высшее право».

«Правовое сознаніе, правовое убѣжденіе суть абстракціи науки, которыхъ народъ не знаетъ. Главная сила права такъ же, какъ и сила любви, лежитъ въ чувствѣ; разсудокъ и намѣреніе не могутъ возмѣстить его недостатка». Въ этихъ словахъ кроется объясненіе явленія, нерѣдко встрѣчающагося въ исторіи. Правительство отсталой страны, примыкающей къ цивилизованнымъ государствамъ, заимствуетъ у нихъ нѣкоторыя юридическія нормы и, вводя ихъ въ свое законодательство, придаетъ своему государству какъ бы цивилизованный видъ. Пока длится періодъ заимствованія, эти нормы являются до извѣстной степени дѣйствующимъ правомъ. Но вотъ либеральное настроеніе уступило мѣсто противоположному, и отсутствіе въ обществѣ интенсивнаго правового чувства ведетъ къ тому, что написанныя въ законѣ права обращаются въ мертвую букву, и государство обнаруживаетъ свой настоящій варварскій характеръ, лишь прикрытый фиговымъ листикомъ закона».

Видя основу борьбы за право въ чувствѣ, Іерингъ, какъ кажется, недостаточно оцѣниваетъ роль сознанія. Если правовое сознаніе, правовое убѣжденіе не въ состояніи подвинуть на защиту законнаго своего права массу, которой оно обыкновенно неизвѣстно, то оно можетъ имѣть иное значеніе въ средѣ, доступной культурнымъ вліяніямъ. Если человѣкъ убѣдится въ томъ, что, не проявляясь въ дѣйствіи, правовое чувство «глохнетъ и совершенно притупляется» и что защита своего права является для гражданина «обязанностью и передъ собой, и передъ обществомъ»,—это убѣжденіе присоединится къ тому чувству «боли», какое оно, безъ сомнѣнія, испытываетъ отъ правонарушенія, и результатомъ совмѣстнаго вліянія разума и чувства можетъ быть рѣшимость не оставлять втунѣ данныя ему закономъ права. И тогда, при встрѣчѣ съ каждымъ нарушеніемъ своего права, онъ не будетъ руководствоваться соображеніемъ о томъ, гдѣ ему предстоитъ меньше безпокойствъ: въ преслѣдованіи законнымъ порядкомъ правонарушителя или въ подчиненіи насилію. Онъ признаетъ себя обязаннымъ защищать свои права, и въ обществѣ можетъ возникнуть движеніе въ пользу организаціи его юридической самозащиты. Книжка Іеринга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя способны оказать именно такое вліяніе, и, быть можетъ, не случайно то обстоятельство, что изданіе переводовъ этого сочиненія въ странахъ свободныхъ, каковы Швеція, Америка, Англія, имѣло мѣсто лишь въ 1879—81 гг., а что въ 1874 г. изданы переводы его на языки: румынскій, новогреческій, сербскій, чешскій, польскій кроатскій (а также французскій, итальянскій, датскій, венгерскій и др.) На русскій языкъ книжка Іеринга переведена 3 раза (2 перевода появились въ 1874). Пожелаемъ же третьему переводу этого труда того успѣха, какой онъ имѣетъ въ цѣлой Европѣ.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Старый и новый годъ въ политическомъ мірѣ.

1895 годъ окончился и 1896 начался при самой сенсаціонной обстановкѣ: грозныя тучи заволакиваютъ политическій горизонтъ, и три чреватые важными послѣдствіями вопроса насильственно поставили себя на очередь: восточный, англо-американскій и европейско-африканскій. Только второй изъ нихъ возникъ неожиданно наканунѣ перехода стараго года въ новый, а остальные два развивались въ теченіе прошедшихъ двѣнадцати мѣсяцевъ и лишь обострились въ концѣ ихъ; при этомъ англо-американскій вопросъ одинъ и нераздѣленъ, т.-е. подъ нимъ разумѣется только распря между Сѣверо-Американскими Штатами и Англіей по поводу опредѣленія границы между южно-американской республикой Венецуэллой и англійской Гвіаной, а восточный и европейско-африканскій распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ. Въ составъ общаго восточнаго вопроса въ настоящее время входятъ отдѣльные вопросы о звѣрствахъ въ Арменіи, о движеніи въ Македоніи, на Критѣ и въ Аравіи, о реформахъ въ Константинополѣ и о молодой Турціи, а европейско-африканскій обнимаетъ теперь распрю Англіи съ Трансваалемъ, столкновеніе между Англіей и Германіей по этому поводу и двѣ войны: Англіи съ ашантіями и Италіи съ абиссинцами. Въ прошедшемъ же году подъ этотъ европейско-африканскій вопросъ подходила еще и война Франціи съ Мадагаскаромъ. Если къ этимъ главнымъ вопросамъ, волнующимъ политическій міръ, мы еще прибавимъ китайско-японскій, который обращалъ на себя общее вниманіе въ первую половину 1895 года и хотя теперь стушевался, но врядъ-ли надолго, то мы будемъ имѣть передъ собой то смутное, сложное и грозное зрѣлище, которое представляетъ шахматная доска современной политики, при передачѣ старымъ годомъ своего

наслѣдія новому. Въ это наслѣдіе, конечно, входятъ не только крупные внѣшніе вопросы, но и отдѣльные вопросы внутренней политики каждой страны, которые часто сильно вліяютъ на внѣшнюю политику и составляютъ всю суть современной политической жизни въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Самой характеристической чертой внутренней жизни въ европейскихъ государствахъ за 1895 годъ были почти огульныя перемѣны министерствъ, хотя по различнымъ причинамъ и съ различными результатами. Дѣйствительно, въ Англіи, Франціи, Австріи, Испаніи, Даніи, Норвегіи и Турціи правительственная власть перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія, причемъ въ Англіи и Франціи этотъ переходъ ознаменовался кореннымъ измѣненіемъ политическаго положенія, и въ первой странѣ либеральное правительство замѣнилось реакціоннымъ, а въ послѣдней буржуазно-опортунистское—радикальнымъ. Все это придаетъ истекшему году опредѣленную физіономію, съ которой онъ и займетъ свое мѣсто въ исторіи. Если 1895 годъ можно назвать годомъ министерскихъ кризисовъ относительно внутреннихъ дѣлъ европейскихъ государствъ, то по внѣшней политикѣ онъ заслуживаетъ названія года дипломатическаго броженія. Повидимому всѣ шашки на политической шахматной доскѣ смѣшались, и назрѣваютъ какія-то новыя комбинаціи, еще ясно не выяснившіяся. Извѣстно, что въ началѣ 1895 года существовали строго опредѣленныя направленія въ европейской политикѣ: съ одной стороны—стоялъ во всеоружіи, хотя значительно потрясенный въ своихъ нѣдрахъ, тройственный союзъ, съ другой—франко-русское соглашеніе, а между—помѣщалась Англія, явно склонявшаяся въ пользу первой группы державъ. Въ продолженіе же послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ не только обнаружилось охлажденіе между Англіей и главой тройственнаго союза, Германіей, но произошли сначала отказъ Германіи присоединиться къ предложенному Англіей вмѣшательству державъ въ китайско-японскую войну, въ пользу Китая, а затѣмъ присоединеніе ея къ подобному вмѣшательству Франціи и Россіи, когда Англія стала склоняться въ пользу торжествующей Японіи, и, наконецъ, произошло прямое столкновеніе между Англіей и Германіей по поводу Трансвааля. Но не на одномъ далекомъ востокѣ Германія неожиданно присоединилась къ Франціи и Россіи, дѣйствуя заодно съ ними, а также въ Константинополѣ она склоняется къ той же новой игрѣ, противодѣйствуя Англіи, съ которой дружитъ попрежнему только Италія; а такъ какъ Австрія въ восточномъ вопросѣ держится своихъ личныхъ интересовъ, то оказывается, что тройственный союзъ не выдержалъ натиска перваго серьезнаго общеевропейскаго вопроса. Вообще новый фазисъ, въ который вступилъ пре-

словутый восточный вопросъ, доказываетъ болѣе всего броженіе въ европейской политикѣ: вмѣсто обычной классической поддержки Турціи Англіей, эта держава, хотя во главѣ ея стоитъ торійское министерство лорда Сольсбери, разорвавшаго вмѣстѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ въ Берлинѣ санъ-стефанскій договоръ, является противницей Турціи и защитницей угнетенныхъ христіанскихъ населеній; Россія, столь много пролившая крови изъ-за болгаръ, хладнокровно смотритъ на такое же точно звѣрское избіеніе армянъ, а Франція открыто беретъ сторону Турціи, причемъ ея печать проповѣдуетъ присоединеніе Турціи къ франко-русскому соглашенію и увѣряетъ, что армянскія звѣрства изобрѣтены коварнымъ Альбіономъ. Если мы прибавимъ къ этой дипломатической неурядицѣ ссору изъ-за пустого пограничнаго вопроса единокровныхъ англичанъ и американцевъ, едва не приведшую къ войнѣ послѣ вѣкового между ними мира, то нельзя не признать, что дѣйствительно истекшій годъ будетъ извѣстенъ въ исторіи смѣшеніемъ политическихъ картъ. Для уясненія себѣ причинъ этого любопытнаго явленія надо бросить хоть бѣглый взглядъ на главнѣйшія событія 1895 года и первыхъ дней его юнаго преемника, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, которыя тѣсно связаны между собою и постоянно дѣйствуютъ другъ на другу, причемъ всего чаще внутреннія дѣла господствуютъ надъ внѣшними и прямо руководятъ ими. Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этого послѣдняго факта служатъ вопросы китайско-японскій и англо-американскій, которые поочередно занимали общее вниманіе всего свѣта въ началѣ и концѣ 1895 г., а потому удобнѣе всего выдвинуть эти вопросы на первый планъ въ общей картинѣ того, какъ кончился старый годъ и какъ начался новый на политической аренѣ.

Китайско-японская война, продолжавшаяся семь мѣсяцевъ, долго казалась чѣмъ-то неожиданнымъ, чѣмъ-то необыкновеннымъ въ политическомъ мірѣ, и только послѣ ея окончанія, въ февралѣ прошлаго года, полнымъ торжествомъ микадо и пораженіемъ богдыхана, мало-по-малу начала выясняться истинная суть этого страннаго на первый взглядъ событія. Многіе глубокомысленные европейскіе политики увѣряли, что побѣда японцевъ надъ китайцами, т.-е. маленькой страны и маленькаго народа надъ громадной націей и колоссальнымъ государствомъ, была одержана европейскимъ прогрессомъ надъ азіатскимъ варварствомъ. Дѣйствительно, армія и флотъ Японіи, устроенные на европейскій манеръ, одержали верхъ надъ дикими, рутинными порядками Небесной имперіи; но такъ какъ по военному могуществу нельзя еще судить о прогрессѣ націи, то и одной побѣдой надъ

своимъ обезсиленнымъ отъ внутреннихъ неустройствъ, сосѣдомъ нельзя доказывать торжества прогресса въ Японіи. А если мы взглянемъ въ самую суть послѣднихъ событій въ этой странѣ, то увидимъ, что хваленыя реформы Японіи отличались только внѣшней пародіей европейскаго прогресса, а самая война возникла потому, что микадо и его ловкій первый министръ графъ Ито не знали, какъ выйти изъ созданной ими конституціонной трагикомедіи. Какъ извѣстно, пять лѣтъ тому назадъ, японское правительство завершило пресловутыя европейскія реформы открытіемъ парламента въ Токіо. Но съ первыхъ же засѣданій нижней палаты, хотя члены ея избираются не общей подачей голосовъ, а на основаніи очень ограниченнаго ценза, оказалось, что даже въ Японіи и при японской конституціи, которая связываетъ по рукамъ и по ногамъ народныхъ представителей и дѣлаетъ министерство вполнѣ независимымъ отъ парламента, трудно справиться съ естественно-возникающей въ каждомъ законодательномъ собраніи оппозиціей. Началась борьба не на жизнь, а на смерть между оппозиціей, которая легко пріобрѣла большинство въ нижней палатѣ, и правительствомъ, которое поддерживалось верхней палатой, члены которой засѣдаютъ частью по наслѣдственному праву, а частью по назначенію микадо. Конечно, эта борьба имѣла результатомъ перемѣны министерствъ, распущеніе парламентовъ и новые выборы, но когда въ теченіе четырехъ лѣтъ перемѣнилось, такимъ образомъ, четыре палаты и въ каждой оппозиція становилась сильнѣе и могущественнѣе, а въ упорно подаваемыхъ ею адресахъ требовалось прекращеніе конституціонной комедіи и дарованіе настоящихъ, серьезныхъ конституціонныхъ правъ народнымъ представителямъ, то графъ Ито, настоящій японскій Бисмаркъ, поступилъ по примѣру своего европейскаго прототипа и для выхода изъ своего безвыходнаго положенія во внутреннихъ дѣлахъ страны создалъ внѣшнюю войну. Цѣлый годъ Японія сначала воевала, а потомъ ликовала своей побѣдѣ съ единодушнымъ патріотическимъ пыломъ. Но, наконецъ, пришла минута и отрезвиться отъ военнаго миража: 28 декабря открылся парламентъ торжественной рѣчью императора, въ которой, съ одной стороны, заявлялось о побѣдоносномъ окончаніи войны, а съ другой—о новомъ увеличеніи сухопутныхъ и морскихъ силъ. До сихъ поръ оппозиція еще молчитъ, но, конечно, не далекъ часъ ея разсчета съ побѣдившимъ ее нѣкогда графомъ Ито, и теперь борьба будетъ имъ тѣмъ легче, что этотъ побѣдитель парламента и Китая пользуется въ настоящее время громадной непопулярностью, благодаря его уступкамъ Франціи, Россіи и Германіи, которыя не дозволили, своимъ дипломатическимъ

вмѣшательствомъ, Японіи пожать всѣ плоды своихъ побѣдъ. Если цѣлью этого вмѣшательства было не спасеніе Китая, который едва-ли извлечетъ существенныя для себя выгоды изъ дорого стоющей ему помощи, а обезсиленіе неожиданно возникшей могущественной державы на далекомъ Востокѣ, то она вполнѣ достигнута, такъ какъ Японія въ настоящее время находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Извнѣ ей грозятъ Россія, Франція и Германія, стоящія за спиной Китая, постоянные безпорядки въ Кореѣ и на Формозѣ, а также подстрекательства Англіи, которая изъ врага, явно клонившагося въ пользу Китая въ началѣ войны, теперь превратилась въ друга и пользуется наибольшимъ вліяніемъ въ Токіо. Внутри снова начнется парламентская борьба, съ которой непопулярному графу Ито уже будетъ очень трудно справиться. Такимъ образомъ, новый годъ начинается для, торжествовавшей свои побѣды въ старомъ году, Японіи подъ очень мрачными предзнаменованіями, и если веденная ею война имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ прогрессу, то лишь въ томъ смыслѣ, что она доказываетъ, какъ безполезно и вредно, даже для самаго правительства, прибѣгать къ внѣшней войнѣ для выхода изъ затруднительныхъ внутреннихъ обстоятельствъ.

Столкновеніе между Англіей и С.-Американскими Соединенными Штатами по поводу пограничной линіи между Венецуэллой и англійской Гвіаной, точно такъ же, какъ и китайско-японская война, возникло благодаря обстоятельствамъ внутренней политики, и если не повело къ немедленной войнѣ, какъ, повидимому, опасались по обѣ стороны Атлантическаго океана въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ концѣ прошедшаго года, то можетъ возбудить въ новомъ году очень серьезныя политическія усложненія, въ виду уже давно накипѣвшей злобы въ груди брата Іонафана къ Джону Булю. Въ сущности, самый вопросъ о венецуэльской пограничной линіи не имѣетъ никакого отношенія къ американской политикѣ и если кого интересуетъ въ Америкѣ, то не правительство, а кучку милліонщиковъ, которые составили въ послѣднее время синдикатъ для разработки богатыхъ золотыхъ рудниковъ въ спорной между Англіей и Венецуэллой территоріи; а потому, естественно, этотъ вопросъ служилъ лишь предлогомъ къ ловкой выходкѣ президента Клевеланда, которая разожгла шовинизмъ, скрывавшійся въ сердцахъ мирныхъ янки. Что касается до самаго венецуэльскаго вопроса, то ему уже около ста лѣтъ. Дѣло въ томъ, что Венецуэльская республика и Англія наслѣдовали въ началѣ нынѣшняго столѣтія первая испанскимъ владѣніямъ, а послѣдняя голландскимъ, которыя соприкасаются между собою; но пограничная между обѣими владѣніями линія никогда не была

строго опредѣлена, и отъ времени до времени дипломаты съ той и другой стороны поднимали вопросъ объ урегулированіи этой границы. Правда, англичане настаиваютъ на какой-то границѣ, которую будто бы провелъ въ 1840 году мирный ботаникъ, сэръ Робертъ Шомбургъ, но даже и они уже давно переступили за эту границу, которая, въ сущности, не имѣетъ никакого авторитета. Пользуясь неопредѣленностью этой границы, англійскіе колонисты проникали все далѣе и далѣе въ предѣлы Венецуэллы, а когда въ спорной мѣстности найдено было золото, то отношенія между Англіей и Венецуэллой обострились до такой степени, что въ 1887 г. между ними прерваны всякія дипломатическія отношенія. Съ тѣхъ поръ шли со значительными перерывами переговоры о разрѣшеніи спорнаго вопроса третейскимъ судомъ, и еслибы въ Англіи либеральное министерство не смѣнилось торійскимъ, то, по всей вѣроятности, дѣло окончилось бы мирнымъ образомъ; но лордъ Сольсбери, принявъ власть, объявилъ, что онъ согласенъ на третейскій судъ только относительно мѣстности за Шомбургской границей. Естественно, что при подобномъ ограниченіи, третейскій судъ являлся абсурдомъ, и президентъ Венецуэллы естественно отказался отъ подобной полумѣры. Между тѣмъ, венецуэльцы заняли одинъ англійскій постъ на спорной мѣстности и прогнали англійскихъ колонистовъ, а лордъ Сольсбери послалъ ультиматумъ южно-американской республикѣ, угрожая крутыми мѣрами, вѣроятно, бомбардировкой одного изъ венецуэльскихъ портовъ, если не будетъ дано удовлетвореніе за нанесенные Англіи оскорбленіе и матерьяльный убытокъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда неожиданно президентъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Клевеландъ представилъ въ конгрессъ посланіе, а его министръ-иностранныхъ дѣлъ, Ольней, написалъ депешу къ лорду Сольсбери, въ которыхъ они круто поставили вопросъ по поводу Венецуэллы о такъ называемой теоріи Монрое. На основаніи этой теоріи, признающей, что Америка создана для американцевъ и что Соединенные Американскіе Штаты не должны дозволять никакого новаго притязанія европейскихъ державъ на какую-либо часть территоріи на американскомъ континентѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ потребовало, чтобы Англія согласилась на разрѣшеніе спорнаго вопроса о венецуэльской границѣ третейскимъ судомъ, а въ случаѣ отказа, предложило конгресу дать право президенту Клевеланду назначить коммиссію изъ американцевъ для опредѣленія этой границы, которую Соединенные Штаты станутъ отстаивать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами. Это вмѣшательство с.-американскаго правительства въ дѣло, нисколько до него не касаю-

щееся, нарушаетъ всѣ основы международнаго права и поразило какъ громомъ не только Англію, но и самую Америку. Въ первую минуту въ воздухѣ запахло порохомъ, и американцы обнаружили необыкновенный для нихъ шовинизмъ, единодушно поддерживая своего президента, безъ всякаго различія партій; но когда въ Нью-Іоркѣ возможность немедленной войны съ Англіей произвела биржевую панику, стоившую американцамъ сотни милліоновъ, и выяснилось, что Клевеландъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не столько изъ патріотизма, сколько изъ личныхъ интересовъ съ цѣлью возстановить свою пошатнувшуюся популярность и для пріобрѣтенія шансовъ на новое избраніе въ президенты при выборахъ въ нынѣшнемъ году, то воинственное настроеніе нѣсколько улеглось, но все-таки конгрессъ высказался въ пользу президента, далъ просимое имъ право назначить коммиссію для опредѣленія венецуэльской границы и принялъ финансовыя мѣры, между прочимъ, новое возвышеніе тарифа, на случай дѣйствительнаго столкновенія съ Англіей. Такимъ образомъ, личныя цѣли Клевеланда и американскихъ милліонеровъ, которые замѣшаны въ дѣлѣ эксплоатаціи золотыхъ рудниковъ въ спорной мѣстности Венецуэллы, достигнуты, и патріотическій подъемъ, охватившій мгновенно всѣ Соединенные Штаты, оказался столь значительнымъ, что онъ не скоро уляжется и можетъ снова обостриться при каждомъ осложненіи дипломатическихъ отношеній съ Англіей. Что касается до послѣдней, то, надо отдать справедливость, какъ ея правительству, такъ и всей націи и прессѣ, что они выказали въ этомъ грозномъ кризисѣ необыкновенное благоразуміе. Хотя, конечно, лордъ Сольсбери отказался отъ третейскаго суда, подъ давленіемъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, но дипломатическіе переговоры ведутся между обѣими странами и, по справедливому выраженію Гладстона, при благоразуміи дѣло можно мирно уладить, а до сихъ поръ именно такое благоразуміе и обнаруживается въ Англіи всѣми. Даже самые патріотическіе органы печати и такіе пламенные джингоиты, какъ извѣстный путешественникъ, теперь членъ англійскаго парламента—Генри Станлей, предлагаютъ Англіи какъ лучшій выходъ изъ этой ссоры двухъ братьевъ—назначеніе европейской конференціи, которая назначила бы международныхъ коммиссаровъ для опредѣленія венецуэльской границы.

Хотя восточный вопросъ снова воскресъ, благодаря внутреннимъ безпородкамъ Турецкой имперіи, но обострился онъ въ виду постоянныхъ дипломатическихъ интригъ и взаимной борьбы европейскихъ державъ изъ-за предполагаемаго дѣлежа того наслѣдія, которое останется, если, наконецъ, онѣ дозволятъ умереть есте-

ственною смертью больному человѣку въ Константинополѣ. Армянскія звѣрства, оставляющія далеко въ тѣни болгарскіе ужасы, возбудившіе послѣднюю русско-турецкую войну, послужатъ предметомъ особой статьи въ нашемъ журналѣ; въ этомъ бѣгломъ обзорѣ современнаго состоянія политическаго міра мы укажемъ только на ту громадную роль, которую они играютъ въ новомъ фазисѣ восточнаго вопроса. Прошло 17 лѣтъ послѣ заключенія берлинскаго трактата, по которому Турція обязалась ввести реформы въ Арменіи подъ наблюденіемъ европейскихъ державъ, преимущественно Англіи, и положеніе тамошняго христіанскаго населенія не только не улучшилось, но постоянно дѣлалось все хуже и хуже, а въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ Оттоманская Порта, которой надоѣли періодическія представленія европейскихъ державъ о необходимости исполнить свои обязательства относительно армянъ, стала примѣнять новую политику — поголовнаго истребленія этого несчастнаго народа. Не только курды, но особо сформированные турецкіе полки, по прямому распоряженію турецкаго правительства и самого султана, истребляли и истребляютъ до сихъ поръ цѣлые города и многочисленныя селенія этой злополучной страны, убивая десятки тысячъ людей въ самыхъ отвратительныхъ мукахъ, насилуютъ женщинъ, огульно рѣжутъ дѣтей, грабятъ и жгутъ жилища, наконецъ, силой обращаютъ оставшихся въ живыхъ несчастныхъ изъ христіанской вѣры въ магометанство. Европейскія государства, которыя кичатся своею христіанской цивилизаціей, долго не вмѣшивались въ это, прямо подлежавшее ихъ высшему наблюденію, по берлинскому трактату, возмутительное дѣло; а когда, наконецъ, колоссальная сасунская рѣзня въ 1894 году нагнала краску стыда на европейскихъ дипломатовъ, то начался рядъ осторожныхъ, нерѣшительныхъ, дипломатическихъ заявленій Портѣ, которая только смѣялась, зная очень хорошо, что европейскія державы слишкомъ разъединены своими враждебными интересами на Востокѣ, чтобы предпринять какое-либо дѣйствительное давленіе на султана и его правительство. Однако, общественное мнѣніе въ Европѣ и въ особенности въ Англіи всполошилось и вынудило деликатныхъ дипломатовъ на болѣе рѣшительныя дѣйствія, а рѣзня въ Константинополѣ въ сентябрѣ прошедшаго года, причемъ сотни несчастныхъ армянъ были убиты подъ предлогомъ не существовавшаго революціоннаго движенія, — до того обострила положеніе дѣлъ, что даже Порта нашла нужнымъ сдѣлать что-нибудь для успокоенія умовъ. Но, какъ всегда, она ограничилась одними посулами, и 5 октября султанъ издалъ ираде о реформахъ въ Арменіи, которыя, въ сущности, были ни

чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ пресловутаго гати-гумаюна 1856 года. Европейскія державы удовольствовались этой мѣрой, которая, въ сущности, была только отводомъ глазъ, и на время успокоились; поголовная же рѣзня въ Арменіи продолжалась, и въ теченіе только двухъ мѣсяцевъ, октября и ноября 1895 г., истреблено по приказанію турецкаго правительства около 20.000 христіанъ въ различныхъ мѣстностяхъ Турціи. Въ декабрѣ снова заговорили европейскіе дипломаты въ Константинополѣ, но не о томъ, что реформы остаются на бумагѣ и людей безжалостно рѣжутъ, а о необходимости пропуска въ Босфоръ вторыхъ европейскихъ стаціонеровъ. Султанъ долго колебался, перемѣнилъ недавно пазначеннаго новаго великаго визиря и, наконецъ, уступилъ требованіямъ державъ, причемъ стало очевиднымъ, что еслибы эти державы единогласно и серьезно потребовали не удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ, а прекращенія позорной рѣзни христіанскихъ подданныхъ Турецкой имперіи, то ихъ воля была бы одинаково исполнена. Вотъ въ какомъ положеніи—встрѣтилъ новый годъ восточный вопросъ, который еще усложненъ движеніемъ въ Македоніи, на Критѣ и въ Аравіи, а также усиленіемъ партіи молодой Турціи, которая видитъ единственнымъ средствомъ для спасенія Турціи отъ ея быстраго разложенія возставленіе конституціи. Какъ извѣстно, въ началѣ царствованія настоящаго султана, Митхадъ-паша ввелъ въ 1876 году представительную систему въ Турціи и открылъ парламентъ, который, однако, просуществовалъ не долго и былъ закрытъ послѣ паденія этого неудачнаго турецкаго реформатора. Какъ ни была безуспѣшна эта попытка ввести на Востокѣ парламентское управленіе и какъ ни плоха эта пресловутая конституція, но все-таки передовые турецкіе дѣятели считаютъ, что, заручившись хоть неудовлетворительнымъ представительствомъ, можно будетъ мало-по-малу ввести болѣе радикальныя реформы. Конечно, султанъ и его правительство, состоящее изъ членовъ старой турецкой партіи, всячески сопротивляются стремленіямъ молодой Турціи, и до сихъ поръ результатомъ этихъ стремленій былъ только длинный рядъ арестовъ. Съ своей стороны, европейскія державы, хотя всѣ, за исключеніемъ Россіи, и пользуются тѣмъ, чего добивается молодая Турція, нимало не поддерживаютъ это дѣйствительно раціональное разрѣшеніе восточнаго вопроса, конечно, при полномъ равенствѣ всѣхъ разноплеменныхъ населеній Турецкой имперіи. Такимъ образомъ, только-что начавшемуся году врядъ-ли придется лицезрѣть серьезную, удовлетворительную перемѣну въ сумятицѣ, царящей на Востокѣ; и это ляжетъ наибольшимъ пятномъ на европейскія державы, которыя

изъ личныхъ разсчетовъ національнаго соперничества терпятъ въ своей средѣ государство, составляющее, по краснорѣчивому выраженію Гладстона, систематическое, оффиціальное узаконеніе грабежа, убійства, насилія и пытки относительно значительнаго числа своихъ подданныхъ. Къ чести одной Англіи надо сказать, что тамъ сочувствіе къ несчастному армянскому народу-мученику не имѣетъ того поверхностнаго, равнодушнаго характера, которымъ отличается отношеніе общественнаго мнѣнія и прессы въ остальной Европѣ, только періодически подымающихъ свой голосъ противъ звѣрствъ, совершаемыхъ Турціей, и потомъ, почти мгновенно, умолкающихъ: всѣ классы англійскаго общества, начиная отъ высшей аристократіи до рабочихъ, пламенно высказываются на митингахъ и во всѣхъ газетахъ, безъ различія партій, въ пользу несчастныхъ армянъ и требуютъ болѣе энергичнаго вмѣшательства англійскаго правительства въ позорную траги-комедію, разыгрываемую въ Константинополѣ. Несомнѣнно, что будь во главѣ англійскаго правительства великій старикъ, который, отказавшись, по преклонности своихъ лѣтъ, отъ участія въ политической дѣятельности, все-таки поднимаетъ свой могучій, высоко честный голосъ за угнетенный народъ, то это настроеніе англійскаго народа, сверху до низу, нашло бы себѣ практическое воплощеніе, но даже и въ этомъ, чисто платоническомъ видѣ, оно все-таки должно возбудить стыдъ въ остальной Европѣ, въ особенности среди тѣхъ, которые распинались нѣкогда за болгаръ, а теперь увѣряютъ, что еще бо̀льшіе армянскіе ужасы—одинъ вымыселъ хитрыхъ армяшекъ и коварнаго Альбіона.

Двѣ вѣтви европейско-африканскаго вопроса—войны Франціи съ Мадагаскаромъ и Англіи съ ашантіями—уже окончены, первая въ сентябрѣ прошлаго года, а послѣдняя на первыхъ дняхъ нынѣшняго. Французамъ очень дорого стоили ихъ побѣды, взятіе Атанаривы и подчиненіе Мадагаскара французскому протекторату, но не раненными и убитыми, число которыхъ не превышало 20, а благодаря чрезвычайной смертности, похитившей 6.000 человѣкъ и возбужденной не столько вреднымъ климатомъ, сколько неудовлетворительными распоряженіями военнаго начальства. Этотъ значительный успѣхъ колоніальной политики Франціи тѣмъ важнѣе, что долго Мадагаскаръ былъ яблокомъ раздора между Франціей и Англіей, офицеры которой служили въ малаогашской арміи, но, вслѣдствіе непріятныхъ отношеній къ мѣстному первому министру, всѣ вышли въ отставку до сраженій съ французами, что устранило серьезное международное столкновеніе. Что касается до войны Англіи съ ашантіями, то она

принадлежала къ той періодической борьбѣ съ туземцами преимущественно изъ-за экономическихъ интересовъ различныхъ англійскихъ компаній, которая составляетъ отличительную черту въ исторіи англійскихъ колоній въ Африкѣ. Въ настоящемъ случаѣ, дѣло шло объ уничтоженіи преградъ, представляемыхъ королемъ ашантіевъ Промпеемъ къ разработкѣ англичанами золотыхъ розсыпей за его столицей Кумасси. Англійскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала сэра Франсиса Скотта не успѣлъ далеко отойти отъ Золотого берега во внутрь страны, какъ ашантіи уже изъявили полную покорность и согласились на всѣ требованія англичанъ. Такимъ образомъ, война окончена до ея начала и безъ пролитія одной капли крови. Третья война европейцевъ на африканской почвѣ, именно Италіи съ абиссинцами, грозитъ затянуться и дорого стоить итальянцамъ, какъ людьми, такъ и деньгами. Эритрейской колоніи не везетъ, и она постоянно вовлекаетъ Италію въ борьбу то съ тѣми, то съ другими туземными сосѣдями, хотя въ происходящей теперь войнѣ съ абиссинцами итальянцы сначала одержали, подъ предводительствомъ генерала Баратьери, побѣду при Антало, но затѣмъ были разбиты при Амбалаги, а въ настоящее время одинъ изъ ихъ итальянскихъ отрядовъ осажденъ въ Микалѣ; вообще войска Менелика грозятъ долго тревожить итальянскія владѣнія, тѣмъ болѣе, что, даже въ случаѣ пораженія, они могутъ удалиться въ свои неприступныя горы и оттуда, по временамъ, дѣлать новые набѣги отдѣльно, или въ связи съ окрестными мусульманскими племенами. Поэтому эритрейская колонія является для Италіи вампиромъ, который сосетъ и будетъ еще въ будущемъ сосать кровь и милліоны ея гражданъ, не принося никакой имъ пользы. Однако, въ Африкѣ новый годъ получилъ отъ стараго еще болѣе грозное наслѣдіе, чѣмъ итальянско-абиссинская война,—это распря Англіи съ Трансваалемъ, возбудившая столкновеніе съ Германіей. Фактическая сторона трансваальскаго вопроса, волнующаго теперь не только всѣ европейскія колоніи въ Африкѣ, но и весь политическій міръ, очень несложна: отрядъ добровольцевъ изъ англійской колоніи Машоналандъ, подъ предводительствомъ ея администратора, т.-е. оффиціальнаго главы, доктора Джемсона, ворвался въ сосѣдній Трансвааль, или южно-африканскую республику голландскихъ колонистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ боеровъ, былъ разбитъ на голову генераломъ боеровъ Жубероме, и большинство его, съ докторомъ Джемсономъ, взято въ плѣнъ. Затѣмъ, англійское правительство признало дѣйствія Джемсона самовольными, отказалось отъ всякаго участія въ его экспедиціи и послало генерала-губернатора Капской колоніи, сэра Гер-

кулеса Робинсона въ Преторію, столицу боерской республики, для улаженія дѣла съ президентомъ Крюгеромъ, который выдалъ своихъ плѣнныхъ англійскому правительству, для суда. Вотъ въ короткихъ словахъ внѣшняя суть трансваальскаго вопроса, но внутренняя его подкладка очень сложная, и нельзя его просто охарактеризовать флибустьерскимъ набѣгомъ, втайнѣ подготовленнымъ коварной Англіей, какъ это дѣлаютъ во Франціи, Германіи и у насъ. Но, съ другой стороны, нельзя его и прославлять геройскимъ подвигомъ, какъ нѣкоторые англійскіе шовинисты, только подъ тѣмъ предлогомъ, что экспедицію Джемсона вызвало къ себѣ на помощь англійское большинство населенія южно-африканской республики, притѣсняемое боерами, которые составляютъ меньшинство. Конечно, придерживаясь первой системы, слѣдуетъ называть флибустьеромъ и Гарибальди, явившагося съ своей знаменитой тысячью на помощь угнетеннымъ населеніямъ Сициліи и Неаполя, но вторая характеристика экспедиціи Джемсона была бы справедлива лишь въ томъ случаѣ, еслибы, дѣйствительно, она была предпринята для спасенія англійскаго населенія Трансвааля отъ грозившей ему опасности отъ боеровъ; но, во-первыхъ, это ничѣмъ не доказано, а во-вторыхъ, это населеніе громадное большинство въ странѣ, живетъ въ свободной республикѣ и можетъ законнымъ путемъ добиться признанія своихъ правъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Трансвааль находится въ ненормальномъ положеніи, такъ какъ, съ одной стороны, въ немъ живетъ 25.000 боеровъ, полноправныхъ гражданъ республики, и 60.000 уйтландеровъ, или чужестранцевъ, преимущественно англичанъ, но частью американцевъ, нѣмцевъ, евреевъ и т. д., которые лишены политическихъ и избирательныхъ правъ. При этомъ боеры и ихъ президентъ Крюгеръ очень почтенные люди, но тяжелые, консервативные фермеры, а уйтлендеры предпріимчивые, передовые, энергичные дѣятели, обогатившіе республику своей эксплуатаціей золотыхъ копей; они построили громадный, быстро богатѣющій городъ Доганисбергъ, нѣчто въ родѣ африканскаго Чикаго, и естественно добиваются голоса въ управленіи страной, которую они также, какъ боеры, считаютъ своей. Всѣ ихъ петиціи въ мѣстный парламентъ объ измѣненіи конституціи въ этомъ смыслѣ оставались безъ удовлетворенія, и, конечно, еслибъ, наконецъ, выведенные изъ терпѣнія, они совершили насильственный переворотъ, то, сожалѣя о формѣ достиженія ими своихъ правъ, нельзя было бы бросать въ нихъ камнемъ. Еслибъ въ подобномъ случаѣ имъ помогъ докторъ Джемсонъ, то его, конечно, нельзя было бы тогда назвать флибустьеромъ: но дѣло именно заключается въ томъ, что, повидимому, самые уважаемые изъ уйтландеровъ открещиваются

отъ всякаго съ нимъ соучастія и что онъ, очевидно, дѣйствовалъ какъ тайный агентъ своего друга, Сесиля Родса, предсѣдателя знаменитой англійской южно-африканской компаніи и перваго министра Капской колоніи. Сесиль Родсъ прямо проповѣдуетъ, что англійскія владѣнія въ Африкѣ должны составлять непрерывную цѣпь отъ Капа до Египта и всѣми средствами, дозволенными и недозволенными, стремится къ осуществленію своего плана. Трансваальская республика у него бѣльмо на глазу, тѣмъ болѣе, что она недавно была временно присоединена къ Англіи, и ей возвращена независимость Гладстономъ подъ сохраненіемъ за Англіей нѣкоторыхъ сюзеренныхъ правъ. Естественно, что Родсъ и Джемсонъ, пользуясь тревожнымъ положеніемъ республики, хотѣли произвести тамъ насильственный переворотъ и снова сдѣлать Трансвааль англійскимъ владѣніемъ. Подобнымъ образомъ они уже овладѣли не одной страной въ Южной и центральной Африкѣ, но тутъ имъ не удалось, и, вмѣсто героевъ, которыхъ англійское правительство наградило бы высшими почестями, одинъ попалъ въ плѣнъ и на скамью подсудимыхъ, а другой—вынужденъ былъ подать въ отставку изъ первыхъ министровъ и, быть можетъ, также не минуетъ суда. Повидимому, вся эта исторія и въ такомъ видѣ достаточно драматична и непріятна для Англіи, но германскій императоръ постарался придать ей еще болѣе острый и трагическій, хотя и не лишенный комизма, характеръ. Онъ послалъ президенту Крюгеру телеграмму, въ которой поздравлялъ его съ тѣмъ, что боеры, не прибѣгая къ помощи дружескихъ державъ, отразили своими силами вооруженныя шайки, ворвавшіяся въ ихъ страну. Мало того, оказалось, что онъ уже ранѣе приказалъ, въ случаѣ надобности, нѣмецкому военному кораблю сдѣлать десантъ подъ предлогомъ обезпеченія безопасности нѣмецкихъ жителей Преторіи. Конечно, вся Англія всполошилась, сочла дѣйствія Вильгельма оскорбительными для своей національной чести, и, съ одной стороны, правительство стало поспѣшно дѣлать военныя приготовленія, а съ другой—общество и печать начали выражать самыя шовинистскія, враждебныя Германіи чувства. Германія отвѣтила одинаковымъ взрывомъ англофобіи, и отношенія между обѣими странами и обоими правительствами были очень натянуты въ первые дни новаго года. Чѣмъ все это кончится,—покажетъ время, и если англійскія газеты увѣряютъ, что королева написала строгій репримандъ своему внуку, и вслѣдствіе этого Германія извинилась передъ Англіей, то нѣмецкая печать презрительно это отрицаетъ и, напротивъ, сообщаетъ о переговорахъ германскаго правительства съ представителемъ боерской республики.

По недостатку мѣста намъ приходится отложить картину вну-

тренняго положенія европейскихъ государствъ въ старомъ и новомъ году до слѣдующей книжки журнала, что дастъ намъ возможность опредѣлить точнѣе, какой характеръ сообщитъ начинающійся годъ наслѣдію, принятому отъ своего предшественника, такъ какъ къ тому времени выяснится настроеніе всѣхъ новыхъ парламентскихъ сессій, частью уже открытыхъ, а частью открывающихся на-дняхъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи.

II.

Интересы дня.

Успѣхи женскаго движенія въ 1895 г.—Современная женщина во Франціи и Румыніи.—Курьезный вопросъ, кто лучшая жена: француженка, англичанка, нѣмка или скандинавки?—Положеніе русскихъ, турецкихъ и германскихъ женщинъ.—Новая женщина въ Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Англійскія газеты печатаютъ въ своихъ нумерахъ отъ 31 декабря отчетъ предсѣдательницы международнаго женскаго союза, мистриссъ Варнеръ Снодъ, объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ прошедшемъ году женскимъ движеніемъ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Такъ какъ ордена и почетныя званія еще рѣдкость для женщинъ, то этотъ отчетъ начинается съ пожалованія англійской королевой ордена индѣйской короны двумъ женщинамъ: леди Сандгурстъ—женѣ бомбейскаго губернатора, и мистриссъ Фаулеръ—женѣ министра по индѣйскимъ дѣламъ. Лондонское филармоническое общество впервые выдало свою золотую медаль пѣвицѣ—знаменитой Патти, а въ Парижѣ совершилось соотвѣтственное событіе, именно впервые въ театрѣ Большой оперы допущена была къ капельмейстерскому пюпитру женщина, Августа Гольмсъ, ирландка по происхожденію, которая явилась въ качествѣ композитора и либретиста своей новой оперы. Англійское азіатское общество избрало, также впервые, въ свои члены г-жу Рагозину. Если мы перейдемъ къ ученымъ успѣхамъ женщинъ, то увидимъ, что лондонское географическое общество выдало, за лучшія географическія сочиненія, двѣ медали мужчинамъ и восемнадцать женщинамъ, а изъ двадцати похвальныхъ листовъ по тому же предмету только одинъ достался на мужскую долю. Въ лондонскомъ университетѣ четыре женщины получили дипломы доктора медицины, одна баккалавра музыки, одна доктора литературы и болѣе ста выдержали съ успѣхомъ экзамены по различнымъ предметамъ. Въ Кембриджѣ двѣ женщины и одинъ мужчина получили высшія отмѣтки на экзаменѣ по нравственнымъ наукамъ. Въ ирландскомъ университетѣ Этель Трифтъ по-

лучила первую золотую медаль, Катерина Мурфи—степень Yunior Fellow въ современной литературѣ, а Мери Гейденъ—въ исторіи. Но главнѣйшій вѣнецъ научныхъ занятій англичанки получили не на своей родинѣ, а въ геттингенскомъ университетѣ: тамъ, впервые съ тѣхъ поръ, какъ Геттингенъ перешелъ къ Пруссіи, дипломъ доктора философіи выданъ женщинѣ, именно миссъ Гресъ Чисгольмъ. Эта молодая дѣвушка представляетъ рѣдкое явленіе не только по своимъ знаніямъ, но и по упорству и энергіи, съ которыми она добивалась и, наконецъ, достигла своихъ правъ. Окончивъ воспитаніе въ Гиртонской женской коллегіи, она первой выдержала экзаменъ по математическому факультету прежде въ Кембриджѣ, а потомъ въ Оксфордѣ, а когда ей отказали въ выдачѣ диплома, по той причинѣ, что она женщина, то она отправилась въ Геттингенъ и также выдержала тамъ блестящимъ образомъ экзаменъ на доктора философіи; но университетскія власти затруднились, также какъ и ихъ англійскіе собратья, оффиціально признать за ней ученую степень, и болѣе года она всячески старалась побороть представлявшіяся преграды, не только въ Геттингенѣ, но и въ Берлинѣ. Наконецъ, она добилась, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, вполнѣ заслуженнаго ею диплома и въ апрѣлѣ прошедшаго года сдѣлалась первой Fräulein Doctor Philosophiae. Въ общественномъ отношеніи англійскія женщины сдѣлали не менѣе успѣха, чѣмъ въ научномъ. Лондонскій школьный совѣтъ назначилъ миссъ Ивъ членомъ наблюдательнаго совѣта больницы Христа и настоялъ на своемъ назначеніи, не смотря на отказъ директоровъ больницы допустить женщину въ свою среду. Число женщинъ - попечителей бѣдныхъ значительно увеличилось и достигло 883. Докторъ Елисавета Муфатъ назначена ассистентомъ въ Мулиннарскую больницу для умалишенныхъ, а докторъ Винифрида Диксонъ — ассистентомъ въ Кумбскую больницу; наконецъ, въ лондонскомъ кварталѣ св. Панкратія, миссъ Берта Тургудъ опредѣлена санитарнымъ инспекторомъ. Въ другихъ европейскихъ странахъ женское движеніе одинаково сдѣлало нѣсколько значительныхъ шаговъ впередъ. Миссъ Доналада Макфи изъ Канады, получившая уже высшіе дипломы по философіи въ монреальскомъ и корнельскомъ университетахъ, а также слушавшая два года лекціи въ Лейпцигѣ, удостоилась, въ Цюрихѣ, диплома доктора философіи. Въ Вѣнѣ, Джорджіана Вапротъ, дочь графини Пальфи, получила мѣсто доктора при школѣ офицерскихъ дочерей, а въ Буда-Пештѣ женщины, наконецъ, допущены для занятій въ мѣстномъ университетѣ. Одинаково допущены женщины въ мадридскій университетъ, что составляетъ необычайное явленіе для Испаніи. Указавъ еще на

успѣхи женскаго движенія, въ медицинскомъ отношеніи, въ Россіи, отчетъ мистриссъ Снодъ сообщаетъ свѣдѣнія и относительно внѣевропейскихъ странъ о прогрессѣ по женскому вопросу. Въ калькуттскомъ университетѣ сорокъ пять молодыхъ дѣвушекъ, преимущественно мѣстнаго происхожденія, выдержали съ успѣхомъ различные экзамены. Американки, какъ всегда, занимаютъ первое мѣсто въ спискѣ женскихъ успѣховъ за прошедшій годъ и открыли себѣ еще новый видъ дѣятельности, именно: мистриссъ Вудъ выдержала экзаменъ въ политехническомъ институтѣ въ Бруклинѣ и получила мѣсто топографа-чертежника; миссъ Елена Гульдъ, дочь недавно умершаго милліонера, взяла дипломъ въ нью-іоркскомъ университетѣ по юридическому факультету и поступила въ число адвокатовъ. Австралія стоитъ въ отношеніи женскихъ правъ на одной ногѣ съ Соединенными Штатами и даже въ политическомъ отношеніи можетъ заткнуть ихъ за поясъ. Такъ, 26 ноября прошедшаго года, парламентъ въ Мильбурнѣ принялъ единогласно во второмъ чтеніи билль о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ, а въ сиднейскомъ университетѣ Элеонора Видфильдъ выдержала первой сразу экзамены по логикѣ, исторіи и философіи, причемъ получила три медали.

Женскій вопросъ представлялъ въ прошедшемъ году одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ предметовъ статей, очерковъ и этюдовъ въ европейской и американской прессѣ. Появились даже цѣлыя серіи статей, разсматривающихъ ту или другую сторону этого вопроса. Такимъ образомъ, французскій журналъ «Revue des Revues», который съ каждой книжкой становится разнообразнѣе и живѣе, открылъ у себя особый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Современная женщина»; до сихъ поръ вышли только два очерка: «Женщина румынская», Карменъ-Сильвы, т.-е королевы румынской, и «Женщина французская» г-жи Додэ—жены знаменитаго романиста, но въ нынѣшнемъ году редакція обѣщаетъ помѣстить характеристики женщинъ всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи. Если авторы этихъ очерковъ будутъ слѣдовать примѣру тѣхъ писательницъ, которыя уже выступили въ этой серіи литературныхъ портретовъ, то эта галлерея современныхъ женщинъ не представитъ того интереса, который возбуждается ея заглавіемъ. Какъ румынская королева, такъ и г-жа Додэ одинаково восхваляютъ своихъ соотечественницъ въ общихъ выраженіяхъ и вовсе не рисуютъ современнаго положенія женщинъ съ фактической стороны, что должно бы составлять всю суть подобной характеристики. Еще статья Карменъ Сильвы имѣетъ по крайней мѣрѣ историческое значеніе, и хотя ея обзоръ выдающихся румынокъ, съ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ дней, не

имѣетъ прямого отношенія къ современной женщинѣ, но читается съ интересомъ. Что же касается до румынокъ настоящаго времени, то первая изъ нихъ довольствуется голословнымъ заявленіемъ, что это самыя интересныя женщины въ Европѣ и что онѣ отличаются теперь, также какъ отличались во всѣ эпохи своей исторіи, красотой, энергіей и семейными добродѣтелями, не смотря на то, что онѣ танцуютъ какъ польки и болтаютъ какъ парижанки. По словамъ Карменъ Сильвы, румынка уже въ пять лѣтъ прелестно играетъ роль матери своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, въ восемь—она уже совершенно взрослая молодая дѣвушка, а въ двѣнадцать если теперь и не выходитъ замужъ въ виду новаго закона, то серьезно занимается науками и держитъ экзаменъ сперва на баккалавра, а потомъ на доктора. Окончивъ свое образованіе, она становится образцовой женой, нѣжной матерью, дѣловитой хозяйкой, а, въ случаѣ надобности, какъ въ прошедшую войну, самоотверженной сестрой милосердія. Среди всѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыя расточаетъ румынкамъ Карменъ Сильва, она, однако, признаетъ, что онѣ въ послѣднее время, быстро сравнявшись въ культурномъ отношеніи и внѣшнемъ блескѣ со своими сестрами самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, подвергаются многимъ соблазнамъ, порхаютъ надъ бездной и далеко не безгрѣшны; но она твердо увѣрена, что румынскія матери, давшія своей родинѣ столько героевъ, и въ будущемъ останутся оплотомъ ея свободы и благоденствія. Четыре страницы, посвященныя г-жей Додэ характеристикѣ француженокъ, хотя и написаны тепло, художественно и даже поэтично, но отличаются самымъ избитымъ, банальнымъ и буржуазнымъ восхваленіемъ семейныхъ добродѣтелей французской женщины, чѣмъ, въ сущности, она никогда не славилась. Поэтому, неудивительно, что эта талантливая писательница возстаетъ противъ современнаго стремленія къ женскому образованію и уравненію правъ женщины съ мужчинами: она называетъ засохшими вѣтками французскаго національнаго древа г-жу Севинье, г-жу Рекамье и прочихъ свѣтилъ стараго порядка во Франціи, а г-жѣ Сталь и Жоржъ-Занду предпочитаетъ слезливую, второстепенную поэтессу г-жу Вальморъ и мистичную Евгенію Дю-Геренъ. Она увѣряетъ, что современная француженка умѣетъ соединять серьезное съ легкомысленнымъ, добродѣтель съ кокетствомъ, изящество съ простотой и т. д. Блестящими представительницами современной француженки она называетъ Жюльетту Аданъ—издательницу «Nouvelle Revue», Жюдиту Готье—поэтически передающую идеалы отдаленныхъ расъ, г-жу Генри Гревиль—извѣстную романистку, маркизу Мирабо, которая подъ именемъ Жипа является

изящнымъ лѣтописцемъ большого свѣта, г-жу Бланъ-Бенцонъ—замѣчательную публицистку и переводчицу, г-жу Северинъ—пламенную защитницу въ ежедневной прессѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, и нѣкоторыхъ другихъ.

По примѣру французскаго журнала, американскій «North American Rewiew» началъ печатать серію статей по женскому вопросу, задавшись особой темой изученія женъ въ различныхъ странахъ. Въ октябрской книжкѣ помѣщены первые четыре очерка: объ англійскихъ женахъ—Гранта Аллена, французскихъ—Макса Ореля, германскихъ—Карла Блинда и скандинавскихъ—Бойезена. За исключеніемъ перваго автора, всѣ остальные отдаютъ пальму первенства своимъ соотечественницамъ и рисуютъ ихъ портреты въ качествѣ женъ въ самыхъ восторженныхъ, но буржуазныхъ краскахъ. Максъ Орель увѣряетъ, что француженка—первая жена на свѣтѣ, и объясняетъ свой тезисъ слѣдующимъ образомъ: «ея цѣль быть всегда интересной мужу: она является передъ нимъ во всевозможныхъ видахъ и въ одно и то же время бываетъ его другомъ, товарищемъ, помощникомъ и, наконецъ, въ лучшемъ и возвышенномъ значеніи этого слова, его любовницей. Она постоянно измѣняетъ свой внѣшній видъ, чтобы не надоѣсть мужу; такъ, напримѣръ, рѣдко замужняя француженка носитъ одну и ту же прическу болѣе трехъ или четырехъ недѣль. Она знаетъ, что любовь поддерживается иллюзіями, подстрекательствомъ и кокетствомъ, а потому съ нею бракъ никогда не убиваетъ поэтической стороны любви». Карлъ Блиндъ, съ своей стороны, выставляетъ идеалъ нѣмецкой жены и разсматриваетъ его съ исторической точки зрѣнія; когда же онъ добирается до современной женщины, то съ негодованіемъ отвергаетъ установившееся мнѣніе, что нѣмка въ семейной жизни исключительно прозаичная хозяйка, чуть-ли не кухарка, а по его словамъ, идеалъ нѣмецкой жены быть не только образцовой хозяйкой, но и преданной подругой мужа, примѣрной матерью и, насколько дозволяетъ различіе половъ, ревностной гражданкой своей страны, заботящейся объ общественныхъ нуждахъ, интересующейся искусствомъ и литературой, стремящейся къ прогрессу всего человѣчества. Бойезенъ одинаково выхваляетъ семейныя добродѣтели скандинавокъ, но не считаетъ, чтобъ въ нихъ заключался идеалъ женщины, и если, напримѣръ, его соотечественницы, женщины Норвегіи, могли бы, по своему культурному развитію и современному положенію, стоять на одной ногѣ съ мужчинами, а въ дѣйствительности довольствуются олицетвореніемъ типа обычной матроны, то это зависитъ отъ того, что до сихъ поръ идеалъ жены созданъ не женщинами, а мужчинами по нравственнымъ прави-

ламъ школьныхъ прописей. Гораздо далѣе въ этомъ направленіи идетъ извѣстный англійскій публицистъ и романистъ, Грантъ Алленъ, возстающій въ своихъ произведеніяхъ противъ тираническихъ условій современнаго брака. Онъ рѣзко, но рельефно и справедливо рисуетъ общій типъ жены въ Англіи, и разбиваетъ его на три класса: рабочій, средній и аристократическій. По его словамъ, идеаломъ жены рабочаго служитъ хозяйка и мать древняго тевтонскаго типа. Она царитъ въ кухнѣ и проводитъ всю свою жизнь въ тяжеломъ трудѣ, въ безконечныхъ домашнихъ заботахъ: она стряпаетъ, стираетъ, шьетъ. Но у нея нѣтъ души, такъ какъ ей не хватаетъ времени на отысканіе и развитіе этой души. Она—матерьяльный идеалъ, оскотинившагося подъ матерьяльнымъ гнетомъ, бѣдняка. Еще рѣзче Грантъ Алленъ отзывается о женѣ въ среднемъ классѣ: ея задача не жить своей жизнью, а играть роль товарища мужа по общественному ярму. Она служитъ ему вывѣской. Она торжественно и безмолвно предсѣдательствуетъ за обѣденнымъ столомъ, выѣзжаетъ съ гордостью въ своемъ экипажѣ, если таковой есть, посѣщаетъ семьи мужниныхъ друзей и принимаетъ ихъ у него въ домѣ, родитъ большое количество дѣтей въ опредѣленные промежутки времени и потомъ безполезно хлопочетъ о внѣшней ихъ приличности. Она не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ мужа, а только расходуетъ отпускаемыя ей деньги на хозяйство и наряды. Это простой, непривлекательный нравственный идеалъ глупой, скучной, буржуазной хозяйки. Что касается до третьяго класса, то Грантъ Алленъ отрицаетъ самый фактъ существованія идеальной аристократической жены. По его мнѣнію, англійскій аристократъ, проведя шумную, кутильную молодость, женится не на женѣ, а на ея деньгахъ, или связяхъ. Послѣ свадьбы они живутъ каждый по-своему и кончаютъ обыкновенно требованіемъ развода съ той или другой стороны, а иногда съ обѣихъ.

Въ октябрьской книжкѣ «Humanitarian» графиня Анна Капнистъ живописуетъ современное положеніе русскихъ женщинъ и серьезно увѣряетъ, что судьба русской женщины какого бы то ни было класса очень счастливая и, сравнительно, гораздо лучшая, чѣмъ судьба англичанки. Не только, по ея словамъ, русскія женщины трудятся болѣе своихъ европейскихъ сестеръ, любятъ сильнѣе и преданнѣе ихъ, выбираютъ мужей осмотрительнѣе и остаются имъ вѣрнѣе, не только онѣ лучшія матери, но и пользуются большимъ вліяніемъ, общественнымъ и политическимъ. Откуда все это взяла почтенная россіянка — никому неизвѣстно, такъ какъ она не приводитъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе

своего тезиса. Столь же голословно утверждаетъ Ричардъ Давей въ своей статьѣ о современномъ положеніи женщинъ въ Турціи, напечатанной въ «Fortnightly Review», что турчанки очень счастливы въ своей домашней жизни и пользуются всякаго рода свободой, исключая посѣщенія театровъ и общества. Но, въ противность русской писательницѣ, англичанинъ приводитъ факты, и эти факты частью говорятъ противъ его заключенія, а частью сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о женскомъ движеніи на Востокѣ, такъ что вообще его статья заслуживаетъ полнаго вниманія. Особенно интересенъ приводимый имъ отзывъ одной образованной турчанки о той пресловутой свободѣ, которой, по его словамъ, пользуются женщины въ Турціи. «Подумайте,—говоритъ эта почтенная особа,—не глупо-ли, что я, страстно любя музыку, не могу посѣщать театры и концерты, что мнѣ запрещено выѣзжать изъ предѣловъ Оттоманской имперіи и что я обязана довольствоваться обмѣномъ мыслей только съ окружающими меня женщинами? Чѣмъ болѣе образована мусульманская женщина, тѣмъ ея судьба несчастнѣе, и это продлится до тѣхъ поръ, пока не совершится полная эмансипація женщинъ, какъ этого желаетъ Фуадъ-паша, и, вѣрьте мнѣ, что это желанное событіе совершится вскорѣ. Вообще турецкія женщины отличаются умомъ болѣе мужчинъ, и между ними быстро развивается духъ солидарности. Напримѣръ, въ 1892 году, султанъ приказалъ носить всѣмъ женщинамъ во время Рамадана яшмакъ, т.-е. покрывало такого вида, которое уже давно вышло изъ употребленія. Три дня его повелѣніе исполнялось, но на четвертый всѣ женщины въ Константинополѣ отказались носить яшмакъ, и съ тѣхъ поръ его величество пересталъ вмѣшиваться въ наши туалеты. Я васъ увѣряю, что еслибы сегодня рѣшились спросить мнѣніе всѣхъ турецкихъ женщинъ о томъ, оставить-ли ихъ въ теперешнемъ положеніи, или даровать имъ европейскую свободу, то несомнѣнно всѣ единогласно высказались бы за послѣднее». По словамъ Давея, женское образованіе въ Турціи сдѣлало большіе успѣхи, и между турецкими писателями есть нѣсколько замѣчательныхъ женщинъ, именно Зафира Ганумъ, переводящая съ семи языковъ, Лейла Ганумъ, напечатавшая нѣсколько гармоническихъ поэмъ, и Гульнара Ганумъ, также одна изъ лучшихъ современныхъ турецкихъ поэтессъ. Дочь султана Абдулъ-Гамида, Лейла извѣстна своимъ музыкальнымъ талантомъ, а Фатьма Ганумъ стоитъ во главѣ значительнаго движенія въ пользу женскихъ правъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень характеристично, что хотя по турецкимъ законамъ жена не можетъ добиться развода безъ согласія мужа, но, по увѣре-

нію Давея, разводы случаются въ Турціи чаще, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и не рѣдкость встрѣтить молодую женщину двадцати лѣтъ, которая уже была замужемъ двѣнадцать разъ; при этомъ отличительнымъ условіемъ турецкаго развода служитъ возвратъ женѣ полученнаго приданаго до послѣдняго піастра. Но любопытнѣе всѣхъ характеристикъ разноплеменныхъ женщинъ, наполняющихъ страницы заграничныхъ журналовъ, портретъ бирманки, рисуемый г. Фильдингомъ въ «Blackwood Magazine»: «Нигдѣ на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—женщина не имѣетъ такой свободы и такъ вполнѣ не располагаетъ своей личностью и своимъ состояніемъ, какъ въ Бирманіи. Во всѣхъ отношеніяхъ: религіозномъ, общественномъ и правовомъ женщины тамъ стоятъ наравнѣ съ мужчинами. Онѣ пользуются одинаковыми правами по наслѣдству, и мужья не имѣютъ права вмѣшиваться въ имущественные интересы своихъ женъ. Бирманія никогда не знала рыцарства, которое называло женщинъ ангелами, а обращалось съ ними какъ съ рабынями, а также въ ней никогда не проповѣдывалось, что женщина—адское отродье, а потому она всегда занимала свое настоящее мѣсто въ жизни и не подчинялась никакимъ рутиннымъ ограниченіямъ. Въ результатѣ, ни въ одной странѣ женщины не пользуются такой свободой и не сохраняютъ такой женственности, какъ въ Бирманіи». Всѣ карьеры и всѣ занятія доступны бирманкамъ. Каждая изъ нихъ, замужемъ она или нѣтъ, имѣетъ съ шестнадцати или семнадцати лѣтъ особую профессію или ремесло; наиболѣе онѣ занимаются торговлей, а шьютъ и вышиваютъ преимущественно мужчины. Относительно женщинъ, занимающихся торговлей, еще надо сказать, что онѣ обыкновенно торгуютъ для себя, а не служатъ приказчиками. Три часа въ день торговка-бирманка сидитъ на базарѣ, а остальное время посвящаетъ домашнимъ заботамъ. Этотъ обычай торговать на свой счетъ придаетъ женщинамъ большую независимость и самостоятельность, нисколько не уменьшая ихъ достоинствъ въ качествѣ женъ, матерей и хозяекъ. Замѣчательно также, что хотя въ Бирманіи развода чрезвычайно легко достигнуть, но изъ ста браковъ обыкновенно не расторгается болѣе одного, а по словамъ Фильдинга, во время его долгаго пребыванія въ Бирманіи, онъ не слыхалъ ни объ одномъ случаѣ, чтобы развелась чета, имѣвшая дѣтей. Все это даетъ ему право утверждать, что никогда и нигдѣ положеніе женщинъ не было такимъ идеальнымъ, какъ въ Бирманіи.

Въ послѣдніе годы Англія все болѣе и болѣе занимаетъ передовое мѣсто среди европейскихъ странъ, гдѣ женское движеніе одерживаетъ наибольшіе успѣхи. Джонъ Морлей совершенно спра-

ведливо замѣчаетъ въ одной изъ недавнихъ своихъ журнальныхъ статей, что будущій историкъ нашего времени отмѣтитъ, какъ самую значительную и важную перемѣну, происшедшую въ англійскомъ обществѣ, распространеніе образованія и общественнаго положенія женщины, такъ какъ среди всѣхъ англійскихъ женщинъ, отъ великосвѣтскихъ дамъ и представительницъ средняго сословія до работницъ, происходитъ такой переворотъ въ идеяхъ и условіяхъ жизни, что съ нимъ нельзя сравнить, по значенію, ни политическія, ни соціальныя движенія нашихъ дней. Дѣйствительно, новая женщина въ Англіи сдѣлала въ короткое время громадные шаги на пути прогресса, и въ настоящее время тамъ считается, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ статьѣ Огюстена Филона въ «Revue de Paris», 101 докторша, 19 архитекторшъ, 166 адвокатшъ, 660 писательницъ и журналистокъ, 127 репортершъ, 42 ученыхъ, 3,032 художницы, не считая актрисъ, 8.546 чиновницъ и 146.375 учительницъ. Почти всѣ карьеры открыты теперь англичанкамъ, и если онѣ еще не участвуютъ въ парламентскихъ выборахъ, какъ избиратели и избираемыя, то ведутъ энергично избирательную борьбу во время выборовъ частнымъ образомъ, т.-е. произносятъ рѣчи и вербуютъ голоса не для себя, а для мужчинъ. Кромѣ того, онѣ выбираютъ, а также избираются въ училищные совѣты и въ совѣты для помощи бѣднымъ, а только избирателями являются на выборахъ въ муниципальные совѣты. Что касается до ученой дѣятельности женщинъ, то она ограничивается лишь учеными степенями, а во всемъ остальномъ женщины передъ глазами науки стоятъ наравнѣ съ мужчинами. Теоретически свобода женщинъ признается въ Англіи почти всѣми, и очень рѣдко раздаются въ печати голоса противъ новой женщины, которая во всемъ равна мужчинѣ, относительно правъ, занятій и т. д. Насколько важную роль играетъ женское движеніе въ Англіи, можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что почти въ каждомъ нумерѣ каждаго журнала находится какая-нибудь статья о женскомъ вопросѣ. Напримѣръ, въ послѣднихъ книжкахъ прошлогоднихъ журналовъ леди Дженъ расхваливаетъ участіе женщинъ высшаго круга въ консервативной лигѣ дамъ, энергично дѣйствовавшей на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ; Гарри Квильтеръ доказываетъ, что недалеко то время, когда женщины не только сравняются съ мужчинами во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, но и превзойдутъ ихъ; пасторъ Джонсъ подтверждаетъ право женщинъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются мужчины, словами Христа, который, говоря, что исполняющій Его волю, становится Его братомъ, Его сестрой, Его матерью, не дѣлалъ, слѣдовательно, никакого различія между муж-

чинами и женщинами. Анонимный баккалавръ оксфордскаго университета самымъ рѣзкимъ образомъ возстаетъ противъ университетскихъ совѣтовъ Оксфорда и Кембриджа, все еще отказывающихъ женщинамъ въ ученой степени, а въ январьскихъ нумерахъ нынѣшняго года уже есть двѣ статьи по женскому вопросу мистриссъ Олифантъ въ «Blackwood Magazine» о противобрачной лигѣ, и Генріетты Ватсонъ въ «Nineteenth Century Magazine»—о царствѣ женщинъ въ современной Англіи. Но какъ ни распространено теоретическое и практическое движеніе въ пользу женскихъ правъ въ Англіи, все-таки Американскіе Соединенные Штаты сохраняютъ пальму первенства въ этомъ отношеніи. Два извѣстные европейскіе писателя, посѣтившіе недавно Америку, именно Поль Бурже, въ своемъ «Outre-Mer», и г-жа Бланъ-Бенцонъ, въ своемъ сочиненіи «Американки дома», которое въ прошедшемъ году печаталось въ «Revue des deux Mondes», а теперь вышло отдѣльнымъ изданіемъ, одинаково свидѣтельствуютъ, что женщины добились уже если не всего, то почти всего, что входитъ въ программу женскаго движенія. Равенство женщинъ съ мужчинами, по словамъ Бурже, бросается въ глаза почти на каждомъ шагу въ Америкѣ. «Войдите въ общественную школу,—говоритъ онъ,—и вы увидите, что мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ и тѣмъ же предметамъ; посѣтите университеты, и вы найдете молодыхъ дѣвушекъ, занимающихся рядомъ съ юношами въ лабораторіяхъ, анатомическомъ театрѣ и т. д.; заходите въ судъ, и вы увидите тамъ секретарей и адвокатовъ женщинъ». То же самое, но еще подробнѣе Поля Бурже, разсказываетъ объ американскихъ женщинахъ Бенцонъ, спеціально изучившая ихъ современное положеніе. Кромѣ политическихъ избирательныхъ правъ, женщина въ Америкѣ совершенно равноправна, но въ послѣднемъ отношеніи ея полная побѣда—только вопросъ времени, такъ какъ уже и теперь въ трехъ штатахъ—Віомингѣ, Колорадо и Канзасѣ—онѣ участвуютъ въ выборахъ. Что окончательный успѣхъ въ этомъ отношеніи зависитъ отъ самихъ женщинъ, доказываетъ недавній оригинальный плебисцитъ, происходившій въ штатѣ Массачусетъ. Тамошнее законодательное собраніе, прежде чѣмъ издать законъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ, рѣшило подвергнуть этотъ вопросъ общей балотировкѣ всѣхъ избирателей, въ томъ числѣ женщинъ, имѣющихъ право выбирать членовъ школьныхъ совѣтовъ. Въ результатѣ мужчины высказались большинствомъ 68% противъ, а женщины большинствомъ 96% за проектъ новаго закона, но оказалось, что мужчины, имѣвшіе право голоса, воспользовались имъ въ числѣ 273.976 изъ 561.699 человѣкъ, а женщины явились на баллотировку лишь въ количествѣ 23.068 изъ 575.000. Такимъ

образомъ ясно, что въ Массачусетѣ женское движеніе еще недостаточно развилось и законодательное собраніе отложило принятіе подготовленнаго закона въ пользу женщинъ, пока онѣ сами не обнаружатъ бо́льшаго участія къ общественной дѣятельности.

III.

Между журналами и газетами.

Взаимная помощь среди современныхъ людей.—Подъ этимъ заглавіемъ въ январьской книжкѣ «Nineteenth Century» помѣщена статья [1]) объ исторіи и современномъ положеніи въ Европѣ общиннаго начала, которое авторъ называетъ взаимной помощью. Стремленіе къ этой взаимной помощи составляетъ такой основной элементъ человѣческой жизни, что онъ сохранился во всѣ фазы ея эволюціи и встрѣчается повсюду до сихъ поръ, не смотря на безконечныя противодѣйствующія условія. Преимущественно оно развивалось въ періоды мира и благоденствія, но даже въ моменты общественныхъ бѣдствій, войны и тиранніи оно продолжало существовать въ селеніяхъ и среди бѣдныхъ городскихъ классовъ, удерживая единство между ними и въ концѣ концовъ дѣйствуя рикошетомъ на правящіе классы, которые презрительно отзывались объ общинномъ началѣ, какъ о сентиментальной глупости. При всякомъ новомъ преобразованіи соціальной организаціи, при всякомъ шагѣ человѣчества впередъ по пути прогресса—основной вдохновляющей идеей движенія служило это вѣчно живое, безгранично плодотворное, общественное начало. Новыя экономическія и соціальныя учрежденія, создаваемыя массами, новыя этическія и религіозныя системы—всѣ произошли изъ этого источника, и этическій прогресъ бѣлой расы, съ общей точки зрѣнія, представляется постепеннымъ развитіемъ принципа взаимной помощи, сначала въ отдѣльныхъ племенахъ, а потомъ все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ человѣческихъ агломераціяхъ на пути къ соединенію когда-нибудь всего человѣчества въ одно цѣлое, безъ различія вѣры, языка и расы. По общему примѣру и европейцы перешли изъ состоянія варварскаго племени къ высшей организаціи, въ видѣ сельскихъ общинъ и городскихъ корпорацій, которыя достигли въ средніе вѣка своего апогея, отражаясь самымъ благотворнымъ образомъ на развитіи народнаго благосостоянія, науки, искусства и промышленности. Но въ концѣ XV вѣка всѣ эти формы федеративнаго народоправства начали мало-по-малу уничтожаться подъ вліяніемъ по-

[1]) Mutual aid amongst modern men.—Nineteenth Century. January.

литической централизаціи и распространенія государствъ, основанныхъ на военномъ началѣ. Однако, до окончательнаго подчиненія, народныя массы въ теченіе трехъ столѣтій пытались отстоять старый принципъ взаимной помощи и созданныя имъ свободныя, братскія общины. Это движеніе выразилось въ первыя времена реформаціи въ анабаптизмѣ, крестьянской войнѣ и другихъ явленіяхъ подобнаго рода, а прекратилось только уничтоженное опустошеніемъ цѣлыхъ громадныхъ мѣстностей. Затѣмъ наступило полное, повсемѣстное господство государственной централизаціи, которое ревниво истребляло и сельскія общины, и городскія корпораціи, и выборныя общественныя власти, и представительныя собранія. Подъ вліяніемъ этой роковой политики и сопровождавшихъ ее войнъ европейскія страны опустѣли, пришли въ разореніе, и наука, искусство и промышленность достигли самаго плачевнаго упадка. Даже французская революція не могла отрѣшиться отъ идеи централизаціоннаго государства, и умственное возрожденіе первой половины настоящаго вѣка, не смотря на всѣ свои успѣхи, не было въ силахъ пошатнуть общей вѣры въ централизацію и развитый ею экономическій индивидуализмъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ принципъ взаимной помощи долженъ былъ бы совершенно исчезнуть, но въ немъ оказывается столько животворной силы, что, не смотря на теоретическое и практическое преслѣдованіе въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, сотни милліоновъ людей живутъ подъ сѣнью общинныхъ учрежденій и свято сохраняютъ ихъ въ той или другой формѣ. Если вглядѣться основательно въ существующій строй европейской жизни, то невольно поразитъ всякаго здравомыслящаго человѣка тотъ фактъ, что сельскія общины продолжаютъ существовать въ Европѣ, хотя централизаціонная и буржуазная, экономическая наука, повидимому, побѣдоносно доказываетъ, что сельская община вездѣ на Западѣ вымерла естественно, такъ какъ общинное пользованіе землей несовмѣстимо, будто бы, съ современными успѣхами агрономіи. Дѣло въ томъ, что исторія доказываетъ совершенно противное: нигдѣ сельская община не исчезла естественно и добровольно; она, напротивъ, долго боролась противъ направленныхъ на нее ударовъ со стороны централизаціонной власти и крупныхъ землевладѣльцевъ, а если, въ концѣ концовъ, вынуждена была уступить, то лишь силѣ. Вездѣ, въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и другихъ западныхъ странахъ, сельскія общины существовали болѣе тысячи лѣтъ, и гдѣ крестьяне не были разорены войной и тираніей, они постоянно улучшали методы земледѣлія; но въ виду быстро увеличивавшейся цѣнности земли, она стала лакомымъ кусочкомъ, и, съ одной стороны,—государство, а съ другой

поддерживаемые имъ крупные землевладѣльцы стали безжалостно забирать въ свои руки общинныя земли. Такимъ образомъ тутъ не было и тѣни естественной эволюціи, въ силу несоотвѣтствія общиннаго начала съ земледѣльческимъ прогрессомъ, а сохраненіе повсюду и возрожденіе въ послѣдніе годы учрежденій, основанныхъ на принципѣ взаимной помощи, доказываетъ всю ея живучесть. Въ Англіи еще лѣтъ двадцать тому назадъ существовали во многихъ мѣстахъ остатки общиннаго владѣнія, и до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ графствахъ, встрѣчаются общинные выгоны, луга и поля; такъ, въ Гунтендонгширѣ изъ 240.000 акровъ этого вида земли состоитъ въ общинномъ владѣніи 130.000, въ Беркширѣ половина всей земли, а въ Вильтширѣ болѣе половины. На Шотландскихъ островахъ и въ Ирландіи общинное владѣніе встрѣчается на каждомъ шагу въ той или другой формѣ. Что касается континента, то, не говоря уже о Восточной Европѣ, общинныя учрежденія сохраняются во многихъ мѣстахъ Швейцаріи, Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи и Скандинавіи. Наиболѣе типической страной въ этомъ отношеніи служитъ, конечно, Швейцарія, гдѣ не только пять кантоновъ: Ури, Швицъ, Апенцель, Гларусъ и Унтервальденъ представляютъ примѣръ общаго владѣнія землей и народнаго самоуправленія, но и во всѣхъ другихъ кантонахъ сельскія общины пользуются широкимъ самоуправленіемъ и владѣютъ значительными участками земли. При этомъ нельзя не замѣтить, что швейцарскіе общинные лѣса, поля и луга находятся въ самомъ лучшемъ состояніи, вполнѣ согласномъ съ новѣйшими успѣхами лѣсоводства и агрономіи. Кромѣ того, въ Швейцаріи возникли впервые земледѣльческія кооперацiи различнаго рода для производства на общинномъ началѣ хлѣба, сыра, вина и т. д., а оттуда онѣ уже распространились по другимъ европейскимъ странамъ, гдѣ пользуются значительнымъ успѣхомъ. Хотя во Франціи царитъ мелкая собственность, но десятая часть всѣхъ полей, половина всѣхъ естественныхъ луговъ и пятая часть всѣхъ лѣсовъ находятся въ общинномъ владѣніи. Эти остатки общинной земли составляютъ добавочный запасъ, во всякое время важный, а въ неблагопріятныя эпохи крайне необходимый для трехъ милліоновъ мелкихъ землевладѣльцевъ Франціи и сельскихъ рабочихъ. Но этическое значеніе общиннаго начала беретъ верхъ даже надъ экономическимъ, и принципъ взаимной помощи встрѣчается во многихъ проявленіяхъ сельской жизни во Франціи, въ доказательство чего авторъ статьи «Nineteenth Century» приводитъ нѣсколько писемъ, полученныхъ имъ изъ французскихъ деревень о преобладаніи тамъ различныхъ обычаевъ, основанныхъ на общинномъ началѣ: такъ, въ одной деревнѣ со-

держатъ скотъ на общій счетъ, въ другой построили мельницу на общинной землѣ и общими силами, въ третьей купили три молотилки на общія средства и т. д. Наконецъ, быстро распространяющіеся въ послѣднее время земледѣльческіе синдикаты ничто иное, какъ олицетвореніе въ новой формѣ все того же общиннаго начала взаимной помощи. Точно также и въ Германіи, во многихъ мѣстностяхъ, особливо въ Виртембергѣ, Баденѣ, Гогенцоллернѣ и гессенской провинціи Штаркенбергъ сохранились сельскія общины, а старинные обычаи, основанные на общинномъ принципѣ, встрѣчаются повсюду; равнымъ образомъ въ послѣднее время стали развиваться и всякаго рода кооперативныя ассоціаціи для производства или продажи сельскихъ произведеній. Упоминая только вскользь о подобныхъ же явленіяхъ въ другихъ странахъ Западной Европы, авторъ англійской статьи подробно останавливается на современномъ положеніи русской общины, основываясь преимущественно на трудѣ В. В. «Крестьянская община», который онъ называетъ вполнѣ прекраснымъ. Свой же любопытный очеркъ онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Такимъ образомъ, не смотря на то, что въ цивилизованномъ свѣтѣ цѣлыя населенія страдаютъ отъ нужды и голода, а милліоны людей доведены въ городахъ до пауперизма, еще во многихъ мѣстахъ сохранились и развиваются обычаи и учрежденія, основанные на принципѣ взаимной помощи, противорѣчащемъ, господствующимъ, увы, системамъ войны и узкой экономической науки, въ сущности не имѣющей въ себѣ ничего истинно научнаго».

Интеллектуальные пролетаріи въ Германіи.—Съ перваго январьскаго нумера, «Revue des Revues» начинаетъ печатаніе интересной серіи очерковъ объ интеллектуальныхъ пролетаріяхъ Европы, и первый изъ нихъ посвященъ Германіи [1]). Авторъ его, докторъ Эрнстъ, начинаетъ свою статью статистической таблицей, основанной на оффиціальныхъ данныхъ и доказывающей, что въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, отъ 1831 до 1891 года, число студентовъ въ нѣмецкихъ университетахъ быстро росло и достигло отъ 13.029 до 29.382. Хотя съ тѣхъ поръ стало замѣтно нѣкоторое уменьшеніе въ этомъ наплывѣ молодежи на университетскія скамьи, но оно очень незначительно, и все-таки вся Германія пламенно жалуется на то, что громадная масса ея молодежи, получая университетское образованіе, конечно, съ цѣлью не научнаго развитія, а достиженія выгодныхъ мѣстъ въ такъ называемыхъ свободныхъ профессіяхъ, въ сущности, только увеличиваетъ ряды

[1]) Les Prolétaires intellectuels en Allemagne, par Paul Ernst. Revue des Revues. 1 Janvier.

быстро возрастающаго умственнаго пролетаріата. Преимущественно сыновья средняго буржуазнаго класса стремятся съ указанной цѣлью въ нѣмецкіе университеты, а выйдя изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, или не получаютъ вовсе никакихъ мѣстъ, или, если и успѣваютъ устроиться, то получаютъ слишкомъ скудное содержаніе, при общей дороговизнѣ современной жизни. Наибольшій наплывъ молодежи обнаруживаютъ юридическіе факультеты, и положеніе вышедшихъ оттуда студентовъ наиболѣе печально. По окончаніи курса, имъ приходится держать первый экзаменъ (Referendarexamen), а затѣмъ черезъ два года, въ продолженіе которыхъ они ничего не получаютъ, второй (Assessorexamen). Тѣ изъ выдержавшихъ эти два экзамена, которые посвящаютъ себя судебной дѣятельности, могутъ получить судейское мѣсто лишь по достиженіи 35 лѣтъ, а такъ какъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ Германіи 3.773, то естественно, что небольшой процентъ изъ желающихъ достигаетъ своей цѣли. При этомъ даже большая часть счастливцевъ получаетъ жалованье не свыше 4.800 марокъ, такъ какъ лишь предсѣдатели судовъ доходятъ до 9.900 марокъ. Административная карьера еще менѣе выгодна, такъ какъ въ ней существуетъ четырехлѣтній искусъ, и, въ концѣ концовъ, число мѣстъ настолько меньше колоссальнаго количества кандидатовъ, что даже при удачѣ трудно достигнуть раньше 45 лѣтъ мѣста съ хорошимъ содержаніемъ, которое, однако, выше судебнаго. Если государственная служба плохо удовлетворяетъ готовящуюся къ ней молодежь, то свободныя профессіи приводятъ къ еще болѣе плачевнымъ результатамъ; въ особенности горькая судьба ждетъ докторовъ; такъ, только десятая часть берлинскихъ докторовъ получаетъ болѣе 3.000 марокъ въ годъ, а остальные, при общей дороговизнѣ столичной жизни, не только бѣдствуютъ, но многіе изъ нихъ положительно голодаютъ. Столь же печально, если еще не хуже положеніе педагоговъ. Два года они обязаны даромъ преподавать въ школахъ и только 27 и 28 лѣтъ, при счастьѣ, получаютъ мѣсто учителя въ той или другой школѣ съ жалованьемъ часто въ 600 марокъ, а не рѣдкость, что подобнаго мѣста достигаютъ лишь въ 50 и даже въ 60 лѣтъ. Самая же выгодная педагогическая должность приноситъ только 1.000 марокъ, и ее получить нельзя иначе, какъ по протекціи. Частные уроки приносятъ еще менѣе, и потому, по словамъ доктора Эрнста, легко себѣ представить, какая бѣдность царитъ среди кандидатовъ филологіи. Даже ассистенты профессоровъ, почтенные ученые, двигающіе науку впередъ, находятся въ Пруссіи въ самомъ жалкомъ положеніи; такъ, въ 1894 году изъ 1.200 этихъ скромныхъ дѣятелей науки только половина получала 900 марокъ въ годъ, а 316 человѣкъ рабо-

тали даромъ, ожидая будущаго благополучія. Положеніе журналистовъ, артистовъ и актеровъ еще безотраднѣе, и если модные художники и актеры загребаютъ большія деньги, или редакторы крупныхъ газетъ получаютъ отъ 20 до 40 тысячъ марокъ въ годъ, то громадное большинство только увеличиваетъ ряды несчастнаго пауперизма. Краснорѣчивѣе всякихъ разглагольствованій по этому предмету служитъ, напримѣръ, недавнее объявленіе во Франкфуртской Газетѣ одного молодого человѣка, окончившаго университетскій курсъ съ ученой степенью, который предлагалъ свои услуги знатнымъ иностранцамъ въ качествѣ курьера, т.-е. въ сущности, лакея. Подобный примѣръ не рѣдкость, и такія объявленія часто попадаются въ нѣмецкихъ газетахъ.

Могутъ-ли рабочіе экономничать? — Въ французской прессѣ поднятъ оригинальный вопросъ о томъ, доступна-ли экономія рабочимъ и въ состояніи-ли они откладывать копейку на черный день. Конечно, органы консервативные и буржуазно-либеральные лѣзутъ изъ кожи, чтобъ доказать полную возможность бережливости и экономіи для рабочихъ, если они будутъ вести болѣе нравственную жизнь, перестанутъ пьянствовать и примутъ участіе въ потребительныхъ кооперативныхъ обществахъ. Радикальныя газеты, напротивъ, утверждаютъ, что, при теперешнихъ условіяхъ труда, рабочіе едва не умираютъ съ голода, и если пьютъ, то отъ отчаянія, а потому всякая экономія для нихъ пустая насмѣшка. Впрочемъ, онѣ соглашаются, что потребительныя общества дѣйствительно приносятъ большую пользу рабочимъ, если у нихъ есть средства дѣлать значительныя покупки, и приводятъ краснорѣчивыя цифры изъ лондонской «*Labours Gazette*» о количествѣ выданныхъ англійскими потребительными кооперативными обществами премій своимъ покупщикамъ. Оказывается, что 250 подобныхъ обществъ, имѣя 600,000 членовъ, выдали преміи или девиденда среднимъ числомъ по 15% съ суммы покупокъ—всего 90.000 фр. въ теченіе 1894 г. Что касается корня самого вопроса о возможности для рабочихъ экономіи, то самая любопытная и убѣдительная статья помѣщена въ газетѣ «Emancipation» протестантскимъ пасторомъ Луи Комбомъ, котораго нельзя заподозрить въ соціалистическихъ тенденціяхъ. Онъ произвелъ основательное изслѣдованіе въ басейнѣ Луары о положеніи тамошнихъ рабочихъ и фактически, цифрами, доказываетъ, что рабочій можетъ экономничать и откладывать на черный день копейку только при совпаденіи слѣдующихъ условій: 1) чтобъ ему не приходилось содержать своихъ родителей, 2) чтобъ военная служба не отнимала у него три года, 3) чтобъ у него была всегда готовая работа, 4) чтобъ его здоровье было всегда хорошо и онъ

былъ гарантированъ отъ несчастныхъ случаевъ, 5) чтобъ у него было не болѣе двухъ или трехъ дѣтей и чтобъ они не болѣли, 6) чтобъ жена его была всегда здорова, и 7) чтобъ заработная плата была достаточно высока.

Новый романъ Золя и мнѣніе о немъ автора.—Съ 21 декабря прошедшаго года парижская газета «Journal», успѣшно соперничающая въ послѣднее время съ «Figaro», печатаетъ въ своемъ фельетонѣ новый романъ Золя «Римъ», который обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Какъ извѣстно, онъ составляетъ вторую часть задуманной авторомъ трилогіи: «Лурдъ-Римъ-Парижъ», и прежде чѣмъ его написать, Золя лично посѣтилъ Римъ; хотя самъ папа отказался его принять, но онъ близко изучилъ вѣчный городъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Какъ онъ велъ эту подготовительную работу и какъ онъ самъ смотритъ на свое новое произведеніе, легко вывести изъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ на-дняхъ репортеру газеты «Journal». «Зрѣлище,—представляемое Римомъ, говоритъ онъ, единственное въ свѣтѣ. Ни у одного города нѣтъ такой любопытной физіономіи для мыслителя или философа. Представьте себѣ, что тамъ смотрятъ другъ на друга король и папа, а молодой народъ, рожденный двумя пораженіями: Садовой и Седаномъ, полный гордости и безконечныхъ надеждъ, старается превратить этотъ старый городъ въ современную столицу. Сколько самолюбій кипитъ въ этомъ колоссальномъ котлѣ. Римъ—это Палатинъ съ античными чудесами царствованія Августа, отъ которыхъ остаются лишь осколки стѣнъ и засохшія деревья; это—св. Петръ, господствующій надъ всѣмъ городомъ; это, наконецъ, Квиринадъ, дворецъ современныхъ государей, выкрашенный въ желтую краску. А вокругъ этого кишитъ толпа, желающая быть наслѣдницей величія и римскаго, и папскаго... Боясь пропасть въ этомъ громадномъ городѣ и потонуть въ немъ, какъ въ океанѣ, я составилъ себѣ заранѣе планъ дѣйствія. Сюжетъ моей книги былъ набросанъ въ общихъ чертахъ. Но сколько вопросовъ онъ затрогивалъ? Мнѣ надо было изучить и черный людъ Ватикана, и бѣлый людъ Квиринала; познакомиться съ положеніемъ кардиналовъ; отвести подобающее мѣсто древности, среднимъ вѣкамъ и новой эпохѣ; наконецъ, убѣдиться, можетъ-ли обновленная, возрожденная религія возникнуть на этой старой почвѣ и оторвать прежнюю расу отъ вліянія климата и среды. Все это представляло мнѣ, какъ чужестранцу, большія трудности. Поэтому я провелъ въ Римѣ около двухъ мѣсяцевъ, вставая въ восемь часовъ утра, бѣгая до заката солнца по улицамъ, на которыхъ долженъ происходить мой разсказъ, разговаривая со всѣми, посѣщая всѣ сферы, приводя къ общему знаменателю

всѣ различныя проявленія жизни и вдыхая въ себя всѣ разновидныя благоуханія, или міазмы. Я вопрошалъ развалины Палатина, я посѣщалъ публичные сады, я углублялся въ Ватиканъ. А потомъ до двухъ часовъ ночи я записывалъ свои замѣтки, потому что я былъ тамъ въ невѣдомой странѣ и мнѣ необходимо было быстро выводить изъ массы отдѣльныхъ впечатлѣній одно общее. Въ моей новой книгѣ я не имѣю притязанія говорить о Римѣ, какъ старый римлянинъ; вы понимаете, что я не могъ самъ пережить жизни каждаго изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ. У меня нѣтъ двадцати жизней. Поэтому, я говорю о Римѣ только, какъ путешественникъ. Мой герой Пьеръ Фроманъ проведетъ въ Римѣ два мѣсяца, какъ я, и передастъ свои впечатлѣнія, потому что я не создаю своихъ дѣйствующихъ лицъ заранѣе, а они, такъ сказать, порождаются фактами, и сами собой появляются на свѣтъ, согласно потребностямъ разсказываемой мною исторіи. Все мое самолюбіе на этотъ разъ заключается въ томъ, чтобъ представить синтезъ Рима, гдѣ на почвѣ, видѣвшей болѣе двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ, пытается возникнуть новое человѣчество. Я хочу показать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ, повторяю, единственный въ свѣтѣ городъ. Я не принялъ ни чьей стороны—ни короля, ни папы; я остался безпристрастнымъ. Поэтому я и предчувствую, что моя книга никого не удовлетворитъ. Но какіе бы споры она ни возбудила, это трудъ искренній и добросовѣстный, а, можетъ быть, и самый большой изъ всѣхъ моихъ трудовъ. Ужъ очень велика задуманная картина, и пришлось вызывать громадное число образовъ. Да, это мой величайшій трудъ. Онъ значительнѣе, человѣчнѣе «Dêbacle»; въ немъ стремленія возвышеннѣе. Ну, а теперь читайте книгу: она сама будетъ говорить за себя».

В. Т.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Земство и города.

Обрисовавши въ прошлой хроникѣ характеръ земской дѣятельности въ области экономическихъ мѣропріятій, мы обѣщали перейти къ разсмотрѣнію того, что дѣлается въ этой области нашими городскими управленіями. Однако, обстоятельства заставляютъ насъ отложить рѣчь о данномъ предметѣ до одной изъ будущихъ хроникъ. Дѣло въ томъ, что дѣятельность земскихъ собраній текущей сессіи выдвинула рядъ вопросовъ, отозваться на которые для періодическаго изданія необходимо своевременно.

Самымъ важнымъ и самымъ общимъ изъ названныхъ вопросовъ, возбудившимъ наибольшее общее вниманіе и вызвавшимъ уже въ печати горячую полемику, является вопросъ о правѣ земскихъ учрежденій представлять правительству ходатайства по такъ-называемымъ общимъ вопросамъ. Право ходатайства есть одно изъ важнѣйшихъ правъ нашихъ общественныхъ учрежденій, такъ какъ этимъ путемъ для мѣстныхъ дѣятелей представляется возможность доводить до свѣдѣнія правительства о всѣхъ остающихся неудовлетворенными нуждахъ населенія и указывать средства къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для всякаго, кто знакомъ съ содержаніемъ земскихъ ходатайствъ за все время существованія земскихъ учрежденій, внѣ сомнѣнія фактъ воздѣйствія этихъ ходатайствъ на внутреннюю политику правительства. Цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій первостепенной важности былъ вызванъ именно земскими ходатайствами. Земскія ходатайства служили также въ качествѣ матерьяла для разработки многихъ мѣропріятій, хотя и не содержавшихся прямо въ земскихъ ходатайствахъ, но непосредственно вытекавшихъ изъ этихъ ходатайствъ. При такомъ серьезномъ значеніи земскихъ ходатайствъ вопросъ о предѣлахъ права земскихъ собраній возбуждать ходатайства по общимъ вопросамъ пріобрѣтаетъ первостепенную важность.

Характеренъ для нашей жизни поводъ, по которому возникъ данный вопросъ: поводомъ этимъ, какъ извѣстно, послужила розга. Въ цѣломъ рядѣ уѣздныхъ земскихъ собраній возникъ вопросъ о необходимости отмѣнить тѣлесныя наказанія, по крайней мѣрѣ, для той части населенія, которая проходитъ чрезъ начальную школу. Соображенія, которыя приводились лицами, вносившими въ земскія собранія предложенія возбудить ходатайства объ отмѣнѣ наказаній для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, были весьма разнообразны. Одни изъ этихъ лицъ указывали лишь на то значеніе, какое должна имѣть мѣра освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ начальную школу, на увеличеніе стремленія къ образованію въ народной средѣ; говорилось, что для того, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ позорнаго наказанія, крестьяне будутъ поголовно отдавать дѣтей въ школы, не будутъ брать ихъ изъ школъ до окончанія курса и, наконецъ, будутъ заботиться объ открытіи большаго числа школъ. Другіе шли дальше и указывали на развращающее вліяніе тѣлеснаго наказанія, на то, что эти наказанія унижаютъ нравственное достоинство наказываемыхъ, что сохраненіе этой «привиллегіи» за крестьянствомъ ведетъ къ тому, что сословіе это не можетъ почувствовать себя полноправнымъ среди другихъ сословій, что такое положеніе вещей отражается самымъ печальнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ жизни народной и что для успѣха всякаго рода мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію умственнаго, нравственнаго и экономическаго уровня населенія прежде всего необходимо уничтожить тѣлесныя наказанія. Въ виду такого всеобъемлющаго значенія «розги» на нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ было постановлено возбудить ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не только для окончившихъ курсъ начальной школы, а для всего крестьянскаго населенія.

Къ тому времени, когда пишется настоящая хроника, губернскія земскія собранія только-что начинаются. Тѣмъ не менѣе, и на губернскихъ собраніяхъ уже успѣли кое-гдѣ высказаться по данному вопросу. Такъ, напр., херсонское собраніе, разсмотрѣвъ постановленіе по данному вопросу елисаветградскаго земскаго собранія, единогласно постановило, съ своей стороны, возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ начальной школы. Такъ какъ постановленія о ходатайствахъ уѣздныхъ земскихъ собраній разсматриваются губернскими собраніями, то несомнѣнно данный вопросъ будетъ возбужденъ и въ другихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію состава лицъ, вносившихъ въ уѣздныя земскія собранія предложенія о возбужденіи ходатайствъ

относительно отмѣны тѣлесныхъ наказаній, мы видимъ, что предложенія эти шли со стороны лицъ, близко стоящихъ къ народу, понимающихъ истинныя потребности жизни и стоящихъ внѣ всякихъ подозрѣній въ какихъ-либо «измахъ». Такъ, въ елисаветградскомъ собраніи вопросъ поднятъ давнишнимъ земскимъ дѣятелемъ г. Зелепымъ. Въ ярославское уѣзд. зем. собраніе предложеніе было внесено также извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ кн. Шаховскимъ. Въ саратовскомъ собраніи предложеніе шло со стороны виднаго мѣстнаго общественнаго дѣятеля, по профессіи торговца, г. Лебедева. Въ Старооскольское собраніе предложеніе было внесено коллективно всѣми земскими начальниками уѣзда, причемъ оказалось, что въ старооскольскомъ уѣздѣ тѣлесныя наказанія ни разу не примѣнялись со времени введенія института земскихъ начальниковъ, но что, такъ какъ въ семьѣ могутъ быть и уроды и могутъ явиться земскіе начальники, которые не будутъ отмѣнять приговоровъ волостныхъ судовъ о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, какъ это имѣетъ мѣсто въ уѣздѣ теперь, то наличный составъ земскихъ начальниковъ и предложилъ собранію возбудить указанное ходатайство. Въ лукояновскомъ собраніи данный вопросъ былъ возбужденъ свящ. Миловскимъ, и т. д.

Тѣмъ не менѣе, нашлись ревнители благонамѣренности, которые пришли въ ужасъ отъ мысли о возможности освобожденія крестьянъ отъ розги. И вотъ, на нѣсколькихъ земскихъ собраніяхъ (къ чести нашихъ предводителей дворянства, на значительномъ меньшинствѣ собраній), предсѣдателями собраній не было допущено ни обсужденіе вопроса о розгѣ, ни принятіе постановленій относительно ходатайствъ по данному вопросу. Предлогомъ для того послужило то обстоятельство, что, возбуждая ходатайство по такому общегосударственному вопросу, земства будто бы выходятъ изъ предѣловъ своей компетенціи, ограничивающейся исключительно «мѣстными» дѣлами и вопросами. По-видимому, часть предводителей дворянства, не допустившихъ обсужденія вопроса въ земскихъ собраніяхъ, была искренно убѣждена въ томъ, что земство не можетъ возбуждать ходатайства по общимъ вопросамъ. По крайней мѣрѣ, они согласились допустить принятіе постановленій о ходатайствахъ по данному предмету, лишь только была предложена редакція ходатайства, ставящая вопросъ формально на почву мѣстныхъ интересовъ («ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ такого-то уѣзда», какъ принято, напр., полтавскимъ уѣзднымъ собраніемъ). Но другіе предсѣдатели собраній, очевидно, руководствовались соображеніями иного рода, такъ какъ не внимали никакимъ указаніямъ

на то, что данный вопросъ столько же мѣстный, сколько общегосударственный, и что данное собраніе ходатайствуетъ относительно освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній лишь населенія своего уѣзда. Такъ было въ александровскомъ собраніи, въ петровскомъ, въ лукояновскомъ, въ шацкомъ, въ саратовскомъ и др. Нѣкоторые предсѣдатели собраній и не скрывали, что они въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ, такъ сказать, изъ соображеній «высшей политики». Такъ, въ саратовскомъ собраніи довольно небезъизвѣстный (разгромъ мѣстной земской медицины) г. Кропотовъ заявилъ, что хотя онъ вполнѣ сочувствуетъ внесенному предложенію, но что, такъ какъ онъ «принадлежитъ къ администраціи», а администрація, будто бы, противъ даннаго вопроса, то онъ и не можетъ допустить обсужденія его. Еще курьезнѣе вышла исторія на лукояновскомъ собраніи. Здѣсь еще на собраніи 1894 года было постановлено возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и, такъ какъ отвѣта на это ходатайство не послѣдовало, то въ собраніи 1895 года снова былъ возбужденъ тотъ же вопросъ, но не былъ допущенъ предсѣдателемъ къ обсужденію, какъ выходящій, будто бы, изъ предѣловъ компетенціи земства. Такимъ образомъ то, что подлежало вѣдѣнію земскаго собранія 1894 года, оказалось уже не подлежащимъ вѣдѣнію собранія 1895 года...

Вопреки заявленію г. Кропотова, утверждавшаго, будто администрація противъ обсужденія земствами вопроса о розгѣ, большинство губернаторовъ не опротестовало постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній относительно ходатайствъ по данному предмету. По крайней мѣрѣ, въ печать проникло только одно извѣстіе о такомъ протестѣ, именно со стороны костромскаго губернатора, да и то, когда вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе мѣстнаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, то послѣднее нашло, что земство имѣло полное право возбудить данное ходатайство. Такимъ образомъ, и здѣсь администрація, за исключеніемъ губернатора, оказалась отнюдь не противъ права земства обсуждать данный вопросъ и предъявлять по данному предмету ходатайства.

Такова фактическая сторона дѣла. Обращаясь къ обсужденію вопроса, не трудно видѣть, что все, что говорится противъ права земскихъ собраній возбуждать ходатайства по общимъ вопросамъ, основано только на фокусѣ. Совершенно справедливо, что земскимъ учрежденіямъ, какъ и городскимъ, предоставлено завѣдываніе мѣстными дѣлами, почему и ходатайствовать эти учрежденія могутъ только о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ. Но смыслъ выраженія «мѣстный», употребленнаго въ Городовомъ и Земскомъ положе-

ніяхъ, слишкомъ ясенъ, чтобы онъ могъ кого-либо ввести въ заблужденіе. Смыслъ этотъ тотъ, что данное земство можетъ завѣдывать только дѣлами, касающимися подвѣдомственнаго ему уѣзда или губерніи. Въ виду этого, еслибы саратовское земство сдѣлало постановленіе, касающееся населенія Бердянскаго уѣзда, оно вышло бы за предѣлы своей компетенціи. Но толковать выраженіе «мѣстный» въ томъ смыслѣ, что подъ мѣстными дѣлами нужно разумѣть только дѣла, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ данномъ уѣздѣ или губерніи и больше нигдѣ, значило бы просто издѣваться надъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія же такія есть дѣла, нужды и пользы, которыя были бы свойственны только одному какому-нибудь уѣзду или губерніи и не имѣли бы мѣста во всѣхъ другихъ частяхъ Россіи? Вѣдь, въ сущности, все то, что вѣдаетъ земство любого уѣзда или губерніи, неизбѣжно имѣетъ общегосударственное значеніе, такъ какъ тѣмъ же самымъ вѣдаетъ и всякое другое земство. Развѣ школьное дѣло—достояніе какого-нибудь одного уѣзда или одной губерніи, а не составляетъ предмета попеченія общественныхъ учрежденій всей имперіи? И развѣ не то же самое должно быть сказано относительно народнаго здравія, дорожнаго дѣла и вообще всего, что вѣдаетъ земство? Значитъ, всякое ходатайство земскихъ собраній по вопросамъ народнаго образованія, охраненія народнаго здравія, страхового дѣла, ветеринарнаго, дорожнаго и т. д.—все это нужно разсматривать, какъ нарушеніе компетенціи земскихъ учрежденій? Спрашивается, о какихъ же мѣстныхъ «нуждахъ и пользахъ» можетъ ходатайствовать земство при такомъ толкованіи термина «мѣстный»?

Нелѣпость ограниченія компетенціи земскихъ учрежденій вѣдѣніемъ такихъ мѣстныхъ нуждъ, которыя составляютъ принадлежность лишь того уѣзда или губерніи, въ которыхъ дѣйствуетъ данное земство, вся несообразность такого толкованія термина «мѣстный» и такого противоставленія мѣстныхъ нуждъ и пользъ общегосударственнымъ станутъ еще очевиднѣе, когда мы обратимся отъ разсмотрѣнія правъ земства къ его обязанностямъ. Подобно тому, какъ права земства относятся только къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, такъ и обязанности земства относятся только къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ. Такъ оно должно быть по существу дѣла, такъ оно есть и по закону. И, однако, если обратить вниманіе на обязательные земскіе расходы, мы неизбѣжно убѣдимся, что большинство изъ нихъ идетъ на удовлетвореніе именно общегосударственныхъ потребностей управленія, суда, воинской повинности и т. д. Не странно-ли, что господа, такъ возмущающіеся тѣмъ, что земство считаетъ себя въ правѣ

ходатайствовать по общегосударственнымъ вопросамъ, въ то же время относятся совершенно спокойно къ тому обстоятельству, что земство обязано удовлетворять потребности чисто государственнаго характера? Мало того, малѣйшія попытки со стороны земства разграничить точнѣе потребности государственнаго характера отъ потребностей мѣстнаго характера съ тѣмъ, чтобы удовлетворять на земскія средства только потребности послѣдняго рода, вызываютъ самое строгое осужденіе тѣхъ самыхъ лицъ, которыя такъ негодуютъ на то, что земства не понимаютъ, что вопросъ о розгѣ—государственный, а не мѣстный. Именно такого рода исторія вышла недавно съ вольскимъ земствомъ.

Въ очередномъ вольскомъ земскомъ собраніи сессіи 1895 года, гласный Столыпинъ подвергъ критическому разсмотрѣнію земскую смѣту и нашелъ, что въ нее вносятся расходы трехъ категорій: во-первыхъ, расходы по содержанію управленій разныхъ вѣдомствъ, каковые расходы г. Столыпинъ считаетъ необязательными для земства; во-вторыхъ, расходы спорные, удовлетворяющіе одновременно и мѣстныя, и общегосударственныя потребности, и, въ-третьихъ, расходы чисто мѣстнаго характера, которые и являются обязательными для земства. Въ виду этого, г. Столыпинъ предложилъ собранію исключить изъ смѣты расходы первой категоріи, какъ удовлетворяющіе чисто-государственнымъ потребностямъ, а потому и долженствующіе быть отнесенными на государственныя средства. Внесеніе расходовъ этого рода въ земскую смѣту въ теченіе тридцати лѣтъ г. Столыпинъ считалъ продуктомъ простого недоразумѣнія. Гласный Столыпинъ не сомнѣвался, что соотвѣтствующія министерства примутъ на себя удовлетвореніе упомянутыхъ государственныхъ потребностей, подобно тому, какъ приняты на государственный счетъ расходъ по содержанію земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Г. Столыпинъ предвидѣлъ, что мѣстная администрація опротестуетъ исключеніе названныхъ расходовъ изъ земской смѣты, но рекомендовалъ собранію не смущаться этимъ обстоятельствомъ и довести дѣло до высшихъ правительственныхъ сферъ, которыя, по мнѣнію г. Столыпина, при теперешнемъ правительственномъ настроеніи, несомнѣнно уважатъ соотвѣтствующее ходатайство земства. Собраніе согласилось съ г. Столыпинымъ и исключило изъ земской смѣты ассигновки на воинское присутствіе и на квартирное довольствіе исправнику, его помощнику, судебнымъ слѣдователямъ, ихъ кандидатамъ и становымъ приставамъ. На это постановленіе собранія послѣдовалъ протестъ со стороны саратовскаго губернатора. Тогда было созвано экстренное вольское уѣздное земское собраніе, которому и было

доложено о послѣдовавшемъ протестѣ. На этомъ собраніи гл. графъ Уваровъ указалъ, что экстренное собраніе не имѣетъ никакого права исправлять смѣты, составленныя очереднымъ собраніемъ, что допущеніе такого исправленія было бы опаснымъ прецедентомъ, такъ какъ на очередныя собранія являются почти всѣ гласные, тогда какъ на экстренныхъ обыкновенно присутствуетъ меньшинство, и что такимъ образомъ всѣ постановленія очередныхъ собраній могутъ быть передѣлываемы на экстренныхъ, вопреки волѣ большинства представителей мѣстнаго населенія. По закону, губернаторъ, находя постановленіе земскаго собранія незаконнымъ, въ мѣсячный срокъ передаетъ свой протестъ въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, которое, въ случаѣ согласія его съ протестомъ губернатора, передаетъ вопросъ о внесеніи того или другого расхода въ смѣту или объ исправленіи смѣты въ губернское земское собраніе; отъ этого послѣдняго уже зависитъ согласиться-ли съ постановленіемъ губернскаго присутствія, или обжаловать его въ сенатъ. Уѣздное же земское собраніе можетъ только принять къ свѣдѣнію сообщеніе о протестѣ губернатора. Не смотря на эти разъясненія гр. Уварова, вольское экстренное собраніе внесло въ смѣту всѣ ассигнованія, исключеніе которыхъ вызвало протестъ губернатора.

Казалось бы, что сторонники строгаго раздѣленія вопросовъ и нуждъ общегосударственныхъ и мѣстныхъ и предоставленія вѣдѣнію земства исключительно послѣднихъ должны были высказаться въ пользу гл. Столыпина, а исходъ почина этого гласнаго на экстренномъ вольскомъ земскомъ собраніи долженъ былъ бы огорчить этихъ господъ. Въ дѣйствительности, однако, тѣ самые лица и органы печати, которые такъ строго осудили земства за то, что они занимаются такимъ «общегосударственнымъ» вопросомъ, какъ вопросъ о сѣченіи, напали и на гл. Столыпина, и на раздѣлившее его взгляды очередное вольское земское собраніе, обвиняя ихъ, по обыкновенію, въ разныхъ «измѣнахъ». Такимъ образомъ, у людей оказываются двѣ совершенно различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, на которыя они и становятся въ томъ или иномъ случаѣ, смотря по тому, что болѣе подходитъ къ ихъ узкимъ, своекорыстнымъ стремленіямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ или иначе вопросъ о предѣлахъ земскаго права возбуждать предъ правительствомъ ходатайства дойдетъ до сената, и это учрежденіе выскажетъ по данному вопросу свое законное толкованіе. Въ послѣднее время стали извѣстны нѣсколько указовъ сената, изданныхъ по

жалобамъ земствъ на попытки мѣстной администраціи ограничить права земскихъ учрежденій, и въ этихъ указахъ сенатъ всего менѣе проявляетъ склонность содѣйствовать такимъ попыткамъ. Особенно важными являются указы о земскихъ ревизіонныхъ коммиссіяхъ и о правѣ земства обращаться къ губернаторамъ за разъясненіемъ распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ. Первый указъ состоялся по слѣдующему поводу. Тверское губернское земское собраніе уполномочило избранную имъ ревизіонную коммиссію дѣйствовать въ теченіе всего года. На это постановленіе собранія послѣдовалъ протестъ тверского губернатора, и вопросъ былъ переданъ въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, отмѣнившее постановленіе земскаго собранія. Земство принесло на постановленіе присутствія жалобу въ сенатъ, и сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу, нашелъ, что такъ какъ п. 14 ст. 62 Полож. о губ. и уѣзди. земск. учр. и п. 10 прилож. къ ст. 6 того же Положенія, предоставляя земскимъ собраніямъ право повѣрки дѣйствій земскихъ управъ и отчетовъ, не содержитъ воспрещенія поручать ревизіоннымъ коммиссіямъ производить ревизію дѣйствій земскихъ управъ въ періодъ времени между двумя земскими собраніями, то собранія могутъ избирать постоянныя ревизіонныя коммиссіи при условіи, чтобы такія коммиссіи имѣли чисто ревизіонный характеръ, безъ права вмѣшательства въ распорядительную дѣятельность земскихъ управъ, почему правительствующій сенатъ и опредѣлилъ отмѣнить постановленіе тверского губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Такимъ образомъ, указомъ этимъ право земскихъ собраній образовывать постоянныя ревизіонныя коммиссіи поставлено внѣ сомнѣнія. И такъ какъ относящіяся сюда законоположенія однородны, какъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, такъ и по отношенію къ городскимъ, то и городскія думы могутъ и должны воспользоваться приведеннымъ разъясненіемъ сената для того, чтобы образовывать постоянныя ревизіонныя коммиссіи и такимъ образомъ подвергать дѣйствія городскихъ управъ дѣйствительной, фактической ревизіи, а не одной только бумажной, какъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Другой указъ сената явился результатомъ жалобы курскаго губернскаго земства на мѣстное губернское присутствіе. Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ. Курское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 20 мая 1894 года, въ виду признанія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ неосновательнымъ ходатайства собранія о допущеніи къ участію въ засѣданіяхъ оцѣночныхъ коммиссій земскихъ управъ въ полномъ составѣ, поста-

повило обратиться къ курскому губернатору за разъясненіемъ о томъ, какимъ порядкомъ было отклонено помянутое ходатайство. Курское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе нашло, что Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ земскимъ собраніямъ не предоставлено права требовать отъ губернскаго начальства разъясненій, а потому отмѣнило постановленіе земскаго собранія. На это постановленіе присутствія губернская земская управа принесла жалобу въ сенатъ, ходатайствуя объ отмѣнѣ постановленія губернскаго присутствія, причемъ объяснила, что въ отвѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ не имѣется указаній, было-ли ходатайство относительно участія земскихъ управъ въ полномъ составѣ въ засѣданіяхъ оцѣночныхъ коммиссій передано на разсмотрѣніе комитета министровъ, что составляетъ одно изъ Высочайше дарованныхъ земству правъ, и что хотя Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и не предоставлено земскимъ собраніямъ права требовать какихъ-либо разъясненій отъ губернскаго начальства, но въ томъ же законѣ нѣтъ и указаній на то, чтобы земства были лишены права просить о необходимыхъ разъясненіяхъ по отношенію къ вопросамъ, касающимся мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Разсмотрѣвъ эту жалобу, сенатъ нашелъ, что, согласно п. 14 ст. 26 учрежд. комит. министр., ходатайства земскихъ учрежденій по вопросамъ, касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользъ, въ случаѣ признанія такихъ ходатайствъ неуважительными со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, вносятся этимъ министерствомъ на обсужденіе комитета министровъ. Такимъ образомъ, земствамъ предоставлено право, чтобы ходатайства ихъ были предъявляемы на обсужденіе комитета министровъ, почему для земства имѣетъ большое значеніе знать, было-ли отклонено его ходатайство въ указанномъ порядкѣ комитетомъ министровъ. Затѣмъ, въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ не содержится воспрещенія земствамъ обращаться къ губернскому начальству за разъясненіями относительно распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ по отклоненію имъ ходатайствъ земскихъ собраній. Принимая все это во вниманіе, правительствующій сенатъ призналъ, что курское губернское земское собраніе, постановивъ обратиться къ курскому губернатору за разъясненіемъ, какимъ порядкомъ было отклонено ходатайство курскаго земства относительно участія земскихъ управъ въ полномъ составѣ въ засѣданіяхъ оцѣночныхъ коммиссій, не вышло изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти, а потому опредѣлилъ постановленіе курскаго губернскаго присутствія, какъ неправильное, отмѣнить.

Эти два указа сената, помимо ихъ непосредственнаго практи-

ческаго значенія для тѣхъ сторонъ земской дѣятельности, которыхъ они касаются, должны имѣть еще важное принципіальное значеніе. У насъ, особенно въ административныхъ сферахъ, широко распространено мнѣніе, что все, что не разрѣшено закономъ, является воспрещеннымъ. Такая мотивировка сплошь и рядомъ встрѣчается въ распоряженіяхъ администраціи. Такая же мотивировка, какъ мы видѣли, была приведена и въ постановленіяхъ курскаго и тверского губернскихъ присутствій, отмѣнившихъ постановленія мѣстныхъ губернскихъ земскихъ собраній. Сенатъ сталъ на прямо противоположную точку зрѣнія и высказалъ, что, наоборотъ, все то, что въ законѣ прямо не запрещено, является тѣмъ самымъ дозволеннымъ и можетъ быть совершаемо по праву тѣми, къ кому это право относится. Систематическое проведеніе этого взгляда въ практику нашей жизни устранило бы изъ нея множество совершенно ни для кого ненужныхъ стѣсненій, отравляющихъ, однако, жизнь обывателя и являющихся серьезнымъ тормазомъ къ развитію нашей общественной жизни.

Если приведенные указы сената внесутъ нѣкоторое освѣженіе въ условія дѣятельности нашихъ земствъ, то еще большее значеніе могло бы имѣть удовлетвореніе нѣкоторыхъ жалобъ, которыя приносятся въ настоящее время земскими управами по постановленіямъ земскихъ собраній текущей сессіи. Особенно важною является жалоба, принести которую постановило новоторжское земское собраніе. Жалоба эта была вызвана докладомъ управы о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ земствомъ при открытіи земскихъ начальныхъ училищъ, происходящихъ отъ примѣненія циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія, требующаго обязательныхъ сношеній съ духовнымъ вѣдомствомъ и согласія этого вѣдомства на открытіе школы, если вновь открываемая школа находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ церковно-приходской. Уѣздное земское собраніе, принимая во вниманіе, что такой порядокъ открытія школъ вовсе не предусмотрѣнъ закономъ, который требуетъ для открытія школы только разрѣшенія дирекціи народныхъ училищъ, что онъ замедляетъ выполненіе сѣти училищъ, проектированной земствомъ, въ видахъ введенія всеобщаго обученія, и даетъ основаніе и поводъ духовному вѣдомству не соглашаться на открытіе школъ, постановило принести въ правительствующій сенатъ жалобу на сказанное циркулярное распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія, въ видахъ его совершенной отмѣны.

Тѣмъ же новоторжскимъ земскимъ собраніемъ постановлено принести еще двѣ важныя жалобы, также касающіяся дѣла народнаго образованія. Именно постановлено, во-первыхъ, обжало-

вать сенату постановленіе тверского губернскаго училищнаго совѣта, отказавшаго въ утвержденіи въ должности попечителей земскихъ школъ избранныхъ собраніемъ лицъ, по случаю несогласія на это, какъ сообщено было земской управѣ инспекціей, мѣстнаго губернатора, не входящаго въ составъ совѣта въ качествѣ члена. По этому предмету собраніе, имѣя въ виду долголѣтнюю и плодотворную дѣятельность имъ избранныхъ, но не утвержденныхъ попечителей и попечительницъ, за отсутствіемъ въ законѣ запрещенія вторично избираться на эти должности послѣ неутвержденія, вновь избрало тѣхъ же лицъ въ названныя должности и, кромѣ того, какъ сказано, постановило принести жалобу въ сенатъ на училищный совѣтъ. Во-вторыхъ, постановлено принести жалобу по слѣдующему любопытному поводу. Собранію было доложено, что избранный вторыми выборами членъ училищнаго совѣта отъ земства—администраціей не утвержденъ и что таковой будетъ назначенъ отъ правительства. Неутвержденный членъ совѣта былъ избранъ на вторыхъ выборахъ 25 февраля 1895 года, а о неутвержденіи его получено извѣстіе отъ мѣстнаго губернатора только въ октябрѣ, почему собраніе, во вниманіе къ тому, что земскія школы оставались долгій срокъ безъ члена совѣта, постановило принести жалобу на медленность мѣстнаго губернатора, отъ котораго зависѣло утвержденіе.

Медленность губернской администраціи въ утвержденіи земскихъ служащихъ послужила возбужденіемъ особаго ходатайства со стороны и новооскольскаго земскаго собранія. Обстоятельства, вызвавшія это ходатайство, весьма любопытны, и эпизодъ этотъ имѣетъ обще-земское значеніе. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1895 года новооскольской земской управой былъ приглашенъ на должность земскаго врача 5-го троицкаго участка г. К. и былъ представленъ курскому губернатору на утвержденіе въ этой должности; такъ какъ со стороны губернатора, по прошествіи двухнедѣльнаго срока, отвѣта никакого не послѣдовало, то управа допустила г. К. къ исполненію должности земскаго врача. Затѣмъ курскій губернаторъ отношеніемъ отъ 12 августа далъ знать управѣ, что на утвержденіе г. К. въ должности земскаго врача онъ согласія не изъявляетъ и возвратилъ его документы. Объ этомъ распоряженіи управа дала знать г. К., который, прошеніемъ отъ 17 сентября, объяснилъ управѣ, что онъ уже перевезъ въ слободу Троицкую свою семью, но, за неутвержденіемъ его въ должности, остался неожиданно безъ всякихъ средствъ, потративъ всѣ сбереженія и жалованье на обзаведеніе и приспособленіе квартиры для жилья, и теперь въ виду зимы оказывается въ самомъ пла-

чевномъ состояніи, безъ средствъ, безъ мѣста, почему и проситъ управу выдать ему въ качествѣ пособія трехмѣсячный окладъ жалованья. Докладывая о вышеизложенномъ, управа сообщила собранію, что положеніе врача г. К. въ данное время весьма печально, такъ какъ, оставшись безъ мѣста, онъ не только не въ состояніи переѣхать куда-либо изъ слободы Троицкой, но даже не можетъ и прокормить себя и свою семью, почему управа, съ своей стороны, ходатайствуетъ передъ собраніемъ о выдачѣ г. К. трехмѣсячнаго оклада жалованья. Собраніе закрытой баллотировкой назначило г. К. въ пособіе 100 рублей. Въ виду же того, что предложеніе губернатора въ земскую управу о томъ, что онъ не изъявляетъ согласія на утвержденіе г. К. земскимъ врачемъ, послѣдовало черезъ 4 мѣсяца послѣ представленія управою г. К. на утвержденіе, поручить управѣ на будущее время при приглашеніи врачей на службу предупреждать ихъ, что они останутся на службѣ только по утвержденіи ихъ губернаторомъ, а между тѣмъ просить курское губернское земское собраніе возбудить въ законномъ порядкѣ ходатайство объ измѣненіи порядка утвержденія врачей, такъ какъ, при такомъ медленномъ утвержденіи въ должности, едва-ли можно надѣяться, чтобы врачи поступали на земскую службу, и, въ ущербъ населенію, должности врачей могутъ оказываться вакантными на продолжительное время.

Слѣдуетъ упомянуть еще о жалобахъ, которыя постановило принести царицынское земское собраніе текущей сессіи. Собраніе 1894 года постановило удовлетворить просьбу одного гласнаго относительно временнаго освобожденія его отъ участія въ занятіяхъ собранія. Саратовскій губернаторъ опротестовалъ это постановленіе собранія и передалъ его въ саратовское губернское присутствіе, которое постановленіе земскаго собранія отмѣнило. Царицынское экстренное зем. собраніе 6 мая 1895 года нашло, что если по закону земскому собранію предоставлено право обсуждать причины неявки въ засѣданія собранія гласныхъ и признавать эти причины уважительными, то и освобожденіе гласныхъ отъ занятій въ собраніи зависитъ отъ послѣдняго. Такое заключеніе собранія губернаторъ нашелъ противорѣчащимъ 89 ст. Полож. о зем. учр., по которой земское собраніе, въ случаѣ своего несогласія съ опредѣленіемъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которымъ отмѣняется постановленіе собранія, имѣетъ право лишь принести жалобу въ сенатъ. На этотъ протестъ губернатора собраніе текущей сессіи постановило принести жалобу правительствующему сенату. Другая жалоба вызвана протестомъ губернатора на постановленіе предъидущаго очереднаго земскаго собранія объ избра-

ніи въ различныя коммиссіи представителя отъ рыбныхъ промысловъ, засѣдающаго въ земскомъ собраніи на правахъ гласнаго. Саратовское губернское присутствіе, куда дѣло переходило по протесту губернатора, отмѣнило избраніе земскимъ собраніемъ представителя рыбныхъ промысловъ въ коммиссіи, находя, что въ коммиссіи могутъ быть избираемы лишь гласные, а не лица, принимающія участіе въ собраніяхъ по назначенію. Земское собраніе постановило и на это опредѣленіе губернскаго присутствія принести жалобу въ сенатъ.

Надо замѣтить, что даже земскіе начальники иногда пытаются ограничить компетенцію земскихъ учрежденій. Такой именно случай имѣлъ мѣсто въ Кишиневскомъ уѣздѣ. Здѣсь одною изъ злобъ дня является чрезвычайное размноженіе волковъ, причиняющихъ населенію серьезный вредъ. Мѣстное земство стало снаряжать облавы на волковъ, но встрѣтило неожиданное противодѣйствіе со стороны земскихъ начальниковъ, которые спокойно отмѣняли земскія облавы. Земской управѣ пришлось обратиться въ мѣстное губернское присутствіе съ жалобою на дѣйствія земскихъ начальниковъ, и уже присутствіе возстановило право земства бороться съ хищными звѣрями при помощи облавъ и разъяснило земскимъ начальникамъ, что земскія учрежденія имъ не подчинены, почему они и не могутъ отмѣнять распоряженій земской управы.

Вообще, какъ видимъ, стремленіе къ ограниченію компетенціи земскихъ учрежденій довольно сильно, и сенатъ окажетъ великую услугу русской общественной жизни, противопоставивъ этому стремленію свои разъясненія, вытекающія изъ прямого смысла законовъ, подобно тому, какъ онъ это уже сдѣлалъ въ приведенныхъ выше тверскомъ и курскомъ инцидентахъ.

Я. Абрамовъ.

Нѣкоторые результаты питейной монополіи.

Осуществленіе питейной реформы, въ видѣ распространенія казенной продажи вина на всю Россію, повидимому, послѣдуетъ гораздо ранѣе, чѣмъ это предполагалось. При обсужденіи проекта установленія казенной продажи въ четырехъ земскихъ губерніяхъ, государственный совѣтъ, какъ извѣстно, высказался въ томъ смыслѣ, что вопросъ о вѣроятныхъ результатахъ подобной реформы «будетъ оставаться спорнымъ и притомъ на теоретической почвѣ, ибо для сужденія нѣтъ рѣшительнаго прецедента ни въ иностранной практикѣ, не подходящей къ особенностямъ на-

шего быта, ни у насъ». Если затѣмъ, въ прошломъ, казенная продажа вина дала у насъ и не особенно блестящіе во всѣхъ отношеніяхъ результаты, то такого рода фактъ, по мнѣнію госуд. совѣта, можетъ быть объясненъ «существованіемъ условій, совершенно отличныхъ отъ нашихъ». Въ виду этого и признано было полезнымъ допустить введеніе казенной продажи вина съ 1895 года на сравнительно незначительной территоріи, съ тѣмъ, чтобы въ зависимости отъ результатовъ опыта, либо распространить реформу на всю Россію, либо вовсе отъ нея отказаться. Но прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и въ «Вѣстн. Фин.» появилось сообщеніе о начатыхъ подготовительныхъ работахъ по введенію питейной монополіи еще въ 25-ти южныхъ, юго-западныхъ и западныхъ губерніяхъ, причемъ, какъ видно изъ того же сообщенія [1]), вопросъ о такомъ распространеніи реформы былъ предложенъ еще въ 1894 г. Такимъ образомъ, надобность въ провѣркѣ на опытѣ преимуществъ казенной продажи вина передъ вольной какъ бы совершенно отвергалась, и роль этого опыта сведена къ выясненію частностей и указанію лучшихъ способовъ осуществленія реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, важное значеніе въ данномъ отношеніи опыта «побудило министерство финансовъ,—говорится въ другомъ сообщеніи [2]),—открыть въ своемъ органѣ особый отдѣлъ, въ которомъ будутъ группироваться и своевременно публиковаться во всеобщее свѣдѣніе данныя о результатахъ реформы въ четырехъ опытныхъ губерніяхъ... Только въ такомъ гласномъ и безпристрастномъ наблюденіи за ходомъ новаго дѣла г. министръ финансовъ видитъ залогъ того успѣха, какимъ, по его убѣжденію, должно сопровождаться дѣло, въ основаніе котораго положена забота о благосостояніи и здравіи народа, являющихся залогомъ процвѣтанія государства». Затѣмъ въ проектѣ установленія казенной продажи въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, между прочимъ, указывалось, что формы потребленія вина населеніемъ «подвергаются лишь *медленному измѣненію* подъ вліяніемъ просвѣщенія и нравственнаго вліянія общественныхъ условій или отдѣльныхъ личностей». Въ дальнѣйшихъ же оффиціальныхъ сообщеніяхъ какъ бы еще болѣе рѣзко подчеркивается то основное положеніе «реформы», что корень зла, въ видѣ такъ называемаго народнаго пьянства, лежитъ не въ низкомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія, а также нравственнаго и умственнаго развитія населенія, но въ условіяхъ, препятствующихъ повышенію этого уровня, а именно—во внѣш-

---

[1]) «Вѣстн. Фин.» 1894 г. № 23.

[2]) Тоже, № 12.

ней организаціи самой торговли виномъ и наличности извѣстнаго контингента лицъ, матерьяльный интересъ которыхъ заключается въ спаиваніи и разореніи населенія. Напротивъ, пьянство разсматривается уже какъ условіе, «являвшееся однимъ изъ главныхъ препятствій къ обезпеченію у насъ народнаго достатка».

Безспорно, что предпринятая въ настоящее время министерствомъ финансовъ борьба съ неумѣреннымъ или безпорядочнымъ потребленіемъ со стороны населенія вина заслуживаетъ всякаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ даже главная иниціатива, проявлявшаяся въ этой области, въ значительной мѣрѣ парализировалась тѣсною связью, существующею между народнымъ пьянствомъ и интересами фиска, для котораго обложеніе вина является одной изъ наиболѣе крупныхъ доходныхъ статей. Точно также заслуживаетъ всякаго сочувствія и готовность министерства финансовъ пожертвовать ради успѣшной борьбы нѣкоторой частью доходовъ казны, хотя ранѣе возможность увеличенія этого дохода выставлена была въ качествѣ одного изъ главнѣйшихъ побудительныхъ мотивовъ къ введенію питейной монополіи. «Только путемъ монополіи,—замѣтилъ г. министръ финансовъ въ своей рѣчи къ государственному совѣту,—государство можетъ извлечь изъ налога на спиртъ *необходимый ему и значительно большій, нежели нынѣ доходъ*» [1]). Неблагопріятное значеніе предстоящей реформы и заключается въ томъ, что она отвлекаетъ государственное вниманіе отъ причинъ, порождающихъ извѣстное нежелательное явленіе, перенося это вниманіе на чисто механическую борьбу съ самыми послѣдствіями или даже признаками. Если финансовое вѣдомство, въ данномъ случаѣ, не отступаетъ даже передъ крупными матерьяльными жертвами, то естественно возникаетъ вопросъ, не лучше-ли было бы дать имъ другое назначеніе, гораздо болѣе полезное, какъ по существу, такъ и въ смыслѣ успѣшнаго разрѣшенія поставленной министерствомъ себѣ задачи. Съ этой, главнымъ образомъ, точки зрѣнія мы отнеслись къ реформамъ, когда рѣчь шла лишь объ «опытѣ введенія питейной монополіи въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ». [2]) Опубликованные въ настоящее время результаты опыта [3]), по нашему мнѣнію, лишь потверждаютъ справедливость высказанныхъ тогда соображеній.

Для уясненія надлежащаго отношенія къ сообщеніямъ о ре-

---

[1]) «Вѣстн. Фин.» 1893 г. № 26.

[2]) «Вѣстн. Евр». 1894 г. апрѣль. «По поводу питейной монополіи».

[3]) «Вѣстн. Фин.» 1895 г. № 36.

зультатахъ введенія монополіи, доставленнымъ въ министерство финансовъ, слѣдуетъ сказать, что общественное положеніе ихъ авторовъ для читателей остается неизвѣстнымъ. Но, судя по точнымъ свѣдѣніямъ, которыми они располагаютъ относительно размѣровъ потребленія вина, поступленія казеннаго дохода и т. д., можно безъ ошибки сказать, что большинство этихъ лицъ принадлежитъ къ числу служащихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ и участвующихъ въ осуществленіи самой реформы. Очевидно, они не могутъ отнестись къ дѣлу рукъ своихъ съ требуемымъ безпристрастіемъ. Напомнимъ, что еще въ началѣ 1894 г., т.-е. до введенія питейной монополіи, «Вѣстникъ Финансовъ» по какому-то недоразумѣнію объявилъ, что реформа (тогда только предполагавшаяся) «успѣла уже выразиться весьма благотворнымъ результатомъ» (№ 4, «Экономическій обзоръ»). Но, при всемъ томъ, какъ на основаніи сообщеній оффиціальныхъ корреспондентовъ, такъ и отчасти на основаніи фактовъ, оглашенныхъ въ мѣстной печати, можно придти къ выводу, что «благотворные результаты» монополіи сводятся почти къ нулю. Перваго рода матерьялъ можетъ быть подраздѣленъ на двѣ части—общіе отзывы, абсолютно благопріятные для монополіи, и факты, ослабляющіе довѣріе къ нимъ. Такъ, «казенная продажа вина въ Оренбургской губерніи вызываетъ здѣсь самое сочувственное отношеніе». Уфимскій корреспондентъ полагаетъ, что «это великое дѣло (питейная реформа) имѣетъ за собою такое незыблемое апріорное основаніе, что сомнѣваться въ его существенности непростительно». Регистрація фактовъ, по его мнѣнію, лишь «прибавитъ пріятнаго свѣта къ тому, въ которомъ и сама по себѣ свѣтится питейная реформа». Но, помимо грубаго славословія, образчики котораго приведены, никакихъ «свѣдѣній» уфимскій корреспондентъ болѣе не сообщаетъ. По словамъ челябинскаго корреспондента, «общіе отзывы о результатахъ винной монополіи въ Уфимской губерніи носятъ благопріятный характеръ и сводятся къ тому, что реформа несомнѣнно уменьшила народное пьянство». Въ Самарской губерніи, по словамъ другого корреспондента, «громадное значеніе казенной продажи, какъ крупной экономической и финансовой мѣры, признается безусловно всѣми классами общества». Нѣкоторый пробѣлъ въ этомъ гимнѣ «питейной реформѣ» составляетъ лишь отсутствіе свѣдѣній изъ Пермской губерніи, въ которой, повидимому, не нашлось лица, способнаго сообщить что-нибудь отрадное.

Если мы, затѣмъ, перейдемъ къ фактической сторонѣ сообщеній, то увидимъ, что она умѣряетъ благотворное значеніе реформы чуть-ли не до полнаго его отрицанія. Въ томъ же Орен-

бургѣ, напримѣръ, за счетъ благообразнаго вида казенныхъ мѣстъ продажи вина, въ которыхъ не допускается его потребленіе, и вмѣсто ожидавшагося мирнаго потребленія этого продукта въ кругу семьи, развилось «уличное пьянство». Объ аналогичной же «реформѣ» пьянства сообщаютъ и другіе корреспонденты министерства финансовъ. Въ городахъ Уфимской губерніи «пьютъ преимущественно на улицахъ, въ садикахъ, а, напр., въ Златоустѣ пользуются для этой цѣли окружающими городъ холмами». Въ Самарѣ, въ виду запрещенія пить вино въ самомъ заведеніи, «потребители выбираютъ удобное мѣсто на улицѣ, тутъ же возлѣ лавочки, гдѣ и опустошаютъ купленную посуду. Къ нимъ на помощь являются появившіеся съ реформою спеціальные поставщики стаканчиковъ, пробочниковъ и т. п.». Это уличное пьянство едва-ли не хуже прятавшагося въ кабакахъ. Съ одной стороны, деморализирующая и непріятная картина толпящагося на улицѣ и опустошающаго на скорую руку казенную посуду народа, а съ другой, какъ справедливо замѣчаетъ корреспондентъ, вино, «выпиваемое на голодный желудокъ и притомъ спѣшно, въ виду неудобствъ, связанныхъ съ уличной выпивкой, быстро дѣйствуетъ на голову и опьяняетъ потребителя». Еще болѣе мрачными красками рисуетъ результаты реформы для Самары мѣстный «Вѣстникъ», отнюдь не принадлежащій къ числу ея принципіальныхъ противниковъ. «Разгулъ,—говоритъ газета,—который раньше скрывался въ стѣнахъ заведеній, сталъ достояніемъ улицы. Потребленіе водки «гольемъ», безъ закуски, какъ извѣстно, вызываетъ у алкоголиковъ еще большую жажду къ ней, между тѣмъ казенная продажа вина и лишила потребителя закуски. Холодъ, непріятная погода способствуютъ тоже большему потребленію водки, такъ какъ задерживаютъ ея эффектъ, а теперь-то какъ разъ мастеровому и рабочему приходится пить водку на открытомъ воздухѣ». По словамъ «Нижегород. Листка», жители домовъ въ Самарѣ, оказавшихся въ непріятномъ сосѣдствѣ съ казенными винными лавками, рѣшили возбудить коллективное ходатайство о принятіи какихъ-либо мѣръ для прекращенія уличныхъ безобразій, отъ которыхъ имъ приходится не мало терпѣть. Рядомъ съ развитіемъ уличнаго пьянства кабаки начали замѣняться разнообразными тайными притонами, торгующими казеннымъ виномъ распивочно. Полиція и чины акцизнаго надзора ведутъ энергичную борьбу, какъ съ уличнымъ пьянствомъ, такъ и съ тайной торговлей виномъ. Но, за уничтоженіемъ однихъ притоновъ, возникаютъ другіе. «Въ результатѣ,—пишетъ самарскій корреспондентъ министерства финансовъ,—безсиліе полиціи прослѣдить и устранить всѣ возможные случаи нарушенія поло-

женія о казенной продажѣ вина». Еще хуже дѣло обстоитъ въ деревняхъ, гдѣ надзоръ не можетъ быть столь энергичнымъ. Тамъ, повидимому, распивочная торговля казеннымъ виномъ ведется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Одинъ изъ корреспондентовъ рекомендуетъ даже вовсе воспретить продажу вина изъ казенныхъ лавокъ крупными мѣрами, такъ какъ подобныя покупки производятся, главнымъ образомъ, для розничной перепродажи. Естественно, что во всѣхъ подобныхъ притонахъ, по-прежнему, практикуется продажа вина и въ долгъ, и подъ залогъ разныхъ вещей, искорененіе которой являлось одной изъ задачъ питейной монополіи. Лучшей иллюстраціей вліянія питейной реформы является увеличившееся въ городахъ число пьяныхъ, забранныхъ въ полицейскія части. Въ Самарѣ за первое полугодіе 1895 г. оно возросло до 2.748 человѣкъ противъ 1.870 человѣкъ въ то же полугодіе 1894 г.

Эти не совсѣмъ утѣшительные и даже совсѣмъ неутѣшительные результаты введенія питейной монополіи министерство финансовъ, съ своей стороны, относитъ къ тому обстоятельству, что съ упраздненіемъ кабака «исчезло и мѣсто сборища населенія, гдѣ могъ происходить обмѣнъ мыслей, гдѣ какъ бы олицетворялось праздничное времяпрепровожденіе, гдѣ можно было, словомъ, встрѣтиться, посидѣть, поболтать и даже поговорить о дѣлѣ». Въ этомъ министерство видитъ крупное лишеніе для населенія и указываетъ на необходимость создать вмѣсто кабака что-либо новое и лучшее. Подобнаго рода задача, по мнѣнію министерства, лежитъ на учрежденныхъ, вмѣстѣ съ введеніемъ питейной монополіи, попечительствахъ народной трезвости. «Если,—по словамъ министерскаго органа,—попечительства съумѣютъ создать въ достаточномъ числѣ чайныя, закусочныя и проч., куда пойдетъ населеніе, если они съумѣютъ пріохотить его къ чтеніямъ, поучительнымъ бесѣдамъ, туманнымъ картинамъ и т. п. облагораживающимъ собраніямъ, они окажутъ реформѣ дѣйствительно крупную услугу». Но пока попечительства, какъ выразился уфимскій корреспондентъ, проявили въ этомъ отношеніи очень мало «положительныхъ начинаній». Быть можетъ, въ этомъ отчасти повинна самая ихъ организація по образцу всякаго рода «присутствій», съ обязательнымъ участіемъ разныхъ должностныхъ лицъ, часто не имѣющихъ ни времени, ни склонности къ проявленію заботъ къ водворенію въ населеніи трезвости. Съ другой стороны, дѣятельность попечительствъ до крайнихъ предѣловъ съужена. Такъ, напримѣръ, самарскій губернскій комитетъ разъяснилъ попечительствамъ, что забота о подъемѣ народнаго образованія не должна входить въ кругъ ихъ непосредственныхъ задачъ. Затѣмъ

г. самарскій губернаторъ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, возвратилъ самарскому уѣздному комитету его ходатайство передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ упрощеніи порядка полученія разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній съ замѣчаніемъ, что попечительствамъ не предоставлено права ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ узаконеній.

Допустимъ даже, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ попечительства дѣйствительно окажутся способными къ выполненію той широкой задачи, которая возлагается на нихъ министерствомъ финансовъ въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ, путемъ доставленія населенію болѣе разумныхъ и облагораживающихъ развлеченій. Но вѣдь подобныя попечительства могутъ прекрасно существовать и безъ питейной монополіи. Между ними не существуетъ никакой прямой связи. Предполагалось, что министерство финансовъ, увеличивъ свой доходъ посредствомъ питейной реформы, будетъ снабжать попечительства матерьяльными средствами. Но надежды на блестящіе финансовые результаты реформы не оправдались. Если доходъ казны и не упалъ, то лишь благодаря послѣдовавшему довольно значительному повышенію цѣны на вино въ районахъ казенной продажи, что равносильно повышенію обложенія населенія. О размѣрахъ этого повышенія трудно судить, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Но достаточно сказать, что граница казенной продажи вина охраняется теперь особенной таможенной стражей, преграждающей ввозъ «вольнаго» продукта. Затѣмъ, по словамъ оренбургскаго корреспондента, вино въ сосѣднихъ губерніяхъ можно купить по 5 р. за ведро, тогда какъ казна продаетъ его по 8 р., что соотвѣтствуетъ повышенію налога на 3 р. съ ведра или болѣе 7 к. съ градуса. Между тѣмъ, такія крупныя переплаты со стороны населенія за потребляемое вино поступаютъ не въ доходъ казны, а на содержаніе дорогой администраціи по самой продажѣ казеннаго вина. Сидѣльцы въ винныхъ лавкахъ получаютъ, напримѣръ, отъ 25 до 50 р. въ мѣсяцъ, что значительно превышаетъ средній чистый доходъ прежнихъ кабатчиковъ. Есть основаніе думать, что въ районахъ предстоящаго введенія казенной продажи, гдѣ конкурренція вольныхъ торговцевъ гораздо сильнѣе и гдѣ они довольствуются меньшимъ доходомъ, казнѣ придется еще болѣе повысить продажныя цѣны на вино, противъ существовавшихъ ранѣе, чтобы не остаться въ убыткѣ отъ реформы. Такимъ образомъ, при сохраненіи существующей системы торговли виномъ и соотвѣтствующемъ повышеніи его обложенія, казна могла бы удѣлять значительно большія средства на дѣло организаціи борьбы съ пьянствомъ, чѣмъ удѣляетъ теперь. Милліоны или даже

десятки милліоновъ рублей, которые будутъ поглощены содержаніемъ администраціи при дальнѣйшемъ распространеніи реформы, гораздо полезнѣе было бы употребить на увеличеніе числа народныхъ школъ и организацію тѣхъ «облагораживающихъ» развлеченій, о которыхъ говорилось. Замѣна же частныхъ кабаковъ дорого стоющими казенными винными лавками, какъ мы видѣли, особенной пользы дѣлу насажденія трезвости не принесла или, по крайней мѣрѣ, результаты реформы совершенно не соотвѣтствуютъ крупнымъ матерьяльнымъ жертвамъ [1]), съ которыми связано ея осуществленіе.

Рядомъ съ неудовлетворительными непосредственными результатами, опытъ выяснилъ и другія крупныя неудобства, которыми сопровождается введеніе казенной продажи вина. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что, послѣ реформы, размѣръ налога на вино устанавливается, въ сущности, не въ законодательномъ, а въ административномъ порядкѣ, что противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ государственнаго права. Дѣйствительно, въ продажной цѣнѣ вина стоимость продукта составляетъ самую ничтожную долю. Производство, напримѣръ, ведра вина обходится, приблизительно, не дороже рубля, а продается оно, благодаря высокому обложенію, не дешевле 5 р. До реформы, налогъ на вино въ извѣстномъ, установленномъ законодательнымъ путемъ, размѣрѣ взимался посредствомъ прибавки его къ рыночной цѣнѣ продукта. Теперь же, при казенной продажѣ, эту рыночную цѣну, т.-е. стоимость заготовленія продукта, приходится опредѣлять заранѣе, болѣе или менѣе гадательно, что ведетъ къ крупнымъ ошибкамъ. Между тѣмъ, всякое неправильное опредѣленіе ея равносильно повышенію или пониженію налога съ ни въ чемъ неповиннаго населенія на всю разницу между дѣйствительною стоимостью продукта и установленною его цѣною. Но, на сколько показалъ «опытъ», финансовое вѣдомство даже и не считаетъ нужнымъ соблюдать при назначеніи цѣны на вино тотъ принципъ, чтобы налогъ взимался съ населенія хотя бы, приблизительно, равномѣрно. Оно руководствуется при назначеніи цѣнъ самыми разнообразными основаніями. Такъ, напримѣръ, для Пермской губерніи эта цѣна установлена государственнымъ совѣтомъ въ предѣлахъ отъ 6 р. 40 к. до 9 р. И вотъ мѣстное акцизное вѣдомство дѣлитъ губернію на 4 района. Въ одномъ изъ нихъ цѣна назначается на ведро вина въ 6 р. 40 к., въ виду возможности провоза дешеваго продукта

[1]) Къ этому еще слѣдуетъ присоединить довольно значительныя потери сельскихъ и городскихъ обществъ, лишившихся сборовъ, которые взимались ими съ мѣстъ торговли виномъ.

изъ сосѣдней Вятской губерніи. Во второмъ районѣ, который болѣе защищенъ отъ проникновенія контрабаднаго вина, эта цѣна устанавливается въ 7 р. Для третьяго района, по той же причинѣ, она поднята уже до 8 р. Съ другой стороны, при установленіи цѣны, принятъ какой-то принципъ подоходнаго обложенія цѣлыхъ районовъ. Съ населенія берется столько, сколько съ него можно взять. Такъ, относительно четвертаго района Пермской губерніи говорится, что, «по преобладающему въ немъ развитію горнозаводскаго дѣла и золотопромышленности, этотъ районъ находится въ лучшихъ, сравнительно съ другими, экономическихъ условіяхъ», почему и цѣна для него повышена до 9 р. на ведро. Точно также и въ Оренбургской губерніи вино продается на рубль дороже, чѣмъ въ Самарской, «въ силу трудности провоза вина въ эти мѣстности и относительно большей степени экономическаго благосостоянія населенія» [1]). Такимъ образомъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ налоговъ уплачивается теперь населеніемъ въ размѣрѣ, зависящемъ отъ простого усмотрѣнія акцизнаго вѣдомства. Этотъ размѣръ можетъ быть повышенъ или пониженъ безъ всякаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

Наконецъ, немаловажное значеніе имѣетъ и переворотъ, который вноситъ питейная монополія въ область винокуренія, въ развитіи котораго заинтересовано сельское хозяйство. Такъ какъ, при монополіи, казна является единственнымъ непосредственнымъ покупателемъ продуктовъ винокуренія, то она опять-таки должна устанавливать цѣны при покупкѣ вина на основаніи чисто теоретическихъ исчисленій стоимости его производства въ каждомъ отдѣльномъ районѣ. Эти цѣны должны быть всегда нѣсколько выше устанавливающихся естественно путемъ борьбы между свободнымъ спросомъ и предложеніемъ. Отсюда, чтобы устранить чрезмѣрное предложеніе, казнѣ пришлось ограничить предѣлы производствъ каждаго завода и вовсе воспретить устройство новыхъ заводовъ. Эта «нормировка», какъ уже объявлено министерствомъ финансовъ, будетъ распространена и на всѣ прочіе районы казенной продажи вина. Въ результатѣ винокуреніе изъ свободнаго промысла, развившагося въ каждомъ районѣ или хозяйствѣ, въ зависимости отъ благопріятствующихъ или неблагопріятствующихъ тому естественныхъ условій, можетъ превратиться въ вѣчную привилегію извѣстныхъ лицъ или имѣній. Въ сообщеніи министерства финансовъ сказано, что предѣлы производства каждаго завода будутъ ограничены размѣрами выкуривавшагося вина въ послѣдніе три года до введенія монополіи; возстановленіе же дѣй

[1]) «Вѣстн. Фин.» 1895 г. № 1.

ствія старыхъ заводовъ или устройство новыхъ обставляется каждый разъ особымъ разрѣшеніемъ со стороны министерства финансовъ и министерства земледѣлія. Такая привилегія на поставку вина въ казну явилась, конечно, предметомъ особой купли-продажи, какъ это теперь наблюдается въ отношеніи аптекъ или нотаріальныхъ конторъ.

При такихъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительныхъ результатахъ «опыта» было бы цѣлесообразнѣе подождать окончательнаго ихъ выясненія для распространенія реформы на другіе районы Россіи.

Вл. Бирюковичъ.

---

3. Исполненіе росписи въ 1894 году.

Въ прошлой книжкѣ были приведены общіе результаты исполненія государственной росписи въ 1894 году. Въ настоящее время намъ хотѣлось бы, пользуясь приведенными уже цифрами, посмотрѣть на общій ходъ нашей финансовой дѣятельности.

До 1861 года финансовая система Россіи была самая патріархальная, причемъ, какъ налоги, такъ и способы ихъ взиманія отличались крайней примитивностью. Что касается источниковъ, то таковыми были: a) питейный сборъ, b) оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ, c) таможенный доходъ и d) подушная подать. Эти четыре источника давали казнѣ $^2/_3$ всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ; экстренныя же нужды государства удовлетворялись займами и выпусками въ обращеніе кредитныхъ билетовъ. Взиманіе налоговъ было также незамысловатое: подушная подать взыскивалась съ крѣпостныхъ крестьянъ при посредствѣ помѣщиковъ, являвшихся отвѣтственными лицами передъ правительствомъ, а съ государственныхъ и удѣльныхъ особыми чиновниками. Питейный же доходъ находился на откупу у нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ.

Такая патріархальность, соотвѣтствующая вполнѣ крѣпостнымъ порядкамъ, не могла, конечно, благопріятствовать развитію производительныхъ силъ народа, освобожденнаго уже отъ крѣпостной зависимости.

Неотложность преобразованія финансовой системы послѣ 19-го февраля 1861 года была очевидна. Между тѣмъ, какъ ни странно, прежняя финансовая политика продолжала существовать до 80-тыхъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ до 1861 года, такъ и послѣ, въ теченіе указаннаго періода въ приходномъ бюджетѣ сохранялось первенствующее значеніе таможеннаго и питейнаго

доходовъ, съ одной стороны, и подушной и оброчной податей—съ другой. Что же касается государственныхъ расходовъ, то они заключались, главнымъ образомъ, въ платежахъ по займамъ, въ развитіи военныхъ силъ и въ крупныхъ затратахъ на постройку желѣзнодорожной сѣти.

Такимъ образомъ, основная мысль реформы 61 года—защита народныхъ интересовъ—была какъ бы упущена изъ виду, и проявлялось слишкомъ мало заботливости относительно земледѣльческаго труда, являющагося обезпеченіемъ быта почти всего русскаго населенія и залогомъ выполненія имъ обязанностей передъ правительствомъ. Естественнымъ дополненіемъ реформы 19-го февраля было бы, конечно, принятіе мѣръ къ облегченію податнаго бремени, лежащаго на народѣ, и къ поднятію его производительныхъ силъ. Между тѣмъ, всю почти тяжесть налоговъ мы взваливали на податное сословіе и очень мало удѣляли денежныхъ средствъ на содѣйствіе развитію платежныхъ и покупательныхъ силъ народа.

Такъ дѣло продолжалось до вступленія въ управленіе министерствомъ финансовъ Н. Х. Бунге, давшаго новое направленіе нашимъ финансамъ. Первою его заботой было устраненіе крайней неравномѣрности въ распредѣленіи податныхъ тягостей и поднятіе народнаго благосостоянія улучшеніемъ податной системы. Въ области русской финансовой политики получили право гражданства новые принципы, указываемые наукою. Мы видимъ стремленіе поднять народное благосостояніе—источникъ богатства государственной казны—путемъ пониженія налоговъ, выплачиваемыхъ неимущими классами, и привлеченіемъ къ налогамъ имущихъ классовъ. Ясно видя, что налоги, выплачиваемые крестьянствомъ, превосходятъ размѣры его экономическихъ силъ, нарушая тѣмъ самымъ правильный ходъ хозяйства и задерживая удовлетвореніе насущныхъ потребностей, Н. Х. Бунге старался отыскать новые источники для государственныхъ доходовъ.

Но въ концѣ 1886 года Н. Х. Бунге оставилъ постъ министра финансовъ, его занялъ И. А. Вышнеградскій, и финансовая политика сразу измѣнилась съ его уходомъ. Финансовое вѣдомство снова вспомнило о таможенныхъ и питейныхъ доходахъ и ими рѣшило покрывать возрастающія потребности государства.

Въ противоположность государственнымъ росписямъ, которыя составлялись при г. Бунге съ извѣстными дефицитами, у насъ положено было начало государственнымъ росписямъ съ значительными денежными избытками. Такъ что затрудненіе въ средствахъ, которое констатировали государственныя росписи первой половины 80-тыхъ годовъ, было замѣнено указаніемъ на изоби-

ліе денегъ въ государственномъ казначействѣ. Въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдалась извѣстная поговорка: «Денегъ нѣтъ—передъ деньгами». Но правдива-ли была картина финансоваго благополучія, изображаемая государственными росписями? Прочны-ли были финансовые источники, которыми поддерживался бюджетъ государства? Основано-ли было это внѣшнее благополучіе на прочныхъ опорахъ, или же, наоборотъ, можно было ожидать скораго осуществленія второй половины приведенной уже выше поговорки: «Денегъ много—передъ злыми днями»? Какъ оказалось въ 1891 и 1892 годахъ, злые дни были дѣйствительно весьма близки... Накопленіе свободныхъ денежныхъ средствъ производилось, какъ извѣстно, путемъ установленія новыхъ и возвышенія весьма многихъ прежнихъ налоговъ, съ одной стороны, преднамѣреннымъ пониженіемъ исчисленія ожидаемыхъ доходовъ и излишнею сдержанностью въ назначеніи расходныхъ кредитовъ, съ другой. Политика «копленія» средствъ оцѣнена уже печатью, и цѣлесообразность ея провѣрена недавнимъ горькимъ опытомъ, послѣ котораго свободная наличность казначейства была почти сполна исчерпана; между тѣмъ, ради скопленія свободныхъ остатковъ, задерживалось развитіе производительной государственной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, желая, во что бы то ни стало, создать превышеніе доходовъ надъ расходами, приходилось сдерживать ростъ послѣднихъ на удовлетвореніе насущныхъ потребностей страны, такъ какъ болѣе эластичными, а слѣдовательно, и наиболѣе поддающимися сокращенію, всегда являются производительные расходы, какъ-то: затраты на просвѣщеніе, на развитіе и улучшеніе условій экономической дѣятельности страны, и пр.

Что же получилось изъ всего этого? Литература всѣхъ направленій давно уже констатировала фактъ обѣдненія, разстройства крестьянскаго хозяйства, громко говорящій о настоятельности коренныхъ реформъ въ хозяйственной жизни Россіи. Крупныя недоимки, картины деревенской нищеты, упадокъ хозяйства, прогрессивное сокращеніе потребленія, развитіе ростовщичества краснорѣчиво указываютъ на крайнюю затруднительность положенія народной массы. При такихъ условіяхъ трудно признать правильнымъ стремленіе къ увеличенію государственныхъ доходовъ путемъ повышенія косвенныхъ налоговъ на предметы общераспространеннаго потребленія.

Если мы вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сумма недоимокъ выкупныхъ платежей превышалъ годовой окладъ въ 4 раза, а въ среднемъ — около $1^1/_2$ раза, то поймемъ, насколько была состоятельна картина финансоваго благополучія, изображаемая

государственными росписями съ значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Обратимся теперь къ росту государственныхъ доходовъ и расходовъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ.

Движеніе государственныхъ доходовъ въ истекшее десятилѣтіе, за переложеніемъ металлическихъ поступленій въ кредитную валюту, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	ВСЕГО.		Болѣе противъ предъидущаго года на:
Въ 1885 г. поступило	764.477.515 руб.		— руб.
» 1886 » »	770.546.090 »		6.068.575 »
» 1887 » »	818.091.517 »		47.545.427 »
» 1888 » »	872.945.329 »		54.853.812 »
» 1889 » »	910.131.609 »		37.186.280 »
» 1890 » »	926.074.829 »		15.943.220 »
» 1891 » »	883.185.404 »	менѣе на	42.889.425 »
» 1892 » »	961.614.867 »	болѣе на	78.429.463 »
» 1893 » »	1.025.883.144 »		64.268.277 »
» 1894 » »	1.142.327.342 »		116.444.198 »

Изъ этой таблицы видно, что за десять лѣтъ обыкновенные доходы возросли на 378 мил. руб. или на 49% своей первоначальной величины. Хотя наиболѣе видную роль (на 105½ мил. руб.) въ этомъ ростѣ играетъ доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, составлявшій въ 1885 году 10,6 мил. р., а въ 1894 году достигшій почти 116 мил. р.; но этотъ приростъ поглощается, однако, увеличеніемъ эксплоатаціонныхъ расходовъ (около 70 м. р.), а также срочными платежами по основнымъ капиталамъ дорогъ, не состоявшихъ въ 1885 году въ казенномъ управленіи, и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ для выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну (около 45 мил. р.). Первое же мѣсто въ указанномъ ростѣ государственныхъ доходовъ въ дѣйствительности принадлежитъ таможенному доходу, доставившему излишекъ въ 75 мил. руб., частью, вслѣдствіе введенія съ 1 іюля 1891 года повышеннаго тарифа, а частью, благодаря сильному развитію въ послѣдніе годы привоза иностранныхъ товаровъ. Затѣмъ, слѣдуетъ питейный доходъ, доставившій излишекъ въ 66 мил. р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе повышенія акциза съ 8 к. до 10 к. съ градуса чистаго спирта. На такую же сумму (66 мил. р.) получился приростъ отъ прочихъ косвенныхъ налоговъ (табачнаго, сахарнаго, нефтянаго и спичечнаго), въ томъ числѣ 40 мил. р. вслѣдствіе возвышенія размѣра двухъ ранѣе существовавшихъ акцизовъ (табачнаго и сахарнаго) и 26 мил. р. вслѣдствіе установленія двухъ новыхъ (съ освѣтительныхъ маслъ и со спичекъ). Значительное возрастаніе доходовъ оказалось затѣмъ по сбору съ торговли и про-

мысловъ (около 17 мил. р.), по лѣсному доходу (съ 13 до 26 м. р., т.-е. вдвое), по гербовымъ, судебнымъ и канцелярскимъ пошлинамъ (10 мил. р.) и по сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (8 мил. р.), впервые установленному въ 1885 году. Изъ этихъ цифръ ясно слѣдуетъ, что ростъ государственныхъ доходовъ въ нашей странѣ основывается не на соотвѣтственномъ увеличеніи платежныхъ силъ населенія, а на постоянномъ повышеніи размѣра существовавшихъ и введеніемъ новыхъ налоговъ, и притомъ на предметы общераспространеннаго потребленія, какъ-то: нефть, спички, сахаръ, водку, и пр. Такимъ образомъ, прежній размѣръ налоговъ, безъ подъема народнаго благосостоянія, не могъ, въ теченіе указаннаго десятилѣтія, давать государственной казнѣ необходимыя суммы, вслѣдствіе чего и явилась необходимость прибѣгнуть къ усиленному обложенію предметовъ общаго потребленія, т.-е. возложить на народную массу новые платежи.

Затѣмъ, какъ мы видѣли выше, главный интересъ доходнаго бюджета сосредоточенъ былъ въ теченіе 1885 — 1894 гг. около таможеннаго и питейнаго доходовъ. Экономическое значеніе этихъ двухъ видовъ доходовъ вполнѣ оцѣнено нашей печатью, которая единодушно указывала на зло, вызываемое этими наиболѣе прогрессирующими статьями бюджета. Мы приведемъ лишь мнѣніе Стараго профессора изъ его брошюры «Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ». «Сколько зла,—восклицаетъ почтенный авторъ,—влечетъ за собою финансовая система, въ которой преобладающій доходъ приноситъ потребленіе спиртныхъ напитковъ: она раззоряетъ крестьянъ, увеличиваетъ количество всякаго рода преступленій!»

Что касается таможенныхъ пошлинъ, то ихъ экономическое вліяніе также выяснено въ русской литературѣ; между тѣмъ, финансовое вѣдомство въ управленіе И. А. Вышнеградскаго сдѣлало значительные шаги на пути повышенія таможенныхъ пошлинъ, открыто игнорируя, такимъ обрязомъ, интересы сельскаго населенія, т.-е. почти всего русскаго народа. Кромѣ увеличенія тарифа, таможенный доходъ возрастаетъ отъ расширенія заграничнаго ввоза, который находится въ тѣсной зависимости отъ вывозной торговли.

Страна, не располагающая денежными средствами, т.-е. золотомъ, не можетъ разсчитываться за привозимые товары ничѣмъ другимъ, какъ товарами же. При слабомъ развитіи нашей обрабатывающей промышленности, наша заграничная торговля сводится исключительно къ вывозу сырья, главнымъ образомъ, хлѣба, обусловливающему возможность ввоза къ намъ загранич-

ныхъ товаровъ. Но вывозная торговля, поддерживаемая исключительно обращеніемъ въ предметъ торговли хлѣба, необходимаго для прокормленія населенія, не можетъ просуществовать долго. Тутъ представляется возможнымъ одинъ изъ двухъ выходовъ: или увеличеніе смертности, или прекращеніе вывоза хлѣба. Такъ какъ у насъ принимались мѣры единственно для развитія заграничной торговли хлѣбомъ, а не для ея сокращенія, то понятно, почему оказалось налицо первое изъ указанныхъ послѣдствій. И въ дѣйствительности, по словамъ А. Е. Рейнбота, сказаннымъ имъ въ засѣданіи III отдѣленія И. В. Э. Общества 4-го марта 1895 г., въ 10 изъ пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года губерніяхъ оказалась, вмѣсто обычнаго прироста населенія, убыль въ 190.000 человѣкъ, по всѣмъ же 17 губерніямъ убыль эта равнялась не менѣе 300.000 чел. Но вѣдь вещь извѣстная, что нашъ крестьянинъ и въ обычное время питается крайне неудовлетворительно, такъ что заграничная торговля хлѣбомъ далеко не служитъ указаніемъ на то, что въ странѣ существуетъ избытокъ хлѣба, а лишь показателемъ нашей бѣдности и крайней хозяйственной разстроенности, вслѣдствіе чего народъ принужденъ сбывать за границу тотъ самый хлѣбъ, который нуженъ ему для собственнаго продовольствія.

Обратимся теперь къ нашимъ расходамъ.

Если мы, для болѣе правильнаго сравненія расходовъ истекшаго десятилѣтія, исключимъ изъ общихъ итоговъ расходовъ 1887 и послѣдующихъ лѣтъ до 1894 г. включительно обороты по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій и излишнюю противъ предшествовавшихъ лѣтъ разность въ курсѣ на металлическіе платежи, а изъ итоговъ 1889 и 1890 гг. расходы на удовлетвореніе потребностей будущихъ лѣтъ, то получится слѣдующій рядъ цифръ: для 1885 г.—806.614.346 рублей, для 1886 г.—832.391.851 р., для 1887 года—806.141.175 р., для 1888 года—810.213.510 р., для 1889 года—827.897.979 р., для 1890 года—853.667.700 р., для 1891 года—861.293.983 р., для 1892 года—896.119.961 р., для 1893 года—924.143.286 р. и для 1894 года—977.995.352 р.

По сравненію послѣдней цифры съ расходами 1895 г., общее увеличеніе расходовъ за десятилѣтіе составитъ 171.381.006 р. ($21^1/_4$ %), которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ	1886	году	расходъ	увеличился	противъ	1885	года	на	25.777.505 рублей
»	1887	»	»	уменьшился	»	1886	»	»	26.250.676 »
»	1888	»	»	увеличился	»	1887	»	»	4.072.335 »
»	1889	»	»	»	»	1888	»	»	17.684.469 »
»	1890	»	»	»	»	1889	»	»	25.769.721 »

Въ 1891 году расходъ увеличился противъ 1890 года на 7.626.283 рублей
» 1892 » » » » 1891 » » 34.825.978 »
» 1893 » » » » 1892 » » 28.023.325 »
» 1894 » » » » 1893 » » 53.852.066 »

Интересно посмотрѣть, какія статьи государственныхъ расходовъ и насколько измѣнились въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Эти измѣненія видны изъ слѣдующей таблицы:

	Противъ 1885 года. Увеличеніе. На сумму въ рубляхъ.	Въ % отношеніи.	Уменьшеніе. На сумму въ рубляхъ.	Въ % отношеніи.
По системѣ государственнаго кредита.	—	—	5.607.300	2,17
» высшимъ государственнымъ учрежденіямъ.	149.191	6,93	—	—
По вѣдомству святѣйшаго синода . .	2.600.456	24,26	—	—
По министерствамъ:				
Императорскаго двора.	1.236.636	11,71	—	—
иностранныхъ дѣлъ.	824.566	20,01	—	—
военному.	29.119.663	13,87	—	—
морскому.	12.747.218	33,13	—	—
финансовъ	26.065.629	24,64	—	—
государственныхъ имуществъ	5.013.902	21,93	—	—
внутреннихъ дѣлъ	14.144.227	20,05	—	—
народнаго просвѣщенія	1.758.657	8,62	—	—
путей сообщенія	75.217.928	328,09	—	—
юстиціи	5.815.996	28,86	—	—
По государственному контролю. . . .	1.803.768	58,31	—	—
По главному управленію государственнаго коннозаводства	490.469	48,17	—	—
	176.988.306	—	5.607.300	—
	171.381.006	—	—	—

Такимъ образомъ, болѣе всего возросли расходы по министерству путей сообщенія, затѣмъ по государственному контролю, главному управленію госуд. коннозаводства, морскому министерству, министерству юстиціи, финансовъ, вѣдомству святѣйшаго синода, министерству государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, военному, Императорскаго двора, народнаго просвѣщенія и по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что менѣе всего увеличились расходы по удовлетворенію столь важной потребности русскаго государства, какой является народное просвѣщеніе. Расходный бюджетъ этого министерства въ теченіе 10 лѣтъ возросъ лишь на 8% своей первоначальной величины, въ значительной мѣрѣ отставая, слѣдовательно, въ своемъ увеличеніи отъ естественнаго роста населенія. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что

затраты государства на просвѣщеніе не только не увеличивались, а даже уменьшались въ періодъ съ 1885 по 1894 годъ включительно, въ виду естественнаго приращенія населенія за этотъ періодъ.

Государственная роспись 1894 г. также была составлена съ значительнымъ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами (въ размѣрѣ 23.600.327 руб.). Затѣмъ, дѣйствительное поступленіе доходовъ превысило смѣтныя исчисленія на 148.962 535 р., или на 14,8%. Переборъ этотъ оказался послѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ смѣтнаго ожиданія по 28 статьямъ, при недоборѣ лишь по 5 статьямъ, при чемъ превышеніе равнялось 154.712.632 руб., а недоборъ лишь 5.750.797 руб. Среди государственныхъ доходовъ, давшихъ значительное превышеніе дѣйствительныхъ поступленій противъ исчисленія, первое мѣсто занимаютъ косвенные налоги вмѣстѣ съ таможеннымъ доходомъ (всего на 99.877.196); затѣмъ слѣдуютъ: доходы отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ (19.937.572); выкупные платежи (10.819.352), пошлины (9.721.876 р.) и т. д. Главными источниками государственныхъ средствъ въ 1894 году были: питейный доходъ, давшій государству 297.385.711 р. и таможенный доходъ, поступившій въ размѣрѣ 183.781.549 руб. За этими двумя главными слѣдуютъ: доходы отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (115.989.917 р.), выкупные платежи (92.819.352 р.), налоги поземельные съ недвижимыхъ имуществъ и подати (47.507.193 р.), сборъ съ торговли и промысловъ (42.431.622 р.), сахарный доходъ (41.228.271 р.), табачный доходъ (32.564.822 р.), пошлины гербовыя, судебныя, канцелярскія и съ записи документовъ (29.051.355 р.), лѣсной доходъ (25.844.250 р.), почтовый (23.804.815 р.) и т. д.

На какія же государственныя потребности пошли эти доходы? Среди расходовъ первое мѣсто занимаютъ: система государственнаго кредита, поглотившая въ 1894 г. 270.893.099 руб., и военное министерство, на содержаніе котораго потрачено 239.135.557 руб.; за ними слѣдуютъ: министерство финансовъ (132.338.307), путей сообщенія (98.143.267 р.), внутреннихъ дѣлъ (84.688.477 р.), морское (51.226.928), государственныхъ имуществъ (27.875.424 р.), юстиціи (25.962.727 р.), народнаго просвѣщенія (22.144.918 р.), вѣдомство св. синода (13.308.540 р.), и т. д. Такимъ образомъ, уплата процентовъ по государственнымъ долгамъ вмѣстѣ съ содержаніемъ войска поглощаютъ 51 процентъ всего расходнаго бюджета Россіи, а расходы на образованіе составляютъ лишь 2 процента.

Заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій фактъ. По

государственной росписи 1894 года на содержаніе министерства народнаго посвѣщенія было ассигновано на 193.499 руб. меньше, чѣмъ по росписи предшествовавшаго года. Такое уменьшеніе ассигнованія на столь важный расходъ, какимъ является народное просвѣщеніе, ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о необходимости болѣе полнаго удовлетворенія насущной потребности народа въ распространеніи образованія, требующаго несомнѣнныхъ увеличеній государственныхъ затратъ, укажемъ хотя на естественное возростаніе нашего населенія, точно также предполагающее извѣстное увеличеніе, а не сокращеніе государственныхъ расходовъ на народное образованіе. Мало этого, получивъ въ 1894 г. на дѣло просвѣщенія народа 193.499 рублями менѣе, сравнительно съ 1893 годомъ, министерство сдѣлало еще экономію въ размѣрѣ 73.017 руб., считая, вѣроятно, совершенно выполненной возложенную на него задачу— заботиться о направленіи и распространеніи въ странѣ народнаго образованія.

Всѣ указанныя особенности исполненной росписи 1894 года вытекаютъ, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе уклоненія отъ тѣхъ важныхъ началъ, которыя введены были Н. Х. Бунге въ систему нашихъ финансовъ, первыхъ его попытокъ къ обновленію нашей податной системы; эти особенности являются результатомъ возвращенія нашего къ устарѣлымъ финансовымъ традиціямъ. Оздоровленіе финансовъ не можетъ быть результатомъ простого возвышенія налоговъ, искусственнаго устраненія дефицитовъ и другихъ подобныхъ пріемовъ, такъ какъ правильная финансовая политика опирается на благосостояніе народа и основывается на раціональной системѣ обложенія.

Въ наукѣ финансовъ признается основной истиной то положеніе, что трудовая дѣятельность народа есть основа и единственный источникъ финансовыхъ средствъ государства. Когда трудъ народа обставленъ благопріятно, то онъ становится производительнѣе, а государство и самъ народъ богаче. Среди причинъ, разстраивающихъ наше народное хозяйство и создающихъ экономическую обезсиленность народа, наша податная система играетъ весьма видную роль. Вслѣдствіе этого, главной заботой нашего министерства финансовъ должно быть коренное измѣненіе самыхъ источниковъ и способовъ взиманія налоговъ, безъ которыхъ немыслима прочная постановка государственнаго бюджета. Въ какомъ же смыслѣ должны быть измѣнены наши источники доходовъ? Этотъ вопросъ былъ намѣченъ Н. Х. Бунге, указавшимъ необходимость введенія въ наши государственные финансы элементовъ подоходнаго обложенія, для достиженія спра-

ведливости и уравнительности въ распредѣленія государственныхъ повинностей.

Будемъ же надѣяться, что недалеко отъ насъ то время, когда вопросъ объ обновленіи нашей податной системы будетъ поставленъ на ближайшую очередь.

А. Котельниковъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Съ сѣвернаго Кавказа.

Когда пять съ половиною лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ изъ Петербурга въ нашъ медвѣжій уголъ, меня на первыхъ же порахъ поразилъ одинъ фактъ: ко мнѣ, съ первыхъ же дней моего пребыванія въ нашемъ городкѣ, стали являться многочисленные посѣтители за совѣтами, въ полной увѣренности, что разъ человѣкъ пріѣхалъ изъ Петербурга, онъ не можетъ не подать хорошаго совѣта въ самомъ затруднительномъ случаѣ. Посѣтители эти были самаго разнообразнаго свойства. Тутъ были разные сутяги, которые прошли съ своими дѣлами всѣ инстанціи и являлись ко мнѣ собственно безъ всякой надежды на то, чтобы изъ этого посѣщенія могло что-нибудь выйти. Были тутъ и разныя ловкія барыни, вѣчно судящіяся съ кѣмъ-нибудь, являвшіяся ко мнѣ въ разсчетѣ получить даровой совѣтъ, за который пришлось бы иначе платить адвокату. Были разные прогнанные со службы чиновники, отъ становыхъ до псаломщиковъ и растриженныхъ монаховъ включительно, являвшіеся съ жалобами на изгнавшее ихъ начальство и съ просьбами возстановить ихъ въ правахъ. Вообще много было разнаго народа. Но главную массу этой толпы, ежедневно являвшейся ко мнѣ, составляли сѣрые люди, люди, на которыхъ обрушивалось дѣйствительное несчастье или которые дѣйствительно имѣли настоящія, кровныя нужды.

Въ моемъ воспоминаніи встаетъ цѣлая вереница этихъ жалкихъ, безпомощныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, являвшихся ко мнѣ съ дѣлами, которымъ буквально цѣна грошъ, но которыя для этихъ несчастныхъ, зарабатывающихъ всего какихъ-нибудь 5—10 рублей въ мѣсяцъ, составляли слишкомъ многое. Вотъ цѣлый рядъ старыхъ солдатъ и солдатскихъ вдовъ, добивающихся жалкой трехрублевой пенсіи. Вотъ вдовы, которыхъ выгоняютъ послѣ смерти ихъ мужей ихъ родственники или даже родныя дѣти въ виду того, что покойные мужья не оставили завѣщаній, и вдовамъ по закону остались только седьмыя части тѣхъ самыхъ домишекъ, которые они наживали съ своими мужьями кровавымъ трудомъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Вотъ отцы, у которыхъ продаютъ послѣднее достояніе за долги безпутныхъ сы-

повъ. Вотъ невѣстки съ кучами дѣтей, которыхъ гонятъ изъ дому свекры и свекрови послѣ смерти мужей этихъ вдовъ. Вотъ люди, на которыхъ обрушилось какое-нибудь неожиданное несчастье:-то, въ дракѣ между пьяными, человѣкъ слишкомъ удачно ударилъ противника, а тотъ черезъ три дня Богу душу отдалъ; то человѣка избили не на животъ, а на смерть, а затѣмъ, чтобы не отвѣчать за это, взвели на него же обвиненіе въ томъ, что онъ напалъ и избилъ кучу невинныхъ людей; то въ человѣка стрѣляли, а потомъ его же обвиняютъ въ томъ, что онъ въ другого стрѣлялъ; то бѣднягу съ просроченнымъ паспортомъ облагодѣтельствовалъ кабацкій адвокатъ, передѣлавши въ паспортѣ срокъ, а теперь несчастнаго обвиняютъ въ подлогѣ; то составленъ подъ давленіемъ сильныхъ людей приговоръ сельскаго общества о ссылкѣ человѣка, вся вина котораго состоитъ въ томъ, что онъ стоялъ поперекъ дороги этимъ сильнымъ людямъ; то люди попали въ исторію изъ-за скотской чумы, и т. д., и т. д.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше являлось этихъ несчастныхъ съ самыми разнообразными нуждами и скорбями. Всѣ мои увѣренія въ томъ, что я не адвокатъ, что я совсѣмъ не знаю законовъ и не могу быть ничѣмъ полезнымъ, не вели ни къ чему. То обстоятельство, что я не гналъ людей отъ себя, что я ихъ внимательно выслушивалъ, разспрашивалъ, сочувствовалъ, задумывался надъ тѣмъ, нельзя-ли имъ чѣмъ-нибудь помочь, что-нибудь сдѣлать для нихъ,—вело къ тому, что во мнѣ увидѣли человѣка, къ которому непремѣнно нужно сходить, съ которымъ каждый считалъ своимъ долгомъ посовѣтоваться. Кажется, тутъ главную роль играло то естественное чувство успокоенія, облегченія, которое испытываетъ каждый, когда въ своемъ горѣ встрѣтитъ сочувствіе и соболѣзнованіе. А когда я, кромѣ выраженія сочувствія, сталъ и кое-что дѣлать,—то писать прошенія, то ходить въ то или иное присутственное мѣсто или къ тому или иному должностному лицу за справкою для какого-нибудь бѣдняка или съ ходатайствомъ за него,—я совершенно незамѣтно и неожиданно для самого себя, попалъ въ положеніе, такъ сказать, подпольнаго адвоката.

Сначала я, однако, боролся съ захватывавшимъ меня теченіемъ. Вѣдь есть же въ нашемъ городѣ настоящіе адвокаты, думалъ я: зачѣмъ же я буду брать на себя ихъ дѣло? Тѣмъ болѣе, что у меня есть свое и притомъ любимое дѣло, поглощающее все мое время и всѣ мои силы—литературныя занятія. И я сперва отсылалъ приходившихъ ко мнѣ къ мѣстнымъ адвокатамъ, убѣждая своихъ посѣтителей, что адвокаты сдѣлаютъ все, что имъ нужно, и притомъ, конечно, несравненно лучше, нежели то могъ бы сдѣлать я. Скоро, однако, мнѣ пришлось убѣдиться, насколько я былъ наивенъ, не понимая, что потому-то ко мнѣ и повалилъ народъ, что онъ не находитъ юридической помощи, что патентованная адвокатура существуетъ вовсе не для этой бѣдноты.

Въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ адвокату браться за хлопоты по

исходатайствованію трехрублеваго пособія старому солдату или солдаткѣ? Спрашивается, что можно получить съ такого кліента? Или какой разсчетъ браться за дѣло объ отысканіи четырнадцатой части наслѣдства, состоящаго всего изъ нѣсколькихъ сотъ рублей? Десять процентовъ—узаконенный адвокатскій гонораръ—составляютъ при такой исковой суммѣ такую ничтожную величину, что она можетъ, конечно, вызвать только улыбку у настоящаго адвоката, для котораго всегда достаточно имѣется и «тысячныхъ» дѣлъ. О, конечно, я не отрицаю, что адвокаты могутъ быть и великодушными и брать дѣла исключительно изъ человѣколюбія; но если они и проявятъ такое великодушіе разъ—два въ годъ, то уже и этого будетъ съ нихъ достаточно. А людей, которые не могутъ ничего заплатить за свое дѣло, или могутъ дать только грошъ,—тысячи повсюду, и этимъ тысячамъ совсѣмъ недоступна помощь патентованныхъ адвокатовъ. И волей-неволей приходится этой бѣднотѣ искать помощи у разныхъ кабацкихъ адвокатовъ, у разныхъ писарьковъ, невѣжественныхъ и неспособныхъ оказать какую бы то ни было дѣйствительную помощь.

То же повторяется и въ уголовныхъ дѣлахъ. Сколько несчастныхъ сидитъ въ нашихъ судахъ на скамьяхъ подсудимыхъ безъ защитниковъ! Сплошь и рядомъ эти несчастные не только неспособны представить все необходимое для своего оправданія, но даже просто не понимаютъ того, что происходитъ на судѣ, не понимаютъ своихъ правъ, не понимаютъ предлагаемыхъ имъ вопросовъ, не понимаютъ значенія даваемыхъ свидѣтелями показаній—и это въ то время, когда сплошь и рядомъ идетъ вопросъ объ участи всего ихъ существованія. Не лучше стоитъ дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда, не имѣя средствъ пригласить для защиты настоящаго адвоката, эти несчастные довольствуются защитниками изъ «корридорныхъ» адвокатовъ, которые сплошь и рядомъ сами не понимаютъ того, что происходитъ на судѣ. Едва-ли не въ такомъ же печальномъ положеніи оказываются подсудимые и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ защищаютъ защитники по назначенію суда изъ кандидатовъ на судебныя должности или присяжныхъ повѣренныхъ: въ этихъ случаяхъ защитники обыкновенно считаютъ излишнимъ знакомиться съ дѣломъ и своими дѣйствіями на судѣ скорѣе приносятъ вредъ защищаемымъ, нежели пользу.

И вотъ въ этихъ тенетахъ юридической безпомощности бьются ежегодно по лицу русской земли сотни тысячъ людей, толкутся безъ толку у дверей присутственныхъ мѣстъ, безъ толку подаютъ прошенія за прошеніями въ неподлежащія мѣста, разоряются на безтолковые иски и нерѣдко совершенно неповинно попадаютъ въ тюрьмы, арестантскія роты и Сибирь.

За эти пять лѣтъ я вволю насмотрѣлся на эту юридическую безпомощность. Сколько картинъ, иной разъ съ комическимъ оттѣнкомъ, а еще чаще страшныхъ, тяжелыхъ прошло предо мною за это время. Вотъ однажды является ко мнѣ женщина и заявляетъ: «ну, дѣлайте со мной что

знаетс: я пяти министрамъ подавала прошенія и въ синодъ обращалась—все ничего не выходитъ. Теперь только на васъ надежда». Это сопоставленіе пяти министровъ и «синода», оказавшагося сенатомъ, съ моимъ всемогуществомъ было такъ комично, что я не могъ не улыбнуться. Но когда я взялъ изъ рукъ своей посѣтительницы пачку бумагъ, которыя она держала, и ознакомился съ ними, мнѣ сдѣлалось страшно тяжело. Да, дѣйствительно, эта несчастная подавала прошенія въ пять министерствъ и въ сенатъ; она тратила послѣдніе гроши на уплату мудрымъ сочинителямъ прошеній и ждала долгіе, долгіе годы «рѣшенія» и уже впала въ отчаяніе, потеряла вѣру въ правду, такъ какъ отовсюду получала отказъ. А между тѣмъ, все дѣло было въ томъ, чтобы подать толковое прошеніе въ мѣстную казенную палату—и черезъ недѣлю несчастная получила полное удовлетвореніе. Любопытнѣе всего мнѣ показалось въ этой исторіи то обстоятельство, что всѣ инстанціи, въ которыя обращалась бѣдная темная женщина, отвѣчали ей, что прошеніе остается безъ удовлетворенія, какъ неподлежаще поданное, и что просительницѣ должно быть объявлено, чтобы она обратилась съ своимъ ходатайствомъ въ порядкѣ, указанномъ такою-то статьею такого-то тома свода законовъ. А какой это порядокъ, такъ-таки никто и не вздумалъ ей разъяснить...

И такихъ исторій я могъ бы разсказать не одну сотню. Но еще страшнѣе безпомощность населенія въ уголовныхъ дѣлахъ. Темный человѣкъ, привлеченный къ уголовной отвѣтственности, оказывается въ безусловной зависимости отъ знанія, опытности и добросовѣстности слѣдователя, товарища прокурора и судей. Счастье его, если всѣ эти господа стоятъ на высотѣ задачи; но если кто-либо изъ нихъ несвѣдущъ, неопытенъ, небреженъ, а тѣмъ болѣе недобросовѣстенъ, нѣтъ ничего легче несчастному, попавшему къ нимъ въ руки, пропасть, при полномъ отсутствіи всякой вины съ его стороны. Вотъ, положимъ, на предварительномъ слѣдствіи, привлеченный къ отвѣтственности ссылается въ опроверженіе взводимаго на него обвиненія на свидѣтелей. Свидѣтели эти допрошены слѣдователемъ, и показанія ихъ дѣлаютъ сомнительнымъ или прямо опровергаютъ обвиненіе. Затѣмъ, дѣло поступаетъ къ товарищу прокурора для составленія обвинительнаго акта, и онъ выбираетъ и вызываетъ на судъ только тѣхъ свидѣтелей, которые говорятъ въ пользу обвиненія. Обвиняемый, въ свою очередь, имѣетъ право вызвать на судъ нужныхъ ему свидѣтелей въ семидневный срокъ со дня врученія ему копіи обвинительнаго акта. Но онъ вполнѣ увѣренъ, что разъ онъ указывалъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей, они непремѣнно будутъ фигурировать и на судѣ. И вотъ онъ пропускаетъ семидневный срокъ, не заявляя о вызовѣ нужныхъ ему свидѣтелей, и остается совершенно беззащитнымъ на судѣ, такъ какъ данныя на предварительномъ слѣдствіи показанія свидѣтелей, не вызванныхъ на судъ, остаются неоглашенными на судѣ, какъ бы они благопріятны ни были для подсудимаго.

Эта беззащитность темнаго человѣка на уголовномъ судѣ просто поразительна. Достаточно будетъ сослаться на слѣдующій примѣръ: недавно на моихъ глазахъ одинъ окружный судъ присудилъ двухъ крестьянъ къ отдачѣ на три года въ арестантскія роты за похищеніе бутылки водки и бутылки пива, имѣвшее всѣ признаки простой деревенской шутки дурного тона. Эту исторію, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, я еще разскажу современемъ въ своихъ письмахъ, когда буду характеризовать наши захолустные судебные порядки...

И вотъ, насмотрѣвшись на подобныя картины, видя, какъ на моихъ глазахъ страдаютъ имущественные интересы массы людей, какъ гибнетъ ихъ доброе имя, какъ они лишаются свободы—и все это благодаря ихъ совершенной безпомощности въ юридическомъ отношеніи,—я обратился къ изученію законовъ, кассаціонныхъ рѣшеній правительствующаго сената, разныхъ инструкцій, циркуляровъ и т. д. Сама жизнь, предъявляя мнѣ тѣ или иныя реальныя нужды населенія, указывала, что именно мнѣ нужно изучать. Дѣло оказалось далеко не такимъ затруднительнымъ, какъ я опасался сначала. Правда, законы наши многосложны, запутанны, несистематичны; правда, въ нихъ много пропусковъ и недомолвокъ, и эти пропуски и недомолвки пополняются разъясненіями сената, которыхъ въ рѣшеніяхъ кассаціонныхъ департаментовъ и въ опредѣленіяхъ административныхъ департаментовъ накопилось великое множество, причемъ еще часто эти рѣшенія и опредѣленія прямо противорѣчатъ другъ другу. Тѣмъ не менѣе, для чисто практическихъ надобностей, для обыденныхъ случаевъ, можно познакомиться съ законами довольно удовлетворительно, если отнестись къ дѣлу съ интересомъ, если имѣешь такой внушительный мотивъ къ изученію законовъ, какъ ежедневныя посѣщенія обиженныхъ, оскорбленныхъ, угнетенныхъ, изстрадавшихся, измученныхъ людей...

Пять лѣтъ я такъ или иначе работаю на данномъ пути. Пять лѣтъ я дѣлаю что въ силахъ для облегченія юридической безпомощности населенія. Много пережилъ я за это время и тяжелыхъ, и отрадныхъ минутъ; много видѣлъ горя людского, которое иначе было бы мнѣ недоступно; узналъ людей съ такихъ сторонъ, которыя обыкновенно бываютъ невидимыми; жизненный опытъ мой расширился за эти пять лѣтъ болѣе, нежели за всю предъидущую жизнь. И когда-нибудь я разскажу печатно хоть часть того, что мнѣ пришлось узнать въ качествѣ «подпольнаго адвоката». А теперь пока снова возвращаюсь къ рѣчи объ юридической безпомощности населенія.

Скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что дѣятельность моя въ значительной мѣрѣ парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что я—не патентованный адвокатъ. Прежде всего громадное неудобство составляетъ то обстоятельство, что я не могу являться повѣреннымъ по гражданскимъ дѣламъ. Допотопный принципъ монополіи, такъ широко примѣняемый въ

нашей жизни, свилъ себѣ прочное гнѣздышко въ судебномъ дѣлѣ, и, въ силу этого принципа, право быть повѣренными по гражданскимъ судебнымъ дѣламъ предоставлено исключительно патентованнымъ адвокатамъ. Казалось бы, достаточными преимуществами патентованной адвокатуры являются ея познанія и добросовѣстность—качества, безъ которыхъ, предполагается, человѣкъ не можетъ попасть въ ряды этой адвокатуры. Но, очевидно, не особенно надѣялись на то, что патентованные адвокаты будутъ блистать указанными качествами,—и вотъ, чтобы закабалить имъ нуждающихся въ юридической помощи, предоставили патентованнымъ адвокатамъ монополію на веденіе гражданскихъ дѣлъ. Вы можете быть самаго дурнаго мнѣнія объ адвокатахъ, можете не довѣрять наличному персоналу адвокатуры—и, тѣмъ не менѣе, если вы сами не можете вести ваше дѣло въ судѣ, то должны обращаться непремѣнно къ этимъ господамъ. На практикѣ это привело къ тому, что всѣ мелкія гражданскія дѣла, не обѣщающія надлежащаго вознагражденія, остаются безъ помощи повѣренныхъ, и бѣдняки, ведущіе такія дѣла, должны стоять въ судѣ столбами, не понимая, что имъ надо дѣлать и сплошь и рядомъ проигрывая дѣла изъ-за этого непониманія. Моя роль въ дѣлахъ такого рода волей-неволей ограничивается тѣмъ, что я пишу нужныя бумаги и даю наставленія кліентамъ, какъ имъ держать себя на судѣ, что говорить и т. д. Но, конечно, бѣдняки, не смотря на всѣ наставленія, часто теряются при судебномъ разбирательствѣ и не умѣютъ ни представить возраженій и разъясненій, ни заявить надлежащимъ образомъ своихъ требованій. Особенно плачевно бываетъ положеніе такихъ бѣдняковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда съ противной стороны является патентованный адвокатъ. Помню особенно живо одинъ случай, когда у одной моей кліентки, 70-лѣтней старухи, отнималъ при помощи присяжнаго повѣреннаго одинъ бандитъ домъ. Патентованный адвокатъ громилъ мою несчастную кліентку потокомъ юридическаго краснорѣчія, цитировалъ статьи закона, стрѣлялъ сенатскими рѣшеніями, а бѣдная старуха на все это только и могла отвѣчать: «не попустите, судьи праведные, ограбить меня, старуху». Тѣмъ не менѣе и не смотря на ограниченія, на которыя я натолкнулся въ дѣятельности этого рода, я могу сказать съ чувствомъ удовлетворенія, что и здѣсь я поработалъ не безъ пользы.

По дѣламъ уголовнымъ каждый имѣетъ право являться защитникомъ. Тѣмъ не менѣе, судьи обыкновенно относятся очень недружелюбно къ защитникамъ не изъ патентованныхъ адвокатовъ. Въ извѣстной мѣрѣ такое отношеніе и имѣетъ основаніе, такъ какъ «вольные» защитники представляютъ собою обыкновенно элементъ весьма невысокаго качества и скорѣе вредятъ, нежели приносятъ пользу защищаемымъ. Враждебность эта, къ сожалѣнію, однако, распространяется безъ разбора на всѣхъ, не имѣющихъ значка адвокатскаго, и если наши суды вообще неважно держатъ себя по отношенію къ представителямъ интересовъ подсудимыхъ,

то къ защитникамъ не изъ патентованныхъ адвокатовъ они считаютъ себя въ правѣ относиться совсѣмъ недостойно. Какъ-бы то ни было, именно такое отношеніе извѣстной части судебнаго персонала заставило меня въ послѣднее время лишь крайне рѣдко выступать въ роли защитника. И я вынужденъ и въ дѣлахъ уголовныхъ ограничиваться подачею совѣтовъ и писаніемъ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ.

За то остается широкое поприще въ дѣлахъ административныхъ. Особенно важнымъ отдѣломъ такого рода дѣятельности является составленіе жалобъ на незаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ. Жалобы такого рода соглашаются писать лишь немногіе, ибо обыкновенно опасаются непріятностей, могущихъ быть со стороны лицъ, на которыхъ приносятся жалобы, или ихъ начальства. Въ этомъ отношеніи населеніе особенно безпомощно. Сплошь и рядомъ самыя возмутительныя дѣянія разныхъ должностныхъ лицъ остаются безнаказанными просто потому, что обиженный не можетъ найти никого, кто рѣшился бы написать жалобу. Особенно это имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда совершителемъ беззаконныхъ дѣяній является лицо, занимающее болѣе или менѣе видное положеніе въ мѣстномъ обществѣ...

Какъ бы то ни было, не смотря на всякаго рода ограниченія и стѣсненія, которыя мнѣ приходится встрѣчать въ своей дѣятельности въ роли юридическаго помощника населенія, ни отъ какой другой дѣятельности (а я перепробовалъ достаточное количество разныхъ профессій) я не получалъ такого нравственнаго удовлетворенія, какъ отъ «подпольной адвокатуры». И меня давно уже занимаетъ вопросъ, почему у насъ до сихъ поръ не народился типъ народнаго адвоката. Мы видимъ людей, которые ради идеи идутъ въ народные врачеватели; видимъ людей, подвизающихся на нелегкомъ поприщѣ народнаго учителя, тогда какъ они, по своему образованію, по своимъ способностямъ, своимъ связямъ, легко могли бы найти себѣ несравненно болѣе пріятное «мѣстечко»; въ послѣднее время встрѣчаемъ людей, сѣвшихъ на землю съ цѣлью содѣйствовать поднятію сельскохозяйственной культуры среди народной массы; встрѣчаемъ, наконецъ, техниковъ, которые посвящаютъ свои знанія и свой трудъ на поднятіе кустарныхъ промысловъ. И только народныхъ юристовъ, народныхъ адвокатовъ не знаетъ наша земля.

Западно-европейская интеллигенція, которую мы такъ часто любимъ обвинять въ буржуазности, давно выставила этотъ типъ народнаго защитника и совѣтчика. Укажемъ, для примѣра, на Германію. Тамъ населеніе, конечно, неизмѣримо развитѣе нашего и потому далеко не такъ безпомощно въ юридическомъ отношеніи; къ тому же и общія условія жизни спасаютъ населеніе отъ многаго, отъ чего страдаетъ наше населеніе. И, тѣмъ не менѣе, германская интеллигенція сочла себя обязанною приходить на помощь массѣ населенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ эта масса нуждается въ юридической помощи. Достаточно упо-

мянуть о «народныхъ конторахъ», которыя учреждены почти во всѣхъ прирейнскихъ городахъ мѣстными благотворительными обществами и въ которыхъ всякій нуждающійся находитъ безплатно нужный ему совѣтъ, помощь въ составленіи юридическихъ бумагъ и вообще всякаго рода юридическое содѣйствіе. «Конторы» эти имѣютъ каждая десятки тысячъ кліентовъ ежегодно.

У насъ, конечно, нужда въ такого рода учрежденіяхъ и вообще въ юридической помощи народу, даровой или дешевой, еще болѣе настоятельна. Вспомните, напримѣръ, какія мытарства претерпѣваетъ нашъ рабочій людъ, благодаря безпорядочности дѣла выписки паспортовъ,—сколько матерьяльнаго ущерба онъ несетъ, сколько народа привлекается ежегодно къ отвѣтственности за «безписьменность», обусловливаемую запозданіемъ въ высылкѣ паспортовъ; сколько народа, въ качествѣ безпаспортнаго, пересылается ежегодно этапнымъ порядкомъ. И однако, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, только въ одномъ Екатеринодарѣ интеллигенція учредила (при мѣстномъ благотворительномъ обществѣ) контору по выпискѣ паспортовъ, пріобрѣвшую громадную популярность среди пришлаго рабочаго люда и помогающую тысячамъ людей получить паспортъ своевременно и безъ контрибуцій въ пользу старшинъ и писарей...

Нужда въ людяхъ, которые посвятили бы себя дѣятельности по удовлетворенію юридическихъ нуждъ населенія, страшно назрѣла Дѣла много, и дѣла, могущаго дать самое высокое удовлетвореніе. Я никогда ранѣе не переживалъ въ своей жизни минутъ такого высокаго счастья, какое испытывалъ нѣсколько разъ, когда мнѣ удавалось отстоять въ судѣ невинныхъ людей, такъ хитро опутанныхъ ревнителями обвиненія, что они стояли на самомъ краю пропасти и едва-едва не попали въ нее. Точно также къ счастливѣйшимъ минутамъ моей жизни должны быть отнесены и тѣ, когда мнѣ удавалось оказать противодѣйствіе самымъ разбойничьимъ попыткамъ, поддержаннымъ доблестными усиліями юридической интеллигенціи, ограбить того или иного бѣдняка. Еще большее удовлетвореніе получаешь, конечно, когда удается лишить власти недостойнаго представителя ея, пользовавшагося ею въ личныхъ интересахъ, и тѣмъ спасти населеніе цѣлой мѣстности отъ насильственныхъ дѣяній такого господина.

Да, изъ всѣхъ нуждъ, которыми такъ полна народная жизнь, нужда въ искреннихъ защитникахъ народной юридической безпомощности особенно настоятельна. И если всѣ отрасли дѣятельности на пользу темнаго народа, конечно, способны дать человѣку счастье, то дѣятельность въ данной спеціальной сферѣ особенно полезна и богата высокими наслажденіями.

Мнѣ не разъ приходилось говорить на данную тему съ юридическою молодежью. И, удивительное дѣло, пока эти господа сидятъ на университетской скамьѣ, они способны понимать всю резонность приводимыхъ имъ

доводовъ, они соглашаются съ важностью дѣла, на которое я ихъ приглашалъ; иные даже начинали мечтать о дѣятельности въ роли народнаго адвоката. Но вотъ конченъ курсъ, сданы государственные экзамены, и вчерашній радѣтель народныхъ интересовъ поступаетъ въ число кандидатовъ на судебныя должности, беретъ мѣсто въ акцизѣ или, если поступаетъ въ составъ патентованной адвокатуры, то идетъ избитою тропою, гдѣ заботятся не о пользахъ темной массы, а о размѣрахъ гонорара. Если вздумаете поговорить затѣмъ съ такимъ господиномъ о томъ, о чемъ онъ еще недавно мечталъ, то услышите отъ него самыя удивительныя рѣчи о важности его новыхъ занятій въ какой-нибудь канцеляріи или по надзору за питейными заведеніями, и лишь немногіе стыдливо укажутъ на то, что въ роли «народнаго адвоката» можно и съ голоду пропасть.

Послѣднее замѣчаніе заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ. Конечно, вопросъ о томъ, пропадетъ-ли «народный адвокатъ» съ голода или нѣтъ, можетъ быть разрѣшенъ только опытомъ. Въ свое время и врачи горько жаловались на то, что на «вольной практикѣ» въ селахъ и деревняхъ не заработаешь и на пропитаніе; опытъ, однако, совершенно опровергъ эти опасенія. Съ своей стороны, могу только сказать, что мой личный опытъ говоритъ противъ опасеній, высказываемыхъ стыдливыми мечтателями, промѣнявшими свои мечты на какое-нибудь «мѣстечко». Какъ безправный адвокатъ, адвокатъ «подпольный», я, какъ уже сказано, не могу выступать въ судахъ по гражданскимъ дѣламъ. Точно также я отклоняю большую часть предложеній о защитѣ по уголовнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, относительно адвокатскаго заработка я стою въ несравненно худшихъ условіяхъ, нежели въ какихъ стоялъ бы настоящій адвокатъ" запасшійся оффиціальнымъ званіемъ повѣреннаго. Затѣмъ я не прошу съ своихъ кліентовъ никакой платы, и большинство изъ нихъ пользуется моими услугами безплатно, а платящее меньшинство платитъ столько, сколько само хочетъ. И, тѣмъ не менѣе, я получаю отъ своихъ адвокатскихъ занятій столько, что я могъ бы жить на одинъ этотъ заработокъ, еслибы не имѣлъ другихъ источниковъ существованія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій интеллигентный человѣкъ, въ комъ не спитъ совѣсть, долженъ сознавать свою обязанность заплатить темной народной массѣ, трудъ которой обезпечиваетъ намъ возможность дѣлаться интеллигентными, работою для блага этой массы. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ и не можетъ быть выше наслажденія, нежели то, какое доставляется этою работою на пользу народныхъ массъ. Всѣ эти соображенія примѣнимы и къ людямъ, которые, по своимъ знаніямъ, своей подготовкѣ могли бы быть полезными народу именно въ качествѣ его юридическихъ помощниковъ. Но, по отношенію къ такого рода людямъ, примѣнимы еще особыя соображенія. Знакомясь съ дѣятельностью нашего судебнаго персонала—слѣдователей, чиновъ прокуратуры, судей—нельзя не поражаться полною неподготовленностью большинства изъ нихъ къ тому

высокому служенію, которое они выполняютъ. Господа эти, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не знаютъ жизни, не знаютъ людей, не обладаютъ самымъ примитивнымъ пониманіемъ человѣческой души и мотивовъ человѣческихъ поступковъ. Отсюда ихъ полное неумѣнье разобраться въ обстоятельствахъ дѣла и дать имъ надлежащую оцѣнку, отсюда совершенно неправильное направленіе ихъ дѣятельности, что обходится очень и очень дорого тѣмъ, кто имѣетъ несчастье попасть къ нимъ въ руки. Особенно тяжелое положеніе возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣмъ этимъ господамъ приходится имѣть дѣло съ представителями темной массы. Я нерѣдко, сидя на засѣданіяхъ суда, присутствовалъ при траги-комическихъ картинахъ, обусловливаемыхъ взаимнымъ непониманіемъ судебнаго персонала, съ одной стороны, и подсудимыхъ или тяжущихся и свидѣтелей—съ другой. И меня просто въ ужасъ приводила та легкость, съ которою гг. судьи, ровно ничего непонявшіе въ дѣлѣ, выносили затѣмъ приговоръ, которымъ отправляли подсудимаго въ тюрьму, арестантскія роты или даже Сибирь...

Эта неподготовленность судебнаго персонала къ его высокой миссіи и легкость отношенія къ судьбѣ лицъ, участь которыхъ зависитъ отъ этого персонала, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ неправильной постановки теперешней подготовки нашихъ судебныхъ дѣятелей. Нечего и говорить, что пока юноша проходилъ курсъ средняго и высшаго учебныхъ заведеній, онъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ ознакомиться съ жизнью и людьми. Но вотъ молодой юристъ, только-что окончившій курсъ, зачисляется въ число кандидатовъ на судебныя должности и погружается въ канцелярщину. Здѣсь онъ имѣетъ дѣло не съ живыми людьми, съ ихъ горестями и радостями, съ ихъ нуждами, съ ихъ обычнымъ поведеніемъ и поведеніемъ въ особыхъ случаяхъ, словомъ, съ ихъ жизнью, а съ бумажными «дѣлами», прошнурованными и перенумерованными, за такими-то нумерами и въ такихъ-то обложкахъ. И, послѣ обращенія въ теченіе извѣстнаго времени съ этими бумажками, рѣшительно не ознакомленный съ жизнью и людьми, такой молодой человѣкъ достигаетъ мѣста судебнаго слѣдователя или судьи и получаетъ въ свои руки страшную власть, всей серьезности которой онъ сплошь и рядомъ даже не понимаетъ. Еще менѣе онъ понимаетъ ту тяжелую нравственную отвѣтственность, которая соединена съ этою властью.

Какою прекрасною школою для всего судебнаго персонала послужила бы дѣятельность въ качествѣ «народнаго адвоката»! Здѣсь, сближаясь съ людьми, видя ихъ въ самомъ откровенномъ видѣ, юноша, будущій судья, научится понимать жизнь и людей. Онъ узнаетъ всю подноготную тѣхъ, участь которыхъ въ будущемъ онъ будетъ рѣшать. Онъ научится правильно оцѣнивать человѣческіе поступки и не будетъ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ разными предвзятыми точками зрѣнія. А главное, онъ воочію увидитъ, какое громадное значеніе для живыхъ лю-

дей имѣетъ, какъ тяжело на ихъ жизни отражается каждое, кажущееся со стороны мелкимъ и ничтожнымъ, дѣло. Впечатлѣнія, которыя онъ вынесетъ изъ непосредственнаго соприкосновенія съ людскими горестями, несчастіями, нуждами, заложатъ въ его душѣ прочный фундаментъ совѣстливаго, гуманнаго отношенія къ своимъ ближнимъ, къ тѣмъ несчастнымъ, къ той жалкой массѣ, которая теперь является предъ судьями въ видѣ безличныхъ, безразличныхъ единицъ, отличающихся другъ отъ друга только нумерами, выставленными на соотвѣтствующихъ «дѣлахъ». Эта школа подготовитъ намъ судей, которые будутъ выполнять свою миссію истинно достойнымъ образомъ и изгонять изъ судовъ тотъ мертвящій формализмъ, то безсердечное безразличіе, которыя свели «на нѣтъ» все великое значеніе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и превратили наши суды въ канцелярскія машины, не безъ основанія внушающія въ настоящее время массѣ населенія не меньшій ужасъ, нежели какой внушали нѣкогда прославленные «нижніе земскіе суды» и подобные имъ...

Я. Абрамовъ.

Изъ Грайворона, Курской губ.

Читателю рѣдко удается прослѣдить дальнѣйшую судьбу тѣхъ благихъ начинаній, которыя, становясь общеизвѣстными, пополняютъ собою въ печати рядъ «утѣшительныхъ» фактовъ и даютъ смѣлость нѣкоторымъ благодушнымъ людямъ лишній разъ замѣтить, что мы понемногу двигаемся и что «въ свое время все будетъ сдѣлано». Между тѣмъ, въ интересахъ болѣе полнаго представленія объ условіяхъ нашего общественнаго развитія, полезно было бы знать, на сколько часто эти начинанія имѣютъ лишь кратковременный успѣхъ и притомъ какой-нибудь совсѣмъ неожиданный и неутѣшительный исходъ.

Въ прошломъ году, въ одной изъ газетъ появилось краткое сообщеніе о томъ, что въ Грайворонѣ открыта воскресная женская школа: просто, ясно и утѣшительно. Но, какъ извѣстно, «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается».

Въ Грайворонѣ до послѣдняго времени не было ни одной женской школы (только истекшею осенью состоялось постановленіе объ открытіи таковой), между тѣмъ какъ земство еще въ 1892 г. озаботилось устройствомъ въ уѣздѣ нѣсколькихъ женскихъ школъ, которыя, къ слову сказать, не могли удовлетворить и половины всѣхъ желавшихъ учиться. Понятно, что мысль о необходимости женской школы и въ Грайворонѣ была прямо неизбѣжна. Въ средѣ мѣстной интеллигенціи возникло желаніе осуществить эту мысль открытіемъ воскресной школы. Послѣ нѣкоторыхъ стараній удалось повліять въ этомъ смыслѣ на городское самоуправленіе, и дума 10 сент.

1894 года постановила ассигновать необходимую сумму на учебныя пособія и отвести помѣщеніе для воскресной школы при городскомъ училищѣ. Желавшіе личнымъ трудомъ принимать участіе въ новомъ дѣлѣ (ихъ было 10 человѣкъ) поспѣшили подать инспектору прошеніе о допущеніи ихъ къ преподаванію. И такъ, открытіе въ Грайворонѣ воскресной школы, казалось, было вполнѣ обезпечено. Остановка была за инспекторомъ, со стороны котораго меньше всего ожидали какихъ-либо серьезныхъ препятствій, такъ какъ считали прямой его обязанностью содѣйствовать открытію возможно большаго числа школъ. Однако, онъ не спѣшилъ съ утвержденіемъ, а началъ длинную и мелочную переписку съ городской управой: число преподающихъ онъ ставилъ, напр., въ зависимость отъ числа комнатъ, въ которыхъ будетъ вестись преподаваніе; ему возражали и ссылались на постановку дѣла въ извѣстной харьковской воскресной женской школѣ, гдѣ въ одной комнатѣ и одновременно происходятъ занятія со многими группами; затѣмъ онъ возбуждалъ даже и такіе частные и не относившіеся къ дѣлу вопросы, какъ, напр., о наймѣ сторожа и пр. Переписка эта затянулась на нѣсколько мѣсяцевъ; прошла уже большая часть учебнаго года, а школа не открывалась. Иниціаторы этого дѣла все еще не теряли надежды и продолжали обсуждать способы веденія предполагавшейся школы; они обратились къ Х. Д. Алчевской съ просьбою о содѣйствіи и нѣкоторыхъ указаніяхъ, на что Х. Д. отозвалась очень сердечно и съ полной готовностью помочь. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ со стороны и управы, и всѣхъ участниковъ, инспекторъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, разрѣшилъ открыть воскресную школу, но о преподавателяхъ умолчалъ; начать же занятія поручилъ учителю городского училища, при которомъ должна была находиться школа (кстати сказать, учитель этотъ вовсе не заявлялъ желанія преподавать въ воскресной школѣ и никакъ не ожидалъ такой напасти). Произведенъ былъ пріемъ ученицъ (наплывъ былъ огромный, принято было только 120 чел.), отслуженъ молебенъ и послана телеграмма инспектору за подписью городского головы, предсѣдателя земской управы и др. съ просьбою о скорѣйшемъ утвержденіи преподавателей. Для всѣхъ было очевидно, что начать занятія въ воскресной школѣ одному было невозможно. Инспекторъ по-прежнему медлилъ. Но, такъ какъ теперь никто уже не сомнѣвался въ утвержденіи если не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, большинства изъ желавшихъ преподавать, было приступлено къ группировкѣ ученицъ и даже къ началу занятій. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли получается давно ожидавшаяся отъ инспектора «бумага»: къ преподаванію допущены лишь двое—псаломщикъ и учитель одной изъ земскихъ школъ, именно тѣ, которые примкнули къ дѣлу, какъ говорится, за компанію; всѣ же остальные, которые больше всего хлопотали объ устройствѣ воскресной школы, утверждены не были. Такимъ образомъ, вопросъ объ открытіи въ Грайворонѣ воскресной школы разрѣшенъ былъ совершенно неожиданно: ее не «запретили», но въ то же время и хода не дали. Заниматься втроемъ

съ 6—8 группами было невозможно, но открыто отказаться отъ занятій назначенные инспекторомъ учителя не имѣли мужества, а предпочли кое-какъ протянуть три-четыре воскресенья до окончанія учебнаго года.

Осенью же истекшаго года, инспекторъ на запросъ о воскресной школѣ подтвердилъ все-таки свое разрѣшеніе, хотя несомнѣнно, что, при теперешнихъ условіяхъ, школа эта можетъ существовать лишь на бумагѣ: ученицы уже всѣ почти разбѣжались, а занятія ведутся изрѣдка только для вида. Все это весьма неутѣшительно и далеко не такъ ясно, особенно если взять во вниманіе, что лица, выразившія желаніе преподавать въ воскресной школѣ, имѣли на это всѣ права, и неутвержденіе ихъ ничѣмъ не было мотивировано. Подобныя исторіи зачастую разыгрываются по разнымъ глухимъ и далекимъ угламъ Россіи, но о нихъ рѣдко пишутъ; не выгорѣло, молъ, дѣло—вотъ и все, о чемъ же тутъ писать, «что же тутъ есть, напримѣръ, такого поучительнаго?» Между тѣмъ, условія, при которыхъ гибнетъ громадное большинство проявленій частной иниціативы, именно поучительны. Въ этомъ отношеніи исторія съ грайворонской воскресной школой очень типична. Грайворонъ—одинъ изъ тѣхъ глухихъ уѣздныхъ городовъ, которые даютъ такой тусклый фонъ нашей общественной жизни: въ немъ считается тысячъ шесть жителей; интеллигенціи очень мало, да притомъ лучшая часть ея, не имѣя возможности установить прочной связи съ мѣстной жизнью, постоянно мѣняется въ личномъ составѣ. Лишь изрѣдка она находитъ удобнымъ заявить о своемъ присутствіи и отвѣтить на запросы мѣстнаго населенія, но, какъ доказалъ послѣдній случай, даже къ области безспорно полезныхъ дѣлъ она не можетъ приступить съ спокойной увѣренностью. И на сколько эти случаи превышаютъ въ общемъ число удавшихся попытокъ—вотъ что полезно было бы знать.

А. П—ва.

Изъ Вологодской губ.

(Страничка изъ земской жизни).

Сольвычегодское и сосѣднее съ нимъ велико-устюжское уѣздныя земства Вологодской губ. принадлежатъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ земствъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время наиболѣе энергичныхъ нападокъ на земскую народную школу, замѣнили земскія училища церковно-приходскими и свели, такимъ образомъ, всю свою дѣятельность по народному образованію къ акту простой выдачи земскихъ суммъ въ безконтрольное распоряженіе посторонняго вѣдомства. Въ журналахъ сольвычегодскаго и велико-устюжскаго уѣздныхъ земскихъ собраній есть небезъинтересныя данныя, проливающія нѣкоторый свѣтъ на эти событія недавняго прошлаго. Въ 1891 году на разсмотрѣніе сольвычегод-

скаго очередного уѣзднаго земскаго собранія управой было внесено предложеніе объ открытіи, согласно предложенію инспектора народныхъ училищъ, должности помощника учителя при одной изъ земскихъ школъ. По прочтеніи доклада объ этомъ, предсѣдатель собранія (велико-устюжскій чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, г. Лихаревъ) предложилъ, по словамъ отчета, «въ виду сокращенія расходовъ по народному образованію, не найдетъ-ли собраніе возможнымъ закрыть земскія училища въ уѣздѣ и прибавить церковно-приходскихъ школъ, съ увеличеніемъ содержанія». Предложеніе предсѣдателя было принято собраніемъ и—какъ говорится въ отчетѣ—«по всестороннемъ обсужденіи и по выслушаніи отдѣльныхъ мнѣній членовъ собранія»—было постановлено: всѣ 22 земскія училища закрыть, увеличивъ взамѣнъ ихъ число церковно-приходскихъ школъ до 40 съ ассигнованіемъ на содержаніе послѣднихъ по 150 руб. на каждую и съ передачей земскихъ училищныхъ домовъ и всего имущества упразднепныхъ земскихъ училищъ въ вѣдомство сольвычегодскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, и, наконецъ, «выразить чувства искренней признательности г. начальнику Вологодской губ. за особыя заботы и попеченіе его превосходительства о благоуспѣяніи церковно-приходскихъ школъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, прося и на будущее время не оставить своимъ попеченіемъ». Закрыть въ одно засѣданіе всѣ земскія училища, отказаться столь рѣшительно отъ дальнѣйшаго воздѣйствія на одну изъ важнѣйшихъ отраслей земской дѣятельности, просить у губернатора поддержки и заботъ о церковно-приходскихъ школахъ и въ то же время ни словомъ не заикнуться о чемъ-либо подобномъ по отношенію къ своему дѣтищу,—въ этомъ постановленіи можно усматривать демонстративное осужденіе земской школы со стороны собранія 1891 г. и признаніе несостоятельности за всей предшествовавшей дѣятельностью сольвычегодскаго земства по народному образованію. Было бы въ высшей степени интересно знать причины столь необычнаго постановленія, противорѣчащаго земскимъ традиціямъ даже такого глухого и далекаго земства, какъ сольвычегодское. Къ сожалѣнію, изъ отчета нельзя почерпнуть точныхъ свѣдѣній объ этихъ причинахъ. Правда, предсѣдатель собранія, внося предложеніе о закрытіи земскихъ школъ, мотивировалъ свое предложеніе дешевизной церковно-приходскихъ школъ. Но изъ отчета не видно, какъ отнеслось къ подобному мотиву земское собраніе. Предложеніе предсѣдателя собранія подвергалось «всестороннему обсужденію», о немъ были выслушаны отдѣльныя мнѣнія гласныхъ, но, къ сожалѣнію, въ отчетѣ нѣтъ даже хотя бы краткаго изложенія этого «всесторонняго обсужденія»; въ немъ не приведены даже резюме мнѣній каждаго изъ говорившихъ по этому поводу членовъ собранія, за исключеніемъ заявленій самого предсѣдателя, который, какъ значится въ отчетѣ, «при обсужденіи сего вопроса, выражалъ желаніе правительства и г. вологодскаго губернатора, въ виду сокращенія расходовъ земства, объ упразд-

неніи земскихъ училищъ и о замѣнѣ ихъ церковно-приходскими школами, такъ какъ послѣднія обходятся земству 100 руб., а первыя до 600 руб. въ годъ». Что собственно значитъ выраженіе отчета: «г. предсѣдатель собранія... выражалъ желаніе правительства и г. вологодскаго губернатора... объ упраздненіи земскихъ училищъ»,—было-ли это собственное мнѣніе предсѣдателя, или ему дѣйствительно было извѣстно подобное желаніе правительства и губернатора, и онъ уполномоченъ былъ открыто заявить объ этомъ на земскомъ собраніи—относительно этого изъ отчета опять-таки ничего не видно.

Въ томъ же году, по постановленію велико-устюжскаго земскаго собранія, на которомъ предсѣдательствовалъ тотъ же самый г. Лихаревъ, было упразднено, по его же предложенію, 12 земскихъ училищъ (всѣхъ было 18). За непмѣніемъ журналовъ велико-устюжскаго земскаго собранія за это время, мы не можемъ сказать, почему были закрыты не всѣ училища, а только 12, и чѣмъ собственно руководилось собраніе, оставивъ неприкосновенными въ тотъ разъ остальныя 6 земскихъ школъ. Во всякомъ случаѣ, неприкосновенность эта оказалась слишкомъ кратковременной. Въ прошломъ году, въ сессію очередного уѣзднаго земскаго собранія, состоялось рѣшеніе объ упраздненіи этихъ 6 земскихъ училищъ и о замѣнѣ ихъ церковно-приходскими школами. Но, къ счастью, на этотъ разъ постановленіе собранія потерпѣло совсѣмъ неожиданную неудачу: оно было опротестовано вологодскимъ губернаторомъ и отмѣнено, согласно опредѣленію губернскаго по земскимъ городскимъ дѣламъ присутствія. Интересны соображенія губернскаго присутствія, обосновывающія его опредѣленіе: «Въ копіи постановленія присутствія», говорится въ недавно вышедшемъ отчетѣ великоустюжской земской управы за 1893 году, «изложено слѣдующее: предсѣдатель устюжскаго уѣзднаго земскаго собранія (все тотъ же г. Лихаревъ) въ засѣданіи онаго 31 октября 1893 года, обративъ вниманіе собранія на значительное въ послѣднее время распространеніе церковно-приходскихъ школъ въ Устюжскомъ уѣздѣ и вполнѣ удовлетворительное состояніе оныхъ, указалъ собранію на своевременность, безъ ущерба развитію грамотности,-упраздненія дорого стоющихъ земскихъ начальныхъ училищъ, съ замѣною сихъ училищъ тѣми же церковно-приходскими школами. [Представитель казны, въ виду отсутствія положительныхъ данныхъ о тѣхъ результатахъ, какіе получились въ зависимости отъ количественнаго увеличенія церковно-приходскихъ школъ, высказался за сохраненіе остающихся начальныхъ народныхъ училищъ, созданныхъ благоустроенныхъ заботами земства». Однако, собраніе, не соглашаясь съ мнѣніемъ представителя казны, постановило большинствомъ 11 голосовъ противъ 5 замѣнить остальныя земскія начальныя училища церковно-приходскими, ассигновавъ на содержаніе послѣднихъ 625 руб., взамѣнъ 5.098 руб. 74 коп., расходованныхъ на земскія школы, и передавъ временно движи-

мое имущество этихъ школъ и школьныя зданія впредь до особаго постановленія въ распоряженіе устюжскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта. Но губернаторъ, «имѣя въ виду, что постановленія земскаго собранія о закрытіи земскихъ училищъ состоялись по одному лишь голословному заявленію предсѣдателя собранія о достаточности церковно-приходскихъ школъ для удовлетворенія потребности населенія въ образованіи, безъ собранія по этому вопросу данныхъ, безъ надлежащаго его обсужденія и безъ предварительнаго сношенія съ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта о согласіи послѣдняго открыть вмѣсто упраздняемыхъ земскихъ школъ церковно-приходскія»,—передалъ постановленія собранія на предварительное разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее въ засѣданіе свое пригласило директора народныхъ училищъ Вологодской губ., который заявилъ, «что въ Устюжскомъ уѣздѣ въ шести земскихъ училищахъ учебная часть была поставлена прекрасно и что при преобразованіи этихъ училищъ въ церковно-приходскія, съ уменьшеніемъ болѣе чѣмъ въ восемь разъ суммы, ассигнуемой на нихъ содержаніе, дѣло народнаго образованія въ Устюжскомъ уѣздѣ неминуемо придетъ въ упадокъ, тѣмъ болѣе, что тамошнее земство, ранѣе отпускавшее ежегодно сотни рублей на книги и другія учебныя и классныя принадлежности, нынѣ эти предметы изъ смѣты вовсе исключило, что не можетъ не отозваться вредно на успѣхѣ ученія, такъ какъ учебная часть не можетъ быть хорошо поставлена безъ учебныхъ пособій». Исходя изъ всего вышеизложеннаго, губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе постановило: рѣшеніе земскаго собранія о закрытіи земскихъ школъ отмѣнить. Такимъ образомъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ, административное учрежденіе предупредило нежелательныя послѣдствія столь необычной въ исторіи земства скупости въ расходахъ на народное образованіе и столь страннаго равнодушія къ одной изъ важнѣйшихъ отраслей земской дѣятельности, имѣвшей и въ исторіи устюжскаго земства, какъ видно изъ отзывовъ директора народныхъ училищъ Вологодской губ., свое почтенное прошлое. Но недолговременно было господство церковно-приходской школы въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Спустя три года послѣ закрытія всѣхъ земскихъ училищъ, когда, казалось, сольвычегодское земство безповоротно отказалось отъ дѣятельности по народному образованію,—земская школа вдругъ снова возрождается, и не благодаря чьему-либо вмѣшательству, а по собственной иниціативѣ земства. Помимо того, что расходы на народное образованіе не только не уменьшились, какъ это предполагалось при закрытіи земскихъ школъ, но даже увеличились (съ 12.577 р. на 14.150 руб. въ годъ), — помимо этого, замѣна земской школы церковно-приходской уже къ 1894 г. успѣла сказаться весьма нежелательными послѣдствіями для дѣла народнаго образованія въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Въ 1894 г. земская управа, указывая земскому собранію данныя отчета сольвычегодскаго епархіальнаго училищнаго совѣта объ образова-

тельномъ цензѣ учителей церковно-приходскихъ школъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ и высказываясь противъ увеличенія земской ассигновки на церковно-приходскія школы съ 14.150 руб. до 18.000 руб., о чемъ просилъ совѣтъ, говоритъ при этомъ слѣдующее: «понятно, ожидать многаго отъ такихъ педагоговъ нельзя; всѣмъ извѣстно, что церковно-приходскія школы обставлены плохо во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ, на основаніи закона 13 іюня 1884 г., должны содержаться на средства духовенства, а не земства. Сольвычегодское земство оффиціально выражается, что оно оказываетъ пособіе церковно-приходскимъ школамъ, на самомъ же дѣлѣ содержитъ ихъ всецѣло, потому что расходуетъ болѣе 14 тыс. руб., а отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта не издерживаетъ и 100 руб. Такое отношеніе земства къ церковно-приходскимъ школамъ было бы нормально, еслибы оно само не могло содержать училищъ. Но нецѣлесообразно, когда земство имѣетъ средства и въ правѣ открывать свои начальныя народныя училища лучшаго типа, по сравненію съ церковно-приходскими школами, однако, не дѣлаетъ этого, а отдаетъ деньги духовенству и предоставляетъ ему распоряжаться ими, какъ оно заблагоразсудитъ. Церковно-приходскія школы состоятъ въ полномъ завѣдываніи духовенства, а земство можетъ лишь давать имъ пособіе. Совсѣмъ не то съ начальными народными училищами. Открывъ ихъ, земство становится полнымъ хозяиномъ въ матерьяльномъ отношеніи и можетъ улучшить училища по всѣмъ предметамъ». Этотъ докладъ управы, судя по «журналамъ сольвычегодскаго уѣзднаго земскаго собранія», не встрѣтилъ ни одного принципіальнаго возраженія; только предсѣдатель собранія, сольвычегодскій податной инспекторъ, и протоіерей, предсѣдатель епархіальнаго училищнаго совѣта, находили необходимымъ, во всякомъ случаѣ, не уменьшать ассигновки на церковно-приходскія школы, такъ какъ это можетъ «разрушить существующую организацію» этихъ школъ; однако, собраніе открытой баллотировкой, большинствомъ 14 гол. противъ 4 рѣшило сократить пособіе церковно-приходскимъ школамъ на 2.500 руб. и открыть на эти средства пять земскихъ училищъ. Съ этого года сольвычегодское земство, повидимому, безповоротно рѣшило возвратиться къ прежнимъ взглядамъ въ отношеніи своей дѣятельности по народному образованію. Въ недавно минувшую сессію минувшаго года собраніемъ также заслушано нѣсколько докладовъ по народному образованію. Прежде всего собраніемъ утверждено предложеніе земской управы объ открытіи въ 1896 году еще двухъ земскихъ народныхъ училищъ. Далѣе, въ память восшествія на престолъ и бракосочетанія Ихъ Величествъ, земское собраніе постановило образовать путемъ ежегодныхъ отчисленій изъ земскихъ ссумъ по 4 тыс. въ теченіе пяти лѣтъ спеціальный фондъ подъ названіемъ: «капиталъ на нужды народнаго просвѣщенія въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ». Учрежденіе этого капитала имѣетъ цѣлью доставлять, «по постановленіямъ уѣзднаго земскаго собранія, ссуды и позаимствованія на всѣ вообще потребности, относя-

щіяся до образованія и просвѣщенія, съ условіемъ возврата таковыхъ капиталу въ назначаемые собраніемъ сроки». Фондъ этотъ можетъ оказать немалую услугу успѣху дальнѣйшаго возстановленія земскихъ училищъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Успѣхъ въ этомъ отношеніи будетъ зависѣть не только отъ желанія земства, но и отъ матерьяльныхъ средствъ его. Закрывая свои училища, сольвычегодское земство передало въ полную собственность отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта всѣ земскіе училищные дома; учебники и другія учебныя пособія, такъ что теперь земству приходится обзаводиться всѣмъ этимъ сначала, что требуетъ при открытіи каждаго новаго училища, на ряду съ постоянными новыми тратами, еще и единовременныхъ затратъ. Эти послѣднія, сами по себѣ сравнительно ничтожныя, могутъ, однако, въ суммѣ со столь крупной ассигновкой на церковно-приходскія школы значительно отяготить земскій бюджетъ. Между тѣмъ сократить эту ассигновку до нормы 1891 г. (3.200 р. въ годъ) на дѣлѣ не такъ легко, какъ было повысить ее до настоящихъ размѣровъ. При такихъ условіяхъ, спеціальный фондъ на народное образованіе сможетъ облегчать и, слѣдовательно, способствовать скорѣйшему увеличенію числа земскихъ народныхъ училищъ въ ближайшемъ будущемъ. Наконецъ, назначеніе этого фонда можетъ быть еще важнѣе для нѣкоторыхъ другихъ просвѣтительныхъ предпріятій земства. Такъ, въ минувшую сессію, постановленіемъ собранія положено начало устройству въ уѣздѣ безплатныхъ народныхъ библіотекъ, необходимое развитіе котораго потребуетъ новыхъ расходовъ. Вопросъ объ открытіи народныхъ библіотекъ, по предложенію комитета грамотности, обсуждался и въ прошлогоднюю сессію, но былъ разрѣшенъ отрицательно, въ силу того, что положеніе вещей въ уѣздѣ, созданное передачей земскихъ училищъ въ вѣдѣніе духовенства, дѣлало невозможнымъ, по мнѣнію управы, удовлетвореніе тѣхъ условій, при наличности которыхъ комитетъ соглашался снабжать земскія библіотеки книгами. Условія эти, какъ извѣстно, касаются обязательствъ земства обезпечить своими средствами или чьими-либо другими, какъ помѣщеніе для библіотекъ, такъ и содержаніе завѣдывающаго ею. Но управа тогда находила невозможнымъ открытіе библіотекъ, во-1-хъ, потому, что у земства въ то время не было ни одного зданія, въ которомъ можно было-бы помѣстить библіотеку, такъ какъ всѣхъ такихъ зданій, какъ уже выше было упомянуто, земство лишилось при закрытіи училищъ; а, во-2-хъ, по словамъ доклада управы, «для успѣшной дѣятельности библіотекъ необходимо распространеніе среди народа понятій о полезности книги. Такими распространителями и были учителя земскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, но они выбыли изъ нашего уѣзда со времени закрытія училищъ; другихъ же интеллигентныхъ силъ осталось въ уѣздѣ крайне мало». Послѣ открытія же вновь земскихъ училищъ, земская управа уже сама выступила съ предложеніемъ открыть безплатныя библіотеки при этихъ училищахъ, считая непремѣннымъ для сольвычегодскаго земства открытіе

библіотекъ въ видѣ совершенно обособленныхъ и самостоятельныхъ учрежденій, какъ это совѣтовалъ комитетъ грамотности. Собраніе, однако, сочло болѣе удобнымъ открыть, вмѣсто пяти, двѣ библіотеки, но по типу, рекомендованному комитетомъ, поручивъ управѣ представить къ будущему очередному собранію мотивированное соображеніе, въ какихъ именно пунктахъ уѣзда должны быть открыты эти библіотеки и изъ какихъ суммъ должны пополняться расходы на нихъ.

Такимъ образомъ и наша глухая сѣверная окраина приобщается мало-по-малу къ просвѣтительному движенію русскаго земства, выразившемуся особенно сильно за послѣдніе годы.

Движеніе это сказалось еще въ одномъ докладѣ сольвычегодской земской управы, непосредственно касающемся другой области земской дѣятельности, а именно: по вопросу о нуждахъ сельскаго хозяйства въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ и о мѣрахъ удовлетворенія ихъ. Докладъ вызванъ извѣстнымъ запросомъ министерства земледѣлія о средствахъ къ поднятію сельскохозяйственной промышленности и представляетъ собою отвѣтныя соображенія, рекомендованныя по этому поводу сольвычегодской земской управой, но не вполнѣ принятыя собраніемъ. Въ докладѣ своемъ управа, исходя изъ той точки зрѣнія, что «земледѣльческая промышленность тогда только и можетъ процвѣтать или хотя бы нормально функціонировать, когда она достаточно обезпечена землей и капиталомъ и когда находится въ умѣлыхъ рукахъ, въ рукахъ человѣка образованнаго вообще и по сельскому хозяйству въ особенности», излагаетъ вкратцѣ тѣ условія, какими обставлено сельское хозяйство въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. «Населеніе уѣзда», читаемъ въ докладѣ, «состоящее почти изъ однихъ крестьянъ, занимающихся исключительно сельскимъ хозяйствомъ, имѣетъ въ своемъ владѣніи весьма малое количество надѣльной земли. На 47.378 муж. и 48.493 жен. бывшихъ государственныхъ крестьянъ причитается пахотной земли только 37.585¼ дес. и сѣнокосной 40.349½ дес., на одну душу мужескаго пола первой земли—1.903¾ кв. саж., послѣдней—2.043¾ кв. саж. У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, состоящихъ изъ 9.705 муж. и 9.689 жен., находится надѣльной земли: пахотной 6.923½ дес., сѣнокосной 10.104 дес., или только 1.712 кв. саж. первой и 1 дес. 98½ с.—послѣдней на одну мужескую душу». Слѣдовательно, если при расчисленіи земли принять во вниманіе и женщинъ, окажется, что у государственныхъ крестьянъ пахотной земли приходится на одну душу 940,9 кв. саж., а у удѣльныхъ и того меньше—всего 856,7 кв. саж. Неудивительно поэтому, что у населенія Сольвычегодскаго уѣзда «хватаетъ своего хлѣба и сѣна только до января, много до апрѣля мѣсяца», а обычное питаніе его составляютъ: «хлѣбъ, похлебка-крупянка и картофель». На ряду съ крайней бѣдностью управа указываетъ на невѣжество сельскаго населенія. «Экономическая необезпеченность крестьянства, а также удаленность Сольвычегодскаго уѣзда отъ умственныхъ

центровъ не могли способствовать распространенію образованія въ народѣ». Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, по словамъ управы, «не только образованныхъ, но даже и грамотныхъ людей весьма малый процентъ; людей же, получившихъ сельскохозяйственное образованіе, не найдется въ уѣздѣ ни одного человѣка». Послѣднее обстоятельство ведетъ къ тому, что крестьяне въ уѣздѣ «до сихъ поръ обрабатываютъ свою землю допотопною деревянною сохой и косою-горбушей; усовершенствованныхъ же орудій по сельскому хозяйству не только не имѣютъ, но даже, можно сказать, и не слыхали о ихъ существованіи». Экономическая необезпеченность и невѣжество народа, «составляющаго главную платежную силу въ государствѣ», выдвигаютъ, по заявленію управы, неотложную необходимость бороться противъ упадка земледѣльческой промышленности «мѣрами экономическими и просвѣтительными». Мѣры эти управа формулируетъ въ слѣдующихъ предложеніяхъ:

«1) Необходимо нынѣ же закончить поземельное устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ, т.-е. составить и выдать имъ владѣнныя записи (объ этомъ управа изготовила особый докладъ, но предсѣдатель собранія не допустилъ его къ слушанію) и увеличить земельный надѣлъ у бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, путемъ продажи земли удѣломъ на наивозможно выгодныхъ условіяхъ или какимъ-либо инымъ путемъ.

«2) Необходимо, чтобы былъ открытъ государственный общедоступный кредитъ на всѣ виды сельскохозяйственныхъ нуждъ, а также на поддержаніе и развитіе кустарныхъ промысловъ;

«и 3) Необходимо ввести всеобщее и обязательное начальное образованіе, сдѣлать, по возможности, доступнымъ всѣмъ и каждому среднее и высшее образованіе, какъ общее, такъ и спеціальное, и, наконецъ, принять мѣры къ возможно широкому развитію сельскохозяйственнаго образованія».

Вотъ тѣ условія, при которыхъ, по мнѣнію управы, «Сольвычегодскій уѣздъ, теперь почти безграмотный, сталъ бы не въ недалекомъ будущемъ не только грамотнымъ, но и образованнымъ»; только при этихъ условіяхъ «всякая другая помощь, направленная къ улучшенію и поднятію земледѣлія, могла-бы быть дѣйствительно плодотворной и цѣлесообразной».

Докладъ этотъ, какъ сказано выше, былъ принятъ собраніемъ не полностью. По прочтеніи предсѣдатель собранія хотѣлъ сначала даже не допустить его къ обсужденію, находя, что онъ совершенно не отвѣчаетъ на вопросы, предложенные вниманію собранія. Потомъ предоставилъ собранію также высказаться по этому поводу, и послѣднее, найдя докладъ только «не вполнѣ отвѣчающимъ» на поставленные вопросы, передало его въ ревизіонную коммиссію для дополненія. Однако, изъ коммиссіи онъ вышелъ не дополненнымъ, а совершенно неузнаваемымъ: на первый планъ были выдвинуты косы и сохи, а всѣ мѣры доклада управы

или были совсѣмъ опущены, или затерялись на вторыхъ мѣстахъ. Затерялся и вопросъ о всеобщемъ начальномъ образованіи. Но надо полагать, что въ близкомъ будущемъ вопросъ этотъ будетъ обсуждаться, по примѣру земствъ другихъ губерній, и въ сольвычегодскомъ земскомъ собраніи въ видѣ самостоятельнаго земскаго мѣропріятія.

А. Ш.

Изъ Царицына.

Довольно обыкновенное по существу, но выдающееся по подробностямъ, характеризующимъ порядки нашихъ провинціальныхъ захолустьевъ, возникло у насъ дѣло по поводу столкновенія бывшаго учителя мѣстнаго приходскаго училища Попова съ членомъ мѣстной городской управы. Началось дѣло еще въ 1885 году, и, тѣмъ не менѣе, до сего времени по немъ не состоялось еще никакаго окончательнаго рѣшенія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ октябрѣ 1885 года, въ царицынское приходское училище, гдѣ былъ учителемъ Поповъ, по назначенію предводителя дворянства, прибыли два новые учителя, изъ которыхъ одинъ остановился въ квартирѣ Попова. На другой день по ихъ прибытіи, въ училище явился членъ городской управы г. Пантелѣевъ и, заявивъ, что не предводитель, а они, члены управы,—хозяева школы, потребовалъ отъ новоприбывшихъ учителей немедленнаго очищенія временно занятыхъ ими квартиръ, угрожая въ противномъ случаѣ приглашеніемъ полиціи. Обращаясь затѣмъ къ Попову, Пантелѣевъ заявилъ: «вамъ, м. г., управа дѣлаетъ замѣчаніе за то, что вы приняли въ свою квартиру учителя С—ва». На просьбу Попова—дать ему объясненія по поводу этого замѣчанія, г. Пантелѣевъ возразилъ, что управа не обязана никому давать отчета въ своихъ распоряженіяхъ и входить въ какія бы то ни было разсужденія по этому вопросу не желаетъ. На это Поповъ сказалъ, что требованіе, ничѣмъ не мотивированное, а предъявляемое только во имя того, что я такъ хочу, называется самодурствомъ, а потому онъ не можетъ допустить, чтобы управа отказалась высказать основанія своего постановленія. Этотъ отвѣтъ Попова послужилъ предметомъ жалобы управы, вслѣдствіе которой уѣздный училичный совѣтъ удалилъ Попова отъ занимаемой имъ должности. Постановленіе уѣзднаго совѣта Поповъ обжаловалъ въ губернскій училищный совѣтъ, который утвердилъ постановленіе уѣзднаго совѣта, а жалобу Попова оставилъ безъ послѣдствій. Дѣйствія обоихъ совѣтовъ Поповъ обжаловалъ сенату. Сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, 12 декабря 1888 года, нашелъ, что уѣздный училищный совѣтъ подвергъ Попова, безъ законнаго къ тому повода (ст. 18 и 24 Полож. о народ. уч.), одной изъ высшихъ мѣръ административнаго взысканія, т.-е. уда-

ленію отъ должности, за дѣяніе, характеръ котораго по отношенію къ служебному положенію Попова совѣтомъ не былъ выясненъ. Въ виду этого сенатъ призналъ неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ постановленіе, какъ уѣзднаго совѣта, такъ и губернскаго, которымъ жалоба Попова оставлена безъ послѣдствій, и указомъ отъ 5-го мая 1889 года предписалъ губернскому совѣту постановить новое опредѣленіе на указанныхъ имъ, сенатомъ, основаніяхъ. Губернскій училищный совѣтъ отступилъ отъ порядка, указаннаго ему сенатомъ, и передалъ дѣло на новое разсмотрѣніе уѣзднаго училищнаго совѣта. Такое его дѣйствіе Поповъ опять обжаловалъ въ сенатъ. Послѣдній новымъ указомъ предписалъ губернскому училищному совѣту о точномъ исполненіи имъ указа отъ 5-го мая 1889 года. Во исполненіе этихъ указовъ 20 августа 1890 г. состоялось засѣданіе саратовскаго губернскаго училищнаго совѣта, который нашелъ, что Поповъ, «въ виду его дѣйствій и оскорбительнаго отзыва о лицахъ, входящихъ въ составъ училищнаго совѣта и городской управы, является положительно нежелательнымъ и вреднымъ учителемъ, какъ педагогъ и воспитатель; почему просьба городской управы объ удаленіи учителя Попова изъ училища, содержимаго на городскія средства, представляется заслуживающею полнаго уваженія». На это постановленіе саратовскаго губернскаго училищнаго совѣта Поповъ принесъ жалобу правительствующему сенату, въ коей просилъ означенное постановленіе губернскаго совѣта отмѣнить, какъ неправильное, въ виду того, что губернскій совѣтъ, согласно указу правительствующаго сената, долженъ былъ ограничиться разсмотрѣніемъ правильности обусловленнаго имъ постановленія царицынекаго уѣзднаго училищнаго совѣта, состоявшагося 7 февраля 1886 года, объ увольненіи его, просителя, отъ должности, на указанныхъ правительствующимъ сенатомъ основаніяхъ, но не входить въ обсужденіе дѣйствій его, просителя, по включенію въ подаваемыхъ имъ прошеніяхъ рѣзкихъ выраженій, тѣмъ болѣе, что дѣйствія эти имъ совершены по увольненіи его уже отъ должности учителя и, слѣдовательно, обсужденію совѣта не подлежали. Повторяя, затѣмъ, доводы, приведенные имъ въ первоначальныхъ своихъ прошеніяхъ правительствующему сенату, о неправильности обжалованнаго имъ постановленія царицынскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отъ 7 февраля 1886 года, объ увольненіи его отъ должности учителя царицынскаго 4-го мужскаго училища, Поповъ просилъ отмѣнить также и означенное постановленіе царицынскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. На это со стороны сената 8-го іюля 1891 года послѣдовало такое опредѣленіе: «вновь строго подтвердить саратовскому губернскому училищному совѣту, подъ опасеніемъ отвѣтственности по ст. 330 улож. о наказ., о точномъ исполненіи указа правительствующаго сената отъ 5-го мая 1889 года». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ приказалъ настоящее рѣшеніе его объявить Попову по мѣсту его жительства. Послѣднее распоряженіе сената, однако, было исполнено только по

истеченіи двухъ съ половиной лѣтъ, и то послѣ подтвердительнаго указа сената, вслѣдствіе новой жалобы Попова. Сенатъ, принимая во вниманіе, что саратовской администраціей не было принято никакихъ мѣръ къ точному исполненію указа правительствующаго сената отъ 8-го іюля 1891 года за № 8905, объ объявленіи содержанія его просителю и послѣ того, какъ послѣднимъ была подана губернатору, для представленія въ правительствующій сенатъ, жалоба на необъявленіе ему означеннаго указа правительствующаго сената, и не смотря на то, что жалоба эта, поданная просителемъ 31 октября 1892 года, представлена въ правительствующій сенатъ лишь 16-го февраля 1893 года, т.-е. по истеченіи болѣе трехъ съ половиной мѣсяцевъ; принимая во вниманіе, что саратовскій губернаторъ, представивъ въ сенатъ при рапортѣ отъ 13-го августа 1893 года новую жалобу Попова, не представилъ при этомъ сенату надлежащихъ по содержанію оной свѣдѣній и объясненій саратовскаго губернскаго училищнаго совѣта, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: указавъ г. губернатору на допущенную имъ въ этомъ дѣлѣ неправильность и медленность, возвратить ему жалобу Попова для представленія по содержанію ея свѣдѣній и объясненій отъ губернскаго училищнаго совѣта. Доставлены-ли сенату эти свѣдѣнія и какое рѣшеніе его состоялось по этому дѣлу—неизвѣстно. Неизвѣстно это и самому Попову. А между тѣмъ времени прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, и то или другое рѣшеніе несомнѣнно должно было состояться. Такая проволочка, живо напоминающая обычные порядки до-реформеннаго времени, казалось бы, должна отойти въ область преданій, однако, ей нашлось мѣсто и въ наши дни. Какъ все это отзывается на г. Поповѣ, едва-ли нужно говорить.

По поводу внутреннихъ вопросовъ.

Отчасти по статьямъ, печатающимся въ журналахъ, отчасти по статьямъ, присылаемымъ въ редакціи со стороны, по письмамъ, которыя пишетъ знакомый и незнакомый читатель авторамъ тѣхъ или иныхъ статей и хроникъ, по сочувствію или несочувствію, какое въ нихъ высказывается, и по вопросамъ, какіе ставятся, всегда можно до извѣстной степени судить о настроеніи, интересахъ и направленіи общественной мысли, не всего, конечно, общества, а той его части, которая стоитъ ближе къ литературѣ, читаетъ, ищетъ въ ней удовлетворенія духовной жажды и разрѣшенія разныхъ вопросовъ, думаетъ о нихъ и сама пытается ихъ разрѣшать литературнымъ путемъ. Не скажу, чтобы общее впечатлѣніе, получаемое при этомъ, было благопріятно. Въ присылаемой беллетристикѣ преобладаетъ безъ-

идейность и вычурность свѣтской жизни и чувствъ; описываются частные случаи любви и ревности разныхъ пошехонскихъ графинь и графовъ или просто дамъ и кавалеровъ, до акцизныхъ чиновниковъ включительно, пикники, ландшафты, курорты, студіи скульпторовъ и художниковъ, ищущихъ новую красоту, семейные раздоры, несправедливыя духовныя завѣщанія и драматическія положенія отъ неполученія наслѣдствъ, зубныя боли, чахотки и первныя горячки отъ супружескихъ измѣнъ и разочарованій и т. д. Какъ лѣтъ 15—20 тому назадъ преобладала беллетристика изъ народнаго быта, такъ теперь преобладаетъ беллетристика свѣтская, совершенно изолированная отъ народной жизни. Самое большое, что дѣлаютъ герои и героини, это устраиваютъ школы и хорошо обращаются съ мужикомъ. Люди влюбляются, женятся, страдаютъ, дрожатъ, а ради чего и къ чему все это—неизвѣстно. Физіологія и психологія Пошехонья не представляетъ буквально никакого интереса, не смотря даже на встрѣчающуюся иногда сочность красокъ, тонкость анализовъ и вообще недурную литературную технику, а когда краски, какъ это бываетъ зачастую, походятъ на тѣ, которыми разрисовываются сундуки и комоды, когда замыселъ и содержаніе произведеній не простираются дальше плохихъ подражаній извѣстнымъ образцамъ или изображенія праздныхъ эмоцій, а авторы при этомъ страдаютъ еще безграмотностью, то и совсѣмъ становится тошно. Почти то же самое и въ такъ называемыхъ серьезныхъ статьяхъ: прежде преобладали статьи по педагогикѣ, естествознанію, статистикѣ, этнографіи, политикѣ и политической экономіи, статьи, хотя порою и наводившія скуку своею детальностью, но все-таки касавшіяся живыхъ явленій и интересовъ общенародной жизни, а теперь преобладаютъ статьи по эстетикѣ, искусствамъ, личной этикѣ, самоанализу и самоопредѣленію, о связи искусствъ съ науками, о классификаціи наукъ и т. п., при чемъ даже изобиліе статей объ экономическомъ или историческомъ матерьялизмѣ (точно это вопросъ совсѣмъ новый) отличается склонностью къ замѣнѣ живыхъ людей и отношеній отвлеченными схемами и категоріями. Словомъ, и тутъ видно такое же стремленіе къ самодовлѣющимъ интересамъ собственнаго культурнаго существованія. Въ статьяхъ практическаго характера культурный человѣкъ пишетъ вамъ о страхованіи имуществъ и урожаевъ, о сельскохозяйственномъ кризисѣ и мѣрахъ къ поднятію хлѣбныхъ цѣнъ, о задолженности замлевладѣнія, о сельско-хозяйственномъ винокуреніи, о тягости акцизовъ для сахарнаго производства, о недостаточности разныхъ поощрительныхъ мѣръ, содѣйствій и кредита, о недостаткѣ простора для дѣятельности, о соединеніи извѣст-

ныхъ торговыхъ пунктовъ рельсами, о подъѣздныхъ путяхъ и т. д. При этомъ, конечно, вездѣ фигурируютъ и народные интересы, но вы ясно видите, что дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, что культурный человѣкъ просто самъ жить хочетъ. Ничего въ этомъ неестественнаго и худого нѣтъ. Худо только, когда онъ начинаетъ игнорировать, обособлять и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ вопросахъ юридическихъ, противуполагать свои интересы народнымъ. Ничего нѣтъ худаго, напр., въ томъ, что въ Саратовѣ возникаетъ, по словамъ «Волгаря», союзъ сельскихъ хозяевъ для переработки хлѣба въ муку и продажи ея безъ посредниковъ; но совсѣмъ неправильно, когда тѣ же саратовскіе землевладѣльцы отъ лица земства ходатайствуютъ передъ министерствомъ финансовъ о томъ, чтобы закупки хлѣба для казны производились крупными партіями (до 50 т. пуд. въ одномъ хозяйствѣ). Они знаютъ, что покупка хлѣба для казны есть мѣра искусственная, которая большихъ размѣровъ принять не можетъ, что существеннаго вліянія на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ ждать отъ нея нельзя и что предпринимается она, главнымъ образомъ, для поддержки мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ, на которыхъ паденіе цѣнъ, при необходимости срочныхъ податныхъ платежей, отзывается наиболѣе губительно. Отпускаемыхъ на этотъ предметъ суммъ и безъ того мало, а если онѣ будутъ идти на покупку хлѣба въ крупныхъ экономіяхъ, то крестьянскій хлѣбъ не минуетъ тѣхъ же скупщиковъ, и вся выгода крестьянъ будетъ ограничиваться только тѣми полукопѣечными надбавками, какія они заблагоразсудятъ, подъ давленіемъ указанной мѣры, дѣлать. Правильно, что саратовскій союзъ или общество сельскихъ хозяевъ ставитъ дѣло на широкую ногу: откроетъ свои дѣйствія только при составѣ такого числа членовъ, когда общая сумма ихъ посѣвовъ составитъ 300 т. десятинъ, предполагаетъ устроить большую паровую мельницу и т. д., но, устанавливая правило, что «наименьшій размѣръ посѣва, для пріобрѣтенія права быть членомъ, долженъ быть 50 казенныхъ десятинъ» («Бирж. Вѣд.», № 1, 1896 г.), онъ, очевидно, не допускаетъ къ участію крестьянъ и тѣмъ самымъ превращается въ простой синдикатъ аграріевъ. Узнавая, что синдикальная мельница будетъ перерабатывать не одинъ только свой хлѣбъ, а и покупаемый со стороны, мы узнаемъ, что синдикатъ будетъ заниматься и торговыми операціями, т.-е., по всей вѣроятности, скупать по дешевымъ цѣнамъ крестьянскій хлѣбъ. Все это дѣлаетъ саратовское предпріятіе гораздо менѣе симпатичнымъ, чѣмъ еслибы оно носило народный или общеземскій характеръ, и симпатіи эти нисколько не увеличиваются тѣми 5%, какіе предполагается отчислять изъ чистой прибыли на

устройство въ Новоузенскомъ уѣздѣ сельскохозяйственнаго и ремесленнаго училища. Южане откровеннѣе. Тамъ тоже образовалась группа хозяевъ, организовавшая южно-русское общество поощренія земледѣлія, которое, узнавъ, что въ нынѣшнемъ году для нуждъ одесскаго военнаго округа потребуется весьма значительное количество ржи и что военное вѣдомство, какъ заявилъ его представитель на недавно закрывшемся сельскохозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ, намѣрено дѣлать закупки хлѣба для войскъ непосредственно у хозяевъ, по возможности, изъ первыхъ рукъ, тотчасъ же постаралось войти «въ соглашеніе съ главнымъ управленіемъ интендантства о поставкѣ всего потребнаго количества ржи». «Представитель этого синдиката въ Одессѣ, г. Коссацкій, какъ сообщаетъ та же газета, предлагаетъ въ настоящее время, отъ лица этого общества, поставить интендантству все потребное количество ржи лучшаго качества на нѣсколько копѣекъ дешевле противъ объявленной подрядчиками цѣны» (ib. № 7, 1896 г.). Это называется спѣшить съ ложкою къ кашѣ и расталкивать локтями слабыхъ.

Я могъ бы привести не мало такихъ, въ сущности, невинныхъ примѣровъ, но которые, однако, въ общей своей суммѣ слагаются въ самую непріятную атмосферу, въ которой не видно руководящихъ высокихъ принциповъ и не разберешь, кто куда идетъ, кто чего желаетъ, кто правъ, кто виноватъ. Мы уже указывали на раздававшіяся съ разныхъ сторонъ сѣтованія, что мужикъ надоѣлъ въ литературѣ. Точно также и теперь еще можно услышать не только изъ ретроградnаго, но и изъ либеральнаго лагеря, что народничество есть доктрина узная, давно уже, будто бы, пережитая и брошенная Европой, какъ старый башмакъ, что есть точки зрѣнія повыше и горизонты пошире, которыхъ должно держаться культурное общество, охраняя знамя искусства и науки отъ варварства. Смѣемъ думать, что не только въ Европѣ, но даже въ Америкѣ есть соотвѣтственныя народническимъ доктрины, которыя, сообразно историческимъ условіямъ разныхъ странъ, лишь нѣсколько видоизмѣняются и иначе называются, и что представители ихъ не только не отрицаютъ науки и искусства, а напротивъ, чтутъ ихъ и уважаютъ, какъ высшее выраженіе человѣческаго духа и вѣрное средство дальнѣйшей культуры; порицаютъ же только условія, дѣлающія ихъ не всѣмъ доступными, да тѣ практическія примѣненія, когда онѣ являются предлогомъ или орудіемъ эксплуатаціи и позволяютъ эксплуатирующимъ смотрѣть на эксплуатируемыхъ, какъ на нѣчто низшее и для того только и предназначенное. Нѣтъ такихъ точекъ зрѣнія и горизонтовъ, которые давали бы кому-нибудь право смотрѣть на другого че-

ловѣка, какъ на быдло, пригодное развѣ только для перевозки произведеній искусствъ и науки; нѣтъ такой науки и искусства, которыя по самой своей сущности обрекали бы массу на вѣчную темноту и обездоленное существованіе; скажемъ больше: когда онѣ отрываются отъ широкихъ общечеловѣческихъ задачъ и идеаловъ и дѣлаются исключительнымъ достояніемъ небольшихъ замкнутыхъ группъ, то ихъ ростъ, процвѣтаніе и значеніе уменьшаются, падаютъ. Равнымъ образомъ и относительно экономическихъ и юридическихъ правъ: если они пріобрѣтаются какою-нибудь группою не въ ущербъ большинству и, напротивъ, имѣя въ виду и его положеніе, то кому можетъ придти въ голову недружелюбно относиться къ подобному стремленію; но если эта группа будетъ всюду спѣшить съ своею большою ложкою и расталкивать слабыхъ, если она будетъ не только забывать объ ихъ положеніи, но и ухудшать его, то ничего нѣтъ удивительнаго, что и со стороны слабыхъ возникнетъ, наконецъ, недовѣріе къ ея намѣреніямъ; и тутъ я опять скажу: даже больше— самыя почтенныя стремленія какихъ-нибудь отдѣльныхъ группъ, если онѣ игнорируютъ интересы большинства и не проникнуты идеями справедливости и духомъ вѣка, превращаются въ стремленія къ привиллегіямъ, съуживаются и не могутъ разсчитывать на значительный и прочный успѣхъ. Между тѣмъ много-ли у насъ было со стороны общества голосовъ за юридическое положеніе крестьянъ, за уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, за уравненіе ихъ участія въ земской дѣятельности и въ земскихъ собраніяхъ, за полноправную ихъ роль въ неоднократно возникавшихъ проектахъ всесословной волости и т. п., не смотря на самые убѣдительные факты ихъ общественной зрѣлости и способности къ самоуправленію (см., напр., постановку народнаго образованія и медицинской части въ такихъ крестьянскихъ земствахъ, какъ бердянское, вятское и др.); напротивъ, въ то время, какъ наиболѣе образованная и лучшая часть общества, тяготясь общими условіями своего положенія, уходила отъ задачъ жизни съ арены общественной дѣятельности и предавалась домашнимъ занятіямъ, въ родѣ хозяйства, музыки и диллетантскаго перелистыванія наукъ, выступали противоположные элементы съ ихъ дореформенными идеями и буржуазными стремленіями и домогались еликовозможнаго сокращенія мужика. Въ то время, какъ тѣ разыгрывали сонаты Бетховена, мужика драли въ волостныхъ правленіяхъ. И добро бы еще, еслибы что-нибудь путное было въ это время сдѣлано, но вѣдь въ дѣйствительности рѣшительно ничего не было сдѣлано, и вкладъ нашъ въ европейскую науку и литературу остается, по-прежнему, ничтожнымъ.

Европа знаетъ три-четыре нашихъ научныхъ имени да нѣкоторыя лучшія произведенія нѣсколькихъ «талантливыхъ беллетристовъ», а остальное для нея не ново и не интересно также, какъ и философскіе труды г. Нотовича, съ которыми онъ самъ насильственно знакомитъ европейскихъ ученыхъ. Даже въ предѣлахъ домашняго творчества и мышленія трудно указать на что-нибудь выдающееся и оригинальное, если не считать неудачныхъ попытокъ выразить музыкой краски, движеніе и рѣчь, а риомованной рѣчью—цвѣта и тѣни, да безплодныхъ усилій одной журнальной спекуляціи, много лѣтъ, во что бы то ни стало, тащащейся открыть новый, высшій горизонтъ мысли, но въ концѣ-концовъ ничего новѣе Спинозы и Канта не открывшей. Мы не говоримъ о скромныхъ, почтенныхъ трудахъ по статистикѣ, исторіи, экономикѣ и другимъ областямъ знанія, которые и сами не претендуютъ на новое слово въ наукѣ, что, впрочемъ, нисколько не лишаетъ ихъ почтенности. Если принять во вниманіе, что нѣсколько именъ, вписанныхъ въ европейскую науку,—имена не новыя, а старыя, то мы ясно увидимъ, какъ этого мало для существующаго столько лѣтъ сто-двадцатимилліоннаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ поймемъ, насколько намъ необходимо не диллетански, а серьезно работать и въ этомъ направленіи; при этомъ же опять выступаетъ все тотъ же роковой вопросъ объ обновленіи и увеличеніи нашихъ умственныхъ силъ, о недостаточности умственныхъ работниковъ, объ открытіи для народа доступа не только къ низшему, но и къ высшему образованію; а для этого опять-таки нужны не только ясное сознаніе необходости этого, но и болѣе высокій подъемъ гражданскаго духа. Мы могли бы перечислить цѣлый рядъ европейскихъ ученыхъ, вышедшихъ не изъ высшаго, а изъ низшихъ классовъ, а съ другой стороны цѣлый рядъ крупныхъ ученыхъ, которымъ научныя занятія нисколько не мѣшали принимать самое дѣятельное участіе въ общественной жизни, точно также, какъ это участіе, въ свою очередь, нисколько не мѣшало ихъ научнымъ занятіямъ. Но насколько наше общество способно понять необходимость такой широкой постановки народнаго образованія? Къ сожалѣнію, мы въ этомъ сомнѣваемся. Мы до сихъ поръ еще не объединились на вопросахъ элементарнаго образованія, а затѣмъ для этого необходимо измѣненіе основного взгляда на мужика и его юридическое положеніе. Вотъ почему мы и придаемъ такое большое значеніе этому послѣднему вопросу: это первая строка, первое положеніе соціальной ариѳметики, безъ котораго дальше нельзя идти. Особенно же важенъ этотъ вопросъ въ настоящую минуту потому, что его выдвигаетъ и ставитъ ребромъ сама жизнь: читатель, вѣроятно, знаетъ, что у насъ работали и продолжаютъ

еще работать мѣстныя коммиссіи по пересмотру крестьянскаго положенія 1861 года, что часть работъ этихъ коммиссій уже начала поступать въ высшія учрежденія и будетъ въ нихъ разсматриваться; что вопросъ о сельскомъ уставѣ также давно уже ставится на очередь, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова возникаетъ вопросъ о всесословной волости (на московскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ); одновременно съ этимъ газеты говорятъ о готовящемся пересмотрѣ положенія о земскихъ начальникахъ, о новыхъ перемѣнахъ въ волостномъ судѣ и т. д. Словомъ, отъ мужика, какъ отъ природы, не убѣжишь, и человѣку образованному и любящему отечество и не слѣдуетъ отъ него убѣгать; не слѣдуетъ не въ силу одной только притчи о пастырѣ, который долженъ наблюдать, чтобы не пришелъ волкъ и не распудилъ овцы, а и въ силу собственнаго высшаго культурнаго интереса, ибо юридическое положеніе крестьянъ тѣснѣйшимъ образомъ вяжется съ его положеніемъ.

Между прочимъ, не могу не привести удивительнаго мнѣнія, высказаннаго на новый годъ кн. Мещерскимъ о законности, о законности вообще, какъ основномъ принципѣ общественности, безотносительно къ какимъ-либо постороннимъ мечтаніямъ.

Вѣщее слово этого кита отечества будетъ раздаваться теперь не ежедневно, а только два раза въ недѣлю, но, судя по первымъ №№ обновленнаго «Гражданина» и тому небывалому эпилептическому припадку, который вызвало въ князѣ слово законность, можно думать, что мы будемъ имѣть дѣло съ его идеями въ сгущенномъ, концентрированномъ видѣ. Это будетъ, такъ сказать, экстрактъ, безводный спиртъ.

Нѣкоторыя газеты («Нов. Время» и «Бирж. Вѣд.») выразили, по поводу назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Горемыкина и товарищемъ къ нему г. Неклюдова, надежду, что они, какъ юристы, будутъ, вѣроятно, блюсти законность.— Что?! воскликнулъ кн. Мещерскій, — законность?! Какую такую законность!? И пошелъ:

«Во всѣхъ органахъ печати, какъ лозунгъ, раздалось слово *«законность»*,— не хотятъ-ли вожаки нашей либеральной интеллигенціи опять колебать государственный миръ и государственный порядовъ.

«Этотъ фактъ провозглашенія культа законности въ органахъ нашего общественнаго мнѣнія мы считаемъ опасною попыткою вносить смуту въ русскую умственную жизнь, и посягать на единодержавную силу Царскаго Самодержавія, и протестуемъ противъ введенія культа *законности*, какъ равносильнаго Самодержавію начала...»

Но особенно хорошъ конецъ:

«У подножія горы заходили тучи, отъ нихъ вѣетъ неправдою, отъ нихъ темно

и холодно... И вотъ изъ этихъ-то тучъ, какъ зловѣщіе раскаты отдаленнаго грома, раздается слово: законность!..

«Да умолчитъ это слово.

«Развѣ вы не знаете и не помните, безумцы, что во имя *законности* было Версальское собраніе, что во имя *законности* было взятіе Бастиліи, что во имя *законности* было Учредительное Собраніе, что во имя *законности* Робеспьеръ и Мюратъ (?) стали на мѣсто казненнаго короля Франціи?!..»

Угостило также для новаго года кн. Мещерскаго и Императ. Вольн. Экон. Общество своимъ ходатайствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Ходатайство это онъ называетъ дерзкимъ, незаконнымъ и говоритъ:

«Всякая строка дышетъ дерзостью и ложью...

«И какая наглость: приписывать себѣ роль въ освобожденіи крестьянъ и на этомъ самозванномъ признаніи основывать свое право: требовать отмѣны тѣлеснаго наказанія... Въ самомъ дѣлѣ, не вѣришь глазамъ своимъ, не вѣришь тому, что мы дожили до такихъ дней, когда собранія, общества—вопреки закону—занимаются обсужденіемъ вопросовъ, какіе имъ вздумаются... Да гдѣ же тѣ предсѣдатели собраній, которые должны, на основаніи закона, запрещать собраніямъ заниматься непредоставленными имъ закономъ вопросами, или ихъ призваніе быть автоматами и безотвѣтными?»

А «Нов. Время» подлило еще масла въ огонь сообщеніемъ, что въ связи съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній находится, будто бы, и вопросъ объ отдѣленіи отъ «земскихъ начальниковъ судебныхъ функцій...» Князь только-было успокоился и пожелалъ «этимъ труженикамъ земли русской и сѣятелямъ добраго сѣмени» на новый годъ новой силы душевной, «и власти», и успѣха, какъ вдругъ это сообщеніе! «Либералы проговорились, планъ ужъ черезчуръ ясенъ», крикнулъ онъ, и опять начался ужасный припадокъ—знаки восклицанія, путаница словъ, потеря памяти и пѣна многоточій. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно, а потому можно будетъ посмотрѣть, дѣйствительно-ли законность, не въ мещерскомъ, а въ общеупотребительномъ смыслѣ, такое большое зло и совсѣмъ не нужна намъ? Вотъ что читаемъ мы въ томъ же № 1 «Гражданина»: въ Сарапулѣ цѣлыхъ шесть человѣкъ ни въ чемъ неповинныхъ туристовъ полиція приняла за жуликовъ, высадила съ парохода и отвела въ участокъ, разсказывая по дорогѣ встрѣчнымъ, что они «карманщики». Кн. Мещерскій смѣется надъ «душевными страданіями», какія они испытывали, и называетъ это приключеніе комическимъ. А надъ слѣдующимъ сообщеніемъ не смѣется ужъ и онъ, опуская, впрочемъ, указаніе мѣста происшествія и судебнаго разбирательства.

«Нѣкто Прохоровъ былъ заподозрѣнъ въ кражѣ 25 руб. изъ шкатулки въ домѣ своего однодеревенца Сидорова. Приглашенный, въ виду этого, Сидоровымъ урядникъ Лушновъ началъ дознаніе о кражѣ съ того, что далъ двѣ пощечины Прохорову и крикнулъ ему: «отдавай деньги!» Когда же Прохоровъ сказалъ.

что къ этой кражѣ онъ не причастенъ, Лупповъ схватилъ его за волосы и головою сталъ бить такъ сильно, что кирпичи отваливались. Затѣмъ Прохоровъ былъ раздѣтъ до нага и поставленъ колѣнками на горохъ. При этомъ въ руки ему давали держать миску съ водой, чтобы онъ грузнѣе стоялъ, кирпичи и т. п., и стегали его по заднимъ частямъ тѣла шерстобитной струной. Истязуемый кричалъ, плакалъ и просилъ отпустить его. Но на всѣ эти просьбы ему отвѣчали требованіемъ объявить, куда спрятаны похищенныя деньги. Наконецъ, Прохоровъ, чтобы избавиться отъ побоевъ, сказалъ, что деньги дѣйствительно укралъ у Сидорова, но передалъ ихъ на сохраненіе брату своему. Когда же къ нему былъ приведенъ братъ, онъ заявилъ, что зря оговорилъ его. Тогда Прохорова связали голаго, подвѣсили подъ потолокъ и стали бить палкамм по пяткамъ. Такимъ же истязаніямъ была затѣмъ подвергнута и жена Прохорова; ее также раздѣли до нага и, подвѣсивъ подъ потолокъ, стегали по голому тѣлу нагайкой и били палкой по пяткамъ. Потомъ, когда истязуемые съ цѣлью хотя на время избавиться отъ причиняемыхъ имъ мученій, объявили, будто деньги спрятаны на дворѣ, ихъ совершенно голыхъ выгнали на дворъ искать похищенное. Наконецъ, безобразіе это возмутило аристовскихъ крестьянъ, которые, собравшись передъ дворомъ Прохорова толпою, отняли жену его изъ рукъ истязателей. Что же касается Прохорова, то Лупповъ не согласился отпустить его и продолжалъ надъ нимъ истязанія вмѣстѣ съ Сидоровымъ и сосѣдомъ его Кукшиновымъ. Доведенный этими мученіями почти до потери разсудка, Прохоровъ вырвался отъ своихъ истязателей и, убѣгая отъ нихъ, бросился въ колодезь, глубиною до 4 саженей. Оттуда его вытащили крестьяне еще живымъ и отвезли вмѣстѣ съ женою въ больницу».

Законно все это или нѣтъ? И гдѣ же тѣ «сѣятели добраго сѣмени, труженики Земли русской», «отцы своихъ участковъ», «обсаживающіе села и деревни деревьями» и «вводящіе общественныя запашки», и почему они всего этого не знаютъ или допускаютъ? Не находится-ли въ нѣкоторой связи съ этимъ и тотъ идеалъ, который для нихъ рисовалъ и продолжаетъ рисовать тотъ же кн. Мещерскій, находя прекраснымъ, что они «безъ церемоніи и волокиты судебной прикажутъ разложить (человѣка) и выдрать», благодаря чему «бывшіе кляузники и свидѣтели сразу потеряли охоту судиться» (ibid.). Идеалъ всегда ищетъ воплощенія, а примѣръ вызываетъ подражаніе. Какъ кратко: «вытащили еще живымъ изъ колодца и отвезли вмѣстѣ съ женою въ больницу». А въ больницахъ также иногда бьютъ самымъ безчеловѣчнымъ боемъ, какъ это разсказывается въ томъ же «Гражданинѣ» со словъ д-ра Штейнберга, сообщившаго въ «Сарат. Листкѣ», что при вскрытіи трупа одного крестьянина, умершаго въ саратовской больницѣ, былъ обнаруженъ «переломъ грудной кости и почти всѣхъ реберъ», при чемъ нѣкоторыя ребра были переломлены даже въ трехъ мѣ-

стахъ. При разсмотрѣніи недавно кассированнаго и переданнаго сенатомъ на разсмотрѣніе другого суда извѣстнаго мултанскаго дѣла были обнаружены слѣдующіе пріемы и способы дознанія: свидѣтель К. Моисеевъ давалъ свои показанія подъ кнутомъ; у свидѣтеля М. Титова показанія были вынуждены «побоями, подвѣшиваніемъ, стрѣляніемъ изъ ружья»... Становой приставъ Шмелевъ «нѣкоторыхъ вотяковъ морилъ безъ питья, чтобы вынудить у нихъ нужныя ему показанія». Тотъ же г. Шмелевъ прибѣгалъ на дознаніи къ какой-то «медвѣжьей присягѣ», пользуясь суевѣріями темныхъ людей. Медвѣжье чучело для этого языческаго обряда любезно было доставлено къ услугамъ пристава мѣстнымъ земскимъ начальникомъ («Нов. Обозр.» 5 янв. 1896 г.).

Приведемъ еще слѣдующій фактъ. Въ той же Вятской губ., крестьянинъ дер. Яковлева, Елабуж. у., Чернышовъ отправился по какому-то дѣлу въ дер. Новую Мурзинку, выпилъ тамъ и домой не возвратился. Стали искать его на другой день, но не нашли и рѣшили, что, по всей вѣроятности, онъ гдѣ-нибудь замерзъ, такъ какъ въ это время былъ «жестокій буранъ». Елабужскій же исправникъ, на основаніи дошедшей до него «народной молвы», рѣшилъ, что тутъ должно быть убійство и началъ дознаніе. При обыскѣ въ домѣ мельника Денисова, къ которому ходилъ Чернышовъ за полученіемъ 1 рубля, были усмотрѣны на полу въ сѣняхъ «подозрительныя пятна», какъ будто кровяныя. Привлекли поэтому Денисова, а такъ какъ у Денисова былъ еще хорошій знакомый Борисовъ, съ которымъ пировалъ покойный, то привлекли и Борисова. Затѣмъ былъ привлеченъ еще крестьянинъ Фуженковъ, къ которому заходилъ Чернышовъ. Словомъ, всѣ убійцы были налицо, недоставало только собственнаго сознанія.

«И «полицейское дознаніе» и его добыло. И Денисовъ, и Борисовъ, и Фуженковъ, находясь въ елабужской полиціи и въ исключительномъ распоряженіи елабужскихъ полицейскихъ, въ концѣ концовъ уступили-таки искусству производившихъ дознаніе и «чистосердечно признались въ убійствѣ Чернышова». Признались и подробно повѣдали, какъ убили, какъ убитаго увозили и какъ его въ полынью Камы бросили. Сознаніе было до того «чистосердечно», что Борисовъ, напримѣръ, не отказался отъ него даже тогда, когда допрашивающій его урядникъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что Борисовъ могъ спустить трупъ въ полынью, не рискуя утонуть самъ. Борисовъ не преминулъ разсѣять это сомнѣніе, разсказавъ, что онъ, не доѣхавъ до полыньи саженъ десять, остановилъ лошадь, взялъ трупъ въ *охапку* и саженъ восемь пронесъ его къ полыньѣ, а потомъ уже жердью сдвинулъ трупъ въ полынью». Дѣло было ясно. Убійцъ посадили въ тюрьму, началось слѣд-

ствіе, съ обычными увертками преступниковъ отъ первоначальныхъ чистосердечныхъ признаній, затѣмъ преданіе сарапульскому окружному суду и самый судъ... Но тутъ произошло нѣчто ужъ отъ Провидѣнія, вмѣшавшагося въ дѣло:

«На 97 день послѣ убійства Чернышова родной братъ его, Ананій Чернышовъ нашелъ трупъ его (вмѣсто полыньи р. Камы) въ полѣ, въ 2 верстахъ отъ дер. Мурзихи, въ 60 саж. отъ дороги. Трупъ лежалъ въ снѣгу, внизъ лицомъ, со скрещенными на груди руками. По наружному медицинскому осмотру, никакихъ наружныхъ признаковъ насильственной смерти не оказалось; по вскрытіи же трупа Чернышова уѣздный врачъ пришелъ къ заключенію, съ которымъ согласились на судѣ и врачи-эксперты, что Чернышовъ умеръ отъ *асфиксіи* (высочайшая степень обморока). Далѣе: медицинское изслѣдованіе нѣсколькихъ лоскутковъ платья, найденнаго у подсудимыхъ, лоскутковъ съ кровяными пятнами, дало въ результатѣ рѣшительное свидѣтельство, что эти пятна ничего общаго съ кровяными не имѣютъ»...

Какъ же, однако, все это произошло: вопреки чистосердечному сознанію, трупъ, вмѣсто Камы, оказался въ полѣ, и Чернышовъ оказался вовсе не убитымъ, а просто замерзшимъ, какъ сначала и предполагали крестьяне?

— «Меня такъ жестоко били въ полиціи, что не только въ одномъ, но даже въ десяти убійствахъ я бы сознался»,—объяснилъ суду Денисовъ.—«Когда меня свели съ Борисовымъ,—объяснилъ, въ свою очередь, Фуженковъ,—то я даже и говорить не могъ, потому что у меня былъ полонъ ротъ крови... Меня нѣсколько разъ доводили побоями до безсознательнаго состоянія. Я все, что угодно, готовъ былъ подтвердить». То же самое объяснилъ и третій «убійца». («Бирж. Вѣд.», № 355 1895 г.).

Словомъ, исправнику, становому, уряднику и двумъ служителямъ оставалось только развести руками и сознаться въ недоразумѣніи. Неужели и этотъ случай покажется кн. Мещерскому комическимъ? А случаевъ такихъ между тѣмъ вовсе не мало. Вотъ, напр., въ каталажной камерѣ при барнаульскомъ окр. полиц. управленіи умеръ скоропостижно арестованный мѣстный обыватель Кротовъ. Городовой врачъ, произведя вскрытіе, нашелъ, что смерть послѣдовала отъ мозгового удара, и Кротова похоронили. Но вотъ почему-то томскій губернскій прокуроръ нашелъ нужнымъ сдѣлать провѣрку вскрытія и поручилъ произвести ее алтайскому медицинскому инспектору и старшему врачу барнаульской больницы, въ присутствіи городового врача. А тогда, черезъ двѣ недѣли послѣ погребенія, оказалось, что Кротовъ умеръ отъ «жестокихъ истязаній». Дѣло же происходило такъ: у покойнаго квартировалъ запасный матросъ Токаревъ, который укралъ у офицера часы. Приказавъ арестовать Токарева, полицейскій чиновникъ приказалъ арестовать и Кротова.

«Послѣдній, 70-лѣтній старикъ, позволилъ себѣ спросить: за что и на какомъ основаніи, а г. барнаульскій полицейскій надзиратель Погожевъ, должно быть, въ отвѣтъ на такую обывательскую дерзость, произнесъ: *набросьте-ка имъ*! И вотъ городовые, сопровождая арестованныхъ, стали набрасывать запасному матросу.

— А этому старому псу что-же? — гнѣвно крикнулъ г. Погожевъ.

И городовые принялись за старика. И били они его такъ безпощадно, что несчастный старикъ дорогой нѣсколько разъ падалъ, били его почти всю дорогу отъ дома его до арестантской камеры на разстояніи болѣе версты, били затѣмъ нещадно и въ квартирѣ городовыхъ, куда зачѣмъ-то притащили старика, и въ полицейскомъ управленіи, гдѣ въ этомъ нещадномъ битьѣ удостоился принять дѣятельное участіе уже и самъ г. Погожевъ. Били и убили» («Б. В.», № 3 96 г.).

Другой фактъ, тоже изъ сибирской жизни, еще проще:

«Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ каталажной камерѣ внезапно умеръ одинъ арестантъ. Власти произвели дознаніе и, предавъ погребенію умершаго, донесли, что онъ былъ задавленъ обвалившеюся въ камерѣ печью. Тѣмъ, конечно, дѣло бы и кончилось, еслибы одинъ изъ содержавшихся съ умершимъ арестантовъ, послѣ того, какъ былъ переведенъ въ кузнецкую тюрьму, не подалъ прокурору заявленія, что умершій въ каталажной камерѣ Александръ никакою печью не былъ вовсе задавленъ, а просто былъ *застрѣленъ* однимъ изъ начальниковъ, и притомъ за то только, что онъ, получивъ отказъ въ кипяткѣ для заварки чая, сталъ шумѣть. И предварительное, и судебное слѣдствія вполнѣ подтвердили это заявленіе. Подтвердили, что человѣкъ, совершенно безоружный и притомъ никому никакого сопротивленія неоказывавшій, былъ убитъ изъ винтовки съ такою же легкостью и съ такимъ же душевнымъ спокойствіемъ, какъ убиваютъ зайца, съ той, впрочемъ, разницей, что въ данномъ случаѣ жертва охотника и убѣжать-то никуда не могла» (ib.).

Уѣздный врачъ и тутъ констатировалъ апоплексію, «обусловленную жировымъ перерожденіемъ сердца и печени». Послѣднее особенно грустно. До какой же, наконецъ, простоты мы дойдемъ? Вотъ и на другой окраинѣ обвиняется бывшій начальникъ Тенжинскаго округа, Закаспійской области, подполковникъ Кули-Ханъ въ истязаніи жителей села Сердаръ, а между прочимъ, въ союзѣ съ помощникомъ своимъ подполковникомъ же Козловскимъ и въ другого рода превышеніи власти, лихоимствѣ, взяточничествѣ и растратѣ 80 т. р. казенныхъ денегъ («Вѣсти. Обозр». № 116, 1895 г.). Вотъ въ Сураженскомъ уѣздѣ одинъ изъ «сѣятелей добраго сѣмени» подстрѣливаетъ человѣка, безъ спроса собиравшаго у него грибы въ лѣсу, и т. д. Но довольно этихъ тяжелыхъ фактовъ.

Нужна законность и въ другихъ менѣе важныхъ случаяхъ. Жизнь даетъ цѣлый рядъ фактовъ совершенно незаконнаго вмѣ-

шательства разныхъ лицъ въ крестьянскія и земскія дѣла, въ выборы крестьянскихъ должностныхъ лицъ, въ постановленія сходовъ, въ дѣятельность волостныхъ судовъ, въ школы и частную жизнь учителей, учительницъ и прочаго малоправнаго люда. Приходитъ сегодня человѣку на мысль ввести общественныя запашки, и онъ ихъ вводитъ, не справляясь—желаютъ или не желаютъ этого крестьяне; придетъ, какъ Щедринскому «Зиждителю», завтра фантазія сѣять на этихъ запашкахъ ромашку, и онъ будетъ настаивать, чтобы она сѣялась. Желаетъ человѣкъ обратить земскія школы въ приходскія, и онъ требуетъ этого и не даетъ хода мірскому ходатайству объ открытіи школы перваго рода. Читатель, вѣроятно, уже знаетъ, какъ держалъ и продолжаетъ держать себя въ арзамасскомъ уѣздѣ господинъ Д. В. Хотяинцевъ, получившій уже отъ губернскаго присутствія строгій выговоръ за превышеніе власти и о самоуправствахъ котораго теперь начинается новое дознаніе («Сам. Газ.» №246 1895). Изъ Лохвицкаго у., Полтавской губ., въ «Рус. Вѣд.» (№ 6 1896 г.) пишутъ о слѣдующемъ любопытномъ разбирательствѣ въ чернухинскомъ вол. судѣ иска землевладѣльца, кандидата правъ, А. А. Дорошенко (онъ же и мѣстный земскій начальникъ) противъ своего кучера, Бѣлика, провинившагося въ пьянствѣ и волокитствѣ за кухаркой. Г. Дорошенко просилъ подвергнуть его по 17 и 38 ст. правилъ о волостномъ судѣ къ высшей мѣрѣ тѣлеснаго наказанія и присудить за убытки 50 р. по договору. Въ числѣ разныхъ преступленій значится, между прочимъ, и дурное отношеніе Бѣлика къ своей семьѣ, и то, что онъ «возъимѣлъ намѣреніе оставить службу и поселиться съ кухаркой, о чемъ неоднократно заявлялъ дворовымъ людямъ, и въ этихъ видахъ дѣлалъ всевозможныя пакости, чтобы быть удаленнымъ со службы». Судъ приговорилъ Бѣлика не къ высшей мѣрѣ наказанія (20 ударовъ), а къ 10 ударамъ и ко взысканію вмѣсто 50 р. только 16 р.; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ смѣшаны въ этомъ искѣ человѣкомъ съ юридическимъ образованіемъ мотивы проступковъ и какъ неправильно направленъ самый искъ съ предрѣшеніемъ вида и степени наказанія, утвержденіе или неутвержденіе котораго зависитъ отъ самого же истца. Просто барину, можетъ быть, потомку малороссійскаго гетмана, захотѣлось выдрать кучера, и онъ это исполнилъ. Въ Сарапульскомъ у. крестьянинъ Кунгуровъ, укравшій корову, приговаривается на 4 мѣсяца къ тюремному заключенію и къ уплатѣ истцу 25 руб. за корову (сумма, въ которую оцѣнена была корова самимъ истцомъ), а купившій ее у него при свидѣтеляхъ совершенно невинный крестьянинъ Замятинъ также къ уплатѣ въ

пользу истца (крестьянина Ахмедшина) 25 руб. и къ тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ и сажается подъ арестъ до внесенія залога. Между тѣмъ въ уѣздномъ съѣздѣ, куда перешло дѣло, товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія Замятина и съѣздъ его оправдалъ. Другое дѣло кончилось хуже: покупаетъ крестьянинъ Стариковъ лѣсъ; земскій начальникъ узнаетъ объ этой сдѣлкѣ и безъ вѣдома купившаго арестуетъ этотъ лѣсъ. Стариковъ же изъ купленнаго лѣса беретъ часть и расходуетъ. Возникаетъ уголовное дѣло о кражѣ конфискованнаго имущества, и Стариковъ приговаривается и немедленно же сажается въ тюрьму, не смотря на заявленное имъ неудовольствіе рѣшеніемъ. Стариковъ подаетъ жалобу въ съѣздъ и черезъ мѣсяцъ освобождается изъ тюрьмы, а также и оправдывается въ обвиненіи («Ниж. Лист.» № 260 1895). Статья 61 положенія о земскихъ начальникахъ, дающая право предварительнаго ареста по дѣламъ уголовнымъ, въ видахъ неуклоненія отъ суда, имѣетъ самое широкое и неправильное примѣненіе. Уже одно то, что они далеко не всѣ юристы, служитъ для этого благопріятной почвой, да и въ иномъ случаѣ развѣ недостаточно для этого предлоговъ. Истецъ-кляузникъ всегда можетъ придать гражданскому иску уголовную мотивировку. Изъ Петровскаго уѣзда пишутъ, что статья 61 тамъ очень часто практикуется. Въ такихъ случаяхъ говорится: «можешь жаловаться на меня—законъ тебѣ далъ право, а у меня есть право задержать тебя до суда въ арестантской, чтобы ты не убѣжалъ; сидѣть будешь не въ зачетъ, а сколько просидишь—я не знаю».

«А вѣдь за какіе пустяки,—читаемъ дальше,—иногда въ тюрьму-то волокутъ: за двѣ частоколины, неизвѣстно кѣмъ выдернутыя изъ городьбы генеральши Темниковой, бѣдная вдова и крестьянинъ присуждены въ тюрьму; за полтора кирпича, стоящіе полторы коп., семидесятилѣтній старикъ Самсонычъ изъ дер. Варыпаевой, подобравшій эти кирпичи на дорогѣ со пчельника, осужденъ тоже въ тюрьму. «Не виноватъ я, божится бѣлый какъ лунь старецъ,—да гдѣ ужъ хлопотать, вѣдь и въ городѣ-то «они»... А за напраслину, быть можетъ, Богъ грѣховъ сбавитъ»—и высидѣлъ вѣдь! Только въ деревнѣ не съ позоромъ, а съ сочувствіемъ, какъ пострадавшаго, встрѣчали изъ тюрьмы то».

Вообще, статьи 61 и 62 даютъ возможность подводить подъ нихъ какіе угодно случаи. «Въ Славкинѣ, напримѣръ, былъ арестованъ и оштрафованъ цѣлый сходъ, 98 человѣкъ, за то, что не захотѣли одинъ частный вопросъ рѣшить такъ, какъ хотѣлось старшинѣ. А еще страннѣе случай арестованія въ одномъ селѣ сѣвшаго за то, что не разсмотрѣлъ ѣхавшаго земскаго начальника и не снялъ шапки... Въ ревизіонныхъ замѣткахъ начальника губерніи много указано этихъ неправильностей, да видимо указанія плохо вразумляютъ. Мало того, нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ еще кажутся недостаточными размѣры предоставленныхъ имъ правъ для безконтрольнаго примѣненія наказаній, и практи-

куется вотъ что: при присужденіи кого-либо по 61 или 62 ст. къ аресту въ высшей, конечно, мѣрѣ, мѣстомъ отбытія наказанія избирается не своя волость, станъ или городское полицейское управленіе, а чужой дальній станъ, куда и отправляютъ осужденнаго, самому же вручивъ пакетъ, да и подводы не даютъ. И идетъ бѣднякъ на другой конецъ уѣзда, идетъ обгоняемый дѣйствительными преступниками, развозимыми на земскихъ лошадяхъ, дѣлаетъ сотни верстъ, теряетъ нѣсколько сутокъ, дорогихъ въ рабочую пору. Не ясно-ли, что это изобрѣтеніе усугубляетъ норму наказанія и не оправдывается никакими соображеніями (№ 273 1895).

Нужна также въ нѣкоторыхъ случаяхъ законость и для князей Мещерскихъ, не смотря на весь ихъ патріотизмъ и смерчи краснорѣчія, какіе они пускаютъ. Сдѣлаемъ, какъ говорится, для передышки, маленькое, чисто лирическое отступленіе. Въ томъ же № 1-мъ «Гражданина» начали печататься личныя воспоминанія князя, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующее:

Самое цѣнное счастье въ жизни—это имѣть хорошихъ родителей. Это счастье далъ мнѣ Богъ. Мать моя, старшая дочь великаго Карамзина, была олицетвореніемъ высокой души въ лучшемъ смыслѣ этого слова; подобной ей, русской женщины, я не встрѣчалъ: умъ ея былъ замѣчательно свѣтелъ и вѣренъ, сердце никогда не билось ни слабо, ни вяло, оно всегда билось сильно и горячо; любовь къ Россіи была культомъ ея души, а рядомъ съ этимъ все въ жизни міра ее интересовало; въ каждой мысли и въ каждомъ словѣ ея слышалось вдохновеніе правды и благородства... Оттого рѣчи ея покойный Тютчевъ называлъ: la musique d'une belle âme... Отецъ мой жилъ издавна только семейною жизнью. Это былъ, безъ преувеличенія скажу, идеалъ человѣка христіанина, именно человѣка потому, что онъ жилъ полною жизнью свѣта, но въ тоже время сіялъ, такъ сказать, красотою христіанства: его душа слишкомъ любила ближняго и добро, чтобы когда-либо помыслить злое... Таковы были совсѣмъ необыкновенныя, по нравственной красотѣ, существа, которыя я имѣлъ счастье получить отъ Бога родителями.

И у такихъ-то достойныхъ родителей вдругъ родился такой сынъ:

«Увы, ни одна изъ этихъ душевныхъ красотъ, ни одинъ изъ этихъ даровъ не перешли ко мнѣ; но съ дурнымъ характеромъ и дурною натурою я получилъ, благодаря моимъ родителямъ, такую богатую для ума и для сердца духовную атмосферу, что съ раннихъ лѣтъ, рядомъ съ недостатками природы, въ душѣ моей стали жить идеалы, и идеалы любви къ Россіи, идеалы правды и честности».

Задатки, по признанію князя, у него были самые дурные:

«Насчетъ честности житейской,—я живо помню, что въ раннемъ дѣтствѣ, когда мнѣ было восемь лѣтъ, я спасенъ былъ два раза строгостью моего отца и моей матери отъ опасности сдѣлаться безчестнымъ. Въ деревнѣ мы съ братомъ украли на оранжереѣ дыню; пятна на рубашкахъ насъ выдали; мы сознались, но нашъ отецъ, сказавши намъ, что кража есть страшный грѣхъ,—подвергъ насъ наказанію розгами, и переполнилъ наши дѣтскія души ужасомъ и страхомъ къ этому преступленію. Потомъ черезъ годъ я совершилъ новый проступокъ противъ честности, не подозрѣвая его. Будучи въ училищѣ, я по-

просилъ у бабушки своей, Карамзиной, денегъ на лакомства. Бабушка мнѣ ихъ дала, но мать моя меня позвала, и съ такимъ глубокимъ чувствомъ объяснила мнѣ, что просить деньги у кого бы то ни было, кромѣ родителей, постыдно и гадко, что я горько заплакалъ, и невольно это запомнилъ...»

Потомъ князь, конечно, исправился и дынь больше не воровалъ, а на счетъ втораго порока, какъ менѣе запечатлѣннаго, къ сожалѣнію, не совсѣмъ освободился. За смертью родителей и бабушки Карамзиной, онъ сталъ выпрашивать деньги на лакомство у людей и вѣдомствъ совершенно посторонніихъ и сохранилъ эту дурную привычку до самыхъ послѣднихъ дней. Читатель, вѣроятно, помнитъ (такъ какъ это было только во второй половинѣ прошлаго года) разоблаченіе, сдѣланное въ «Нов. Вр.» и перепечатанное потомъ «Недѣлею» (№ 35) и другими газетами, того, какъ кн. Мещерскій, «въ бытность г. Кривошеина министромъ путей сообщенія, пользуясь своими связями и вліяніемъ», успѣлъ заключить крайне убыточный для казны долгосрочный договоръ на производство всѣхъ необходимыхъ для желѣзнодорожнаго хозяйства типографскихъ, литографскихъ и переплетныхъ работъ. Работы эти составляютъ довольно крупную статью расходовъ не только для управленія казенныхъ дорогъ, но и для каждой такой дороги въ отдѣльности. Договоръ былъ заключенъ «помимо контроля и безъ всякой предварительной конкурренціи, какъ того требуетъ законъ», такъ что контролю оставалось считаться съ совершившимся фактомъ. «Заручившись такимъ договоромъ, князь разсчитывалъ, очевидно, спокойнымъ образомъ получать законнымъ порядкомъ незаконные сборы съ казны». Но вотъ, когда, по переходѣ въ казну Николаевской и Варшавской жел. дорогъ, послѣдовало распоряженіе о передачѣ всѣхъ печатныхъ и переплетныхъ работъ для этихъ дорогъ тому же князю Мещерскому, вмѣсто типографіи Голике, исполнявшей эти работы ранѣе по несравнимо болѣе выгоднымъ условіямъ, «контролю представилась, наконецъ, возможность обуздать расходившуюся алчность князя и нетолько добиться отмѣны приведеннаго распоряженія, но и возбудить въ общемъ ревизіонномъ порядкѣ вопросъ объ убыткахъ казны». Чтобы судить, насколько были велики эти убытки, достаточно сказать, что за извѣстную работу (именно печатаніе опредѣленнаго образца бланокъ), «которая обходилась въ недешевой типографіи Голике какихъ-нибудь 2 р. 38 к., князю Мещерскому приходилось платить не менѣе 8 р. 55 к., которые въ большинствѣ случаевъ фактически обращались *въ 17 р. 10 к.*» потому, что большинство заказовъ давались князю какъ *экстренные* и потому подлежали оплатѣ *по двойнымъ цѣнамъ*, въ силу того же договора. Но этимъ дѣло не ограничива-

лось: «Какъ человѣкъ обстоятельный, князь Мещерскій предпочиталъ, напримѣръ, принимать заказы на многіе бланки, въ которыхъ текстъ сохраняется безъ измѣненій, не разомъ на все потребное въ году количество этихъ бланокъ, а по частямъ», благодаря чему являлась возможность «получать за одинъ и тотъ же наборъ и, въ сущности, за одинъ и тотъ же заказъ полную плату по нѣсколько разъ!»

Бланочки эти были куда выгоднѣе изданія «Гражданина». Газеты добавляли, что, не смотря на *неестественно* высокія цѣны, кн. Мещерскій не сдавалъ своихъ работъ «въ добросовѣстномъ видѣ» и выгадывалъ еще кое-что на бумагѣ, «ставя ее гораздо худшихъ качествъ противъ установленныхъ образцовъ». Когда же госуд. контроль «потревожилъ это хищеніе», то кн. Мещерскій обрушился, конечно, на него съ самыми «яростными нападками». О, онъ не любитъ этихъ процедуръ и, вѣроятно, ставитъ контроль за одну скобку съ ненавистною ему законностью.

Странная вещь: люди излюбленные и, вѣроятно, близкіе по взглядамъ къ кн. Мещерскому, также относятся къ казнѣ, общественному интересу, законности и какому бы то ни было контролю. Недавнее засѣданіе саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія «началось съ того, что участвующіе въ собраніи земскіе начальники въ первомъ же засѣданіи сами себѣ увеличили оклады на счетъ земства» («Самар. Вѣстн.» № 228, 1895 г.). Сдѣлано это было такъ: управа, руководимая упоминавшимся уже у насъ г. Кропотовымъ, внесла предложеніе выдавать земскимъ начальникамъ открытые листы на пользованіе земскими лошадьми для разъѣздовъ по *земскимъ* дѣламъ. Собраніе, въ которомъ было «много земскихъ начальниковъ», конечно, приняло это предложеніе безъ преній; а такъ какъ нѣтъ никакой возможности отличить, когда земскіе начальники ѣдутъ именно по земскимъ, а не по другимъ дѣламъ, то получаемые ими по должности оклады на разъѣзды (500 р.) будутъ, разумѣется, у нихъ оставаться. Нашелся только одинъ изъ нихъ, г. Гриммъ, который, указавъ на полную невозможность различенія разъѣздовъ, «наотрѣзъ отказался пользоваться земскими лошадьми»; за то признательныя сердца другихъ пожелали отблагодарить г. Кропотова за его любезность (тоже, впрочемъ, на земскій счетъ): въ слѣдующемъ же засѣданіи зем. нач. Шампуловъ заявилъ, что онъ желаетъ сдѣлать собранію одно предложеніе, но не иначе, какъ въ отсутствіи предсѣдателя управы (т.-е. г. Кропотова). Послѣдній, чувствуя нѣчто лестное, а можетъ быть и зная, въ чемъ дѣло, вышелъ. Тогда г. Шампуловъ предложилъ прибавить ему къ предсѣдательскому жалованью тоже 500 руб. Предложеніе было, конечно, принято, но

вотъ потомъ, уже при чтеніи протокола этого засѣданія, поднимается одинъ изъ гласныхъ, нѣкто г. Никольскій (бывшій членъ управы и горячій сторонникъ Кропотова, перешедшій потомъ, послѣ забаллотировки, въ оппозицію) и протестуетъ противъ «законности такой прибавки». Поднимается шумъ, «въ нѣкоторомъ родѣ даже маленькій скандалъ», г. Кропотовъ теряетъ обычное самообладаніе и отказывается отъ прибавки.

Посмотрите также на послѣднее засѣданіе нижегородской губ. собранія, какъ тамъ характерно выступили тѣ черты, о которыхъ я говорю, при обсужденіи доклада ревизіонной коммиссіи по извѣстному продовольственному дѣлу во время неурожая 1891—1892 г. Дѣло это, полное самыхъ печальныхъ недоразумѣній, по обыкновенію, очень запоздало: отданное на разсмотрѣніе особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго вице-губернатора, оно расматривалось ею только въ самомъ концѣ 1895 г., а затѣмъ административная коммиссія опять передала его на разсмотрѣніе и заключеніе земскаго собранія—«на, молъ, тебѣ эту канитель и покончи съ нею какъ-нибудь; твоимъ добромъ—тебѣ же челомъ». Нужно замѣтить, что отчетъ по продовольственной операціи во время неурожая былъ уже раньше провѣренъ особой земской ревизіонной коммиссіей (въ 1894 г.), и коммиссія эта обнаружила тамъ и растраты денегъ и хлѣба (пополненныя потомъ и совсѣмъ непополненныя), и отсутствіе правильныхъ счетовъ и отчетности на десятки тысячъ рублей, и самовольные поступки со стороны цѣлаго ряда лицъ. Выдержки изъ ея доклада въ свое время появились въ «Самарской газетѣ» и «Волжск. Вѣстникѣ». У одного изъ арзамасскихъ земскихъ начальниковъ (Алексѣева) оказался недочетъ въ 640 р. 37 к., у другого (4-го участка), значилось 15 тысячъ руб. въ приходѣ «за провозъ хлѣба», а какого хлѣба, какой провозъ и по какой цѣнѣ было неизвѣстно, такъ что нельзя было опредѣлить, «какъ получилась такая круглая цифра», у третьяго (3 участка) расходъ 32.500 р. былъ записанъ въ двухъ тетрадкахъ карандашомъ и чернилами съ поправкою цифръ и не имѣлось никакихъ оправдательныхъ документовъ и т. д. У одного изъ лукояновскихъ земскихъ начальниковъ была обнаружена растрата хлѣба (у Желѣзнова); другой (А. Л. Пушкинъ), не смотря на неоднократныя требованія, долго не возвращалъ 8.500 р., выданныхъ ему авансомъ на продовольственныя нужды.

«Деньги эти, 8.500 руб.,—говорится въ докладѣ,—съ устраненіемъ Пушкина отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ іюнѣ 1892 г., должны были быть сданы въ управу. Между тѣмъ денегъ не поступало, а потому управа 5 октября 1892 г. обратилась къ г. Пушкину съ просьбой дать отчетъ и воз-

вратить деньги. Въ отвѣтъ на это требованіе г. Пушкинъ внесъ въ лукояновскую земскую управу 5.500 руб., но такъ какъ за г. Пушкинымъ еще оставалось 3.000 руб., то предсѣдатель нижегородской губернской управы письмомъ отъ 17 ноября 1892 г. за № 2614 опять попросилъ дать отчетъ въ этихъ деньгахъ. Въ отвѣтъ на это письмо г. Пушкинъ лишь 4 декабря 1892 г. прислалъ въ губернскую управу 3.000 руб.»

А къ земскому начальнику 4-го участка Арзамасскаго уѣзда, уже совершенно тщетно обращалась губернская управа за оправдательными документами. Вотъ какой она получила, наконецъ, отвѣтъ: «хоть я и могъ бы достать росписки отъ нѣкоторыхъ продавцовъ хлѣба—помѣщиковъ, но обращаться къ нимъ и краснѣть за то недовѣріе, съ какимъ относятся ко мнѣ, я отказываюсь». Въ общей суммѣ по губерніи дѣло шло о цѣлыхъ 6.600.000 руб. И вотъ какой, по сообщенію нижегородскаго корреспондента «Волж. Вѣст.», послѣдовалъ финалъ: «наиболѣе самостоятельные и энергичные гласные выразили вполнѣ естественное желаніе, чтобы всѣ нарушители закона отвѣтили передъ закономъ, какъ отвѣтили г.г. Алабинъ, земскій начальникъ Дмитріевъ и др. Вторая же группа земцевъ, состоящая, большею частью, изъ нашихъ консерваторовъ, усиленно домогалась возможнаго быстраго и безшумнаго разсмотрѣнія назидательнаго отчета». И добилась-таки слѣдующаго постановленія:

«Выслушавъ докладъ ревизіонной коммиссіи по продовольственнымъ операціямъ 91 и 92 гг. въ уѣздахъ, собраніе нашло отчеты двухъ (Лукоянов. и Арзам.) уѣздовъ *неудовлетворительными*, но, принимая во вниманіе исключительность тѣхъ условій, при которыхъ производились продовольственныя операціи, и отсутствіе строго опредѣленныхъ правилъ для руководства лицамъ и учрежденіямъ, на которыхъ было возложено завѣдываніе этими операціями, а также отсутствіе данныхъ предполагать какія-либо по этимъ операціямъ злоупотребленія, собраніе признаетъ себя *обязаннымъ* для скорѣйшаго окончанія разсчетовъ съ правительствомъ отчеты всѣхъ уѣздныхъ земствъ по продовольственному дѣлу утвердить, тѣмъ болѣе, что при всякихъ условіяхъ отвѣтственность, ежели бы таковая могла возникнуть, во всякомъ случаѣ остается на уѣздныхъ земствахъ».

Корреспондентъ добавляетъ, что, «не смотря на длину приведеннаго постановленія, въ итогѣ все-таки всѣмъ вполнѣ ясно, что собраніе сочло себя «*обязаннымъ*» утвердить «*не вполнѣ удовлетворительный*» отчетъ». Есть еще одна любопытная и въ высшей степени неудобная общая черта у единомышленниковъ кн. Мещерскаго: они всегда говорятъ отъ лица правительства или, по крайней мѣрѣ, администраціи, хотя сплошь и рядомъ никто ихъ на это не уполномочивалъ, причемъ сейчасъ же летятъ изъ нихъ именно цѣлые смерчи страшныхъ словъ: «потрясеніе основъ», «правовый порядокъ», «крамола», «соціализмъ», «анархизмъ, диктатура сердца, жондъ, республика, революція, Ро-

бесньеръ, Маратъ, конвентъ, земскій соборъ» и т. д. и т. д. Само собою разумѣется, что обыватель, на котораго идетъ такой смерчъ, смущается уже отъ одного головокруженія, а если онъ человѣкъ робкій и знаетъ, что подобные смерчи производили иногда свои дѣйствія и уносили людей, то и совсѣмъ теряется и смолкаетъ. Привычка импонировать властью и тѣмъ болѣе облыжно, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выставлять себя выразителемъ ея взглядовъ, какъ это дѣлаетъ кн. Мещерскій, есть привычка очень дурная, которая ни для кого и ни чему принести пользы не можетъ. Въ общественной дѣятельности она стѣсняетъ иниціативу и подрываетъ чувство законности, причемъ сплошь и рядомъ компрометируетъ тѣ самыя начала, во имя которыхъ выступаетъ, дѣлая изъ нихъ только флагъ для устройства собственныхъ дѣлишекъ и хищенія. Если подобные пріемы дѣйствуютъ такимъ образомъ на людей образованныхъ и независимыхъ, то, можете себѣ представить, какъ они должны дѣйствовать на гласныхъ отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ. Составъ уѣздныхъ земскихъ собраній, при дѣйствіи новаго земскаго положенія, и безъ того разнится въ эту сторону отъ прежняго состава. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ «Ниж. Листкѣ»:

«Теперь въ земскія собранія входитъ значительное число гласныхъ, состоящихъ въ то же время мѣстными администраторами. Замѣчено, между прочимъ, въ числѣ неудобствъ, доставляемыхъ такимъ совмѣстительствомъ, одно, имѣющее весьма серьезное значеніе: за недостаткомъ времени у гласныхъ изъ числа земскихъ начальниковъ, трудно было составлять земскія коммиссіи изъ людей энергичныхъ и имѣющихъ достаточный досугъ для занятій земскими дѣлами. Но еще болѣе серьезнымъ неудобствомъ является то обстоятельство, что гласнымъ изъ крестьянъ, вполнѣ подчиненнымъ земскимъ начальникамъ, приходится сидѣть въ земскомъ собраніи вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, что не можетъ не вліять на самостоятельность ихъ мнѣнія и свободу выраженія. Въ виду этого крестьяне избѣгаютъ теперь выбора въ земскіе гласные, что, въ свою очередь, отзывается неблагопріятно на земскихъ дѣлахъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, на нѣкоторыхъ сходкахъ совсѣмъ никто не хотѣлъ быть избраннымъ въ гласные. «Нашихъ въ земскомъ собраніи конфузятъ; на нихъ кричатъ «молчать!» а молчать и поганый съумѣетъ». Такъ объясняли въ этомъ уѣздѣ выборъ въ гласные крестьянина, по общему мнѣнію, совсѣмъ негоднаго быть представителемъ въ земскомъ собраніи и ссылались при этомъ на фактъ, когда земскій начальникъ въ собраніи прикрикнулъ на крестьянина, выразившаго мнѣніе, несогласное съ начальническимъ».

С. К.

---

*

Государственная роспись на 1896 годъ.

Въ недавно опубликованной государственной росписи на 1896 г., представляющей дальнѣйшее возрастаніе государственныхъ доходовъ и расходовъ, бюджетъ балансируется въ суммѣ 1.361.547.994 руб. по доходамъ и столько же по расходамъ. Увеличеніе смѣтныхъ назначеній сравнительно съ 1895 г. составляетъ болѣе 147 мил. руб.

Обыкновенные доходы исчислены въ суммѣ 1.239,5 мил. руб. Ими покрываются всѣ обыкновенные расходы, назначенные въ суммѣ 1.231,1 мил. руб., а остающійся избытокъ доходовъ около 8,4 мил. руб. присоединяется къ рессурсамъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, назначенныхъ въ суммѣ около 130,5 мил. руб. Недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ пополнется такъ называемыми чрезвычайными рессурсами.

Такимъ образомъ, расходы 1896 года будутъ покрыты безъ посредства какихъ бы то ни было займовъ, при чемъ свободная наличность казначейства, за отчисленіемъ изъ нея около 120 мил. руб., останется къ началу 1896 г. все еще въ суммѣ 151 мил. руб.

По отдѣльнымъ статьямъ расхода и дохода роспись на 1896 годъ имѣетъ слѣдующій видъ:

Обыкновенные доходы.

Прямые налоги	104.535.765 руб.
Косвенные налоги	539.461.800 »
Пошлины	65.274.922 »
Правительственныя регаліи	76.021.211 »
Казенные имущества и капиталы	294.085.647 »
Отчужденіе государственныхъ имуществъ	821.704 »
Выкупные платежи	89.000.000 »
Возмѣщеніе расходовъ Государственнаго Казначейства	63.896.275 »
Доходы разнаго рода	6,374.371 »
Итого обыкновенныхъ доходовъ	1.239.471.695 руб.

Чрзвычайные ресурсы.

Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время	2.200.000 руб.
	1.241.671.695 руб.
Изъ свободной наличности государственнаго казначейства	119.876.299 »
Всего	1.361.547.994 руб.

Обыкновенные расходы.

Платежи по государственному долгу	269.228.063 руб.

Высшія государственныя учрежденія.	2.434.087 руб.
Вѣдомство святѣйшаго сунода.	17.487.903 »
Министерство Императорскаго двора.	12.964.653 »
» иностраныхъ дѣлъ.	4.693.280 »
Военное министерство	288.521.969 »
Морское »	57.966.000 »
Министерство финансовъ	186.811.134 »
» земледѣлія и государственныхъ имуществъ	32.180.197 »
» внутреннихъ дѣлъ.	90.024.643 »
» народнаго просвѣщенія. . . .	24.863.061 »
» путей сообщенія	196.411.583 »
» юстиціи.	28.009.858 »
Государственный контроль.	5.956.395 »
Главное управленіе государственнаго конно-заводства.	1.535.588 »
	1.219.088.414 руб.
Расходы, непредусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности. . .	12 000.000 руб.
Итого обыкновенныыхъ расходовъ. . .	1.231.088.414 руб.
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами.	8.383.281 руб.

Чрезвычайные расходы.

На содержаніе сибирской желѣзной дороги. .	82.248.170 руб.
На вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою сибирской желѣзной дороги. .	2.485.410 »
На сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія.	35.726.000 »
На содержаніе мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ удешевленнаго типа	10.000.000 »
Итого чрезвычайныхъ расходовъ. . . .	130.459.580 руб.
Всего	1.361.547.994 руб.

Противъ росписи на истекшій 1895 годъ, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ 1896 году ожидается болѣе на 106.114.382 руб. Главнѣйшее увеличеніе предположено въ поступленіяхъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе включенія въ роспись оборотовъ по поступившимъ въ казенное управленіемъ съ 1895 года юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ (на 31.834.000 р.) и вслѣдствіе возрастанія доходовъ остальныхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (на 20.676.044 р.). Затѣмъ, нѣкоторое увеличеніе ожидается по большей части отдѣловъ доходовъ, наибольшее же возрастаніе предположено: въ валовой выручкѣ отъ казенной продажи питей на 20.539.000 р., въ таможенномъ доходѣ на 14.933.000 р., въ поступленіяхъ по возврату ссудъ и другихъ расходовъ на 6.940.003 руб. и въ питейномъ доходѣ на 6.311.561 руб.

Обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на 1896 годъ назначено болѣе противъ 1895 г. на 120.207.592 р. Наибольшее увеличеніе расходовъ предположено по смѣтамъ: министерства путей сообщенія на 43.640.691 р., вслѣдствіе включенія въ роспись оборотовъ по юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, усиленія движенія по остальнымъ казеннымъ дорогамъ и увеличенія кредитовъ на работы по шоссейнымъ и водянымъ сообщеніямъ, и по министерству финансовъ на 43.055.340 р., главнымъ образомъ, въ виду распространенія казенной продажи питей.

Чрезвычайныхъ расходовъ предположено на 130.459.580 р., въ томъ числѣ: на сооруженіе сибирской желѣзной дороги 82.248.170 р., на вспомогательныя предпріятія по постройкѣ этой дороги 2.485,410 р., на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія 16.020.000 р. и мѣстнаго значенія 10.000.000 р. и на пріобрѣтеніе подвижнаго состава 19.706.000 р.

Обыкновенные расходы покрываются обыкновенными доходами, на покрытіе же чрезвычайныхъ расходовъ обращается превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, въ суммѣ 8.383,281 р. и чрезвычайныя поступленія (вклады на вѣчное время) на 2.200.000 р., затѣмъ остальная сумма чрезвычайныхъ расходовъ 119.876.299 руб. относится на свободную наличность государственнаго казначейства.

Всеподданнѣйшій докладъ г. министра финансовъ, представленный съ росписью, отличается очень бодрымъ настроеніемъ и очевидно направленъ на нѣкоторые упреки дѣятельности нашего финансоваго вѣдомства, которые появлялись не только на страницахъ русскихъ, но и заграничныхъ изданій.

А. К.

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Сейчасъ можно говорить и писать только объ елкѣ... Она является главной героиней. Будемъ говорить объ елкѣ. Съ эстетической точки зрѣнія, это самое красивое дерево,—не даромъ готическое искусство взяло его въ основу своихъ художественныхъ схемъ и построеній. Въ самомъ дѣлѣ, мы, сѣверяне, слишкомъ привыкли къ своей родной елкѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ ея достоинства. Какая строгая простота линій, какая воздушность рисунка, сколько какой-то мистической поэзіи въ этихъ стрѣлкахъ, рвущихся къ небу... Мнѣ лично ель кажется какимъ-то вѣчно-зеленымъ стихотвореніемъ, о смыслѣ котораго каждый догадывается по-своему. Не даромъ съ елью связано столько поэтическихъ легендъ, таинственныхъ сагъ, религіозныхъ представленій и эпическихъ сказаній. Среди сѣверныхъ снѣговъ, бурь и холодовъ она одна остается во всей своей красотѣ, красотѣ недоступной дѣвственницы, какъ символъ вѣчной жизни, вѣчной юности и свѣжести. Сейчасъ ель фигурируетъ въ роли спеціально рождественскаго древа, вокругъ котораго безпечно веселится самая невинная дѣтвора. Если хотите— опять символическая связь съ идеей возрожденія человѣчества въ христіанствѣ, какъ въ вѣчности, а въ этой веселящейся кругомъ елки дѣтворѣ—все наше будущее.

Вмѣстѣ съ елкой неразрывно связана теплота дѣтскихъ воспоминаній и желаніе подвести итогъ прошлому. Новый годъ является какой-то таинственной гранью, которая заставляетъ оглядываться назадъ и заглядывать впередъ. Но наше будущее растетъ въ нашихъ дѣтяхъ, и поэтому будемъ говорить о нихъ. Рождество по преимуществу дѣтскій праздникъ, трогательнѣйшимъ образомъ связанный съ началомъ христіанской эры, когда въ первый разъ засіяла на востокѣ рождественская звѣзда. Есть такія величайшія міровыя событія, которыя заставляютъ биться въ унисонъ сотни милліоновъ сердецъ, дѣлаютъ людей добрѣе и лучше хотя на одинъ день—однимъ словомъ, наступаетъ что-то въ родѣ перемирія. А гдѣ миръ—тамъ первое мѣсто принадлежитъ дѣтямъ...

И такъ, рождественская елка, а какая же елка мыслима безъ игрушекъ...

Въ каждой дѣтской игрушкѣ проявляется самый трогательный идеализмъ и, кромѣ того, какой-то особенный, таинственный смыслъ, открытый только дѣтямъ. Игрушки прошли черезъ всю исторію человѣчества, отражая на себѣ всѣ особенности каждой расы и каждой исторической эпохи. По дѣтскимъ игрушкамъ, вѣроятно, было бы возможно полнѣе и лучше возстановить далекое прошлое, чѣмъ по развалинамъ исчезнувшихъ городовъ, мавзолеямъ, акрополямъ и пирамидамъ. Но, какъ все идеальное, игрушка слишкомъ хрупка, и маленькія дѣтскія руки разрушаютъ ее безъ всякаго сожалѣнія, какъ разрушали Атиллы, Тармерланы, Цезари, Александры Македонскіе, Наполеоны и другіе благодѣтели человѣчества, съ той разницей, что ребенка заставляетъ разрушать неистощимая любознательность и жажда проникнуть въ самую сущность.

Ассортиментъ игрушекъ собственно нашего времени, повторяя уже неизмѣнные во вѣки вѣковъ типы, какъ кукла, увеличивается съ каждымъ годомъ разными новинками, какъ пароходы, желѣзныя дороги, воздушные шары, телеграфы, телефоны, паровыя машины до рулетки включительно. Это маленькое отраженіе того, чѣмъ заняты головы большихъ людей. Но есть преобладающіе типы игрушекъ, которые съ ранняго дѣйства уже проводятъ роковую границу между мужчиной и женщиной: дѣвочка играетъ куклой, мальчикъ солдатомъ. Это раздѣленіе предупреждаетъ сознаніе. Кто не любовался маленькими дѣвочками, которыя съ такой трогательной нѣжностью няньчатъ куколъ-дѣтей, имитируя грядущее материнство? А рядомъ, маленькій мальчикъ уже размахиваетъ картонной саблей, бьетъ въ барабанъ и вызываетъ на бой невидимаго врага... Посмотрите, какое у него дѣлается злое лицо, какъ сжимаются кулачонки и какъ все маленькое дѣтское тѣльце старается выразить поэзію бранной тревоги. Я лично совсѣмъ не выношу этихъ преждевременныхъ вспышекъ милитаризма, отравляющихъ истинную и глубокую красоту всякаго дѣтства. А между тѣмъ, дѣтскій милитаризмъ все возрастаетъ съ каждымъ годомъ, особенно послѣ франко-прусской войны. Игрушечный рынокъ принадлежитъ Германіи, и военные успѣхи произвели въ немъ геологическій переворотъ: неуклюжую, но наивную нѣмецкую игрушку замѣнила какая-то дѣтская казарма, во всей красотѣ своей обстановки. Каски, знамена, барабаны, ружья, сабли, пушки, всѣ подробности обмундировки различныхъ частей войскъ — все это сложилось въ настоящую школу будущихъ героевъ, которые, кромѣ Бога, никого не будутъ бояться. Нѣмецкая кукла совсѣмъ

потерялась, и дѣвочки счастливы, если могутъ устроиться при герояхъ въ качествѣ маркитантокъ или сестеръ милосердія. Вообще картина получается очень рельефная, а ея продолженіемъ являются школьныя маршировки, походы подъ барабанный бой и дѣтскіе бивуаки гдѣ-нибудь на первой лужайкѣ. Всего хуже то, что этотъ дѣтскій милитаризмъ, прививаемый какъ оспа, все разростается и захватываетъ другія націи, какъ и наше любезное отечество. Это грустнѣе, чѣмъ кажется съ перваго раза...

Посмотрите внимательнѣе на выборъ игрушекъ въ любомъ игрушечномъ магазинѣ — военная игрушка начинаетъ брать перевѣсъ съ каждымъ годомъ, что зависитъ, конечно, отъ спроса. Трогательную картину представляютъ мамаши, которыя покупаютъ своимъ Колямъ и Ванямъ сабли, ружья и разное другое боевое дреколье, а прежде всего, конечно, барабанъ. То же продѣлываютъ мамаши и другихъ національностей, прививая съ ранняго дѣтства военный задоръ своимъ маленькимъ Фрицамъ, и Жанамъ. Бѣдное маленькое человѣчество ожесточается, главнымъ образомъ, въ такіе дни, когда говорится о мирѣ всего міра, и дѣтскій барабанъ бьетъ о наростающей жестокости...

Но въ выборѣ рождественскихъ игрушекъ есть маленькая непослѣдовательность, на что обращаемъ особенное вниманіе чадолюбивыхъ мамашъ. Рядомъ съ ружьями и саблями нужно вѣшать на рождественскую елку больничныя кровати-игрушки, раздробленныя кости, отнятыя руки и ноги, костыли, а вмѣсто снѣга обсыпать такую елку корпіей, вмѣсто лентъ протянуть бинты. Да, mesdames, необходимо быть послѣдовательнымъ, ибо всѣ явленія связаны между собой неразрывнымъ образомъ и въ свое время маленькіе солдатики превратятся въ большихъ. Вопросъ о томъ, будутъ-ли кромсать, рѣзать и разстрѣливать нѣмецкіе солдатики французскихъ или французскіе нѣмецкихъ — этотъ вопросъ, въ сущности, безразличенъ.

Пойте, рѣзвитеся, дѣти!
Пойте, сплетайте вѣнки!.
Черныя тучи надъ вами...

II.

Вы слышите, какъ бьетъ дѣтскій барабанъ? Тра-та-та-та... тррахъ! Вѣдь это ужасно... Съ барабаннымъ боемъ у меня неразрывно связано представленіе о медленно двигающейся позорной колесницѣ, о несмѣтной толпѣ народа, о какомъ-то страшномъ позорѣ, о замершей добротѣ, о какомъ-то ужасномъ недоразумѣніи... А тамъ бьютъ тысячи большихъ барабановъ, рѣкой льется

человѣческая кровь, дробятся кости, и человѣческое сознаніе затемняется пороховымъ дымомъ. Неужели это нужно?

Въ раннемъ дѣтствѣ я помню, какъ набирали ратниковъ и отправляли на вѣрную смерть въ Севастополь. Какъ плакали матери, жены и дѣти... Они, эти герои, не вернулись. Затѣмъ, помню франко-прусскую войну. Мы, юноши, ужасно волновались, хотя и плохо понимали сущность дѣла. А тамъ уже назрѣвала восточная война... Герцеговинское возстаніе, сербскіе добровольцы, освобожденіе Болгаріи—мы опять волновались, но уже сознательно. У этой войны была идея, оправдывавшая многое, и симпатіи общества были на ея сторонѣ. Разочарованіе наступило потомъ, какъ тяжелое похмелье, и, вѣроятно, мы еще очень долго сохранимъ въ памяти этотъ кровавый урокъ. Въ нынѣшнемъ году какимъ-то фейерверкомъ разыгралась на далекомъ Востокѣ японско-китайская война, заставившая вооруженную Европу задуматься серьезно о своемъ будущемъ. Дряхлый Востокъ оживаетъ и быстро усвоиваетъ себѣ послѣднія слова науки истребленія. А что будетъ, когда онъ войдетъ во вкусъ этого истребленія и примется за учителей? Вѣдь это вопросъ, можетъ быть, недалекаго будущаго, когда изъ таинственныхъ глубинъ Азіи хлынутъ въ Европу несмѣтныя полчища желтой расы... Первый военный человѣкъ въ Европѣ, германскій императоръ Вильгельмъ, даже написалъ картину на эту тему, въ которой есть роковыя предчувствія. Какъ оказывается, кромѣ Бога, нужно все-таки побаиваться и еще кое-кого... Не даромъ же трудились инструкторы побѣдоносной германской арміи, обучая желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ человѣковъ самымъ точнымъ пріемамъ, какъ въ самое короткое время истребить наибольшее количество другихъ желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ человѣковъ. Даже возникъ въ военной литературѣ цѣлый вопросъ, какой пулей стрѣлять—для бѣлаго человѣка достаточно новѣйшей малокалиберной, а для дикарей таковой недостаточно, ибо смертельно раненый дикарь еще нѣкоторое время можетъ наносить вредъ и только потомъ умираетъ.

Война — величайшее зло, война — колоссальнѣйшая безсмыслица, война—печальное наслѣдство неизмѣримо далекаго зоологическаго прошлаго—всѣ съ этимъ согласны, и все-таки никогда еще Европа не была такъ вооружена, какъ именно сейчасъ. Въ сущности, все годное для войны населеніе стоитъ подъ ружьемъ въ ожиданіи какой-то никому неизвѣстной войны. Кто и съ кѣмъ и изъ-за чего будетъ воевать—неизвѣстно, но это не мѣшаетъ держать наготовѣ милліонныя арміи, сооружать крѣпости, строить невѣроятные флоты и все изобрѣтать, изобрѣтать и изобрѣтать. Геній человѣчества, кажется, нигдѣ не затратилъ

столько силъ и энергіи, какъ именно въ этомъ проклятомъ дѣлѣ, которое доведено до роскоши, превышающей всякія средства желающихъ воевать съ неизвѣстнымъ врагомъ. Большая часть государственныхъ бюджетовъ уходитъ на военныя дѣла, и всѣ убѣждены, что именно это и нужно. У сосѣда двадцать броненосцевъ, и намъ нужно двадцать, у сосѣда два милліона магазинокъ послѣдняго образца, и намъ нужно два милліона, у сосѣда чудовищныя орудія береговой обороны, одинъ выстрѣлъ которыхъ стоитъ около десяти тысячъ рублей, и намъ нужны такія же орудія, а тамъ идетъ уже воздухоплаваніе, примѣненное къ военнымъ цѣлямъ, почтовые голуби и даже аванпостная служба спеціально выдрессированныхъ собакъ. Вѣроятно, недалеко то время, когда и женщина войдетъ дѣятельнымъ членомъ въ это дѣло, потому что, благодаря новѣйшимъ изобрѣтеніямъ, для войны совсѣмъ не нужно даже личной храбрости и физической силы, а только одно пониманіе, — при бездымномъ порохѣ и невѣроятной дальнобойности ружейнаго огня непріятели даже не увидятъ другъ друга въ лицо, а будутъ истреблять другъ друга изъ прекраснаго далека, на самомъ почтительномъ разстояніи.

Въ этихъ воинственныхъ приготовленіяхъ смертный приговоръ старушки Европы, потому что на нихъ уходятъ всѣ производительныя силы. Чего стоитъ Европѣ содержать въ мирное время армію почти въ пять милліоновъ... Считайте, что ежедневно пропадаетъ пять милліоновъ поденщинъ, и изъ этого составятся милліарды. Такой миръ обходится дороже самой братоубійственной войны, тѣмъ болѣе, что онъ страшно деморализируетъ все и всѣхъ. Война пожираетъ всѣ результаты мирнаго труда и требуетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше жертвъ, и этому не предвидится конца-края. Раздающіеся противъ войны голоса слабо замираютъ и кажутся просто смѣшными. Христіанская проповѣдь любви и мира, убѣдительнѣйшія доказательства святой науки, присущее каждому нормальному человѣку отвращеніе къ насилію—все это забывается, когда поднимается рѣчь о національномъ достоинствѣ, о какихъ-то естественныхъ границахъ и разныхъ правахъ, до права сильнаго включительно, которое, собственно говоря, и есть единственное право всякой войны.

Противъ войны написаны друзьями человѣчества цѣлыя горы книгъ, и все это ни къ чему. Военныя стремленія все усиливаются, и при малѣйшемъ поводѣ сейчасъ же слышатся воинственные голоса. Достаточно припомнить случившееся въ концѣ этого года недоразумѣніе между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Кажется, уже американцы могли бы процвѣтать самымъ мирнымъ образомъ, совершенно игнорируя старые счеты евро-

пейскихъ державъ между собой. Но только коснулся вопросъ до извѣстныхъ хищническихъ привычекъ старой доброй Англіи все захватывать, присоединять и округлять, какъ сейчасъ же поднялся цѣлый хоръ вызывавшихъ на ратоборство голосовъ. Читаешь и собственнымъ глазамъ не вѣришь, что люди, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, могутъ все это продѣлывать. Больше тридцати лѣтъ американцы пользуются всѣми благами мира и вдругъ готовы ринуться на Англію по первому призыву. Вѣроятно, человѣчество несетъ въ себѣ эту жажду войны въ качествѣ первороднаго грѣха...

III.

Характерная замѣтка, вызванная столкновеніемъ Англіи съ американцами, помѣщена въ «New-York-Herald». Вотъ что сообщаетъ одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты, бесѣдовавшій съ знаменитымъ Эдиссономъ. «Подобная война,—сказалъ Эдиссонъ,—должна вызвать появленіе множества разрушительныхъ изобрѣтеній, которыя поразятъ весь міръ. Для этого не потребуется крупныхъ сраженій между двумя могущественными арміями; напротивъ, будетъ достаточно горсти людей, чтобы раздавить вторгающагося непріятели. Развѣ мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи электричества и даже воды, которая смертоноснѣе всякихъ артилерійскихъ снарядовъ. Я изобрѣлъ машину, которая можетъ извергать на значительное разстояніе потоки воды, заряженной 5.000 вольтовъ, и я увѣряю васъ, что она смоетъ цѣлую армію, какъ соломенку. Я изобрѣлъ также кабели, которые можно зарыть вокругъ осажденнаго города и которые, какъ молніей, сразятъ всѣхъ осмѣлившихся переступить черезъ нихъ. Мнѣ пришла въ голову идея цѣпей различной длины, одинъ конецъ которыхъ будетъ соединяться съ динамо-машиной, а другой помѣщенъ въ пушкѣ; эти цѣпи будутъ бороздить воздухъ, какъ гигантскія змѣи, и повсюду разносить смерть. Мы будемъ бросать сверху на непріятеля адскія машины, которыя будутъ производить взрывъ, падая съ воздушныхъ шаровъ. Представьте, что 50 такихъ машинъ содержатъ 500 фунтовъ динамита и вообразите себѣ опустошенія, которыя онѣ произведутъ! Мы организуемъ вокругъ нашихъ гаваней оборонительную сѣть изъ ужасающихъ торпедъ. Я задумалъ также устройство пушки, стрѣляющей динамитомъ. Наконецъ, я изучаю проектъ двойной пушки, посылающей снаряды на разстояніе 24 миль. Въ случаѣ войны съ Великобританіей произойдутъ способныя ужаснуть

міръ событія, такъ какъ я изложилъ вамъ только часть моихъ проектовъ».

Эти хвастливыя угрозы, приписываемыя Эдиссону, характерны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ слѣдуетъ, что существовавшихъ ужасовъ войны какъ будто недостаточно и что настоящіе патентованные воинскіе ужасы еще впереди. Что же, все можетъ быть... Кстати, разрушительное дѣйствіе воды для военныхъ цѣлей появляется на сцену еще въ первый разъ и можетъ произвести цѣлый переворотъ въ военномъ искусствѣ. Раньше герой приспособлялся къ разному ручному дреколью, потомъ научился пускать стрѣлы, потомъ стрѣлять изъ ружей и пушекъ, взрывать динамитомъ, а теперь этотъ герой долженъ приспособляться къ истребленію непріятеля водой. Мысль, во всякомъ случаѣ, вполнѣ оригинальная, и дальше остается только моментально замораживать цѣлыя арміи и вообще консервировать ихъ тѣмъ или другимъ способомъ. Жаль, что Эдиссонъ не договариваетъ главнаго: характеръ войнъ измѣнится совершенно только съ изобрѣтеніемъ въ окончательной формѣ воздухоплаванія. Раньше человѣчество дралось на сушѣ и на водѣ, а тогда будетъ драться въ воздухѣ. Картина получится самая грандіозная, и страшно подумать, что ее не сегодня — завтра реализуетъ какой-нибудь безвѣстный ученый у себя въ лабораторіи. Наука является сейчасъ главнымъ дѣятелемъ, и все зависитъ отъ нея. Успѣхъ войны впередъ будетъ обезпеченъ какимъ-нибудь новымъ словомъ этой науки, и побѣды будутъ приготовляться химическимъ путемъ.

Да, мало пережитыхъ человѣчествомъ военныхъ ужасовъ, и мы стремимся къ еще большимъ ужасамъ. Но не лишнее оглянуться по этому поводу въ недалекое прошлое для нѣкоторыхъ подсчетовъ и маленькихъ итоговъ. Въ доброе старое время били враговъ безъ счета, сколько Богъ на душу положитъ, а нынче убьютъ и сейчасъ же сосчитаютъ. Прогрессъ очевидный... Воспользуюсь нѣкоторыми данными. Какъ оказывается, быть убитымъ на войнѣ выпадаетъ на долю счастливцевъ, а главный процентъ смертности падаетъ на болѣзни. Одно число раненыхъ превышаетъ число убитыхъ въ 6—7 разъ, а тамъ являются тифы, дизентеріи и прочія болѣзни военнаго времени. Въ Испаніи, въ періодъ времени съ января 1811 года до января 1814 года, изъ общаго числа сражавшихся 61.512—погибло отъ оружія только 8,889 человѣкъ, а отъ болѣзней—24.930 человѣкъ. Въ крымскую кампанію (1854—56 г.) французовъ участвовало 309.268 человѣкъ; изъ нихъ всего погибло 94.000 человѣкъ; въ томъ числѣ отъ непріятельскаго оружія 20.000 человѣкъ и 74 тысячи отъ болѣзней. Во время прусско-австрійской войны 1866 года побѣдо-

носная прусская армія потеряла одного убитаго изъ 146 человѣкъ (0,6%) и 1 изъ 73, умершаго отъ болѣзни (1,2%). Франко-прусская война дала въ результатѣ 140.000 погибшихъ французовъ, впрочемъ, только 20.000 погибли отъ нѣмецкихъ пуль.

Неужели мало всѣхъ этихъ ужасовъ?

Да, я съ особенной грустью смотрю на рождественскія елки, украшенныя эмблемами войны... Кому это нужно? Для чего прививать дѣтскому сердцу безсмысленную жестокость?

Баранчукъ.

Письмо въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Позвольте черезъ посредство вашего изданія обратиться ко всѣмъ, кто пожелаетъ помочь мнѣ въ составленіи возможно полной біографіи и критическаго этюда о личности и произведеніяхъ покойнаго *Николая Васильевича Успенскаго*. Какъ землякъ и большой почитатель его, я уже имѣю для того нѣкоторые матерьялы, но ихъ еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы нарисовать образъ этого оригинальнаго человѣка и писателя, даровитаго въ высшей степени, но совершенно забытаго и литературой, и обществомъ. И вотъ я покорнѣйше прошу всѣхъ, кто можетъ, доставить мнѣ на время воспоминанія о немъ, хотя бы самыя отрывочныя, его письма, біографическія свѣдѣнія — словомъ, все, что такъ или иначе относится къ Н. В. Все это будетъ принято и возвращено съ глубокой благодарностью.

Адресъ: г. Полтава, завѣдывающему статистическимъ бюро губернскаго земства Ю. А. Бунину, для передачи Ивану Алексѣевичу Бунину.

Газеты прошу перепечатать это письмо.

Ив. Бунинъ.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1896 ГОДА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ МОСКВѢ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЧИТАТЕЛЬ“.

Цѣль журнала—доставить **небогатой интеллигенціи**, особенно живущей въ глухой провинціи, возможность составить за крайне дешевую цѣну

СОБСТВЕННУЮ БИБЛІОТЕКУ

изъ напечатанныхъ въ другихъ журналахъ выдающихся произведеній лучшихъ современныхъ, преимущественно русскихъ писателей.

Годовое изданіе журнала „ЧИТАТЕЛЬ“

БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ

изъ 50 книгъ

отъ 140 до 200 стран. каждая, формата $^1/_{16}$, что составитъ въ теченіе года до

300 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годъ 5 руб.,
съ пересылкой **6 руб.**

Каждая книга журнала «ЧИТАТЕЛЬ» будетъ вмѣщать въ себѣ одно или нѣсколько **законченныхъ произведеній.**

Каждый томъ обойдется при подпискѣ 10 коп.

Взамѣнъ разсрочки подписной цѣны гг. подписчики могутъ подписываться по частямъ года.

Подписная цѣна съ пересылкой: на полгода 3 руб., на 4 мѣсяца 2 руб.

Къ изданію время отъ времени будутъ прилагаться

ПОРТРЕТЫ АВТОРОВЪ.

ВЫХОДЪ КНИЖЕКЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

Контора редакціи въ Москвѣ, Страстной бульваръ, домъ Адельгеймъ.

Редакторъ-издатель *Ѳ. А. Куманинъ.*

и ноги, которыя бросаютъ въ огонь въ его присутствіи. Скирни, чтобы добиться руки Герды для своего повелителя, осыпаетъ ее проклятіями и грозитъ отрубить ей голову, чѣмъ и добивается успѣха [1]). Гунаръ, чтобы одному сохранить тайну сокровища Нибелунговъ, требуетъ сердца своего брата Хогни.

— Мнѣ надо сердце Хогни,—говоритъ онъ,—пусть его вырѣжутъ изъ груди храбреца и принесутъ мнѣ.

И вырѣзавъ сердце изъ груди раба Хіали, принесли его на блюдѣ Гунару.

— Это сердце труса Хіали,—сказалъ Гунаръ, царь людей,—оно непохоже на сердце храбраго Хогни. Оно дрожитъ на блюдѣ, какъ и дрожало отъ страха въ его груди.

Когда стали вырѣзать сердце у живого героя, то Хогни смѣялся, и не вырвалось изъ его устъ ни одной жалобы. Это сердце, все въ крови, положили на блюдо и понесли къ Гунару.

Тогда сказалъ Гунаръ, герой Нибелунговъ:

— Вотъ это—сердце храбраго Хогни; оно отличается отъ сердца труса Хіали, оно не дрожитъ на блюдѣ и еще менѣе дрожало въ его груди.

Отдавъ такимъ образомъ справедливость отвагѣ брата и не чувствуя ни малѣйшихъ укоровъ совѣсти, Гунаръ восклицаетъ съ радостью, что онъ одинъ будетъ владѣть тайной Нибелунгскихъ сокровищъ, и что эти сокровища скорѣе погрузятся въ волны Рейна, чѣмъ будутъ блестѣть на рукахъ гунновъ [2]).

Излишне указывать, такъ какъ это прямо бросается въ глаза, на отсутствіе утонченныхъ чувствъ у этихъ героевъ. Для нихъ не существуетъ красоты, они равнодушны къ тому, что земля производитъ цвѣты, и что щеки ихъ женщинъ алѣютъ, какъ наперстянка. Они также небыстры на отвѣты и вмѣсто того, чтобы шутить, убиваютъ. «Ты только-что съѣлъ свѣжія и подслащенныя медомъ сердца твоихъ сыновей,—говорила царица Гудруна Атиллѣ, историческому царю гунновъ, который въ этой литературѣ составляетъ типическую личность чужеземнаго военнаго героя,—не правда-ли, это пища вкусная, и ты съ удовольствіемъ переваришь кровавое человѣческое мясо?» [3]). Вотъ какія шутки были имъ понятны. И поэтъ называетъ эти слова царицы «саркастическимъ выраженіемъ». Подобный же обмѣнъ сатирическихъ выраженій между Локи и богами не менѣе замѣчателенъ. «Подлецы!» кричитъ Локи богамъ, «развратницы!» кричитъ онъ богинямъ, а

[1]) Lay of Skirni.—Corpus poeticum, I, p. 114.

[2]) Atla Kvida—Corpus poeticum. I, p. 48. Это одна изъ самыхъ древнихъ поэмъ сборника.

[3]) Ibid, p. 51.

они отвѣчаютъ ему: «пьяница!» Конечно, такая раса не обладала argutae loqui кельтовъ.

Грубые на словахъ и жестокіе въ своихъ поступкахъ [1]), они любили все фантастичное, чудесное, необыкновенное, колоссальное, и это стремленіе обнаруживается въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ цѣлью позабавить читателей; въ нихъ оно еще болѣе замѣтно чѣмъ въ старинныхъ кельтическихъ разсказахъ. Торъ отправляется съ великаномъ на рыбную ловлю; великанъ прикрѣпляетъ два крючка съ червями на свою удочку и заразъ вытаскиваетъ двухъ китовъ, а Торъ, вмѣсто приманки, привязываетъ къ своей удочкѣ бычачью голову и вытаскиваетъ изъ воды великаго змѣя, опоясывающаго землю [2]).

Однако, жестокость и энергія не мѣшаютъ этимъ героямъ иногда сосредоточиваться въ самихъ себѣ. Ихъ сильныя, мощныя натуры, способныя смѣяться въ ту минуту, когда у нихъ вырываютъ изъ груди сердце, становятся по временамъ жертвами смутныхъ и мрачныхъ идей. Еще въ эту отдаленную эпоху міръ, кажущійся намъ столь молодымъ, въ ихъ глазахъ уже состарился. Имъ были извѣстны и туманныя разочарованія, и безплодная печаль, и отвращеніе къ жизни. Ни одна литература не произвела столько пессимистическихъ поэмъ: ими изобилуетъ Corpus poeticum сѣвера.

II.

Съ подобными преданіями, вѣрованіями и мыслями англо-саксы завоевали Британію и поселились на ней [3]). Помѣстившись въ

---

[1]) Приведемъ одинъ весьма характерный примѣръ: «предводитель викинговъ получилъ прозвище Берна (маленькаго мальчика), потому что онъ былъ настолько добръ, что прекратилъ игру своихъ товарищей, которые забавлялись тѣмъ, что бросали маленькихъ дѣтей на воздухъ и ловили ихъ остріями своихъ копій. Этимъ людямъ показалось страннымъ его человѣчный поступокъ, вслѣдствіе чего они и дали ему унизительную кличку. C. F. Keary, The Vikings in western Christendom, 789—888, London, 1891, p. 39.

[2]) Hymis-Kvida—Corpus poeticum, I, p. 222.

[3]) Слѣдующія рукописи заключаютъ въ себѣ самые драгоцѣнные памятники англо-саксонской литературы:

Поэзія:

Рукопись «Беовульфа» въ Британскомъ музеѣ (Ms. Cottonnien Vitellius A. XV), написанная въ концѣ X или въ началѣ XI вѣковъ.

Отрывокъ поэмы о Вальдгерѣ въ Копенгагенской библіотекѣ.

Рукопись Эксетерская (Codex Exoniensis), написанная въ X вѣкѣ и подаренная въ 1046 году Соборной библіотекѣ этого города первымъ его епископомъ Леофрикомъ (Различныя стихотворенія).

Рукопись Верцельская (Vercelli, въ Ломбардіи, Codex Vercelensis), заключающая въ себѣ различныя стихотворенія.

изолированныхъ жилищахъ, они покидаютъ эти жилища только для того, чтобы идти на войну, а возвратясь, предаются уединеннымъ мечтаніямъ, если не оргіямъ. Вся ихъ оригинальная литература, подобно литературѣ ихъ родичей на континентѣ [1]), состоитъ изъ побѣдныхъ пѣсенъ и печальныхъ сѣтованій. Ихъ поэзія или воинственна, или созерцательна.

Они воевали со своими сосѣдями или со своими сородичами, которые, въ свою очередь, являлись изъ отдаленнаго отечества, съ цѣлью овладѣть островомъ. Побѣдная пѣснь сохраняетъ у нихъ свой пламенный характеръ и, хотя въ нѣсколько ослабленномъ видѣ, выражаетъ надменную гордость и жестокость предковъ. Отклики этой жестокости слышатся даже въ религіозныхъ поэмахъ, написанныхъ послѣ введенія христіанства, и на однообразныхъ страницахъ національныхъ лѣтописей. Англо-саксонскій монахъ, составляющій въ своей кельѣ годичную хронику, чувствуетъ, что кровь его кипитъ при мысли о большой битвѣ, и среди мирной прозы, передающей извѣстія о лунныхъ затмѣніяхъ и убійствахъ королей, неожиданно раздается торжественная, звучная ода, хотя и не въ стихахъ:

Рукопись Бодлеанская въ Оксфордѣ (Junius XI), содержащая въ себѣ изложеніе въ стихахъ Библіи, частью приписываемое Кэдмону (почеркъ X столѣтія).

Рукопись Англо-саксонскаго псалтыря въ Парижѣ (Bibliothèque Nationale, Lat. 8824) — Почеркъ XI столѣтія. Пятьдесятъ псалмовъ въ прозѣ и сто въ стихахъ.

Проза:

Рукопись Эпинальская, содержащая въ себѣ англо-саксонскія глозы, т.-е. небольшія произведенія VII вѣка.

Рукопись Гатонская въ Оксфордѣ (Бодлеанская библіотека, XX), содержащая въ себѣ переводъ, сдѣланный Альфредомъ, Regula pastoralis св. Григорія (экземпляръ Вурстерскаго епископа Верферта).

Рукопись Англо-саксонской хроники, варіантъ Винчестерскій, въ библіотекѣ коллегіи Corpus Christi въ Кембриджѣ (рукопись LXXIII).

Рукописи поученій Эльфрика и Вульфстана въ Бодлеанской библіотекѣ (unius XXII et unius XCIX), а также Бликлинга въ Бликлингъ-Голъ въ Норфолькѣ.

Относительно рукописей съ миніатюрами см. рукопись Lindisfarne Gospels въ Британскомъ музеѣ (Cotton Nero d. IV—VIII и IX вѣкъ); эта рукопись латинская, но въ ней есть глозы англо-саксонскія. Образцы подобныхъ миніатюръ и другихъ орнаментовъ этого рода находятся въ Fac similes of the Miniatures Ornaments of Anglo-Saxon and Irish mss. London 1868 и Paleographia sacro pictoria. London 1844.

[1]) Тацитъ упоминаетъ о тѣхъ стихотворныхъ похвалахъ, которыя германцы расточали своимъ героямъ. De moribus, cap. I. Эгенгардъ въ IX вѣкѣ находитъ такія же варварскія военныя пѣсни среди гальскихъ франковъ. Vita Caroli XXIX (Leben und Wandel Karl des Grossen, Hamburg und Gotha 1839, 2 vol. I, 89),

«Въ этомъ году король Этельстанъ, повелитель всѣхъ графовъ и раздаватель перстней воинамъ, а также его братъ, принцъ Эдмундъ, стяжали себѣ славу ударами мечей въ битвѣ при Брунанбурѣ. Обитатели Шотландіи и гребцы сѣвера падали толпами и умирали. По полю битвы текли потоки воинской крови отъ той минуты, когда утромъ солнце освѣтило землю, до того мгновенія, когда этотъ лучезарный свѣточъ Милосерднаго Бога исчезъ вечеромъ».

Поэтъ описываетъ пораженіе враговъ, ихъ бѣгство и жестокую рѣзню; онъ съ криками радости созываетъ на мертвые трупы дикихъ птицъ: темныхъ вороновъ съ кривымъ клювомъ, орловъ съ бѣлыми хвостами и кровожадныхъ соколовъ. «Никогда не видывали такой прекрасной бойни,—говоритъ онъ,—съ того времени какъ англы и саксы пришли съ востока и, перелетѣвъ черезъ широкій океанъ, гордые и кровавые труженики славы, побѣдили кельтовъ и утвердились въ ихъ странѣ» [1]). Сердце лѣтописца таетъ при мысли о столькихъ трупахъ, о такой прекрасной рѣзнѣ, о пролитіи такой массы крови; онъ счастливъ и полонъ радости; его душа ликуетъ подобно тому, какъ душа поэтовъ другой эпохи и другой страны ликуетъ при мысли о тѣхъ тропинкахъ, на которыхъ «вѣтеръ разносилъ лепестки розъ».

Эти могучіе люди, подобно ихъ родичамъ по ту сторону моря, сразу переходятъ отъ крайней радости къ крайнему горю; утонченные переходы отъ одного чувства къ другому, сродные южнымъ народамъ и классическимъ расамъ, имъ не вѣдомы. Они восторгаются разсказами о геройскихъ подвигахъ короля Вальдгера Аквитанскаго [2]) и готскаго воина Беовульфа. Они сохра-

---

[1]) Англо-саксонская хроника, 1861, sub anno 937. Дѣло идетъ о знаменитой побѣдѣ, одержанной англо-саксами надъ шотландцами и датчанами. Эту поэму перевелъ англійскими стихами Теннисонъ. Другія военныя пѣсни дошли до насъ, сохранившись въ Англо-саксонской хроникѣ или въ отдѣльныхъ отрывкахъ. Наиболѣе замѣчательны: очень древній отрывокъ о битвѣ подъ Фринсбургомъ (найденъ въ переплетѣ одной старой книги), битвы, упоминаемой у Беовульфа (Grein, Bibliothek der Angelsaechsischen Poesie, t. I, — Harrison and Sharp—Beowoulf, Boston 1888) и поэма о смерти Биртнота въ Мальдонской битвѣ (текстъ у Грейна и въ Англо-саксонской хроникѣ, sub anno 991).

[2]) Вальдгеръ Аквитанскій увезъ свою невѣсту Гильдегонду отъ двора Атиллы и выдержалъ, перебираясь черезъ Вогезскія горы, тяжелую борьбу съ Гунтеромъ и Гагеномъ, которые играютъ роль также и въ Нибелунгахъ. Отъ этого эпическаго разсказа остался только отрывокъ, относящійся, повидимому, къ VIII вѣку, а все его содержаніе извѣстно намъ только по латинской поэмѣ, написанной на тотъ же предметъ въ X вѣкѣ монахомъ Эккгардомъ изъ Сенъ-Галлена (Ekkehardi primi Waltharius ed. Reiper. Berlin 1878). Англо-саксонскій текстъ напечатанъ Стивенсомъ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ въ 1860 году, подъ заглавіемъ Two leaves of King Waldere's lay, a hitherto

нили память объ этихъ личностяхъ и на своей новой родинѣ, посвятивъ Беовульфу самую длинную изъ дошедшихъ до насъ поэмъ. Среда, чувства, нравы и представленія о жизни тѣ же самые, какъ и у героевъ Corpus poeticum.

Беовульфъ уничтожаетъ все, до чего прикасается; въ битвахъ онъ истребляетъ чудовищъ, а въ разговорахъ побиваетъ своихъ собесѣдниковъ, при чемъ его возраженія не отличаются ловкостью. Это не удары стрѣлъ, а удары дубинъ. Гунфертъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не лучшій пловецъ на свѣтѣ. Беовульфъ отвѣчаетъ ему на это рѣчью, которую можно резюмировать четырьмя словами: лжецъ, пьяница, убійца, подлецъ. Точно также выражаются сѣверные боги и богини; поэтому для воиновъ это нисколько не грубыя выраженія и они, такъ же какъ боги, не приходятъ въ ярость, а смѣются.

Эта странная поэма [1])—самый замѣчательный памятникъ англо-саксонской литературы, — найденъ въ концѣ XVIII вѣка въ рукописи X или XI вѣковъ, которая сохраняется теперь въ Британскомъ музеѣ. Мало такихъ памятниковъ старины, которые возбуждали бы столько споровъ, какъ она; въ литературныхъ распряхъ по этому поводу принимали участіе ученые Даніи, Англіи, Швеціи, Германіи, Франціи и Америки, и миръ до сихъ поръ еще не заключенъ между ними.

Въ основѣ этой поэмы, такъ же какъ въ старинныхъ кельтическихъ разсказахъ, лежатъ древнія языческія легенды; она, повидимому, составлена въ Англіи христіаниномъ, по всей вѣроятности въ VIII вѣкѣ. Однако, англы и саксы въ ней не упоминаются, а дѣйствующія лица принадлежатъ къ германскимъ расамъ, оставшимся на континентѣ: Беовульфъ—готъ, съ Готланда въ Швеціи, Хротгаръ—датчанинъ, который, какъ теперешніе датскіе короли, царствовалъ на островѣ Зеландіи. Но англо-саксы вспоминали о своей древней родинѣ и воспѣвали Беовульфа, какъ

---

unknown Old-English epic of the VIII th century, belongin to the Saga—yclus of King Theodric and his men. now first publisht from the originals of the IXth century 1860.

[1]) Autotypes of the unique Cotton Ms. Vitetius A. XV in the British Museum with transliteration and notes by J. Zupitza. London. Early English Text Society. 1882. Beowulf an anglo-saxon poem. Boston 1888.—Beowulf a heroic poem of the VIII century with a translation. London 1876. The deeds of Beowulf... done into modern prose par E. J. Earle. Oxford 1892. О близкомъ сходствѣ главнѣйшихъ эпизодовъ Беовульфа и исландской саги *Gretti* (онѣ обѣ основаны на однѣхъ и тѣхъ же народныхъ пѣсняхъ) смотри—Corpus poeticum boreale, t. II p. 501. О названіяхъ англійскихъ мѣстностей, напоминающихъ дѣйствующихъ лицъ въ Беовульфѣ, смотри—Anglo-saxon Sagas, by D. Haigh.—London. 1861.

своего предка. Неудивительно, что поэма, составленная при такихъ условіяхъ, полна несообразностей: герои ея въ одно и то же время язычники и христіане, они вѣрятъ въ Христа и въ бога Тора; они борятся съ чудовищами скандинавской миѳологіи и видятъ въ нихъ потомковъ Каина; историческіе факты, какъ, напримѣръ, сраженіе въ VI вѣкѣ, упоминаемое Григоріемъ Турскимъ и окончившееся побѣдой франковъ [1]), разсказываются наряду съ фантастичными поединками въ водяной пучинѣ.

Датчане, согласно легендѣ, отчасти приведенной въ поэмѣ, не имѣли главы. Однажды они увидали на морѣ лодку и въ ней ребенка съ сокровищами. Въ этомъ невѣдомомъ подаркѣ они увидали знаменіе свыше, взяли ребенка себѣ въ короли и «онъ былъ хорошимъ королемъ». Когда онъ умеръ, его снова положили въ лодку, окружили сокровищами и пустили по морю на волю судьбы. Такимъ образомъ никто не зналъ, откуда пришелъ этотъ король и куда онъ ушелъ.

Одинъ изъ его преемниковъ, Хротгаръ, подъ старость выстроилъ великолѣпную залу своимъ воинамъ для пировъ и раздачи браслетовъ. Тамъ воины весело пили, а поэты воспѣвали происхожденіе вещей. Но среди уединенныхъ болотъ жило чудовище, по имени Грендель; «нѣкоторое время оно еще переносило, хотя и съ трудомъ, веселыя забавы, происходившія въ залѣ, гдѣ звуки арфъ мѣшались съ пѣніемъ»; но однажды ночью чудовище вошло въ залу и нашло тамъ значительное число воиновъ, спавшихъ послѣ пира; эти воины не чаяли никакой опасности, но Грендель взялъ изъ ихъ числа тридцать человѣкъ, унесъ ихъ въ свою берлогу и тамъ съѣлъ. Послѣ того онъ каждый вечеръ возвращался въ залу и дѣлалъ такъ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного воина.

Племянникъ Хигелака, короля готовъ, воинъ Беовульфъ услыхалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, сѣлъ на корабль, быстро разрѣзавшій морскую пѣну, и взялъ путь лебедей, такъ какъ по сѣверному морю лежитъ дорога одинаково и китамъ, и дикимъ лебедямъ, которыми доселѣ изобилуютъ норвежскіе берега [2]). Онъ явился къ Хротгару и предложилъ ему освободить его царство отъ чудовища.

Наступила ночь; готъ и его товарищи изрядно вышили въ залѣ и уснули. Грендель, по обыкновенію, появился въ свое время и увидѣлъ воиновъ, распростертыхъ на полу. «Страшный свѣтъ,

---

[1]) Григорій Турскій—кн. III, гл. 9, а въ Беовульфѣ стихъ 1202 и слѣдующіе. Отождествленіемъ Хигелака съ Хохилаикомъ Григорія Турскаго мы обязаны Грундвигу.

[2]) Ихъ очень много на берегахъ провинціи Финмаркенъ, а зимой они встрѣчаются болѣе къ югу.

подобный пламени, сверкнулъ въ его глазахъ», и онъ громко разсмѣялся при мысли о предстоящей ему добычѣ. Онъ схватилъ одного изъ воиновъ и, выпивъ сначала его кровь, проглотилъ его туловище кусокъ за кускомъ. Въ одну минуту отъ воина остались только ноги и руки. Но едва онъ окончилъ свое кровавое дѣло, какъ очутился лицомъ къ лицу съ Беовульфомъ. Между ними завязался ужасный бой; золоченыя скамьи были свалены, и удивительно было, что самая зала не рухнула, но ее спасли желѣзные устои. Наконецъ Беовульфъ вырвалъ одну изъ рукъ Гренделя, и чудовище убѣжало въ свое болото и тамъ околѣло.

Богато одаренный Беовульфъ возвратился въ свою страну. Но явилось новое бѣдствіе. Мать Гренделя, изъ мести за сына, явилась ночью и поглотила самаго любимаго совѣтника Хротгара. Беовульфъ вернулся и проникъ въ жилище чудовища среди болотъ; борьба завязалась кровавая, и герой едва не погибъ, когда увидалъ громадный мечъ, который выковали Титаны. Онъ поражаетъ на смерть врага этимъ мечемъ, въ придачу сноситъ имъ голову Гренделя, тѣло котораго лежало бездыханное на землѣ. Отъ прикосновенія его зараженной крови, лезвіе меча растаяло, какъ ледъ отъ весенняго солнца [1]). Но чудовища не возстали.

Послѣ этого, принявъ участіе въ исторической битвѣ съ франками, въ которой его дядя Хиделакъ былъ убитъ, Беовульфъ сдѣлался королемъ и царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ. Подъ старость ему еще разъ пришлось бороться съ чудовищемъ, которое караулило какое-то сокровище. Онъ остался побѣдителемъ, но былъ раненъ, сѣлъ на камень и почувствовалъ, что умираетъ. Онъ просилъ своихъ товарищей сдѣлать на берегу моря большой курганъ, подъ которымъ и похоронить его, такъ, чтобы «моряки, направлявшіе по волнамъ свои суда, могли видѣть издали его могилу и называть ее Беовульфовымъ Курганомъ».

Для этого героя и ему подобныхъ идеалъ счастія отнюдь не походилъ на нашъ идеалъ. Для нихъ счастье заключалось въ томъ, чтобы хорошо пошить и поѣсть послѣ доброй драки, владѣть хорошимъ оружіемъ и многочисленными браслетами, слушать разсказы подъ музыку и потомъ спать. Такова была жизнь товарищей Хротгара, которые не знали «горя и страданій людскихъ». Все, что возбуждаетъ добрыя человѣческія чувства, было имъ чуждо и невѣдомо. «Лучше отомстить за своего друга, чѣмъ оплакивать его смерть», говоритъ Беовульфъ, отличаясь въ этомъ отъ Ролана, героя франковъ, который также былъ

---

[1]) Chanson de Roland, ver. 2804.

германцемъ, но совершенно измѣнился отъ соприкосновенія съ галлами и плакалъ, когда умирали его товарищи.

Описанія природы въ англо-саксонскихъ поэмахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствующимъ лицамъ. Грубые сѣверные пейзажи нравятся ихъ душамъ, и морозъ, ледъ, иней, градъ, завыванія бурь и ревъ морскихъ валовъ такъ же часто встрѣчаются въ этой литературѣ, какъ солнце, цвѣты и апельсины въ поэзіи тѣхъ народовъ, которымъ сродны эти послѣдніе предметы. Всѣ описанія очень кратки, за исключеніемъ тѣхъ, которыя относятся до сѣверной стужи. Въ описаніяхъ ея англо-саксонскіе поэты чрезвычайно многорѣчивы: ихъ языкъ тогда вполнѣ развязывается. Въ Беовульфѣ самое длинное и вѣрное описаніе касается жилища чудовища. «Оно обитаетъ въ дикой мѣстности, гдѣ бѣгаютъ волки, и въ опасныхъ болотахъ, гдѣ вода, падающая съ горъ, окутанныхъ туманомъ, всасывается въ землю. Тамъ каждую ночь является ужасное чудо: огоньки на водѣ. Самымъ мудрымъ изъ людей неизвѣстна глубина этихъ болотъ. Если проникаетъ туда олень, обитатель равнинъ, то онъ останавливается на границѣ рокового мѣста и скорѣе околѣетъ тамъ, чѣмъ переступитъ эту границу. Это мѣсто проклятое; тамъ мрачныя волны подымаются къ небесамъ во время бурь, воздухъ чернѣетъ и небо плачетъ» [1]).

Тѣмъ же мрачнымъ духомъ отличается національная эпопея, мелкія поэмы и даже хроники англо-саксовъ. Вслѣдъ за періодами пламеннаго энтузіазма наступаютъ эпохи полнаго отчаянія. За оргіями слѣдуютъ припадки мрачнаго разочарованія, въ битвахъ, они приносятъ въ жертву свою жизнь, приносятъ безъ всякаго сожалѣнія, но въ минуты покоя мысль о смерти ихъ страшно тревожитъ. Ихъ религія предвидитъ конецъ не только міра, но всего, даже боговъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ:

«Человѣческая жизнь напоминаетъ мнѣ о тѣхъ собраніяхъ товарищей, которыя ты устраиваешь зимой въ залѣ, передъ огнемъ. Внутри тепло, а извнѣ свирѣпствуетъ буря съ проливнымъ дождемъ или снѣжнымъ бураномъ. Представь себѣ, что воробей влетитъ въ одну дверь и, пролетѣвъ сквозь всю залу, исчезнетъ въ другую; пока онъ находится въ залѣ, онъ укрытъ отъ бури, но эта спокойная безопасная минута коротка и, явившись изъ стужи, онъ снова возвращается на стужу. Такова жизнь людей; ее видно въ продолженіе нѣкотораго времени, но что ей предшествуетъ и что слѣдуетъ за ней — намъ неизвѣстно».

Кто это говоритъ? Гамлетъ или Клодіо въ «Мѣрѣ за мѣрой»?

---

[1]) Беовульфъ, ст. 1357 и слѣд.

НѢтъ. Это англо-саксонскій вождь VII вѣка, который встаетъ на совѣтѣ короля Эдвина и предлагаетъ ему принять религію монаховъ, пришедшихъ изъ Рима, потому что она разрѣшаетъ великую задачу [1]). Не смотря на то, что протекли вѣка и произошли громадные общественные перевороты, забота о томъ, что ожидаетъ человѣка за гробомъ—сохранилась въ странѣ. Ее вѣдали и пуритане, и Буніанъ, и Джонсонъ, и поэтъ Коуперъ. Но у расъ съ классическими тенденціями, напр. у французовъ мы встрѣчаемъ совершенно иное. Они, по крайней мѣрѣ, до нашего вѣка, говорили: не надо отравлять жизни мыслью о смерти; всему свое время; еще успѣется думать о кончинѣ, когда наступитъ ея часъ. «Сударыня,—говорилъ Ла-Муссъ будущей г-жѣ Гриньянъ, которая слишкомъ холила свои красивыя руки:—вѣдь онѣ сгніютъ». —«Да, но онѣ еще не сгнили»,—отвѣчала дочь г-жи де-Севинье, резюмируя въ двухъ словахъ философію большинства французовъ, которые полагали, что и грустными надо быть такъ, чтобы не мѣшать своимъ сосѣдямъ. По словамъ Ла-Фонтена, необходимо было уходить изъ жизни такъ же незамѣтно, какъ и изъ гостиной послѣ банкета. Подобное настроеніе, не имѣющее, однако, ничего общаго съ равнодушіемъ, рѣзко отличалось отъ энтузіазма и скорби сѣверянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не служило доказательствомъ слабости той расы, которая шла на жизненный бой безъ слезъ и безъ насмѣшекъ, а съ улыбкой [2]).

Примѣровъ мечтательной и воинственной англо-саксонской поэзіи можно было бы привести много. Тамъ встрѣчаются сѣтованія человѣка безъ отчизны, кочующаго молодца безъ друзей, или моряка, вѣчно странствующаго по волнамъ [3]); эти сѣтованія всегда соединены съ описаніями сѣверныхъ пейзажей, чего не встрѣчается въ античныхъ литературахъ. «Вскорѣ пробуждается человѣкъ безъ друзей; онъ видитъ передъ собою сѣдыя

[1]) Bede, Historia ecclesiastica gentis anglorum, II, 13.

[2]) Рагнаръ Лодброкъ въ ямѣ змѣй вызываетъ на битву своихъ враговъ и грозитъ имъ местью Одина. (Corpus poeticum boreale, T. II, p. 341. Въ тюрьмахъ временъ террора воспѣвали гильотину. На пакетботѣ «Франція», гдѣ былъ грузъ пороха, случился пожаръ, и корабль каждую секунду могъ взлетѣть на воздухъ. Вотъ что разсказываетъ свидѣтель иностранецъ. «Всѣ, въ томъ числѣ и маленькіе юнги, наперерывъ старались проявить другъ передъ другомъ и храбрость, и чисто галльскую веселость въ минуту опасности, какая представляетъ одну изъ прекрасныхъ чертъ національнаго характера». Бар. *Гюбнеръ* Incendie du paquebot «La France». Эти строки записаны на другой день послѣ пожара.

[3]) См. въ Codex Exoniensis. London. 1842 и поэмы: The Wanderer (Eard—Stapa) Tho Seafarer, — Deor the scalde's complaint — The Exile's complaint; The Ruin.

пѣнистыя волны, морскихъ птицъ, купающихся въ этихъ волнахъ, видитъ иней и снѣжный буранъ; тогда раны его сердца становятся еще глубже» [1]). Встрѣчаются описанія утренней зари съ совершенно новыми и неожиданными чертами: «гость засыпаетъ до той поры, когда черный воронъ весело провозглашаетъ, что настало время, когда восходитъ солнце, радость неба, а воры исчезаютъ». Конечно, никогда на террасахъ Рима, въ перистиляхъ Аѳинъ и на балконахъ Вероны не видали подобнаго восхода солнца при веселыхъ крикахъ вороновъ. Море англо-саксонцевъ не Средиземное, омывающее своими голубыми водами стѣны мраморныхъ виллъ, а сѣверное, съ сѣрыми валами, разбивающимися о мрачные, безплодные берега, или о подножія мѣловыхъ утесовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Христіанская литература англо-саксовъ.

I.

Августинъ, настоятель Св. Мартына въ Римѣ, былъ посланъ въ Британію Григоріемъ Великимъ и прибылъ туда въ 597 году. Онъ сталъ распространять между германскими пиратами, поселившимися на этомъ островѣ, странное ученіе. Проповѣдуемыя имъ идеи намъ такъ сродны, что трудно себѣ и представить, какое изумленіе онѣ должны были возбудить въ сѣверныхъ герояхъ. Людямъ, не знавшимъ страха, побѣждавшимъ царства остріемъ своихъ копій и тѣмъ же путемъ достигавшимъ Валгаллы Одина, людямъ, которые разсчитывали умереть въ бою, но не на постели, для того, чтобы Валкиріи, «браковщицы мертвецовъ», унесли ихъ въ небеса на своихъ бѣлыхъ коняхъ, — сталъ говорить чужестранный монахъ: «будьте добрыми, любите Бога слабыхъ и униженныхъ: Онъ, наперекоръ Одину, вознаградитъ васъ не за удаль, а за милосердіе».

Вотъ какое ученіе неустанно изобрѣтательный Римъ теперь распространялъ между торжествующими варварами. Понятія о государствѣ и о церкви возникли одновременно изъ развалинъ вѣчнаго города, но эти, одинаково могущественныя и почти противоположныя идеи не могли примириться между собой прежде многихъ вѣковъ безпорядковъ, насилія и бѣдствій. Государи, умѣвшіе предугадать необходимость подобнаго сліянія и пытав-

[1]) Wanderer.—тамъ же.

шіеся, хотя въ грубой формѣ, достигнуть этой цѣли, были очень рѣдки и заслуживаютъ безсмертной славы: ихъ звали Карломъ Великимъ и Альфредомъ Великимъ.

Подобно тому, какъ и на континентѣ, обращеніе варваровъ въ христіанство какъ бы чудомъ совершилось на англо-саксонскомъ островѣ. Августинъ окрестилъ короля Этельберта и отслужилъ обѣдню въ древней римской церкви Св. Мартына въ Кентербюри. Религія Виѳлеемскаго Младенца такъ же побѣдила первобытныхъ германскихъ дикарей, какъ и развращенныхъ римлянъ; трудности и окончательный успѣхъ были одинаковы какъ тутъ, такъ и тамъ. И среди варваровъ и римлянъ, новая религія шла противъ теченія: римлянинъ временъ упадка, какъ и торжествующій варваръ, были обуреваемы различными страстями, но они походили другъ на друга по тому пылу, съ которымъ они предавались этимъ своимъ страстямъ. Теперь проповѣдникъ новой вѣры говорилъ одинаково тому и другому: «сдерживай свои страсти, будь строгъ къ себѣ и милосердъ къ другимъ; блаженны бѣдные, блаженны люди простые; и тебѣ простится, если ты будешь прощать другимъ; ты не долженъ презирать слабыхъ, а долженъ любить ихъ». И этотъ новый тревожный шопотъ, звучавшій какъ благой совѣтъ и какъ угроза, слышался ежедневно и въ утренней молитвѣ, и въ звонѣ колоколовъ, и въ мелодичномъ церковномъ пѣніи.

Сначала обращеніе въ христіанство было поверхностное и ограничивалось внѣшней обрядностью; варваръ преклонялъ колѣно, но сердце его еще билось тѣми же чувствами, какъ и прежде. Духъ новой вѣры не могъ проникнуть въ грубую душу сразу,— онъ только тревожно волновалъ ее; послѣ многихъ переходовъ отъ новаго къ старому и обратно, послѣ многихъ измѣнъ и раскаяній, обращенный варваръ часто умиралъ, скорѣе стремясь перейти въ Валгаллу, чѣмъ въ христіанскій рай. Свидѣтели смерти варварскихъ государей, принявшихъ христіанство, не разъ сознавали это, и, напримѣръ, когда набожно умеръ въ Равенскомъ дворцѣ Теодорихъ Великій, окруженный священниками, то, по словамъ легенды, явился Одинъ на конѣ и унесъ его душу въ Валгаллу.

Новые христіане Великобританіи понимали религію Христа такъ же, какъ и культъ бога Тора. Пространство, отдѣлявшее человѣка отъ божества, было въ языческую эпоху очень не велико: боги отличались страстями и совершали подвиги, они были храбры и сражались мужественнѣе своихъ поклонниковъ. Долго, благодаря весьма естественной непослѣдовательности, христіанскіе неофиты продолжали искать вокругъ себя новаго Бога-человѣка, который, непонятно для нихъ, исчезалъ въ безконечности. Они обращались къ нему, какъ, бывало, къ обоготвореннымъ героямъ, которые

должны были понимать ихъ нужды и горе, потому что нѣкогда сами раздѣляли ихъ. Долго новыя вѣрованія были ни чѣмъ инымъ, какъ наслоеніемъ на старомъ культѣ. Вѣрили въ Христа, но боялись Одина и тайно умилостивляли его жертвами. Государи были вынуждены обнародовать указы, запрещавшіе вѣрить старинным богамъ, которыхъ они называли демонами; но это не мѣшало монахамъ, писавшимъ англо-саксонскую хронику, вести генеалогію своихъ государей отъ Одина, если не для того, чтобы ихъ обоготворять, какъ въ старину, то, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ облагородить [1]).

По словамъ апостола Павла, повиновеніе должно быть разумно. Но англо-саксы въ первыя времена своего обращенія въ христіанство не держались этого правила, а вѣрили по приказу, по военному. Вслѣдъ за государемъ обращались и всѣ подданные, а если онъ измѣнялъ новой вѣрѣ, то ей измѣняли и они всѣ. Но съ годами новая религія все усиливалась, а старинная ослабѣвала. На югѣ это явленіе совершилось благодаря вліянію Августина и монаховъ, прибывшихъ изъ Рима, а на сѣверѣ трудами кельтическихъ монаховъ изъ Іонскаго монастыря, основаннаго въ VI вѣкѣ св. Колумбомъ, по образцу монастырей ирландскихъ. Въ срединѣ VII вѣка дѣло было почти окончено; старинныя церкви, заброшенныя римлянами, возстановлены и построено много новыхъ; одна изъ нихъ сохранилась до сихъ поръ въ Брадфордѣ на Авонѣ [2]). Кромѣ того, возникли монастыри, центры культуры и ученія. Нѣкоторые изъ государей этой дикой страны представляютъ великіе примѣры вѣры во Христа и преданности римскому папѣ; они помѣчаютъ свои хартіи такимъ-то годомъ «царства Господа нашего Іисуса Христа, царящаго во вѣки вѣковъ» [3]). Принцесса Гильда основала въ VII вѣкѣ монастырь Стреонешальхскій [4]) и

---

[1]) «Пенда былъ сынъ Пибба, Пибба—сынъ Криды, Крида—сынъ Синевальда, Синевальдъ—сынъ Кнеббы, Кнебба—сынъ Иселя, Исель—сынъ Эомера, Эоморъ—сынъ Ангельтео, Ангельтео—сынъ Оффа, Оффъ—сынъ Вэрмунда, Вэрмундъ—сынъ Витлега, Витлегъ—сынъ Одина»). Anglo-Saxon chronicle, sub anno 626. Ордерикъ Виталь, родившійся въ Англіи и писавшій въ Нормандіи въ XII столѣтіи, продолжалъ выводить генеалогію англійскихъ королей отъ Одина. Historia ecclesiastica III, 161, см. также подобную генеалогію у Матвѣя Парижскаго (XIII вѣка), Chronica Majora, I, 188—189, 422.

[2]) Она относится, повидимому, къ VIII столѣтію. На счетъ церквей Нортумбріи до нормандскаго завоеванія см. статью Ц. Годжеса, въ Reliquary, 1893.

[3]) Напримѣръ, хартія Оффы въ 793 г. (Matthae; Parisiensis... Chronica Majora, VI additamenta, I, 24).

[4]) Датчане переименовали его въ Витби, и это имя сохранилось до сихъ поръ.

была его первой настоятельницей. Сеадвалла умеръ въ Римѣ въ 688 году и погребенъ въ соборѣ Св. Петра, подъ Porticus Pontificum, противъ гробницы Св. Григорія Великаго [1]). Король восточныхъ саксовъ, Этельвульфъ также отправился паломникомъ въ Римъ «съ великой помпой и, проведя тамъ цѣлый годъ, вернулся къ себѣ, послѣ чего король франковъ Карлъ выдалъ за него свою дочь» [2]). Онъ отправилъ сына Альфреда въ свою очередь, въ Римъ, и папа выказалъ ему дружескія чувства. Этотъ юноша будущій Альфредъ Великій.

У всѣхъ этихъ энтузіастовъ не доставало понятія о мѣрѣ, и они легко поддавались отчаянію. Въ слѣдующемъ періодѣ, послѣ нормандскаго завоеванія, когда обычаи начали уже измѣняться, хроникеръ Вильямъ Мальмсбюрійскій, рисуя портреты старинныхъ обладателей земли, приходилъ въ ужасъ отъ крайностей темперамента саксовъ. По его словамъ, они были бо́льшею частью, съ одной стороны, пьяницами, развратными и жестокими, а съ другой — набожными фанатиками, готовыми на мученическую смерть. «Что сказать,—говоритъ онъ,—о столькихъ епископахъ, настоятеляхъ и монахахъ? Островъ знаменитъ мощами мѣстныхъ святыхъ до такой степени, что почти въ каждомъ городкѣ или мѣстечкѣ можно услыхать имя новаго святого и, однако, память о многихъ изъ нихъ исчезла, благодаря отсутствію писателей, которые могли бы сохранить ее» [3]).

Страсть къ прозелитизму, которой впослѣдствіи такъ прославилась англійская раса, проявилась въ ней съ самаго начала. Едва обратившись въ христіанство, англо-саксы создали цѣлый рядъ миссіонеровъ, которые, въ свою очередь, проповѣдуютъ новую вѣру на континентѣ и становятся святыми римской церкви. Св. Вилфридъ покидаетъ Нортумберландъ въ 680 году и проповѣдуетъ Евангеліе фризамъ; св. Вилибрордъ отправляется изъ Англіи въ 690 году и поселяется среди датчанъ [4]); Винфритъ, иначе св. Бонифацій, по приблизительному переводу его имени, живетъ въ Тюрингіи и Баваріи, «сѣя, по его словамъ, евангельскія сѣмена среди дикихъ и невѣжественныхъ народовъ Германіи» [5]).

---

[1]) King Ceadwalla's tomb in the ancient basilica of St.-Peter, by M. Tesoroni Athaeneum. January, 1892.

[2]) Anglo-Saxon chronicle. London, 1861, 2 vol. Дѣло идетъ здѣсь о Юдифи, дочери Карла Лысаго; вѣнчаніе ея совершалъ Гинкмаръ, архіепископъ Реймскій, въ 855 г.

[3]) Wilhelmi Malmesbiriensis... Gesta regum Anglorum, London, 1840, II, 41.

[4]) Его завѣщаніе и различные, касающіеся до него, документы находятся въ Patrologie de Migne LXXXIX.

[5]) Ibid.

Онъ преобразуетъ церковь франковъ и умираетъ мученикомъ у фризовъ въ 751 году. Едва созданъ былъ улей, какъ онъ уже началъ роиться. Такова была судьба и всѣхъ сектъ, созданныхъ впослѣдствіи въ Англіи.

II.

Вмѣстѣ съ религіей явилась и латинская литература. Англосаксы, во время своихъ побѣдъ въ Великобританіи, имѣли въ видѣ литературы только тѣ варварскія пѣсни, о которыхъ говоритъ Тацитъ и которыя заучивались наизустъ; а письменные ихъ памятники ограничивались руническими надписями на гробницахъ и сосудахъ. Теперь же ихъ монахи стали составлять хроники, а ихъ государи начали учиться по-латыни. Въ обителяхъ возникли библіотеки и школы; въ нихъ писали прекраснымъ почеркомъ рукописи, снабженныя цвѣтными украшеніями, при чемъ въ заглавныхъ буквахъ Евангелія замѣтны орнаменты, которыми нѣкогда поклонники Одина украшали свое оружіе, застежки платья, корму кораблей. Такимъ образомъ вкусъ остался прежнимъ и только примѣнялся къ новымъ предметамъ.

Ученые и миссіонеры англо-саксовъ переписывались между собою по-латыни. Бонифацій, изъ глубины Германіи, постоянно сносился съ епископами и монахами Англіи; онъ то требовалъ присылки книгъ, то просилъ совѣтовъ, то самъ давалъ ихъ; его письма дошли до насъ и всѣ они на латинскомъ языкѣ. Эальвинъ, или Алкуинъ, изъ Іорка, призванный Карломъ Великимъ къ своему двору, писалъ свои добрые совѣты соотечественникамъ тоже на языкѣ римлянъ. Онъ организовалъ при императорскомъ дворѣ литературную академію, члены которой носятъ фантастическія имена: такъ, Карлъ Великій назывался Давидомъ, его камергеръ—Терсисомъ, а Алкуинъ—Гораціемъ Флаккомъ. Въ этомъ карловингскомъ отелѣ Рамбулье также высоко цѣнился изысканный стиль, какъ у красавицы Артенисы, и Алкуинъ, на своемъ варварскомъ латинскомъ языкѣ создаетъ такія выспренныя фразы, которымъ позавидовалъ бы Вуатюръ [1]). Альдгельмъ пишетъ трактатъ о латинской просодіи и, примѣняя на практикѣ развиваемую имъ теорію, сочиняетъ загадки и «Слово въ похвалу дѣвственницъ» латинскими стихами [2]). Эддій, (Aeddi

[1]) Patrologie de Migne, C. Много писемъ Алкуина адресовано монахамъ, прелатамъ и англо-саксонскимъ королямъ, которымъ онъ угрожаетъ гнѣвомъ императора.

[2]) Онъ умеръ въ 709 году, и его сочиненія вошли въ составъ Patrologie de Migne. LXXXVII; между ними находятся письма, трактатъ въ прозѣ De

Stephana), написалъ также по-латыни, жизнь своего друга св. Вильфрита [1]).

Исторія націи до тѣхъ поръ еще не писалась; какъ на континентѣ, такъ и на британскомъ островѣ, англо-саксы довольствовались вмѣсто лѣтописей варварскими пѣснями. Но теперь стали появляться хроники на латинскомъ языкѣ, и хотя Тацитъ посмѣялся бы надъ этою латынью, но все-таки понялъ бы её. Особаго же вниманія заслуживаютъ труды Беды Достопочтеннаго, самый важный памятникъ латинской литературы всего англо-саксонскаго періода.

Беда родился въ Нортумбріи въ 672 году, въ то самое время, когда довершалось дѣло обращенія въ христіанство всей Англіи. Онъ въ ранней молодости поступилъ въ бенедиктинскій монастырь Іарро и оставался тамъ до самой своей смерти. Эта обитель была тогда еще недавно основана епископомъ Бадусингомъ (Бенуа Бископъ), который обогатилъ ее книгами, пріобрѣтенными имъ во время его посѣщеній Рима. Въ этомъ убѣжищѣ, на порогѣ котораго замирали всѣ отклики мірского шума, вдали отъ всякихъ заботъ и окруженный учениками, называвшими его «дорогимъ учителемъ», «любимымъ отцомъ», Беда прожилъ всю свою жизнь. Онъ не имѣлъ никогда иного самолюбія, какъ только учиться и учить.

Это спокойное существованіе, окончившееся передъ эпохой датскихъ вторженій, просвѣчиваетъ и въ сочиненіяхъ Беды. Этихъ послѣднихъ довольно много: онъ оставилъ послѣ себя комментаріи Евангелія, духовныя размышленія, письма, жизнеописанія святыхъ, труды по астрономіи, трактатъ De Natura rerum, въ которомъ онъ трактуетъ объ элементахъ, о кометахъ, о вѣтрахъ, о Нилѣ, о Чермномъ морѣ и объ Этнѣ; De Temporibus, посвященное високоснымъ годамъ, солнцестоянію, мѣсяцамъ и недѣлямъ, наконецъ De Temporum ratione, гдѣ онъ говоритъ о мѣсяцѣ у грековъ, римлянъ и англовъ, о лунѣ и ея вліяніи, о Пасхаліи и т. д. Онъ писалъ по-латыни и въ стихахъ гимны и исторію св. Кудберта; но главнымъ образомъ онъ составилъ латинской прозой исторію: Historia Ecclesiastica gentis Anglorum [2]), которая легла въ основу всѣхъ

---

laudibus Virginitatis, трактатъ латинскаго стихосложенія, значительное количество загадокъ въ латинскихъ стихахъ, которыя тогда были очень популярны, и различныя поэмы по-латыни. Альдгельмъ примѣняетъ и къ латинскому стиху германскую форму аллитераціи.

[1]) Vita sancti Wilfridi episcopi Eboracensis, auctore Eddio Stephano (Gale, Historiae britannicae, saxonicae, anglo-danicae Scriptores X, Oxford. 1691, I, 50.

[2]) Historia ecclesiastica gentis Anglorum, ed. Moberly, Oxford. 1881. Полное собраніе сочиненій Беды находится въ Patrologie de Migne, XC.

исторій, написанныхъ послѣ него. Въ этомъ трудѣ онъ высказывается вполнѣ честнымъ, искреннимъ, спокойнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ, какимъ онъ, въ сущности, и былъ. Онъ приводитъ источники, изъ которыхъ черпалъ и для описанія британскаго острова, а также и наиболѣе древняго періода своей исторіи: онъ пользовался Плиніемъ, Солиніемъ, Эвтропомъ, Орозіемъ и Гильдомъ. А со времени появленія въ Британіи Августина его трудъ становится оригинальнымъ: онъ собираетъ документы, воспоминанія, свидѣтельства, часто легенды и все это обнародуетъ безъ всякой критики, но и безъ малѣйшей фальсификаціи. Онъ по временамъ грѣшитъ противъ красоты, но никогда—противъ правды.

Несмотря на свою страсть къ латыни, онъ не презиралъ литературы національной, какъ она ни была дика, словно онъ предчувствовалъ, что это и была литература настоящая. Онъ дѣлалъ переводы на англійскій языкъ, но они исчезли и, по словамъ его ученика Кудберта, онъ зналъ національную поэзію страны и, даже умирая, шепталъ какіе-то англійскіе стихи [1]). Онъ понималъ всю прелесть поэтическаго генія націи и потому сохранилъ наивно переданные эпизоды о Кедмонѣ въ его хлѣву [2]) и о саксонскомъ вождѣ, который приравнивалъ человѣческую жизнь къ птицѣ, пролетающей чрезъ залу пировъ.

Беда умеръ 27 мая 735 года и оставилъ по себѣ такую славу о своей святости, что его останки подверглись похищенію, столь часто повторявшемуся въ средніе вѣка; именно въ XI столѣтіи одинъ священникъ изъ Дургама перенесъ ихъ въ соборъ этого города, гдѣ они и находятся до сихъ поръ. Узнавъ объ его смерти, св. Бонифацій писалъ изъ Германіи своимъ англійскимъ друзьямъ, чтобы они прислали ему сочиненія ихъ соотечественника, такъ какъ, по его словамъ, духовныя размышленія Беды могли помочь ему въ приготовленіи проповѣдей, а его комментаріи на священное писаніе могли ему служить утѣшеніемъ въ горькія минуты [3]).

III.

Англо-саксонскіе монахи говорили по-латыни; даже нѣкоторые изъ нихъ послѣ вступленія Теодора Тарекскаго, архіепископа Кентерберійскаго, знали немного по-гречески. Одинъ англо-саксонскій король покоится подъ сводами Св. Петра въ Римѣ.

---

[1]) Письмо Кудберта, настоятеля Іарроской обители къ своему другу Кутвину о смерти Беды (Historia Ecclesiastica).

[2]) Infra, 72.

[3]) Patrologie de Migne. col. 735, 736, 743.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ декабрѣ мѣсяцѣ.

П. М. Минскій. Стихотворенія. Изд. 3. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

М. П. Кулишеръ. Разводъ и положеніе женщины Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Елецъ. Изъ жизни. Очерки и разсказы съ 37 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

О. К. Нотовичъ. Любовь. Философско-психологич. этюдъ. Красота. Крит.-филос. этюдъ. Предисл. Ц. Ломброзо и Г. Ферреро. Письма къ автору съ Олимпа. Д. Л. Мордовцева. Изд. 5 Спб. 1896 г.

З. П. Гиппіусъ. Новые люди. Разсказы. Спб. 1896 г.

А. Фигье. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Перев. М. Гогунцова. Изд. П. П. Сойкина. Полезная Библіотека. Спб. 1895 г.

Астрономъ любитель. Составилъ **Е. Предтеченскій.** Полезная Библіотека. Спб. 1895 г.

Ф. Федо. Домашняя лабораторія. Перев. Н. Лямина, съ 37 рис. Полезная Библіотека. Спб. 1895 г.

Положеніе Арменъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. Съ портретами. М. 1896 г. Ц. 1 р.

N. Z. Женщина передъ судомъ литературы. Изд. 2, дополн. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

П. П. Янжулъ. Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Русская Библіотека. № 9. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Рудольфъ Ф. Іерингъ. Борьба за право. Междунар. Библіот. № 36. Спб. 1895 г. Ц. 25 к. Изд. І. Юровскаго.

П. Мировичъ. Госпожа Роланъ. Истор. литерат. этюдъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы перев. А. А. Санина. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Я. В. Абрамовъ. Духовныя завѣщанія. Популярно-Юридическая библіотека Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Великая Европ. война 1900—1915 г. **М. О. Островскій.** Житомиръ. 1896 г. Ц. 20 к.

В. Рудневъ и **Р. Мюльманъ.** Сборникъ ариѳметич. задачъ для среднихъ учебн. завед. Рига. 1895 г. Ц. 20 к.

Ученыя записки Импер. Юрьевскаго. Университета. Юрьевъ 1895 г.

Сборникъ статист. свѣдѣній по Орловской губ., т. VIII. Орловскій уѣздъ. Орелъ 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губ. за 1895 г. Результаты урожая 1895 г., съ 4 картин. Орелъ. 1895 г. Ц. 1 р.

Сборникъ постановленій Вятскаго губернск. земства за 25 лѣтъ (1867—1892) 5 т. Вятка. 1895 г.

Отчетъ О-ва по устройству народныхъ чтеній въ Тамбовѣ за 1894—1895 гг.

Е. Страннолюбская. Очерки начальнаго образованія въ Скандинавскихъ странахъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Ф. Кейръ. Воображеніе и память Пер. съ франц. Е. Максимовой. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

А. Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. Пер. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

М. А. Берновъ. На ходу. Досуги русск. пѣшехода, сдѣлавшаго 12,000 верстъ пѣшкомъ. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Оедоръ Сологубъ. Стихи. Кн. 1. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Киста. Стихотворенія. Ставрополь. 1895 г. Ц. 1 р.

Иванъ Пасмурный. По поводу статьи г. Кремлева. Спб. 1895 г.

М. Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Юрьевъ. 1895 г.

Крылатыя мысли. Общая библіотека **Вл. Чумикова.** Спб. 40 к.

М-съ Бенцонъ. Американки. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Памяти И. В. Стасовой. Съ портретомъ работы В. В. Матъ. Спб. 1896 г. 50 к.

По, Эдгардъ. Таинственные разсказы. Пер. К. Д Бальмонта. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Годъ въ **1896** году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа. книгами, не менѣе 15 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной Конторѣ,** пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ **по 5 рублей въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи. **Рукописи** должны быть направляемы въ редакцію. Причитающій **гонораръ** можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ **В. Ф. Дерюжинскій.**

VI г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ **VI г. изд.**

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА.

Безъ доставки: на годъ. **2 р.** на полгода. 1 руб. 25 коп.

НАША ПИЩА

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, №№ въ два листа.

Съ доставкой: на годъ **3 р.** на полгода 1 руб. 50 коп.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, **въ 1896 г. примутъ участіе въ журналѣ** проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. Н. Коноваловъ, проф. С. А. Иржибытекъ, проф. Ир. Скворцовъ, проф. П. Р. Тархановъ, М. Г. Кривошлыкъ, П. А. Галенковскій и др.

Изданіе за годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. за II годъ (съ Апр. 1892 до Янв. 1893—18 нумеровъ)—2 р. съ перес.—Полные экз. изданія за III г. съ Янв. 1893 до Янв. 1894 (24 номера)—2 р. 50 к. безъ перес., съ пересылкой 3 рубля; за IV. (съ 12 по 24 ном.)—1 р. 50 к. съ перес.; за V годъ съ Янв. 1895 до Янв. 1896 г. (24 ном.)—2 р. безъ перес., 2 р. 50 к. съ перес.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская площадь, д. 3.

„ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

будутъ издаваться въ 1896 году по слѣдующей программѣ:

1. ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ:

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2. ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ:

а) Правительственныя распоряженія и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городскаго благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства).

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за включеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

НА ОДИНЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 руб. въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ, народнымъ и училищнымъ библіотекамъ газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у г.г. становыхъ приставовъ.

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

(ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 15-го НОЯБРЯ 1895 г.)

изданія годъ 2-й.

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ПѢНІЯ, ОДНОГОЛОСНАГО и ХОРОВОГО, ФОРТЕПІАНО и ДРУГИХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Журналъ «МУЗЫКА и ПѢНІЕ» выходитъ ежемѣсячно тетрадями до 40 страницъ большого нотнаго формата и даетъ за самую умѣренную цѣну большое количество лучшихъ музыкальныхъ произведеній.

Въ портфелѣ редакціи въ настоящее время имѣются новѣйшія произведенія слѣдующихъ знаменитыхъ композиторовъ: **Бера, Бома, Верди, Годара, Делиба, Ганна, Геншальса, Грига, Гуно, Ивановича, Кафка, Купера, Ланге, Леонковало, Лакомба, Массе, Массенэ, Масканьи, Падеревскаго, Сенъ-Санса, Смита, Страуса, Фольштедта, Шабріэ, Шаминада, Ядассона** и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ дост. и пересылкой 5 р. Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 р. и затѣмъ уплачивается по 1 р. по полученіи двухъ нумеровъ журнала до полной уплаты подписной суммы. Иногородные, выславшіе при подпискѣ 1 р. уплачиваютъ 2-й рубль по полученіи № 1-го.

Казенныя учебныя заведенія, правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ чрезъ свои канцеляріи.

Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, № 22, прот. гостинаго двора, при книжномъ и музыкальн. магазинѣ П. К. Селиверстова (магазинъ высылаетъ всѣ книги и ноты, кѣмъ бы то ни было изданныя); въ Москвѣ: Контора Н. Печковской, Петровскія линіи, безъ доставки 4 р. 50 к., съ разсрочкою на 4 взноса. Въ Кіевѣ у В. М. Кирѣева, книжный магазинъ, уг. Крещатика и Фундуклѣевской ул. и кіоски. Въ Ростовѣ на Дону: Газетное Агентство и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель **П. К. Селиверстовъ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1896 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѳ. Мищенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ **ШЕСТНАДЦАТЫЙ.**

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

Въ журналѣ принимали и будутъ принимать участіе слѣдующіе литераторы и ученые: В. П. Авенаріусъ, А. Н. Анненская, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ю. Н. Вагнеръ (приватъ-доцентъ), М. Васильевъ, В. Л. Величко, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Дицъ, А. Н. Догановичъ, Н. Дмитревская, С. Д. Дрожжинъ, В. С. Желиховская, Юлія Загуляева, В. П. Засодимскій, В. Э. Иверсенъ, Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, А. В. Кругловъ, М. М. Куклинъ, С. И. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, Клавдія Лукашевичъ, М. Лаухина, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михаловскій, А. П. Мунтъ (Валуева), В. Немировичъ-Данченко, В. В. Огарковъ, Викторъ Острогорскій, Е. А. Чебышева-Дмитріева, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Тургенева, В. Фаусекъ. К. М. Фофановъ, О. Н. Чюмина, Л. П. Шелгунова, С. Н. Шубинскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе: И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, баронъ М. П. и А. М. Клодтъ, Е. М. Бемъ и другіе.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“.**

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» въ продолженіе года получатъ ОДНУ ПРЕМІЮ, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ»—ДВѢ. *Особой подписки на отдѣлъ «Для Малютокъ» нѣтъ.*

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

Педагогическое изданіе. **Годъ изданія ТРЕТІЙ.**

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и обученію дѣтей. Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ. Обзоръ выдающихся книгъ, по первоначальному воспитанію и чтенію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки. Чертежи и объявленія.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: д-ръ С. П. Верекундовъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, М. М. Волкова (женщ.-врачъ), В. П. Воленсъ, д-ръ В. В. Гориневскій, Н. В. Дмитріевъ, д-ръ П. Д. Енько, О. Ю. Каминская (женщ.-врачъ), П. Д. Кущъ, д-ръ А. Г. Лаврентьевъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. М. Манасеина, д-ръ И. В. Маляревскій, Е. Х. Маляревская (женщ.-врачъ), А. Х. Образцова, Викторъ Острогорскій, А. Н. Паевская (женщ.-врачъ). І. П. Паульсонъ, В. Португаловъ, Э. К. Пименова (женщ.-врачъ), Д. Д. Семеновъ, М. М. Соколова, проф. И. Р. Тархановъ, Е. А. Чебышева-Дмитріева, проф. В. Ф. Якубовичъ и другіе.

Изданіе **„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“** выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ), книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ дост. и перес. на всѣ 3 изданія: въ Россіи: за-гран

«Игрушечка» съ одною премією	3 руб.	5 руб.
«Игрушечка» съ отд. „Для малютокъ“ и 2 преміями	5 »	7 »
«Игрушечка» съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“	5 »	7 »
«Игрушечка» съ отдѣломъ „Для малютокъ“, двумя преміями и съ изданіемъ „На помощь матерямъ“	7 »	9 »
Педагогическое изданіе **„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“** . . .	3 »	5 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница **А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.** Редакторъ **В. П. Воленсъ**

1896 г. **Годъ VII.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

На 1896 годъ ВОПРОСАМЪ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даршкевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Моніевскій. Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Означенными авторами обѣщаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Вл. С. Соловьевымъ. Рядъ статей по метафизикѣ.—**Н. Н. Страховымъ.** «О естественной системѣ съ логической стороны».—**Кн. С. Н. Трубецкимъ.** «Ученіе о Логосѣ».—**Л. М. Лопатинымъ.** «Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта» и «Душа и тѣло».—**Н. Я. Гротомъ.** «Сознаніе и безсознательная психическая жизнь» и «Ближайшія задачи экспериментальной психологіи».—**Н. Н. Ланге.** «Непонятая книга».—**С. С. Корсаковымъ.** «О сознаніи».—**В. А. Вагнеромъ.** «Границы и область біологіи» и «О музыкальномъ творчествѣ (на основаніи данныхъ біологіи)».—**В. О. Ключевскимъ.** «Психологическіе очерки изъ русской исторіи».—**Э. Л. Радловымъ.** «О системѣ Монтеня».—**А. А. Токарскимъ.** «О темпераментѣ».—**Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ.** «О фикціяхъ въ языкѣ (этюдъ изъ психологіи рѣчи и мысли)».—**М. С. Корелинымъ.** «Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія».—**Л. Е. Оболенскимъ.** «Научныя основанія примиренія идеализма и реализма» и «Критическій синтезъ этическихъ теорій».—**Н. А. Звѣревымъ.** «О задачахъ философіи».—**Г. Е. Струве.** «О способностяхъ философствующаго ума: діалектической, критической и конструктивной».—**В. Анри.** «О новѣйшихъ психологическихъ работахъ о памяти».—**В. Р. Буцке.** «Объ отношеніи психіатріи къ психологіи».—**Г. И. Челпановымъ.** «Обзоръ новѣйшей литературы по психофизіологіи».—**А. Н. Гиляровымъ.** «Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи» и «Этюдъ о греческихъ софистахъ».—**П. П. Соколовымъ.** «Факты и теорія цвѣтного слуха».—**Алексѣемъ И. Введенскимъ.** «Проблема реальности внѣшняго міра».—**И. Ф. Огневымъ.** «О новѣйшихъ воззрѣніяхъ въ біологіи».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го янв. 1896 г. по 1-е янв. 1897 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учители и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Редакторы: **Н. Я. Гротъ. Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.**

XII год.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

XII год.

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе, какъ постоянные сотрудники и завѣдующіе отдѣлами: Н. П. Емельяновъ (передовыя), П. Л. Чернявичъ (критика, публицистика и наука), С. К. Кузнецовъ (исторія, археологія и библіографія), Н. В. Арефьевъ (русская жизнь), Н. А. Гурьевъ (сибирская жизнь и судебный отдѣлъ), А. О. Станиславскій (заграничная жизнь и горное дѣло), А. П. Чеканинскій (мѣстная хроника), Е. А. Прейсманъ (обзоръ русскихъ газетъ), Л. Х. Сабининъ (правовые и судебные вопросы), А. Михайловичъ (школьное дѣло и педагогія). Въ фельетонахъ «Сибирскаго Вѣстника» принимаютъ участіе, какъ бытописатели: Невидимка (Томска), В. К. (Тобольска), Пименъ Сибирскій (Омска), Дѣдушка Фаддей (Красноярска), Vs. (Иркутска), А. Е. (Амура), и какъ беллетристы: Ф. Ф. Филимоновъ, Некрасова, Владиславлевъ, Клюге, Ив. Сѣверный, Александровичъ. Кромѣ того, съ настоящаго времени изъявили желаніе участвовать беллетристы: гг. К. М. Станюковичъ, З. Н, Гиппіусъ и А. М. Хирьяковъ (Дужанъ), одно изъ произведеній котораго «Кающійся грѣшникъ» было уже напечатано. Во всѣхъ сколько нибудь выдающихся пунктахъ Сибири имѣются постоянные корреспонденты.

Кромѣ того, въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» помѣщаются возможно подробныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, касающимся переселенческаго дѣла и золотопромышленности въ Сибири.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ—**9** р., на $^1/_2$ года—**4** р. **50** р., на 3 мѣсяца—**2** р. **25** к., на 1 мѣсяцъ—**75** к.

Подписка принимается въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Редакторъ-Издатель **Г. В. Прейсманъ.**

ЛУЧЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

Съ 1896 года **ЛУЧЪ**

выходитъ безъ предварительной цензуры,

ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою **безъ приложеній** 3 р 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца **одинъ** рубль. **Со всѣми приложеніями:** на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на **три** мѣсяца **два** рубля.

ПРИЛОЖЕНІЯ НА 1896 ГОДЪ:

1) «Иллюстрированный Міръ» всего 52 номера въ годъ; при немъ будутъ изданы альбомы: Коронаціонный и Всероссійской Нижегородской выставки. 2) Ежемѣсячныя книги (12 книгъ) романовъ, повѣстей, путешествій и библіографіи (послѣдніе отдѣлы вновь разрѣшены редакціи). 3) Моды—двѣнадцать номеровъ. 4) Послѣдніе томы сочиненія Вальтеръ-Скота т. XV, XVI, и XVII, XVIII. Первые уже вышедшіе четырнадцать томовъ НОВЫЕ подписчики на 1896 г. могутъ получить по уменьшенной цѣнѣ; за всѣ томы 3 руб., съ пересылкой 4 руб. и 5) Томы I, II и III сочиненій Марлинскаго (Александра Бестужева) за пересылку I тома (вышелъ въ 1895 г.) добавляются три семикопѣечныхъ марки.

Новые подписчики, которые вышлютъ подписныя деньги въ ноябрѣ сего года, могутъ безъ особой доплаты получать газету съ 1-го декабря сего года.

Содержаніе ежедневной газеты «ЛУЧЪ»: передовыя статьи С.С. Окрейца; телеграммы; статьи по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни; театральный отдѣлъ; два ежедневныхъ фельетона: общественной жизни и беллетристическій и особый отдѣлъ: Провинція и ея интересы.

Разсрочка для гг. служащихъ допускается чрезъ казначеевъ.

Подписка открыта на 1896 г. С.-Петербургъ, Загородный, № 6.

Редакторъ-издатель **С. С. Окрейцъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1896 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГАЗЕТУ

ВОЛЫНЬ

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Волыни» состоятъ: С. Н. Кулябка, А. М. Когенъ, Е. Южный (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Е. П. Любичъ-Лозинскій, А. А. Кезицкій-Фидлеръ, Е. Богданова (псевдонимъ), Г. П. Коровицкій, П. А. Тулубъ, Н. А. Тулубъ, В. А. Бернацкій, Н. М. Порядинскій, г. Эфъ, (псевдонимъ) и друг. Кромѣ того, намъ обѣщали свое сотрудничество: В. П. Немировичъ-Данченко, разсказъ котораго появится въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ, и Г. М. Мачтетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: съ доставкой и пересылкой 5 р., на полгода—2 р. 60 к., на 3 м.—1 р. 50 к. и на 1 мѣс.—75 к. Г.г. иногородные подписчики требованія на газету благоволятъ адресовать: г. Житоміръ, въ редакцію газеты «Волынь».

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 р., къ 1-му іюня—2 р. и 1-му октября—1 руб.

За редактора Е. А. ФИДЛЕРЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ
СПРАВОКЪ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
ВЪ 1896 ГОДУ.

Съ переходомъ во второй половинѣ 1895 года къ новому издателю и перемѣной состава редакціи «Нижегородскій Листокъ» выходитъ въ значительно измѣненномъ и преобразованномъ видѣ, въ большомъ форматѣ, ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Новая редакція ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Во время предстоящей въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году всероссійской выставки редакціею будетъ обращено особенное вниманіе на описаніе выставки и на хронику выставочной жизни.

Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, Н. Волжинъ (псевдонимъ), Е. Ф. Волкова, С. Ф. Волковъ, В. И. Вѣринъ (псевдонимъ), Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, Николинъ (псевдонимъ), М. А. Плотниковъ, О. Д. Протопоповъ, В. А. Фидлеръ и мн. др.

Подписная цѣна на 1896 г. ПОВЫШЕНА.

	12 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ. . .	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 70 к
» иногородныхъ »	7 »	3 » 50 »	2 » — »	1 » — ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Большая Покровка, домъ Приспѣшникова.

2) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Тор. Дома Л. и Э. Метцль и К°

Редакторъ Г. Н. Казачковъ. Издатель С. Н. Казачковъ.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„ВСХОДЫ"

24 КНИГИ ВЪ ГОДЪ.

Будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большаго формата—отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го—небольшой изящной книжкой—отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или много въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Программа журнала слѣдующая: Повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти; сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей; очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей, ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія. Ближайшее участіе въ редакціи будетъ принимать извѣстная писательница для дѣтей **А. Н. Анненская.**

Въ журналѣ **«ВСХОДЫ»**, будетъ помѣщаться ежемѣсячно, 1) **отдѣлъ для маленькихъ дѣтей** и 2) Для родителей—**критическій указатель дѣтской литературы.**

Кромѣ того, подписчики получатъ **книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія:**

Въ 1896-мъ году для напечатанія въ журналѣ предполагается, между прочимъ, слѣдующее: УЖАСНЫЙ СЛУЧАЙ. Изъ скитаній по Уралу—**Д. Мамина-Сибиряка;** КАКЪ ѢЗДЯТЪ НА СОБАКАХЪ ВЪ СИБИРИ—**В. Сѣрошевскаго;** КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ, по иностраннымъ матеріаламъ—**А. Анненской;** ИСТОРІЯ ОДНОГО РЕБЕНКА—**Альфонса Додэ,** съ французскаго; ПОЖАРЪ НА КОРАБЛѢ — **К. Станюковича;** ГОЛОДОВКА НА СѢВЕРНОМЪ ОКЕАНѢ — (научная экспедиція) въ изложеніи **Э. Пименовой;** СМИРЕННЫЕ — разсказъ **Коваленской;** СВОИ И ЧУЖІЕ — повѣсть съ англійскаго **А. Анненской;** РАБОТНИКИ ПОДЪ ВОДОЙ—очеркъ **А. Ивашкевичъ;** ЧѢМЪ СДѢЛАЛСЯ БѢДНЫЙ ДЕРЕВЕНСКІЙ САПОЖНИКЪ — біографическій очеркъ, составленный **Л. Давыдовой;** ПТИЧЬИ ГОРЫ — проф. **А. Никольскаго;** АНАИТЪ—историческая легенда съ армянскаго; ФРОСЯ И ПЕСТРЯНКА, народная быль **Михеева;** МАРТА РАСКАЯЛАСЬ — разсказъ **Ю. Безродной;** СРЕДИ ХИЩНЫХЪ ЗВѢРЕЙ—путешествіе по Индіи — съ французскаго. Очеркъ **Гарина;** ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, проф. **Д. Кайгородова** и пр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Цѣна 5 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу 8 рублей. Разсрочка допускается слѣдующая: 3 рубля при подпискѣ и 2 рубля къ 1-му маю.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, которые уплатили подписную плату полностью.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».**

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ П. Голяховскій.**

изданіе редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ“:

ив. ивановъ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

ЖИЗНЬ. ЛИЧНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО.

Цѣна **2 руб.**, съ пересылкой **2 руб. 25 коп.**

Выписывающіе черезъ редакцію за пересылку не платятъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И САМООБРАЗОВАНІЯ

V-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** V-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца

ВЪ РАЗМѢРѢ 22 — 25 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «**МІРЪ БОЖІЙ**»— давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ не подростковъ 14—15 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, при чемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

ОТДѢЛЪ I. БЕЛЛЕТРИСТИКА. *Оригинальныя*: «Матросикъ», разсказъ К. Станюковича; «Въ водоворотѣ», разсказъ изъ времени великой французской революціи, Ю. Безродной; «Мишурисъ», разсказъ И. Потапенко; «Изъ сибирской жизни», разсказъ В. Сѣрошевскаго; «Богомолье» изъ народной жизни, И. Савихина; разсказы гг. Вербицкой, Добротворскаго, Чирикова и др. *Переводныя*: «Подъ игомъ», романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; «Въ садахъ Клавдія», легенда Вильденбруха, переводъ съ нѣмецкаго. А. Весловской; «За Атлантическимъ океаномъ», путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ Кживицкаго, переводъ съ польскаго, и пр.

ОТДѢЛЪ II. НАУЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ и СТАТЬИ. *Оригинальныя*: «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Н. Стороженко; «Писемскій», Ив. Иванова; «Люди и факты новой европейской культуры», Ив. Иванова; «В. Г. Короленко (Основныя идеи его произведеній)», критическій этюдъ М. Плотникова; «Рескинъ и его ученіе», Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры», ч. II-я, П. Милюкова; «Свободна ли человѣческая личность?» пр.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни», пр.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды», пр.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Изъ жизни нѣмецкихъ рабочихъ», Л. Давыдовой; «Народные клубы на Западѣ», Л. Давыдовой; «Мои воспоминанія (1856—1862)», И. Красноперова; «Изъ записокъ изслѣдователя», Ф. Щербины; «Гарантіи Правосудія» Гр. Джаншіева; «Сила тяжести и давленіе какъ условіе существованія животныхъ», проф. А. Никольскаго. *Переводныя*: «Вольфгангъ Гете», съ англійскаго, Даудена, пер. А. Анненской: «Развитіе профессій», очерки Спенсера, пер. Т. Криль; «Исторія цивилизаціи», Дюкудрэ, Средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, пер. подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. Коропчевскаго: «Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина», Эдмона Періе, съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, пер. проф. А. Никольскаго и К. Пятницкаго: «Прошлое, настоящее и будущее вселенной», космологическія письма, Г. Клейна, переводъ К. Пятницкаго; «Наши тайные друзья и враги», популярныя лекціи по бактеріологіи Фарадея Франкланда, перев. А. М—ой.

ОТДѢЛЪ III. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. «*На Родинѣ и заграницей*»; главнѣйшія событія изъ русской и иностранной жизни; новости изъ міра науки и литературы, въ видѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей и извлеченій изъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій.

ОТДѢЛЪ IV. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Очерки выдающихся произведеній текущей литературы.

ОТДѢЛЪ V. БИБЛІОГРАФІЯ. Обзоръ новыхъ книгъ составляется *спеціалистами* по каждой отрасли наукъ. Въ виду цѣлей самообразованія, преслѣдуемыхъ журналомъ, предполагается довести отдѣлъ этотъ до возможной полноты, съ тѣмъ, чтобы по каждому отдѣлу литературы и науки давать обзоръ новыхъ сочиненій, съ указаніемъ литературы по данному вопросу. Размѣръ отдѣла остается прежнимъ, т. е. не менѣе двухъ листовъ убористой печати. — НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ составляются по библіографіи иностранныхъ изданій, давая сжатыя указанія о важнѣйшихъ, появляющихся за границей, новыхъ книгахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—**7** руб., безъ доставки—**6** руб., за границу—**10** руб. Подписка принимается въ **С.-Петербургѣ**: **въ главной конторѣ редакціи — Лиговка, 25, кв. 5,** и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: **При подпискѣ 4 р. и остальные 3 р. къ 1-му іюля. Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.**

Подписка на 1895-й годъ прекращена, за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ.

Продаются оставшіеся экземпляры за 1893 и 1894 г.; за 1892 г. всѣ экземпляры распроданы. Цѣна безъ пересылки **6** руб. и съ пересылкой **7** руб.

Изд. А. Давыдова. Ред. В. Острогорскій.

Открыта подписка на 1896 г.

Въ **1896**-мъ году ежемѣсячный журналъ

„БИБЛІОТЕКА ВРАЧА“

будетъ выходить, въ объемѣ не менѣе двадцати листовъ въ мѣсяцъ при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій» редакція будетъ помѣщать, кромѣ оригинальныхъ статей, новѣйшія западно-европейскія руководства, монографіи и лекціи,—по всѣмъ отраслямъ медицины, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду практическія потребности врачей.

II. **Рефераты.** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.

III. **Обзоры.** Кромѣ «Обозрѣній» и «Вопросовъ современной медицины», редакція предполагаетъ включить сюда обсужденіе вопросовъ врачебнаго быта и выдающихся явленій врачебной жизни.

IV. **Новыя книги.** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.

V. Труды московскихъ ученыхъ обществъ.

VI. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ** въ годъ (за границу **12** р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, остальные къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель А. А. Карцевъ. Редакторъ Д. П. Дубелиръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

НА

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета ставитъ своею задачей быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Въ «Самарской Газетѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Я. В. Абрамовъ, Аргунинъ, Н. П. Ашешовъ, А. И. Барановъ, А. Л. Бостромъ, Е. А. Буланина, Е. Ф. Волковъ, М. Горькій, (А. М. Пѣшковъ), С. Гусевъ (Слово Глаголь). Д. Я. Давыдовъ, П. И. Добротворскій, В. Е. Ермиловъ, Е. М. Ешинъ, профессоръ П. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, В. Г. Короленко, д-ръ П. П. Крыловъ, А. Любичъ-Ловинскій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), И. Миролюбовъ, М. Л. Песисъ, В. Н. Полякъ, А. И. Подосенова, А. А. Селецкій, А. Хирьяковъ (Дужанъ), І. Хламида, А. Н. Ульяновъ, А. Уманьскій (А. Дробышевскій), В. Е. Чешихинъ (Созерцатель), др. С. О. Ярошевскій и др.

Подписная цѣна для иногородныхъ: На 12 мѣсяцевъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб. 50 коп. на 3 мѣсяца—2 руб. и на 1 мѣсяцъ—70 коп.

Иногородные адресуются: Самара, редакція «Самарской Газеты».

За редактора—издатель **С. И. Костеринъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1896** Г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XI-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

5 р. безъ дост.
6 р. съ доставк. и пересылкою.
Заграницу 10 р.

ЗВѢЗДА

РАЗСРОЧКА:
при подп.—2 р.
къ 1 апрѣла—2 р.
и къ 1 іюля ост.

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Журналъ «ЗВѢЗДА», вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, съ 1-го ноября издается при новомъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ: М. П. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, Н. П. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), Г. К. Градовскій, П. П. Каразинъ, А. А. Корнфскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. С. Мережковскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. П. Острогорскій, Я. П. Полонскій, П. И. Потопенко, М. П. Пыляевъ, А. М. Скабичевскій, С. А. Сафоновъ, В. А. Тихановъ, В. Э. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, О. Н. Чюмина, І. І. Ясинскій и др.

Въ художеств. отдѣлѣ: проф. А. Н. Бенуа, М. М. Далькевичъ, А. С. Егоровъ, П. Н. Каразинъ, В. П. Навозовъ, А. А. Писемскій, С. С. Соломко, Е. П. Самокишъ-Судковская, К. К. Первухинъ, В. П. Овсянниковъ, проф. А. О. Шарлемань, А. А. Чикинъ и др.

Въ 1896 г. редакція журнала «ЗВѢЗДА» дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый въ 24 страницы съ роскошными **иллюстраціями**.

12 книгъ ежемѣсячнаго **ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА**. Каждая книга не менѣе **десяти** печатныхъ листовъ.

12 №№ модnаго журнала даютъ до 500 рис. съ **ДВѢНАДЦАТЬЮ** лист. **выкроекъ, узоровъ и** календаря на 1896 г.

Предстоящія важнѣйшія событія русской жизни.

1) **СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,**

2) **ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**

будутъ предметомъ особыхъ заботъ новой редакціи журнала «ЗВѢЗДА», съ какою цѣлью ко времени предстоящихъ событій будутъ командированы въ Москву и Нижній-Новгородъ спеціальные корреспонденты и художники.

12 КНИГЪ ПРИЛОЖЕНІЙ будутъ заключать: 1) **пять** новѣйшихъ, еще не появлявшихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, произведеній лучшихъ современныхъ бел-летристовъ: К. С. Баранцевича, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Я. Свѣтлова, И. Н. Потапенко и В. О. Михнечича; 2) **пять** произведеній знаменитѣйшихъ европейскихъ писателей: Виктора Гюго, Георга Эберса, Вернера, Киплинга и Бульверъ-Литтона; 3) собраніе новѣйшихъ произведеній скандинавскихъ писателей: А. Стриндберга, Э. Альгрена, Л. Диллинга, Эдгара Лефлера, Бьернстьерне-Бьернсона, А. Киллянда и Сигурда; 4) собраніе **послѣднихъ произведеній гр. Льва Толстого.**

Завѣдываетъ художественнымъ отдѣломъ **В. П. Овсянниковъ.**

Редакторъ **П. В. Голяховскій.** Издатель **А. И. Павловъ.**

Редакція и контора журнала «ЗВѢЗДА»: С.-Петербургъ, Караванная ул., д. № 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1896** ГОДЪ

(XV-й годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

и педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

«Родникъ» въ 1896 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 14 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1896 году въ «Родникѣ», между прочимъ, будутъ помѣщены: вторая часть очерковъ изъ морской жизни К. М. Станюковича, подъ названіемъ: Вокругъ свѣта на «Коршунѣ», и новая біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса: «Жизнь и приключенія Гоголя-студента».

Вмѣстѣ съ «Родникомъ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «Воспитаніе и обученіе», посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

«Родникъ» рекомендованъ и одобренъ *учеными и учебнымъ Комитетами: Мин. Нар. Просвѣщ., Святѣйшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній.* Удостоенъ *почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ. — Мин. Нар. Просв. признанъ* необходимымъ *для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія (т.-е. съ 1882 г.).*

Условія подписки на 1896 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» **Н. Н. Морева.**

За издателя **Н. Моревъ.** Редакторъ **Алексѣй Альмедингенъ.**

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «Читальня Народной Школы» (9-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и перес. 3 рубля въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Восточное Обозрѣніе“ издается ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются **бюллетени** Россійск. Телеграф. Агентства.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ—1 р.; заграницу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе».

За издателя наслѣдники **И. М. Ядринцева.** Редакторъ **И. И. Поповъ.**

XII годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ XII годъ изданія.

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція **«Сѣвернаго Кавказа».**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896-й ГОДЪ.

Годъ XXXVIII. — САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ — Годъ XXXVIII.

политическій, литературно-художественный и сатирическій съ карикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ".

Подписная цѣна на журналъ «Развлеченіе»
съ доставкой и пересылкой

НА ГОДЪ 6 Р., НА ПОЛГОДА 3 Р.

Пробный нумеръ высылается за три семикопѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлеченіе»: на Страстной площ., въ домѣ Чижова, а также въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

За исправную доставку журнала Контора отвѣчаетъ только предъ лицами, приславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу „Развлеченіе".

Редакторъ Н. Соѣдовъ.

7-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 ГОДЪ на 7-й годъ изданія.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще *новостей* по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электро-техника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія; приложенія: чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

Въ предстоящемъ 1896 г. предположено редакціей дать на страницахъ журнала возможно болѣе мѣста описанію «Всероссійской Промышленной и Художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ».

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по 16 р. Пробные №№ высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Допускается разсрочка. — 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за 1/2 года — 9 руб. — Учащимся — скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторы: Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ. Мех.-Стр. А. М. Сюзевъ.